

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

10 [1,2]

1857 July

Per. 27897 d. 72

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

1857

ИЗДАНІЕ ПЕРВОЕ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ ВЪ ЕВРОПѢ.—I.— . . . Д. И. КАЧЕНОВСКАГО.
- II.—СТАРЫЕ ГОДЫ. Повѣсть. АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО.
- III.—О НАРОДНЫХЪ ПЕРЕПИСЯХЪ. А. И. АРТЕМЬЕВА.
- IV.—НОВАЯ ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА. Д. П. ЛОМАЧЕВСКАГО.
- V.—СТИХОТВОРЕНІЯ:
- *Angst an die Geliebte*. Бетговева. . . . А. А. ФЕТА.
Бѣдняга—Чудакъ (изъ Беранже). В. С. КУРОЧКИНА.
- VI.—ДАНИЕЛА. Романъ Жоржъ—Савда.
- XVII—XIX.
- VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотѣ.)

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

МОСКВА

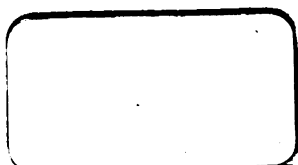
ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

1857

10 [1.2]

1857 July

Per. 27897 d. 72

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

1857

ІЮЛѢ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРІЮ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ ВЪ ЕВРОПѢ.—I.— . . . Д. И. КАЧЕНОВСКАГО.
- II.—СТАРЫЕ ГОДЫ. Повѣсть. АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО.
- III.—О НАРОДНЫХЪ ПЕРЕПИСЯХЪ. А. И. АРТЕМЬЕВА.
- IV.—НОВАЯ ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА. Д. П. ЛОМАЧЕВСКАГО.
- V.—СТИХОТВОРЕНІЯ:
- Anruf an die Geliebte - Бетговена. А. А. ФЕТА.
Бѣдвяга-Чудакъ (изъ Беранже). В. С. КУРОЧКИНА.
- VI.—ДАНИЕЛА. Романъ Жоржъ-Санда.
- XVII—XIX.
- VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотѣ.)

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

МОСКВА

Въ типографіи Каткова и К^о.

1857

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва 14-го іюля 1857 года.**

Ценсоръ Н. Фомъ-Крусс.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРІЮ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ

ВЪ ВВРОНЪ

Blakey, History of political literature. London, 1855, 2 vols.

Mohl, Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. Erlangen, 1855, 56, 2 voll.

I.

Что бы ни говорили порицатели XIX вѣка объ исключительно-матеріальномъ его направленіи, онъ имѣетъ основаніе гордиться своими трудами и подвигами на поприщѣ науки. Только ослабленные пессимисты могутъ упрекать настоящее время въ душевной непроизводительности. Конечно было бы крайнимъ увлеченіемъ думать, что всѣ отрасли знанія достигли теперь высшей степени совершенства, что въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ умъ на каждомъ шагѣ одерживалъ победы и пожиналъ лавры, но съ другой стороны никакъ нельзя согласиться съ тѣми, которые видятъ кругомъ одни заблужденія и неудачи. Предоставая будущему окончательную оцѣнку успѣховъ и исправленіе ошибокъ положительнаго вѣка, мы можемъ по крайней мѣрѣ отдать ему справедливость сравнительно съ прошедшимъ: неопровержимые факты убѣждаютъ насъ, что умственная дѣятельность въ современныхъ обществахъ значительно

распространилась и принесла плодотворные результаты для жизни. Обширный запасъ свѣдѣній, завѣщанный XVIII столѣтіемъ, не остался мертвымъ капиталомъ въ рукахъ новаго поколѣнія: оно овладѣло своимъ богатствомъ сознательно, сдѣлало съ помощію собственнаго труда новыя пріобрѣтенія и воспользовалось ими для улучшенія общественнаго и частнаго быта. Многія великія идеи были примѣнены къ практикѣ смѣло и успѣшно. Творческая и преобразующая сила науки особенно высказалась въ тѣхъ чудесныхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ подчинилъ себѣ время и одолѣлъ пространство. Самая невѣжественная толпа должна была преклониться передъ ними, самый упорный скептикъ долженъ былъ признать торжество духа надъ природою: удивительный переворотъ совершился съ необыкновенною быстротою на глазахъ всего образованнаго міра.

Впрочемъ блестящіе успѣхи естествовѣдѣнія въ XIX столѣтіи еще не доказываютъ, что европейскіе народы сосредоточили всю свою дѣятельность на изученіи физическихъ законовъ и явленій. Пытливый умъ нашего времени коснулся также духовной и нравственной сторонъ жизни, затронулъ собственно человѣческіе вопросы, раскрылъ прошедшее для опыта и наставленія и предпринялъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ критическія изысканія. Философія, филологія, юриспруденція, педагогика, исторія были разработаны съ новой точки зрѣнія и поставлены въ уровень съ требованіями вѣка. Но, кажется, ни въ одной отрасли знанія не обнаружилось такое сильное движеніе, какъ въ наукахъ политическихъ: онѣ возбудили особенный интересъ по самому ходу событій. Послѣ кровавыхъ бурь и потрясеній всеобщей войны наступилъ продолжительный миръ. Переживъ тяжкія испытанія временъ революціи и имперіи, европейское общество увидѣло передъ собою другую задачу, почувствовало себя въ новой сферѣ: въ публичной жизни произошелъ переломъ. Старыя формы, стѣснительныя учрежденія феодализма исчезли; прежній международный порядокъ разрушился: вмѣсто мелкихъ, дробныхъ владѣній въ Европѣ явились болѣе или менѣе округленные государства; политическія идеи, которыя до времени были провозглашаемы теоріею, въ нѣкоторой степени осуществились на практикѣ; общественныя преобразованія и

улучшенія были предприняты почти вездѣ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ лучшіе умы обратили вниманіе на политическія науки, чему способствовало между прочимъ распространеніе журналистики, большая противъ прежняго времени свобода книгопечатанія и преподаванія, и наконецъ введенная во многихъ государствахъ публичность преній. Такимъ образомъ XIX столѣтіе ознаменовалось для европейскихъ народовъ развитіемъ политической литературы. Она получила не только новый видъ, но и совершенно отдѣльное существованіе. Между тѣмъ какъ въ средніе вѣка изслѣдованія о государствахъ носили на себѣ богословскій отпечатокъ, а въ послѣдствіи подпали вліянію философіи,—теперь отразилось на нихъ *практическое* направленіе. XIX вѣкъ мало сочувствовалъ идеаламъ и фантастическимъ изображеніямъ недостижимыхъ на землѣ благъ, но занимался болѣе наблюденіями надъ существующими государствами, пріискивалъ способы исправить ихъ несовершенства, обсуживалъ настоятельныя мѣры общественной пользы; короче сказать, его трогали скорѣе живые, непосредственные интересы, нежели умозрѣнія. Публицисты, разумѣется, старались отвѣчать требованіямъ и приносиваться къ духу времени. Отсюда произошли самыя благотѣльныя послѣдствія: политическія науки, которыя прежде отдалялись отъ дѣйствительности, имѣли отвлеченный характеръ и занимали немногихъ избранныхъ мыслителей, стали доступны для массы и пріобрѣли большой вѣсъ въ практической жизни. Читающая публика начала интересоваться не только отечественными событіями, но слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ за всѣми явленіями общественной жизни человѣчества. Каждый политическій опытъ, предпринятый однимъ народомъ, приковывалъ къ себѣ участіе всѣхъ; ни одно мѣстное нововведеніе или преобразованіе не проходило незамѣченнымъ въ прочихъ государствахъ; даже спеціальныя вопросы администраціи и государственной экономіи, прежде непонятныя для большинства, обсуживались европейскою публикою.

Но если, при видѣ телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, каждый сознаетъ, или по крайней мѣрѣ чувствуетъ, что естествознаніе въ послѣднѣе время сильно подвинулось впередъ и усовершенствовало самую жизнь, то далеко не всѣ вѣрятъ въ успѣхъ наукъ политическихъ. Найдется не мало скептиковъ, которые готовы

отрицать не только развитіе, но и всякое значеніе этихъ наукъ для общества, и съ горячимъ убѣжденіемъ доказывать пренебрегающій отъ нихъ вредъ. Какъ часто еще приходится слышать ожесточенныя жалобы на политико-соціальное направленіе вѣка отъ людей опытныхъ и, по видимому, довольно разсудительныхъ! Они съ душевнымъ прискорбіемъ, даже съ негодованіемъ говорятъ о бесполезной тратѣ силъ и способностей, которыя можно было бы обратить на лучшее, болѣе благодарное поле, чѣмъ тагъ-называемая политика. По ихъ словамъ, изученіе общественныхъ законовъ и явленій бесплодно, не даетъ никакихъ прилагаемыхъ къ жизни результатовъ, не приноситъ пользы и даже не удовлетворяетъ стремленія къ истинѣ. Въ политическомъ мірѣ—кругомъ хаосъ и произволъ, на каждомъ шагѣ споры и противорѣчія; здѣсь нѣтъ ни одного руководящаго начала, ни одной аксіомы; публицисты ни въ чемъ не согласны между собою; истина, кажется, убѣгается отъ ихъ шумной и безпорядочной полемики. Съ помощью наукъ, громко величающихъ себя государственными, нельзя ни создать государства, ни препятствовать его упадку, ни управлять жизнью общества; изученіе политической экономіи не сдѣлаетъ народа богатымъ, если онъ не имѣетъ естественныхъ ресурсовъ и способности къ труду. По мнѣнію нѣкоторыхъ, науки эти даже опасны. При этомъ обыкновенно ссылаются на Францію, которую политическія науки будто бы не разъ увлекали къ потрясеніямъ и сбивали съ настоящей дороги; на Германію, бѣдствія которой будто бы происходятъ преимущественно отъ ученыхъ публицистовъ, и на прочія государства западной Европы. Но трудно перечислить обвиненія, которыя въ разное время были направлены противъ этихъ наукъ: достаточно замѣтить, что онѣ отвѣчали за всѣ кризисы, неудачи и пороки рода человѣческаго. Напрасно было бы говорить обвинителямъ о новыхъ учрежденіяхъ, о преобразованіяхъ въ управленіи, о развитіи финансовъ и умноженіи богатства у современныхъ народовъ. Они готовы приписать все это практической смѣтливости, цивилизаціи, даже наукамъ, только не политическимъ. По ихъ мнѣнію, общественный прогрессъ зависитъ исключительно отъ историческихъ условій, отъ національнаго характера, а иногда отъ благопріятнаго случая; они не требуютъ отъ государственнаго человѣка знанія, а только искусства и ловкости,

и вполне убѣждены, что на политическомъ поприщѣ можно дѣйствовать безъ всякаго приготовленія, что здѣсь достаточно руководствоваться чисто практическими указаніями.

Любопытно знать, на чемъ основываются, чѣмъ поддерживаются эти ходячія мнѣнія. Конечно, скептицизмъ подобнаго рода не всегда имѣетъ чистый источникъ; онъ обыкновенно происходитъ отъ невѣжества, отъ предубѣжденія въ пользу рутинны, или отъ закоренѣлой вражды къ успѣхамъ человѣческаго разума, иногда отъ односторонности или отъ болѣе-невиннаго стремленія оригинальничать и прослыть умникомъ. Вообще люди имѣютъ склонность требовать отъ науки того, чего она имъ дать не можетъ, напримѣръ таланта, практическаго такта, приписывать ей исключительно ошибки, неизбѣжныя во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, и обвинять въ неудачахъ не того, кого слѣдуетъ. До сихъ поръ еще часто приходится слышать упреки философіи за то, что она не даетъ мудрости въ жизни; юриспруденціи, — что она не развиваетъ въ своихъ ученикахъ справедливости и безкорыстія; наконецъ медицинѣ, — что она не умѣетъ распознавать и лѣчить многія болѣзни. При этомъ упускаютъ изъ вида различіе между наукою и ея примѣненіемъ къ жизни, между теоріею и практикою, знаніемъ и искусствомъ.

Но хотя скептицизмъ находитъ оружіе противъ всякой истины, должно сознаться, что политическія науки наиболѣе подвержены его нападкамъ: недовѣріе къ нимъ вкоренилось глубоко и высказывалось даже многими публицистами. Прошло много столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ началъ изучать законы и явленія общественной жизни и, повидимому, до сихъ поръ отчаевается въ успѣхъ. Такое сомнѣніе не можетъ быть случайнымъ и требуетъ удовлетворительнаго объясненія. Отчего въ самомъ дѣлѣ происходитъ шаткость и неудовлетворительность, замѣчаемая въ политическихъ наукахъ? почему въ нихъ много кажущихся противорѣчій и аномалій? Можетъ ли здѣсь ужъ достигнуть точности? Если можетъ, то почему твердое и основательное знаніе пріобрѣтается медленно и съ трудомъ?

Чтобъ отвѣчать на эти вопросы, нужно вникнуть въ природу общественныхъ истинъ и взвѣсить условія, подъ вліяніемъ которыхъ онѣ вырабатываются и прилагаются къ жизни. Вообще нельзя сдѣлать вѣрной оцѣнки результатамъ, добытымъ въ извѣ-

стной отрасли знаній, не обративъ вниманія на свойство самаго предмета и на внѣшнія обстоятельства, которымъ подчинено его изученіе. Скептики слишкомъ неумѣренны въ требованіяхъ и поспѣшны въ заключеніяхъ. Конечно не трудно произносить съ отвлеченной точки зрѣнія рѣзкіе приговоры надъ разумомъ, но не полезнѣе ли понять прежде, что задерживаетъ его успѣхи, какія преграды встрѣчаетъ онъ на своемъ пути? Если мы станемъ на высоту безусловной истины, то ни одна наука не удовлетворитъ насъ, потому что въ каждой есть свои темныя стороны и недостатки, каждая имѣетъ только относительное достоинство. Въ политическихъ наукахъ, такъ же какъ и во всѣхъ другихъ, легко найти несовершенства и ошибки, можетъ-быть даже легче; но это еще не даетъ намъ права объявить, что всѣ усилія чловѣка къ уразумѣнію общественныхъ истинъ безплодны. Едва ли въ настоящее время кто-нибудь будетъ раздвѣлять серьезно такое отчаянное убѣжденіе. Противъ него говорятъ факты. Мы видимъ кругомъ себя почти одинаково устроенныя государства, живемъ подъ владычествомъ извѣстнаго порядка и можемъ наблюдать правильное, спокойное движеніе общественнаго организма. Странно было бы считать игрою случая или произвола эти повсемѣстныя явленія: прочный и мирный союзъ между людьми есть необходимая и естественная сфера земнаго существованія; въ немъ отдѣльные члены тѣсно связаны между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ каждому въ извѣстныхъ границахъ предоставлена самостоятельность; здѣсь нѣтъ мѣста своеволію и насилію; все развивается гармонически, подъ защитой одной правильной власти и вездѣ замѣтна творческая и руководящая дѣятельность ума. Короче сказать, такое стройное соединеніе не могло бы существовать и идти впередъ, еслибы оно не отвѣчало требованіямъ природы. Итакъ допуская, что чловѣкъ есть существо общительное или, по выраженію Аристотеля, политическое, что онъ одаренъ исключительно передъ другими животными способностію совершенствовать свою общественную жизнь, мы должны согласиться также, что онъ имѣетъ силу познавать общественныя истины и прилагать ихъ къ практикѣ. Эти истины, хотя невидимыя и неосязательныя для физическаго наблюденія, однако же носятъ на себѣ неизмѣнный и всеобщій характеръ, столько же дѣйствительны, сколько дѣй-

ствительны законы вѣшняго міра, а потому могутъ быть предметомъ науки. Изученіе ихъ, конечно, требуетъ особыхъ приѣмовъ, отдѣльной методы; сюда не прилагаются тѣ способы, которые употребительны въ наукахъ естественныхъ; общественныя явленія имѣютъ совершенно другія свойства; ихъ нельзя подмѣтить и понять по тѣмъ правиламъ, которыя съ такимъ успѣхомъ прижѣнены къ физической природѣ; здѣсь встрѣчаются какъ для опыта, такъ и для разума нѣкоторыя особенныя трудности и препятствія. Вотъ что говорить объ этомъ одинъ изъ писателей, приведенныхъ въ началѣ нашей статьи:

« Сомнѣнія относительно политическихъ наукъ происходятъ вопервыхъ отъ сложности самаго предмета. Человѣкъ по большей части судить ограниченно о послѣдствіяхъ какой-нибудь государственной мѣры и проникаетъ рѣдко до отдаленныхъ причинъ и результатовъ сквозь безконечныя сплетенія общественной жизни. Многообразіе явленій и законовъ, требующихъ внимательнаго изслѣдованія, запутываетъ самый ясный умъ. Недостатокъ способности находить общія начала и подвергать ихъ строгой критикѣ также ведетъ къ ошибкамъ и ложнымъ заключеніямъ. Когда разрозненные и ничего незначащіе факты приняты за доказательства въ наукѣ, она не можетъ дать основательныхъ результатовъ.» (1).

Конечно устройство общественнаго организма не такъ просто, какъ думаютъ поверхностные люди: части его разнообразны; вѣтви раскинуты широко; тайныя пружины ускользаютъ отъ наблюденія. Но преграды подобнаго рода встрѣчаются не въ однихъ политическихъ наукахъ: всякое основательное знаніе требуетъ продолжительнаго труда; вездѣ легче впасть въ ошибку, и сдѣлать ложный или односторонній выводъ, чѣмъ полезное открытіе. Къ сожалѣнію есть другія, не менѣе значительныя препятствія, съ которыми долженъ бороться человѣкъ при рѣшеніи политическихъ задачъ.

« Разногласія въ политическихъ наукахъ, продолжаетъ тотъ же публицистъ, особенно поддерживаются отъ того, что всѣ общественные вопросы тѣсно связаны съ личными интересами.

(1) *Blakey History of political literature, introduction. p. III.*

Напрасно убѣждать людей въ пользу извѣстнаго закона, если онъ затрогиваетъ ихъ частныя выгоды: они отвергнутъ самыя убѣдительныя доказательства и, чѣмъ очевиднѣе фактъ, тѣмъ упорнѣе будутъ сопротивляться. Въ другихъ наукахъ, умъ по крайней мѣрѣ сохраняетъ свободу сужденія и спокойствіе въ спорахъ; здѣсь же каждая новая идея, каждая реформа должна выдержать ожесточенную борьбу со страстями и предразсудками.

« Должно замѣтить еще, что новыя идеи въ политическихъ наукахъ добываются обыкновенно путемъ чистаго умозрѣнія и не могутъ быть предварительно, до принятія ихъ въ практикѣ, повѣрены фактами, какъ въ наукахъ естественныхъ. Надъ гражданскимъ обществомъ нельзя дѣлать опытовъ; здѣсь практика даетъ мало указаній и потому нужно довѣрять отвлеченнымъ выводамъ.

« Вообще политическій писатель имѣетъ дѣло еще съ внутреннимъ, рѣже съ внѣшнимъ міромъ. Онъ долженъ устремить свое вниманіе преимущественно на мысли, чувства и страсти людей; законы физической природы имѣютъ къ нему болѣе отдаленное, посредственное отношеніе. Такимъ образомъ сфера государственныхъ наукъ при всей своей обширности однакоже менѣе доступна, для наблюденія и изслѣдованія, нежели область матеріи »

Теперь понятно, почему эти науки развиваются такъ медленно. Но какъ ни важны указанные препятствія, все же отсюда нельзя заключить вмѣстѣ съ скептиками, что политическая истина недоступна для ума. Конечно она закрыта отъ близорукихъ и ослѣпленныхъ своекорыстіемъ людей, не видна враждебнымъ партіямъ среди яростной борьбы и въ дыму полемики, но безпристрастный и мыслящій человѣкъ найдетъ къ ней дорогу мимо предразсудковъ и своекорыстія. Выгоды отдѣльныхъ лицъ и сословій, конечно, играютъ важную роль при рѣшеніи государственныхъ вопросовъ и задерживаютъ самыя настоятельныя, спасительныя реформы, даже искажаютъ на время политическій смыслъ народа; но рано или поздно истина выходитъ наружу и проникаетъ въ общественное сознаніе. Какъ бы ни заблуждалась нація, если только она способна къ политическому развитію, въ ней найдетъ сила для борьбы съ частнымъ эгоиз-

момъ и невѣжествомъ во имя общаго блага, найдутся государственные люди, не зараженные предразсудками, съ благородными стремленіями и неподкупнымъ чувствомъ правды, съ чистымъ и широкимъ взглядомъ. Нужно ли доказывать это въ настоящее время, когда на нашихъ глазахъ великіе руководители образованныхъ народовъ одержали столько побѣдъ надъ обскурантизмомъ и упорствомъ партій? Если въ практической дѣятельности человѣкъ можетъ освободиться отъ одностороннихъ воззрѣній касты и поставить общественный интересъ выше частнаго, долгъ гражданина и пользу отечества выше личныхъ отношеній и связей, то въ наукѣ онъ еще независимѣе. Наука возвышаетъ и облагораживаетъ умъ; въ ея вольной и широкой сферѣ духъ можетъ отрѣшиться отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ, тяготящихъ надъ нимъ въ жизни, и сбросить съ себя стѣснительныя оковы времени и мѣста. Въ области умозрѣнія человѣкъ дѣлается постороннимъ и потому болѣе спокойнымъ зрителемъ событій и окружающаго общества. Интересы, волнующіе политическаго дѣятеля, менѣе тревожатъ политическаго мыслителя, удаленнаго отъ шумной арены публичныхъ состязаній. Равноуміе, мы не думаемъ доказывать, что всѣ ученые приговоры безпристрастны: совершенная независимость сужденія, особенно когда дѣло касается живыхъ, близкихъ сердцу вопросовъ, есть довольно рѣдкое качество: оно принадлежитъ только великимъ публицистамъ. Но если многіе писатели извѣстнаго времени подчиняются авторитету господствующихъ партій, если въ газетныхъ статьяхъ и памфлетахъ мы находимъ часто кривые толки и узкіе, односторонніе взгляды, — отсюда нельзя еще заключить, что политическія науки, по самому свойству предмета, стѣсняютъ свободу ума, что въ нихъ господствуетъ личный интересъ. Такое обвиненіе несправедливо: истина обыкновенно вырабатывается избранными; летучіе листки и брошюры пишутся подъ впечатлѣніемъ минуты и не надолго сохраняютъ значеніе. Полемика конечно необходима для проясненія идей, но не составляетъ еще науки. У каждаго образованнаго народа можно найти писателей, которые изучаютъ законы и явленія общественной жизни *sine ira et studio*, безъ всякихъ предразсудковъ, не увлекаясь ни корыстными цѣлями, ни духомъ партій. Политическая литература Европы представ-

ляетъ не мало такихъ произведеній, которыми человѣческій умъ по справедливости гордится: они проникнуты самымъ высокимъ стремленіемъ къ истинѣ и добру, свободны отъ всякой нечистой примѣси и отличаются строгимъ объективнымъ направленіемъ; на нихъ почти нѣтъ слѣдовъ національности, не замѣтно внѣшняго вліянія, которое бы заставило автора съ намѣреніемъ искажать факты или вносить въ науку личные страсти. Имѣя въ виду такіе образцы, можно сказать съ увѣренностію, что каждый истинный публицистъ найдетъ въ себѣ нужную силу и самостоятельность для рѣшенія государственныхъ вопросовъ и возвысится надъ эгоистическими разсчетами и увлеченіями. Вообще нападки на писателей политическихъ слишкомъ преувеличенны; они не такъ пристрастны, какъ думаютъ: имъ приходилось обыкновенно защищать чужой, а не собственный интересъ; наука заставляла ихъ дѣйствовать для *общаго* блага противъ *частныхъ* выгодъ и принесла имъ въ жизни не столько пользы, сколько страданій. «Публицисты — говоритъ Блеки — всегда сильнѣе сочувствовали народу, чѣмъ отдѣльнымъ его сословіямъ. Правда, нѣкоторые подавали руку помощи сильнымъ противъ слабыхъ, хитрымъ противъ довѣрчивыхъ и простымъ, но такіе случаи сравнительно рѣдки. Даже тѣ писатели, которые ратовали противъ здраваго ученія, противъ свободы и прогресса, были вынуждены искать опоры въ чувствахъ, понятіяхъ и инстинктѣ человѣчества, потому что касались предмета, съ *которымъ соединено общее благо*, а противъ общаго блага открыто не возставалъ никто. Какъ ни разнообразны политическія теоріи, — всѣ онѣ направлены къ тому, чтобы понять желанія и требованія человѣческой природы, способствовать счастію и пользѣ обществъ. Эта высокая цѣль занимаетъ консерваторовъ и прогрессистовъ, мечтателей и практиковъ, въ одинаковой степени (1).»

Упреки и жалобы на своекорыстіе публицистовъ кажутся еще страннѣе, если обратить вниманіе на слѣдующія слова того же писателя (2):

«Между всѣми сочиненіями наименѣе обязаны публичному

(1) *Blakey*, Introduction p. XXI, XXII.

(2) *Ibid.* p. XXII—XXIV.

2448 me

ОТЪ РЕДАКЦІИ

О полугодовой подпискѣ на «Русскій Вѣстникъ».

Редакція «Русскаго Вѣстника», имѣя въ виду непрерывно продолжающуюся подписку на этотъ журналъ и незначительное количество остающихся еще въ ея рапоряженіи полныхъ экземпляровъ, открываетъ подписку на второе полугодіе своего изданія, съ іюля 1857 года по январь 1858 года. Полугодовое изданіе состоитъ изъ *двѣнадцати* книжекъ. Редакція приняла мѣры, чтобы статьи, которыя не могутъ быть раздѣлены безъ ущерба ясности или интереса своего содержанія, были вполне напечатаны въ первомъ полугодіи, за исключеніемъ романа Жоржъ-Санда «Даніелла», начало котораго будетъ выдано полугодовымъ подписчикамъ при первой іюльской книжкѣ.

Цѣна за полугодовое изданіе: въ Москвѣ и Петербургѣ *восемь рублей*, съ доставкою на домъ или пересыкою по почтѣ *девять рублей серебромъ*.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ, въ конторѣ «Русскаго Вѣстника» при книжной лавкѣ И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и въ конторѣ типографіа Каткова и К°, въ Армянскомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ.

Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «Русскаго Вѣстника» при лавкѣ С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Иногородные благоволятъ адресоваться прямо въ *Редакцію «Русскаго Вѣстника»*, въ *Москву*.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

или частному покровительству сочиненія политическія; напротивъ, писатели этого рода по большей части подвергались преслѣдованіямъ и гоненіямъ. Каждая общественная истина пролагала себѣ дорогу сквозь толпы предубѣжденных или апатическихъ слушателей, и отъ временъ Писагора, бѣжавшаго изъ Аѳинъ, до послѣднихъ дней, борьба между корыстолюбивымъ невѣжествомъ и здравымъ знаніемъ не прекращалась ни на минуту, свирѣпствовала съ одинаковою силою. По этому всѣ публицисты въ совокупности заслуживаютъ отъ человѣчества высокой признательности и уваженія: они всегда стояли въ первыхъ рядахъ прогресса и практической свободы. Правда нѣкоторые изъ нихъ поддались соблазну и перешли на сторону угнетенія или невѣжества, но такихъ было немного; ихъ временное отпаденіе отъ здравыхъ началъ и патріотическихъ чувствъ не столько принесло вреда, сколько ускорило постепенное распространеніе истины; главные же двигатели идей и науки всегда оставались вѣрными своему призванію; это были люди благородные и безкорыстные; они стремились къ общему благу и распространяли свои начала при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, несмотря на неудовольствіе власти и ослѣпленіе народа. Каждая эпоха политической литературы имѣетъ своихъ мучениковъ, которые радостно принесли жизнь на жертву, защищая тѣ истины, которыя сдѣлались потомъ достояніемъ всего человѣчества.

« Мы иногда скорбимъ и не безъ основанія о судьбѣ нѣкоторыхъ философовъ, награжденныхъ за свои открытія въ наукѣ тюрьмою или плахою. Но обвиненіе Роджера Бэкона за волшебство или Галилея за теорію небесныхъ тѣлъ — исключительные, рѣдкіе случаи въ сравненіи съ тѣмъ, что выпало на долю политическихъ мыслителей. Надъ ними въ особенности разразилась злоба свѣта: они всегда и вездѣ были гонимы. Страданія отъ насмѣшки и презрѣнія толпы, испытываемыя учеными всякаго рода, ничего не значать въ совокупности передъ страданіями публициста. Онъ не только сноситъ неблагодарность, апатію и ненависть общества, но болѣе другихъ чувствуетъ надъ собою грозящую руку власти. Обладая вообще смѣлымъ и независимымъ духомъ и живымъ чувствомъ, онъ принужденъ вести борьбу, въ которой мало отрады и много горечи! Онъ почти всегда

стоять одинъ, впереди вѣка, безъ помощи. Ученныя общества не вѣщаютъ его лаврами, сильные не оказываютъ ему содѣйствія, знатные покровители не предлагаютъ кошелъка. Онъ Измаильтанинъ между современниками: на него всѣ поднимаютъ руку; онъ долженъ безпрестанно отражать удары; ему нѣтъ награды при жизни и почести при смерти.»

Съ этимъ замѣчаніемъ многіе быть-можетъ не совсѣмъ согласятся. Дѣйствительно, у каждаго народа и во всякое время можно найти публицистовъ, которые льстятъ страстямъ и предрассудкамъ толпы, мѣняютъ свои убѣжденія, смотря по обстоятельствамъ, въ благоразумной прѣдусмотрительности преклоняются передъ могуществомъ и, работая исключительно для собственной выгоды, пользуются незаслуженною славой патріотовъ, носить почетное имя наставниковъ народа. Но не къ нимъ относятся приведенныя слова: люди этого разряда никогда не были и не могутъ быть двигателями великой идеи. Блещутъ здѣсь политическіе мыслители, которые уважали святость своего призванія, трудились для дѣйствительной пользы обществъ и служили истинѣ честно: имъ въ особенности обязаны много государственныя науки, какъ видно изъ исторіи; на такихъ писателей всегда можно сослаться, какъ на живыя доказательства того, что человѣческій умъ способенъ обсуживать политическіе вопросы вполне самостоятельно и независимо отъ личнаго интереса.

Но допустимъ, говорятъ скептики, полную свободу политическаго изслѣдованія: во всякомъ случаѣ оно останется отвлеченнымъ, потому что надъ гражданскимъ обществомъ нельзя дѣлать опытовъ. Въ этомъ возраженіи есть извѣстная доля правды, но оно дѣлается обыкновенно съ тою цѣлю, чтобы доказать недовѣрность политическихъ наукъ и унижить ихъ значеніе. Не имѣя здѣсь мѣста для спора съ возражателями о предметѣ, который требуетъ обширнаго трактата, мы представимъ только главные ихъ доводы и ограничимся съ своей стороны самыми краткими замѣчаніями (1). Основная мысль скептиковъ состоитъ,

(1) Чтобы удовлетворительно отвѣчать на приведенное возраженіе, нужно было бы сдѣлать критическую оцѣнку главныхъ методовъ полити-

какъ мы сказали, въ томъ, что въ политикѣ нельзя дѣлать предварительныхъ опытовъ и слѣдовательно нельзя убѣдиться въ истинѣ добытыхъ результатовъ. Но какихъ опытовъ требуютъ возражатели? Если они хотятъ подвергнуть государство химическому анализу, или вообще обращаться съ нимъ, какъ съ неодушевленной массой, то, конечно, принуждены будутъ отказаться отъ изслѣдованія. Гражданское общество не есть машина, не носить на себѣ никакихъ признаковъ физическаго тѣла; не имѣетъ свойствъ матеріи, а потому объ немъ нельзя судить, какъ мы судимъ о внѣшней природѣ. Но если оно не осязательно, если къ нему не прилагаются научные опыты (*experimenta lucifera*), неужели отсюда слѣдуетъ, что оно недоступно для человѣка? Развѣ политическіе факты и явленія лежатъ внѣ сферы нашихъ чувствъ? Развѣ они закрыты, не видны для простаго глаза? Эти вопросы не требуютъ отвѣта; каждый согласится, что государство—не призракъ, что его можно наблюдать со всѣхъ сторонъ въ дѣйствительности. Искусственные приемы естествоиспытателя здѣсь не требуются, не идутъ къ дѣлу и не принесутъ пользы; простое наблюденіе и размышленіе вполне достаточно для достиженія цѣли. Натуралистъ спрашиваетъ внѣшнюю природу

человѣка наблюденія и размышленія. Лучшее и, сколько намъ извѣстно, единственное въ своемъ родѣ по ясности и полнотѣ, сочиненіе объ этомъ предметѣ написано нынѣшнимъ канцлеромъ казначейства (министромъ финансовъ) Англіи, Корнваллемъ Дьюизомъ (Cornwall Lewis) и издано въ Лондонѣ, въ 1852 г., подъ заглавіемъ: a treatise on methods of observation and reasoning in politics (2 vols). Оно, по справедливости, считается образцовымъ произведеніемъ современной политической литературы; авторъ выказалъ здѣсь изумительную, всестороннюю ученость: повидимому, ему одинаково извѣстны науки естественныя и общественныя, философія и классическая литература, исторія и филологія; онъ приводитъ и сравниваетъ между собою результаты, добытые въ разныхъ отрасляхъ знанія, на каждомъ шагѣ ищетъ аналогіи, дѣлаетъ сближенія. Имѣя неисчерпаемый запасъ свѣдѣній, Корнваль Дьюизъ могъ смѣло принять на себя трудную задачу повѣрки общественныхъ истинъ, за которую до тѣхъ поръ не брался никто изъ публицистовъ, и дѣйствительно на него можно смотрѣть, какъ на лучшаго представителя политической критики. Онъ конечно не исчерпалъ обширнаго предмета до конца, а только открылъ дорогу, положилъ основаніе къ изслѣдованіямъ подобнаго рода, но, во всякомъ случаѣ, сдѣлавъ вѣрную оцѣнку успѣховъ человѣческаго разума

посредствомъ опытовъ, потому что она нѣма; но эта метода не дастъ никакихъ результатовъ при рѣшеніи политическихъ вопросовъ: съ помощію пытки нельзя узнать истины; такой способъ изслѣдованія оказался недостовернымъ, не говоря о другихъ его послѣдствіяхъ. Но если научные опыты неприменимы къ обществу, если надъ нимъ нельзя дѣлать предварительной пробы по свойству предмета, во всякомъ случаѣ наука отъ этого не страдаетъ. Она имѣетъ другія средства для повѣрки и приложенія идей, политическая жизнь устроена такимъ образомъ, что человѣкъ можетъ понять ея законы и отличить полезное отъ вреднаго, какъ въ теоріи, такъ и въ дѣйствительности, не употребляя тѣхъ орудій къ открытію истины, какія употребительны въ физикѣ, или въ астрономіи. Государство само по себѣ подвергается испытаніямъ, изъ которыхъ наука извлекаетъ твердыя начала для мысли и дѣйствія. Кромѣ чрезвычайныхъ событій, внѣшнихъ или внутреннихъ, которыя могутъ раскрыть всѣ части и пружины общественного организма, и которыми замѣняется *experimentum luciferum*, въ политикѣ без-

съ практической точки зрѣнія. Вообще, какъ Англичанинъ, послѣдователь Бэкона и государственныи человѣкъ, Корнвалль-Дьюизъ, можетъ-быть, уже слишкомъ далеко простираетъ свою недоувѣрчивость къ теоріи, къ отвлеченнымъ выводамъ, и держится болѣе положительнаго направленія, но онъ не отвергаетъ универсальнаго элемента въ наукѣ, общечеловѣческаго значенія высшихъ ея началъ. Мы надѣемся со временемъ больше познакомить публику съ содержаніемъ его знаменитаго трактата; въ настоящей статьѣ для этого нѣтъ мѣста. Очень желательно также, чтобы и другія сочиненія ученаго министра сдѣлались извѣстными у насъ, потому что они приобрѣли большую извѣстность во всей Европѣ и авторитетъ въ наукѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: изслѣдованіе *о колоніальномъ управленіи* (*on government of dependencies*. Lond. 1843), *о происхожденіи романскихъ нарѣчій* (1844), *о вліяніи авторитета на мнѣніе* (*influence of authority in matters of opinion*), и наконецъ изданныя въ прошломъ году два тома изысканій о древней Римской исторіи. Читатель видитъ отсюда, какъ разнообразна ученая дѣятельность Корнв. Дьюиза; въ этомъ отношеніи изъ государственныхъ людей съ нимъ можно сравнить только лорда Брума, который теперь издаетъ свои сочиненія, относящіяся къ многимъ отраслямъ знанія, именно къ философіи, политикѣ, исторіи, юриспруденціи, математикѣ и естественнымъ наукамъ.

престанно производятся особеннаго рода опыты, для практических цѣлей (*experimenta fructifera*) (1). Правительство, по самому призванію своему, не можетъ обойтись безъ опытовъ такого рода, говоритъ Корнвалль Люизъ; всѣ реформы, всѣ новые законы имѣютъ характеръ временныхъ мѣръ, пока польза ихъ не доказана на практикѣ. При измѣненіи существующаго порядка, неизбѣжны предварительныя пробы надъ обществомъ: къ нововведеніямъ должно приступать съ осторожностью, мало-помалу; крутые перевороты всегда опасны; лучше идти болѣе вѣрной и твердою дорогою мирныхъ, постепенныхъ преобразований (2). Опыты эти имѣютъ значеніе не только для государства, въ которомъ они предприняты, но и для науки: они доставляютъ ей драгоценныя матеріалы и указанія. Въ практикѣ дѣлаются иногда важныя открытія, вырабатываются великія истины; самыя ошибки предостерегаютъ публициста отъ крайнихъ, одностороннихъ теорій и служатъ ему полезнымъ пособіемъ при оцѣнкѣ результатовъ, добытыхъ посредствомъ умозрѣнія.

Вообще политическія науки не имѣютъ такого исключительно отвлеченнаго характера, какъ думаютъ возражатели. Если публицистъ не можетъ дѣлать предварительныхъ опытовъ надъ государствами, это еще не отнимаетъ у него другихъ, не менѣе надежныхъ, способовъ доказательства: передъ нимъ открыта обширная сфера наблюденія и практики; онъ можетъ наглядно изучать и сравнивать между собою различныя общества, слѣдить за политическими явленіями и наконецъ, повѣрять истину въ исторіи. Конечно, нѣкоторыхъ писателей можно упрекать въ мечтательномъ направленіи; они чуждались дѣйствительнаго міра и строили идеальныя государства; но крайности и утопіи встрѣчаются не въ одной политикѣ; естествознаніе также имѣло астрологовъ и алхимиковъ. Скептики, кажется, забываютъ, что развитіе государственныхъ наукъ всегда шло двоякимъ путемъ умозрѣнія и практики, что новыя идеи вырабатывались какъ *a priori*, такъ и съ помощію опыта, и что публицисты рѣшали не только

(1) Вопросъ о приложеніи опыта къ политикѣ основательно разрѣшенъ К. Люизомъ. Мы приводимъ здѣсь главныя его заключенія. *On methods of observation* 1, Chap. IV, p. 152—180.

(2) *Ibid.* p. 173, 174.

отвлеченныя задачи, но еще болѣе вопросы жизни. Итакъ, приведенное возраженіе не разрушаетъ достоинства науки. Оно несправедливо только въ такомъ случаѣ, еслибы скептики доказали, что нѣтъ никакой возможности повѣрить наглядно политическія истины. Но трудно кого-нибудь убѣдить въ этомъ: факты говорятъ противное. Мы видимъ въ исторіи, съ какимъ успѣхомъ борется человѣкъ противъ тѣхъ препятствій, которыя, по словамъ возражателей, неодолимы,—какъ съ развитіемъ гражданственности наука и практика тѣсно сближаются и дѣлаютъ заимствованія одна у другой.

Мы бы могли ограничиться здѣсь этими немногими замѣчаніями и прекратить споръ, который можетъ казаться, если не безплоднымъ и дѣтскимъ, то во всякомъ случаѣ утомительнымъ образованному читателю. Дѣйствительно многія нападенія скептиковъ не заслуживаютъ отвѣта, и мы не будемъ на нихъ останавливаться. Но такъ какъ недовѣріе къ политическимъ наукамъ вкоренилось глубоко, проникло въ общество, и въ самую жизнь, то мы не въ правѣ уклониться отъ полемики, и смотрѣть на возражателей свысока; между ними встрѣчаются люди съ умомъ и почтенными убѣжденіями. Притомъ же теперь политическій скептицизмъ сдѣлался нѣсколько умѣреннѣе въ своихъ взглядахъ и требованіяхъ; онъ не отвергаетъ вовсе способности человѣка обсуживать, на основаніи разума и опыта, законы и явленія общественной жизни, не возстаетъ противъ знанія и высказываетъ сомнѣніе только относительно высшихъ началъ науки. Въ природѣ, говорятъ современные скептики, можно наблюдать постоянныя явленія и универсальныя силы; она всегда вѣрна самой себѣ, подчинена непреложнымъ законамъ, и потому-то естествознаніе приводитъ насъ къ точнымъ результатамъ. Напротивъ въ политическомъ мірѣ нѣтъ ничего твердаго и неподвижнаго, а все измѣнчиво; здѣсь произволу открытъ широкій просторъ; здѣсь законы и учрежденія не одинаковы, самое устройство обществъ разнообразно, и то, что полезно одному народу, оказывается вреднымъ для другаго. Следовательно напрасны всѣ попытки публицистовъ возвыситься до общечеловѣческихъ идей. Какую бы методу мы ни прилагали къ государству, она даетъ намъ указанія и правила, вѣрныя и годныя только для опредѣленнаго народа и извѣстной эпохи. Всѣ полити-

ческія истины имѣютъ относительный, національный характеръ и временный авторитетъ; что же касается до такъ-называемыхъ высшихъ началъ, они не выдерживаютъ критики и, при повѣркѣ, оказываются излишними. Политическія науки лишены единства и потому безсильны во всеобщихъ результатахъ; здѣсь нужно отказаться отъ всемірной точки зрѣнія и ограничить область изысканій болѣе тѣсными географическими предѣлами.

При первомъ взглядѣ на это возраженіе, должно признаться, что оно основательнѣе и серіознѣе другихъ. Въ самомъ дѣлѣ политическія науки далеко еще не достигли совершенства; пылкій умъ не находитъ въ нихъ полнаго удовлетворенія, яснаго отвѣта на всѣ вопросы; самые великіе писатели испытываютъ невольный скептицизмъ, особенно при изслѣдованіи высшихъ началъ. Сколько вѣковъ работали публицисты надъ изученіемъ государства, и сколько еще остается имъ сдѣлать, чтобы постигнуть его природу! Такъ недостаточны результаты, добытые до настоящаго времени тяжелымъ, долголѣтнимъ, непрерывнымъ трудомъ! Человѣкъ не можетъ сказать, что онъ понялъ законы, свойства и видоизмѣненія общественнаго организма: онъ безпрестанно дѣлаетъ ошибки, показывающія слабость знанія и опыта, идетъ ощупью, и за каждый шагъ впередъ приносить дорогія жертвы. Многія истины, провозглашенныя мыслителями съ горячимъ убѣжденіемъ, не выдержали критики времени и оказались шаткими; многія учрежденія и законы, которыхъ польза была, повидимому, дознана, не принесли потомъ ожидаемаго результата и обманули всеобщія надежды; нѣкоторыя прежде благотворныя мѣры становились послѣ, при другихъ обстоятельствахъ, гибельными. Видя кругомъ такое разрушеніе и неудачи, не лучше ли отказаться отъ общечеловѣческихъ воззрѣній и разрабатывать государственныя науки чисто для мѣстныхъ цѣлей? Чѣмъ ограниченнѣе область наблюденія и размышленій, тѣмъ точнѣе и вѣрнѣе будутъ научные выводы, по словамъ возражателей, слѣдовательно, тѣмъ больше пользы можно ожидать отъ изслѣдованія.

Но прежде нежели мы допустимъ такой взглядъ на политическія науки, считаемъ необходимымъ вникнуть въ ихъ природу. Мы уже имѣли случай убѣдиться, что нападенія скептиковъ преувеличены; можетъ-быть и въ этомъ случаѣ они заходятъ слиш-

комъ далеко. Дѣйствительно, какъ ни сильны приведенные доводы, однако же они склонили на свою сторону немногихъ политическихъ писателей; какъ ни шатки общія начала, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, наука упорно и неослабно ихъ преслѣдуетъ. Самые положительные умы не отказываются отъ размышленія, по крайней мѣрѣ дѣлаютъ на основаніи фактовъ выводы, изучаютъ и сравниваютъ законы различныхъ народовъ съ тѣмъ, чтобы отдѣлить въ нихъ общечеловѣческій элементъ отъ національнаго. Даже тѣ школы публицистовъ, которыя проповѣдуютъ вражду ко всякой идеѣ, незамѣтно, какъ бы противъ воли, вырабатываютъ идеи. Это стремленіе доказываетъ, что познавательную способность нельзя заключить въ тѣсныя географическія предѣлы. Въ каждой наукѣ, кромѣ мѣстныхъ истинъ, человѣкъ ранѣе или позже, но непременно будетъ искать истинъ универсальныхъ. Политическія науки не составляютъ исключенія изъ этого неизмѣннаго правила; дѣло только въ томъ, что *здѣсь нужно имѣть въ виду внѣшнія условія, которымъ подчинены общества и которыя не имѣютъ почти никакого отношенія къ другимъ отраслямъ знанія.* Эти условія мы должны разсмотрѣть со вниманіемъ, потому что на нихъ преимущественно основано разбираемое возраженіе.

Содержаніе политическихъ наукъ можно опредѣлить въ немногихъ словахъ: онѣ разсматриваютъ жизнь человѣка въ государствѣ; задача ихъ состоитъ въ изслѣдованіи этого сложнаго организма, его составныхъ частей и законовъ. Между тѣмъ одно всемірное государство по физическимъ и нравственнымъ причинамъ невозможно на землѣ; разныя племена образуютъ множество отдѣльныхъ политическихъ союзовъ, которыхъ устройство зависитъ отъ духовныхъ качествъ, хозяйственныхъ отношеній и исторіи народовъ. Вліяніе этихъ элементовъ отражается на каждомъ обществѣ; они не только создаютъ, но и подвигаютъ его впередъ, по мѣрѣ развитія націи. Каждой ступени гражданского быта соответствуетъ извѣстная государственная форма. Она, разумѣется, можетъ остаться неподвижною только до тѣхъ поръ, пока не измѣнились цѣли и средства, которыя положены въ ея основаніе. Но съ теченіемъ времени возникаютъ новыя требованія жизни, новыя идеи, и устарѣвшій порядокъ оказывается несостоятельнымъ, требуетъ измѣненій, преобразованій, или же подвергается насильственнымъ переворотамъ. Такъ новая религія дѣлаетъ совер-

шенно невозможными прежніе законы и учрежденія политическаго союза. Стоитъ только вспомнить, какія перемены произвело христіанство въ обществахъ, какая разница между древними, средневѣковыми и новоевропейскими понятіями о гражданскихъ обязанностяхъ, какое вліяніе имѣла мусульманская вѣра на форму правленія и устройство семейства. Иногда одно великое открытіе можетъ подать поводъ къ кореннымъ реформамъ въ государствахъ. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, тѣ великія изобрѣтенія, которыя даютъ другое направленіе общественной дѣятельности, посредствомъ которыхъ вводятся въ жизнь новыя, прежде невѣдомыя силы. Нужно ли говорить здѣсь о томъ, какіе политическіе результаты для Европы произвело изобрѣтеніе пороха, компаса, книгопечатанія? Наконецъ, кто не видитъ въ настоящее время могущественнаго дѣйствія пароходства и желѣзныхъ дорогъ на гражданскій оборотъ и сношенія между людьми? Но мы не имѣемъ надобности пускаться въ частныя изслѣдованія. Приведенные примѣры уже достаточны для того, чтобы понять, на сколько справедливы нападенія скептиковъ. Никто не будетъ отрицать, что устройство и развитіе обществъ зависитъ въ значительной степени отъ внѣшнихъ условій и подчиняется сложнымъ требованіямъ непостоянной и разнообразной жизни. *Каждому понятно, что движеніе государственныхъ наукъ состоитъ въ самой близкой, непосредственной связи съ исторіею человечества и отдѣльныхъ народовъ*, что политическія идеи вырабатываются подъ вліяніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ, современныхъ отношеній. Но какъ ни велико это вліяніе, отсюда нельзя еще заключить, какъ дѣлаютъ возражатели, что наука совершенно лишена единства, авторитета и сціентифическаго достоинства. Разумѣется, если сравнить результаты, добытые публицистами съ тѣмъ, что сдѣлано, напримѣръ, по части естествознанія, преимущество можетъ быть останется на сторонѣ послѣдняго. Но здѣсь нужно обратить вниманіе на свойство предмета и на постороннія причины, замедляющія развитіе знанія. Внѣшняя природа и государство существенно различаются между собою: физическій міръ остается неподвижнымъ и не зависитъ отъ человѣческихъ отношеній; его законы могутъ быть поняты, какъ только сдѣланы вѣрныя наблюденія и объяснены съ точностію факты; здѣсь однородныя явленія повторяются. Напротивъ въ мірѣ политическомъ нѣтъ повтореній;

матеріалъ для науки непрерывно обогащается новыми фактами; общія начала безпрестанно требуютъ пересмотра и повѣрки вслѣдствіе переворотовъ и историческихъ событій; здѣсь, среди вѣчнаго движенія и разнообразныхъ явленій, трудно разгадать причины и слѣдствія, отличить постоянное отъ скоропреходящаго, необходимое и всеобщее отъ произвольнаго и частнаго.

Принимая въ соображеніе всѣ указанныя обстоятельства, можно объяснить, почему политическія науки подвигаются впередъ медленно и съ трудомъ, почему въ нихъ такъ возможны ошибки и противорѣчія, почему до сихъ поръ онѣ не достигли совершенства въ высшихъ началахъ. Исторія этихъ наукъ рѣзко отличается отъ исторіи другихъ отраслей знанія. Математика, астрономія, медицина и пр., представляютъ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи одно стройное и связанное цѣлое: здѣсь все исходитъ и движется отъ одной точки къ извѣстной цѣли. Конечно, наука иногда останавливается, идетъ ложною дорогою, даже совершенно гибнетъ у нѣкоторыхъ народовъ; но во всякомъ случаѣ пріобрѣтенныя свѣдѣнія гдѣ-нибудь сохраняются и не могутъ исчезнуть съ лица земли; новые дѣятели непременно усваиваютъ себѣ послѣдній результатъ, добытый предшественниками. Напротивъ исторія наукъ государственныхъ не имѣетъ такого систематическаго характера и строго логическаго хода: въ ней, повидимому, нѣтъ связи и послѣдовательности въ разработкѣ извѣстныхъ идей—здѣсь дѣятельность умовъ какъ будто направлена въ разные стороны; теоріи создаются и разрушаются съ неимоверною быстротою; каждый народъ избираетъ особенную дорогу и стремится выполнить свою политическую задачу согласно съ мѣстными условіями, болѣе или менѣе съ оригинальною точки зрѣнія. Отсюда происходитъ необыкновенное разногласіе при рѣшеніи вопросовъ, уклоненія и аномаліи встрѣчаются почти на всякомъ шагѣ; противоположныя или по крайней мѣрѣ съ трудомъ согласимыя между собою идеи преслѣдуются въ различныхъ государствахъ; *быстрое и рѣшительное движеніе впередъ замѣтно только на разныхъ ступеняхъ общественнаго быта.* Математическія и естественныя науки, достигнувъ извѣстнаго развитія, не возвращаются назадъ; единство истины въ нихъ ощутительно для всѣхъ временъ и народовъ напротивъ въ политическихъ наукахъ существу-

ютъ въ одно и тоже время, независимыя одна отъ другой системы, и каждая изъ нихъ сама по себѣ относительна и условна. Общественныя истины, выработанныя однимъ народомъ, имѣютъ непосредственное значеніе и практическую цѣнность только для него одного и при томъ до тѣхъ поръ, пока его политическій бытъ не измѣнился. Слѣдующая за тѣмъ нація начинается не тамъ, гдѣ окончила отжившая, но сызнова. Всякій рѣшительный переворотъ въ жизни и устройствѣ общества производитъ извѣстное колебаніе въ наукѣ; она тѣсно связана съ судьбою отдѣльных племенъ и при разрушеніи государствъ не только теряетъ подъ собою твердую опору, но иногда совершенно гибнетъ. Потрясенія и бури обыкновенно уносятъ съ собою часть политическаго капитала и то, надъ чѣмъ трудились столѣтія, утрачивается въ большей или меньшей степени для потомства.

Итакъ должно согласиться, что элементъ разнообразія всегда будетъ силенъ въ государственныхъ наукахъ, что внѣшнія условія, которымъ подчинены народы, имѣютъ неоспоримое вліяніе на разработку политическихъ идей. Но современные скептики не въ мѣру преувеличиваютъ значеніе мѣстныхъ и историческихъ обстоятельствъ и приносятъ имъ въ жертву всѣ общественныя истины. Этотъ взглядъ особенно распространенъ въ настоящемъ столѣтіи и нашелъ сочувствіе даже между нѣкоторыми публицистами; когда теоріи XVIII вѣка были разрушены критикою, представители науки какъ будто потеряли довѣріе къ наукѣ и почти отказались отъ высшихъ ея началъ. Одна крайность породила другую; отъ поклоненія разуму всѣ перешли къ разочарованію. Намъ кажутся подобныя сомнѣнія не основательными и временными: они происходятъ отъ случайныхъ неудачъ и объясняются характеромъ эпохи. Обозрѣвая исторію политическихъ наукъ *въ цѣлости*, мы не находимъ причинъ отчаяваться въ успѣхѣ знанія и въ твердости истинъ. Результаты, добытые отдѣльными народами, въ тотъ или другой періодъ, разумѣется, могутъ казаться неудовлетворительными и односторонними съ общечеловѣческой точки зрѣнія; прогрессъ совершается въ косвенныхъ и неправильныхъ линіяхъ и по временамъ какъ бы ускользаетъ отъ нашихъ глазъ. Но несмотря на уклоненія, противорѣчія и несовершенства въ частностяхъ, должно согласиться, что *человѣчество, въ лицѣ передовыхъ своихъ органовъ, стремится къ лучшему*

общественному состоянію и постепенно пріобрѣтаетъ твердыя политическія начала для мысли и дѣйствія. Конечно, государственныя науки въ сравненіи съ другими, на примѣръ съ естественными, могутъ казаться подвижными, условными, и пока не имѣютъ еще всемірно-практическаго приложенія, потому что далеко не всѣ народы находятся на одинаковой ступени общественнаго быта, но тѣмъ не менѣе въ нихъ вырабатывается *элементъ единства*. Мы думаемъ, что теперь онъ уже достаточно выяснился, хотя разумѣется, окончательная его разработка принадлежитъ будущему. Не входя преждевременно въ подробности, позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько самыхъ краткихъ замѣчаній для доказательства этой мысли.

Общая начала въ политическихъ наукахъ могутъ быть выведены впервые изъ природы человеческой; ея требованія и законы всегда и вездѣ одинаковы и неизмѣнны; она вѣрна самой себѣ и высказывается извѣстнымъ образомъ при всѣхъ обстоятельствахъ и условіяхъ общественной жизни. Не нужно быть слишкомъ глубокимъ наблюдателемъ и философомъ, чтобы замѣтить сходство политическихъ явленій въ разныхъ государствахъ: оно происходитъ именно отъ того, что всѣмъ народамъ даны однѣ способности, чувства и побужденія, которыхъ ничто не можетъ уничтожить. Отсюда же объясняется, почему общественныя задачи извѣстнаго рода вездѣ рѣшаются одинаковымъ образомъ, несмотря на вліяніе внѣшнихъ условій, несмотря на видимую разнообразность племенъ, отчего даже въ учрежденіяхъ и обычаяхъ отдаленныхъ народовъ такъ много общаго. Только поверхностный умъ можетъ здѣсь видѣть игру слѣпаго случая или произвола; но чѣмъ ближе будемъ мы присматриваться къ политической жизни, чѣмъ глубже вникнемъ въ ея устройство, тѣмъ болѣе убѣдимся, что она подчинена высшимъ законамъ. Самыя перемѣны въ ней совершаются правильно и имѣютъ внутреннюю причину, то-есть происходятъ отъ врожденнаго разумнымъ существамъ стремленія къ прогрессу. Такимъ образомъ одна изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ задачъ публициста состоитъ въ раскрытіи тѣхъ физическихъ и духовныхъ силъ, качествъ и потребностей человѣка, отъ которыхъ зависитъ существованіе и цѣль государства: иначе нельзя понять органическихъ законовъ общества. Вотъ почему политическіе писатели съ древнѣйшихъ вре-

мень занимались глубокимъ изслѣдованіемъ человѣческой природы и, хотя шли къ своей цѣли разными, не всегда вѣрными путями, но вообще говоря, трудились не безплодно. Только упорный обскурантъ будетъ отрицать ихъ заслуги и считать потеряннымъ трудъ вѣковъ и народовъ; безпристрастный судья согласится, что несмотря на увлеченія и ошибки, публицисты въ значительной степени прояснили общественную истину. Конечно усилія разума далеко еще не увѣнчались полнымъ всестороннимъ успѣхомъ; въ этомъ отношеніи будущему предстоитъ сдѣлать много открытій, исправить погрѣшности, дополнить пробѣлы, но несмотря на это, можно сказать безъ преувеличенія, что *въ совокупности* государственныя науки уже достигли достаточной твердости и внутренняго единства. Въ частностяхъ и отдѣльных вопросахъ конечно разногласіе существуетъ; но въ высшихъ началахъ постепенно вырабатывается одно общечеловѣческое убѣжденіе; въ каждой отрасли политическаго знанія добыты аргюи и подтверждены опытомъ извѣстныя, всѣми признаваемые аксіомы, противъ которыхъ трудно спорить: онѣ оказались непогрѣшительными вездѣ, потому что основаны на неизмѣнныхъ, хотя и невидимыхъ законахъ самой природы, дѣйствующихъ во всякомъ обществѣ.

Но однѣ такъ-называемыя высшія аксіомы (всемирныя политическія истины), безъ сомнѣнія, не могутъ казаться вполне удовлетворительными для испытующаго ума и плодотворными для практическаго дѣятеля: число ихъ не велико; самое положеніе отдѣльныхъ поколѣній до того разнообразно, что нужно быть очень осмотрительнымъ въ отвлеченныхъ выводахъ и въ генерализаціи (обобщеніи). Несравненно сильнѣе государственныя науки въ *аксіомахъ средних* (*axiomata media*), подъ которыми разумѣются истины, прилагаемыя если не ко всему человѣчеству, то по крайней мѣрѣ ко многимъ народамъ, стоящимъ болѣе или менѣе на одинаковой ступени развитія, сходнымъ по происхожденію, вѣрѣ, законамъ и обычаямъ. Твердость и практическій авторитетъ этихъ началъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣйствительно внѣшнія условія, которыя имѣютъ вліяніе на политическую жизнь, при всей ихъ сложности, могутъ быть приведены къ единству. Сходство между народами зависитъ не только отъ общечеловѣческаго типа, который они на себѣ носятъ, но и отъ другихъ

причинъ; они сближаются между собою по самому географическому положенію и вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ; соплеменность, одинаковая религія, образованіе и форма правленія сильно содѣйствуютъ этому сближенію. Такимъ образомъ въ отдѣльныхъ государствахъ нерѣдко встрѣчаются одни и тѣ же элементы, въ которыхъ наука находитъ для себя твердую опору. Отсюда объясняется почему публицисты, при рѣшеніи вопросовъ законодательства и экономіи, по большей части явно или подразумеваемо имѣютъ въ виду христіанскій міръ или поколѣнія, принадлежащія къ европейской цивилизаціи. Строго говоря, только для этихъ поколѣній имѣютъ прямой, непосредственный авторитетъ политическія истины въ настоящее время; что касается до прочихъ народовъ, то они живутъ при иныхъ условіяхъ; ихъ характеръ и общественный бытъ дотого разнообразны, что въ нихъ труднѣе подмѣтить общія черты. Здѣсь мы встрѣчаемъ нѣсколько видовъ или группъ, которые должны быть разсматриваемы особо, а не могутъ быть поставлены на одну точку съ государствами передовыми или достигшими болѣе высокой ступени развитія.

Итакъ среднія аксіомы имѣютъ относительное значеніе. Но это нисколько не уменьшаетъ ихъ достоинства: ограниченія необходимы не въ однѣхъ политическихъ наукахъ. Развѣ натуралистъ и медикъ не принимаютъ въ соображеніе времени и мѣста, не отличаютъ родовъ и видовъ? Всякая человѣческая истина подчинена условіямъ и модификаціямъ; пословица не даромъ говоритъ, что «нѣтъ правила безъ исключенія». Если мы станемъ на высоту вѣчной абсолютной идеи, то ни одна наука не выдержитъ критики и не покажется намъ точною. Въ каждой области знанія надобно искать возможнаго, доступнаго, относительно совершеннаго. Съ этой точки зрѣнія общіе результаты, о которыхъ мы говоримъ, кажутся намъ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ для науки; въ нихъ заключается самая сильная ея сторона. Низшія аксіомы (*axiomata infima*), замѣчаетъ Бэконъ, не имѣютъ почти никакой разницы отъ указаній простаго опыта; высшія же и универсальныя (*suprema et generalissima*) слишкомъ отвлеченны и не совсемъ ясны и отчетливы, и потому не вполне удовлетворительны; напротивъ, на среднихъ, какъ на живыхъ и твердыхъ началахъ,

основана наша жизнь (1). Мы находимъ это замѣчаніе совершенно справедливымъ, въ особенности относительно политическихъ наукъ: онѣ непосредственно предназначены для жизни и не могутъ быть отдѣлены отъ ней; государственные люди и публицисты всегда искали въ нихъ наставленій для сознательной дѣятельности на пользу обществъ. Если наука давала удовлетворительный отвѣтъ на эти требованія, если подъ ея руководствомъ образованные народы рѣшали практическія задачи, значить, она уже достигла въ извѣстной степени своей цѣли, хотя бы признанныя ею начала не приобрѣли еще всемірнаго авторитета. Разработка среднихъ аксіомъ показываетъ такимъ образомъ успѣхи разума: онѣ находятъ въ нихъ твердую точку опоры, определенное плодотворное знаніе, котораго нельзя приобрести однимъ изученіемъ рутины, или чисто-отвлеченными умствованіями.

Но если результаты, добытые современною наукою, имѣютъ авторитетъ преимущественно для европейско-христіанскаго міра, отсюда не слѣдуетъ, чтобы другіе народы не могли въ послѣдствіи ими воспользоваться. Только тѣ отчаянные скептики, которые признаютъ непроизводительнымъ всякій умственный трудъ, допускаютъ подобный взглядъ; что касается до насъ,—мы далеки отъ этого мнѣнія. Конечно, каждое общество вырабатываетъ политическія идеи прежде всего для себя, и значительная часть политическаго капитала гибнетъ вмѣстѣ съ государствами, среди переворотовъ; конечно измѣненіе условій жизни дѣйствуютъ на законы и учрежденія: но не менѣе справедливо и то, что общечеловѣческая истина воспринимается новыми поколѣніями, и раньше или позже, положительно или отрицательно, приноситъ имъ пользу. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ исторія. Мы видимъ изъ ней, что опытъ и наука Грековъ и Римлянъ, которые были передовыми народами древности, не были утрачены для Европы, что начала европейской гражданственности становятся мало-по-малу достояніемъ другихъ частей свѣта. Основываясь на этихъ знаменательныхъ фактахъ и принимая въ расчетъ успѣхи

(1) *Novum organum* I, aphor. 69, 104. Какимъ образомъ могутъ быть построены среднія аксіомы въ отдѣльныхъ политическихъ наукахъ, объ этомъ подробно и основательно разсуждаетъ Корнвалль Льюисъ, *On methods of observation and reasoning in politics*. II, Chapt. XVI, XVII.

колонизаціи и сношеній, мы не только не имѣемъ повода думать, что политическія истины, надъ которыми столько вѣковъ трудятся христіянскіе народы, будутъ потеряны и, не оставивъ слѣда, исчезнуть, но напротивъ можемъ питать отрадное вѣрованіе, что онѣ послужатъ живительнымъ элементомъ всемірнаго прогресса и возведутъ къ лучшему общественному состоянію человѣчeskій родъ. Судя по прошедшему, также видно, что дѣйствіе внѣшнихъ условій, тяготящихся надъ народами, слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ идетъ впередъ образованіе, и что націи, способныя къ развитію, правда медленно, косвенными путями, но неотразимо поднимаются къ единству, то-есть становятся подъ одинъ политическій уровень. Если до сихъ поръ это не осуществилось на цѣлой землѣ, причинъ должно искать не въ безсиліи разума или науки, но въ высшихъ законахъ, управляющихъ судьбою человечества. Окончательное раскрытіе этихъ законовъ принадлежитъ будущему.

Итакъ, чтобы замѣтить прогрессъ въ политическихъ наукахъ, нужно отдѣлать общечеловѣчeskій элементъ отъ національнаго и передовые народы отъ народовъ, находящихся на низшей ступени гражданскаго быта. Скептики не обращаютъ на это вниманія; они или смѣшиваютъ общества въ одну безразличную массу, или же рассматриваютъ отдѣльныя государства и эпохи отрывочно, безъ связи. Оттого-то успѣхи разума кажутся имъ невѣрными, знаніе бесплоднымъ, политическое усовершенствованіе несбыточнымъ; они думаютъ, что всѣ истины живутъ и умираютъ вмѣстѣ съ государствомъ, въ которомъ онѣ родились. Мы думаемъ напротивъ, что каждый историческій народъ добывается и передаетъ другимъ извѣстныя идеи, что горизонтъ общественныхъ наукъ болѣе и болѣе раздвигается, и наконецъ обниметъ цѣлый міръ. Предѣлы этого горизонта уже теперь довольно обширны: христіянскія общества, при всемъ разнообразіи учреждений и мѣстныхъ условій, выработали для себя политическія истины, авторитетъ которыхъ мало-по-малу распространился на прочія части свѣта, куда только проникли Европейцы.

Вообще движеніе государственныхъ наукъ состоитъ въ тѣсной связи съ движеніемъ цивилизаціи: оно совершается по одному закону, съ одинаковою силою. Съ этой точки зрѣнія преимущественно намѣрены мы бросить взглядъ на ихъ исторію. Предѣлы

журнальной статьи и богатство предмета не позволяют намъ увлечься подробностями. Предлагаемый очеркъ можетъ казаться слишкомъ бѣглымъ и неудовлетворительнымъ. Но во всякомъ случаѣ цѣль наша будетъ достигнута, если читатель найдетъ здѣсь отвѣтъ на вопросы: какъ пробудилась у новоевропейскихъ народовъ политическая мысль? какія событія дали ей направленіе и содѣйствовали ея развитію? когда государственныя науки сдѣлались самостоятельными, и что въ особенности подвигало ихъ впередъ? Писатели, указанные въ началѣ статьи, облегчатъ намъ разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ и помогутъ сдѣлать надлежащую оцѣнку высшихъ результатовъ современнаго знанія.

Исторія государственныхъ наукъ въ ихъ цѣлости и взаимной связи не была разработана до сихъ поръ. Правда, нѣкоторые публицисты давно уже занимались обзорѣмъ отдѣльныхъ періодовъ и написали нѣсколько монографій о тѣхъ или другихъ отрасляхъ политической литературы. Такъ Раумеръ, Вейцель, Фихте, а въ послѣднее время Форлендеръ прослѣдили постепенное развитіе общихъ идей о государствѣ; политическая экономія, статистика, международное право, также имѣли своихъ историковъ. Но общій ходъ политическихъ наукъ не былъ удовлетворительно объясненъ никѣмъ. Задача казалась неисполнимою и пугала всѣхъ своею обширностію: самый свѣтлый умъ могъ потеряться въ безконечной массѣ матеріаловъ, идей и фактовъ; притомъ же почти всѣ отрасли политическаго знанія долго находились въ броженіи; въ нихъ было много неустановившихся началъ. Вообще это дѣло требовало не только особеннаго таланта, но всесторонняго образованія, зрѣлости и многолѣтнихъ усилій. Блещетно справедливо говорить, что всего труднѣе понять и изслѣдовать тѣ неумовимые законы, которые двигаютъ общественнымъ мнѣніемъ и политическою мыслию. Источники, надъ которыми здѣсь долженъ работать умъ, разсыяны въ такомъ безнадежномъ хаосѣ, что, повидимому, ихъ нельзя собрать въ одно цѣлое. Дѣйствительно, если вспомнить, какое вліяніе имѣютъ мѣстныя условія и внѣшнія событія на политическую жизнь, какъ она разнообразна и не постоянна,—то легко представить себѣ всю обширность и сложность задачи. Не удивительно, что не скоро нашлись люди съ достаточными силами для основательнаго ея разрѣшенія. Только въ послѣднее время европейская литература пріобрѣла два капитальныя сочиненія по

этому предмету; одно изъ нихъ вышло въ Англіи, другое въ Германіи; оба впрочемъ еще не окончены. Авторъ перваго, Блеки, предпринялъ написать исторію политической литературы съ древнѣйшихъ временъ и у всѣхъ замѣчательныхъ народовъ. Въ двухъ вышедшихъ книгахъ онъ уже довелъ свое обзорѣніе до 1700 года; остальные двѣ будутъ посвящены XVIII и XIX столѣтіямъ. Блеки сосредоточиваетъ свое вниманіе на томъ, чтобы объяснить происхожденіе и развитіе политической мысли въ Европѣ вообще и въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ. Онъ разсматриваетъ не столько результаты, сколько самый ходъ науки; его занимаютъ преимущественно историческія событія, которыя дѣйствовали на умы и влекли человечество по извѣстной дорогѣ къ разрѣшенію общественныхъ вопросовъ. Что касается до писателей, они расположены у англійскаго публициста этнографически и по времени, а не по содержанію; ему часто кажется достаточнымъ одно перечисленіе сочиненій; въ критикѣ вообще онъ слабъ и неудовлетворителенъ. Совершенно другую цѣль имѣлъ знаменитый гейдельбергскій профессоръ Робертъ Мольте. Его твореніе заключаетъ въ себѣ внутреннюю исторію политическихъ наукъ; онъ имѣетъ въ виду «показать родовое развитіе каждой отрасли знанія», объяснить, какъ вырабатывались у европейскихъ народовъ однѣ и тѣ же политическія истины и убѣжденія, до какихъ общихъ результатовъ дошли изслѣдованія о государствѣ. Для Мольте не столько важны эпоха и народность писателя, сколько содержаніе сочиненій; онъ расположилъ свои богатые матеріалы синхронистически и по предметамъ; онъ не ограничивается чисто библіографическимъ обзорѣніемъ, но вездѣ отыскиваетъ внутреннюю связь идей, анализируетъ высшія начала, слѣдитъ за развитіемъ догмы. Въ двухъ отпечатанныхъ томахъ Мольте содержится, кромѣ общей части, исторія философскаго и отчасти положительнаго государственнаго права (1), также права международнаго; третій, обѣщанный авторомъ томъ обвиняетъ политику со всѣми ея отраслями.

(1) До сихъ поръ Мольте изложилъ государственное право Соединенныхъ Штатовъ, Швейцаріи, Англіи и Германіи; въ третьемъ томѣ онъ намѣренъ коснуться Франціи.

Отсюда видно, что оба писателя не сходятся между собою ни въ цѣли, ни въ методѣ. Несмотря на это, они дополняютъ другъ друга и могутъ служить превосходнымъ пособіемъ тому, кто желаетъ познакомиться съ исторіею государственныхъ наукъ. Германскій профессоръ, конечно, почти во всѣхъ отношеніяхъ далеко превосходить своего соперника: его сочиненіе есть плодъ трудовъ цѣлой жизни; въ немъ заключается, такъ сказать, политическій космосъ нашего времени. Глубина взгляда, возвышенность и спокойствіе мысли, всеобъемлющее знаніе — отличительныя качества Моля; его критики, по вѣрности и безпристрастію, могутъ считаться образцовыми, даже не имѣютъ себѣ подобныхъ. Но англійскій публицистъ отличается также неоспоримыми достоинствами и между ними однимъ очень важнымъ: его книга ясна, понятна для большинства. Чтобы понимать Моля, надобно быть хорошо приготовленнымъ; его можетъ оцѣнить вполне только специалистъ, человѣкъ, знакомый съ современнымъ состояніемъ политическихъ наукъ; напротивъ, Блеки далъ своему сочиненію самую популярную форму. Кромѣ того, у него были подъ рукою нѣкоторые матеріалы, недоступные для германскаго профессора, особенно касательно среднихъ вѣковъ и старой политической литературы. Вотъ почему, намѣреваясь познакомить читателей съ обоими, мы начнемъ съ Блеки: онъ будетъ для насъ хорошимъ руководителемъ, а во многихъ случаяхъ даже истолкователемъ Моля.

Первоначальнымъ источникомъ политическаго знанія для христіанскихъ народовъ была Библія. Въ Ветхомъ Заветѣ нашли они древнѣйшіе памятники семейной жизни, общественнаго порядка и законодательства, и къ изученію этихъ-то памятниковъ обратилась прежде всего дѣятельность умовъ. Духъ Св. Писанія отражается почти на всѣхъ писателяхъ, жившихъ до половины XVII столѣтія; они проникнуты библейскимъ воззрѣніемъ; религіозный элементъ является у нихъ преобладающимъ, если не исключительнымъ. «Устройство еврейскаго государства, говоритъ Блеки, было долго пробнымъ камнемъ политическихъ теорій и во многихъ случаяхъ побудительнымъ органомъ къ изслѣдованіямъ о государствѣ.» Мыслители среднихъ вѣковъ находили въ немъ

единственный образецъ, достойный подражанія, и заботились, чтобы хотя отчасти приблизить къ нему существующее общество. Кроме того, древній міръ завѣщалъ новому политическую литературу Греціи и обширное законодательство Рима въ руководство для мысли и жизни. Платонъ, и особенно Аристотель, сдѣлались наставниками въ наукѣ, еще незрѣлой и робкой; практика же нашла себѣ опору въ живыхъ учрежденіяхъ и кодексахъ, которыми такъ прославилась римская гражданственность. Подъ совокупнымъ вліяніемъ этихъ элементовъ сѣмена знанія незамѣтно, мало-по-малу передавались поколѣніямъ. Первые публицисты и государственные люди Европы шли какъ бы ощупью, по невѣдомой дорогѣ, но инстинктъ ихъ былъ вѣренъ: онъ указалъ имъ средства къ усовершенствованію общественной жизни. Самые событія облегчили для народовъ трудный процессъ усвоенія политическихъ истинъ: христіанство не уничтожило, но приняло въ себя и переработало древній законъ, данный Евреямъ; произведенія классическихъ писателей сохранились среди всемірнаго переворота; наконецъ, невольное чувство уваженія варваровъ къ Риму спасло отъ гибели драгоценные остатки государственнаго устройства и законодательства. Такимъ образомъ ни одно живительное и плодотворное начало не было утрачено среди всеобщаго разрушенія, но перешло въ вѣру и сознаніе человечества. Древность завѣщала новой Европѣ все, что было достойно сохраненія.

Однакожь протекло много вѣковъ, прежде нежели зародыши, брошенные на европейскую почву, пустили корни. Общества, основанныя германскими народами, долго находились въ хаотическомъ, какъ бы безвыходномъ положеніи, и подвергались дѣйствію самыхъ противоположныхъ, враждебныхъ силъ. Послѣ введенія христіанской религіи, наступило время всеобщей, колоссальной борьбы, крутаго перелома. Никогда до тѣхъ поръ не испытывалъ міръ столкновенія подобныхъ событій. Римъ умиралъ въ страшной, мучительной агоніи; государства смѣнялись съ неимоверною быстротой, оставляя за собою однѣ развалины; нестройныя и дикія массы проходили съ огнемъ и мечемъ. Сквозь эту бурю и мракъ виденъ только зажженный свѣтильникъ новой религіи. Мирно, медленно, но неотразимо прокладывала она себѣ дорогу: необузданный потокъ насилія не остановилъ ея. Бессо-

знательно, какъ бы противъ воли, завоеватели подчинялись одинъ за другими духовному завоеванію. Вѣра связала ихъ свѣжія души своими нравственными узами, нечувствительно они были приведены къ христіанскому единству.

Понятно, что христіанство, какъ духовная сила, должно было дѣйствовать прежде на внутренняго чловѣка, на воспитаніе, и потомъ уже на общественную жизнь. Политическое его вліяніе сначала было слабо; чтобы одолѣть варварство, невѣжество и пороки вѣка, нужно было дѣйствовать на умы и сердца новыхъ поколѣній. Церковь могла разрушать только нравственнымъ оружіемъ; у нея не было другихъ средствъ къ преобразованію обществъ, кромѣ поученія, убѣжденія, примѣра; она не приняла на себя разомъ построенія новаго порядка, но руководила народы на пути къ организаціи, и своими нравственными началами облегчала для нихъ разрѣшеніе трудной задачи. Блени объясняютъ это косвенное и посредственное, но тѣмъ не менѣе постоянное и систематическое вліяніе христіанской религіи слѣдующимъ образомъ:

«Священное Писаніе сдѣлалось великимъ и могущественнымъ органомъ, съ помощію котораго люди могли повѣрять каждую форму общества и систему управленія; оно изобилуетъ фактами, аксіомами, наставленіями и пророчествами для руководства правителей и подданныхъ. Христіанская религія подвергла чловѣка ответственности за всю его жизнь, заставила его давать отчетъ въ исполненіи высочайшихъ обязанностей; она внушила ему, что этотъ міръ не есть для него послѣднее мѣсто успокоенія, что высшій судъ будетъ судить всѣ его дѣйствія, что справедливость, истина и милосердіе должны управлять общественными и, слѣдовательно, политическими отношеніями.

«Не удивительно, что въ первые вѣка послѣ введенія христіанства, политическая литература слилась съ интересами и внѣшнею судьбой новой религіи. Библия принесла съ собою новую государственную науку и сообщила ей живой интересъ. Эта наука, какъ молодое и нѣжное растеніе, была принята подъ защиту отцовъ церкви. Они были единственными политическими наставниками своего времени. Общественная истина сдѣлалась въ ихъ рукахъ непреодолимою и прогрессивною силой. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій мы не находимъ дру-

гой политической литературы, кромѣ твореній отцовъ церкви. Въ этой литературѣ преобладаетъ совершенно особенный, оригинальный характеръ; она отличается чисто-богословскимъ и нравственнымъ направленіемъ. Здѣсь мы не найдемъ строгихъ и послѣдовательныхъ теорій, но одни косвенныя указанія и отвѣты на общественные вопросы. Тогда не было еще матеріаловъ, на которыхъ можетъ быть построена цѣлая система управления, а потому отцы церкви ограничивались нападеніями на отдѣльные недостатки и злоупотребленія въ государствахъ. Чтобы разрѣшить трудную задачу кореннаго преобразованія, нужно было приготовить умы къ принятію христіанскаго кодекса. Въ этомъ-то состоитъ главная заслуга упомянутыхъ писателей. Правда, они провозглашали свои истины медленно, дѣйствовали на устраненіе общественныхъ предразсудковъ непрямымъ, посредственнымъ образомъ, но во всякомъ случаѣ достигли цѣли. Обширная масса ложной философіи, языческаго варварства и невѣжества, которая останавливала политическое просвѣщеніе, послѣ упорной и продолжительной борьбы уступила мѣсто новымъ началамъ. Ихъ спасительный свѣтъ мало-по-малу озарилъ общества» (1).

Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ входить въ подробный разборъ сочиненій, въ которыхъ отцы церкви высказываютъ свои политическія идеи. Содержаніе этихъ сочиненій очень разнообразно: въ однихъ изложены основныя начала общественной жизни, въ другихъ разрѣшаются отдѣльные, практическіе вопросы законодательства и государственной экономіи, между которыми многіе интересуютъ и современный міръ. Сюда относятся напримѣръ вопросы о процентахъ, о скулкѣ състныхъ припасовъ, о публичной и частной благотворительности, о правахъ иностранцевъ (2). Вообще, христіанскіе писатели отличаются возвышеннымъ взглядомъ на политическія науки. Они анализировали первоначальные элементы сложнаго государственнаго организма, объясняли различныя фазы общественной жизни и

(1) *Blakey I*, 135—141. Мы привели здѣсь только главныя мысли этого писателя.

(2) Разборъ этихъ сочиненій можно найти у Блеки I, 141—149, и въ особенностяхъ у Лорана въ четвертомъ томѣ его *Études sur l'histoire de l'humanité* pp. 474—535 (Gand 1855).

старались доказать, что человекъ, при всей ограниченности и несовершенствѣ своей природы, способенъ къ гражданскому прогрессу. Жестокость и несправедливость древняго законодательства была предметомъ ихъ постоянной оппозиціи; они благородно и энергически выставили сильнымъ земли законъ правды и милосердія, какъ единственное основаніе власти.

Дѣйствуя рѣшительно и наступательно противъ языческаго порядка и провозглашая новыя начала гражданской жизни, правосудія и свободы серьезнымъ, поучительнымъ тономъ, христіанство мало-по-малу подчинило себѣ умы, и такимъ образомъ приготовило путь къ перемѣнамъ. Имѣя на своей сторонѣ общество и правительства, церковь могла уже смѣло приступить къ реформамъ и дѣйствительно стала въ главѣ движенія, приняла на себя инициативу въ политическихъ нововведеніяхъ. Стройная организація духовенства, частыя пренія о жизненныхъ вопросахъ догмы, іерархіи и дисциплины, сочувствіе къ публичнымъ интересамъ, высказанное на соборахъ и въ синодахъ, знаніе, талантъ и краснорѣчіе церковныхъ правителей, героическій и просвѣщенный патріотизмъ христіанскихъ общинъ, — все это дало въ государствахъ религіозному элементу рѣшительный перевѣсъ. Сюда должно присоединить еще постоянно-возраставшее вліяніе папской власти.

Итакъ не удивительно, что для христіанскихъ народовъ церковь сдѣлалась надолго единственнымъ элементомъ общественнаго прогресса, высшею опорою правительствъ и душою преобразований. Въ ней одной жила и вырабатывалась политическая идея въ продолженіи первыхъ десяти столѣтій. Дѣйствительно, всѣ государственныя стремленія того времени, какъ видно изъ исторіи, проникнуты религіознымъ характеромъ; ни одна великая личность не свободна отъ богословскаго авторитета; мыслители и практическіе дѣятели подчинены ему сознательно или безсознательно; теократическій элементъ одинаково господствуетъ въ жизни и въ литературѣ; нравственный перевѣсъ духовной власти надъ свѣтскою обнаруживается на каждомъ шагѣ: общественныя улучшенія исходятъ обыкновенно отъ церкви или совершаются подъ ея руководствомъ; она имѣетъ вліяніе даже на завоевателей, заставляя ихъ служить своимъ цѣлямъ, то-есть дѣйствовать на пользу распространенія христіанства.

Борьба германскихъ императоровъ съ папами открываетъ новую эпоху. Гармонія между свѣтою и духовною властью нарушается, первая стремится къ самостоятельности, къ освобожденію себя отъ опеки; вторая старается удержать за собою первенство. Не будемъ распространяться объ историческомъ значеніи этой продолжительной борьбы: отъ ея исхода зависѣла политическая будущность христіанскаго міра. Блѣки разсматриваетъ со вниманіемъ событія, которыя содѣйствовали эманципации государствъ и развитію гражданской жизни до конца среднихъ вѣковъ. Подъ влияніемъ великаго столкновенія, въ обществахъ возникли учрежденія, которыя до сихъ поръ служатъ основаніемъ европейскаго устройства. Послѣ крестовыхъ походовъ послѣдствія спора между Римскимъ дворомъ и королевскою властью уже обозначились вездѣ: теократическій элементъ видимо ослабѣлъ; феодальная система склонилась къ упадку; государственное начало взяло верхъ надъ автономіею частныхъ лицъ; между народами распространились торговыя сношенія. Нѣтъ нужды доказывать, что окончательные результаты борьбы выявились постепенно и медленно: она прекращалась и возобновлялась нѣсколько разъ.

Въ то время когда совершался въ Европѣ этотъ трудный процессъ организациі самостоятельныхъ государствъ, политическая мысль начала высказываться внѣ церкви. Борьба императоровъ съ папами сильно затронула умы, даже между духовенствомъ произошелъ расколъ по вопросу объ отношеніи церкви къ государству; единство убѣжденій было потеряно; послѣдователи теократіи отделились отъ приверженцевъ королевской власти. До сихъ поръ публичные интересы обсуживались преимущественно богословами или подъ ихъ влияніемъ; теперь являются свѣжіе писатели. Сопrotивленіе императоровъ и королей Римскому двору вызвало ихъ къ дѣятельности, дало имъ смѣлость говорить. Разумѣется, при отсутствіи книгопечатанія, ихъ сочиненія не могли имѣть большаго хода, но во всякомъ случаѣ они приобрѣли извѣстное вліяніе на публику тѣмъ или другимъ образомъ. Между писателями этой эпохи самое видное мѣсто занимаютъ схоластики. Несмотря на богословскій духъ, который въ сильной степени замѣтенъ въ ихъ сочиненіяхъ, *они разсматриваютъ государственныя вопросы независимо, отдѣльно отъ церковныхъ.* Конечно, главнымъ предметомъ ихъ занятій была фи-

дософія, но они коснулись также общественной науки, раскрыли для наставленія политику Аристотеля и старались согласить ее съ Св. Писаніемъ. Несмотря на отсутствіе самостоятельности, сухую форму и другіе недостатки, эти писатели заслуживаютъ вниманія, какъ первые наставники юношества и просвѣтители молодыхъ поколѣній. Блэки отдастъ имъ полную справедливость и вѣрно опредѣляетъ ихъ заслуги для того темнаго, смутнаго времени, въ которое имъ суждено было жить и дѣйствовать (1). «Не должно забывать, говоритъ онъ, что схоластики очень помогли дѣлу гражданской свободы и просвѣщенія: они всегда защищали право человеческого разума на рѣшеніе государственныхъ задачъ, сообщали единство и методу политическимъ умозрѣніямъ и смотрѣли на науку правленія, какъ на самобытную отрасль знанія. Вопросы о происхожденіи общества, объ основаніи и авторитетѣ гражданского закона преимущественно интересовали философовъ. Вообще схоластическія изслѣдованія о политикѣ носятъ на себѣ отвлеченный, трансцендентальный характеръ; факты и наблюденія имѣли для этихъ писателей второстепенную важность: ихъ ученіе построено на абстрактныхъ началахъ; они опираются прежде всего на религію и нравственность.» Многіе схоластики были на сторонѣ свѣтской власти и возбудили противъ себя преслѣдованія римскаго двора; изъ нихъ особенно замѣчательнъ Шотландецъ Вилліамъ Оккамъ. Его книга «De Potestate ecclesiastica et seculari» (1326) имѣетъ цѣну даже въ настоящее время. Альбрехтъ Великій, Томасъ Аквинскій, Эгидій Колонна также отличаются достоинствами: будучи поодѣлователями Аристотеля, они высказали довольно безпристрастный и основательный взглядъ на вопросы, волновавшіе тогда христіанскій міръ. — Между защитниками папы первое мѣсто занимаетъ Антонинъ, архіепископъ Флорентинскій: на него можно смотрѣть какъ на представителя крайнихъ теократическихъ убѣжденій; онъ совершенно подчиняетъ свѣтскую власть духовной. Но большая часть средневѣковыхъ писателей старалась примирить между собою спорящія стороны и обозначить для каждой изъ нихъ точными границами отдѣльную сферу. По понятіямъ тогдашняго времени христіанскій міръ долженъ былъ составить одно великое государство; папа и императоръ должны

(1) Blakey I, 218—230; 306—352; 454—457.

были управлять имъ совмѣстно, дѣйствовать гармонически. Но какимъ образомъ достигнуть желанной гармоніи, гдѣ найти спасительную средину,—въ этомъ трудно было согласиться. Задача оказалась неразрѣшимой не только на практикѣ, но и въ теоріи. Къ сожалѣнію, взволнованные умы не скоро отказались отъ своего увлеченія; историческія событія не обратили ихъ на настоящую дорогу; они упорно держались за утопію и продолжали бесплодную полемику до конца среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ развитіе государственныхъ наукъ замедлилось: вмѣсто того, чтобы заниматься рѣшеніемъ національныхъ и практическихъ вопросовъ, ученые создавали идеалы всеобщей теократической монархіи и потерялись въ несбыточныхъ представленіяхъ о политическомъ единствѣ христіанскихъ народовъ.

Такое направленіе умовъ непременно должно было вызвать оппозицію и сатиру. Дѣйствительно уже съ XII, а въ особенности съ конца XIV столѣтія во Франціи, Англіи и Голландіи появляются сочиненія такого рода: пѣсни, сказки, памфлеты политическаго содержанія. Въ нихъ высказываются жалобы на общественныя злоупотребленія и пороки, нападки на существующій порядокъ и насмѣшки надъ сословіями и отдѣльными лицами. Эти произведенія отличаются грубостью формы, желчью и негодованіемъ; лучшія изъ нихъ приведены у Блеку (1). Видно, что надъ ними трудились смѣлые, умныя головы и въ особенности поэты. Впрочемъ серіозныхъ памфлетовъ этого времени дошло до насъ немного; изъ сохранившихся почти всѣ направлены противъ римскаго двора и наполнены протестами противъ папъ. Дантъ, Петрарка, канцлеръ Герсонъ,—вотъ самые опасные враги духовной власти.

Если мы присоединимъ къ этому глгописи и немногія юридическія и статистическія сочиненія (2), авторы которыхъ касаются государственныхъ вопросовъ случайно, мимоходомъ, или съ исключительной точки зрѣнія, то исчерпаемъ весь скудный запасъ средневѣковой политической литературы. Разсматривая ея содержаніе въ цѣлости, должно согласиться, что это время не благопріятствовало отдѣльной и систематической разработкѣ политическихъ наукъ: онѣ не могли подвинуться впередъ до тѣхъ поръ, пока не окончился трудный и сложный процессъ

(1) Blakey I, 364—377.

(2) Blakey, I, 362—364; 401—444.

организаціи обществъ. Народы тогда еще не чувствовали потребности политическаго знанія ; дѣятельность умовъ обращена была преимущественно на вопросы религіи ; правительства руководствовались при рѣшеніи государственныхъ задачъ простымъ инстинктомъ, внушеніями минуты, указаніями житейскаго благоразумія , или увлекались къ предпріятіямъ и реформамъ силою обстоятельствъ ; наука была почти недоступна обществу ; ея преданія хранились въ стѣнахъ монастырей и школъ и были извѣстны только богословамъ и схоластикамъ, для которыхъ она была постороннимъ, второстепеннымъ предметомъ.

Поэтому до XV столѣтія мы не находимъ въ европейской литературѣ цѣлостныхъ , стройныхъ изслѣдованій о государствѣ, какія встрѣчаются напримѣръ у Грековъ и Римлянъ. Изъ представителей средневѣковой учености никто не изложилъ политическихъ наукъ въ полнотѣ и связи ; они довольствовались построеніемъ основныхъ началъ , или касались отдѣльныхъ предметовъ и вносили въ свои сочиненія богословскій духъ. Но во всякомъ случаѣ отсюда нельзя еще заключить, чтобы этотъ періодъ времени не имѣлъ никакого смысла въ исторіи политическаго просвѣщенія. Въ средніе вѣка, говоритъ Блеку, было немного писано, но много сдѣлано для науки о государствѣ: она не только была сохранена отцами церкви и схоластиками , но передана европейскимъ обществамъ въ обновленномъ видѣ ; въ основаніе ея легли чистыя и возвышенныя истины христіанства. Въ этомъ состоитъ главная заслуга упомянутыхъ писателей : они примирили знаніе съ вѣрою ; указали дорогу къ усовершенствованію общественной жизни въ духѣ любви и мира ; имъ нельзя было ничего больше сдѣлать для своего времени и будущихъ поколѣній. Упрекать ихъ въ томъ , что они смотрѣли на общественную науку исключительно съ религіозной точки зрѣнія и не занимались спеціально разработкою ея частей и догмъ , было бы несправедливо. Чтобы оцѣнить трудъ первыхъ политическихъ наставниковъ , нужно имѣть въ виду ихъ особенное положеніе въ обществѣ , вникнуть въ характеръ и требованія эпохи. Идея о государствѣ тогда еще не выяснилась ; интересы церкви поглощали всеобщее вниманіе ; умы были отвлечены отъ гражданскихъ и національных вопросовъ ; теократическія понятія , завоевательныя и феодальныя стремленія препятствовали развитію политическаго смысла. При такихъ обстоятельствахъ одна религія

могла быть источникомъ знанія и живительнымъ началомъ прогресса; общественная истина проникала въ голову и сердце народовъ, становилась для нихъ доступною только тогда, когда провозглашалась во имя христіанства. «Вотъ почему, говоритъ Блеку, каждый изъ писателей среднихъ вѣковъ взывалъ къ ученію вѣры, къ нравственнымъ ея догмамъ! Въ этомъ заключается тайна ихъ вліянія и успѣха. Всѣ передовые люди тогдашняго времени чувствовали, что политическая природа человѣка еще отъ него закрыта, что онъ не въ силахъ понять внутреннихъ законовъ, на которые опирается общественная жизнь, и поэтому старались объяснить ему его собственное, высокое призваніе, его долгъ къ Богу и ближнимъ (1).» Такимъ образомъ писатели этого времени дѣйствовали хотя косвенно, но могущественно на политическое просвѣщеніе Европы. Раскрывая начала христіанской нравственности, они внушали народамъ идеи общественной правды и добра, сочувствіе къ низшимъ классамъ, убѣжденія въ единствѣ и достоинствѣ человѣческой природы и сознаніе братства. Это направленіе, разумѣется, особенно преобладаетъ въ сочиненіяхъ учителей церкви; впрочемъ и схоластики также отличаются, какъ мы видѣли, возвышеннымъ взглядомъ на государство: по ихъ мнѣнію, политика, какъ наука о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ между властителями и подданными, должна быть основана на началахъ нравственныхъ; они признаютъ верховный законъ справедливости единственною опорою обществъ. Эти идеи, какъ мы видимъ, были приняты и развиты въ теорію позднѣйшими публицистами. Поэтому можно сказать безъ преувеличенія, что ученые среднихъ вѣковъ, несмотря на ихъ богословскій характеръ, несмотря на отсутствіе самостоятельности, политическаго духа и системы въ ихъ сочиненіяхъ, несмотря на ихъ отрывочность, неполноту, несвязность и другіе недостатки, оказали существенныя услуги наукъ: они не только сберегли ея памятники и оставили своимъ преемникамъ богатый матеріалъ, но и возвысили ея достоинство. Ихъ утопіи были скоро забыты, но провозглашенныя ими во имя религіи и нравственности общественныя истины вкоренились и окрѣпли въ сознаніи христіанскихъ народовъ.

Д. Каченовскій.

(1) Blakey, I, 468.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ПОВѢСТЬ

Избалованный всѣмъ, что только окружало его, онъ привыкъ давать полную волю каждому порыву пылкаго своего нрава и всѣмъ затѣямъ ограниченнаго ума.

А. С. Пушкинъ. (*Дубровский*, т. 1.)

Предисловіе.

Года четыре тому назадъ привелось мнѣ быть въ большомъ селѣ Заборьѣ.

Стоитъ оно на Волгѣ. Мѣсто стало-быть привольное.

Это старинное гнѣздо угасшаго рода князей Заборовскихъ принадлежитъ теперь винному откупщику Кирдяпину, родитель котораго былъ когда-то поднощикомъ въ Разгуляѣ. А Разгуляй—это любимѣйшій народомъ кабакъ въ селѣ Заборьѣ.

Стоитъ онъ между пристанью и базаромъ. Мѣсто веселое, бойкое.

Мѣстоположеніе села чрезвычайно живописно. Крутой, высокій берегъ Волги здѣсь перемежается, образуя довольно обширную, склонящуюся къ рѣкѣ ложину, въ которой и расположено Заборье. Здѣсь до десятка златоверхихъ церквей, сорокъ или пятьдесятъ двухъэтажныхъ каменныхъ домовъ, прочіе дома городской постройки, обширный гостиный дворъ, нѣсколько фа-

брикъ и заводовъ: повсюду дѣятельность кипучая. По берегу Волги тянется длинный рядъ амбаровъ для складки хлѣба и другихъ товаровъ, а въ пристани стоитъ не одна сотня барокъ, росшивъ, ладей, паузковъ и другихъ разной конструкціи и величины парусныхъ судовъ. Поодаль, въ особой пристани, устроенной въ Кривоборскомъ затонѣ, дымятся пароходы. Въ сторонѣ мель, и на ней обсохшая коноводка. А на плесѣ покачивается гардкоутъ—послѣднее воспоминаніе о старинѣ, въ которую на Волгѣ однимъ крикомъ «сарынь на кичку!» можно было остановить и ограбить цѣлый караванъ судовъ. Слава Богу, теперь — «сарынь на кичку», а потому и гардкоутовъ, на Волгѣ больше нѣтъ. Вотъ мели такъ есть,—и они, ей-Богу, не въ примѣръ хуже старинной «сарынь на кичку». Болтаютъ, будто судохозяева и деньги собирали, чтобы разчистить ихъ, да видно деньги-то не въ ту руку попали.

И справа, и слѣва тѣсно застроеннаго и шумно-оживленнаго села Заборья, какъ великаны, высятся крутыя горы изъ краснаго мергеля, которыя потомъ и сопутствуютъ волжскому берегу. На одной красуются величественные храмы XVII столѣтія, украшенные снаружи стѣнописью, увѣнчанные золотыми шатрами и куполами. Они, вмѣстѣ съ громадными двухъэтажными зданіями, обнесены зубчатыми бѣлокаменными стѣнами, высокими башнями и бойницами. Ни казанскіе Татары, ни лисовчики, ни сообщники Разина не могли взять этихъ твердынь, хотя и не разъ пытались овладѣть заборскимъ монастыремъ, зная о множествѣ сокровищъ, въ немъ находящихся. Теперь не то, теперь здѣсь тихое безмятежное пристанище благочестивыхъ иноковъ, размѣстившихся по уголкамъ громадныхъ келлій, въ которыхъ нѣкогда тѣсно было жить многочисленной братіи и толпамъ слугъ и служебниковъ обители заборской.

По другую сторону Заборья высятся на горѣ палаты князей Заборовскихъ. Величественный дворецъ, строенный въ прошломъ столѣтіи по плану знаменитаго Растрелли, окруженный полуразвалившимися флигелями и службами, господствуя надъ Волгой и надъ Заборьемъ, угрюмо смотритъ на новую, развившуюся подъ ногами его кипучую дѣятельность. Запустѣлый, обветшалый, точно переглядывается онъ съ древними зданіями монастырскими: ведутъ межъ собой эти каменные старцы тихую бесѣду о суетѣ

мірской, что внизу гуломъ тысячи голосовъ и звуковъ даетъ знать о себѣ, о привольѣ мѣста, и о довольствѣ народа. Ведутъ угрюмые старцы бесѣду, а сами будто сокрушаются, что минули *старые годы*, когда наверху былолюдно и шумно, а внизу, на селѣ, и говорить громко не смѣли..

Земскій исправникъ, обязательно предложившій мнѣ показать заборскій дворецъ, едва могъ добиться ключей. Оказалось, что трое дворовыхъ, приставленныхъ для охраненія гнѣзда угасшихъ князей Заборовскихъ, весьма основательно разсчитали, что если они на время отлучатся, то никакіе злонамѣренные люди ввѣреннаго имъ зданія не украдутъ. На основаніи такого, вполне логическаго соображенія, отправились они на пристань шить кули для набивки муки, чтобы, заработавъ по пятиалтынному на брата поденщины, провести нѣсколько веселыхъ часовъ въ пріятномъ обществѣ Разгуляя.

Покажѣсть посланный исправникомъ сотскій отыскивалъ приставниковъ заборскаго дворца, мы пошли въ садъ. Садъ огромный, версты на двѣ тянется онъ по вѣнцу горы, а по утесамъ спускается до самой Волги. Прямые аллеи, обсаженные вѣковыми липами, не пропускающими внизъ свѣта Божьяго, походили на какіе-то подземные переходы. Мѣстами, гдѣ стволы деревьевъ срослись въ сплошную почти массу, чуть не ощупью надобно было пробираться по сырымъ грудамъ обвалившейся суши и листьевъ, которыхъ гдѣ въ восемьдесятъ не убирали въ запущенномъ саду. Идя по этой аллеѣ, вспомнилъ я одного добраго своего пріятеля, чрезвычайно любящаго, не въ укоръ ему будь сказано, украшать разказы свои, на основаніи пословицы: «красно поле рожью, а рѣчь ложью». Одинъ разъ онъ разказывалъ, крестясь и божась всѣми святыми угодниками, что въ его дѣдовскомъ саду такая древняя аллея есть, что по верхамъ сросшихся липъ можно въ каретѣ разѣзжать. Что бы совралъ пріятель мой, еслибы посмотрѣлъ на аллеи заборскія?

Кое-гдѣ уцѣлѣли каменные постаменты, на которыхъ, должно-быть, стояли въ старые годы статуи. Извѣстный богачъ прошедшаго столѣтія, князь Алексѣй Юрьевичъ, скупилъ много статуй за границей и поставилъ ихъ въ своемъ Заборѣ. Куда послѣ него дѣвались онѣ, не знаю... Вотъ на одномъ постаментѣ уцѣ-

гѣли буквы *Iov... omnipoten....* Вотъ на другомъ ясна надпись *Venus et Adonis*.

Повернувъ изъ главной аллеи въ сторону, очутились мы передъ глубокимъ оврагомъ, который, простираясь до самаго берега, раздѣлялъ садъ на двѣ части. Смѣлою аркой перекинутъ былъ каменный мостъ черезъ оврагъ, на днѣ котораго шумѣлъ родникъ, срывавшійся въ сочной густой зелени. За мостомъ каменный павильонъ—это *oeil de boeuf* Заборья. Давно свалились его двери, давно вышибены изъ оконъ его рамы, вѣтеръ и зимнія вьюги свободно гуляютъ теперь по комнатамъ, въ которыхъ чего-то не бывало въ старые годы! Въ одной комнатѣ уцѣлѣли фрески, и какія фрески!—Видно не дюжинный маляръ работалъ здѣсь. Вотъ Венера въ объятіяхъ Марса—какъ хорошо сохранились свѣжія, роскошныя формы богини красоты, досадная улыбка безобразнаго Вулкана до сихъ поръ мерещится мнѣ, какъ только вспомню я павильонъ заборскій... На другой стѣнѣ нагая Леда страстно прижимаетъ къ себѣ лебедя, на третьей свѣженькая нимфа гнѣвно отталкиваетъ обхватившаго ее яраго сатира, а на четвертой сладострастно раскинулась юная вакханка, и ея

Налитыя нѣгой груди,
Чуть прикрытыя плющомъ,
И бѣлые снѣга зубы,
И пурпуровыя губы.—
Маняте поцѣлуй...

Плафонъ осыпался, но, по сохранившимся остаткамъ, замѣтно, что онъ изображалъ торжество Пріапа. Не трудно отгадать назначеніе павильона. Сколько, я думаю, бѣлобрысыхъ Акулекъ и чернявыхъ Матрешекъ перебывало здѣсь въ качествѣ живыхъ Венеръ и вакханокъ.

— А вотъ тамъ другой такой же павильонъ былъ, сказалъ исправникъ, указывая на груду кирпичей, выглядывавшихъ изъ лапушника и полыни.

— Что же, развалился?

— Говорятъ, нарочно сломали.

— Зачѣмъ?

— Да видите ли что здѣсь болтаютъ: говорятъ, что князь Данило Борисовичъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, пріѣзжалъ въ За-

борье, и въ этомъ павильйонѣ нашелъ какую-то находку, да послѣ и приказалъ его сломать.

— Чтò же онъ нашелъ?

— Да болтаетъ народъ... оно, можетъ-быть, и вздоръ, а все-таки намолвка такая идетъ, что будто въ томъ павильйонѣ одна комната изстари была заложена, да такъ, что и признать ее не возможно. А князь Данило Борисовичъ, сказываютъ, тайно отъ всѣхъ своими руками ее вскрылъ...

— Ну?

— Вѣдь это намолвка одна, Андрей Петровичъ, а правда ли, нѣтъ ли, про то одинъ Господь вѣдаетъ. Говорятъ, что князь кладъ какой-то тамъ нашелъ, а на стѣнѣ было гвоздемъ что-то нацарапано, а чтò такое не извѣстно. Только сказываютъ, какъ только князь Данило Борисовичъ прочиталъ, чтò было нацарапано, ту минуту своими руками эту стѣну и зарубилъ топоромъ, а потомъ и весь павильйонъ сломать приказалъ.

— Чтò же тамъ такое было?

— Да чего, говорятъ, здѣсь въ старые годы не бывало?.. Да вѣдь вы извоили, конечно, читать «Удольскія тайнства» госпожи Радклифъ?

— Читалъ. А чтò?

— У насъ по уѣзду старики-помѣщики говорятъ, будто госпожа Радклифъ всѣ эти тайнства съ Заборья списывать извоили. Ужъ правду ли, пустяки ли они болтаютъ, этого я навѣрно вамъ доложить не могу. А что болтаютъ, такъ болтаютъ.

— Скажите пожалуйста, не осталось ли у васъ стариковъ, которые помнятъ старые годы?

— Гдѣ же? Помилуйте! Вѣдь князь-то Алексѣй Юрьевичъ, при которомъ все это происходило, лѣтъ сто тому назадъ померъ. Да вотъ говорятъ, что онъ за пятнадцать лѣтъ до Пугачевщины скончался, такъ считайте, сколько тому времени прошло. Сынъ его, князь Борисъ Алексѣичъ, и внукъ, князь Данило Борисовичъ, по долгу здѣсь не жили, а княжна Наталья Даниловна и вовсе здѣсь не бывала. Послѣ нея имѣнiе съ аукциона за долги продано, теперь Кирдяпинское стало. Этакимъ образомъ вся старина и забылась. А долго такъ кое-что поддерживалось, вотъ и я еще помню здѣсь и псарню и музыкантовъ, одного арапа стараго, да каранка—древнѣй-на-древнѣй былъ. Ну мало-по-малу и перево-

дили все, а съ тѣхъ поръ, какъ вотчина къ Кирдяпинымъ перешла, и все порѣшилось. Сами изволите знать, ужъ какъ оно ни на-есть, а все чужое. Оттого и не жаль... А впрочемъ былъ же здѣсь старикъ Прокофійчъ. Чуть-чуть я его помню. Да вотъ ужъ лѣтъ тридцать, коли не больше, какъ онъ померъ. Вотъ такъ ужъ всю подноготную про старые годы зналъ. Дожилъ онъ до ста почти лѣтъ, а въ молодые годы при князѣ Алексѣѣ Юрьевичѣ любимымъ стреманнымъ его былъ. Мнѣ про этого Прокофійча больше всего Валягинъ Сергѣй Андреевичъ разказывалъ, управляющій здѣшній. Посажень на вотчину Сергѣй Андреевичъ былъ еще княземъ Данилой Борисовичемъ, а умеръ при княжѣ. Славный былъ человѣкъ, хорошій, умный былъ человѣкъ. Чуть ли онъ даже не записалъ всего, что ни разказывалъ ему Прокофійчъ. Видалъ и я у покойника такую тетрадку.

— Куда же она дѣвалась?

— У наслѣдниковъ должно-быть, коли на подвертку свѣтъ да на пироги не извели. Послѣ Сергѣя Андреевича двѣ дочери дѣвушки остались, такъ у нихъ должна быть.

— А гдѣ же его дочери?

— А какъ Сергѣй-то Андреевичъ померъ, такъ онѣ уѣхали къ теткѣ—въ Херсонскую-ли, въ Костромскую-ли губернію, хорошенько вамъ сказать не могу. Слышно было послѣ, что замужъ онѣ выданы, а за кого—тоже не могу вамъ доложить.

Пропали, значить, всѣ слѣды записокъ о старыхъ временахъ Заборья.

Между тѣмъ сотскій привелъ одного изъ хранителей дворца заборскаго. Исправникъ приличнымъ образомъ разругалъ его, не забывъ, по русскому обычаю, и родителей его помянуть, посулилъ ему березовой лапши съ ременнымъ масломъ и потомъ приказалъ отпереть домъ.

Сыростью и затхлою гнилью пахнуло на насъ, когда отворились двери чертоговъ князей Заборовскихъ. На каждомъ шагу изъ-подъ ногъ поднималась густая пыль, а ворвавшійся въ растворенныя двери потокъ свѣжаго воздуха колыхалъ отставшія отъ стѣнъ и лохмотьями висѣвшія дорогія, рѣдкостныя когда-то шпалеры. Не грустью, не печалью вѣяло со стѣнъ этого запустѣлаго жилища бывлой роскоши и чудовищнаго своенравія. Нѣтъ, какъ

будто съ насмѣшкой и сожалѣньемъ смотрѣли на насъ эти напудренные пастухи и пастушки, которые видѣлись на обветшалыхъ гобеленяхъ, а въ портретной галлерей потемнѣвшіе лики людей стараго времени спѣсиво и презрительно поглядывали на насъ изъ потускнѣвшихъ рѣзныхъ рамъ своихъ. Зачѣмъ вы зашли сюда, незванные гости? будто спрашивали они насъ. Чего вы не видали здѣсь?... Ступайте домой, жалкіе люди, мы васъ не знаемъ, да и вамъ не узнать нашей раздольной, веселой жизни, нашего буйнаго разгула, барскихъ затѣй и ничѣмъ неудержимыхъ порывовъ!..

— Вотъ князь Алексѣй Юрьевичъ, сказалъ исправникъ.

Высокій, тучный князь стоялъ передъ нами. Открытое лицо съ римскимъ носомъ и выдавшеюся впередъ нижнею губой, выражало спѣсь непомятую и крутую волю, никогда и ни въ чемъ не знавшую предѣловъ или противорѣчій. Князь улыбался, но улыбка была лукава. Вотъ, вотъ сейчасъ нахмурится это высокое чело, и хитрые, слегка прищуренные, черные глаза заблестятъ порывомъ неукротимаго гнѣва... Рядомъ стоялъ портретъ статной высокой женщины, въ желтомъ атласномъ помпадурѣ съ черными кружевами. Лицо ея было прекрасно, въ глазахъ много ума, но тихая затаенная грусть видѣлась въ нихъ. Немного радостей, должно-быть, видѣла она на вѣку своемъ.

— Это княгиня Марѳа Петровна, сказалъ исправникъ, — жена князя Алексѣя Юрьевича.

Одинъ портретъ поразилъ меня въ особенности. Въ голубой робѣ на фишкахъ, съ тонко и кокетливо перегнутою таліей стояла, вѣроятно, молоденькая женщина; прекрасная ея рука, плотно обтянутая перчаткой, играла розою. Но лицо, все лицо густо замазано было черною краской...

— Что это значитъ? спросилъ я исправника.

— А Господь ихъ знаетъ, должно-быть не похожа была.

— Но однакоже, что у васъ про это толкуютъ?

— Да говорятъ-то много всякихъ сказокъ. Сказываютъ, что это первая жена князя Бориса Алексѣевича. Въ замужствѣ, она, слышь, не долго находилась, а взята была откуда-то издалека. Только-что молодые, говорятъ, успѣли сюда къ отцу пріѣхать, какъ князь Борисъ Алексѣевичъ на войну уѣхалъ, княгиня безъ него стосковалась, въ полкъ къ нему поѣхала, да на дорогѣ и по-

мерла. А скоро послѣ того и свекоръ ея номеръ. Говорять, будто онъ по смерти молодой княгини очень тосковалъ, пошелъ разъ въ портретную галерею одинъ, да и упалъ безъ памяти передъ самымъ этимъ портретомъ. А какъ въ чувство пришелъ, тотчасъ и приказалъ лицо на портретъ замазать. А какъ замазали, такъ онъ на другой же день самъ Богу душу отдалъ. А другіе говорятъ, что хлебнулъ чего-то, съ мышьячкомъ видно, потому что передъ смертью вѣдь онъ подъ судъ попалъ.

Въ кабинетъ вистѣла на стѣнѣ писаная на пергаменѣ родословная. Умно и похвально поступили господа Кирдяпины, оставивъ чуждый имъ пергаменъ въ запускѣмъ жилищѣ князей Заборовскихъ. Какъ будто живой повѣствователь объ угасшемъ родѣ, когда-то жившемъ въ этихъ палатахъ, онъ здѣсь на своемъ мѣстѣ.

Вотъ у корня родословнаго дерева красуются имена Гедимина литовскаго, Монтевида керновскаго, Любарта волинскаго... Вотъ князь Минигаило Зимовитовичъ... Онъ пріѣхалъ въ Москву на службу къ великому князю Василю Дмитріевичу, крестился и прозванъ былъ княземъ Заборовскимъ. И пошелъ отъ него рядъ воеводъ и думныхъ людей: бывали изъ Заборовскихъ и бояре и окольнічы, водили Заборовскіе полки московскіе на Крымцевъ и иныхъ супостатовъ; бывали Заборовскіе въ *отавѣ* у цесаря римскаго, у короля свѣйскаго, у польскихъ пановъ рады и у Галанскихъ статовъ: сиживали Заборовскіе въ приказахъ московскихъ; бывали Заборовскіе и въ городскихъ воеводахъ, но только въ городахъ первой статьи: въ Великомъ Новѣгородѣ, въ Казани или въ Смоленскѣ.

И вотъ сынъ окольнічаго, князь Юрій Никитичъ, уже бритый, сидитъ оберштеръ — кригсъ — комиссаромъ въ кригсъ-коммиссаріатской конторѣ военной коллегіи... Скончался онъ въ Петербургѣ — городѣ послѣ одной попойки съ голландскими матросами и знатными персонами изъ русскаго шляхетства.

Единственный сынъ его, князь Алексѣй Юрьевичъ, — большой службы не сослужилъ, а въ *случаѣ* былъ. При Петрѣ Великомъ ходу ему не было, зато ловкій князь послѣ успѣлъ навестать и взять свое: вовремя онъ подбился къ Меншикову, вовремя вошелъ въ дружбу съ молодымъ Долгоруковымъ, вовремя съѣз-

диль въ Митаву на поклоненіе Бирону, вовремя перекинулся къ Миниху, вовремя сблизился съ Лестокомъ. И когда правительственные перемѣны сопровождались казнями и ссылками временщиковъ, благополучіе князя Алексѣя Юрьевича осталось неизмѣннымъ: чины и деревни летѣли къ нему при каждой перемѣнѣ.

Нельзя сказать, чтобы онъ былъ человѣкъ умный; образованіе получилъ онъ весьма плохое, а отъ природы былъ коваренъ, тщеславенъ и къ тому же лгалъ и хвасталъ непомѣрно. При Петрѣ Великомъ ему надобно было сдерживать свой неукротимый нравъ, и въ это время онъ могъ давать полную волю одной только своей страсти—бражничанью. Много тогда было важныхъ людей, которые хотя и бороды обрили, и нѣмецкіе кафтаны надѣли, а все-таки остались вѣрны той сторонѣ русской народности, о которой еще въ X столѣтіи было сказано: *Руси есть веселіе пити*. Но напиваясь, подъ защитою вельможныхъ бражниковъ, князь Алексѣй Юрьевичъ велъ себя такъ увертливо, что ни разу не отвѣдалъ родительскаго наставленія петровской палки. Не понимая и не сознавая важности дѣла сближенія русскаго общества съ Европой, Заборовскій любилъ однако общество иностранцевъ, но въ особенности былъ близокъ съ вѣнскимъ резидентомъ Гогенцоллерномъ, съ голштинскимъ барономъ Стамбеномъ, съ прусскими баронами Мардефельдами, которые, какъ гласитъ исторія, были горькіе пьяницы (1).

Никогда князь Алексѣй Юрьевичъ не былъ такъ доволенъ судьбой своею, какъ въ царствованіе Петра II. Хотя въ то время ему было подъ сорокъ, но онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ безпутнымъ юношей, княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ, и былъ съ нимъ неразлученъ. Ближайшій его собутыльникъ, князь Заборовскій, подъ защитою этого всесильнаго въ свое время кутилы, далъ полную волю своему разгулу. Подъ прикрытіемъ драгуновъ, какъ сумашедшій скакалъ онъ съ княземъ Иваномъ по улицамъ московскимъ, буйствовалъ днемъ, а по ночамъ нагло и всегда безнаказанно врывался въ мирныя семейства честныхъ людей... (2). Въ это время сорокалѣтній князь Алексѣй Юрье-

(1) Записки Дюка де Липіа.

(2) Феоданъ Прокоповичъ, въ сочиненіи «О кончинѣ императора Пе-

вичъ далъ всю волю долго сдерживаемому обстоятельствами неукротимому, пылкому своему нраву и непомятому чванству. Но когда несчастный Долгоруковъ, девятилѣтнею ссылкой и смертью на колесѣ платилъ за буйные грѣхи безпутной молодости, ловкій князь Алексѣй Юрьевичъ, ругая, на чемъ свѣтъ стоитъ, павшаго своего друга и собутыльника, съ прекраснымъ аппетитомъ изводилъ кушать за роскошными обѣдами герцога Курляндскаго. Будучи знаткомъ въ лошадахъ и проводя ночи въ попойкахъ съ братомъ герцога, Карломъ (1), Заборовскій былъ въ ходу при Биронѣ: достигъ генеральскаго ранга и даже получилъ кавалерію... Но въ 1743 году фортуна повернула къ нему спину: князю Алексѣю Юрьевичу приказано было ѣхать въ свои деревни. Такую немилость современники приписывали близкимъ сношеніямъ его съ двумя замѣчательными женщинами того времени: — царицей всѣхъ баловъ и ассамблей, графиней Ягужинской, и первою красавицей Петербурга, Натальей Ѳедоровной Лопухиной (2). Поговаривали подъ шумокъ, что Ягужинская, въ числѣ немногихъ друзей своихъ, принимала Заборовскаго, даже во время таинственного сво-

тра II и о возшествіи на престолъ государыни императрицы Анны Іоанновны», говорить: «Но скоро объявилось, что Иванъ сей (князь Иванъ Алексѣевичъ) Долгоруковъ пагубу паче нежели помощь роду своему приносилъ, понеже бо и природою былъ злодерзостенъ и еще къ тому, толкимъ счастіемъ надменный и ни о чемъ, якобы себѣ не доводилось, не думалъ, не только весьма всѣхъ презиралъ, но и многимъ зѣло страхъ задавалъ, однихъ возвышая, а другихъ низлагая по единой прихоти своей, а самъ на лошадахъ, окружась драгунами, часто по всему городу необычнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный скакалъ, но и по ночамъ въ чистые дома вскакивалъ, гость досадный и страшный.»

(1) Биронъ Курляндскій былъ страстный любитель лошадей. Жилъ пышно и любилъ праздники, роскошь. Старшій братъ его Карлъ, по словамъ Манштейна, былъ пьяница и «человѣкъ изъ самыхъ глупѣйшихъ, весь изуродованъ отъ многихъ ранъ, въ разныхъ случаяхъ отъ пьянства и грубѣйства полученныхъ. Въ Россіи всѣ его боялись и убѣгали, опасаясь навлечь на себя вражду брата его.» *Манштейна Записки*, въ переводѣ Мальгина. М. 1823. 1—64.

(2) Графиня Анна Гавриловна Ягужинская, во второмъ бракѣ Бестужева-Рюмина, урожденная Головкина, и Наталья Ѳедоровна Лопухина, урожденная Балкъ, были наказаны въ 1743 г. См. Полн. Собр. Законовъ, манифестъ 1743 г., и Словарь достопамятныхъ людей, Бантышъ-Каменскаго.

его затворничества, что фавориту Натальи Федоровны, графу Рейнгольду Левенвольду, князь Алексѣй Юрьевичъ проигрывалъ въ фаро огромныя суммы, что онъ былъ близокъ съ вѣнскимъ резидентомъ, маркизомъ Боттой, затѣявшимъ заговоръ противъ императрицы Елисаветы. . .

Но когда обѣихъ вѣтреныхъ красавицъ, пріятельницъ Заборовскаго, постигла плачевная участь, онъ хоть и не совсѣмъ чистъ вышелъ изъ этого дѣла, но сумѣлъ однако обдѣлать свои дѣлишки такъ, что ему только велѣно было отправиться въ свои вотчины для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, живъ, здоровъ и невредимъ пріѣхалъ князь Алексѣй Юрьевичъ въ свое Заборье, началъ здѣсь строить великолѣпный дворецъ, разводить сады и вести жизнь буйную, неукротимую. . . Въ деревенской глуши, въ забытомъ уголкѣ, онъ, никѣмъ и ничѣмъ не удерживаемый, предался той жизни, которая такъ по сердцу пришла ему во время могущества князя Ивана. Не только въ Заборьѣ, — во всей губерніи все ему кланялось, все передъ нимъ рабобѣствовало, и онъ съ каждымъ днемъ сталъ болѣе и болѣе предаваться неукротимымъ порывамъ необузданнаго своего нрава и глубоко-испорченнаго сердца. . . Вскорѣ для князя Алексѣя Юрьевича не стало другой законности, кромѣ собственныхъ прихотей и самоуправства. . . При такомъ состояніи челоуѣка, до преступленія одинъ шагъ, и князь Алексѣй Юрьевичъ совершалъ преступленія, но совершая ихъ, едва ли когда-нибудь помышлялъ онъ, что грѣшить передъ Богомъ и передъ людьми. . . О послѣднихъ — то впрочемъ онъ никогда не заботился, а щедро одѣлая монастыри вкладами, строя по церквамъ иконостасы и платя за молебны пригоршнями серебра, онъ твердо уповалъ на милосердіе Божіе. . . И до того дошелъ князь Заборовскій, что разказы объ его житьѣ-бытьѣ намъ, людямъ XIX столѣтія, покажутся страшною сказкой, плодомъ разстроеннаго воображенія.

Нѣтъ, что бы ни говорили любители старины, какъ бы ни величали они времена мимошедшія, а какъ вступишься поглубже въ эту пресловутую старину, да какъ взглядишься по пристальнѣе въ жизнь нашихъ праѣдовъ, — нелицемѣрную воздашь хвалу

Господу, что не судилъ онъ намъ родиться полторасти лѣтъ тому назадъ, и сотворилъ русскими людьми XIX столѣтія.

Прошли, миновались безпутные старые годы! Благодаря Бога, они и не воротятся. И въ якутской какой-нибудь глуши, ужъ нѣтъ теперь такого невѣжества, такого наглаго презрѣнія къ законности и правамъ человѣчества, нѣтъ того крайняго нравственнаго развращенія, которыми отличались люди первой половины прошлаго вѣка, облеченные во всеоружіе наружнаго блеска, чванной чивости и фарисейскаго лицемѣрія. Прошла пора дикаго самоуправства, тупаго презрѣнія къ народу, безвѣрія, смѣшаннаго съ ханжествомъ и боязнью чорта, надменнаго высокомерія, такъ легко и быстро переходившаго въ подлость и униженіе. Слава Богу!

Народъ нашъ, смѣтливый, добрый и умный, народъ не былъ зараженъ этою безнравственностію. Вооружась терпѣніемъ, чистъ, свѣжъ, бодръ и юнъ вышелъ онъ изъ горнила испытанія. Распадъ нравовъ коснулся только тѣхъ русскихъ людей, которые подъ неотразимымъ вліяніемъ желѣзной воли Петра, бросились, очертя голову, въ омутъ европейской жизни, и не сумѣвъ разумно заимствовать европейское хорошее, ретиво перетаскивали всякую грязь на русскую почву, съ жадностію перенимая только то, что услаждало ихъ чувственность. Роскошь и утонченный развратъ двора Людовика XV особенно пришлись имъ по сердцу, и потому сдѣлались они рьяными подражателями Французовъ. Но эти только-что обрившіе бороды петиметры, или, какъ называли ихъ тогда на Руси, *скосыри*, откинувшись отъ стараго быта, не хотѣли однако разстаться ни съ старинными попойками, ни съ надменнымъ самоуправствомъ, ни съ лѣнью и нахальнымъ хвастовствомъ, ни съ цинизмомъ домашней жизни. Самое мѣстничество удержалось на ихъ пирахъ и попойкахъ. Напудренные бояре любили, чтобы за столомъ у нихъ сидѣли всѣ *по чинамъ и по роду*. Это уродливое смѣшеніе французской роскоши и свободы нравовъ съ дѣдовскими попойками и цинизмомъ стало выводится только Екатериной II, положившей въ Россіи начало смягченію нравовъ, посредствомъ истиннаго, общечеловѣческаго просвѣщенія.

Неужели же вздыхать намъ о временахъ отжитыхъ, объ этой

портъ хаотическаго броженія безпутствъ старыхъ и новыхъ? Есть недостатки и злоупотребленія и въ современномъ обществѣ. Честь и слава русской литературѣ, что и она въ общественномъ дѣлѣ исправленія народной нравственности дѣлаетъ свое дѣло, во всей наготѣ черныхъ дѣлъ выставляя на показъ міру, на смѣхъ людямъ, поборниковъ взяточничества, казнокрадства и невѣжества. Но какъ ни грязны, какъ ни вопіющи современные недостатки и злоупотребленія, все-таки повторяю: слава всещедрому Создателю, что судилъ Онъ намъ жить теперь, а не въ *старые безпутные годы*.

Князь Алексѣй Юрьевичъ женатъ былъ на княжнѣ Марѣ Петровнѣ, послѣдней въ родѣ князей Тростенскихъ, которая своимъ приданымъ увеличила и безъ того огромное богатство Заборовскихъ. Единственный сынъ ихъ, князь Борисъ Алексѣевичъ, крестникъ императрицы Анны Іоанновны, вахмистръ гвардіи въ колыбели, двадцати лѣтъ уѣхалъ изъ Заборья въ Петербургъ искать счастья. Находясь съ полкомъ въ какомъ-то глухомъ углу Россіи, онъ влюбился въ дочь небогатаго дворянина Коростина, женился на ней безъ родительскаго благословенія и, за неимѣніемъ наличныхъ денегъ, пріѣхалъ черезъ годъ послѣ свадьбы въ Заборье, чтобы кинуться къ стопамъ оскорбленнаго родителя. Ждали страшной грозы, но все кончилось благополучно. Молодая княгиня была прекрасна, и была такъ образована, такъ умна, что съ перваго свиданія умѣла растопить каменное сердце суроваго свекра. Вскорѣ началась Семилѣтняя война; молодой Заборовскій поспѣшилъ подъ знамена Апраксина, оставивъ въ Заборѣ молодую жену. Стосковавшись по мужѣ, она поѣхала къ нему въ новопокоренный Мемель, но на дорогѣ умерла.

Послѣ войны, вдовый князь Борисъ Алексѣевичъ поселился въ Петербургѣ, женился въ другой разъ и проживъ до 1803 года, по-барски, скончался отъ несваренія въ желудкѣ, послѣ плотнаго обѣда въ какомъ-то клубѣ. Цѣлую жизнь, будто по заказу, старался онъ о разстройствѣ своего достоянія, но дѣдовскія богатства его такъ были огромны, что никакъ не могъ онъ промотать до послѣдней нитки и половины своего достоянія, и все-таки

оставилъ три тысячи душъ единственному сыну своему и наслѣднику, князю Данилѣ Борисовичу. Этотъ, послѣдній въ родѣ Заборовскихъ, какъ ни старался поправить грѣхи отцовскіе, и на половину не могъ возстановить дѣдовскаго состоянія. Впрочемъ, и самъ онъ протиралъ глаза отцовскимъ денежкамъ исправно. Съ Воронцовскимъ корпусомъ во Франціи былъ; денегъ, значить, извелъ не мало; въ мистицизмъ, по современному обычаю, пустился, въ масонскихъ ложахъ малую-толику деньжонокъ ухлопалъ, а потомъ большія пожертвованія на Россійское Библейское Общество дѣлалъ. Такими-то способами душъ восемьсотъ и спустил по-немножку. Дочь его, княжна Наталья Даниловна, какъ только скончался ея родитель, отправилась на теплыя воды, а потомъ въ Италію, и двадцать пять лѣтъ такъ весело изволила проживать подъ небомъ Тасса и Петрарки, что когда изъ Рима привезли въ Заборье засмоленный ящикъ съ останками княжны, въ вотчинной кассѣ находилось только двѣнадцать рублей съ полтиной, а долговъ на имѣніи считались милліоны. Близкихъ родственниковъ у княжны не было, а изъ дальнихъ не оказалось ни въ одномъ столь нѣжныхъ родственныхъ чувствъ къ покойницѣ, чтобы воспользоваться Заборьемъ да кстати принять ужъ на себя и долгишки итальянскіе. Кончилось дѣло тѣмъ, что Заборье попало подъ молотокъ. Сынъ подносчика въ Разгуляѣ сдѣлался владѣльцемъ гнѣзда знаменитаго рода князей Заборовскихъ, а кредиторы княжны получили по шестидесяти пяти копѣекъ за рубль... И то слава Богу!..

О, Гедимины и Минигаилы! Какъ-то встрѣтили вы послѣднюю благородную отрасль вашего благоцвѣтущаго корени — княжну Наталью Даниловну?... Князь Алексѣй Юрьевичъ! Вы-то, батюшка, какъ изволили ее встрѣтить?... Ну, этотъ, я думаю, пожалѣлъ только, что встрѣтился съ своею правнучкой не въ здѣшнемъ свѣтѣ. Здѣсь-то бы онъ расправился съ ней посвойски. .

Въ прошломъ году ѣздилъ я по казенной надобности въ ***скую губернію. Тамъ, по случаю, досталась мнѣ связка бумагъ, принадлежавшихъ одному господину Благообразову. Бумаги эти большею частію состояли изъ черновыхъ кляузныхъ просьбъ и

ябедъ, сочиненіемъ которыхъ исключительно занимался г. Благообразовъ. Но каково было мое удивленіе, когда, разбирая эту кипу бумагъ, я въ заглавіи одной тетради прочиталъ:

СТАРЫЕ ГОДЫ.

Списано со словъ столѣтняго старика Анисима Прокофьева коллежскимъ секретаремъ Сергѣемъ, Андреевымъ сыномъ, Валягинымъ, 17 мая 1822 года въ селѣ Заборьи.

— Записка Валягина! вскричалъ я отъ радости.

— Это должно-быть тестя его, замѣтилъ, случившійся на ту пору у меня, уѣздный стряпчій, — потому что Благообразовъ на дочери чиновника Валягина былъ женатъ.

Вотъ *Записки Валягина.*

I. РОЗОВЫЙ ПАВИЛЬОНЪ.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Заборье, когда я принялъ уже въ управленіе вотчину, пошелъ я поутру къ князю Данилѣ Борисовичу, и нашелъ его не въ духѣ.

— Я, говорить, уснуть сегодня не могъ. Что это за вой былъ у васъ на разсвѣтѣ?

Я доложилъ, что должно-быть на псарномъ дворѣ собаки звѣря учуяли.

А князь Данило Борисовичъ спрашиваетъ меня съ неудовольствіемъ:

— Да развѣ, говорить, у меня есть псарный дворъ?

— Какъ же, я говорю, псарня у васъ хорошая: собакъ пятьсотъ борзыхъ, да сотни полторы гончихъ наберется. Псарей при нихъ до сорока человекъ будетъ.

— Какъ! закричалъ князь Данило Борисовичъ, — шестьсотъ пятьдесятъ собакъ и сорокъ псарей-дармоѣдовъ!... Да вѣдь эти псы проклятые столько хлѣба съѣдятъ, что на худой конецъ полтора ста бѣдныхъ людей круглый годъ сыты будутъ. Прошу васъ,

Сергѣй Андреевичъ, распорядиться, чтобы сегодня же всѣ собаки были перевѣшаны, псарей на мѣсячину, а кто хочетъ идти на заработки, тому выдать паспорта. Деньги, которыя шли на псарню, употребите на образованіе въ Заборѣ отдѣленія Россійскаго Библейскаго Общества.

— Слушаю, ваше сіятельство, сказали я и тотчасъ же отдалъ приказаніе вѣшать собакъ.

Черезъ полчаса приходитъ къ князю древній старикъ. Лицо у него все сморщилось; длинныя, по плечамъ лежавшіе волосы пожелтели, во рту ни единого зуба, а черныя глаза такъ и горятъ. Онъ былъ одѣтъ въ старинный малиновый чекмень съ золотымъ галуномъ, а подпоясанъ черкесскимъ поясомъ.

— Я вѣковѣчный холопъ вашего сіятельства, Анисимъ Прокофьевъ, зашамкалъ старикъ, — а былъ, государь мой, первымъ стремяннымъ у дѣдушки вашего, князя Алексѣя Юрьевича.

— Здравствуй, здравствуй, старикъ, садись-ка, чай устать.

— Сидѣть мнѣ передъ вашимъ сіятельствомъ не приходится. А пришелъ я къ вамъ, государь мой, челомъ ударить.

— О чемъ это, Анисимъ Прокофѣичъ.

— Да слышно, ваше сіятельство, что вы изволили нанасъ гнѣвъ свой княжескій положить.

— Чтò съ тобой, Прокофѣичъ? Въ умѣ ли ты?

— Не хитрое дѣло, ваше сіятельство, и ума лишиться отъ такого безчеловѣчія!.. Избить шестьсотъ шестьдесятъ восемь собакъ, ничѣмъ неповинныхъ!.. Это дѣло, государь мой, не малое! Вѣдь это все едино, какъ царь Иродъ младенцевъ неповинныхъ избилъ. Ну, чѣмъ бѣдныя собаки провинились передъ вашимъ сіятельствомъ? Вѣдь это не шутка: такое множество собакъ задавить! Вѣдь надо будетъ и Богу отвѣтъ дать...

— Полно, старикъ, успокойся, перестань...

— Чего мнѣ перестать? Коли я не буду говорить, такъ кто тебѣ скажетъ?.. Да какъ же этому можно быть, чтобы собакъ передавить? Дѣдами, прадѣдами псарня установлена, больше ста лѣтъ держится, прошла объ ней слава по всему, почитай, свѣту, и вдругъ ни съ того, ни съ сего перевести ее разомъ!.. Да отъ такого дѣла, князь Данило Борисовичъ, кости родителей твоихъ въ гробахъ повернутся, всѣ твои дѣлы и прадѣды изъ гробовъ

встануть, руки на тебя протянуть, проклятіе тебѣ изрекутъ... Да знаете ли вы, государь мой, что исарня-то наша со времени царя Петра Алексѣевича нерушимо стоитъ? Такъ за что же вы ее вдругъ порушить хотите? Да вѣдь это роду вашему вѣчный покоръ будетъ, всему племени вашему княжескому безчестье, ужъ не говорю о томъ, что на свою совѣсть такое душегубство принять вы хотите! Вѣдь собака, батюшка, тоже тварь Божія, а въ писаніи сказано: блаженъ иже и скоты милуетъ. Такъ какъ же это вы, государь мой, противъ заповѣди Божіей идти хотите?... Вотъ, сударь, ваше сіятельство, надѣлъ я на старости лѣтъ жалованный чекмень вашего дѣдушки — двадцать лѣтъ въ сундукѣ лежалъ; думалъ я, что придется его только въ могилу надѣть;—вотъ, сударь, надѣлъ я и поясъ черкесскій, а жаловалъ мнѣ этотъ поясъ родитель вашъ въ самую ту пору, какъ, женившись на матушкѣ вашей княгинѣ Еленѣ Васильевнѣ, привезъ онъ ее въ свою вотчину и въ первый разъ ей охоту свою изволилъ показывать: никто изъ нашихъ не могъ русака угнать, а сосѣдъ Иванъ Алексѣевичъ Рамировъ уже совсѣмъ почти угонялъ, я поскакалъ, угналъ русака и тѣмъ княжескую честь князя Бориса Алексѣевича передъ молодою супругой сохранилъ... Власть ваша, князь Данило Борисовичъ, а ужъ я съ мѣста не сойду, пока мнѣ милости вашей не выпрошу.

— Да чего же ты хочешь?

— А того я хочу, ваше сіятельство, чтобы вы мнѣ прежде голову приказали снять, а потомъ бы ужъ и собакъ вѣшать изволили... Въ этомъ чекменѣ, въ этомъ поясѣ предстану я передъ вашими родителями, дѣдами и прадѣдами, приведу къ нимъ собачекъ, вами задавленныхъ... А они-то, старики-то ваши, яко зѣницу ока ихъ берегли... Пусть же родители ваши судятся съ вами на страшномъ судѣ, за такое злодѣйство... что не хотѣли вы уберечь родительскаго благословенія и пролили кровь неповинную!... Дѣло мое старое, а порядки у васъ новые, такъ отпустите меня, ваше сіятельство, поскорѣй къ господамъ моимъ: прикажите рубить голову, а тамъ ужъ и собакъ вѣшайте.

Отъ сильнаго волненія у Прокофѣича духъ занялся и ноги подкосились; онъ бы упалъ и расшибся, если бы мы съ княземъ не поддержали его. Безъ чувствъ вынесли старика изъ дома.

Горячее заступничество девяностолѣтняго стремяннаго спасло собакъ. Псарный дворъ въ Заборьѣ былъ уничтоженъ не прежде смерти Прокофьяча.

Князь Данило Борисовичъ полюбилъ старика, часто призывалъ его къ себѣ и разспрашивалъ о старыхъ годахъ. По нѣсколькимъ часамъ, бывало, просиживали они вмѣстѣ.

Одинъ разъ, вечеромъ, послѣ долгой бесѣды съ Прокофьичемъ послалъ князь за мной, требуя, чтобы я тотчасъ же явился къ нему.

Я нашелъ князя сильно взволнованнымъ.

— Сергѣй Андреевичъ, сказалъ онъ, — въ состояніи ли вы нѣсколько часовъ, вмѣстѣ со мною, проработать ломомъ?

— Какъ проработать ломомъ, ваше сіятельство?

— Пробить каменную стѣну... Видите ли, Прокофьичъ сейчасъ разказалъ мнѣ одинъ необыкновенный случай стараго времени, и мнѣ бы хотѣлось узнать: вздоръ болтаетъ старикъ или правду говорить... Постороннихъ, а въ особенности своихъ крѣпостныхъ, въ это дѣло мѣшать нельзя... Будьте такъ любезны, Сергѣй Андреевичъ, не откажите...

Я согласился, далъ слово и спросилъ князя, что же такое разказывалъ ему Прокофьичъ.

— Э, да все это, можетъ-быть, еще вздоръ. Прокофьичъ, кажется, изъ ума сталъ выживать и сказываетъ вещи несодѣянные... А впрочемъ, все-таки хочется удостовѣриться... Завтра, я надѣюсь вы исполните свое слово, Сергѣй Андреевичъ.

Я повторилъ обѣщаніе, и князь тотчасъ же завелъ рѣчь о хозяйственныхъ дѣлахъ, но занятый другимъ, онъ вовсе не слышалъ, или лучше сказать, не понималъ словъ моихъ. Наконецъ, онъ отпустилъ меня.

— Такъ завтра? сказалъ онъ, подавая мнѣ руку.

— Слушаю, ваше сіятельство.

Таинственность предстоявшей работы, какое-то необыкновенное событіе стараго времени, чрезвычайное волненіе князя, все это до такой степени распалило мое воображеніе, что я почти всю ночь заснуть не могъ. Чѣмъ свѣтъ прислалъ за мной князь.

— Пойдемте, сказалъ онъ, когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ.

Я пошелъ за нимъ. Князь отдалъ приказаніе, чтобы никто не

смѣлъ входить въ садъ до нашего возвращенія. Пройдя большой садъ, мы перешли мостъ, перекинутый черезъ оврагъ, и подошли къ такъ-называемому *Розовому павильйону*. У входа въ этотъ павильйонъ лежали нарочно приготовленные два лома, двѣ кирки, нѣсколько восковыхъ свѣчъ и небольшой красного дерева ящикъ.

Въ павильйонъ было пять или шесть комнатъ. Пройдя три, князь ударилъ ломомъ въ глухую стѣну и сказалъ:

— «Здѣсь!»

Мы принялись за работу, и часа черезъ полтора стѣна была пробита. Князь зажегъ свѣчи, и мы вошли въ темную, наглухо со всѣхъ сторонъ закладенную комнату.

Волосы дыбомъ у меня встали... Среди развалившейся и полу-сгнившей мебели лежалъ человѣческій остовъ...

Князь перекрестился, и тихо проговорилъ:—«упокой Господи душу рабы своей.»

— Старикъ сказалъ правду, прибавилъ онъ не много помолчавъ.

— Что это? сказалъ я, немного оправившись отъ перваго впечатлѣнія.

— Грѣхи старыхъ лѣтъ, Сергѣй Андреевичъ. Я вамъ послѣ все разкажу, а теперь помогите мнѣ собрать это...

Бережно собрали мы кости и положили ихъ въ ящикъ красного дерева. Князь заперъ его и положилъ ключъ въ карманъ. Когда мы собирали смертные останки, нашли между ними брилліантовые серьги, золотое обручальное кольцо, нѣсколько проволокъ и китоваго уса, на которыхъ кое-гдѣ уцѣлѣли лохмотья полуистлѣвшей шелковой матеріи. Должно-быть, остатки рабы и ея жмъ. Серьги и кольцо князь взялъ къ себѣ.

Утомленные физическимъ трудомъ и сильными впечатлѣніями, мы вынесли изъ сада ящикъ.

— Собрать сейчасъ же челоуѣкъ полтора съ ломами и топорами, да нарядить пятьдесятъ подводъ, сказалъ князь бурмистру, проходившему черезъ дворъ.

Я зашелъ въ свой олигелъ умыться и переодѣться. Когда я пришелъ къ князю, его не было въ кабинетъ, гдѣ по обыкновению проводилъ онъ время.

— Гдѣ князь? спросилъ я понавшагося лакея.

— Прошли въ портретную галлерей.

Тамъ запыленный, запачканный, какъ вышелъ изъ павильйона,

стоялъ онъ передъ портретомъ женщины, у которой, по какой-то странной прихоти прежнихъ владѣльцовъ, все лицо было замазано черною краской. Знакомый ящикъ стоялъ на полу передъ портретомъ. Я взглянулъ на князя. Онъ плакалъ.

И разказалъ онъ страшную повѣсть стараго времени... Подробнѣе я узналъ ее послѣ отъ Прокофьича.

Рабочіе были собраны, князь приказалъ имъ сломать «Розовый павильйонъ» до основанія, а кирпичъ отвести къ строившейся тогда въ Заборѣ церкви. Когда потолокъ съ павильйона былъ снятъ, мы еще разъ вошли въ ту комнату.

На стѣнѣ какимъ-то острымъ орудіемъ было нацарапано:
*1757 года октября 14-го. Прости, мой милый: твоя Варенька
пропала отъ жестокости тв...*

— Топоръ! закричалъ князь, прочитавъ эти слова.

Подали топоръ. Князь быстро изрубилъ штукатурку, гдѣ была нацарапана надпись.

— Ломайте скорѣе! сказалъ онъ рабочимъ.—Скорѣе, скорѣе!

Къ вечеру павильйонъ былъ сломанъ до основанія.

На другой день, чѣмъ свѣтъ, подали карету. Мы сѣли вдвоемъ съ княземъ и взяли съ собой, обернутый въ черное сукно, ящикъ.

— Въ монастырь, сказалъ князь.

Тамъ, въ усыпальницѣ князей Заборовскихъ, зарыли мы ящикъ, съ костями, а на другой день слушали заупокойную обѣдню и паннихиду *о упокоеніи души рабы Божіей княгини Варвары.*

Черезъ недѣлю князь Данило Борисовичъ уѣхалъ въ Петербургъ. Больше мы и не видались съ нимъ. Черезъ три года онъ скончался. Въ духовномъ завѣщаніи онъ не забылъ ни меня, ни Прокофьича.

Молва о таинственной работѣ нашей и о сломкѣ павильйона быстро распространилась по народу. Толковали, что князь въ «Розовомъ павильйонѣ» нашелъ цѣлый ящикъ золота. Чтобы поддержать этотъ слухъ, онъ самъ послѣ разказывалъ многимъ своимъ знакомымъ, что Прокофьичъ открылъ ему тайникъ, въ которомъ княземъ Алексѣемъ Юрьевичемъ заложены были нѣ-

которыя родовыя драгоценности. Всѣ поздравляли князя съ счастливою находкой дѣдовскаго богатства. Мы съ Прокофьичемъ разказывали ту же сказку. Такъ всѣ и увѣрились.

II. АНИСИМЪ ПРОКОФЬИЧЪ (1).

«Да, батюшка Сергѣй Андреевичъ, говорилъ мнѣ Прокофьичъ,—въ старину живали не понынѣшнему. Встарину—коли баринъ, такъ и жилъ бариномъ, а нынче чтó?.. Измельчало все, измалодушествовалось и важности прежней не стало. Видно послѣдніе годы міръ стоитъ. Вѣдь скоро, сказываютъ, и свѣту конецъ.

«Совѣмъ, сударь, другой свѣтъ сталъ. Посмотришь, посмотришь, да иной разъ согрѣшишь и поропщешь: зачѣмъ дескать, Господи, зажилъ я на свѣтѣ? Давно бы пора старымъ костюмъ на покой, не глядѣли бы мои глазыньки на времена теперешнія... Ну, а все-таки, батюшка Сергѣй Андреевичъ, милъ вѣдь вольный свѣтъ: хоть и подумаешь этакъ иной разъ, а все помирать не хочется.

«А ужъ такъ измельчало-то все, ужъ такъ измельчало, такъ измельчало, что и сказать невозможно. У барина, напримѣръ, теперь не одна тысяча душъ, а во дворѣ какихъ-нибудь десять, пятнадцать человѣкъ—и дворней-то нельзя назвать. Псарня опять малая, ни музыкантовъ своихъ, ни пѣсенниковъ нѣтъ, а ужъ насчетъ барскихъ барынь, шутовъ, карликовъ, араповъ, скороходовъ, нѣмыхъ, калмыковъ,—такъ я думаю, теперь ни у одного барина и въ заводѣ такихъ нѣтъ; всѣ живутъ ровно мелкопомѣстные. Я такъ полагаю, сударь, что теперь врядъ ли, гдѣ можно найти кучера, чтобы сумѣлъ карету цугомъ заложить. Всѣ стали на парочкахъ разѣзжаться, точно мелкаго ранга или купцы какіе. А вѣдь и въ законѣ, сударь, гдѣ-то написано, что родослов-

(1) Эта и слѣдующія главы записокъ хотя и писаны со словъ Прокофьича, но, полагать надобно, не слово же въ слово. Вѣроятно, изложеніе, а мѣстами и самый слогъ принадлежитъ Валягину. Здѣсь записки передаются съ буквальною точностью по рукописи, найденной въ бумагахъ Благообразова.

ному барину слѣдуетъ ѣздить шестерикомъ. Да чего ужъ тутъ шестерикомъ? Дожили до такой срамоты, что и сказать нельзя: заложать кучю лошаденку въ какую-то чухонскую одноколку, лакей въ нее рядомъ съ бариномъ сидеть — самъ руки крестомъ, а барину вожжи въ руки. Смотрѣть даже больно, до какого униженія дошли! И хоть бы ужъ неволя къ тому ихъ нудила, ну ужъ въ такомъ разѣ дѣлать нечего, — такъ вѣдь нѣтъ: сами захотѣли... Просто, сударь, можно сказать — никакого теперь благородства не стало, ужъ одинъ Богъ знаетъ, что это и значить такое... До чего вѣдь иные дошли? Торговать пустились, на купчихахъ поженились, конторскія книги сами ведутъ! Ну, сами вы умный человѣкъ, ну, посудите ради Христа — дворянское ли это дѣло? Да хоть бы богатство отъ этого какое получили; такъ и того нѣтъ — всѣ профуфанились, всякъ изъ нихъ долженъ вѣкъ, а платежу нѣтъ какъ нѣтъ... Эхъ, какъ бы встали дѣдушки да прадѣдушки, царство имъ небесное, ужъ свели бы они внучковъ любезныхъ на конюшню, да, по старому обычаю, такую бы имъ ременную масляницу въ спину-то засыпали, что забыли бы послѣ того на себя дурь-то на-видывать.

«Вотъ хоть бы и нашъ князь Данило Борисовичъ! Вѣдь что ни говорите, бѣденъ онъ, бѣденъ, а все же таки не одна тысяча душъ у него найдется — стало быть баринъ. Ну, а скажите на милость, похожъ ли онъ хоть манехонько на барина-то? Ну, сами вы, сударь, подумайте — похожъ ли? Въ Москвѣ въ нивирситетѣ въ какомъ-то учился, съ портными да съ сапожниками на одной скамейкѣ, слышь, сидѣлъ, — товарищемъ ихнимъ назывался. Ну, сами вы Сергѣй Андреевичъ — умный человѣкъ, ну скажите на милость какъ же это возможно, чтобы сапожникъ князю товарищемъ могъ быть? Что же вышло? Сапожниковъ-то не облагородилъ, а самъ холоуства вокругъ нихъ набрался. Ну хоть бы вотъ пріѣзжалъ онъ тогда съ вами въ здѣшнюю вотчину — что здѣсь дѣлать? Чѣмъ бы на охоту съѣздить, или банкетъ сдѣлать, балъ, гулянку какую, или другое что — а онъ по мужичьимъ избамъ на посидѣлки почалъ таскаться, съ парнями да съ дѣвками всякія мужицкія игры играть, а стариковъ да старухъ сказки заставлялъ разказывать да пѣсни пѣть, а самъ на бумагу ихъ записывалъ. Ну, княжеское ли это дѣло? Старыя книги да образа за большія деньги зачалъ покупать. Кто ему ни скажетъ, что вотъ молъ, ваше сіятельство, въ

такой-то деревнѣ у такого-то мужика книга есть рѣдкостная—такъ у него глазенки и загорятся, такъ и забѣгають. Хотя въ полночь, хоть за полночь—лошадей велить заложить да и поскачетъ, сломя голову, верстъ за тридцать, либо за сорокъ къ тому мужику... Или курганы почнетъ копать, самъ вмѣстѣ съ мужиками въ землѣ роется, черепки тамъ попадутся или жеребейки какіе-нибудь мѣдные—такъ онъ ихъ въ хлопчатую бумагу ровно камни какіе драгоценные завертываетъ да въ ящики да въ Питеръ. Не видали, знать, тамъ этакой дряни!—Увидалъ онъ одинъ разъ нищаго слѣпца, стоитъ на базарѣ да Лазаря поетъ. Батюшки свѣты! Нашъ князь Данило Борисовичъ такъ и взбѣлился, беретъ слѣпца за руки, сажаетъ съ собой въ карету, привезъ домой, въ кабинетъ его прямо, усадилъ этакого оборванца на креслахъ бархатныхъ, водки ему, вина, обѣдать со своего стола, да и заставилъ стихѣры распѣвать. Тотъ обрадовался, да дурацкое свое горло и распустилъ, оретъ себѣ, какъ бурлакъ какой, а князь Данило Борисовичъ все на бумагу, да на бумагу. Ну, хорошее ли это, сударь, дѣло? Вѣдь грязью играть только руки марать, и дѣло это не княжеское. Три дня у него тотъ нищій выжилъ, пилъ, ѣлъ съ княжескаго стола, на пуховой постели, собака, дрыхнулъ, да какъ всѣ стихѣры перепѣлъ, князь ему двадцать рублей деньгами пожаловалъ, одежды всякой, харчей надавалъ, повозку велѣлъ заложить да отвезти его до села, гдѣ онъ въ кельенкѣ при церкви жилъ. А самъ-то носится послѣ съ его стихѣрами, «это золото, говоритъ, неоцѣненное сокровище!» Хорошо сокровище, нечего сказать! Просто сказать, ума лишился да и все тутъ.

«Нѣтъ, сударь, въ *старые годы* жили не такъ. Въ старые годы господа держали себя ужъ истинно по-барски, а такую дрянь, какъ нищій слѣпецъ какой-нибудь, даже и близко-то къ себѣ не подпускали.. Знай, дескать, сверчокъ свой шестокъ. Компанію водили только съ ровней, а другой хоть и шляхетнаго реду, да коли не богатый, такъ его развѣ только изъ милости въ «знакомцы» принимали, чтобы потѣшаться надъ нимъ или чтобы полюднѣ было. И долженъ былъ тотъ «знакомецъ» по стрункѣ ходить, а если въ чѣмъ проштрафится, то шелепами его смирятъ, либо на конюшню водили. Да иначе и не слѣдуетъ: вѣдь какъ бы на горохъ не морозъ, онъ бы черезъ тынь

переросъ. Такъ вотъ, сударь, какъ въ *старые-то* годы жили! А теперь что? Тьфу!

«Хоть бы, напримѣръ, при князѣ Алексѣй Юрьевичѣ,—здѣсь въ Заборѣ житье было! Ужъ подлинно, не жизнь была, а рай пресвѣтлый. Богатство-то, сударь, какое, изобиліе-то какое было! Одного столоваго серебра сто двадцать пудъ было, въ подваляхъ бочонки съ цѣлковыми стояли, а мѣдныя деньги, какъ горохъ, въ сусѣки осыпались: нарочно сусѣки такіе для того въ подвалахъ были надѣланы. Музыкантовъ два хора, на псарнѣ не одна тысяча собакъ, на конюшнѣ пятьсотъ лошадей верховыхъ, да двѣсти вѣжалыхъ; однихъ шутовъ да юродивыхъ десятка полтора при домѣ жило, oprичъ нѣмыхъ, араповъ, да карликовъ. Шляхетнаго рода *знакомцевъ*, изъ мелкопомѣстныхъ, человѣкъ по сороку и больше проживало. Мужики ли, бывало, у кого разбѣгутся, деревню ли у кого судомъ оттягаютъ, пропьется ли кто, промотается ли, всякій лѣзетъ, бывало, въ Заборье на княжіе харчи. Опять барыни приживалки, барышни: этихъ тоже штукъ до тридцати водилось. Ужъ именно, можно-сказать, что домъ полная чаша былъ. А самъ-то князь какой баринъ былъ! Такой, сударь, важности, что теперь, кажется, весь свѣтъ исходи, такъ и днемъ съ огнемъ этакого барина не сыщешь... И все-то прошло, все-то миновалось! Да, сударь, *старые годы* были золотые годы, были они, сударь, да и прошли, прошли они да и не воротятся. Вѣдь красное лѣто, два разъ не живетъ, батюшка!

«А вѣдь куда какво давно тому времени, какъ было въ Заборѣ такое раздольное, да привольное житье-бытье! Ну, да вотъ мнѣ теперь десятый десятокъ идетъ, а въ ту пору и тридцати годковъ не было, какъ батюшки-то нашего, князя-то Алексѣя Юрьевича, не стало. А скончаться изволилъ лѣтъ семидесяти безъ малаго... Да я ужъ что за жизнь засталъ? Тогда ужъ князь-то въ немидости находился, въ опалѣ то-есть, а вотъ, какъ бывало родитель мой—дай Богъ ему царство небесное, а вамъ доброе здоровье—поразкажетъ про тѣ годы, какъ князь-то Алексѣй Юрьевичъ въ настоящей своей порѣ и въ Питерѣ «*во-время*» находился, а въ Заборѣ бывалъ только наѣздами, вотъ тогда такъ точно что жизнь золотая была. И умирать не надобно было.

«А батюшку моего покойника, князь Алексѣй Юрьевичъ из-

волилъ жаловать своею господскою милостью: перво-на-перво оня въ доѣзжачихъ у него находился, а потомъ и въ стремянныя было попалъ, да проштрафился однажды: русака въ островъ пустилъ. Князь Алексѣй Юрьевичъ за то на него разгнѣвался и тутъ же, на полѣ, изволилъ его изъ своихъ рукъ выпоротъ, да ужъ такъ распалился, что и на конюшнѣ еще велѣлъ пять сотъ кошекъ ему вѣшпять и согналъ даже его съ своихъ очей княжескихъ: велѣлъ быть управляющимъ въ низовой вотчинѣ... Ну, однако же послѣ того лѣтъ этакъ черезъ десять помиловалъ же его—опалу и гнѣвъ свой снять изволилъ.

«А это дѣло вотъ какъ случилось. Князь Алексѣй Юрьевичъ однажды на охоту по первой порошѣ выѣхалъ. Время стояло холодное, на Волгѣ ужъ закраины показались, только еще самыя что называется *стекольные*, значить ледъ пятакомъ еще прошибить можно. Ста полтора русаковъ они заполевали, да вонъ тамъ, за монастыремъ, на угорѣ и привалъ сдѣлали. А гора въ этомъ мѣстѣ высокая да какъ стѣна надъ Волгой—то: такъ стоящая и стоитъ. Князь Алексѣй Юрьевичъ былъ на ту пору веселъ и радостенъ и потѣшаться изволилъ. Сѣлъ на концѣ горы верхомъ на бочонкѣ съ наливкой, самъ ковшикъ выпилъ и другихъ всѣхъ изъ своихъ рукъ поилъ, да разгулявшись этакъ, и велѣлъ доѣзжачимъ и стремяннымъ *рѣзака* дѣлать. А чтобы рѣзака сдѣлать, для того надобно было подъ гору летѣть торчмя головой, на яру закраину головой прошибить, да потомъ изъ-подо льда и вынырнуть. Любимая это потѣха была покойника, дай Богъ ему царство небесное! На ту пору никто не сумѣлъ хорошаго рѣзака сдѣлать: иной сдуру—то всѣмъ корпусомъ въ рѣку хлопнется, — а это ужъ не то, это называется *палля*, и за это пятнадцать кошекъ въ спину, чтобы она свое мѣсто знала и впередъ головы не совалась. Другой, не долетѣвши до льда, на горѣ шею себѣ свернетъ, а три дурака хотъ и сдѣлали рѣзака, да вынырнуть не сумѣли: пошли карасей караулить. Осерчалъ князь Алексѣй Юрьевичъ: «всѣхъ, кричить, до смерти запорю!» за мелкопомѣстное шляхетство принялся. Имъ велѣлъ рѣзака дѣлать. Тѣ еще хуже: одинъ и прошибъ было головой ледъ, да тоже къ осетрамъ въ гости поѣхалъ.

«Заплакалъ тутъ князь Алексѣй Юрьевичъ, навзрыдъ зарыдалъ:—таково ему прискорбно стало.

«— Видно, говорить, послѣдніе мои дни приходятъ, что нѣтъ вокругъ меня ни одного молодца, кто бы рѣзака сумѣлъ сдѣлать! Всѣ какъ бабы! А гдѣ, говорить, Яшка Безухой? Вотъ удалецъ-то: по три рѣзака бывало сряду дѣлывалъ.»

«А это онъ про батюшку моего покойника вспомнить изволилъ. А батюшка покойникъ и въ самомъ дѣлѣ безухой былъ. Лѣвое-то ухо медвѣдь ему отгрызъ: разъ, какъ-то князь Алексѣй Юрьевичъ изволилъ приказать батюшкѣ съ любимымъ медвѣдемъ своимъ бороться, медвѣдь видно осерчалъ, да ухо батюшкѣ и прочь, а батюшка покойникъ не вытерпѣлъ,—видно больно стало,—охотничьимъ ножомъ мишку подъ лопатку и пырнулъ. У того и духъ вонъ. Такъ за то, что осмѣлился безъ спросу положить княжого медвѣдя, князь Алексѣй Юрьевичъ приказалъ для памяти покойнику батюшкѣ и другое ухо отрѣзать, да и прозвалъ его Яшкой Безухимъ. А батюшку покойника вовсе не Яковомъ, а Прокофьемъ звали.

«— Гдѣ, говорить, Яшка Безухой? Подавай сюда Яшку Безухаго!

«Доложили, что Яшка Безухой подъ гнѣвомъ находится: десятый годъ низовою вотчиной управляетъ.

«— Давай сюда Яшку Безухаго—онъ у меня на рѣзакѣ не проѣжется, какъ вы, шельмецы.

«Поскакали за покойникомъ батюшкой. Ну, Саратовъ—мѣсто не ближее: когда батюшку-то оттуда къ двору княжескому привезли, ледъ-то такой ужъ былъ, что будь у покойника и свинцовая голова, такъ и тутъ бы ему рѣзака сдѣлать было невозможно. Допустили батюшку до свѣтлыхъ очей князя Алексѣя Юрьевича.

«— Здравствуй, говорить, Яшка Безухой.

«Батюшка въ ноги, а князь его пожаловалъ, велѣлъ ему встать.

«— Что, говорить, рѣзака завтра съ того угора сдѣлаешь?

«— Постараться можемъ, батюшка, ваше сіятельство, отвѣчалъ покойникъ родитель мой,—надѣюсь на милость Божию и на ваше княжеское счастье.

«— Ну, ладно, говорить, ступай на псарный дворъ. Жалую тебя сворой муругихъ.

«А къ утру вьюга поднялась, да такъ поля засыпала, что охота

совѣмъ порѣшилась. Остался за батюшкой рѣзакъ до другой пороши... За то ужъ какого же онъ рѣзака на другую осень сдѣлагъ... И за такую его службу и великое радѣнье пожаловалъ его князь Алексѣй Юрьевичъ своею княжескою милостію: изволилъ къ ручкѣ своей допустить, при своей княжой охотѣ велѣтъ находиться, чекмень съ позументомъ жаловалъ, на барской барынѣ женилъ, и сказано было ему быть первымъ псаремъ. И до самой кончины князя Алексѣя Юрьевича батюшка у него въ самыхъ ближнихъ людяхъ состоялъ и въ большой милости находился. А какъ я родился, князь Алексѣй Юрьевичъ самъ изволилъ меня отъ святой купѣли воспринимать, а восприемницею была Степанида птичница, гайдука Самойлы жена. Тоже изъ барскихъ барынъ.

«Подросъ я, сударь, у батюшки на псарнѣ, а какъ пріѣхалъ князь сюда на житье совѣмъ и мнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, и меня изволилъ князь Алексѣй Юрьевичъ высокою своею милостію взыскать. На самое Свѣтло Христово Воскресенье, послѣ заутрени, сказалъ свое жалованье: велѣтъ мнѣ въ комнатныхъ казачкахъ при себѣ быть, ѣсть со стола княжескаго, а матушкѣ моей покойницѣ давать за меня мѣсячину, мукой, крупой, масломъ и по три алтына деньгами. Въ грамоту меня съ прочими казачками отдали, драли, сударь, немилосердо, однакоже дьячекъ Пафнутій до своего дошелъ: всѣмъ намъ грамота далась и даже цифирному дѣлу маленько навыкли. А когда мнѣ исполнилось двадцать лѣтъ, стали насъ по наукамъ распредѣлять: кого въ музыканты, кого въ часовщики, кого въ живописцы, кого французскому учиться, чтобы можно было съ молодымъ княземъ съ Борисомъ Алексѣевичемъ и въ Парижъ отправить. Меня же за многую службу матушки покойницы, и по ея великой слезной просьбѣ, по собачьей части опредѣлили.

«Было, сударь, мнѣ лѣтъ двадцать съ небольшимъ, какъ и меня сподобилъ Богъ передъ свѣтлыми очами князя Алексѣя Юрьевича службишку небольшую справить, и тѣмъ его княжескаго пожалованья и милости удостоиться. Верстахъ въ двадцати отъ Заборья, тамъ, за Ундольскимъ боромъ, есть село Крутихино. Было оно въ тѣ поры за Солоницынымъ, за отставнымъ капраломъ: за увѣчемъ и ранами былъ онъ отъ службы уволенъ и поселился въ своемъ Крутихинѣ съ молодою женой, а вывезъ

онъ ее изъ Литвы, изъ Польши ли, а можетъ статься и изъ Хохловъ, доподлинно того не знаю,—только красавица была такая, что нынче, я думаю, изойди весь бѣлый свѣтъ, такой не сыщешь. Князю Алексѣю Юрьевичу она приглянулась; сначала хотѣлъ было онъ ее честью въ Заборье сманить, только она не поддается, а мужъ ерошится, да воюетъ: «либо, говорить, матушкѣ-государынѣ челобитную подамъ, либо, говорить, самого князя зарублю.» Выѣхали мы однажды по лѣту на краснаго звѣря въ Ундольскій боръ, съ десятокъ лисицъ затравили и привалъ подлѣ Крутихина сдѣлали. Выложили мы передъ княземъ Алексѣемъ Юрьевичемъ изъ тороковъ звѣря травленого, стоимъ и ждемъ слова ласковаго.

«А князь Алексѣй Юрьевичъ кручиненъ сидитъ, не смотритъ онъ на краснаго звѣря травленого, смотритъ на сельцо Крутихино, да такъ, кажется, его глазами съѣсть и хотеть.

— Что это за лисы? говорить.—Что это за звѣрь красный? Вотъ какъ кто-бы-нибудь затравилъ мнѣ лису крутихинскую, ну, такъ этому человѣку я и не знай бы что далъ.

«Гикнулъ я, да въ Крутихино. А тамъ барынька на огородѣ въ малинничкѣ похаживаетъ, да ягодками забавляется. Схватилъ я ее поперекъ живота, перекинулъ за сѣдло, да и назадъ. Прискакалъ, да князю Алексѣю Юрьевичу къ ногамъ и лисичку положилъ. «Потѣшайтесь, молъ, ваше сіятельство, а мы отъ службы не прочь.» Глядимъ, капралъ скачетъ; задорный былъ такой, что бѣда: чуть-чуть не на самого князя наскакалъ. Ужъ доподлинно вамъ доложить не могу, что при этомъ дѣлъ было, только что капрада не стало, а Литвяночка стала у насъ въ Заборѣ въ особомъ флигелѣ проживать. Лѣтъ черезъ пять она постриглась, игуменьей была въ Зимогорскомъ монастырѣ, и князь Алексѣй Юрьевичъ очень украсилъ ей обитель, каменную церковь соорудилъ, земли купилъ, вклады большіе жаловалъ.

«Добрая была барынька, дай ей Богъ царство небесное, милостивая такая: какъ жила въ Заборѣ, завсегда умѣла утѣлять сердце князя Алексѣя Юрьевича. Какъ только онъ на своихъ ли холопей, на мелкопомѣстное ли шляхетство распалится не въ мѣру, завсегда бывало уймешь его. Много за нее Бога молили.

«Такъ вотъ за самую за эту службу изволилъ меня князь Алексѣй Юрьевичъ безпримѣрно пожаловать. «Коли вѣренъ рабъ,

такъ и князь ему радъ,» при всѣхъ сказать изволилъ и велѣлъ мнѣ быть при своемъ княжескомъ стремени. Чекмень малиновый съ позументами изволилъ мнѣ дать, да полтора рубля деньгами, да чарку серебряную, да три полушубка мерлушечьихъ, да шубу лисью, да кусокъ сукна нѣмецкаго. А сверхъ всего того соизволилъ женить меня на барской барынѣ. Однако же матушка покойница князя укланяла: за молодостью лѣтъ въ брачное дѣло мнѣ вступить было отказано. Милость князя была ко мнѣ великая: за мѣсто женидбы, съ птичнаго двора дѣвку Акульку въ наложницы мнѣ пожаловать изволилъ. Да вѣдь не то чтобы я просилъ о томъ, нѣтъ, сударь, самъ пожаловать изволилъ, безъ просьбы.... Послѣ того, года черезъ два, ужъ меня на пѣвицѣ женили, на родной сестрѣ Василисы Бурыхи, что въ Заборѣ надъ всѣми дѣвичьими порядокъ держала. Презлющая баба была эта Василиса, а съ рожи такая, что какъ во снѣ, бывало, приснится, такъ вскочишь да перекрестишься. Ну, а у князя Алексѣя Юрьевича она въ великой милости находилась, для того что по дѣвичьимъ всѣ дѣла ладно вела. Оттого мнѣ съ женой изъ-за нея куда какъ хорошо было жить.

III. ЗАБОРСКАЯ ЯРМАРКА.

«Въ старыя-то годы, батюшка Сергѣй Андреевичъ, бывала у насъ въ Заборѣ ярмонка, а приходилась она въ лѣтнюю пору. Сѣзжались на нее, сударь ты мой, торговые люди со всякими товарами со всего царства и изъ другихъ краевъ, всякіе иноземцы бывали, и всѣмъ былъ вольный торгъ двѣ недѣли. Сказывали купчины, что наша заборская ярмонка развѣ малымъ чѣмъ Макарьевской уступала, а украинскихъ и другихъ много лучше была. Да, батюшка, вотъ хоть и ярмонка, и та совсѣмъ рѣшилась.

«Была она на землѣ монастырской, оттого всѣ денежные сборы: и таможенный, и привальный, и отвалный, и пятно конское, и австерскія, и похомутовый и вѣсчая пошлина, все на монастырь шло. А какъ монастырскую землю обошли заборскія дачи во всѣ стороны, отъ этого вся ярманка въ нашихъ рукахъ и состояла. Хоть для порядку и наѣзжали изъ Зимогорска ком-

мисары съ драгунами «для дѣль набережныхъ» и «для дѣль обыважихъ», да ассессоры провинціальныя,—исправниковъ тогда и въ духахъ еще не было,—однакоже вся сила была въ князѣ Алексѣѣ Юрьевичѣ.

«Вотъ, бывало, наступить девятая пятница, ярмонкѣ начало. Съ самаго ранняго утра у насъ въ Заборѣ все закишитъ, ровно въ муравейникъ: въ парадъ собираться стануть, пудриться, одѣваться, коней сѣдлатъ, кареты закладывать. И какъ все это устроится, пойдетъ старшій дворецкій,—а былъ въ этомъ чинѣ не изъ холопей, а всегда изъ мелкопомѣстнаго шляхетства кто-нибудь,—и доложить князю, что время на ярмонку ѣхать. Вотъ и велитъ князь намъ въ ряды строиться. Доложатъ ему, что построились, и выйдетъ самъ на крыльцо во всемъ нарядѣ: въ аломъ бархатномъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ глазетовомъ камзолѣ съ серебряными блестками, въ парикѣ по плечамъ, въ шляпѣ трехугольной, въ кавалеріи и при шпагѣ. А за нимъ сотня другая большихъ господъ, «знакомцевъ» изъ мелкопомѣстнаго шляхетства и недорослей—все въ шелковыхъ кафтанахъ и въ парикахъ. Потомъ на крыльцо княгиня Марѳа Петровна выйдетъ, въ помпалурѣ изъ парчи серебряной съ алыми разводами, волосы къверху зачесаны и напудрены, а наверху корабликъ, а шея, и грудь, и голова, такъ и горятъ у нея, у матушки, камнями самоцветными; за ней барыни все въ робронахъ и въ пудрѣ, приживалки все въ княгининыхъ платьяхъ, комнатныя дѣвицы,—эти въ золотыхъ шугайчикѣхъ, въ лѣтникахъ и въ шапочкахъ собольихъ.

«— Трогай! крикнетъ князь Алексѣй Юрьевичъ, и поѣдетъ поѣздъ къ монастырю.

«Впереди пятьдесятъ вершниковъ; поѣдутъ они на гнѣдыхъ лошадяхъ, все въ суконныхъ кармазинныхъ чекменахъ, штаны голубые гарнитуровые, пояса серебряные, штиблеты желтые, а на головахъ парики надѣты пудренные и шляпы круглыя съ зелеными перьями.

«За вершниками охота поѣдетъ, только безъ собакъ. Псари и доѣзжіе поѣдутъ regimentами: первый regimentъ на воронихъ коняхъ въ кармазинныхъ чекменахъ, другой regimentъ на рыжихъ коняхъ въ зеленыхъ чекменахъ, а третій regimentъ на сѣрыхъ коняхъ въ голубыхъ чекменахъ. А чекмени у всѣхъ су-

конные, а через плечо шелковыя перевязи, у однихъ бѣлыя, шиты золотомъ, у другихъ черныя, шиты серебромъ. За ними стреланные поѣдутъ на гнѣдыхъ коняхъ въ чекменяхъ малиновыхъ, въ желтыхъ шапкахъ съ красными перьями, а через плечо перевязь золотая и на ней серебряный рогъ.

«За охотой шляхетство мелкопомѣстное и знакомцы верхами, кто въ мундирѣ, кто въ шелковомъ французскомъ кафтанѣ, а всѣ въ пудренныхъ парикахъ, лошади подъ ними всѣ съ княжой конюшни. За шляхетствомъ мало отступя, самъ князь Алексѣй Юрьевичъ въ открытой золотой каретѣ цугомъ, лошади бѣлыя, а хвосты и гривы у нихъ черныя,—нарочно бывало чернили. За каретой четыре гайдука на запяткахъ да шестеро пѣшкомъ, всѣ они въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ, а кафтаны вокругъ шиты золотомъ, камзолы алаго сукна, а рукава алаго бархату съ кондырками малыми, золотою бахромой обшитыми. Шапки на гайдукахъ пюсового бархату съ золотыми шнурками и съ бѣлыми перьями. И у каждаго гайдука через плечо цѣпь серебряная повѣшена. За каретой арапы пѣшкомъ въ красныхъ юпкахъ, съ золотыми поясами, на шеѣ у каждаго серебряный ошейникъ, а на головѣ красная шапка. Потомъ другая золотая карета, тоже цугомъ, въ ней княжна Марѣя Петровна ѣдетъ, вокругъ кареты скороходы, на нихъ юпки красного золотнаго штофа, а прочее платье бѣлаго штофа серебрянаго, сами въ парикахъ напудренныхъ большихъ и безъ шапокъ. За княгининой каретой каретъ сорокъ простыхъ не золоченыхъ, всѣ заложены въ четыре лошади и безъ скороходовъ, а только по два лакея въ желтыхъ кафтанахъ на запяткахъ, въ тѣхъ каретахъ большіе господа, съ женами и дочерьми, барыни изъ мелкопомѣстнаго шляхетства и вольныя дворянки, что при княжомъ дворѣ проживали.

«Пріѣдутъ къ монастырю, у святыхъ воротъ изъ каретъ выйдутъ и въ церковь пойдутъ. А какъ службу божественную отпоятъ, съ крестнымъ ходомъ кругомъ монастыря отправятся, да обошедши монастырь, на ярмонку для освѣщенія флаговъ. Какъ станутъ воду святить, пушечная пальба пойдетъ, а музыка: *Коль славенъ Богъ въ Сионѣ* заиграетъ. Тутъ князь Алексѣй Юрьевичъ къ архимандриту флагъ ярмоночный поднесетъ, архимандритъ святою водою его покропитъ, а князь Алексѣй Юрьевичъ на столбъ его своими руками вздернетъ. Пушки запалятъ,

музыка заиграетъ, трубы, роги раздадутся, а народъ во все горло ура! и шапки вверхъ. Это значить ярмонка началась, и съ того часу всѣмъ купцамъ торгъ повольный, а смѣй который изъ нихъ прежде того урочнаго часу лавку открыть, запереть бывало до полусмерти того своевольника князь Алексѣй Юрьевичъ, а товаръ весь въ Волгу покидаетъ либо сожжетъ среди ярмонки.

«Послѣ того къ архимандриту обѣдать. А на полѣ подлѣ ярмонки столы накроютъ, бочки съ виномъ выкатятъ для холопей и для чернаго народу. И тутъ не одна тысяча людей на княжой коштѣ ѣсть, пьеть и прохлажается до поздней ночи. Всѣмъ былъ одинъ приказъ: «пей изъ ковша, а мѣра душа», и рѣдкій годъ бывало въ этотъ день человѣкъ двадцать не обопьется. А пьяныхъ во время ярмонки подбирать не велѣно было, а коли кто на пьянаго наткнулся, перешагни черезъ него, а тронуть пальцемъ не могли.

«На другой день у насъ въ Заборѣ пиръ горой. Соберутся и большіе господа, и мелкопомѣстные, и торговые люди, и приказные, всего человѣкъ съ тысячу, а иной годъ и больше. У князя Алексѣя Юрьевича такой обычай былъ: кто ни пришелъ, не спрашиваютъ, чей да откуда, а садись да пей, а коли ѣсть хочешь, пожалуй и ѣшь, добра припасено вдосталь... А на полянѣ, позадь дому, опять стрѣлы поставлены да бочки выкачены. Музыка, пѣсни, пальба, гульба день-деньской стономъ стоятъ. Вечеромъ потѣшныя огни зажгутъ да бочки смоляныя, хороводы въ саду начнутъ водить. Со всей волости бабъ да дѣвокъ нагонять... Ну, а дѣло извѣстное, что въ полѣ горохъ да рѣпка, то въ мірѣ баба да дѣвка, значить, тутъ безъ грѣха человѣку пройти никакъ невозможно, потому что всяка жива душа калачика хочетъ. Потѣшныя-то огни какъ потухнуть, князь Алексѣй Юрьевичъ съ большими господами въ павильоны, а мы съ мелкопомѣстнымъ шляхетствомъ люди сѣрые, такъ въ садочкѣ, на лужокѣ да по овражкамъ всю ночь до утра и прокутимъ. Эхъ, золотое времечко было, батюшка, Сергѣй Андреевичъ! И на старости вспомануть лестно!.. Было, батюшка, пожито, было, государь мой, погуляно!.. Да, нашему брату хорошо было во-кругъ костра щепы собирать... Какъ не помянуть добрымъ словомъ князя Алексѣя Юрьевича: и самъ пожилъ и другимъ во-кругъ него тепло было.

«Да такъ всю ярмонку бывало и прогуляемъ. Каждый Божій день у насъ народу видимо-невидимо. И все пьяно. Крикъ, гамъ, пѣсни, драка—пыль коромысломъ да и все тутъ.

«А на ярмонку для порядку князь Алексѣй Юрьевичъ каждый день самъ выѣзжать изволилъ. Чуть кого въ чемъ замѣтитъ, тутъ же ему и расправа. И судъ его всѣмъ пріятенъ былъ, для того что кончался скоро: тутъ же бывало на мѣстѣ и разборъ и взысканье, въ дальній ящикъ ничего не любилъ откладывать: все у него шло живой рукой. А чернилъ да бумаги бѣда какъ не жаловалъ. За то всѣ торговые люди, что на заборскую ярмонку пріѣзжали, какъ отца роднаго любили князя Алексѣя Юрьевича, благодѣтелемъ своимъ и милостивцемъ звали. Вѣдь и они до бумаги-то не больно охочи. Да и въ самомъ дѣлѣ, до челобитныхъ ли тутъ да до приказныхъ ли людей купцу на ярмонкѣ, когда у каждого всякій часъ дорогъ. Ярмоночное дѣло самое горячее, тутъ и товаръ-то распродать такъ едва успѣешь, да еще какъ съ судами да съ чиновниками свяжешься, такъ такого наживешь себѣ барыша, что по скорости и дому лишиться можешь.

«А ужъ куда не любилъ князь Алексѣй Юрьевичъ тѣхъ людей, которые помимо его въ судахъ просили. Призоветъ, бывало, такого, шляхетнаго ли онъ роду, купчина ли, мужикъ ли, это ему все равно: перво-на-перво обругаетъ его самыми нехорошими словами, потомъ изъ своихъ рукъ побить изволить, а послѣ того кошки, плети али кашпца березовая, смотря по чину и по званію. А послѣ бани тотъ человѣкъ долженъ былъ идти къ князю Алексѣю Юрьевичу за науку благодарить.

«—То-то и есть, скажетъ тутъ князь Алексѣй Юрьевичъ,—ты какъ гусь: летаешь-то высоко, да садиться не умѣешь, такъ вотъ и дождался. Развѣ тебѣ нѣтъ моего суда, что вздумалъ ты къ приказнымъ ходить, съ этимъ крапивнымъ сѣменемъ знаться? Смотри же, впередъ у меня будь умнѣ... И ничего: пожалуетъ еще ручку поцѣловать и велить того человѣка напоить, накормить до отвала.

«Купцамъ на ярмонкѣ у него такой приказъ былъ: съ богатаго сколько хочешь бери, обманывай, обмѣривай, обвѣшивай его, какъ твоей душѣ угодно, а бѣднаго человѣка обидѣть не моги. Разъ позвалъ онъ къ себѣ въ Заборье московскаго купчину обѣдать; купчина былъ богатѣющій, каждый годъ привозилъ онъ на

ярмонку панскаго и суровскаго товару на многія тысячи: парчи, дородоры, гарнитурѣ, глазеты, атласы, левантины, ну и другія всякія матеріи. Да товаръ-то все прочный былъ: лубокъ лубкомъ; въ нынѣшнее время нигдѣ такихъ матерій не найти, потому что все стало щепетильнѣе, измелъчало, измалодушествовалось, и отъ того отъ самого и одежду стало потоньше носить. Вотъ-съ, побѣдавши, говоритъ князь Алексѣй Юрьевичъ тому купчинѣ:

«— Почему ты, Трифонъ Егорычъ, алый левантинъ продаешь?

«— По гривнѣ продаемъ, ваше сіятельство, и по четыре алтына, смотря по добротѣ.

«Вотъ, сударь, цѣны-то какія въ старые годы были, а нынче что? Пареной рѣпы развѣ только на такія деньги купить можно.

«— А была у тебя вчера въ лавкѣ попадья изъ Большаго Врагу?

«— Не могу знать, ваше сіятельство, народу въ день перебываетъ много. Всѣхъ запомнить невозможно.

«— Попадья у тебя аршинъ алаго левантину на головку покупала. Почему ты ей продалъ?

«— Не помню, ваше сіятельство, хоть околѣть на этомъ мѣстѣ, не помню. Да еще, можетъ-статься, не самъ я и товаръ-то ей отпускалъ, а изъ молодцовъ кто-нибудь.

«— Ну, ладно, сказалъ князь Алексѣй Юрьевичъ, да и кликнулъ вершника. А вершниковъ съ десятокъ всегда у крыльца на коняхъ стояло для посылокъ.

«Вошелъ вершникъ. Купчина ни живъ, ни мертвъ, думаетъ, на конюшню вести хотять; говоритъ вершнику князь Алексѣй Юрьевичъ.

«— Проводи ты вотъ этого купчину до ярмонки, тамъ онъ дастъ тебѣ кусокъ алаго левантину самаго лучшаго. Возьми ты этотъ левантинъ и духомъ отвези его въ Большой Врагъ, отдай его отца Дмитрія попадѣ, и скажи ей: купецъ молъ московскій Трифонъ Егорычъ Чуркинъ кланяться тебѣ, матушка, велѣлъ и прислалъ, дескать, кусокъ левантину въ подарокъ, за то де, что вчера онъ съ тебя за аршинъ такого левантина непомѣрную цѣну взялъ. Такъ и скажи ей. А ты Трифонъ Егорычъ за молодцами-то своими приглядывай, чтобы они бѣдныхъ людей не обижали, а не то вѣдь я посвойски расправляюсь. Пороть тебя не стану, а въ сидѣльцы къ тебѣ пойду. Такъ смотри же, держи у меня ухо остро.

«Недѣли не прошло, какъ спровѣдалъ князь про Чуркина, что одиодворца одного канифасомъ обмѣрялъ. Какъ только услыхалъ про это, ту же минуту на конь, прискакалъ на ярмонку, и прямо къ Чуркину въ лавку.

«— А ты, говоритъ, Трифонъ Егорычъ, забылъ мой приказъ? Экая у тебя, братецъ ты мой, память-то короткая! Ну, нечего дѣлать, надо мнѣ свое княжеское слово выполнить, надо къ тебѣ въ сидѣльцы идти. Эй, вы аршинники, вонъ всѣ изъ лавки!

«Чуркинъ съ молодцами изъ лавки вонъ, а князь Алексѣй Юрьевичъ, ставши за прилавокъ, да взявши аршинъ въ руки, и крикнулъ на всю ярмонку зычнымъ своимъ голосомъ:

«—Эй вы, господа честные, покупатели дорогие! Къ намъ въ лавку покорно просимъ, у насъ всякаго товару припасено вдоволь, есть атласы, канифасы, всякіе дамскіе припасы, чулки, платки, батисты изъ помпадуровъ: не прикажете ли чего? Продаемъ все безъ обмѣру, безъ обвѣсу и безъ всякаго обману. Сдачи не даемъ, а сами мелкихъ денегъ не беремъ. Отпускаемъ товаръ за свою цѣну, за наличныя деньги, а у кого денегъ нѣтъ, тому и въ долгъ повѣрить можемъ: заплатишь спасибо, не заплатишь Богъ съ тобой.

«Навалила въ лавку вся ярмонка. А князь Алексѣй Юрьевичъ за прилавокъ аршиномъ работаетъ: пять аршинъ чего ни-на-есть отмѣряетъ да куска два, три почтенія сдѣлаетъ. Этакимъ манеромъ часа черезъ три у Чуркина весь товаръ продалъ, только наличной выручки оказалось число небольшое.

«—Вотъ тебѣ, сказалъ князь Алексѣй Юрьевичъ Чуркину, выручка, а остальной товаръ въ долгъ проданъ. Ищи, хлопочи, собирай долги, это ужъ твоя забота, а мое дѣло сторона. Да смотри ты у меня, попадью съ одиодворцемъ не забывай. Ну, поѣдемъ теперь въ Заборье обѣдать; оно бы, понастоящему, съ тебя бы магарычи-то слѣдовали, тебя съ окончаніемъ ярмонки надо было поздравить—ну, да такъ и быть: пожалуй, ужъ я накормлю. Садись въ карету.

«Замаялся Чуркинъ, не лѣзетъ въ карету, и стоитъ какъ зачумленный.

«—Да не бойсь, хозяинъ, садись, сказалъ ему князь Алексѣй Юрьевичъ.—Ты чай думаешь, что драть тебя стану, такъ не

бойся: когда я разъ сказалъ, что пороть тебя не стану, такъ это ужъ и значить, что не стану. А захотѣлъ бы тебя плетью поучить, такъ и здѣсь бы спину—то вздуть. Зачѣмъ же бы тогда въ Заборье-то тебѣ было ѣздить? Ну, садись же, полно, хозяинъ!

«Нечего дѣлать, сѣлъ Чуркинъ съ княземъ въ карету, поѣхалъ въ Заборье обѣдать. А за обѣдомъ Чуркина на первое мѣсто посадили, а князь Алексѣй Юрьевичъ самъ ему прислуживалъ, и за стуломъ у него съ тарелкой стоялъ и *хозяйномъ* все время называлъ. «Я—де, говорить, у Трифона Егоровича въ услуженіи состою.»

«А пороть не пороть. На прощанье еще жалованьемъ своимъ удостоилъ: отъ любимой борзой суки Прозерпинки кобелька да сученку на племя подарилъ.

«Съ той поры Чуркинъ на ярмонку ни ногой. Сказывали, будто оттого пересталъ онъ на ярмонку ѣздить, что въ дѣлишкахъ маленько поразстроился, а впрочемъ доподлинно того сказать вамъ не могу.

«А коли кто съ княземъ Алексѣемъ Юрьевичемъ смѣло да умно поступалъ, того любилъ. Разъ на ярмонкѣ шелъ онъ за балаганами одинъ одиначенекъ, ни единой души изъ насъ при немъ не было. Завидѣлъ онъ одного купчину, который прогнѣвалъ его: отобѣдавши въ Заборѣ, не захотѣлъ съ барскими барынями да съ деревенскими дѣвками въ саду повеселиться, спѣшнымъ дѣломъ отговоривался, въ полученіи-де предвидѣлось отъ сибирскихъ купцовъ. Соснувши маленько послѣ обѣда, узналъ князь Алексѣй Юрьевичъ, что купчина его приказу сдѣлался ослушенъ и тихонько на ярмонку съѣхалъ: — Ну, говорить, чортъ съ нимъ: была бы честь приложена, а убытка Богъ избавилъ. Пороть его не стану, а до морды доберусь, такъ не пѣнай.

«Вотъ и попался онъ ему за балаганами, а тутъ песокъ сыпучій, а за пескомъ озеро, дно у него ровно да покатое, отъ берега мелко, а на середкѣ дна не достанешь. только ямъ и уступовъ въ озерѣ нѣтъ. Завидѣвши купчину, князь остановился да пальцемъ его къ себѣ и манить:—Поди-ка, говорить, сюда. А купчина ужъ смѣкаетъ, зачѣмъ его зовутъ, нейдетъ, да стоя саженьхъ въ двадцати и говорить:

«— Нѣтъ, ваше сіятельство, ты самъ ко мнѣ поѣхалъ, а ужъ я

не пойду, для того что зуботрещинъ твоихъ, ни кошекъ, ни плетей не желаю.

«—Ахъ ты аршинникъ этакой! закричалъ князь Алексѣй Юрьевичъ, и родителей того купчины не хорошимъ словомъ вспомануть изволилъ. Да къ нему.

«А купчина парень не промахъ, задавъ тягача, и пустился къ озеру, а песокъ тутъ сыпучій, ноги такъ и вязнуть. Князь Алексѣй Юрьевичъ въ догонку за купчиной, распалился весь, запыхался, а все бѣжить, сердце-то его ужъ очень взяло. Вязнуть ноги у купчины, вязнуть и у князя. Вотъ купчина догадался: оглянулся назадъ, видить, что князь шагахъ во ста отъ него. Эхъ, думаетъ, успѣю; сѣлъ, сапоги долой, да босикомъ и пустился: ему бѣжать-то и вольготнѣе стало. Видить князь Алексѣй Юрьевичъ, что купчина сдѣлалъ дѣло умное, самъ сѣлъ, тоже сапоги долой, да босикомъ дальше. Купчина къ озеру, князь за нимъ, тотъ въ озеро, князь тоже. Забрелъ купчина по горло, а князь по грудь остановился да и сталъ пальчикомъ купчину къ себѣ манить.

«— Поди, говоритъ, ко мнѣ, я съ тобой раздѣлаться хочу.

«А купчина ему въ отвѣтъ тоже пальцемъ манить да говоритъ:

«— Нѣтъ, ваше сіятельство, ты ко мнѣ поди, а ужъ я не пойду.

«— Да вѣдь ты, подлець, утопишь меня?

«— Ну, тамъ что Богъ дастъ, то и будетъ, а только къ тебѣ не пойду.

«Перекорялись, перекорялись такъ, а другъ къ другу не пошли. Время хотъ и жаркое было, ну, а стоя въ водѣ, все-таки продрогли.

«— Ну, говоритъ князь Алексѣй Юрьевичъ,—люблю молодца за обычай, поѣдемъ въ Заборье обѣдать, а зло твое я забылъ.

«— Врешь, ваше сіятельство, говоритъ ему купчина,—обманешь, выпорешь.

«— Пальцемъ не трону, отвѣчаетъ ему князь Алексѣй Юрьевичъ,—право пальцемъ не трону.

«— Обманешь, ваше сіятельство.

«— Ей Богу, не обману, право не обману.

«— А ну, перекрестись!

«И началъ князь Алексѣй Юрьевичъ стоя въ водѣ креститься,

и всѣми святыми себя заклинять, что никакого дурна надъ тѣмъ купчиной онъ не учинить. Далъ купчина вѣру князю Алексѣю Юрьевичу, поѣхалъ съ нимъ въ Заборье.

«Что же вы, сударь, думаете? вѣдь не то чтобы выдрать купчину, а еще пріятелемъ закадычнымъ сдѣлалъ его своимъ, домъ каменный ему въ Москвѣ подарилъ. Бывало, что есть—вмѣстѣ, чего нѣтъ—пополамъ. Двухъ дочерей замужъ выдалъ и въ посаженныхъ отцахъ былъ, а сына въ чины вывелъ и послѣ онъ у насъ въ Зимогорскѣ вице-губернаторомъ былъ, и нажилъ воть какъ, тысячу безъ малаго душъ купилъ. Ну, мѣсто важное, кормленья довольно. А нѣтъ-нѣтъ, да бывало и припомнить, какъ они въ озерѣ-то съ нимъ были.

«— А вѣдь утопилъ бы ты меня, Кононъ Ѡадеичъ, какъ бы я сдуру-то тогда къ тебѣ подошелъ? скажете, бывало, князь Алексѣй Юрьевичъ.

«— А какъ знать чего не знать, отвѣтитъ купчина,—что бы Богъ указалъ, то бы я надъ тобой, ваше сіятельство, и сдѣлалъ.

•Шельма продувная былъ этотъ Кононъ Ѡадеичъ.

•Ну и захохочутъ оба, да послѣ такихъ словъ и почнутъ цѣловаться.

•И всегда и во всемъ такъ было, что если кто удающую штуку удереть или тыкнуть ему прямо въ носъ, не боюсь-де тебя, того жаловалъ и въ чести держалъ. Да воть еще какой случай былъ однажды.

•Въ лѣтнюю пору каждый день послѣ обѣда садился, бывало князь Алексѣй Юрьевичъ въ кресла вздремнуть маленько. Кресла ставили для него на балконѣ, заднія-то ножки въ комнатѣ поставятъ, а переднія на балконѣ, онъ такъ на порогъ и дремлетъ. И въ то время по всему Заборью и на Волгѣ на всѣхъ судахъ никто пикнуть не могли, а не то на конюшню. Флагъ нарочно изъ домъ такой выкидывали, чтобы всѣ знали, когда князь Алексѣй Юрьевичъ почивать изволитъ.

•Воть, сударь, дремлетъ онъ этакъ одинъ разъ, а барченокъ изъ мелкопомѣстныхъ знакомцевъ, что изъ милости на кухнѣ проживалъ, пробирается подлѣ дому тихонько. А въ нижнемъ жильѣ, подъ тѣмъ самымъ балкономъ, гдѣ князь Алексѣй Юрьевичъ опочивать изволилъ, жили барышни-приживалки, вольныя дворянки тоже, и деревни у нихъ свои были, только плохохонькія,

поэтому самому онъ въ Заборьѣ на княжескихъ харчахъ и находился. Барченокъ къ нимъ подъ окна. Ну, говорить не смѣетъ, а турусы на колесахъ подпустить ему барышнямъ охога, онъ и сталъ руками маячить, а самъ ни гугу. Барышнямъ не втерпеть: похохотать, знаете, охота большая, да гроза наверху, ну и не смѣютъ. Машутъ онъ барченку платочками, уйди, дескать, пострѣль, до грѣха. А барченокъ маячилъ, маячилъ, да вовсе горло «ни одна-то во полѣ дороженька» и заголосилъ. Заоралъ да и драла, а вершники, что у крыльца стояли, его не запримѣтили, сами тоже вздремнули, потому что часъ полуденный былъ. Такъ барченокъ и скрылся.

«Пробудился князь Алексѣй Юрьевичъ. Грозень, сумрачень, руки у него такъ и подергиваетъ.

«— Кто *дороженьку* пѣлъ? говоритъ.

«Побѣжали, сломя голову, во всѣ стороны. Ищутъ.

«А барченокъ себѣ на умѣ, семью собаками его не сыщешь. Улегся гдѣ-то на сѣнницѣ, спитъ тоже будто. Кромѣ барышень его никто не запримѣтилъ, а онъ ужъ, известное дѣло, не выладутъ.

«— Кто пѣлъ *дороженьку*? кричитъ князь Алексѣй Юрьевичъ.

«Бѣгаютъ всѣ холопы, какъ дурмана объялись, а найти не могутъ.

«— Кто *дороженьку* пѣлъ? кричитъ князь, а самъ умъ на крыльцо вышелъ и арапникъ въ рукѣ.

«Не знаютъ, что доложить, бѣгаютъ, рыщутъ, а дознаться никакъ не могутъ.

«— Кто пѣлъ *дороженьку*? кричитъ, на все село, князь Алексѣй Юрьевичъ, — сейчасъ передъ меня поставить, не то всѣхъ запорю!

«А все найти не могутъ. Рычитъ князь Алексѣй Юрьевичъ, словно медвѣдь на рогатинѣ. Ушелъ въ домъ, и слышимъ мы, зеркала звенятъ, столы трещать.

«Старшій дворецкій и всѣ холопы стали кланяться Васкѣ пѣсеннику, возьми дескать вину на себя, для того что виноватаго сыскать не можемъ.

«Васька себѣ на умѣ, уперся. «Спина-то вѣдь, говоритъ, моя, да чего добраго пожалуй и въ прудъ угодишь.» Не желаетъ.

«Стали ему со слезами кѣчиться, что вотъ молъ дворецкій тебя

выручить, а на всякой случай на тебѣ десять рублей деньгами. А десять рублей, сударь, въ старые годы были деньги большія.

«Почесалъ пѣсенникъ въ затылкѣ: и спины-то жалъ, и съ деньгами-то разстаться не охота. «Ну, говорить такъ и быть, пойдемъ. Только смотри же вы, коли не изъ своихъ рукъ пороть станеть, такъ порите легче.»

«А ужъ князь Алексѣй Юрьевичъ тѣмъ временемъ распалился безъ мѣры. «Всему холопству, кричить, по тысячѣ кошекъ въ спину, а шляхетство плетьюмъ задеру. Да спросить барышень: онѣ должны знать, а не скажутъ, такъ и имъ юпки подниму!»

«Страхъ смертный. Пикнуть никто не смѣетъ, дышать даже бояться.

«— Кошекъ! зарычалъ князь Алексѣй Юрьевичъ. Зычный голосъ его по всему Заборью раздался, и всяка жива душа затрепетала.

«— Ведутъ, ведутъ, закричали казачки комнатные, завидѣвъ дворецкаго, а за нимъ гайдуковъ, что волочили по землѣ по рукамъ и по ногамъ связаннаго Ваську пѣсенника.

«Сѣлъ князь на софу, судъ и расправу чинить. Подвели къ нему Ваську. Всѣ ни живы, ни мертвы.

«— Ты дороженьку пѣлъ?

«— Виноватъ, ваше сіятельство, я.

«Замолкъ князь Алексѣй Юрьевичъ. Помолчалъ маленько да и сказалъ:

«— Славный голосъ у тебя; дать ему десять рублей да кафтанъ съ позументомъ.

«Такъ вотъ, сударь, какой добрый былъ князь-то Алексѣй Юрьевичъ, только что порядокъ любилъ. Ну, это такъ, ужъ у него всѣ по стрункѣ ходи, а не то раздѣлка скорая и грозная.»

IV. ИМЯНИНЫ.

«А именины свои справлялъ князь Алексѣй Юрьевичъ на пятый день Покрова Пресвятой Богородицы. Пиръ былъ великій: недѣли на двѣ, на три сѣзжались въ Заборье и все окружное шляхетство, и губернаторъ изъ Зимогорска, и воеводы провинціальныя, и генералъ, что съ драгунскими полками въ Жуге-

бить стоять, и другихъ много чиновныхъ. Изъ Москвы наѣзжали, а иной разъ изъ самаго Питера, потому что всякому лестно было князя Алексѣя Юрьевича съ ангеломъ поздравить.

«За недѣлю, бывало, начнутъ съѣзжаться. Всякому комната отводилась, кому побольше, кому поменьше: шляхетству, смотря по роду, а чиновнымъ, глядя по чину. Губернатору флигель особый, драгунскому генералу съ воеводами другой, а по прочимъ флигелямъ большіе господа: кому три горницы, кому двѣ, кому одна, а гдѣ по два, по три гостя въ одной, глядя каковъ кто родомъ. А наѣзжее мелкопомѣстное шляхетство и приказныхъ по крестьянскимъ дворамъ бывало разведутъ, въ застольную ихъ, въ ткацкую, въ столярную помѣстятъ. Тамъ и спать въ повалку.

«Наканунѣ именинъ съ вечера всюнощную отслужать, выйти приказъ: у службы быть всѣмъ. Князь Алексѣй Юрьевичъ самъ шестопсалмїе читаетъ и синаксарь. Покойникъ, дай Богъ ему царство небесное, уставъ церковный не хуже монастырскаго канонарха зналъ, къ службѣ Божіей былъ не лѣнostenъ, и къ дому Господню имѣлъ радѣніе большое. Сколько онъ въ жизнь-то свою по разнымъ церквамъ иконостасовъ надѣлалъ, сколько ризъ серебряныхъ на святыхъ чудотворныхъ иконы выковалъ, сколько колоколовъ вылилъ, а въ Заборѣ три каменные церкви на свой коштъ соорудилъ.

«Послѣ всюнощной ужина не бывало, для того чтобы какимъ-нибудь грѣхомъ до утра не забражничались и обѣдни бы не проспали. Подавали каждому, ѣсть, пить въ своемъ мѣстѣ, а хмѣльнаго ставили количество небольшое.

«На другой день, послѣ обѣдни, пойдутъ всѣ князя поздравлять. Сядетъ, бывало, князь Алексѣй Юрьевичъ во всемъ нарядѣ и въ кавалерїи на софѣ въ большой гостиной, по правую руку губернатора посадить, а по лѣвую княгиню Марѳу Петровну. Большие господа, съ ангеломъ князя поздравивши, тоже въ гостиной разсядутся: по одну сторону мужчины, а по другую женскій полъ. А сядутъ всѣ по чинамъ и по роду.

«Піита съ виршами придетъ—нарочно такого для праздниковъ держали. Звали его Семеномъ Титычемъ, а былъ онъ изъ поповскаго роду, и обучался стихотворному дѣлу на Москвѣ. Въ первый же годъ, какъ прїѣхалъ сюда на житье князь Алексѣй

Юрьевичъ, нанялъ онъ Титыча и привезъ его изъ Москвы вмѣстѣ съ карликомъ—тоже рѣдкостный былъ человѣкъ: ростомъ съ восьмигодовалого ребенка, не больше. И жилъ пѣта на восямъ на готовомъ, особая горница ему была, а все дѣло его въ томъ состояло, что къ какому ни-на-есть торжеству вирши долженъ написать и *настораль* одѣлать. А для такого дѣла каждый разъ, бывало, недѣли за три запирали Титыча для трезвости на голу-битню; какъ вытрезвять, его онъ и пойдетъ вирши писать да насторали строить.

«Вотъ придетъ Титычъ въ гостиную, напудренный тоже, и въ кафтанѣ шелковомъ, и почнетъ вирши поздравительныя сказывать, а гости слушаютъ молча. А какъ отчитаетъ, подастъ нѣтъ князю на бумагѣ, а князь ручку дастъ ему поцѣловать, денегъ пошалуесть и напоить велитъ Титыча до положенія ризъ. только наблюдать принажесть, чтобы Богу душу не отдалъ, для того что человѣкъ былъ нужный, а пилъ безъ разсужденія. Въ старыя годы пѣнтовъ было число небольшое и найти ихъ было трудно, поэтому князь Титыча и беретъ. Всѣмъ такой приказъ былъ: Семона Титыча беречь всякими мѣрами и для потѣхи какой вреда ему дѣлать не смѣть.

«Разъ одного знакома изъ благороднаго шляхетства такъ взодралъ князь Алексѣй Юрьевичъ за Титыча, что инда небу жарко было. Похрысневъ Иванъ Тихоновичъ былъ, изъ мелкопомѣстныхъ; было у него дворовъ тридцать своихъ крестьянъ да разбѣжались, такъ онъ и пошелъ на княжіе харчи. Съ Титычемъ пріятель закадычный былъ, и пили и гуляли почитай все обща. Вотъ и насмотрѣлся Иванъ Тихоновичъ, какія у насъ по Заборью забавы происходятъ. А у насъ во дворѣ и холопи и шляхетство такъ промежъ себя забавлялись: кого на медвѣдя насунуть, кому подошвы медомъ намажутъ, да козлу лизать дадутъ; козель-то лижетъ, а человѣку тому щекотно, и хохочетъ онъ до тѣхъ поръ, какъ глаза у него подъ лобъ уйдутъ, и дышать еле можетъ. Да мало ли какихъ потѣхъ не бывало; всѣхъ не перескажешь. Вотъ-съ насмотрѣвшись ихъ, Иванъ Тихоновичъ и подмѣтилъ разъ друга своего, въ пьяномъ образѣ лежаща, да и сшутилъ съ нимъ шуточку, да и шутку-то небольшо обидную: ежа ему за пазуху посадилъ. Пѣта вскочилъ и закричалъ неблагимъ матомъ, съ пьяну—то да съ просонокъ понять не можетъ, что у него такое

нодь рубахой ходить да колеть. Выбѣжалъ на дворъ какъ угорѣлый, «караулъ! рѣжутъ!» кричить. А на тотъ грѣхъ князь Алексѣй Юрьевичъ тутъ и случись: какъ узналъ онъ всю причину, смѣяться много изволилъ, а Ивана Тихоновича выпоротъ велѣлъ и цѣлый день ежа за пазухой носить заставилъ. — Ты, говорить, знай съ кѣмъ шутить: Титычъ, говорить, тебѣ не пара: онъ человекъ ученый, а ты свинья.

«А какъ, бывало, Семень Титычъ изъ гостиной вонъ выйдетъ, пойдутъ неважные господа и знакомцы князя поздравлять, и народъ приказный тоже. А тоже всѣ по чинамъ подходить, и всякому князь Алексѣй Юрьевичъ ручку свою цѣловать жалуется. Кто поцѣловалъ, тотъ на галлерею, а тамъ ужъ отъ всякихъ водокъ и закусокъ столы ломятся.

«Чай станутъ подавать, только не всѣмъ, а однимъ большимъ гостямъ, потому что въ старые годы чай былъ въ диковинку, и пить-то его умѣли только большаго рангу господа, а мелочь не знала, какъ за него и взяться... А въ нынѣшнее время, какъ посмотришь, Сергѣй Андреевичъ, всякій-то мужикъ съ самоваромъ балуетъ и своимъ суконнымъ рыломъ тоже сахаръ грызетъ. А это, помоему, одно только развращеніе... Оно, конечно, и въ старые годы давали иной разъ чаю мелкопомѣстному шляхетству или приказнаго чина людямъ, только дѣлали это единственно для потѣхи, чтобъ позабавиться большимъ гостямъ, глядя какъ тотъ съ непривычки глотку себѣ жечь станетъ, рожи корчить. Ну, шутовъ еще, бывало, призовутъ, передражнивать барина-то прикажутъ, чай у него отнимать, кипяткомъ его ошпарить велѣтъ. Ну, шуты подерутся съ бариномъ, обварятъ его, на полъ повалятъ, да еще и мукой обсыплютъ, да какъ позабавятся, всѣхъ въ шею и велѣтъ вонъ вытолкать. Такъ это, сударь, дѣло другое, потому что оно единственно для забавы и удовольствія дѣлалось, а нынче на чтò это похоже? Холопъ всякій, мужикъ сиволапый и тотъ безъ чаю жить не можетъ!.. Нехорошіе, сударь, теперь годы!

«Пьютъ, бывало, чай въ гостиной чинно: губернаторъ почнетъ вѣдомости сказывать, что въ курантахъ вычиталъ, али изъ Питера ему которыя отписали. А московскіе гости съ своими вѣдомостями. Такъ и толкуютъ. Пріѣзжалъ частенько къ намъ на именины генералъ-поручикъ Матвей Михайловичъ Ситкинъ. —

родня былъ нашему—то : находился больше при дворѣ и къ самому Разумовскому вхожъ былъ за всяко просто.

«— Слышно, говорить онъ однажды, про тебя князь Алексѣй, что матушка-государыня хочетъ тебя въ Цесарскую землю къ венгерской королевѣ резидентомъ послать.

«— И до меня такія вѣдомости доходили, сіятельнѣйшій князь, примолвилъ губернаторъ, — а когда Матвей Михайловичъ изъ самого дворца матушки-государыни подлинныя вѣдомости привезъ, такъ и значить, что онъ вѣроятія достойны.

«И всѣ поздравлять князя Алексѣя Юрьевича стали. А у него лицо такъ и просіяло. Только онъ помолчалъ маленько, да и брякнулъ.

«— Не ѣду.

«— Какъ не ѣду? Въ умѣ что ли ты, князь, али рѣхнулся? говорить генералъ-поручикъ, родня—то.

«— А такъ же и не ѣду. Пусть меня матушка-государыня велитъ смертью казнить, пусть меня въ дальніе сибирскіе города пошлютъ, а въ Цесарскую землю я ни ногой.

«А говорилъ онъ этакъ отъ того единственно, что издавна роденьку своего Матвея Михайловича зналъ: любилъ покойникъ, царство ему небесное, краснымъ словомъ рѣчь скрасить, любилъ и похвастаться передъ людьми: я-де при государынѣ нахожусь и всякія великія и тайныя дѣла до тонкости знаю.

«— Да что ты, что ты? сталъ онъ приставать къ князю. — Есть ли резонъ челоуѣку отъ своей фортуны отказываться?

«Губернаторъ тоже сталъ допытываться, генералъ драгунскій, воевода одинъ, да изъ большихъ господъ два, три челоуѣка. А прочіе не смѣли.

«— Да какъ же это возможно въ Цесарскую землю мнѣ ѣхать? сказалъ князь Алексѣй Юрьевичъ. — Вѣдь безъ меня вонъ этотъ лысый чортъ всѣхъ русаковъ здѣсь затравитъ, а объ красномъ звѣрѣ послѣ того лѣтъ пять и помину не будетъ.

«А лысымъ чортомъ извоилилъ онъ называть Ивана Сергѣевича Опарина; баринъ былъ большой, по сосѣдству отъ насъ вотчина у него въ двѣ тысячи душъ была, и въ стары годы послѣ князя Алексѣя Юрьевича былъ онъ въ губерніи первый челоуѣкъ.

«— Ну, не взыщи, князь Алексѣй, подхватилъ Иванъ Сергѣе-

вичъ,—ужь всѣхъ, братъ, перетравлю. Ты тамъ у венгерской королевѣ резидируй, а я тебѣ мышенка не оставлю.

«И князь смѣяться изволилъ. Всѣ большіе господа тоже смѣялись, а въ другихъ комнатахъ и въ галлерей знакомцы, шляхетство мелкопомѣстное и приказные тоже на этотъ смѣхъ во все горло хохотали, а чему тотъ смѣхъ, не вѣдали.

«— А вотъ ты лучше, скажи-ка мнѣ, честный отче: подобаеть ли намъ китайское это зелье пить? Грѣха тутъ нѣтъ ли? спросилъ князь Алексѣй Юрьевичъ.

«А это онъ тому же Ивану Сергѣевичу сказалъ. Звалъ онъ его *лысымъ чортомъ*, для того что голова у него была на подобіе рыбьяго пузыря, звалъ и *честнымъ отче*, потому что въ старыхъ уставахъ свѣдущъ былъ. А Иванъ Сергѣевичъ хотъ бороду и брилъ, а париковъ не надѣвалъ и табаку не курилъ, поставляя въ томъ грѣхъ великій. Всю свою жизнь въ *мѣтлахъ* (1) пробылъ, пятидесяти лѣтъ *недорослемъ* писался, и хотъ при Петрѣ Великомъ не одинъ разъ батогами за то былъ битъ нещадно, а все-таки свой обычай снесъ и на службу въ Питеръ не явился. Спервоначалу и нѣмецкаго платья надѣтъ на себя не хотѣлъ, да жена обрядила. Былъ онъ женатъ на богатой, а жена-то его на ассамблеяхъ упражнялась, нраву была сварливаго, а родня у ней большая, поэтому самому она мужу битъ себя и не соизволила, и онъ у нея, можно-сказать, изъ рукъ смотрѣлъ,

(1) *Нѣтлами* назывались въ старину не явившіеся на службу дворяне. До императора Петра III русское дворянство обязано было всю жизнь свою служить въ военной или гражданской службѣ, и увольнялось въ деревни или вообще въ отставку по болѣзни, по старости, по разстроеннымъ дѣламъ въ домашнемъ хозяйствѣ, и наконецъ въ случаѣ немилости или опалы. Не являлись на службу, отговариваясь тѣлесными недугами, разстройствомъ умственныхъ способностей; такихъ свидѣтельствовали, и если по свидѣтельству оказывалось ложнымъ показаніе ихъ, били при Петрѣ I батогами. Не являлись на службу также за молодостію лѣтъ, эти назывались *недорослями*. Фонъ-Визиневскій Недоросль есть уже недоросль время Екатерининскихъ, прежде и не такіе бывали: сѣдые старики, у которыхъ внуки тоже недорослями считались. Такіе недоросли изъ небогатыхъ помѣщиковъ,—родоначальники нынѣшнихъ *однодворцевъ*. Вообще служба царская да грамота были страшными пугалами для благороднаго російскаго шляхетства въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

потому хоть и черезъ силу великую, а бородой и охабнемъ любви супружеской попустился. А родитель Ивана Сергѣевича, въ прежніе годы, съ князьями Мышецкими за одно былъ, у раскольниковъ въ Выгорѣцкомъ скитѣ и жизнь покончилъ.

«— Такъ нѣтъ ли, говорить князь Алексѣй Юрьевичъ, въ этомъ грѣхѣ? Не опоганили ли мы съ тобой, честный отче, души свои этимъ пойдомъ?

«— А чтожь въ немъ поганого-то? Не табачище какое! Обѣ чаѣ и въ Соловецкой челобитной не обозначено, стало-быть и погани въ немъ нѣтъ никакой.

«— А видишь ли, честный отче, читалъ я въ одной французской книгѣ, что когда въ Хинской землѣ чай собираютъ, такъ жрецы языческіе богомерзкое свое служеніе на поляхъ совершаютъ и водой идоложертвенною тѣтъ чай на корню кропать. А вѣдь идоложертвенное употреблять въ пищу не подобаетъ. Такъ повѣдай-ка намъ, честный отче, не опоганили ли мы свои души?... Али нѣтъ?

«— А можетъ-статься, что на тотъ чай, который мы у тебя пьемъ, богомерзкая-то вода и не попала? сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, накрывая чашку. — Вотъ тебѣ и отвѣтъ.

«— Охъ ты, отвѣтчикъ! сказалъ князь Алексѣй Юрьевичъ, немножко прогнѣвавшись: — все-то у тебя отвѣты. Сказываютъ, что не мало ты и раскольниковыхъ отвѣтовъ къ Неофиту написалъ... Правда что ли? сказалъ князь, подмигнувъ губернатору. — Сколько, лысый чортъ, на твою долю поморскихъ-то отвѣтовъ пришлось написать? Сочти-ка, да скажи намъ.

«— Тебѣ бы, князь Алексѣй, цыплятъ по осени считать, а такого дѣла не ворошить. Не при тебѣ оно писано.

«— Смотри, лысый чортъ, ты у меня молчи. А не то господина губернатора и владыку святаго просить стану, чтобы они тебя съ раскольниками въ двойной окладъ записали. Пощеголяешь ты у меня съ козыремъ да съ значкомъ на вороту (1).

(1) Въ первой половинѣ XVIII столѣтія раскольники, по указу Петра I, должны были ходить съ краснымъ козыремъ (стоячій воротникъ на кастанѣ) и на вороту носить особый знакъ. Это называлось *указное платье*. На основаніи указовъ Петра I, раскольники платили подушныя подати вдвое противъ православныхъ. Это называлось *двойнымъ окладомъ*.

«Хоть и разгнѣвался маленько князь Алексѣй Юрьевичъ, да Иванъ Сергѣевичъ былъ баринъ большой, и съ нимъ попросту раздѣлаться было невозможно, потому что сдачи дать могъ: у самого во дворѣ человѣкъ шестьсотъ было, а конки да плети не хуже заборскихъ водились.

«На счастье, подъ самое это слово чихнулъ господинъ губернаторъ. Встали всѣ и поклонъ отдали. Привсталъ и князь Алексѣй Юрьевичъ. И въ одинъ голосъ сказали:

«— Салфетъ вашей милости! (1)

«А губернаторъ кланяется всѣмъ да приговариваетъ:

«— Красота вашей чести.

«А на ту пору двери распахнулись, и четыре лакея, каждый чуть не въ сажень ростомъ, закуску на подносахъ принесли и на столы поставили. Были тутъ сельди голландскія, сыръ нѣмецкій, икра ливонская съ лимономъ, икра стерляжья съ перцомъ, балыкъ донской, колбасы заморскія, семга архангелогородская, ветчина вестфальская, сига въ укусу изъ Питера, грибы отварные, огурцы подновскіе, рыжики вятскіе, пирожки подоховаго дѣла, оладьи и приженицы съ яйцами. А въ графинахъ водка золотая, водка анисовая, водка зорная, водка кардамонная, водка тминная — да всѣхъ и не вспомнишь, а всѣ своего завода. Вѣдь въ стары-то годы, батюшка, этихъ откуповъ не было, и всякой баринъ курилъ вино на свою потребу, и перегонялъ водокъ сколько ему про свой обиходъ было нужно. У насъ вотъ тысячи полторы сорокоушъ въ годъ-то, бывало, выпьютъ, а денегъ стоило небольшихъ. И вотъ подумайте-ка вы, батюшка Сергѣй Андреевичъ, что такое было въ стары-то годы! Водка даровая, а не даровая, такъ дешевая; всяка жива душа безъ вина единого дня пробыть не могла, а пьяницъ мало было. Всякой человѣкъ пить пилъ много, а дѣло у него изъ рукъ не валялось. А въ нынѣшніе годы и водка дорогая, и крѣпости въ ней прежней нѣтъ, и про-

(1) Въ высшемъ обществѣ говорили *салютъ (salut) вашей милости*, въ среднемъ *салютъ* передѣляли въ *салфетъ*. Это разказываетъ стрелянной, потому и говорить: *салфетъ*. Впрочемъ даже во времена императора Александра I, у старосвѣтскихъ помѣщиковъ замосковныхъ губерній, былъ въ употребленіи *салфетъ* при чиханьи. У мѣщанъ въ глухихъ городкахъ онъ и до сихъ поръ водится.

даютъ ее съ водой пополамъ, и пьютъ не каждый день... Отчего же это пьяницъ—то теперь больше развелось?

«Начнутъ, бывало, закусывать, и закусываютъ часть, либо два, покаѣсть всѣ графины не опорожнять и тарелки не очистить, тогда обѣдать пойдутъ.

«А въ столовой на одномъ концѣ княгиня Марѳа Петровна съ барынями, а на другомъ концѣ князь Алексѣй Юрьевичъ съ большими гостями. Съ правой руки отъ него губернатору мѣсто, съ лѣвой — генераль-поручику, а потомъ прочіе сядутъ, по роду и по чинамъ. И всякой свое мѣсто знай, выше старшаго не залѣзай, а не то шутамъ велѣтъ стулъ выдернуть изъ—подъ того, кто не въ свою мѣру сѣлъ, али прикажутъ лакеямъ кушаньемъ и виномъ его обносить. Помельче кто; тѣ на галлерей ѣдятъ. А на галлерей въ имянины человѣкъ пятьсотъ, либо шестьсотъ обѣдвали, а въ столовой человѣкъ восемьдесятъ, либо сто — не больше.

«Подлѣ князя Алексѣя Юрьевича съ одной стороны ручнаго медвѣдя годовалаго посадятъ, а съ другой стороны Спирия юродивый на полу съ чашкой сядетъ: босой, грязный, лохматый, въ одной рубахѣ; ему въ чашку всякаго кушанья князь набросаетъ, и перцу, и горчицы, и вина, и квасу, и всего туда же накладетъ, а Спирия ѣсть съ прибаутками. Мишку тоже изъ своихъ рукъ князь кормилъ, и послѣ всего виномъ, бывало, напоить его такъ, что и ходить звѣрь не можетъ.

«А въ столовой всѣмъ на серебрѣ подавали, а для князя и княгини и для генеральства золотые приборы ставились. За каждымъ стуломъ по два лакея, а по угламъ шуты, нѣмые, карлики и калмыки — всѣ подачекъ дожидаются и промежь себя дерутся да ругаются.

«Уху, бывало, въ серебряной лахани подадутъ — стерляди такия, какихъ въ нынѣшніе годы и не ловится: отъ глаза до пера аршинъ десять вершковъ и больше. Осетры — чудо морское. А тамъ еще задъ быка принесутъ, да ветчины окорока три, да барановъ штуки три, а куръ, индѣекъ, гусей, утокъ, рябковъ, куропатокъ, зайцевъ — эта мелочь безъ счету. И, бывало, всего кушаній перемѣнъ тридцать и больше подадутъ, а послѣ каждой перемѣны чарки въ ходъ. Вина ренскія тоже подавали, и аликантское, и эрмитажъ, и другія разныя, а больше наливки домаш-

нія и меды ставленные. Вѣдь въ стары годы, сударь, и такіе даже господа, какъ покойникъ князь Алексѣй Юрьевичъ, заморскихъ винъ кушать изволили немного, а больше водку, наливки домашнія и меды. Дорогія вина только въ большіе праздники подавались, и то не всѣмъ: подавать такія вина на галлерей и въ заведеніи никогда не было. А шампанское вино только и пивали въ именины... А теперь посмотрите-ка, прикащикъ какой-нибудь въ суконной сибиркѣ на пристань пріѣдетъ, муку грузить, и тотъ шампанскаго въ трактиръ требуетъ; приказный изъ Зимогорска пріѣдетъ, и того исправникъ шампанскимъ долженъ до отвалу поить... Подай-ка онъ ему наливку, такъ носъ поворотить: это дескать пошло мужицкое, — а послѣ такую бумагу ему изъ Зимогорска настрочить, что долго будетъ помнить исправникъ, каково этому крапивному сѣмени шампанскаго не давать. А вѣдь онъ, шельмецъ, смолоду-то въ затрапезномъ халатишкѣ бѣгалъ, на колокольнѣ звонилъ, да блины на могилахъ въ радуницу собиралъ; тогда и квасокъ-то бывалъ ему въ диковинку... Извѣстно, вѣдь изъ кутейниковъ больше эти приказные. И этакой-то шавери, жеребчѣй-то породѣ этой, въ нынѣшнее время исправники — дворяне вѣдь — шампанскаго подавай!.. Нѣтъ, сударь, въ старые годы этому народу водки изъ-подъ лодки, а шампанскаго чѣмъ ворота запирають... А нынче? Да чтѣ нынче! Просто, сударь, во всемъ развращеніе!.. Ну, такъ зато теперь у всѣхъ и карманы съ дырой! Какъ казну ни воруютъ, какъ ни мошенничаютъ, какъ взятки ни берутъ, а изъ кармана все какъ полою водой денежки сносятъ. Самъ, кажется, и не пьяница и не мотъ, а все денежкамъ невѣдѣ. Поэтому самому всякій теперь и норовить свою лапу поглубже въ казенный ящикъ или къ ближнему въ карманъ запустить. А въ стары годы брать тоже брали, и тогда жить безъ того нельзя было, чтобы военному командиру казну не воровать, а чиновному человѣку взятокъ не брать, — да воровали-то и брали-то по-христіански; ну, казна все терпитъ. Языка у ней нѣтъ, такъ по крайности иному хорошему человѣку, взявши съ него взятку, и на разживу оставляли. А нынче вѣдь чтѣ! Всякаго-то какъ липку хотять облупить: мнѣ дескать жить нечѣмъ, а казна жалованье даетъ небольшое. Ну, и обдирають казну-матушку, и грабятъ грабительски народъ Божій. Грабятъ, воруютъ, а вѣдь все такихъ достатковъ не имѣють, какъ въ ста-

рые годы бывало. Ну-ка, найди теперь у кого-нибудь въ подвалѣ бочонки съ цѣлковыми, четверики съ ефимками да съ жемчугомъ, какъ въ Заборѣ у насъ бывало! Всѣхъ свѣтъ обойди, не найдешь.

«Подконецъ обѣда заздравную стануть пить. Пили въ столовой виномъ шампанскимъ, а въ галлерей медомъ вишневымъ... И начнуть всѣ князя Алексѣя Юрьевича съ ангеломъ поздравлять: ура закричать ему, пѣвчіе «многая лѣта» запоють, музыка заиграетъ, трубы затрубятъ, на угорѣ изъ пушекъ палить начнуть, шуты вокругъ князя кувыркаются, карлики пищатъ, нѣмые посвоему мычатъ, большіе господа за столомъ пойдутъ на счастье имениннику посуду бить, а медвѣдь реветъ, на заднія лапы поднявшись.

«А какъ встанутъ изъ-за стола, княгиня съ барынями на свою половину поидетъ, а князь Алексѣй Юрьевичъ съ большими господами въ гостиную. Садутъ. Князь Алексѣй Юрьевичъ оглядится, всѣ ли гости усѣлись и лишнихъ нѣтъ ли, помолчитъ маленько, да глядя на старшаго дворецкаго, вполголоса и промолвитъ: «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.»

«Дворецкій былъ парень наметанный, всякій взглядъ князя могъ понимать. И тутъ смѣкнетъ, бывало, въ чемъ дѣло состоитъ. Было у насъ, сударь, въ подвалѣ старое венгерское вино — дорогое, страхъ какое дорогое! Когда еще князь Алексѣй Юрьевичъ при государынѣ въ Питерѣ проживалъ, такъ водилъ онъ дружбу съ цесарскимъ резидентомъ, и тотъ цесарскій резидентъ изъ своего королевства ему бочку того вина по дружбѣ вывезъ. Пахло оно ржанымъ хлѣбомъ, оттого князь и называлъ его *хлѣбомъ насущнымъ*. А полавали его рѣдко.

«Принесли гайдуки стопки серебряныя, а старшій дворецкій въ стопки *хлѣбъ насущный* розлилъ. Взялъ князь Алексѣй Юрьевичъ свою стопку, привсталъ, къ губернатору обернулся, «будьте здоровы» сказалъ и хлебнулъ *хлѣба насущнаго*. Потомъ опять привсталъ, генералъ-поручика тѣмъ же манеромъ поздравствовалъ и опять хлебнулъ *хлѣба насущнаго*. Потомъ и прочихъ также, а все по роду и по чинамъ. А кого князь здоровствовалъ, тому и прочіе всѣ, привставая, кланялись и *хлѣба насущнаго* прихлебывали. А пѣвчіе тогда многолѣтіе пѣли, а въ галлерей «ура» кричали, на угорѣ изъ пушекъ палили, трубы, рога, му-

зыка все время играли. И питались они этакъ *натуральнымъ хлебомъ* иногда часъ времени, а когда и больше.

«— Ну, скажетъ, бывало, вставая, князь Алексѣй Юрьевичъ: — Богъ наплатъ, никто не видалъ, а кто и видѣлъ, тотъ не обидѣлъ. Не пора ли, господа, къ Храповицкому? И птицъ вольной и звѣрю лѣсному, не только человѣку разумному, присудилъ Богъ отдыхать въ часъ полуденный.

«И пойдутъ всѣ по своимъ мѣстамъ, а князю Алексѣю Юрьевичу въ угольной комнатѣ кресло поставлено. И сдѣлается по всему Заборью тишина мертвая. Только храпъ одинъ слышно... Спать...

«Уснувъ маленько, начнутъ къ вечернему балу готовиться, и весь домъ станетъ вверхъ дномъ. Господа, барыни и барышни въ пудрамантахъ сидятъ, а дѣвушки да камердинеры такъ и спуютъ: кто съ робой, кто съ утюгомъ, кто съ фижмами, кто съ камзолъ глазетовымъ. Въ одномъ мѣстѣ пряжки къ башмакамъ прилаживаютъ, въ другомъ барышню двѣ дѣвки что есть мочи стаскиваютъ, въ третьемъ барыни себѣ мушки на лицо дѣпятъ... Къ семи часамъ всѣ готовы и соберутся въ домъ. А тамъ ужъ восковыхъ свѣчъ тысячи горятъ, передъ домомъ и въ саду плошки, по горѣ смоляныя бочки горятъ, а за Волгой, на томъ берегу костры разложены.

Выйдеть князь Алексѣй Юрьевичъ съ княгиней Мареой Петровной во всемъ парадѣ, и музыка грянетъ. Полонезъ заиграють: губернаторъ, въ зеленомъ кафтанѣ на красномъ стамедѣ, въ алонъ камзолѣ, въ большомъ парикѣ, съ кавалеріей черезъ плечо, къ княгинѣ подлетитъ, реверансы другъ другу сдѣлають и пойдутъ. Послѣ того другіе господа, кто барыню, кто барышню поднимутъ и пойдутъ водить полонезъ по заламъ и галлереймъ, и водять не малое время, а все подъ музыку. А барынь поднимають и въ полонезъ водять тоже по роду и по чинамъ. Находившись такимъ манеромъ до сыта, пойдутъ въ боковую галлерейю «*настораль*» смотрѣть. Тамъ подмостки съ декорацией сдѣланы, и какъ гости войдутъ, музыканты итальянскіе канти почнутъ играть, и играютъ покамѣстъ по мѣстамъ всѣ разсѣдуются.

«Тутъ занавѣска на подмосткахъ поднимется, и сбоку выйдетъ Дунашина, тича Ёгора дочъ, красавица была первая по всему Заборью. Волосы у нея наверхъ подобраны, напудрены и цвѣтами

изукрашены, на щекахъ мушки налѣплены, сама въ помпадурѣ на фижмахъ, а въ рукѣ посохъ пастушечій съ алыми и голубыми лентами. Станетъ она, матушка, князя виршами поздравлять, а писалъ тѣ вирши Семень Титычъ. И когда Дуня отчитаетъ, Парашка къ ней подойдетъ, цсаря Данилы дочь. Эта пастушкою наряжена: въ пудрѣ тоже и въ штанахъ и въ камзолѣ. Вотъ и станутъ Парашка съ Дуней виршами про любовь да про овечекъ разговаривать, сядутъ рядкомъ и обнимутся этакъ... Недѣли четыре дѣвокъ, бывало, тѣмъ виршамъ съ голосу Семень Титычъ учить — для того что были неграмотны. Долго маются, бывало, сердечныя, ну да какъ разъ пятокъ для понятія выдерутъ, такъ и выучатъ пастораль твердо.

«Послѣ того Андрюшку поваренка сверху на веревкахъ спустятъ; мальчишка былъ бойкій и проворный, одно слово — грамотѣ самоучкой выучился. Онъ бога Феба представлялъ, и потому въ аломъ кафтанѣ бывалъ и въ голубыхъ штанахъ съ золотыми блестками. Въ рукѣ у него доска прорѣзная, золотою бумагой обклеена, и прозывалась лирой, а вокругъ головы у Андрюшки проволоки золоченыя натканы, въ родѣ сіянія. А съ Андрюшкой девять дѣвокъ тоже на веревкахъ спустятъ: всѣ напудрены, въ бѣлыхъ робронахъ, и у каждой въ рукахъ нужная вещь: у одной скрипка, у другой книга, у третьей труба, у четвертой харя святочная, у иной трубка зрительная. Назывались тѣ дѣвки другъ другу сестрами, а Андрюшка имъ за отца былъ. Онъ подъ музыку стихи пропоютъ, а послѣ того князю Алексѣю Юрьевичу вѣнокъ подадутъ, а плели, бывало, тотъ вѣнокъ въ оранжевѣ изъ лавроваго дерева.

«И такую пасторалью всѣ утѣшены бывали. Велитъ иной разъ князь Алексѣй Юрьевичъ позвать къ себѣ Семена Титыча, чтобы ему подарокъ за пастораль пожаловать. Только никогда Титыча привести было невозможно, потому что каждый разъ не годился и въ своей горницѣ на привязи за замкомъ сидѣлъ. Неспокоенъ бывалъ, царство ему небесное.

«Опять полонезъ заиграютъ, и господа въ большую залу пойдутъ. Тутъ Матвея Михайловича — генералъ-поручика — маршалою сдѣлаютъ, и княгиня Марѳа Петровна ему, бывало, букетъ цвѣтовъ пожаловать соизволитъ. Приколетъ онъ эти цвѣты къ кафтану, и станетъ танцами распорядиться. Сначала менуэтъ

танцуютъ, кланяются, реверансы дѣлають, къ сердцу руки прижимають и наразлѣтъ ими отмахивають, а барышни тоже присѣдаютъ, на сторону перегибаются и вѣрть тихонько поднимають. Послѣ менуэта манимаску начнутъ, а тамъ матрадуръ, гавоть и другіе разные танцы. Да этакъ до полночи, бывало, и промаются.

«Въ перемежку танцовъ питье подаютъ: брусничную воду, грушевку, сливянку, квасъ яблочный, квасъ малиновый, питье миндальное. Заѣдки всякія разносятъ: конфеты, марципаны, цукаты, сахара зеренчатые, варенье инбирное индѣйскаго дѣла; а изъ овощей — виноградъ, яблоки, да разные овощи полосами: полоса дынная, да полоса арбузная, да ананасная полоска невеликая. Дынную-то да арбузную всѣмъ подаютъ, а ананасную не всякому, потому что это вещь рѣдкостная и не всякому гостю по рылу придется, потому что простой человѣкъ смаку въ ней не распознаетъ и съѣстъ ровно рѣпу, и выйдетъ, что не въ коня кормъ потраченъ будетъ. Ну, сударь, вотъ такими манерами всѣ и довольствуются, а *скосыри* танцы водятъ себѣ, и въ танцахъ барынямъ и барышнямъ комплименты всякіе подпускають.

«А въ другихъ комнатахъ столы разставлены, и на нихъ въ форо да въ квинтичъ играютъ: червонцы такъ изъ рукъ въ руки и переходятъ, а выигрываетъ, бывало, завсегда больше всѣхъ губернаторъ. Другіе кости мечутъ, въ шахматы играютъ — кому что больше съ руки. А между игрой пунши да взварцы пьютъ, а потомъ лакеи то и дѣло водку да закуски всякія разносятъ.

«Вечерній столъ бывалъ невеликій: кушанье въ десять, либо двадцать — не больше, за то напитковъ вдоволь. Пьютъ, другъ отъ друга не отставая, а чуть кто откажется, тому прикажетъ князь вино на голову вылить. А какъ послѣ ужина барыни да барышни за княгиней уйдутъ, а потомъ и изъ господъ кто чиномъ помельче или годами помоложе по своимъ мѣстамъ разойдутся, отправится князь Алексѣй Юрьевичъ въ которой-нибудь павильонъ, и съ собой гостей человѣкъ пятнадцать-двадцать возьметъ. И пойдетъ тамъ кутежъ на всю ночь до утра. Какъ только войдутъ въ павильонъ, князь Алексѣй Юрьевичъ первымъ долгомъ — кафтанъ и камзолъ долой, и гостямъ тоже велитъ. Спервоначалу нальютъ кипрскимъ виномъ серебряную дѣдовскую яндову, «*чарочку*» запьютъ и яндову въ круговую пустятъ. А не то всѣ попарно, какъ

гребцы въ лодкѣ. на полъ усядутся, «*внизъ по матушкѣ по Волгѣ*» затянутъ и орутъ себѣ что есть мочи. А запѣвалой самъ князь Алексѣй Юрьевичъ бывалъ.

«— Нѣтъ, этакъ скучно, ребята, скажетъ, бывало, князь. Богинь, богинь сюда съ Парнаса.

«Вотъ и придутъ богини: Дуняша, Параша, Настенька, Машенька, Грушенька, девять сестеръ, что въ пасторали были, да еще сколько нужно на придачу по числу гостей. Всѣ дѣвушки разряжены: которая въ пудрѣ и въ робронѣ, какъ барышня, которая въ сарафанѣ, а больше вотъ этакъ какъ въ павильйонахъ на стѣнахъ написано было.

«А красавицы-то, красавицы-то какія были! Вотъ хоть бы Дуня голубушка. Бѣленькая, крѣпненькая, а черные глазенки такъ вотъ въ душу тебѣ и смотрять. Плясать, бывало, пойдетъ въ павильйонъ: и старикъ растаетъ, на нее глядя! Бубенъ въ руку, вверхъ его надъ головой вскинетъ, обведетъ вокругъ глазами, топнетъ ножкой да птичкой вольной такъ и запорхаетъ, а сама вся, какъ змѣйка изгибается, и отъ истомы сердечной щеки у нея такъ и пышутъ огнемъ, глазки такъ и горять, а ротикъ раскрытъ у голубушки... Настенька опять—дѣвочка славная, кровь съ молокомъ, а голосокъ соловьиный. Войдетъ, бывало, она въ павильйонъ въ сарафанѣ алаго бархату, въ кружевныхъ рукавахъ, а на головѣ повязка золотая, коса у Настеньки по коявна,—на кого взглянетъ, сударушка, рублемъ подарить, кому слово скажетъ, у того мурашки по тѣлу забѣгаютъ... Или Груша опять!... Машенька!... Да что говорить! На подборъ были собраны красавицы, а выбирались вѣдь изъ цѣлой вотчины. И все-то, сударь, состарѣлось, и все-то, состарѣвшись, примерло!...

«Заря на небѣ бывало зарумянится, а въ павильйонѣ еще пѣсни, плясъ да попойка. Воеводы, Матвѣй Михайловичъ, драгунскій, Иванъ Сергѣевичъ, губернаторъ и другіе большіе господа кто пляшетъ, кто поетъ, кто чару пьетъ, кто съ богиней въ уголку сидитъ... Самъ даже князь Алексѣй Юрьевичъ напоследокъ съ Дуняшей казачка бывало пойдетъ.

«— Ну-ка вы, Римляне, пострѣлы, крикнетъ, бывало, онъ подъ конецъ. — Похищай Сабинянокъ!

«И схватятъ гости каждый по дѣвочкѣ: кто посильнѣе, тотъ на плечо красоточку взвалитъ, а кто просто въ охапку ее... А князь

Алексѣй Юрьевичъ станетъ среди комнаты, да ту, что пригнулась побольше, пальчикомъ и поманить... И разойдутся.

«Тѣмъ имянины и кончатся.»

V. НА ОХОТЬ.

«Охоту князь Алексѣй Юрьевичъ любилъ больше на краснаго звѣря. А ужъ какъ, бывало, медвѣдя обложить, такъ готовъ на край свѣта за нимъ ѣхать. Лѣса тогда были большіе, лѣсничихъ и въ поминѣ еще не было, оттого и порубокъ было меньше, и лѣса были гуще, и звѣря всякаго водилось множество. У насъ рѣдкую зиму, бывало, десятка два медвѣдей не поднимуть.

«Какъ зима станетъ, такъ и посылается человекъ сорокъ по лѣсамъ, берлогъ искать. Да окромѣ этого, по всей окружности, и нашей вотчины крестьяне, и другихъ помѣщиковъ, всѣ до единого знали, какое пожалованье за каждаго медвѣдя князь Алексѣй Юрьевичъ давать изволить, отъ этого всякій къ нему вѣсти и приносилъ. А сохрани, бывало, Господи, коли безъ него кто смѣетъ медвѣдя поднять!—и не родись тотъ человекъ на свѣтъ!...

«Самъ любилъ мишку повалить. У него ужъ такой приказъ былъ: «бей медвѣдя какъ драть меня станетъ, или подъ себя подберетъ,—а до тѣхъ поръ тронуть его не мочи.»

«Изъ ружья билъ рѣдко, не жаловалъ онъ ружейной охоты, все больше съ ножомъ да съ рогатиной.—Надобно же, говорить Михайлу Ивановичу, господину Топтыгину, передъ смертнымъ часомъ позабавиться; что толку-то его пулей свалить? Бей изъ ружья сороку да ворону, а съ мишкой весело силой помѣряться!

«Вотъ сороковаго медвѣдя, ну, того изъ ружья билъ. Да вѣдь сороковой медвѣдь, сами изволите знать,—дѣло не простое, рѣдкому охотнику счастливо съ рукъ сходить: потому что сороковой любить человека безъ костяной шапки оставить.

«А всего медвѣдей сто, коли не больше, повалилъ въ здѣшнихъ краяхъ князь Алексѣй Юрьевичъ—и все ножомъ да рогатиной. Не разъ и мишка его топталъ. Одинъ разъ бедро ему чуть не совсѣмъ выгнѣлъ, а другой разъ, подобравши подъ себя, такъ зачалъ его ломать да коверкать, что князь инда неблагимъ матомъ

закричалъ, и какъ медвѣдя того порѣшили, такъ князя чуть живаго подняли, и до саней на шубѣ несли. Недѣль шесть хворалъ; послѣ этого разу, думали, что и жизнь покончить, да Богъ помиловалъ.

«Бывало, сударь, берлогу отыщутъ и звѣря обложить. Станетъ князь Алексѣй Юрьевичъ прямо выхода. Правая рука ремнемъ окручена и ножикъ въ ней, а въ лѣвой рогатина. Въ сторонѣ охотники стануть, кто съ ружьемъ, кто съ рогатиной. Поднимутъ мишку, полѣзетъ старецъ изъ затвора, а снѣгъ-то у него надъ головой такъ столбомъ и полетитъ.

«Приметь князь лѣснаго боярина, по-холопски, рогатиной, да и припретъ его куда слѣдуетъ покрѣпче. Тотъ разозлится да на него, а князь сунетъ ему руку въ раскрытую пасть да тамъ ножомъ и пойдетъ работать... Тутъ-то вотъ любо, бывало, посмотрѣть на князя Алексѣя Юрьевича — богатырь, сударь, былъ, настоящій богатырь!...

«А по осени опять, какъ въ отъѣзжее поле соберемся, недѣль по шести, бывало, полевали, провинціи по двѣ, сударь, объѣзжали. Выѣдетъ князь Алексѣй Юрьевичъ, точно солнце пресвѣтлое: четыреста при немъ псарей съ борзыми, ста полтора съ гончими, знакомцевъ да мелкопомѣстныхъ штукъ восемьдесятъ, а большіе господа—тѣ съ своими охотами. Одинъ Иванъ Сергѣичъ Опаринъ пріѣдетъ, бывало, да своръ восемьдесятъ приведетъ... Народу видимо-невидимо. Двинутся, затрубятъ въ рога и такой трубный гласъ пойдетъ, что просто ума помраченіе. А за ними на подводахъ припасы всякіе везутъ, повара тамъ, конюхи, шуты, дѣвки, музыканты, арапы, калмыки и другой народъ всякаго званія!

«Сдѣлаемъ поле — и на привалъ. А вѣдь у каждого человѣка черезъ плечо фляжка съ водкой, поэтому къ привалу—то всѣ ужъ маленько и наготовѣ. Разложатъ на полѣ костры, пойдетъ стряпня рукава стряхня, а среди поля шатерь раскинутъ, а подлѣ шатра бочонокъ съ водкой, ведеръ въ десять, стоитъ.

«— Съ полемъ! крикнетъ бывало князь Алексѣй Юрьевичъ, сядетъ верхомъ на бочонокъ, нацѣдитъ ковшъ, выпьетъ сколько душа возьметъ, да изъ того же ковша и другихъ угощать почнетъ, а самъ все на бочонкѣ верхомъ.

«— Съ полемъ, честной отче, крикнетъ Ивану Сергѣевичу.

«Подойдетъ Иванъ Сергѣевичъ, князь ему ковшикъ подастъ.

«— Будь здоровъ, князь Алексѣй, съ чады, съ домочадцы и со всѣми твоими псами борзыми и гончими, промолвить Иванъ Сергѣевичъ и выпьетъ.

«— Ну, цѣлуй меня, лысый чортъ.

«И поцѣлуются. А князь все верхомъ на бочонкѣ. По одному каждаго барина къ себѣ подзываетъ, съ полемъ поздравляетъ, изъ ковша водкой поить и со всякимъ цѣлуется. Послѣ большихъ господъ, мелкопомѣстное шляхетство подзываетъ, а потомъ и знакомцевъ, что у него на харчахъ проживали.

«А для нашего брата въ сторонкѣ сорокоуша приготовлена. Ну, народу не мало, а вино-то всякому противно, какъ нищему гри-вна: по маломъ времени бочку-то и опростаемъ.

«Ковры разстеляютъ на полянѣ, и усядутся на нихъ господа объ-дать, а князь Алексѣй Юрьевичъ въ середкѣ. Сначала о полѣ рѣчь ведутъ, каждый своею собакой хвалится, объ лошадахъ спорятъ, про прежніе случаи разказываютъ. А ужъ хвастаютъ-то, бывало, какъ! Одинъ хорошо сморозить, а другой лучше его, а какъ князь Алексѣй Юрьевичъ начнетъ, такъ всѣхъ за поясъ заткнетъ... Да иначе и быть нельзя, это ужъ такъ испоконь вѣку заведено, что и праведный человѣкъ на охотѣ что ни скажетъ, то совретъ.

«— Нѣтъ, вотъ, говорить, князь Алексѣй Юрьевичъ,—у меня лошадь-то была, ну такъ конь. Аргамакъ персидскій, настоящій персидскій. Кабинетъ-министръ Волынскій, когда онъ еще въ Астрахани губернаторомъ былъ, въ презентъ мнѣ прислалъ его. Видѣлъ ты его у меня, честный отче?

«— А какой же это аргамакъ? Я что-то не помню у тебя, князь Алексѣй, такого.

«— Э! Нашелъ я кого спросить, точно не знаю, что ты до съ-дыхъ волосъ въ недоросляхъ состоишь, и Питера какъ чортъ ла-дону боишься. Такъ вотъ аргамакъ былъ. Ужъ каковы были кони у герцога Бирона, и у того не было такого аргамака. Бывало, пристанетъ ко мнѣ Курляндскій, подари да подари ему аргамака, а не то бери, что хочешь, только уступи.

«— Ну что же, продали, князь? спросилъ Суматовъ Сергѣй Осиповичъ, тоже большой баринъ.

«— Эхъ ты, голова съ мозгомъ! Барышникъ что ли я конскій

по-твоему, али цыганъ какой, что стану лошадьми торговать? Въ Курляндскомъ герцогствѣ онъ мнѣ тридцать четыре мызы за аргамача-то давалъ, да я и то не уступилъ. А когда регентомъ сдѣлался, такъ фельдмаршалоу меня хотѣлъ за аргамача того сдѣлать, и то не отдалъ.

«— Ну ужъ фельдмаршалоу! сказалъ Иванъ Сергѣевичъ.

«— Да ты молчи, лысый чортъ, коли тебя не спрашиваютъ. Самъ знаешь, что во многоглаголаніи нѣсть спасенія, такъ поэтому ты и молчи. Ты вотъ просидѣлъ вѣкъ-то свой въ деревнѣ, ровно тараканъ за печью, такъ тебѣ все и въ диковину. Ну, что за невидаль такая фельдмаршалъ? Не Богъ знаетъ что такое! Захотѣлъ бы я фельдмаршалоу быть, такъ двадцать разъ былъ бы. Не хочу, вотъ и все.

«— Полво ты, князь Алексѣй. Ну, что ты городишь? Да какъ бы ты сталъ полки — то водить, когда ни въ одной баталіи не былъ?

«— Что ты врешь, честный отче? Какъ я въ баталіяхъ не былъ? А кто Очаковъ-то взялъ? А кто при Гданскѣ-то викторію получилъ? По-вашему, Минихъ все? Какъ же! Взять бы ему безъ меня двѣ коклюшки съ половиной! Принялъ только на себя, потому что хитеръ и пролѣзть умѣлъ... А я человекъ простой, вязаться съ нимъ не захотѣлъ. Ну, думаю себѣ, Богъ съ тобой, Нѣмецъ, обидѣлъ ты меня, да вѣдь Господь терпѣлъ и намъ повелѣлъ... Да вотъ и отлились волку овечьи слезки: теперь онъ въ Пелымѣ съ ледяными сосульками воюетъ, а мы здѣсь краснаго звѣря травимъ, да гуляемъ!... Да!

«И подвернись на грѣхъ Постромкинъ Петръ Филиповичъ, изъ мелкопомѣстныхъ. Служилъ онъ въ полкахъ и за ранами былъ уволенъ отъ службы. И вступись онъ за Миниха—а у него подъ командой, видите ли, прежде служилъ.

«Какъ вскочить князь Алексѣй Юрьевичъ, и пѣна у него у рта.

«— Ахъ ты шельмецъ этакой! закричалъ. — Смѣешь ты ротъ распускать. Эй, вы! Вздуть его!

«Выпилъ что ли черезчуръ Петръ Филиповичъ, азартъ ли такой на него нашелъ, только кинулся онъ на князя Алексѣя Юрьевича, цапъ его за горло, повалилъ подъ себя, да и ну валить на обѣ корки. Князя-то!...

«— Смѣешь ты, говорить, честнаго офицера шельмецомъ об-

зывать! Похвальбишка ты этакой! Да я самъ, говорить, тебя вздую.

«И вздугъ.

«А князь:—Ну полно, полно, говорить, Петръ Филипповичъ. Полно, перестань. Выпьемъ лучше! Я вѣдь пошутить, я пошутить вѣдь только.

«И что же, сударь? Съ той поры такіе пріятели сдѣлались, что водой бывало не разольешь.

«Наѣдемъ, бывало, на вотчину Петра Алексѣевича Муранскаго. Баринъ былъ богатый, домъ у него какъ полная чаша, только человекъ былъ не веселый, потому что въ болѣзни находился. А смолоду тоже «скосыремъ» былъ и, живучи въ Питерѣ, на ассамблеяхъ и банкетахъ такъ *шпынялъ* (1) большихъ господъ, барынь и барышень, что всѣ его рѣчей пуще огня и чумы боялись. Съ Минихомъ подъ Туркой былъ, и тамъ его такъ искалѣчили, что на службу не сталъ годенъ и отпросился у государыни въ деревни на покой. Пріѣхавши въ деревню, ровно переродился онъ весь. Баринъ былъ одинокій, думали, что женится, а онъ въ святость пустился: сталъ духовныя книги читать, и хоть не монахъ, а жизнь повелъ не хуже черноризца. Много добра творилъ, бѣднымъ при его жизни куда какъ хорошо было; только все это узналось послѣ праведной кончины его, для того что творилъ онъ милостыню тайную. И ужъ такой былъ мудреный человекъ, что всѣмъ на удивленье! была у него и псарня, а на охоту не ѣздилъ; были у него и музыканты; только при немъ не играли; ни пировъ, ни банкетовъ не дѣлалъ; самъ никуда, кромѣ церкви Божіей, ни ногой, холопамъ своимъ никакого удовольствія въ жизнь свою не сдѣлалъ, не поилъ ихъ, не бражничалъ съ ними. И что же, сударь? И господа и холопы любили его, какъ отца роднаго. Вотъ хоть изъ насъ, изъ княжихъ холопей — ну всякій за князя Алексѣя Юрьевича готовъ былъ душу свою положить, а Петра Алексѣевича его холопы больше любили. Оно правда, кошки у него рѣдко въ ходу были. Да что же кошки! Вещь житейская! Была бы кость, а тѣло—наживное дѣло, наростеть. Нѣтъ, сударь, мудреный былъ человекъ этотъ Петръ Але-

(1) Шпынять — подсмѣиваться, острить.

ксѣвичъ. Недаромъ его князь Алексѣй Юрьевичъ «чудотворцемъ» называть изволилъ. А иные и колдуномъ его считали.

Вотъ, бывало, мы къ нему, къ Петру Алексѣвичу. Таборъ-то на полѣ останется, а князь Алексѣй Юрьевичъ съ большими господами, съ шляхетствомъ и знакомцами къ нему въ Махалиху поѣдетъ, а нашего брата, изъ охотниковъ, то-есть, возьметъ немного: человѣкъ сто не больше. Ну, самъ-то въ домъ войдетъ къ нему, — Петръ Алексѣвичъ приметъ гостей благодушно, выйдетъ на костыляхъ изъ дому и сядетъ на крылечкѣ съ княземъ рядышкомъ. Мы все поодавъ, въ струнку и ни гугу — не ровень часъ. Вѣдь гульбы и веселья было много, а горла зря, бывало, не распускай.

«— Ну, чудотворецъ, скажетъ бывало князь Алексѣй Юрьевичъ: — мы къ тебѣ потрапезовать заѣхали: припасы-то у насъ свои, потому что нынче пятница, такъ вѣдь у тебя, чай, кромѣ луку да квасу нѣтъ ничего. Благослови насъ на мясное ястіе. Эй, ты, честный отче!... Гдѣ ты, лысый чортъ? Куда запропастился?

«А Иванъ Сергѣевичъ чиннымъ шагомъ и подступаетъ съ задворка, да какъ утка съ боку на бокъ переваливается. Маленькій былъ, пузатенькій да лысой.

«—Здравствуйте, говорить, государь мой, Петръ Алексѣвичъ. Какъ васъ Господь Богъ милуетъ?

«Поздороваются.

«— Что ты, князь Алексѣй, меня кликалъ? Али заврался въ чемъ, такъ на выручку зовешь?

«— Я те заврусь! Ты у меня смотри, лысый чортъ. А ты проси-ка лучше, честный отче, у чудотворца благословенія на трапезу... Эй! да вѣдь у меня изъ памяти вонъ, что ты, лысый чортъ, расколу придержишься—самъ чай на сухаряхъ сегодня пребудешь? Нельзя—выгорѣцкіе отцы не соизволяютъ.

«И пойдутъ этакъ перекоряться, а Петръ Алексѣвичъ молчитъ, только ухмыляется.

«— Пошпынай ты его хорошенько, пошпынай лысаго-то чорта, скажетъ князь Алексѣй Юрьевичъ,—вспомни старину, Петръ Алексѣвичъ! помнишь, какъ бывало, ты на банкетахъ у графа Вратиславскаго всѣхъ шпынялъ.

«— Полно-ка ты, миденькій князь, отвѣчаетъ Петръ Алексѣвичъ,—мало ли что бывало? Что было, голубчикъ, то бываю по-

росло. А обѣдъ вамъ готовъ: я вѣдь ждалъ гостей, еще третьяго дня слухи мнѣ пали, что ты съ собаками сюда ѣдешь. Милости просимъ.

«— Ну вотъ спасибо, чудотворецъ. А погреба-то вели отпереть, а не то вѣдь со мной, самъ знаешь, народецъ какой озорной, да буйный, разбойникъ на разбойникъ. Неровно и сами двери вышибутъ, да безъ подчиванья все выпьютъ. Такъ ужъ не вводи ихъ во грѣхъ—отдай имъ ключи-то.

«— Охъ ты проказникъ, проказникъ, миленькій ты мой князь! промолвитъ Петръ Алексѣвичъ съ усмѣшкой: — ну, что дѣлать съ тобой. Эй, Пахомычъ!

•Подойдетъ ключникъ Пахомычъ.

«— Что угодно будетъ милости вашей, батюшка Петръ Алексѣвичъ? скажетъ.

«— Отдай-ка княжимъ людямъ ключи отъ втораго хоть что ли погреба, пусть ихъ утѣшаются. Да скажи-ка дворецкому: гости моль ѣсть хотятъ.

«Бывало, какъ есть весь погребъ-то у Петра Алексѣвича и выпьемъ. А въ погребъ не одна сорокоуша пѣннаго стоитъ, и ренское водилось, и наливки да меды въ Махалихѣ не хуже заборскихъ были. А погребовъ всего съ десятокъ было.

«Господа пообѣдаютъ, перепьются тоже. Только никакихъ okazji у Петра Алексѣвича, бывало, не происходило. Признаться сказать, что князь-то Алексѣй Юрьевичъ Петра Алексѣвича маленько и побаивался, потому что въ Питерѣ у него рука сильна была.

«Разъ, помню я, сударь, завхали мы этакъ въ Махалиху къ Петру Алексѣвичу, и поднялась непогода страшная: вѣтеръ такъ и рветъ, дождикъ съ изморозью лицо рѣжетъ, нечего дѣлать, остались ночевать. Гости размѣстились, гдѣ кому слѣдовало, а князь Алексѣй Юрьевичъ съ Петромъ Алексѣвичемъ въ его спальнѣ легъ. Мнѣ приказано было лечь передъ спальней. Наступилъ полночный часъ, вѣтеръ такъ въ трубѣ и завываетъ, ставнями хлопаетъ и свиститъ по крышѣ. Слышу я, говоритъ князь Алексѣй Юрьевичъ, да не такъ какъ всегда, а мягко таково и тихо.

«— Петръ Алексѣвичъ!.. А, Петръ Алексѣвичъ!.. Спишь ты?..

«— Нѣтъ, не сплю. А что?

«— Страхъ меня что-то беретъ!.. Чтѣ это воетъ?..

«— Вѣтеръ воетъ. Развѣ не слышишь?

«— Нѣтъ, Петръ Алексѣевичъ, это не вѣтеръ, это другое что-нибудь.

«— Да чему же другому-то быть? Помилуй, князенька! Чтѣ ты.

«— Нѣтъ, Петръ Алексѣевичъ, это не вѣтеръ... А слышишь, слышишь?..

«— Слышу, это твои собаки завывли.

«— Полно ты, чудотворецъ. Какія тутъ собаки... Слышишь? Это душа Палецкаго воетъ... Зналъ ты Палецкаго Дмитрія Петровича?

«— Да чтѣ ты съ ума что ли сошелъ? Развѣ можетъ душа покойника выть?

«— Не говори, братъ, этого. Ты не говори. Мало ли чего на свѣтѣ бываетъ!.. А это Палецкій!.. Палецкій воетъ!.. Онъ!.. Слышишь?.. Упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего Дмитрія... Страшно, Петръ Алексѣевичъ!.. И лампадка-то у тебя неясно горитъ. Дай я свѣчку зажгу.

«— Зажги, пожалуйста. Да полно, миленькій, какъ это тебѣ не стыдно мертвецамъ вѣрить?

«— Говори, говори ты тутъ, Петръ Алексѣевичъ, а я, братъ, знаю, чтѣ знаю... Это онъ меня зоветъ... Скоро, братъ Петръ Алексѣевичъ, придется тебѣ хоронить меня.

«— Да чтѣ это тебѣ въ голову пришло? Конечно, памятованіе смертнаго конца спасительно, да вѣдь и суевѣріе-то грѣховно. А ужъ если ты о смерти помышляешь, такъ лучше бы тебѣ, князь, о дѣлахъ своихъ подумать.

«— А чтѣ мои дѣла? Какія мои дѣла? Чтѣ, укралъ что ли я у кого? позавидовалъ что ли кому? Али вкладовъ мало даю? Нѣтъ, Петръ Алексѣевичъ, на этотъ счетъ я, братъ, спокоенъ, надѣюсь на милосердіе Божіе, худыхъ дѣлъ за собой не знаю... А все страшно.

«— То-то страшно: вѣдь страшнѣе грѣхъ, а не смерть, милый ты мой.

«— Ну, привязался тутъ съ грѣхами! Съ нимъ и говорить-то нельзя. Сейчасъ пойдетъ городить, чортъ знаетъ чтѣ. Давай спать, я и свѣчку потушу.

«— Ну, спи съ Богомъ, покойной ночи.

«Замолчали, и вѣтеръ позатихъ. Только слышу я, князь Алексѣй Юрьевичъ все вздыхаетъ, да на постели ворочается. А вѣтеръ опять завылъ.

«— Чтò ты все вздыхаешь, князь? спросилъ Петръ Алексѣвичъ.

«— О смерти вздыхаю... Слышишь?... Слышишь?... Упокой, Господи, душу раба твоего Дмитрія!.. Это онъ Палецкій!.. Его голосъ!..

«— Да полно тебѣ, это собака воетъ.

«— Собака?... Да... да..., собака, точно собака теперь... Только постой!.. постой!.. Такъ и есть: это Пальма—ея голосъ, она... А Пальма Палецкаго подаренье — это она его душу слышитъ, ему воетъ... Ну, а это?... Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!.. Это чтò?... Собака потвоему, собака?

«— Вѣтеръ въ трубѣ.

«— Вѣтеръ!.. Хорошъ вѣтеръ!.. Это Палецкій!.. Упокой Господи душу его!.. Хорошій былъ человекъ, славный былъ человекъ, любилъ я его, душа въ душу мы съ нимъ жили. И въ Петербургѣ пріятелями были, у князя Ивана познакомились, когда князь Иванъ во времени былъ; обоимъ намъ за одно дѣло и въ деревню ѣхать было велѣно. Все вмѣстѣ съ нимъ были... Охъ, Господи!.. Страшно, Петръ Алексѣвичъ! .

«— Полно, миленькій, перестань. А ты бы перекрестися да молитву прочитагъ. Отъ молитвы и страхъ и мечтаніе ночное пройдутъ, яко дымъ исчезнутъ. Такъ-то.

«— Молюсь... молюсь, Петръ Алексѣвичъ... Прости, Господи, согрѣшенія мои, вольная и невольная, яже словомъ, дѣломъ, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ... Опять Пальма завывала!.. Чуетъ, проклятая, чуетъ прежняго хозяина!.. Видишь ли, Петръ Алексѣвичъ, когда умирагъ Дмитрій—то Петровичъ, царство ему небесное, — я тутъ былъ. А онъ, голубчикъ, взягъ меня за руку, да и говоритъ: «не хорошо, говоритъ, мы съ тобой жили на свѣтѣ, князь, передъ смертью, говоритъ, вспомнишь меня...» Да съ этимъ словомъ застонагъ, потянулся, я глядъ, а онъ ужъ и не дышитъ... Охъ, Господи!.. Чу!.. вотъ онъ поминаетъ, что смерть ко мнѣ приходитъ... Слышишь, завылъ опять!..

«— Полно, князь, полно, вѣдь это одно суетвріе, а предзнаме-

нованіямъ вѣру давать не повелѣно. Кто имъ вѣритъ—духу тьмы вѣритъ. Пустяками ты пугаешь себя, миленькій.

«— У тебя все пустяки! Нѣтъ, Петръ Алексѣевичъ, разумѣю я близость кончины моей: передо мной стоитъ она... Слышишь?.. Скоро, братъ, червямъ на съѣденіе предамся, а душу мою невѣдомо какъ Господь устроить.

«— Да отчего это тебѣ въ голову пришло?

«— Какъ отчего? Мало ли отчего? И душа Палецкаго воетъ и Пальма воетъ, и сны такіе вижу. Вѣдь сказано, что старцы въ соніяхъ видятъ. А мнѣ вѣдь седьмой десятокъ, стало-быть я старецъ. Старецъ вѣдь я, старецъ?

«— Ну, дѣло не молодое, кто про это говорить.

«— Ну такъ видишь ли, старцы въ соніяхъ видятъ. А знаешь ли ты, что я вчера во снѣ видѣлъ? Видѣлъ я, что съ Машкой скотницей вѣнчался, а видѣть во снѣ, что вѣнчаешься — смерть означаетъ.

«— Полно, перестань, грѣховодникъ ты этакой!

«— Тебѣ все полно, да полно! Не тебѣ видно приходится въ гробъ-то ложиться. А это потвоему тоже полно, что у меня намени Діанка тринадцатую оценилась? Да еще одного щенка трехпалаго принесла, самъ борзой, щипецъ ровно у гончей, и безъ правіла. Это потвоему тоже ничего?

«— Не повелѣно, милый ты мой...

«— Да ты молчи, коли я съ тобой говорю, чортъ ты этакой. Потвоему и это ничего, что нынѣшняго года въ самое мое рожденіе зеркало у меня лопнуло.

«— Слышалъ я, что самъ ты же свѣчку подъ него поставилъ.

«— Полно вратъ-то, чудотворецъ, ничего видно, братъ, ты не смыслишь. Ужъ коли зеркало у кого въ домѣ лопнуло—кончено дѣло. Тутъ ужъ, братъ, отъ смерти никомъ манеромъ не отвертишься. А тебѣ все ничего да ничего. Ты, пожалуй, скажешь, что и это ничего, что намени ко мнѣ воробей въ домъ залетѣлъ. Потвоему и это ничего, что на прошлой недѣлѣ насъ ужинать тринадцать сѣло?.. Отсчиталъ я, Петръ Алексѣевичъ, отъ себя тринадцатаго—Скорняковъ вышелъ. Знаешь Скорнякова? Въ знакомцахъ у меня проживаетъ — рыжій-то этотъ, губа-то разсѣченная—знаешь? Ну, такъ онъ. Вотъ и думаю я, постой же, пусть

надъ нимъ сейчасъ же тринадцатый—то оборвется,—жизнь свою, знаешь, чтобы тутъ же покончилъ. И велѣлъ ему пить. Съ полведра собака выосалъ, подъ столъ безъ памяти свалился, ни духу, ни послушанія. Ну, думаю себѣ: слава Богу—опился Скорняковъ, значить, тринадцатый—то онъ... Что жъ ты думаешь? Гляжу поутру, а онъ, собака, въ буфетъ опохмѣляется. Такъ меня варомъ и обдало!.. Кто же, потвоему, тринадцатый—то вышелъ?.. А?.. То—то, братъ, тутъ не шпыни, да не минуэты, а настоящее дѣло.

— Великій грѣхъ, великій грѣхъ суетврїю предаваться.

— Да ты молчи, чудотворецъ. Видишь, къ смертному часу готовлюсь, такъ ты и молчи... Слышишь!.. Опять душа Палецкаго завывла!... А вотъ и Пальма его чувствуетъ, окаанная!.. Страшно!.. Помолись ты обо мнѣ, Петръ Алексѣевичъ, не помяни ты моихъ озлобленій, помолись за меня грѣшнаго, чтобы простилъ Господь прегрѣшенія мои, вольная и невольная... Да вотъ вѣдь я завтра съ охотой—то не въ ту сторону поѣду, такъ скажи ты отцу архимандриту, чтобы молился за меня, это его дѣло, я еще прошлаго года ему вкладъ за то положилъ и колокольъ вылилъ—значить недаромъ прошу святыхъ молитвъ его... Я ужъ, Петръ Алексѣевичъ, и духовную написалъ, тебя душеприкащикомъ назначаю, потому что, самъ знаешь, кромѣ тебя этого дѣла поручить некому, народъ здѣсь все пьяный да забудыжный. Такъ ужъ я тебя. Помру я, положи ты меня въ нашемъ Заборовскомъ монастырѣ, въ нашей родовой усыпальницѣ, въ ногахъ у родителя моего, князя Юрія Никитича; велишь ты за меня сорокъ обѣднь отслужить соборнѣ, да въ синодикъ вели записать меня въ постѣнной и въ литейной, чтобы честная братія по вся годы молились о грѣшной душѣ моей. А паннихиды по мнѣ пѣть: на день преставленія моего, да еще пятого октября на день московскихъ святителей Петра и Алексія, Іоны и Филиппа—ангела моего день, и служить паннихиды каждый годъ безпереводно. И въ тѣ дни кормъ на братію и веліе утѣшеніе. Ты ужъ при себѣ такъ и вели записать въ синодикъ, Петръ Алексѣевичъ, чтобы и тѣ архимандриты, которые послѣ будутъ, знали про то, и дѣлали это каждый годъ безъ всякія порухи. А душу свою тебѣ поручаю, да отцу архимандриту Трифону. Будьте вы оба на поконъ души

моей помянники, умолите вы Господа Бога объ отпущеніи грѣховъ моихъ, будьте вы моими ходатаями, будьте вы моими молитвенниками, изведите вы изъ темницы душу мою...

«И слышу я, сударь, грохнулось что-то въ спальнѣ. Я встать осмѣлился и въ замочную скважинку взглянуть... Что же тамъ, сударь Сергѣй Андреевичъ? Гляжу, а батюшка-то нашъ, кормилецъ-то, князь-то Алексѣй Юрьевичъ, заливаясь горькими слезами, повалился въ ноги Петру Алексѣевичу, да ноги-то у него и плафорокъ цѣлуешь, а самъ такъ и рыдаетъ. И я, глядя на него, прослезился и подумалъ о душѣ своей.

«Петръ Алексѣевичъ, сидя на кровати, утѣшаетъ его, душе-спасительныя слова говорить, а князь такъ и плачетъ, такъ и разливается, а самъ все у ногъ Петра Алексѣевича лежитъ.

«— Получишь ты, говорить, по моей духовной большія деньги, сколько получишь, теперь не скажу: не добро мнѣ хвалиться о дѣлѣхъ моихъ. Четверть тѣхъ денегъ возьми себѣ и дѣлай изъ нихъ, что тебѣ Господь на сердце положить; другую четверть архимандриту отдай, чтобы онъ распорядился ими по совѣту съ соборными старцами, какъ порядокъ велить. Да скажи ты ему, чтобы на соборѣ-то главы-то позолотилъ, а то вѣдь совсѣмъ облѣзли; ужъ говорилъ, говорилъ я ему, и денегъ давалъ, и бранился съ нимъ, а ему все неймется, только и словъ: говорить, лучше, на другую потребу деньги изведу... А Владычицъ убрусь жемчужный устрой, жемчугъ тебѣ княгиня Марѣя Петровна выдастъ, да выдастъ она еще тебѣ пять пудъ лому серебрянаго, такъ ты ризы во второй ярусъ иконостаса сдѣлай. Закажи въ Москвѣ, только смотри у меня, Зубрилову серебрянику не заказывай: я еще съ нимъ, подлецомъ, покамѣстъ живъ, раздѣляюсь. Еще отвѣдаетъ онъ у меня, каналья, вкусны ли заборскія кошечки бываютъ... Представь ты себѣ: прошлаго года на ярмаркѣ, смѣлъ онъ, шельмецъ, до моего пріѣзда лавку открыть. Счастливъ его богъ, что уѣхалъ тотчасъ же, а то бы я ему штукъ пятьсотъ среди ярмарки влѣпилъ бы для памяти.

«Поглядѣлъ я въ щелочку, а ужъ князь Алексѣй Юрьевичъ среди комнаты стоитъ, глаза такъ и горятъ, и кулакъ вверхъ поднялъ, въ ярость, значить, пришелъ. Только въ самое это время ставень—хлопъ.

«Поблѣднѣлъ князь и задрожалъ, кинулся къ Петру Алексѣевичу.

«— Упокой Господи душу раба твоего Дмитрія, говоритъ громкимъ шопотомъ.— Это Палецкій за мной пришелъ!.. Слышишь?..

«— Слышу, что ставень хлопнулъ.

«— У тебя все ставень!.. У тебя все... А Пальма-то, Пальма-то опять какъ завывала!

«— Да перестанешь ли ты вздоръ-то молоть, князь? Какъ это тебѣ не стыдно. Точно баба.

«— Да ты что ругаешься, чортъ этакой, ты не больно, братъ, ругайся!.. Баба!.. Кулакъ-то бабій что ли у меня? А? Посмотри-ка...

«— Ложись-ка спать лучше, давно ужъ пора.

«— И безъ тебя знаю, что пора.—Баба!.. Дамъ я тебѣ бабу!.. Охъ, Господи помилуй, опять Пальма... Нѣтъ, Петръ Алексѣвичъ, нѣтъ, братъ, надо, надо умирать, скоро, скоро въ гробъ меня положить, въ склепъ поставятъ, темно тамъ... тѣсно... сыро... Охъ, Господи помилуй, Господи помилуй!.. Да, вѣдь я и не кончилъ тебѣ про духовную-то.... Третью четверть денегъ раздай ты по всей здѣшней епархіи священникамъ, дьяконамъ и причетникамъ по рукамъ, каждому дьякону противъ попа половину, а причетнику противъ дьякона половину. И закажи ты имъ и попроси ты ихъ, чтобы усердно молились они Пречистому Спасу и Пресвятой Богородицѣ о помилованіи грѣшной души раба Божія князя Алексѣя, искупили бы они своими святыми молитвами мои великія согрѣшенія... Кирчагинскому дьякону не смѣй давать ни копѣйки, я еще съ этимъ шельмецомъ заживо рассчитаюсь! Какъ онъ смѣлъ на меня въ губернскую канцелярію челобитную подать?.. Поле, слышишь, я у него вытопталъ, корову застрѣлилъ!... Такъ развѣ я хотѣлъ у него хлѣбъ топтать? Виновать развѣ я, что заяцъ къ нему въ овесъ кинулся?... Упустить что ли мнѣ русака-то для дьяконскаго овсешка?... А корову опять? Да развѣ я застрѣлилъ? Вонъ вѣдь со мной сколько всякой сволочи ѣздитъ, развѣ за всѣми усмотришь? Усмотришь развѣ? Нѣтъ, ты скажи, можно за ними усмотрѣть? А? Можно? Да ты молчи, чудотворецъ, коли я говорю, не распускай горла-то: знаешь, что во многоглаголаніи нѣсть спасенія, такъ ты и молчи... Вѣдь тебѣ нечего разказывать: что къ духовному чину я всегда респектъ имѣю, потому что они наши пастыри и учителя и теплые объ насъ молитвенники, очищаютъ насъ

окаянныхъ, въ безднѣ грѣховной валяющихся, отъ всякой мерзости и нечистоты, и потому ни одинъ даже пономарь у меня на конюшнѣ не бывалъ... А ужь кирчагинскій помни меня!.. И овесъ и корову... А послѣднюю четверть денегъ на похороны изведи, Петръ Алексѣевичъ... Покрова-то не покупай, я ужь въ Парижъ деньги послалъ къ брату двоюродному, князю Владиміру, чтобы онъ тамъ самой лучшей ліонской парчи купилъ и поскорѣе бы въ Заборье выслалъ. Боюсь только, что денежки-то мои въ фаро опустить, въ Версали онъ большую игру ведетъ, и это ему въ голову придти не можетъ, что, по его милости, я могу на тотъ свѣтъ голышомъ явиться. Вотъ и прошлаго года поручилъ я ему купить полныя сочиненія Вольтера да гобеленовъ въ угольную, знаешь у меня угольную-то? Такъ и до сихъ поръ шлетъ... А при облаченіи и шапку, архимандричью устрой, —спроси у княгини Марѣы Петровны жемчугъ и камней, ей ужь давно отъ меня приказано... а не княгиню, такъ капрадышу крутихинскую, она тоже знаетъ; да дѣлай ты шапку - то поразваистѣй, а то вѣдь срамъ смотрѣть, какія шапки нашиты, ни фасону, ни красоты, ничего нѣтъ... На похороны все шляхетство позови, и родовыхъ, и молодыхъ и мелкопомѣстныхъ всѣхъ, — всѣхъ, чтобы помянули меня за упокой. Одного только Корчагина не зови. Онъ знать меня не хочетъ, такъ и я его знать не хочу. Экая, подумаешь, важная персона, а тоже сердце имѣетъ. Поучилъ я прошлаго года его маленько, такъ онъ на меня и губу надулъ. Да это бы наплевать, я бы за это его и вспороть могъ. А то вѣдь, знаешь ли, что онъ сдѣлалъ? Въ Петербургъ что-то такое написалъ про меня. Ну, представъ же ты себѣ, Петръ Алексѣевичъ, вѣдь до двора дошло; мнѣ отписали, что на куртагѣ было говорено про меня немилостиво. А ты знаешь, хоть я и не въ опалѣ, да и не во времени. Такъ много ли надо, чтобы меня уходить вдосталь? Ну, послѣ этого я и рукой махнулъ на Корчагина, думаю, чѣмъ съ дуракомъ связываться? наплевать на него да и все тутъ. А вѣдь и училъ-то его за чѣмъ? Для его же души спасенія. Видишь ли ты: обѣдалъ онъ у меня въ воскресенье великимъ постомъ. Ну, самъ ты знаешь, что большіе посты я соблюдаю и уставъ знаю: ну, подають кушанье, какъ слѣдуетъ: вино, елей, злаки и отъ черепоконныхъ. А Корчагинъ, какъ подали уху изъ стерлядей, при всѣхъ и кричить мнѣ съ дру-

гаго конца стола: «вы говорить, ваше сіятельство, постовъ сами не соблюдаете, да и гостей въ грѣхъ вводите.»—Что ты врешь? говорю, въ чѣмъ ты грѣхъ нашелъ?—«А въ этомъ,» говоритъ да на стерлядь показывается. Велѣлъ я подать книгу, подозвалъ къ себѣ Корчагина, читай говорю, коли грамотѣ знаешь. А онъ говоритъ: «Да тутъ про черепокожныхъ писано, то-есть про устерсы, черепахи, раки и улитки, яже акридами нарицаются.» Зло меня взяло, слыша такое ругательство, чтобы намъ заповѣдано было такую гадость, какъ улитки да черепахи, въ пищу употреблять. А онъ свое несетъ, говоритъ, что стерлядь—рыба, потому что на ней черепа нѣтъ.—Ну и поревновалъ я по уставѣ, намъ заповѣданномъ, взялъ съ тарелки стерлядь да головой-то ему въ носъ и ткнулъ. «Чтò, говори, есть черепъ, али нѣтъ?» Ну у него, кровь разумѣется пошла, рассадилъ я ему рожу-то. Вотъ только всего и было. И не дралъ его, не колотилъ, волосомъ даже не тронулъ, объ его же спасеніи позаботился, чтобы въ самомъ дѣлѣ, по глупости, не вздумалъ онъ свою душу улиткой опоганить. Такъ поди же ты съ нимъ, въ доносы пустился; дивлюсь еще, какъ онъ слово и дѣло не гаркнулъ. Погубить бы могъ. Я на него и плюнулъ, и знаться съ дуракомъ не хочу и на поминкахъ моихъ кормить его нечестивую утробу не желаю. Ты его и не зови, Петръ Алексѣевичъ, никакъ не зови, а позовешь, такъ будемъ мы съ тобой на томъ свѣтѣ судиться. Помни же ты это. Мнѣ что!.. Господь съ нимъ, съ Корчагинымъ: меня, человѣка, обидѣть легко, да каково-то ему на томъ свѣтѣ будетъ. Вотъ что!.. Ну, давай спать, Петръ Алексѣевичъ, пора.

«Вѣтеръ стихъ. По маломъ времени и захрапѣли оба. И я заснулъ.

«Проснулся я на зарѣ. Слышу, опять князь Алексѣй Юрьевичъ говоритъ; видно мало спалъ, нашъ батюшка, что такъ рано проснуться изволилъ.

«— Ну, говоритъ, Петръ Алексѣевичъ, надо мнѣ на тотъ свѣтъ собираться, какъ ты ни мудри. Какъ я только давеча заснулъ, и видится мнѣ Палецкій. Стоитъ онъ будто въ какомъ-то оврагѣ и Пальма съ нимъ, а въ оврагѣ будто жупелъ огненный и строй пахнетъ, стоитъ онъ и меня къ себѣ манить; да такіа страшныя рѣчи говорить, что у меня сердце захолоуло.

«— Чтò же такое?

«— Говорить онъ: поди сюда; сколько, говоритъ, вору ни воровать, а висѣлицы не миновать. Я ужаснулся, потъ холодный меня прошибъ, и проснулся, а онъ-то воетъ, и Пальма-то, чую его, воетъ. Такъ ужъ я и не помню, чтò со мной сдѣлалось. Нѣтъ, Петръ Алексѣевичъ, нѣтъ, ужъ теперь я вижу, что мнѣ не долго жить; сегодня же у тебя къ князю Борису напишу, чтобы призжалъ скорѣй ко мнѣ и мать бы свою не оставилъ, отца бы своего честному погребенію предать. Поѣду отъ тебя въ Заборье, — ну ее къ бѣсу, эту охоту, надо съ женой проститься, долгъ христіанскій исполнить.

«— Ну, князинька, поѣзжай, говоритъ Петръ Алексѣевичъ, хоть сонъ твой и пустой, а къ княгинѣ Марѣ Петровнѣ поѣзжай да примиришь-ка съ ней по-христіански: вѣдь знаю я, что ты шестой годъ съ ней единого слова не сказалъ; замучилась она, бѣдная!

«— Ну, что она? Баба! А бабѣ плетъ.

«— Плетъ! А забылъ, видно, князь, какъ въ Москвѣ-то на куртагахъ вздыхалъ ты по княжнѣ Тростенской.

«— Глупы, братъ, мы съ тобой тогда были!.. Вотъ что! А страшно умирать, Петръ Алексѣевичъ!.. Эхъ, молодость, молодость!

«— То-то и есть, милый мой князинька, чѣмъ бы суевѣріямъ-то предаваться, тебѣ бы настоящимъ дѣломъ почаще о смертномъ часѣ помышлять, да помаленьку бы укрощать себя, да съ ближними бы мириться.

«— Да чтò мнѣ съ ними мириться-то? Развѣ я обидѣлъ кого? Курица, и та на меня пожаловаться не можетъ, вотъ чтò!.. А умереть страшно!.. Охъ, голова ты моя, голова, разума-то ты всякаго напилась, къ чему-то ты приклонишься?.. Я въ монахи пойду, чудотворецъ.

«— Жену-то куда?

«— Ну ее къ бѣсу! Мнѣ бы только свою-то душу спасти, а она какъ знаетъ, чортъ съ ней.

«— Ахъ, князинька, князинька! Чтò мнѣ съ тобою дѣлать-то?

«— Чтò дѣлать? Чтò дѣлать?... Да долго ли мнѣ просить молитвъ твоихъ?... Вѣдь знаю я и вѣрую, что святъ ты человекъ, угодилъ ты Господу: хоть и въ міру живешь, да риза твоя душевная краше, чѣмъ у черноризца всякаго. Помолись ты обо

мнѣ грѣшномъ, искупи ты своею молитвой святою мои грѣхи мерзостные... Страшенъ часъ смертный, прискорбна душа моя!.. Спаси ты ее отъ огня неугасимаго...

«Да опять заплакалъ, опять упалъ къ ногамъ Петра Алексѣевича, цѣлуетъ у него ноги, а самъ и говорить не можетъ-то, всхлипываетъ.

«Вдругъ за садомъ гончія потянули по зрячему, и затрубилъ рогъ на звѣря краснаго... какъ вскочить князь Алексѣй Юрьевичъ—«на коня!»—закричалъ зычнымъ своимъ голосомъ. Кой-какъ одѣвшись, не простясь съ хозяиномъ, бросился къ крыльцу, вскочилъ на лошадь, и во весь опоръ поскакали мы за нимъ къ лѣсу Юрагинскому.»

VI. КНЯГИНЯ МАРѢА ПЕТРОВНА.

«Много горя натерпѣлась въ жизнь свою покойница княгиня Марѣа Петровна, мало она красныхъ дней видѣла, — истинная мученица была,—царство ей небесное!

«Родитель ея, князь Петръ Ивановичъ Тростенскій, у перваго императора Петра Алексѣевича въ большой милости находился. Вѣдиль онъ за море всякой иностранной наукѣ обучаться, и какъ послѣ выучки домой пріѣхалъ, больше все при самомъ государѣ находился. Въ Полтавской, сударь, баталіи передъ свѣтлыми очами царскими онъ большую храбрость показалъ, и когда супостата, свѣйскаго короля, побили, великій государь при всѣхъ генералахъ поцѣловать князя соизволилъ и послалъ его на Москву съ отписками о дарованной Богомъ викторіи.

«Отпуская въ путь, далъ ему государь письмо къ старому боярину Карголомскому. Карголомскій жилъ по старинному обычаю, спервоначалу и съ бородой разстаться не желалъ, ну да какъ царь указалъ, такъ хоть и взвылъ волкомъ, а бороды себя лишилъ. Зато въ другомъ во всемъ крѣпко старины держивался: былъ у него сынъ женатый, да подъ Нарвой Шведы побили, и осталось послѣ него у старика Карголомскаго всей семьи что внучка одна, ни за нимъ, ни передъ нимъ никого больше не было. А вотчинъ и въ дому богатства всякаго тьма тьмуцая.

«Отдаетъ великій государь письмо князю Тростенскому, а самъ приказъ говорить:

«— Бывши на Москвѣ, изволь отдать письмо Карголомскому, и что въ томъ письмѣ писано, изволь съ своей стороны чинить по нашему указу. Въ накладъ не будешь. Да поцѣловавши князя въ лобъ, примолвишь:—Съ Богомъ.

«Пріѣхавши на Москву, подалъ князь Иванъ Петровичъ царское письмо старику. Старикъ прочиталъ, охнулъ, затрясся весь, потъ даже на лбу у него выступилъ, да положивъ три земные поклона передъ Спасовымъ образомъ, сказалъ князю Тростенскому:

«— Дѣлать нечего—воля государя, а мы всё Божьи да его.

«А въ письмѣ государевѣ было написано:

««Понеже господинъ майоръ князь Тростенскій въ иныхъ земляхъ разнымъ наукамъ довольно обучался и при высокихъ потентатахъ находился, нынѣ же во время преславной, Богомъ намъ дарованной надъ королемъ Свѣйскимъ вѣкторіи великую храбрость показалъ, того ради изволь выдать за него въ замужество внучку свою, и тѣмъ дѣломъ прошу поспѣшить. А дѣло то и васъ поручаю въ милость Всевышняго.»

«Горька пришлась свадьба старику Карголомскому: видѣлъ онъ, что внучекъ его нареченный—нѣмецъ—нѣмцемъ, только званіе одно русское. Да нечего дѣлать: царь указалъ. Даже горя-то не съ кѣмъ было размыкать старику, потому что о такомъ дѣлѣ и говорить было невозможно: пришлось одному на старости лѣтъ тяжелую думушку думать. Да не вытерпѣлъ долго старикъ — померъ.

«Молодые жили душа въ душу. Великій государь и родные, глядя на нихъ, нарадоваться не могли. Черезъ годъ послѣ Полтавской баталіи даровалъ имъ Богъ княжну Марѳу Петровну. Конца радостямъ не было. Самъ государь княжну изволилъ отъ святой купѣли воспринимать, и когда подрастать она стала, все бывало нѣтъ—нѣтъ, а у отца и навѣдывается, чему крестница учится, и каково ей наука дается. Ливонскую Нѣмку самъ приставилъ ходить за ней, пльнянаго Шведа пожаловалъ князю для обученія княжны всякой наукѣ и на чужестранныхъ языкахъ говорить, а Француза для танцевъ самъ князь наймовалъ. Бывало,

придетъ великій государь къ князю Тростенскому, — а ѣзжалъ онъ къ нему нерѣдко, анисовой велить подать, кренделемъ закусить и прикажетъ княжну къ себѣ привести, пойдетъ разспрашивать, чему Шведъ ее выучилъ, по чужестранному заговорить съ нею, менуэтъ заставить проплясать, а потомъ поцѣлуетъ ее въ лобъ да и примолвить: «Ну, крестница, расти да ума копи, а мое дѣло тебѣ жениха оыскать.» Да не привелъ Господь великому государю крестницу при себѣ пристроить. И пятнадцати годочковъ княжнѣ не минуло, какъ не стало у насъ перваго императора.

«По восьмому годочку оставалась княжна послѣ матери, а родитель черезъ полгода послѣ великаго государя скончался. Осталась княжна сиротинкой, потому что кровныхъ, близкихъ родныхъ у нея не было, осталась одна какъ хмѣлинка безъ тычинки, не было руки ласковой, чтобы поддержать сиротство ея да молодость... Ну, сирота была богатая, стало-быть, за опекой дѣло не стало: взяла ее къ себѣ въ домъ тетка внучатная: княгиня Байтерекова. Стала съ ней княжна и во дворецъ на куртаги ѣздить, и къ свѣтлѣйшему Меншикову на ассамблеи, и къ Головкину, и къ Куракину и къ инымъ разнымъ знатымъ персонамъ на балы, на банкеты и съ визитою. А немного во всемъ Питерѣ было такихъ красавицъ да разумницъ, какъ княжна Марѣя Петровна Тростенская.

«Въ старые, сударь, годы, что и теперь, гдѣ слышать невесту богатую, тутъ женихи и льстятся и толкутся, ровно комары на болотѣ. Такъ и у княжны Марѣи Петровны отбою отъ нихъ не было, а женихи-то были все изъ самыхъ первыхъ родовъ, а которые не родовые, такъ знатные чины при дворѣ и въ гвардіи имѣли. Только княжна Марѣя Петровна хоть и молоденькая была, а честь свою очень наблюдала, и хоть многіе ея *заразались*, да сама она благосклонности никому не оказывала.

«Девьеровъ сынъ Петръ Антоновичъ счастливѣе другихъ былъ. На куртагѣ одномъ онъ княжну Марѣю Петровну къ себѣ на любовь склонилъ, потомъ присватался черезъ тетку Байтерекову, и государынѣ черезъ отца своего о намѣреніи доложилъ... Передъ обрученіемъ государыня Екатерина Алексѣевна изволила княжну святою иконой благословить, а свадьбу отложила до тѣхъ поръ, какъ пошлетъ ей Господь отъ болѣзни облегченіе, потому

что была она, матушка, нездорова, а крестницу первого императора хотѣла сама замужъ выдать и тѣмъ обѣщаніе Петра Великаго исполнить.

«Ждутъ женихъ съ невѣстой мѣсяцъ, ждутъ другой, ждутъ третій, а государынѣ все хуже да хуже, болѣзнь становилась преже-стокая, и стали всѣ поговаривать, что врядъ ли ее Богъ подниметь. А кому царство откажетъ, тоже никто не вѣдалъ, потому всѣ печальны и находились. Ну, ужъ въ такое время не до пировъ да не до свадебъ... Приостановились женихъ съ невѣстой, ждутъ вѣнца святаго. Только вдругъ, сударь ты мой, отца женихова графа Девьера подъ караулъ взяли, домъ у него весь опечатали, да потомъ и къ княгинѣ Байтерековой капитанъ пріѣхалъ: всѣ вещи у княжны Марѣы Петровны пересмотрѣлъ, какія письма у ней отъ жениха были, отобралъ, а самой княжнѣ никуда не велѣлъ изъ дома выѣзжать впредъ до указа.

«Охъ, тяжелое, сударь, время-то было, какъ, бывало, батюшка мой, царство ему небесное, поразкажетъ объ этомъ времени! Куда какое мудреное было время! а родитель мой, изволите видѣть, за княгиней Марѣой Петровной въ приданствѣ шелъ, а до того при молодой княжнѣ въ Питерѣ находился.

«Сказывалъ онъ, что передъ самымъ вѣшнимъ Николой, дня такъ за три что ли, пошла бѣготня по всему Питеру: знатныя персоны въ каретахъ по улицамъ скачутъ, приказный народъ бѣгомъ бѣжить, а всѣ ко дворцу. Солдаты туда же идутъ, и простой народъ кучами валить... Чтò такое? государыни, говорить, не стало, бѣгутъ узнать, кто на царство сѣлъ и кому присягу давать. Княжна Марѣа Петровна, услышавши такую вѣсть, такъ и покатиалась на полъ... Ну, чтò и говорить! вѣстимо несчастіе великое... А ввечеру сказываютъ, что отца женихова велѣно кнутомъ бить, чести, чиновъ, имѣнія лишить и послать въ Сибирь, а самого жениха въ деревню, вмѣстѣ съ матерью его, графиней Анной Даниловной. А была она, сударь, сестра родная свѣтлѣйшему. Да онъ и сестры родной не пожалѣлъ, дѣло-то все его, слышь, было.

«И проститься даже горемычнымъ жениху съ невѣстой не дали. Хотѣла было княжна съ другомъ своимъ въ несчастіе ѣхать, да тетка Байтерекова и прочая родня и многія знатныя персоны стали отговаривать, что этому дѣлу быть невозможно.

Нечего дѣлать, пришлось княжнѣ Марѣ Петровнѣ судьбѣ своей покориться да слезы проливать.

«Прошелъ годъ; новый государь со всѣмъ дворомъ въ Москву переѣхалъ. Княгиня Байтерекова съ племянницей туда же... Въ Москвѣ-то, сударь мой, и приглянись княжна князю Алексѣю Юрьевичу. Человѣкъ онъ ужъ былъ не молодой, лѣтъ этакъ подъ сорокъ, вдовый, бездѣтный, по этому самому княжна спервоначалу и слышать ничего не хотѣла, лучше, говорить, въ монастырь пойду. Ну, да князь Алексѣй Юрьевичъ съ фаворитомъ государевымъ, княземъ Иваномъ Долгоруковымъ, завсегда компанію водилъ и въ ближней дружбѣ находился... Сталъ ему объ невѣстѣ докучать, фаворитъ государю доложилъ... И сказано было княжнѣ, что крестный отецъ ея, первый императоръ, далъ ей обѣщаніе жениха сыскать, но не исполня того обѣщанія, волею Божіею отъ временнаго царствія въ вѣчное отыде, и для того-де великій государь, памятуя обѣщаніе дѣда своего, сыскалъ княжнѣ Марѣ Петровнѣ Тростенской жениха: быть ей княжнѣ заму-жемъ за княземъ Алексѣемъ Юрьевичемъ Заборовскимъ. Дѣлать нечего.

«По зимѣ на Москвѣ торжество и пиры большіе происходили. Самъ государь обручаться съ сестрой фаворита изволилъ, фаворитъ обручался съ Шереметевой, и нашъ князь Алексѣй Юрьевичъ тоже. Точно какъ зналъ онъ, что скоро перемѣна послѣдуетъ, сталъ смертно докучать, чтобы свадьбу сыграть поскорѣе, а какъ только Филиповки да святки минули, и вѣнчать стало невозбранно, на другой же день Крещенья наши и обвѣчались.

«Невеселая свадьба была; княгиня Марѣа Петровна шла подъ вѣнецъ какъ на казнь смертную, какъ полотно блѣдная въ церкви стояла и едва на ногахъ держалась. Фаворитъ въ дружкахъ у князя Алексѣя Юрьевича былъ, только опоздалъ и вошелъ въ церковь, печальный и сумрачный. Съ кѣмъ изъ знатныхъ персонъ ни пошепчется, у всякаго праздничное лицо горестнымъ сдѣлается, шепнулъ онъ словечко и новобрачному, и тотъ насупился. И сдѣлалась та свадьба не лучше похоронъ. И пира свадебнаго почти не было: всѣ гости по скорости разѣзжались, тужа и горюя, а о чемъ—никто не говорить. А на утрѣ вся Москва спознала, что великій государь крѣпко оспой заболѣлъ.

«Княгиня Марѳа Петровна и до свадьбы и послѣ свадьбы была какъ въ воду опущенная; новобрачный князь тоже день ото дня больше да больше кручинился; а про великаго государя все не добрыя вѣсти доходили: тяжелѣй да тяжелѣй ему дѣлалось. А была, сударь, въ ту самую пору «семибоярщина», и съ тѣми верховными боярами и съ фаворитомъ князь Алексѣй Юрьевичъ заодно находился и потому каждый день во дворецъ къ больному царю ѣздилъ. Только наканунѣ того дня, какъ великому государю преставиться, пропалъ князь, не найдуть куда скрылся да и полно: ни молодой княгинѣ, ни въ домѣ кому ничего неизвѣстно: пропалъ безъ вѣсти да и все тутъ. Мѣсяца уже черезъ два онъ въ Москвѣ появился: съ Бирономъ изъ Митавы вмѣстѣ пріѣхалъ.

«У Бирона князь Алексѣй Юрьевичъ во все время въ большой чести пребывать, и сама государыня великимъ своимъ жалованьемъ его не оставляла. По самому по этому и княгиня Марѳа Петровна при дворѣ завсегда находилась, и даже когда, бывало, самъ-то князь Алексѣй Юрьевичъ отпросится отъ службы въ Заборье погулять, княгиню Марѳу Петровну государыня никогда отпускать не соизволяла, а велѣла быть при себѣ. Сына родила княгиня Марѳа Петровна, князя Бориса Алексѣевича, государыня изволила его отъ святой купѣли воспринимать и тутъ же въ гвардію вахмистромъ пожаловала.

«Дома-то мало радости видѣла княгиня Марѳа Петровна, доля горькая ей выпала, супружество скорбное досталось. Князь крутенекъ съ ней былъ, и бывало, чуть не каждый Божій день такой у нихъ въ домѣ содомъ, что хоть святыхъ вонъ неси. А распалится не въ мѣру, особенно когда хмѣленъ пріѣдетъ, такъ и кулакамъ волю давалъ.

«А и то надо сказать, что въ старыя годы дѣлалось это по правдѣ и по душѣ, не то что въ нынѣшнія времена. Тогда, сударь, въ каждомъ христіанскомъ дому, хоть бы и княжескій былъ, жили какъ слѣдуетъ. Не забывали, что мужъ глава женѣ и потому долженъ учить ее, а коли не внимаетъ, то всяческимъ страхомъ наказать и жезломъ поучить. Такъ и жили всѣ по отеческому преданію и по заповѣдямъ Господнимъ, и всякій мужъ держалъ жену грозой, какъ коня уздой. Иначе и быть не должно, потому что бабѣ безъ науки жить никакъ невозможно.

«Княгиня была тихая, безотвѣтная; только бывало поплачетъ. Ну, а князь еще и въ Питерѣ сталъ отъ нея погуливать: сперва на сторонѣ у него ливонскія дѣвки жили да мамзель изъ Француженокъ держалъ, а послѣ и въ дому барскія барыни завелись. Княгиня и на то никому не жаловилась, горевала съ одною подушкой. Другія барыни отъ худой жизни нравны дѣлаются, и зло, что отъ мужей терпятъ, на дѣвкахъ вымещаютъ. А княгиня Марѳа Петровна нѣтъ. Просто, сударь, ангелъ Божій во плоти была. Ужъ такая была кроткая, ужъ такая была незлобная, что не только нашъ братъ, и дѣвки-то даже комнатныя, дѣвчонки маленькія, и тѣ вовсе не боялись ея, мало даже и слушались...

«Покажѣсть въ Питерѣ жили, такъ княгиня часто ѣзжала и во дворецъ и къ знатымъ персонамъ. Ужъ весело ли тамъ ей было, нѣтъ ли, про то доложить вамъ не могу, а только-что въ Питерѣ была она какъ маковъ цвѣтъ, а голосъ ея звонкій, по дому такъ, бывало, и раздастся, а какъ въ Заборье пріѣхали, вся какъ переродилась: и румянецъ спалъ съ лица, и глаза красные стали и сама извелась совсѣмъ. Передъ отправкой въ деревню, пріѣхалъ въ Питеръ Девьеровъ сынъ, прощенье получивши. Ну, свидѣлись... И у насъ въ дому былъ... И ужъ такъ разлютовался князь на княгиню за Девьерова сына, что чахнуть она съ того часу стала и локоны перестала носить... Послѣ князь Алексѣй Юрьевичъ и говаривалъ съ ней рѣдко, и съ каждымъ годомъ все лютѣе да лютѣе къ ней становился... Пока подросалъ князь Борисъ Алексѣевичъ, она съ нимъ больше время проводила, и хоть къ нему учителей изъ Французовъ приставлено было много, да княгиня больше сама его учила и много за то терпѣла отъ князя, для того что боялся онъ, чтобы бабой она сына-то не сдѣлала... Отпустивши его, послѣ внучки, въ Питеръ на службу царскую, стала наша княгиня какъ свѣчка таять и совсѣмъ какъ затвоуница сдѣлалась. Только и видали ее, что въ именины да въ большіе праздники, когда во всемъ парадѣ по мужнину приказу къ гостямъ выходила, да и тутъ, бывало, мало кто отъ нея слово услышитъ, все больше молчитъ. Безвыходно сидѣла въ своей комнатѣ, книги читала, Богу молилась, да воздухи въ церкви Божьей вышивала. Бывало, гостей найдетъ множество, господа и барыни съ барышнями пляшутъ у насъ до полночи, а княгиня молится себѣ да молится. Тамъ музыка гремитъ, танцы

водить, пиршество шумное идетъ, а княгиня стоитъ себѣ на козняхъ передъ святыми иконами да акаеиствъ читаетъ. Сколько разъ и спать ложилась матушка безъ ужина, потому что дѣвки-то вокругъ нея были самыя верченныя: бывало, бросятъ одну княгиню да и пойдутъ глазѣть, какъ господа въ танцахъ забавляются... Стала потомъ княгиня глазами болѣть, и оттого читать книги было ей невозможно.

«А жилъ у насъ на хлѣбахъ одинъ изъ мелкопомѣстнаго шляхетства, Бѣлоусовъ Кондратій Сергѣевичъ; деревню-то у него сильный сосѣдъ оттягалъ, такъ онъ, по бѣдности своей и убожеству, на княжіе харчи и пошелъ; человекъ былъ ужъ немолодой, и совсѣмъ Богомъ убитый: еле душа въ тѣлѣ держалась, кроткій былъ, смиренный, вина капли въ ротъ не бралъ и въ святомъ писаніи силу зналъ, все, бывало, надъ божественными книгами сидитъ и ни единой службы Господней не пропуститъ, прежде попа въ церковь придетъ, послѣ всѣхъ выйдетъ. Вотъ и велѣла ему княгиня Марѣя Петровна къ себѣ почаще приходиться, сама-то читать не видитъ, такъ его и заставляла...

«Разъ выѣхалъ князь Алексѣй Юрьевичъ на охоту. Съ самаго выѣзду все ему не задавалось. Только за околицу выѣхали, попъ пятницкій на встрѣчу попался — ну, дѣло извѣстное: попъ встрѣчу, русакъ на побѣжку. Только-что раздѣлался съ попомъ, лошадь его понесла и чуть до смерти не убила, — хорошо еще что въ грязь попалъ. Русаковъ почитай всѣхъ протравили, любимая сука ногу перешибла. Ну, бѣда за бѣдой бѣду погоняетъ. Осерчалъ князь больно. Много арапникомъ работалъ, а сердца не утолилъ. Воротился подъ вечеръ домой мраченъ, грозенъ, какъ туча темная.

«Письмо ему отъ князя Бориса Алексѣевича подаютъ. Какъ только взглянулъ въ него, такъ и зарычалъ, аки левъ... И пошли окна да зеркала звенѣть, и пошли двери да столы трещать. А никто понять не можетъ, на кого гнѣвъ простирать изволить. Забились по уголкамъ да въ умѣ молитву творять: пронеси Господи безъ грѣха тучу грозную.

«— Княгиню сюда! закричалъ.

«Докладываетъ ему гайдукъ Доримедонтъ, что княгиня съ веру сойти не могутъ, для того что въ болѣзни находится изволить.

Какъ сказалъ это Доримедонтъ, такъ и палъ аки снопъ, и послѣ того пяти зубовъ не досчитался.

«Вломился самъ на верхъ къ княгинѣ. А она на софѣ лежитъ больнехонька. Кондратій Сергѣевичъ, сидя за столомъ, житіе великомученицы Варвары ей читаетъ.

«— А! крикнулъ князь,—ты и сына до того развратила, что онъ на шлюхъ какой-то женился, да и сама съ полюбовниками ночи просиживаешь...

«И далъ волю гнѣву своему и ярости

«На другой день Кондратій Сергѣевичъ безъ вѣсти пропалъ, а княгиня Марѳа Петровна на столѣ лежала. Упокой Господи душу ея.

«Похороны были пышныя: три архимандрита было, священниковъ человѣкъ сто. Хоть княгиню и мало кто зналъ, а всѣ плакали. А князь Алексѣй Юрьевичъ у гроба хоть бы единую слезинку выронилъ, только похудѣлъ въ эти дни, да губы у него все тряслись, и самъ часто весь вздрагивалъ. Шесть недѣль нищую братію въ Заборѣ кормили, каждую субботу деньги имъ по рукамъ раздавали, по денежкѣ на каждого человѣка. Всего рублейъ тысячи три, говорили, на похороны-то изошло.

«За похороннымъ обѣдомъ князь Алексѣй Юрьевичъ все время съ архимандритами отъ писанія бесѣду велъ, о томъ какъ душу спасать надобно и какъ христіанскій законъ слѣдуетъ исполнять.

«— Вотъ хоть покойница княгиня моя, со смиреніемъ и слезами говорилъ онъ,—ужь истинно угодовала себѣ мѣсто свѣтло, мѣсто злачно, мѣсто покойно въ селеніи праведныхъ. Что за доброта такая была, что за покорность! Да, отче святой архимандритъ, нелицемѣрно могу сказать, что передалъ я Господу Богу на пречистыя Его руки велию праведницу. Да, отче святой, не по дѣломъ моимъ наградилъ меня Царь небесный такимъ многоцѣннымъ сокровищемъ, какова была жена покойница. Ужь истинно всему роду нашему красотой была, яко лоза плодовая въ дому моемъ процвѣтала и всѣмъ была изукрашена: и смиреніемъ, и послушаніемъ, и молчаніемъ, и доброуміемъ, и пощеніемъ, и нищелюбіемъ, и нескверноложіемъ. Единая она у меня радость была! Охъ, Господи, Господи! ужь каково-то мнѣ, отче святой, ужь каково-то мнѣ прискорбно, ужь каково-то горько,

такъ и повѣдать тебѣ не могу. Какъ я безъ нея, безъ книжки моей, жизнь-то останную мыкать буду?.. Кто домъ мой извобиліемъ наполнить?.. Кто за меня грѣшнаго Господа-то умолитъ?..

«Утѣшаетъ его отецъ архимандритъ словами душеполезными, а князь сидитъ, закручинившись, да такъ и разливается, плачетъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, отче преподобный, прискорбна душа моя даже до смерти! Не могу дольше жить въ прелестномъ мірѣ семъ, давно ищу я тихаго пристанища отъ бурь житейскихъ и напастей... Прими ты меня въ число своей братіи, отче святой, не отринь ты моего слезнаго моленія: причти мя къ малому стаду избранныхъ, облеки меня въ образъ ангельскій.

«— Намѣреніе благое, сіятельнѣйшій князь, только всякое дѣло Божіе должно творить съ разсужденіемъ.

«— Да чего тутъ разсуждать-то? не бойсь въ накладѣ не останешься, тысячъ сорокъ за себя вкладу дамъ. Мнѣ деньги копить не для кого!

«— Да вѣдь у васъ сынъ есть...

«— Князь-то Борька? да коли хочетъ онъ, шельмецъ, живъ быть, такъ и на глаза мнѣ не кажись! и меня-то онъ, окаянный, погубилъ, да и матери-то своей смерть причинилъ. Осрамилъ онъ, злодѣй, меня старика, честь нашу потерялъ и всему роду нашему вѣковѣчное безчестье нанесъ. Безъ нашего спроса, безъ родительскаго благословенья на какой-то мелкопомѣстной шляхтянкѣ женился! да ей бы, канальѣ, за великую было честь у меня за свиньями ходить. Убилъ онъ, шельмецъ, этимъ скареднымъ дѣломъ княгиню покойницу. Какъ услышала она про такое его злодѣйство, такъ и покатила, сердечная; тутъ же съ ней кровавой ударъ и случился, часу не прожила, моя голубушка...

«— Въ несчастіи смиряться должно, сіятельнѣйшій князь...

«— Не передъ княземъ ли Борькой смиряться мнѣ? нѣтъ, братъ, жирно съѣшь, я еще его въ бараній рогъ согну, покажу ему, какъ отца уважать надобно. Полушки мѣдной ему, скареду, не оставляю. Самъ женюсь, я еще, слава Богу, крѣпокъ, другіе дѣти будутъ; имъ все и предоставляю, а князь Борька съ своею подлою шляхтянкой пусть бродитъ себѣ подъ окнами да Христо-вымъ именемъ кормится. За невѣстами дѣло не станетъ: всякая

пойдетъ съ удовольствіемъ. А не пойдетъ, такъ чортъ съ ней, на Малашкѣ скотницѣ женюсь!..

«Въ это самое время стали *тризну* пить (1), дьяконъ «во блаженномъ успеніи» княгинѣ возгласилъ, а пѣвчіе «въ чиную память» запѣли. Всѣ встали изъ-за стола и молиться начали... А князь Алексѣй Юрьевичъ какъ снопъ повалился передъ образомъ и зарыдалъ, да такъ зарыдалъ, что всѣ, глядя на него, заплакали. Насилу поднять его съ полу могли.

«На другой день, съ горя, много пороть изволилъ и больше все изъ своихъ рукъ. На кого ни взглянетъ, у того и вину найдетъ. Шляхетнымъ знакомцамъ пришлось не втерпежъ, бѣжать даже изъ Заборья хотѣли. Да слава Богу, въ такомъ гнѣвѣ только съ недѣлю находится изволилъ. Полютовалъ онъ этакъ, полютовалъ, да на медвѣдя и поѣхалъ. И съ того самаго, сударь, часу, какъ свалилъ онъ этого мишку, и гнѣвъ и горе какъ рукой съ него сняло, и пошла наша жизнь попрежнему, а гульбы да веселья еще прибыло даже.

«Старѣтъ только сталъ, и грусть на него чаще находила. Случалось, что въ полѣ сядетъ на бочонокъ верхомъ, да начнетъ, какъ водится, изъ ковша съ охотой здравствовать да вдругъ и помутится, и ковшикъ у него изъ рукъ выпадетъ. По полю смѣхъ, шумъ и гамъ, а тутъ мигомъ все стихнетъ. Побудетъ онъ этакъ мало времени—ну, и опять просіяетъ.

«—Напугалъ я васъ, ребята, скажетъ. Эхъ братцы, скоро, скоро мнѣ умирать придется!.. Прости, прощай, вольный свѣтъ, прости мое житье-бытье удалое...

«Да вдругъ и гаркнетъ.

Пей, гуляй, перва рота,
Втора рота на работу...

Тысяча голосовъ подхватятъ пѣсню. И почнутъ плясъ, крикъ да попойка до темной ночи...

(1) На похоронныхъ обѣдахъ сливаютъ вмѣстѣ виноградное вино, ромъ, пиво и медъ, и пьютъ въ концѣ стола. Эта смѣсь называется *тризною*. Тризна дѣлается на томъ столѣ, гдѣ обѣдаютъ, и когда ее разнесутъ въ стаканахъ обѣдающимъ, всѣ встаютъ, и духовенство отправляетъ литію.

VII. КНЯГИНЯ ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА.

«Черезъ годъ послѣ кончины княгини Марѣы Петровны, привезли въ Заборье письмо отъ князя Бориса Алексѣевича. Прочитавши его, призываетъ князь Алексѣй Юрьевичъ старшаго дворецкаго и бурмистра, и даетъ имъ такой приказъ:

«— Завтра, говоритъ, долженъ князь Борька съ своей поскудною шляхтянкой въ Заборье прїѣхать. Чтобы никто передъ ними не смѣлъ шапки ломать, а кто имъ попадется на встрѣчу, пусть лаеетъ имъ всякую брань. Ко мнѣ ихъ допустить, а лошадей отпладывать не велѣтъ, для того что я ихъ только поучить хочу, этихъ оскаредовъ, а тамъ тотъ же часъ и назадъ прогоню. Слышите?»

«— Слушаемъ, ваше сіятельство.

«— То-то, смотрите же у меня!

«Такъ все и сдѣлано было. Ужь чего-то не натерпѣлись князь Борисъ Алексѣевичъ съ княгиней, по Заборью ѣхавши! Онъ молча сидѣлъ, голову повѣсивши, а у княгини слезы на глазахъ, а сама кротко да привѣтно всѣмъ улыбается. Только-что на привѣтъ-то ея всѣ ругаютъ ее ругательски. Мальчишѣкъ сотни полторы съ села согнали: бѣгутъ они за прїѣзжими, «у-у!» кричатъ, да языки высовываютъ.

«Князь въ залѣ—арапникъ въ рукѣ, глаза какъ у волка горятъ, голова ходенемъ ходитъ, а самъ всѣмъ тѣломъ трясется. Мы всѣ по угламъ. Быть грозѣ страшной, какой сроду не бывало... Тайнымъ образомъ священника на всякій случай въ домъ съ задняго крыльца провели: неровенъ случай, можетъ-статься, исповѣдать кого надо будетъ.

«Вошли молодые. Гнѣвно кинулся на нихъ князь Алексѣй Юрьевичъ. Кинулся, да увидавши невѣстку, вдругъ и останаѣлъ: арапникъ у него изъ рукъ вывалился, и лицо лаской и радостью просіяло.

«Молодые въ ноги родителю. Князь Алексѣй Юрьевичъ не до-

пустилъ однако невѣстку въ ноги упасть, обнялъ ее одною рукою, а другою за подбородокъ взялъ.

«— О, да ты у меня плутовка! сказать ей ласково.— Гляди-ка, какая пригожая! Ну, поцѣлуй меня, доченька, познакоимся. Здравствуй, Борисъ, молвилъ и сыну, ласково обнимая его. — Тебя бы за уши надо было маленько подрать, ну да ужъ Богъ съ тобой.

«Такъ мы всѣ диву и дались. Да ужъ истинно сказать, что такая была красавица княгиня Варвара Михайловна, что звѣря бы дикаго, кажется, однимъ взглядомъ своимъ ангельскимъ смирить могла.

«Зашумѣли всѣ въ Заборѣ, какъ пчелки въ ульѣ. Всѣмъ былъ этотъ день всякаго праздника радостнѣй. Ужъ какіе балы послѣ того пошли, какія пиршества! Никогда такихъ въ Заборѣ не бывало. Только пиры эти были не на прежнюю стать: ни медвѣдя, ни юродиваго, ни шутовъ за обѣдомъ не было, шума, гама и попойки тоже; а когда одинъ изъ большихъ господъ заговорилъ было про ночной кутежъ въ павильонѣ, такъ князь Алексѣй Юрьевичъ такъ на него посмотрѣлъ, что тотъ хотѣлъ что-то сказать, да голосу и не хватаетъ.

«А все это было дѣломъ княгини Варвары Михайловны. Бывало, скажетъ только: «полноте, батюшка, это нехорошо» — и князь Алексѣй Юрьевичъ все по ея слову дѣлаетъ. Не только-что миновались расправы на конюшнѣ — кошки всѣ велѣлъ собрать въ кучу и сжечь при себѣ, чтобы и духу ихъ не было. Барскихъ барынь всѣхъ замужъ повыдалъ, изъ мелкопомѣстнаго шляхетства, которые ужъ охочы до водки были и неспокойны, въ другія деревни на житье отправилъ. Чистота въ домѣ завелась, порядокъ, точно въ Питерѣ. Даже на охотѣ все не попрежнему стало. Полно на бочонокъ верхомъ садиться, да пить черезъ край; нѣтъ, самъ чарку-другую выпьетъ, другимъ тоже дастъ, а безъ мѣры пить не велитъ. «Не хорошо, говорить, неровно доченька узнаетъ, сердиться станетъ.»

«И князя Бориса Алексѣевича очень полюбилъ, все на его руки сдалъ, и домъ и вотчины.—Я, говорить, старъ становлюсь; пора мнѣ и покой имѣть, такъ ты, говорить, Борисъ съ доченькой всѣмъ дѣломъ заправляйте, да меня, старика, покойте да кормите.

Мнѣ немного надобно, а поживу съ вами еще годокъ, полюбуюсь на васъ, внучка дождусь, да и пойду въ монастырь Богу за васъ молиться, да къ смертному часу готовиться.

«Родила княгиня Варвара Михайловна сына. Ужъ сколько было радости! У всѣхъ на душѣ такъ легко и радостно стало, точно Свѣтлое воскресенье пришло, а князь Алексѣй Юрьевичъ точно двадцать лѣтъ съ костей скинулъ. Самъ подлѣ невѣсткиной спальни девять дней высидѣлъ, наблюдалъ, чтобы не испугалъ кто ее, или не обезпокоилъ чѣмъ. Носить, бывало, внучка по комнатамъ, да тихонько пѣсенки колыбельныя ему напѣваетъ. Чуть заплачетъ младенецъ, онъ тотчасъ и бѣжитъ въ дѣтскую, садеть у колыбельки и качаетъ его. Въ крестины всей дворнѣ по рублю цѣлковому пожаловалъ и двѣсти отпускныхъ выдать изволилъ.

«Шести недѣль не прожилъ маленькій князь. Князь Алексѣй Юрьевичъ въ постелю отъ такого горя слегъ, два дня у него въ роту маковой росинки не бывало, и слова почти ни съ кѣмъ не говорилъ. Ужъ мало-по-малу княгиня же Варвара Михайловна его утѣшила: сама плачетъ по младенцѣ своему, и свекра утѣшаетъ да уговариваетъ, пѣсенки ему французскія сквозь слезы тихонько напѣваетъ...

«Не больше году такое житіе продолжалось. Пришла вѣдомость, что прусскій король подымается и надо быть войнѣ. Князь Борисъ Алексѣевичъ въ полкахъ служилъ, стало-быть ему на войну слѣдовало идти. Сталъ собираться, княгиня съ нимъ было хотѣла ѣхать, только князь Алексѣй Юрьевичъ слезно сталъ умолять ее, чтобы не покидала она его, старика, въ одиночествѣ, резоны всякіе ей представлялъ, что не женское дескать дѣло на войскѣ быть; ну, и молодой князь тоже говорилъ. Послушалась она — осталась въ Заборѣ.

«Помню я, сударь, какъ собирался на войну князь-то Борисъ Алексѣевичъ. Какое слезное да умильное прощанье-то было!.. Послѣ молебна «въ путь шествующимъ», благословилъ сына князь Алексѣй Юрьевичъ святою иконой, обнялъ его и сталъ учить, чтобы сражался храбро, не жалѣлъ бы себя на бою, а коли Господь судилъ, такъ за матушку-государыню кровь бы пролилъ и животъ свой положилъ. «А объ женѣ, говоритъ, не кручинься; ей, говоритъ, будетъ здѣсь тепло и покойно...» А

какъ княгиня Варвара Михайловна стала съ мужемъ прощаться, такъ и господа, и знакомцы изъ шляхетства, и дворянъ вся никакъ не могли безъ слезъ смотрѣть: обвилась она, сердечная, около него, повисла у него на шеѣ, да такъ безъ чувствъ и унесли ее въ спальню. Перекрестилъ тамъ ее князь Борисъ Алексѣевичъ, поцѣловалъ да и сѣлъ въ карету.

«По отъѣздѣ князя Бориса Алексѣевича, жизнь въ Заборьѣ шла попрежнему, только еще тише, потому что княгиня много грустила по мужъ, и оттого пріѣздъ въ Заборье былъ небольшой, а праздниковъ да обѣдовъ вовсе не стало. Князь Алексѣй Юрьевичъ почти не отходилъ отъ невѣстки, всячески успокаивалъ и утѣшалъ ее. Стали письма получать отъ князя Бориса Алексѣевича; писалъ онъ про баталіи, въ которыхъ находился — ну, слава Богу, остался живъ и невредимъ; писалъ онъ еще, что дальше въ Прусскую землю ему идти не велѣно, для того что оставили его при полкахъ въ городѣ Мемелѣ, который тогда у прусскаго короля наши-то отняли. Ну, княгиня и повеселѣе стала, а она весела — и все весело. Зачали опять гости собираться, опять обѣды да праздники пошли. И все было хорошо, тихо и стройно.

«Досадно стало врагу рода человѣческаго глядѣть на новые порядки въ Заборьѣ. Вотъ и вложилъ онъ, проклятый, въ душу князя Алексѣя Юрьевича помыслъ грѣховный, распалилъ его страстью бѣсовскою, и сталъ онъ княгиню Варвару Михайловну всякими мѣрами на любовь нечистую склонять. Въ ужасъ княгиня пришла, услышавши отъ свекра такіа рѣчи. Образумить его хотѣла, да гдѣ ужъ тутъ! Князь Алексѣй Юрьевичъ на прежнюю стать попалъ...

«—А! еретица! Чести не хочешь знать, такъ я покажу, какіе у меня порядки водятся.

«Велѣлъ кликнуть Ульяшку съ Василисой: бабищи были здоровенныя и презлюція.

«— Ну-ка, говорить имъ, — по старинному.

«Закрутили бабы княгинѣ руки назадъ и пошли въ свое мѣсто. А князь въ окно зычнымъ голосомъ своимъ гаркнулъ попрежнему:

«— Рога!

«Въ двѣсти роговъ на дворѣ затрубили, собачій вой поднялся

и за тѣмъ крикомъ ничего не было слышно

«И пошла гульба попрежнему, начались попойки деннонощныя, барскія барыни опять визгъ да пляску по всему дому подняли, опять сталъ въ домѣ кабакъ-кабакомъ, опять стало шумно, людно и разгульно въ Заборьѣ... Ну, и кошки попрежнему въ честь вошли.

«А княгиня Варвара Михайловна все больна да больна. Никто ея не видитъ, никто ея не слышитъ—точно въ воду канула. Поговаривали, что къ мужу въ Мемель просилась, да свекоръ и слышать того не хотѣлъ.

«Былъ, сударь, у насъ Гришка Шатунъ во дворѣ, смолоду годовъ десять въ бѣгахъ находился, и сказывали, что въ муромскомъ лѣсу у разбойника Рощина въ шайкѣ долгое время состоялъ. Послѣ того, какъ Рощина изловили, воротился Шатунъ въ Заборье охотой, и когда князь Алексѣй Юрьевичъ на житье сюда пріѣхалъ, мало-по-малу возлюбилъ онъ этого Шатуна, приблизилъ его къ себѣ и зналъ черезъ него все, что глѣ ни дѣлается. Никто терпѣть не могъ Шатуна и всѣ его боялись. Поговаривали, что въ муромскихъ лѣсахъ онъ душу свою нечистому продалъ, и оттого всякому колдовству бѣсовскому навиченъ сдѣлался.

«Перехватилъ Гришка письмо, что княгиня Варвара Михайловна къ мужу послала было, на свекра жалуюсь. Прочиталъ князь письмо и насупился, цѣлый день ходилъ взадъ да впередъ по комнатамъ, сложа руки назадъ да посвистывая. А самъ какъ ночь темная—никто на него и взглянуть не смѣетъ... На другой день изъ Зимогорска отъ губернаторскаго секретаря письмо ему подали. Пишетъ онъ, чтобы держалъ князь ухо востро. Губернаторъ-де съ воеводой хотъ молъ и пріятеля вашего сіятельства, и много отъ васъ милости и ласки видѣли, да видно забыли вашу хлѣбъ-соль и жалованье, для того что, получивши письмо отъ княгини Варвары Михайловны, хотятъ въ Заборьѣ у васъ розыскъ дѣлать. Такъ секретарь и отписалъ ему.

«Цѣлый день ходилъ, молча, князь Алексѣй Юрьевичъ, не ѣлъ, не пилъ, а все думу думалъ. Вечеромъ Гринику Шатуна позвалъ

и держалъ его чуть не до свѣту. Колдовалъ что ли ему Шатунъ, или другое что творилъ, ужъ Господь ихъ знаетъ.

«На другой день былъ приказъ—собирать въ дорогу княгиню Варвару Михайловну. Отпускалъ ее къ мужу въ Мемель. Вечеромъ подали карету. Больная княгиня простилась со всѣми, а у князя Алексѣя Юрьевича только руку поцѣловала, и при этомъ затряслась вся и чуть не упала.

«— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ, говоритъ князь: — прощай, невѣстушка. Сажайте ее въ карету.

«Посадили ее, сердечную, въ карету. Сзади Уляшка съ Василисой сѣли, а на козлахъ Гришка Шатунъ. Мы переглянулись другъ съ другомъ: ну, думаемъ себѣ, быть грѣху.

«Ночью князь Алексѣй Юрьевичъ въ садъ ходилъ, и пробылъ тамъ немало времени, своими руками извоилъ розовый павильонъ запереть и ключъ отъ него въ Волгу бросилъ. Всѣ двери въ садъ заколотили, и былъ приказъ никому и близко къ нему не смѣть подходить.

«Въ ту же ночь безъ вѣсти пропала конюха Никифора дочь Арина. Чудное это дѣло было: недѣли четыре дѣвку лихманка трепала—никто въ ней и жизни не чаялъ, и вдругъ она со двора сбѣжала, да такъ безъ вѣсти съ той поры и пропала. Много чудились такому дѣлу, а говорить не смѣли

«Недѣли черезъ двѣ Шатунъ съ бабами воротился; докладывають, что княгиня Варвара Михайловна на дорогѣ очень разнемоглась, приказала остановиться въ какомъ-то городѣ, за лѣкаремъ посылала; лѣкаръ былъ у нея, да видно помочь ужъ нельзя было, потому что княгиня черезъ три дня померла. Письма князю подавъ Шатунъ отъ воеводы того города, отъ лѣкаря, что лѣчилъ княгиню, отъ попа, который хоронилъ. Взялъ князь письма, прочиталъ и въ бюро заперъ.

«А Василиса-то мнѣ вѣдь свояченица была, такъ она подъ большими клятвами сказывала моей покойницѣ, что княгиню-то они съ княземъ въ розовомъ павильонѣ въ стѣну заложили, а на мѣсто ея въ карету посадили больную Аришку, да какъ ей смерть приключилась, замѣсто княгини и схоронили ее. Покойница моя

объ этомъ мнѣ только на смертномъ одрѣ сказала; такъ дѣло это и замерло, для того что и Шатуна съ бабами по скорости не стало. На другой, либо на третій день послѣ того, какъ они воротились, послалъ ихъ князь Алексѣй Юрьевичъ, по какому-то дѣлу, за Волгу. Осень была, по рѣкѣ ужъ ледъ шелъ. Потѣхалъ Шатунъ съ Василисой да съ Ульяшкой, льдомъ ихъ и стало затирать, а лодчонка плохонькая была имъ дана — всѣ ко дну и пошли... Какъ забѣгали да закричали по Заборью, что наши тонутъ, глядимъ — а на вѣнцѣ горы стоитъ одинъ князь Алексѣй Юрьевичъ, руки за спину заложивши; вѣтеръ шляпу съ него сорвалъ, а онъ все стоитъ, да глазъ не сводить, зорко смотритъ на людскую погибель, а сѣдые волосы вѣтромъ такъ и раздуваются у него... Какъ пошла лодка ко дну, перекрестился князь Алексѣй Юрьевичъ... Заупокійную должно-быть читалъ... Потомъ шляпу поднялъ и пошелъ тихимъ шагомъ домой. Карету ему подали, и потѣхалъ онъ въ монастырь, паннихиду по новопреставленной княгинѣ Варварѣ Михайловнѣ слушать...

«Такъ-то и концы всѣ въ воду, и басни въ кустъ. Хоть двадцать розысковъ губернаторъ присылай — ничего не разыщутъ.

«Запили, загуляли — чуть не всѣ погребѣ опростали. Двѣ недѣли безъ просыпу всѣ пьяны были. Изъ Зимогорска вѣсти за вѣстями — розыскъ, пишутъ, въ Заборье ѣдетъ, а намъ и горяшка нѣту — гуляемъ!.. Только большихъ господъ не было, да и мелкопомѣстное шляхетство рѣдѣть стало, знакомцы даже, которые у насъ проживали каждую ночь, по два, по три человека бѣгать изъ Заборья стали. Иные, правду сказать, помня княжью хлѣбъ-соль, и говорили ему, чтобы онъ поберегся, ходять молъ слухи, что розыскъ строжайшій въ Заборье шлеть, да у князя на это время одинъ былъ отвѣтъ: «Это будетъ, говорить, когда чортъ умретъ, а онъ еще и не хварывалъ. И розыскъ пріѣдетъ, да хоть губернаторъ самъ — милости просимъ: плети у меня готовы, угощу чѣмъ Богъ пошлетъ.» А шляхетство все тягу, да тягу. Пришлось подконецъ князю Алексѣю Юрьевичу съ одними почти холопами своими бражничать. Ужъ на чтò пѣта — и тотъ подконецъ сбѣжалъ.

«Среди залы бочонки съ виномъ разставлены, и пьютъ и льютъ, да тутъ же и спать вповалку. Дѣвки — въ чемъ мать на свѣтъ

родила и волосы раскосмативши, по всему дому скачутъ да срамныя пѣсни горланятъ. А князь Алексѣй Юрьевичъ невытѣтый, небритый, нечесанный, въ одной рубашкѣ, на коврѣ среди залы сидитъ, да только покрикиваетъ: «Эй вы, черти, веселѣе!.. Головы не вѣшай, хозяина не печаль!..» Чтѣ онъ денегъ въ это время роздалъ, а дѣвкамъ такъ пригоршнями жемчугъ дѣлилъ, серьги имъ, перстни, фермуары брилліантовые дарилъ, матеріи всякія, бархаты... Много тутъ отъ князя всѣ его холопи поживились... Точно не въ умѣ былъ.

«Разъ подъ утро сказываютъ ему: розыскъ наѣхалъ. Руки у всѣхъ опустились, стихла гульба.

«— По мѣстамъ! крикнулъ Алексѣй Юрьевичъ:—да чтобы плети наготовѣ были, — я ихъ разыщу!

«Мигомъ разбѣжались и въ домѣ прибрали все.

«Поутру пришелъ въ домъ майоръ да еще двое чиновныхъ, чтѣ при немъ въ розыскѣ находились. Князь Алексѣй Юрьевичъ въ гостинной былъ во всемъ парадѣ, въ пудрѣ, въ бархатномъ кафтанѣ и въ кавалеріи. Вошли тѣ, а онъ чуть привсталъ и на стулья имъ не показываетъ, а спрашиваетъ: зачѣмъ пожаловать изволили?

«— Велѣно намъ, князь, строжайшій розыскъ сдѣлать о скаредныхъ вашихъ поступкахъ съ покойной княгиней Варварой Михайловной и о прочемъ.

«— Чтѣ-о? крикнулъ князь Алексѣй Юрьевичъ и ногами затопалъ. — Да какъ смѣлъ ты сюда холопскій свой носъ показать? Развѣ ты не знаешь, кто я? Да кто тебя прислалъ сюда? Воевода шельмецъ, или губернаторъ мошенникъ? Такъ я и до нихъ доберусь. И они у меня на конюшнѣ побываютъ. А тебя...

«— Уймитесь князь, со мной драгунъ много, а присланъ я не отъ воеводы, а изъ тайной канцеляріи, по именному указу ея императорскаго величества...

«Какъ только онъ это слово вымолвилъ, князь всѣмъ тѣломъ и затрясся. Схватилъ себя за голову, да и твердитъ: «охъ, пропасть... охъ, проналъ!» Никакъ онъ не ждалъ, что дѣло до государыни дойдетъ.

«Подошелъ онъ къ майору смирнехонько, сталъ божиться, что

знать ничего не знаетъ и ни въ чемъ не виноватъ, что еслибы жива была княгиня Варвара Михайловна, такъ сама бы невинность его доказала.

«— Покойница княгиня о вашихъ богомерзкихъ дѣлахъ своею рукою государынѣ челобитную писала. Вотъ она.

«Замолкъ князь.

«— Прозѣвалъ, значить, Шатунъ, прошепталъ онъ. — Ну, Гришка, счастливъ твой богъ, что на свѣтѣ тебя нѣтъ.

«— Въ силу даннаго намъ указа, сказалъ майоръ:—во все время розыска быть вамъ въ своемъ домѣ подъ жестокимъ карауломъ, для чего я уже драгунъ ко всѣмъ дверямъ приставилъ, и вамъ выходу отсюда не будетъ.

«У князя и руки опустились и голосу не хватаетъ.

«Столы раскладываютъ, бумаги кладутъ, за столъ садятся, князь Алексѣй Юрьевичъ все это видитъ, да ровно ничего не видитъ. Стоитъ себѣ, глаза въ уголъ уставивши, да тѣ же слова твердитъ: «Охъ, пропагъ, охъ, пропагъ».

«А майоръ, сѣвши, розыскъ начинается. Говорить князю:

«— Князь Алексѣй княжъ Юрьевъ сынъ Заборовскій! По именному ея императорскаго величества указу изъ тайной канцеляріи, изволь намъ по пунктамъ показать подлинную и самую точную правду по взведенному на тебя богомерзкому и скаредному дѣлу...

«— Не погубите! Смилуйтесь! Будьте отцы родные, не погубите меня старика. Ни впредь, ни послѣ не буду. Будьте милостивы, заговорилъ князь Алексѣй Юрьевичъ и повалился въ ноги майору.

«То-то, вотъ чтò значить царска-то гроза! И великъ былъ человекъ князь Алексѣй Юрьевичъ, и до самого губернатора ужъ хотѣлъ добратся, а какъ про гнѣвъ царскій свѣдалъ, такъ и майору въ ножки поклонился.

«— Не погубите, говоритъ, меня старика, мнѣ ужъ не долго жить остается... Я въ монастырь пойду, въ затворъ затворюсь, я схиму надѣну, умру для міра. Не погубите, мои милостивцы, я васъ золотомъ осыплю... Чтò ни есть у меня въ дому, все ваше, все возьмите, не губите только...

«— Полно, говоритъ ему майоръ,—встань; какъ не стыдно тебѣ въ ногахъ у меня валяться? Вѣдь ты дворянинъ, да еще князь.

«— Какой я князь! Чтò мое княжество! Я холопъ твой покорный: какъ тебѣ, милостивцу моему, мнѣ не кланяться? Вѣдь я милости у тебя прошу. Ты теперь великъ человѣкъ, все въ твоихъ рукахъ, не погуби ты меня, Христа ради. Двадцать тысячъ рублей сейчасъ тебѣ выдамъ, вели только розыску полегче быть, и чтобы все въ мою пользу пошло.

«— Полно бездѣльныея рѣчи говорить, давай отвѣтъ въ силу даннаго намъ указа.

«Князь поднялся на ноги, скрѣпилъ себя, нахмурился, и бойко отвѣтилъ:

«— Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

«— Ну, смотри, князь, не пришлось бы намъ ту комнату застѣнкомъ сдѣлать. Коли не хочешь самъ истинной правды сказывать, такъ у насъ и другія средства найдутся: кнутъ не ангель, души не вынетъ, а правду скажетъ.

«Опустился при такихъ рѣчахъ князь Алексѣй Юрьевичъ въ кресло, побагровѣлъ весь, глаза закатились у него, а самъ еле духъ переводить.

«— Ой, пропалъ!.. твердить. Ой, не снесу пытки!.. Ой, пропала моя головушка.

«Посмотрѣлъ на него майоръ, видитъ, что не въ своемъ умѣ человѣкъ находится: оставилъ розыскъ до другаго дня.

«Никого къ нему майоръ не допускаетъ. Ходить князь одинъ-одинешенекъ по запустѣлому дому, ходитъ князь по галереямъ, да волосы на себѣ рветъ, ходитъ онъ по комнатамъ, да воетъ въ источникъ голоса.

«Идетъ онъ по портретной галлерей, глядитъ на портретъ княгини Варвары Михайловны,—глядитъ... да и сталъ, какъ вкопанный...

«И мерещится ему, что лицо на портретѣ ожило, и видится ему, что качаетъ ему княгиня головкой своею, и слышится ему, что тихимъ своимъ ангельскимъ голосомъ она судъ Божій ему воспоминаетъ...

«Грянулъ о полъ князь Алексѣй Юрьевичъ... Языкъ отнялся, въ рукъ да въ ногъ движенія не стало.

«Увидали, подняли, на постель положили. Маячить что-то, а понять невозможно, а глаза такъ и горятъ у него, такъ и бѣ-

гають. Майоръ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на него, за лѣкаремъ послалъ, людей допустилъ, а самъ въ свой флигель ушелъ.

«Лѣкаръ руду кинулъ. Ну, какъ будто маленько облегчило. Хотя и коснымъ языкомъ, да кое-что говорить сталъ. Подозвалъ онъ къ себѣ старшаго дворецкаго, тотъ наклонился къ нему.

«— Сію же минуточку, говоритъ, замажь лицо на портретѣ княгини Варвары Михайловны.

«Замазали. Докладываютъ.

«— Ладно, говоритъ, — хорошо, теперь не станетъ она съ майоромъ разговаривать.

«Думали, что бредить, а отъ него и духу нѣтъ. . . Посмотрѣли: Богу душу отдалъ.

«Такъ и розыску не было.»

Андрей Печерскій.

О НАРОДНЫХЪ ПЕРЕПИСЯХЪ

Одна изъ важнѣйшихъ статистическихъ операций, есть народоисчисленіе или перепись народа.

Полное и вѣрное исчисленіе народонаселенія составляетъ основную часть правительственной статистики, потому что все остальное есть не иное что, какъ примѣненіе разныхъ условій и принадлежностей настоящаго быта края къ его населенію.

Нѣтъ сомнѣнія, что именно вслѣдствіе этого обстоятельства, начало народныхъ переписей встрѣчается еще во времена глубочайшей древности. Конечно, въ ту пору не сознавали всей важности точнаго исчисленія народа во всѣхъ разнообразныхъ явленіяхъ его общественнаго развитія и государственнаго устройства; но тѣмъ не менѣе исторія свидѣтельствуетъ, что потребность знать число членовъ обществъ пробудилась тотчасъ, какъ только образовались человѣческія общества.

Любопытно въ этомъ отношеніи, прослѣдить въ бѣгломъ очеркѣ, какъ производилось народоисчисленіе у разныхъ народовъ и въ различныя времена.

Древнѣйшая изъ народныхъ переписей, о которыхъ дошли до насъ положительныя свѣдѣнія, относится къ XVI столѣтію до начала нашей эры. Это было спустя тринадцать мѣсяцевъ по выходѣ Евреевъ изъ Египта, когда Моисей произвелъ «сочтеніе всего сонма сыновъ Израилевыхъ по сродствомъ ихъ, по домоу отчества ихъ, по числу именъ ихъ, по главамъ ихъ: всякъ мужескъ полъ отъ двадцати лѣтъ и выше, всякъ исходяй съ силою Израилевою.» (1).

(1) Числѣ I, 2, 3.

Изъ этихъ словъ мы видимъ, что перепись Евреевъ была поименная, по семействамъ и по родамъ, и даже съ обозначеніемъ возраста; однако она не обнимала всего населенія. Изъ переписи исключены были вовсе женщины, всѣ мужчины не достигшіе двадцати лѣтъ и сверхъ того «не сочтѣлишася въ сынѣхъ Израилевыхъ — левиты» (1). Ясно, что перепись имѣла цѣлью исчислить только людей способныхъ и обязанныхъ носить оружіе («всякъ исходяй ополчатися во Израилѣ». Ч. I, 45). На этомъ основаніи исключены также и всѣ рабы, признававшіеся у народовъ древности не болѣе какъ вещью, частью движимой собственности.

Нельзя рѣшить положительно, принадлежалъ ли искони обычай перечисленія народа Евреямъ, или заимствованъ ими отъ Египтянъ. Книга Бытія представляетъ намъ много мѣстъ, гдѣ перечисляются роды патриарховъ и ихъ семействъ съ означеніемъ пола и возраста каждого лица; однако эти списки суть не иное что, какъ родословныя таблицы. Поэтому нельзя согласиться съ Моро-де-Жоннесомъ, желавшимъ видѣть въ этихъ родословныхъ первообразъ народныхъ переписей (2). Съ другой стороны, мы не находимъ нигдѣ положительныхъ указаній на то, чтобы въ Египтѣ производилось общее перечисленіе народа, и чтобы Евреи заимствовали отсюда этотъ обычай. Но многія частныя цифры, сохраненныя греческими писателями, заставляютъ думать, что у Египтянъ очень тщательно исчислялись нѣкоторыя касты. Такъ Геродотъ и Діодоръ сообщаютъ, что Амазисъ повелѣлъ, чтобы каждый житель ежегодно представлялся номарху и объявлялъ свое имя, занятіе и средства своего существованія (3). Примеръ того, что всѣ мальчики, родившіеся въ Египтѣ въ одинъ день съ Сезострисомъ, должны были обучаться воинскому дѣлу и образовать въ послѣдствіи тѣлохранителей Сезостриса, можетъ служить доказательствомъ, что Египтяне имѣли возможность слѣдить за движеніемъ народонаселенія и, быть-можетъ, имѣли для того особое вѣдомство.

Однако все это еще не даетъ права заключать, что Евреи, проживъ четыре столѣтія въ Египтѣ, заимствовали отсюда обычай перечисленія народа. Вѣроятно же всего и примирительнѣе

(1) Числъ I, 47.

(2) *Statistique des peuples de l'antiquité*. I. p. 98. *Elémens de la statistique*, p. 69.

(3) Геродотъ I, 171. Діодоръ, I, 88.

для обоихъ противоположныхъ мнѣній допустить, что необходимость защищенія себя возбуждала въ каждомъ народѣ потребность знать число защитниковъ его самостоятельности. Такой характеръ имѣютъ народныя переписи вездѣ на первыхъ порахъ своего учрежденія. Позднѣе присоединяются и другія побужденія къ перечисленіямъ всего народа или нѣкоторыхъ его частей: обложеніе податями, исполненіе какой-нибудь повинности и т. п. Такъ и у Евреевъ, хотя прежде всего исчислены были люди способные и обязанные носить оружіе, за исключеніемъ колѣна Левіева, которому принадлежала высшая обязанность служенія въ Скиніи Свидѣнія, однако вслѣдъ за тѣмъ произведено было двойное исчисленіе въ колѣнѣ Левіевомъ. По первому исчисленію сочтены всѣ левиты отъ одного мѣсяца возраста (и оказалось ихъ 22,300); по второму сосчитаны въ ихъ числѣ только тѣ, которымъ было отъ 25 до 50 лѣтъ (ихъ оказалось 8580) и на которыхъ лежала обязанность «входяй служить, творити вся дѣла въ Скиніи Свидѣнія» (1).

Въ послѣдствіи времени, подконецъ сорокалѣтняго странствованія въ пустынь, Моисей и Елеазаръ произвели новое перечисленіе «сыновъ Израилевыхъ отъ двадцати лѣтъ и выше, по домоу отчествъ ихъ, всякъ исходяй вооружитися во Израилии и всѣхъ левитовъ «отъ единого мѣсяца и выше» (2). Поводами къ этой переписи послужили: во первыхъ страшное опустошеніе, произведенное моровою язвой, постигшею Евреевъ, когда они жили въ Саттимѣ, а во вторыхъ то, что они приближались къ обѣтованной землѣ, которая должна была «раздѣлиться въ наслѣдіе по числу именъ: множайшимъ да умножиши наслѣдіе, и малѣйшимъ да умалиши наслѣдіе ихъ: коемуждо, якоже суть согладаніи, да дастся наслѣдіе ихъ: по жребіемъ да раздѣлится земля именамъ, по племенемъ отчествъ своихъ да наслѣдуютъ: отъ жребія да раздѣлиши наслѣдіе ихъ между многими и малыми» (3). Приводимое нами мѣсто замѣчательно еще и въ томъ отношеніи, что оно объясняетъ намъ способъ пользованія землею и раздѣленія ея между Евреями.

(1) Числѣ, гл. IV. и гл. III.

(2) Числѣ, гл. XXVI.

(3) Числѣ, гл. XXVI. ст. 54—57. Сравни Иисуса Навина, гл. XIII—XVII. «Левитомъ же не даде жребія въ нихъ... и не дадеса части въ земли Левитомъ, но токмо грады обитати и предградія скотомъ ихъ, и скоты ихъ». Ис. Нав. XIV. 3, 4.

Послѣ этого, въ теченіи шестисотъ лѣтъ слишкомъ, мы не находимъ никакихъ извѣстій о народныхъ переписяхъ у Евреевъ. Моро-де-Жоннесъ (1) думаетъ, что объ этихъ переписяхъ только не дошли свѣдѣнія, но что онѣ были, ибо религиозное уваженіе Евреевъ ко всѣмъ учрежденіямъ Моисея не позволяло имъ забыть столь важное постановленіе. Съ такимъ предположеніемъ согласиться нельзя. То самое уваженіе къ преданіямъ Моисея, на которое опирается французскій статистикъ, и служило Евреямъ поводомъ къ недѣланію ревизій. Народъ Еврейскій привыкъ, чтобы всѣ его учрежденія, всѣ предпріятія начинались по внушенію Іеговы, Бога Живаго, истиннаго правителя своего избраннаго народа. Моисей оба перечисленія произвелъ также по повелѣнію Бога («И глагола Господь къ Моисею: возьми сочтеніе всего сонма сыновъ Израилевыхъ... И рече Господь къ Моисею и Елеазару жерцу: возьми начало всего сонма и проч.»). Но Моисей нигдѣ незаповѣдалъ, чтобы такіа перечисленія совершались постоянно; тогда какъ о всѣхъ прочихъ учрежденіяхъ онъ постоянно прибавлялъ: «Заповѣдаю вамъ творити тако». Вслѣдствіе этого Евреи и не считали себя въ правѣ производить перечисленія народа. Вслѣдствіе же этого и народосчисленіе, предпринятое въ послѣдніе годы царствованія Давида, лѣтописи еврейскія приписываютъ прямо внушенію дьявольскому (2). Іоавъ, которому поручено было исполнить перечисленіе, противился этой мѣрѣ, возражая: «не вси ли господину моему царю раби суть? и почто хочеть сего господинъ мой, дабы не вмѣнилось въ грѣхъ Израиль?» Но «слово цареве преможе Іоава». Іоавъ долженъ былъ повиноваться, но по крайней мѣрѣ старался всячески замедлить производствомъ перечисленія. Такъ въ теченіе 9 мѣсяцевъ и 20 дней онъ сосчиталъ только носящихъ оружіе въ десяти колѣнахъ; «Левии же и Веніамина не сочте среди ихъ, понеже вознегодова о словесе царевѣ Іоавъ». Все это, сопротивленіе Іоава и его нерадѣніе къ исполненію возложеннаго на него порученія, кажется, убѣдительно доказываетъ, что повелѣніе Давида «сочислити Израіля» признавалось законопреступнымъ. Еще болѣе подтверж-

(1) *Statistique des peuples de l'antiquité*, p. 113.

(2) Кн. I. Паралипоменонъ, гл. XXI, ст. 1: «воста же діаволъ на Израіля и подусті Давида, да сочислити Израіля.» Ср. Кн. 2 Царствъ, гл. XXIV, ст. 1. «И приложи Господь гнѣву разгорѣтиса во Израіли и подвиже въ нихъ Давида, глагола: иди и изочи Израіля и Іуду.»

дается это тѣмъ, что послѣдовавшее за симъ моровое повѣтріе принято Евреями какъ наказаніе Божіе за преступное распоряженіе Давида. «И не угодно явился предъ Богомъ повелѣніе сіе, и порази Израиля» (1).

Но частныя перечисленія въ извѣстныхъ случаяхъ производились, и о нихъ встрѣчаемъ указанія въ лѣтописяхъ. Такъ исчислены были всѣ войска, собравшіяся у Хеврона для провозглашенія Давида царемъ (2). При объявленіи царемъ Соломона «сочтени быша левити отъ тридесяти лѣтъ и выше», при чемъ раздѣлили ихъ на четыре разряда: 1) избранные на дѣла дому Господня, 2) книгочіи и судіи, 3) дверники, и 4) поющіе Господу во органы (3). Упоминаются еще перечисленія военныя, произведенныя въ царствованія Іеровоама во Израили, и Іоасаама въ Іудеѣ (4).

Такія же частныя перечисленія произведены по возвращеніи Евреевъ изъ плѣна Вавилонскаго, свѣдѣнія о чемъ находимъ у Ездры и Нееміи (5). Нельзя не замѣтить здѣсь самаго способа исчисления: въ назначенный день заперли ворота Іерусалима, поставили стражу при каждомъ домѣ и затѣмъ сосчитали всѣхъ жителей. «Градь же бысть широкъ и великъ, и людей мало въ немъ, и не бяху дома созданы», поясняетъ лѣтописецъ.

У другихъ народовъ древности также, сколько извѣстно, производились частныя и общія перечисленія народа, но вездѣ не періодически и всегда имѣли главнѣйшею цѣлю только познаніе числа гражданъ, способныхъ носить оружіе.

Положительныя свѣдѣнія о народныхъ переписяхъ въ республикахъ греческихъ имѣемъ мы только объ Атикѣ. Спартанцы, несмотря на особенно-развитое въ нихъ воинственное направленіе, кажется, не производили у себя ревизій; по крайней мѣрѣ классическіе писатели не сообщаютъ ничего объ этомъ. Точно также скудны въ этомъ отношеніи наши свѣдѣнія и о другихъ государствахъ Эллады. Но въ Аѣинахъ встрѣчаемъ совершенно иное. Здѣсь прилагалось особенное тщаніе къ познанію числа

(1) Кн. I Паралипом. XXI, 7.

(2) Кн. 2 Царствъ, гл. V. Кн. I. Паралипом. XII, 23—38.

(3) Кн. I. Паралипом. XXIII, 3—5.

(4) Кн. I, Паралипомен. V, 17.

(5) Ездры, гл. II, V. Нееміи, гл. VII, ст. 1—65. гл. XI, 4—36. XII, 1—36.

жителей, по отношенію ихъ къ сословіямъ, возрастамъ и различнымъ условіямъ общества. Такъ каждого свободного Аеиннина вносили въ списокъ тотчасъ по рожденіи; велись особые списки всѣхъ восемнадцатилѣтнихъ гражданъ, потому что этотъ возрастъ обязывалъ ихъ вступать во внутреннюю военную службу; еще перечисляли по достиженіи двадцатилѣтняго возраста, съ котораго признавалась способность къ отправленію всѣхъ общественныхъ должностей. Очевидно, что подобные списки возобновлялись ежегодно и такимъ образомъ представляли собою непрерывную перепись.

Независимо отъ этого, производились и особые перечисленія, по какимъ-нибудь важнымъ обстоятельствамъ. Такъ въ 444 году до Р. Х., по распоряженію Перикла, исчислены были аеинскіе граждане, потому что царь египетскій Псамметихъ, приславъ Аеинамъ въ подарокъ пшеницу, желалъ знать, сколько людей имѣютъ право воспользоваться его подаркомъ. Нельзя не замѣтить при этомъ, что и чиновники прославленной аеинской республики не чужды были грѣху продажности: во время этой переписи 5000 иноземцевъ показаны были обманомъ въ числѣ аеинскихъ гражданъ и воспользовались извѣстною долей въ полученіи пшеницы. Правда за такое самозванство они дорого заплатились: когда подлогъ былъ открытъ, то всѣ эти иноземцы обращены были въ рабство. Въ 318 году до Р. Х., по распоряженію архонта Димитрія Фалерейскаго, произведено самое полнѣйшее исчисленіе: тогда сосчитаны были всѣ свободные мужчины (какъ граждане, такъ и метэки) и всѣ рабы, впрочемъ безъ различія пола (1).

Но изъ всѣхъ народовъ древности, никто не прилагаѣлъ столько попеченій и не употреблялъ столько мѣръ, чтобы узнать во всѣхъ подробностяхъ населеніе и движеніе его, какъ Римляне (2). Познаніе количества народонаселенія, какъ можно заключить изъ Саллюстія, входило даже въ общественное воспитаніе. Историки римскіе сохранили намъ много свѣдѣній относительно народосчисления, о способахъ, какими оно производилось, и о результатахъ, полученныхъ при ихъ помощи.

Почти отъ первыхъ временъ существованія Рима до вре-

(1) Böckh, Staatshaush. d. Athener, I. S. 34—40. Moreau de Jonnés, Statistique des peuples de l'antiquité, pp. 174—190.

(2) Рославскій—Петровскій, Руковод. къ Статист. Харьковъ, 1857 г. стр. 36.

мень императора Веспасіана намъ извѣстны результаты 36 народныхъ переписей въ римскихъ владѣніяхъ. Итоги, полученные этими переписями, сохранены намъ Діонисіемъ Галикарнасскимъ, Титомъ-Ливіемъ и Евсевіемъ, и хотя они не всегда согласны у этихъ трехъ писателей, тѣмъ не менѣе, взаимно по-вѣряемые, представляютъ весьма важныя статистическія данныя (1). Установленіе пятилѣтняго ценса, или исчисленіе гражданъ и цѣнности ихъ имущества, относятъ къ царствованію Сервія-Тулія, которому приписывается также и учрежденіе особыхъ метрическихъ контролей. Съ тѣхъ поръ заведено было каждое рожденіе заявлять вносомъ монеты въ храмъ Юноны-Луцины, какъ при каждомъ смертномъ случаѣ вносилась монета въ храмъ богини Любитины; а въ храмъ Ювенты (юности) приносилась монета, когда отрокъ надѣвалъ впервые одежду мужа (*toga virilis*). При переписяхъ глава каждого семейства сообщалъ ценсорамъ число дѣтей, достигшихъ отрочества, и вмѣстѣ опредѣлялъ свое имущество. Въ списки вносились имя, полъ и званіе каждого гражданина. Во времена имперіи, записывали также и возрастъ женщинъ, дѣтей, отпущенниковъ, рабовъ. Цицеронъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ (2), что эти списки содержали въ себѣ подробное исчисленіе гражданъ, ихъ дѣтей, рабовъ, скота, имущества и вмѣстѣ показаніе возраста каждого члена семейства. Въ одну изъ подобныхъ переписей, по свидѣтельству евангелиста Луки, вошелъ и Сынъ Божій, Иисусъ Христосъ (3). Эта перепись, происходившая въ годъ Рождества Христова, какъ видно, имѣла основаніемъ исчисленіе населенія приписнаго, а не дѣйствительнаго. «Идаху вси написатися *кождо во свой градъ*: взыде же и Іосифъ *отъ Галилеи, изъ града Назарета, во Іудею, во градъ Давидовъ, иже нарицается Вифлемъ, зане быти ему отъ дому и отчества Давидова.*» По всей вѣроятности, и всѣ другія ревизіи имѣли такой же характеръ: разсматривали населеніе по отношенію каждаго лица къ мѣсту приписки главы семейства или рода.

Изъ записокъ Цезаря (4) мы узнаемъ, что переписи произ-

(1) См. *Moreau de Jonnès*, *Statistique des peuples de l'antiquité*, pp. 361—370.

(2) *De legibus*, III, 3.

(3) Луки, II, 1—5. «Бысть же во дни тѣя, изыде повелѣніе отъ кесаря Августа написати всю вселенную... И идаху вси написатися *кождо во свой градъ...*» и проч.

(4) *Comment.* I, 5, 7.

водились и у нѣкоторыхъ варваровъ. Овладевъ лагеремъ Гельветовъ, Цезарь нашелъ въ немъ поименные списки двухъ родовъ: въ одномъ исчислены были воины, въ другомъ — старики, женщины и дѣти.

Послѣ паденія Западной Римской имперіи, въ первыя поры у нѣкоторыхъ народовъ еще встрѣчаются слѣды правительственныхъ предпріятій, заставляющихъ предполагать существованіе народныхъ переписей.

Но съ наступленіемъ мрачнаго періода среднихъ вѣковъ, при неустойчивѣ цѣлой Европы послѣ великаго движенія народовъ, съ водвореніемъ феодальной системы, раздробившей землю на множество свѣтскихъ и духовныхъ леновъ, при постоянно враждебныхъ отношеніяхъ между всѣми этими новыми обществами, — мы замѣчаемъ въ теченіе многихъ вѣковъ совершенный недостатокъ свѣдѣній о народонаселеніяхъ. Аналогически можно заключить, что и въ ту смутную пору не была забываема эта важная правительственная мѣра, тѣмъ болѣе, что тогда же производились нѣкоторыя другія, не менѣе важныя, статистическія операціи, предпринимаемыя съ разными финансовыми цѣлями, какъ на примѣръ переписи земель государственныхъ и частныхъ, исчисленіе податей, повинностей и т. п. Говоримъ: «можно заключать»; но какъ не имѣемъ достаточно данныхъ для положительнаго утвержденія такой догадки, то и пропустимъ весь длинный промежутокъ среднихъ вѣковъ, и остановимся на способахъ народосчисления въ важнѣйшихъ новыхъ государствахъ Европы, и затѣмъ изложимъ исторію народныхъ ревизій въ нашемъ отечествѣ (1).

Вообще должно замѣтить, что народосчисленіе въ древности производилось по инымъ началамъ, нежели нынѣ. Тогда ревизія населенія имѣла цѣлью не болѣе, какъ составленіе списковъ лицъ, на которыхъ государство могло разсчитывать въ военное время. А какъ обязанность носить оружіе и защищать

(1) Краткій очеркъ народосчисленій въ различныхъ государствахъ помѣстилъ Легуа въ *Journal des économistes*, 1846, vol. XV, pp. 159—173, 247—265. Du recensement de la population, par A. Legoyt. Но болѣе важныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ заключаются въ отчетахъ брюссельскаго и парижскаго статистическихъ конгрессовъ. *Compte rendu. Bruxelles*, 1853, in 4°, p. 220. *Paris*, 1856, in 4°, XL, 542.—Также г. Вернадская, Историческій очеркъ практической статистики, стр. 32—43.

отечество лежала только на гражданахъ, то рабы обоого пола почти никогда не были исчисляемы. У народовъ новѣйшихъ въ основаніе при народныхъ переписяхъ первоначально была положена финансовая, фискальная цѣль: платежъ податей, и проч. Поэтому въ ревизіяхъ поименное и точное исчисленіе распространялось сначала на одни низшіе классы населенія, на которыхъ лежали эти повинности. Классы привилегированные, какъ духовенство, дворянство и т. п., вносились въ ревизію только въ общихъ итогахъ, и то для одного счета. Нужно было пройти многимъ столѣтіямъ, чтобы государства пришли къ убѣжденію, что должно изучать народонаселеніе страны во всѣхъ разнообразныхъ явленіяхъ его общественнаго развитія и государственнаго устройства. Съ этою цѣлю населеніе исчисляется теперь въ большей части странъ Европы по полу и возрасту каждого лица, по его семейному и общественному положенію, по мѣсту жительства въ городахъ и селеніяхъ, по распредѣленію въ семействахъ и домахъ и по числу лицъ въ различныхъ участкахъ, на какіе раздѣляется страна въ томъ или иномъ административномъ отношеніи. Разсматриваютъ также населеніе въ отношеніи къ племенному происхожденію и въ отношеніи къ вѣроисповѣданію.

Но до такого сознанія можно было дойти только по истеченіи многихъ вѣковъ, по приобрѣтеніи глубокой опытности въ дѣлѣ народоуправленія, при соединенныхъ усиліяхъ государственныхъ практиковъ и служителей науки.

Въ *Англіи*, съ начала прошедшаго столѣтія, принято за правило производить народную перепись черезъ десять лѣтъ. Такимъ образомъ, съ 1701 года и по настоящее время, было 16 ревизій. Перечисленіе производится поименное, съ обозначеніемъ возраста и званія каждого лица. Такъ какъ въ *Англіи* ревизская цифра населенія не служитъ мѣриломъ для распредѣленія общественныхъ повинностей и налоговъ, кромѣ набора милиціи, что случается не часто, то производство ревизіи не встрѣчаетъ тамъ никакого противодѣйствія въ различныхъ классахъ общества, и совершается очень удобно. При всемъ томъ, неисправное веденіе метрикъ постоянно служить препятствіемъ при точномъ опредѣленіи возрастовъ. Рикманъ, производившій ревизіи въ *Англіи* съ 1801 по 1831 годъ, сознавался, что онъ никогда не могъ дать положительныхъ показаній о возрастѣ своей жены и ея служанки, которыя, по свойственной женщинамъ страсти, утаивали свои годы. Давно замѣченная неисправность и неполнота мет-

рикъ, которыя составлялись въ Англіи духовенствомъ, побудили правительство въ 1834 году учредить при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особое вѣдомство — General Registry. въ обязанность котораго вмѣнено сосчитывать во всемъ королевствѣ рожденія, браки и смерти во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ и сословіяхъ, и представлять парламенту. Въ 1851 г. народная перепись произведена была главнымъ регистраторомъ Грамомъ (Graham), при помощи Уильяма Фарра (W. Farr) и Манна (Mann), по бельгійскому способу, повсемѣстно въ одинъ, заранее назначенный день (à jour fixe) — 31-го марта 1851 года. Несмотря на то, что население Великобританіи разсѣяно на 175 островахъ, кромѣ Соединеннаго Королевства, и притомъ около половины его размѣщается въ 815 городахъ. между которыми въ одномъ Лондонѣ заключалось 2,362,226 душъ, — ревизія произведена была весьма успѣшно. Для этого все государство было раздѣлено на 38,997 такихъ участковъ, какіе безъ большихъ затрудненій можетъ изслѣдовать въ теченіе дня одинъ человекъ. Въ каждый домъ самому домохозяину или главному жильцу заранее розданы были печатныя таблицы, въ которыхъ обязаны они были показать: 1) названіе дома, прихода или деревни; 2) названіе улицы или квартала и № дома; 3) имя и прозваніе каждаго лица, проведеншаго въ домъ ночь съ 30-го на 31-е марта; при чемъ показать полъ, возрастъ, семейное состояніе, родственную связь съ главою семейства, званіе, должность или занятіе и средства существованія, мѣсто рожденія, и наконецъ отмѣтить особо глухонѣмыхъ и слѣпыхъ. Чиновникамъ, производившимъ перепись, поручено было принять мѣры къ исчисленію всѣхъ лицъ, какъ проведенныхъ упомянутую ночь на судахъ, баркахъ, лодкахъ, стоявшихъ въ рѣкахъ и каналахъ, такъ и находившихся въ рудникахъ, каменоломняхъ, житницахъ и другихъ хозяйственныхъ строеніяхъ, и даже на открытомъ воздухѣ. Равномѣрно велѣно было узнать имена лицъ, бывшихъ въ колоніи или временно находившихся за границею. Свѣдѣнія о числѣ войскъ получены были отъ начальниковъ. Независимо отъ этихъ обязательныхъ данныхъ, ревизорами собраны были еще слѣдующія свѣдѣнія: 1) о числѣ церквей и другихъ молитвенныхъ зданій и числѣ слушавшихъ службу 30 го марта (которое приходилось въ воскресенье), и другія подробности (1);

(1) Фарръ, одинъ изъ главныхъ участниковъ производства этой ревизіи, на статистическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ замѣтилъ объ этомъ:

2) о числѣ различныхъ учебныхъ заведеній и числѣ учениковъ, посѣщавшихъ заведенія въ день 31-го марта, а также о системахъ ученія и проч. Всѣ эти свѣдѣнія, какъ сказано, собраны были въ одинъ день; въ теченіе недѣли (къ 8-му апрѣля) повѣрены и сведены въ общіе списки по каждому участку; къ 22-му апрѣля, общіе списки представлены въ окружныя регистратуры, гдѣ снова повѣрены, сведены въ списки по округамъ, и въ концѣ мая представлены въ General Registry, которое и начало ихъ обнародованіе съ 7-го іюня. Такимъ образомъ итогъ полнаго населенія Великобританіи съ островами, раскинутыми на пространствѣ 11° по широтѣ и 40° по долготѣ, полученъ былъ правительствомъ въ теченіе шестидесяти восьми дней. Въ обнародованныхъ результатахъ этой ревизіи наибольшую важность имѣютъ таблицы, представляющія распредѣленіе жителей обоихъ половъ по возрастамъ и по семейному значенію въ каждомъ графствѣ и округѣ. Есть также особыя исчисленія занятій мужчинъ съ двадцатилѣтняго возраста. Въ Ирландіи собраны были еще большія подробности. — Нельзя не замѣтить того, что въ Англіи за каждое не точное показаніе въ ревизіи домохозяинъ или глава семейства, по закону, подвергается пени отъ 40 шиллинговъ до 5 фунтовъ (отъ 12 до 30 руб. сер.). Такому же взысканію подлежитъ и небрежный ревизоръ. Впрочемъ повѣрка полноты и точности ревизскихъ сказокъ тамъ не представляетъ большихъ затрудненій: полицейскіе служители (watchmen) всегда знаютъ всѣхъ жителей своего участка (квартала или улицы). Что же касается списковъ метрическихъ, служащихъ важнымъ мѣриломъ вѣрности народныхъ переписей и единственнымъ источникомъ изученія ежегоднаго движенія населенія, то, несмотря на учрежденіе въ Англіи спеціального вѣдомства по этой части — General Register Office, съ подчиненными ему окружными регистратурами, они не отличаются надлежащею точностью и полнотой. Въ отчетѣ 1844 г., General Registry прямо сознается, что ежегодно пропускаются многія тысячи рожденій. То же подтвердилъ и У. Фарръ, депутатъ англійскаго правительства на статистическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ, присовокупивъ къ тому, что въ Шотландіи и Ирландіи метрики ведутся до того неисправно, что ихъ нельзя на-

«On pensa que ce relevé aurait une valeur plus grande qu'un tableau où l'on indiquerait le nombre des personnes qui se declareraient appartenir aux diverses églises ou sectes religieuses.» Compte rendu de Bruxelles, p. 38.

звать и существующими (1). Главную причину этой неточности метрику полагаютъ въ томъ, что объявленіе о рожденіяхъ, бракахъ и смертныхъ случаяхъ въ Англіи не обязательно, какъ во Франціи, и что за необъявленіе не полагается никакого взысканія.

Во Франціи общая народная перепись произведена въ первый разъ въ царствованіе Лудовика XIV, въ 1689 году, по плану, составленному Кольберомъ и исправленному Вобаномъ. Результаты ея были изданы въ послѣдствіи, въ 1720 году. Послѣ того были еще ревизіи въ 1762 и 1784 годахъ. Послѣдняя выведена была извѣстнымъ Неккеромъ искусственно, на основаніи отношенія рожденій къ населенію; это отношеніе Неккеръ принималъ какъ 1 : 25,75. Во всѣхъ тогдашнихъ ревизіяхъ принималось населеніе приписное, съ показаніемъ семейнаго состоянія, занятій и должностей, числа семействъ и домовъ. Со времени революціи, когда населеніе принято было за основаніе при избраніяхъ, и когда многія мѣстности, желая имѣть большее число представителей, умышленно увеличили число своихъ жителей, необходимость точнѣйшаго знанія числа жителей почувствовалась сильнѣе. Ревизіи стали производиться чаще, именно черезъ пятилѣтіе промежутки, однако не всегда съ надлежащею точностью; потому что эта операція, кажется, нигдѣ не встрѣчала себѣ столько препятствій со стороны народа, какъ во Франціи. Изъ двѣнадцати ревизій, произведенныхъ во Франціи съ начала нынѣшняго столѣтія, только три послѣднія (1846, 1851, 1856) могутъ назваться болѣе совершенными, какъ по своей точности, такъ и по болѣшимъ подробностямъ. Самыя худшія были въ 1811 и 1826 годахъ: въ оба эти раза правительство, напуганное противодѣйствіемъ общественнаго мнѣнія, не осмѣлилось произвести настоящей ревизіи, и пыталось вывести общую цифру населенія помощію искусственныхъ вычисленій. Въ 1836 году, ревизія, предпринятая и обдуманная весьма хорошо, выполнена была очень неудачно, и весь неуспѣхъ ея, по словамъ Морё-де-Жоннеса (2), зависѣлъ отъ описки, умышленно или неумышленно сдѣланной въ министерскомъ циркулярѣ: вмѣсто населенія наличнаго (*le domicile de fait*), какъ предполагалось, исчислено было, по прежнему, населеніе приписное (*le domicile de droit*), и вслѣд-

(1) «... est si défectueux qu'on ne saurait dire, à proprement parler, qu'il y existe.» *Compte rendu de Bruxelles*, p. 39.

(2) *Éléments de la statistique*, p. 75.

ствіе этого всѣ находящіеся въ отлучкѣ, даже въ другихъ полупаріяхъ, показаны были какъ находящіеся налицо. При наступленіи новой ревизіи въ 1841 году, приняты были всѣ мѣры къ исчисленію населенія по дѣйствительной наличности; однако и въ эту пору встрѣчены были разныя затрудненія, въ особенности потому, что одновременно съ переписью народа предприняты были разныя финансовыя вычисленія, и противники новаго порядка распространили мнѣніе, что сообразно съ числомъ наличнаго населенія увеличены будутъ разныя городскія повинности. Въ 1846 году, по примѣру Бельгіи, предпринято производить ревизію въ одинъ, заранее назначенный день, преимущественно въ апрѣлѣ: ревизія дѣлается поименная, съ означеніемъ возраста, семейнаго состоянія, занятій каждаго лица, и населеніе распределяется по домамъ, кварталамъ, деревнямъ, общинамъ. Кроме того, велѣно отмѣчать нищихъ и бѣдныхъ, сумашедшихъ, глухонемыхъ, слѣпыхъ и подкидышей. Метрики во Франціи ведутся гражданскими чиновниками, и довольно исправно; однако ежегодныя выписки о движеніи населенія, служащія пособіемъ при повѣркѣ ревизій, весьма неполны, какъ заявляетъ Летуа, выѣзжавшій начальникъ главнаго статистическаго бюро во Франціи (1).

Въ Австріи народныя переписи имѣютъ двоякую цѣль: изображеніе успѣховъ населенія и полученіе основаній для распределенія рекрутства. Правильныя народныя переписи начались съ 1754 года. Императоръ Іосифъ II распространилъ въ 1787 году правила ревизіи и на Венгрію. При всемъ томъ образъ народонасчисленія до 1804 года подвергался различнымъ измѣненіямъ, потому что этого требовала разноплеменность населенія австрійскихъ владѣній. Такимъ образомъ въ Венгріи, Трансильваніи и Тироли при переписяхъ ограничивались только простымъ показаніемъ числа жителей, раздѣленныхъ по поламъ, но безъ всякихъ указаній ихъ возраста и занятій. Нынѣ перепись въ австрійскихъ владѣніяхъ производится черезъ три года. Населеніе разсматривается по поламъ, сословіямъ и возрастамъ съ подраздѣленіемъ на городское и сельское; кроме того исчисляются дома и хозяйства. Метрики ведутся духовенствомъ. Ежегодныя выписки изъ нихъ представляютъ рожденія по поламъ и вѣрности; браки—по возрастамъ, семейному состоянію и вѣроисповѣданію супруговъ; умершихъ—по поламъ, возрасту и религіи умер-

(1) Journal des Économistes, 1846, vol. XV, p. 250.

шихъ ; мертворожденные показываются особо. Зато эти же самыя выписки содержать въ себѣ весьма тщательно обработанный отдѣлъ о переселеніяхъ жителей , съ показаніемъ пола и занятій. Подобныхъ свѣдѣній не собирается ни въ одномъ государствѣ , хотя важность ихъ уже признана наукою.

Въ Пруссіи заботливыя изслѣдованія о народонаселеніи начались уже довольно давно. Еще Фридрихъ Вильгельмъ I старался опредѣлить съ точностію народонаселеніе, впрочемъ не ревизією, а вычисленіями. Фридрихъ Вильгельмъ II продолжалъ это дѣло, и такимъ образомъ въ Пруссіи съ 1748 года почти за каждый годъ есть свѣдѣнія о населеніи , съ раздѣленіемъ его на городское и сельское. Въ 1805 году , при Фридрихѣ Вильгельмѣ III, въ особенности заботами знаменитаго барона Штейна , учреждено въ Берлинѣ самостоятельное статистическое бюро , обязанное собирать разныя статистическія свѣдѣнія и преимущественно о состояніи и движеніи народонаселенія. По инструкціямъ этого бюро и подъ его наблюденіемъ производятся и народныя переписи , для которыхъ , со времени образованія въ 1834 году Таможеннаго Германскаго Союза (Zollverein), опредѣленъ трехлѣтній періодъ. Перепись производится обыкновенно въ декабрѣ , по печатнымъ формамъ и таблицамъ , мѣстными полицейскими чиновниками, подъ наблюденіемъ ландратовъ. Собранныя свѣдѣнія , повѣренныя и распределенныя на извѣстные классы, представляются черезъ ландратовъ въ окружныя правленія, которыя опять повѣряютъ и классифицируютъ ихъ , а въ случаѣ надобности и дополняютъ , и затѣмъ пересылаютъ въ статистическое бюро , которое подвергаетъ ихъ окончательному контролю и редакціи, и немедленно публикуетъ результаты. Такимъ образомъ точность ревизій доведена до возможнаго совершенства. Въ ревизію каждый записывается тамъ , гдѣ онъ находился въ моментъ ея производства ; впрочемъ условіе это не распространяется на временно-проживающихъ въ гостинницахъ. Подробности, съ какими распределяется населеніе въ таблицахъ по возрастамъ и поламъ , обнимаютъ 25 пунктовъ. Такъ напримѣръ дѣти раздѣляются на три разряда : 5, 7 и 9 лѣтъ. Основаніемъ для этихъ разрядовъ служитъ то, что въ Пруссіи родители обязаны воспитывать дѣтей, какъ скоро исполнится имъ пять лѣтъ, и что по законамъ гражданскимъ дѣти девятилѣтняго возраста подвергаются отвѣтственности за свои поступки. Затѣмъ особо исчисляются мальчики и дѣвочки 15 и 16 лѣтъ, потому что съ шестнадцатилѣтняго возраста подлежатъ всѣ

податному окладу, а мальчики съ этого періода распределяются на извѣстныя категоріи въ отношеніи къ военной службѣ. Въ распределеніи женщинъ принимаются во вниманіе періоды ихъ плодородія (45 лѣтъ) и дряхлости. Шесть особыхъ разрядовъ полагается для распределенія по вѣроисповѣданіямъ. Точно также въ подробностяхъ разсматривается и семейное состояніе. Кромѣ того особо распределяются слѣпые и глухонѣмые по возрастамъ и поламъ съ присоединеніемъ замѣчаній о возможности исцѣленія и степени умственныхъ способностей этихъ несчастливцевъ. Сверхъ всего этого, при ревизіи населенія, тѣми же самыми лицами собираются свѣдѣнія о количествѣ жилыхъ домовъ и вообще зданій всякаго рода и о количествѣ домашнихъ животныхъ. Независимо отъ народныхъ переписей, прусское правительство ежегодно составляетъ таблицы о движеніи народонаселенія, въ которыхъ родившіеся распределяются по поламъ и законности; мертворожденные также означаются; умершіе распределяются по поламъ, возрастамъ и причинамъ смерти; особенное различіе дѣлается въ умершихъ дѣтяхъ законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ; бракосочетавшіеся также раздѣляются по возрастамъ.

Основные положенія прусскихъ народныхъ переписей приняты во всѣхъ *двѣнадцати германскихъ государствахъ, составляющихъ Таможенный Союзъ*, главою котораго признается Пруссія (1). Результаты народныхъ переписей передаются въ берлинское статистическое бюро, которое составляетъ и печатаетъ сводъ, разсылая экземпляры его каждому союзному государству. На основаніи этихъ результатовъ народоисчисленія, распределяются между государствами таможенные доходы. Въ частныхъ изслѣдованіяхъ о ежегодномъ движеніи народонаселенія въ этихъ государствахъ, замѣчается болѣе различія въ подробностяхъ. Такъ въ Ганноверѣ, считающемъ себя колыбелью статистики,

(1) Къ Союзу этому принадлежать: 1) Пруссія вмѣстѣ съ великимъ герцогствомъ Люксембургомъ, герцогствами Ангальтскими: Дессау, Кеттенъ и Бернбургъ, и княжествами Липпе и Вальдекъ; 2) Баварія, 3) Саксонія, 4) Ганноверъ съ княжествомъ Шаумбургъ-Липпе; 5) Виртембергъ, 6) великое герцогство Баденское, 7) курфюршество Гессенъ-Кассельское; 8) великое герцогство Гессенское съ ландграфствомъ Гессенъ-Гомбургскимъ, 9) Союзъ Тюрингскій — Thüringischer Handels- und Zollverein, состоящій изъ одиннадцати членовъ; 10) великое герцогство Ольденбургское, 11) герцогство Брауншвейгъ-Вольфенбюттель и 12) герцогство Нассау съ вольнымъ городомъ Франкфуртомъ.

эти отчеты не отличаются какими-нибудь особенными подробностями. Въ Баваріи, напротивъ, принято нѣсколько особенностей: на примѣръ при бракахъ показывается, кромѣ возраста, вѣроисповѣданіе и семейное состояніе сочetaвшихся; отмѣчаются особо разводы; а умершіе въ каждомъ полѣ раздѣляются только на два разряда: моложе и старше 14 лѣтъ, считая этотъ возрастъ періодомъ возмужалости. Въ Саксоніи, сверхъ общепринятыхъ показаній, отмѣчаются при рожденіяхъ двойни и вообще плодущіе роды; умершіе распределяются по возрастамъ и по мѣсяцамъ года (1).

Въ Гамбургѣ народоисчисленіе производится черезъ каждые шесть мѣсяцевъ. Такіе краткіе промежутки приняты для того, что на основаніи этихъ ревизій распределяются городскія повинности и обязанность гарнизонной службы. Докторъ Ашеръ, бывшій депутатомъ отъ Гамбурга на парижскомъ статистическомъ конгрессѣ, сознавался, что результаты этихъ ревизій вообще весьма невѣрны. По его мнѣнію они постоянно на 20% ниже истины (2). Таково же состояніе свѣдѣній о населеніи въ Любекѣ и Бременѣ. Франкфуртъ, въ соединеніи съ герцогствомъ Нассау, принадлежитъ къ Таможенному Союзу, и народная перепись производится тамъ одновременно съ другими государствами этого Союза.

Въ Швеціи изслѣдованія о населеніи начались еще съ XVII столѣтія. Уже въ 1686 году, когда веденіе метрику возложено на духовенство, составлены были особые правила относительно подробностей, какія должно соблюдать при записываніи рожденій, браковъ и смертей, переселеній, а равно домовъ и хозяйствъ и т. п. При Карлѣ XII, по случаю войнъ и эпидемій, поручено было изслѣдовать вліяніе этихъ обстоятельствъ на успѣхи народонаселенія. Въ 1746 году стокгольмская академія наукъ въ первый разъ исчислила по приходскимъ спискамъ общее число жителей въ государствѣ, и въ то же время составила новыя весьма подробныя формы для собиранія свѣдѣній о состояніи и движеніи населенія. Съ 1756 года учреждена особая статистическая коммиссія народонаселенія (Tabell-Commission), членами которой

(1) Замѣтимъ, что саксонское правительство въ послѣднее время издало богатѣйшіе матеріалы о движеніи населенія. Таковы: Statistische Mittheil. aus dem Königreich Sachsen etc. Dresden 1849—1853. in 4° 3 voll. Die Bewegung der Bevölkerung etc... Dresden. 1852. 4°.

(2) Comptes rendus de Paris. p. 230.

начальники главныхъ частей управления и академики. Но всѣ свѣдѣнія о народонаселеніи признаваемы были государственною тайною и не обнародовались. Съ 1762 года дозволено было академіи наукъ печатать извлеченія изъ отчетовъ о движеніи населенія; а свѣдѣнія о числѣ жителей начали обнародоваться только съ 1810 года. Въ настоящее время въ Швеціи производится ревизіи черезъ десять лѣтъ. Въ сказкахъ каждый глава семейства исчисляетъ всѣхъ членовъ семейства съ показаніемъ ихъ пола, возраста и занятій. Эти сказки собираются въ ноябрѣ, въ городахъ — полиціею, въ селахъ — пасторами. Въ общихъ сводахъ жители распределяются по сословіямъ: дворянство, духовенство, чиновники и владѣльцы не изъ дворянъ, граждане, крестьяне. Сверхъ того, особый отдѣлъ назначенъ для Евреевъ, а другой для всѣхъ тѣхъ, которые не подходятъ подъ первые разряды, какъ-то: солдаты, матросы, слуги, разные рабочіе. Въ каждомъ разрядѣ соблюдается еще распределение по возрастамъ. Кромѣ того означается число семействъ и лицъ, составляющихъ оныя, и средства ихъ существованія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи принимаются три категоріи: 1) семейства и лица, имѣющія болѣе нежели необходимое; 2) имѣющія только необходимое, и наконецъ 3) не имѣющія необходимаго и живущія при помощи другихъ. Метрики и ежегодныя изъ нихъ выписки, какъ замѣчено выше, отличаются нѣкоторыми особенностями. Отдѣлъ рожденій содержитъ въ себѣ не только обычныя показанія пола младенцевъ и законности ихъ, съ особымъ отдѣломъ мертворожденныхъ внѣ брака и въ брачномъ состояніи, но также и показаніе возраста матери въ моментъ ея разрѣшенія. Роды раздѣляются на совершившіеся при обстоятельствахъ благопріятныхъ, среднихъ и неблагопріятныхъ. Умершіе распределяются по поламъ, возрастамъ, семейному состоянію и по причинамъ смерти; кромѣ того дѣлается различіе между умершими въ городахъ и въ селеніяхъ и между законными и незаконными дѣтьми; умершіе въ больницахъ и другихъ заведеніяхъ показываются особо. Сверхъ всего этого присоединяются свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ въ разное время года. Вообще должно замѣтить, что въ Швеціи изслѣдованія о народонаселеніи отличаются ученымъ характеромъ, что, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ того, что всѣ статистическія операціи съ раннихъ поръ предпринимались тамъ подъ вліяніемъ академіи наукъ.

Въ *Норвегіи* народныя переписи производятся также черезъ десять лѣтъ, въ одно время съ ревизіею въ Швеціи. Въѣсть

съ этимъ соединяется и исчисленіе количества домашняго скота, хлѣбныхъ произведеній и картофеля. Цѣль такой двойной операціи есть опредѣленіе отношенія имущества къ населенію. Въ сказкахъ жители раздѣляются на горожанъ и поселянъ съ показаніемъ пола, семейнаго состоянія, возраста и занятій. Норвежское статистическое бюро извлекаетъ въ формѣ таблицъ результаты народной переписи съ присоединеніемъ свѣдѣній о движеніи народонаселенія вообще. Эти послѣднія менѣе дробны, нежели въ Швеціи.

Въ *Даніи* назадъ тому двадцать лѣтъ не существовало вовсе официальной статистики, потому что правительство не любило, чтобы публика знала что-нибудь о дѣлахъ управленія. Но съ тѣхъ поръ, какъ введена въ провинціяхъ представительная система, почувствовали необходимость статистики: увидѣли, что народные выборные всеконечно не могутъ высказывать свои мнѣнія о состояніи дѣлъ, не имѣя понятія о нихъ. Вслѣдствіе этого въ 1833 году учреждена въ Копенгагенѣ центральная статистическая коммиссія, которая обязана издавать въ таблицахъ свѣдѣнія о состояніи государства; въ 1849 году коммиссія преобразована въ болѣе-обширное бюро. Съ этого времени, свѣдѣнія о состояніи и движеніи народонаселенія получили болѣе точности и гласности. Народныя переписи въ Даніи начались съ 1769 года; производятся обыкновенно въ февралѣ, но не всегда черезъ одинаковое число лѣтъ. Перепись бываетъ поименная, съ показаніемъ пола и возраста. Въ движеніи населенія сверхъ общепринятыхъ свѣдѣній показываются въ рожденіяхъ двойни и тройни; въ бракахъ означается семейное состояніе сочетавшихся; умершіе распределяются помѣсячно съ показаніемъ семейнаго состоянія, а въ мертворожденныхъ различаются законные и незаконные.

Въ *Нидерландахъ* народныя ревизіи производятся также черезъ неопредѣленные сроки, однако близкіе къ десятилѣтнимъ. Ревизія 1829 года произведена была статистическимъ бюро; а въ 1840—губернаторами. При этомъ исчислены были дома и семейства, а лица означались съ показаніемъ пола, возраста, семейнаго состоянія и вѣроисповѣданія. Въ 1849 совершена перепись также статистическимъ бюро министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ основаніе ея приняты были главные правила бельгійскаго народоисчисленія; но свѣдѣнія о земледѣліи и промышленности были совершенно исключены. Результаты ревизій были изданы. Мѣтрическія свѣдѣнія о движеніи населенія состоятъ изъ общепри-

нятыхъ данныхъ. Первое статистическое бюро (основанное въ 1826 году) преимущественно занималось изслѣдованіемъ этого предмета, собирая всѣ существующіе документы о рожденіяхъ, бракахъ и умершихъ съ 1804 года, а по нѣкоторымъ мѣстамъ и еще ранѣе. Большая часть этихъ свѣдѣній издаваема была въ особомъ «Ежегодникѣ».

Въ Бельіи, до отдѣленія ея отъ Нидерландовъ, народныя переписи производились черезъ пятилѣтніе промежутки и по различнымъ способамъ (1). Первая правильная ревизія совершена была въ 1784 году. Какъ только Бельгія отдѣлилась, то новое правительство старалось установить болѣе, положительныя правила для народоисчисленія. Съ этою преимущественно цѣлью и было учреждено въ 1831 году статистическое бюро, преобразованное въ 1841 году въ центральную комиссію, президентомъ которой знаменитый Кетле. Трудамъ и заботливости этого ученаго, и его дѣятельныхъ сочленовъ, каковы Вишерсъ, Дюкпесіо, Партоусъ (Partoes) и Гѣшлингъ, при общемъ сочувствіи всѣхъ начальствующихъ лицъ и самого короля, наука народоисчисленія обязана новымъ своимъ направленіемъ, строго-систематическимъ и чрезвычайно обширнымъ въ подробностяхъ и примѣненіяхъ.—Послѣ многихъ соображеній о способахъ производить народную перепись, комиссія пришла къ убѣжденію, что исчисленіе должно быть поименное, что оно повсемѣстно должно совершиться въ одинъ и тотъ же день, и что при этомъ каждое лицо должно быть записано тамъ, гдѣ оно проведетъ ночь, предшествующую ревизіи, то-есть въ основаніе всего принято населеніе дѣйствительно наличное, а не приписное (*la population de fait ou de la résidence*). Но при этомъ положено различать три вида жительства: обычное или постоянное, временное—настоящей минуты и случайное (*la résidence habituelle, momentanée et de passage*). Не довѣряя возможности осуществленія однодневной переписи на всемъ пространствѣ государства, комиссія рѣшилась въ видѣ опыта, произвести по этому способу народоисчисленіе въ Брюсселѣ. Правительство утвердило эту мѣру. Тогда назначенъ былъ для ревизіи день 15-го марта 1842 года. За недѣлю до этого розданы были каждому домохозяину или главѣ семейства печатныя таб-

(1) О прежнихъ бельгійскихъ ревизіяхъ см. *Quetelet, sur les anciens recensemens de la population belge Bulletin de la Commission Centrale de statistique. Vol. III, p. 1—38.*

лицы, въ которыхъ обязаны были они, показавъ названіе улицы и № дома, сообщить о каждомъ жильцѣ слѣдующія свѣдѣнія: имя и прозваніе его, полъ, возрастъ, мѣсто рожденія, природный языкъ, вѣроисповѣданіе, семейное состояніе, занятіе или должность, пребываніе (постоянное, временное или случайное); сверхъ того особо отмѣтить дѣтей, обучающихся въ школахъ, и присоединить разныя другія замѣчанія, напримѣръ о тѣхъ, кто получаетъ пособіе отъ благотворительныхъ учреждений.

Училища, богадѣльни, больницы, казармы, тюрьмы, пріюты нищихъ и прочія заведенія, вмѣщающія въ себѣ цѣлыя корпораціи, исчислены особо; однако о каждомъ лицѣ показаны тѣ же свѣдѣнія, какія требуются отъ списковъ посемейныхъ. Въ такомъ видѣ произведена была перепись особыми чиновниками, выбранными коммиссіею и подъ ея главнымъ наблюденіемъ. По собраніи и повѣркѣ всѣхъ свѣдѣній, изъ нихъ составлены сводныя таблицы, въ которыхъ населеніе Брюсселя расположено по возрастамъ, по занятіямъ, въ отношеніи къ домамъ и хозяйствамъ. Въ другихъ же таблицахъ распределены дома по ихъ величинѣ и бѣдные (1). Успѣшное народоисчисленіе Брюсселя склонило бельгійское правительство произвести и общую народную перепись въ государствѣ по этому же способу. Къ тому времени уже во всѣхъ провинціяхъ открыты были провинціальныя статистическія коммиссіи, учрежденныя по образцу центральной. Перепись назначено было произвести 15-го октября 1846 года. Точно также заранее разосланы печатныя таблицы, въ которыхъ должно было вписать требуемыя свѣдѣнія, что возложено было на особыхъ ревизоровъ подъ наблюденіемъ мѣстныхъ коммиссій. Сверхъ того въ каждой общинѣ учреждены были особые суды, которые занимались повѣркою и пополненіемъ сказокъ и должны были вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать за дѣйствіями ревизоровъ, устранять всѣ препятствія, какія бы представились при производствѣ переписи. Въ префектурахъ повѣряемы были таблицы, полученныя отъ общинъ, и дѣлались своды. Вмѣстѣ съ этимъ, для большаго облегченія производства переписей будущихъ, вмѣнено въ обязанность въ каждой общинѣ составить поименные списки всѣхъ жителей общины (*le registre de population*), какъ находящихся на лицо, такъ

(1) См. Bulletin de la Commission Centrale de statistique. Vol. I, pp. 27—164: «Sur le recensement de la population de Bruxelles en 1842». par Quetelet.

и отсутствующихъ. Форма этихъ списковъ слѣдующая: на каждое хозяйство отдѣлена особая страница съ обозначеніемъ квартала, улицы и № дома. Для каждого лица опредѣлены графы: № по порядку, имя и прозваніе, занятіе или должность, мѣсто рожденія, возрастъ, семейное состояніе, время вступленія въ общину, мѣсто жительства передъ поступленіемъ въ общину, время смерти или выхода изъ общины съ обозначеніемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ и мѣста переселенія, измѣненіе въ семейномъ состояніи и время, въ какое оно произошло. Наконецъ, послѣдняя графа назначена для замѣчаній о лицахъ принадлежащихъ къ общинѣ, но находящихся въ войскахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ тюрьмахъ и т. п. Къ списку присоединяется алфавитный указатель. Веденіе списковъ возложено на бургомистровъ, а наблюденіе за ихъ исправностію поручено подпрефектамъ. Списки должны содержаться въ такой исправности, чтобы по нимъ во всякое время можно было видѣть составъ населенія со всѣми измѣненіями, происшедшими отъ рожденій, смертности, браковъ, перечисленій въ другія общины и проч. Вновь прибывающее въ общину лицо записывается не иначе, какъ по предъявленіи свидетельства о послѣднемъ мѣстѣ своего жительства, а иностранцы по паспортамъ. Какъ ни много улучшеній придумано комиссіей для болѣе точнаго и легкаго производства народныхъ переписей, она не остановилась на томъ, и на статистическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ предложила собравшимся представителямъ разныхъ державъ много новыхъ соображеній по этому предмету. Объ этихъ соображеніяхъ и объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, сдѣланныхъ на конгрессѣ парижскомъ, будетъ сказано ниже. Здѣсь же присовокупимъ только, что перепись въ Бельгіи производится черезъ десятилѣтніе промежутки, и что въ ежегодныхъ выпискахъ о движеніи населенія, родившіеся раздѣляются по поламъ и законности; бракосочетавшіеся—по возрастамъ, а умершіе только съ показаніемъ семейнаго состоянія.

Въ *Испаніи* безпрерывныя внутреннія волненія въ теченіе всего настоящаго столѣтія не позволили правительству произвести народную перепись. О переписяхъ прошедшаго вѣка (1787, 1797) подробности намъ не извѣстны. Въ 1841 году сдѣланы были нѣкоторыя распоряженія къ собранію полныхъ статистическихъ свѣдѣній объ *Испаніи*, однако существеннаго не состоялось ничего. Рамонъ-де-ла-Сагра, депутатъ испанскаго правительства на брюссельскомъ конгрессѣ, сообщилъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ очень дѣятельно занимается изысканіемъ спосо-

бовъ къ производству народной переписи, и что, быть-можетъ, близко то время, когда Европа получитъ удовлетворительныя свѣдѣнія о населеніи Испаніи и движеніи его (1).

Въ *Португаліи* съ 1834 года, когда введена была представительная форма правленія, произведены народныя переписи въ 1838, 1843, 1849, 1850, 1851. За основаніе принимается населеніе приписное. Сказки составляются или особыми чиновниками или самими главами семейства. Переписи повѣряются метриками; но эти послѣднія чрезвычайно не полны, потому что въ нихъ не вносятся дѣти мертворожденные и некрещенныя, а равно и браки съ иновѣрцами. Умершіе отмѣчаются точнѣе, потому что ихъ хоронятъ на общественныхъ кладбищахъ и не иначе какъ свѣдома мѣстнаго начальства, на основаніи свидѣтельства медика, удостовѣряющаго смерть и ея причину. Каждый мѣсяцъ эти разрѣшенія о похоронахъ, вмѣстѣ съ другими документами, представляются высшему начальству, и изъ нихъ составляются полныя вѣдомости. Давила, португальскій депутатъ на статистическихъ конгрессахъ, заявилъ однако, что все это въ непродолжительномъ времени получить новое устройство, тѣмъ болѣе, что уже предположено открыть центральную статистическую комиссію по образцу брюссельской (2).

Въ *Швейцаріи*, по ея раздѣленности и по самостоятельности каждой ея части, общая единовременная ревизія народонаселенія произведена была только однажды, въ 1837 году. Частныя же народныя переписи производятся въ каждомъ кантонѣ, и въ этомъ отношеніи кантонъ Цюрихскій можетъ гордиться тѣмъ, что тамъ поименныя переписи непрерывно восходятъ до половины XVII столѣтія, чего нѣтъ ни въ одномъ государствѣ. Точно такъ Женева отличается полнотою и точностію изслѣдованій о смертности. Въ послѣднее время предполагалось учредить въ Швейцаріи какъ центральную статистическую комиссію, такъ и частныя въ каждомъ кантонѣ (3).

О производствѣ народныхъ переписей въ государствахъ *итальянскихъ* подробныхъ свѣдѣній не имѣется, хотя многія данныя о состояніи и движеніи населенія и обнародованы. Между этими трудами наибольшее уваженіе заслуживаютъ труды Цуккани-

(1) Compt. rend. de Bruxelles... p. 33.

(2) Compt. rend. de Bruxelles, pp. 81—84.

(3) Compt. rend. de Bruxelles. p 37. De Paris, p. 230.

Орландини, представляющіе население герцогства Тосканскаго, распределенное по общинамъ, въ роисповѣданію, поламъ и по числу семействъ. Части Италіи, и ея острова, принадлежащія Австріи, Англіи, Франціи, въ главномъ подчиняются общему порядку собиранія статистическихъ свѣдѣній въ тѣхъ державахъ. Самостоятельныя же государства, въ настоящую пору, болѣе принимаютъ формы французской или бельгійской статистики, учреждаютъ у себя комиссіи и бюро, и стараются во всемъ подражать своимъ образцамъ (1). Народоисчисленіе въ Сардиніи отличается особенною точностію и полнотою свѣдѣній, собираемыхъ впрочемъ о населеніи приписномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ большей части Италіи скоро введена будетъ бельгійская система переписи.

Въ Греціи исчисленіе народа дѣлается черезъ три года. Оно производится одновременно приходскимъ духовенствомъ и особыми чиновниками общинъ, подъ отвѣтственностію меровъ. Формы для ревизіи издаетъ бюро общественной экономіи, учрежденное въ 1834 году при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Обыкновенно въ сказкахъ показывается полъ, возрастъ, семейное состояніе и занятіе или должность каждаго лица. Эти свѣдѣнія, собираемыя отдѣльно двумя разными вѣдомствами, представляются въ концѣ гола префектамъ, которые сравниваютъ ихъ между собою и въ случаѣ разнорѣчій предписываютъ мерамъ и священникамъ повѣрить и исправить ихъ по взаимному соглашенію. Если исчисленіе окажется неполнымъ, что случается рѣдко, то дѣлается вторичная перепись черезъ особыхъ чиновниковъ, насчетъ общинъ. По окончательной повѣркѣ всѣхъ собранныхъ свѣдѣній, префекты составляютъ сводныя таблицы населенія по городамъ и деревнямъ и представляютъ ихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ со всѣми документами, полученными отъ меровъ и священниковъ. Въ послѣдній разъ дѣлается повѣрка въ министерствѣ, и затѣмъ составляется перечневая вѣдомость всего населенія королевства съ раздѣленіемъ на общины, епархіи, юмархїи и другіе разряды; и печатается въ журналѣ правительства (2). Эта

(1) Въ этомъ отношеніи весьма любопытны льстивыя фразы, высказанныя сардинскимъ депутатомъ Бертини на конгрессѣ брюссельскомъ (Compt. rend. p. 35.) и особенно депутатомъ пармскимъ Шаліо въ Парижѣ (Compt. rend. pp. 232—234. Ср. также pp. 241—244, 246—247.)

(2) Спигиотакисъ, греческій депутатъ на парижскомъ статистическомъ конгрессѣ, въ числѣ многихъ статистическихъ таблицъ, представилъ конгрессу: 1) о населеніи Греціи 1821, 1832, 1842 и 1853 годовъ; и

самая таблица въ соображеніи съ ежегодными извлеченіями изъ метрикъ служить къ познанію движенія населенія Греціи. Относительно метрикъ предположены были нѣкоторыя преобразованія, однако не приведены въ исполненіе и доселѣ. Метрики ведутся священниками, которые выписки изъ нихъ доставляютъ мерамъ. Черезъ три мѣсяца, изъ этихъ свѣдѣній, меры составляютъ таблицу движенія населенія въ общинѣ и черезъ префектовъ представляютъ ее въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ метрикахъ при рожденіяхъ показывается полъ и законность младенца; объ умершихъ—полъ, возрастъ и случай смерти; при бракахъ показывается возрастъ сочетавшихся, и въ который разъ они вступаютъ въ бракъ; сверхъ того составляются особые списки глухонѣмыхъ и дряхлыхъ.

Въ *Сѣверо-Американскихъ Штатахъ* постановлено производить общую народную перепись черезъ каждыя десять лѣтъ. Первая совершена была въ 1790 году съ спеціальною цѣлью установленія основаній къ уравниванію налоговъ въ каждомъ штатѣ и въ избираніи представителей, потому что, по конституціи, по числу населенія штата опредѣляется и число членовъ конгресса. Первоначально исчисляли населеніе просто; но послѣ стали присоединять раздѣленіе по возрастамъ, происхожденію, особо отмѣчать учениковъ, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, идиотовъ и помѣшанныхъ, и сверхъ того нѣкоторыя свѣдѣнія о земледѣліи, мануфактурахъ и т. п. Перепись 1854 года произведена еще съ болѣе подробностями. Въ это время отдѣльно исчислены: 1) граждане свободные—съ означеніемъ пола, возраста, цвѣта, мѣста родины, степени образованія; особо сосчитаны земледѣльцы, глухонѣмые, слѣпые, сумашедшіе, идиоты, призываемые на общественный счетъ и осужденные; 2) невольники—съ означеніемъ пола, возраста и цвѣта, глухонѣмые, слѣпые, идиоты, сумашедшіе, находящіеся въ бѣгахъ, освобожденные; здѣсь же исчислены поименно и владѣльцы невольниковъ; 3) умершіе въ предшествовавшемъ ревизіи году съ показаніемъ пола, возраста, цвѣта, состоянія гражданского (свободный или невольникъ) и семейнаго, мѣсторожденія, занятія или должности, мѣсяца смерти, продолжительности болѣзни и причины смерти. Сверхъ того къ этому отдѣлу присоединены замѣчанія о почвѣ и

2) распределение жителей по сословіямъ и занятіямъ. *Ann. Compt. rend. de Paris.* p. 248 и 249.

климатъ разныхъ мѣстностей; 4) фермеры и плантаторы съ присовокупленіемъ многихъ подробностей о земледѣльческихъ произведеніяхъ; 5) заводчики и фабриканты, выдающіе произведеній не менѣе какъ на 500 долларовъ, съ показаніемъ качества, количества и цѣнности первоначальныхъ матеріаловъ и вырабатываемыхъ произведеній, свойствъ и силы дѣтелей механическихъ, гидравлическихъ, животныхъ, заработной платы; 6) виды и цѣнности имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ въ каждомъ округѣ и городѣ; школы и учащіеся въ нихъ; библіотеки, журналы, таксы, жалованье. Для производства этой переписи избрано было 3,276 чиновниковъ, спеціально къ тому приготовленныхъ. Несмотря на полноту и разнообразіе собранныхъ при этой переписи свѣдѣній, секретарь національнаго института Кеннеди, представляя конгрессу отчетъ, выразилъ желаніе, что необходимо сдѣлать еще большія улучшенія въ народоисчисленіи и по возможности привести его къ единообразію съ исчисленіями, дѣлаемыми въ государствахъ европейскихъ. Правительство, вполнѣ соглашаясь съ такимъ представленіемъ, опредѣлило отправить Кеннеди въ Европу для изученія способовъ народоисчисленія и примѣненія или полнаго введенія ихъ у себя. А между тѣмъ въ главныхъ основаніяхъ положено отнынѣ руководствоваться правилами ревизіи 1854 года. Надобно замѣтить, что, несмотря на громадное протяженіе владѣній Северо-Американскаго Союза и на разсѣянность жителей, перепись постоянно производится успѣшно. Этому въ нѣкоторой степени содѣйствуетъ и строгость законовъ противъ неточныхъ исполнителей переписи: 20 долларовъ полагается взысканія съ каждаго, кто къ назначенному времени не представитъ сказки о своемъ семействѣ, и до 200 долларовъ взыскивается съ чиновниковъ, производящихъ ревизію, если они представляютъ неисправные своды или замедляютъ ихъ представленіемъ. Присовокупимъ еще, что въ нѣкоторыхъ штатахъ, независимо отъ переписи общей для всего Союза, производятся еще частныя ревизіи, также черезъ десять лѣтъ, но расположенныя такъ, что они пересѣкаютъ промежутки общихъ ревизій черезъ пять лѣтъ.

Обращаясь къ современнымъ государствамъ Азіи, остановимся прежде всего на Китаѣ, представляющемъ поучительный примѣръ во многихъ отношеніяхъ.

Въ Китаѣ народоисчисленіе производилось во времена глубочайшей древности; но оно получило важное значеніе только со времени утвержденія династіи Чжоу, за 1122 г. до Рожде-

ства Христова. Правительство пришло къ убѣжденію, что спокойствіе и благоденствіе государства возможно утвердить, только узнавъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ число народа, такъ и его хозяйственное состояніе и самый образъ жизни. Съ этою цѣлью учреждены были въ каждомъ классѣ народа особенные чиновники, которые черезъ каждые три года производили общую именную перепись, съ показаніемъ пола, возраста и имущества каждого лица. При всемъ томъ народоисчисленіе было не полное, потому что въ перепись вносились только дѣти, у которыхъ начинали падать молочные зубы. Сказки писались на доскахъ, отчего и понынѣ онѣ въ Китаѣ называются банъ-цзи, то-есть «списки на доскахъ». Независимо отъ этихъ періодическихъ ревизій, земскіе начальники повѣряли списки ежегодно и представляли ихъ богдохану во время торжественнаго жертвоприношенія небу. Эти постановленія, возникшія за 3,000 лѣтъ до настоящаго времени, послужили образцомъ для производства народныхъ переписей и въ эпохи позднѣйшія. Съ тѣхъ поръ непрерывно производились въ Китаѣ народныя переписи, мало измѣненные въ основномъ своемъ началѣ. Такъ во время правленія династіи Хань (202—45 до Рождества Христова) всеобщую перепись принято было производить при вступленіи на престолъ новаго государя, чтобы видѣть результаты приращенія народонаселенія въ царствованіе предшественника. Должно однако замѣтить, что внутреннія смятенія постоянно препятствовали правильной переписи. Народъ, обремененный высокими податями, бродяжничалъ, укрываясь отъ переписи. И какъ эти налоги падали исключительно на обрабатывающихъ казенныя земли, то многіе приставали къ сильнымъ и богатымъ домамъ въ качествѣ слугъ. Всѣ правительства многочисленныхъ династій обращали на это много вниманія и употребляли разныя мѣры для прекращенія бродяжества и кабалы. Въ VI столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ, при династіи Суй, велѣно было внести въ перепись и всѣхъ укрывавшихся въ домахъ у вельможъ; за утайку и укрывательство опредѣлены строжайшія взысканія, а открывшему прописнаго давалось право представлять его въ службу вмѣсто себя. Кромѣ того убавлены и самыя подати. Полагались иногда сроки для возвращенія бѣглыхъ; а по истеченіи срока приписывали ихъ въ мѣстахъ укрывательства. Въ XI вѣкѣ династія Сунъ, желая прекратить бродяжество, вмѣнила въ обязанность земскимъ начальникамъ увѣщевать бродягъ оставаться на жительство и опредѣлила награду для тѣхъ чиновниковъ, которые въ своихъ округахъ

водворяли богѣ жителей; кабальныхъ выкупали, и строго преслѣдовали кабалившихъ. Но и эта мѣра не принесла пользы: окружные начальники, не заботясь о дѣйствительномъ водвореніи бродягъ, только въ отчетахъ своихъ показывали большее число семействъ или дворовъ, даже принуждая раздѣляться семейства. Еще позднѣе постановлено было, чтобы земскіе начальники составляли списки народа при вступленіи своемъ въ должность и передавали ихъ своимъ преемникамъ, которые, сравнивая ихъ съ своею ревизією, судили объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ предшественника относительно водворенія бродягъ. Тогда чиновники стали вносить и малолѣтнихъ въ списки взрослыхъ, обязанныхъ нести повинности, и довели народъ до того, что родители сами начали умерщвлять новорожденныхъ, лишь бы избавиться отъ платежа новыхъ податей. Въ XIV вѣкѣ, при династїи Минъ, восстановлено древнее обыкновеніе подносить ежегодно государю списки населенія въ церемонію жертвоприношенія небу и положено производить всеобщую перепись черезъ десять лѣтъ. Но и въ эту пору народонисчисленіе дѣлалось весьма несовершенно, чему доказательство мы имѣемъ въ странныхъ колебаніяхъ итоговъ народонаселенія, сохранныхъ намъ китайскими лѣтописями: 10,000,000 ежегоднаго паденія или возвышенія—ни по чемъ!—Со времени утвержденія (1644) въ Китаѣ маньчжурской династїи Хань, управляющей и доселѣ, постановлено было, чтобы каждый домохозяинъ приклеивалъ на своихъ воротахъ ежегодно выдаваемую отъ мѣстнаго начальства таблицу, на которой обозначается имя и прозваніе главы семейства, число душъ обоюго пола, занятіе и промыселъ, отъѣздъ и возвращеніе, переселеніе изъ одного мѣста въ другое или перемѣна квартиры. Сотники, десятники и тысячники (или начальники волостей) составляютъ ежегодно списки подвѣдомаго имъ народа, а черезъ 5 лѣтъ производятъ общую ревизію. Тогда же обращено было вниманіе на точное исчисленіе всѣхъ возрастныхъ, имѣющихъ отъ 16 до 60 лѣтъ. Но какъ бродяжничество и побѣги, несмотря на всѣ старанія правительства, не прекращались, то императоръ Канъ-Си въ 1712 году повелѣлъ объявить, что число податныхъ душъ, записанныхъ въ ревизію 1711 года (24,621,334 души), должно приниматься за неизмѣнно—постоянное количество людей, подлежащихъ казеннымъ повинностямъ, а остальной народъ, сколько бы его ни народилось, навсегда останется свободнымъ отъ податей. Признавъ однако необходимымъ для государствен-

ныхъ цѣлей знать полное число населенія, Канъ-Си попрежнему требовалъ, чтобы ежегодно производилось народоисчисленіе, и вѣдомость о томъ представлялась государю. Эти постановленія, дѣйствительно, ослабили побѣги и бродяжничество, но ни мало не содѣйствовали къ правильному и точному народоисчисленію. Чиновники и правители областей, видя, что отнынѣ прекращены для нихъ награды за увеличеніе податнаго класса, и не понимая, какая выгода правительству знать вѣрное число жителей, совершенно пренебрегали этимъ дѣломъ, и самые выговоры за это принимали, какъ говорятъ китайскіе историки, «за пустякъ, для украшенія рѣчи служащія слова.» Все это вынудило преемника Канъ-Ся Цянь-Луна издать много новыхъ узаконеній относительно производства народной переписи. Такъ велѣно ежегодные списки, составляемые по волостямъ, черезъ пять лѣтъ повѣрять въ округахъ. Въ списки положено вносить только тѣхъ, которые имѣютъ свой домъ, землю или кладбище; временные жители, рабочіе, промышленники и торговцы, не имѣющіе недвижимой собственности, записываются только тогда, когда прожили въ одномъ мѣстѣ 20 лѣтъ. Гражданскіе чиновники и весь родъ ихъ заносится въ списки ихъ мѣсторожденія; а вышедши въ отставку, должны непремѣнно и переселиться туда. Люди военнаго вѣдомства со всѣмъ своимъ родомъ вносятся въ списки по знаменамъ; общая ревизія этого вѣдомства происходитъ черезъ три года. Такимъ образомъ исчисляются всѣ жители безъ исключенія. Независимо отъ этого, начальники областей составляютъ общія вѣдомости о населеніи управляемыхъ ими областей и представляютъ ихъ государю. Жители Монголіи, Туркестана, Тангута и вообще всѣ инородцы, даже живущіе внутри Китая, но управляемые своими родоначальниками, исчисляются особо.—Таковы правила, соблюдаемыя и нынѣ при народоисчисленіи въ Китаѣ. Несмотря на положительность этихъ правилъ, перепись производится, по сознанію самихъ Китайцевъ, весьма небрежно. Можно сказать, что всѣ списки составляются наобумъ; начальники волостей, округовъ и областей, по старой привычкѣ, стараются показать населеніе увеличивающимся, и безъ дальнихъ справокъ вносятъ въ списки всѣхъ отсутствующихъ, хотя бы они, по двадцатилѣтней давности, и не должны записываться. Отъ этого весьма много ремесленниковъ, купцовъ и т. п. рода людей, безъ сомнѣнія, записаны вдвойнѣ и втройнѣ. Метрическихъ книгъ, гдѣ бы записывались родившіеся и умершіе, не ведется. Правда, каждый обязанъ немедленно сообщать

своему начальству о приращеніи или убыли въ семействъ; но при несовершенствѣ способовъ сообщеній въ Китаѣ — семейства, отсутствующія изъ мѣста своей приписки (или родопроисхожденія), не всегда имѣютъ возможность удовлетворять требованію правительства (1).

Въ *Персіи* правильной народной переписи не существуетъ: этому препятствуютъ народные предрасудки, напримѣръ, дѣлающіе гаремы неприкосновенными. Исчисляется только мужской полъ податнаго класса, да и то по весьма несовершеннымъ правиламъ, установленнымъ еще во времена Аббаса II и Ага-Мухаммедъ-Хана. Нынѣшній шахъ прилагалъ много попеченій о томъ, чтобы произвести общую перепись на болѣе прочныхъ основаніяхъ; однако намѣреніе его не осуществилось и доселѣ (2).

Точно то же самое должно сказать и о Турціи. Правильной переписи тамъ не производится, а совершается только общій перечень мужескаго пола. Цѣль этихъ исчисленій чисто финансовая: обложеніе податями. Новые союзники Турціи много старались въ недавнее время о введеніи разныхъ реформъ въ управленіи этого государства. Быть-можетъ, имъ удастся склонить Турокъ и къ преобразованію способовъ народоисчисленія.

А. Артемьевъ.

(До слѣдующаго №.)

(1) Желающіе знать болѣе подробностей могутъ обратиться къ интересной статьѣ г. *Захарова* «Историч. Обзоріе народонаселенія Китая», помѣщ. въ трудахъ членовъ Росс. Дух. Миссіи въ Китаѣ т. I. стран. 247—360. Сравни также *Лакинеа*, Китай въ гражд. и нравств. состояніи. Ч. I., стр. 9, 44, 52, 54, 98, IV, стр. 127. Кромѣ того мы пользовались записками В. П. Васильева.

(2) См. Записки Георг. Общества т. VII. «Статистич. Обзоріе Персіи» Полк. *Вларамберга*, стр. 20—22.

НОВАЯ ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА

Кавказскій хребетъ, идущій отъ устья Кубани до самаго Апшеронскаго полуострова и составляющій такимъ образомъ естественную границу Россіи съ ея закавказскими провинціями, представляетъ, какъ всѣмъ извѣстно, чрезвычайныя неудобства къ переезду. Ущелья и рѣки, прорѣзывающія этотъ хребетъ въ разныхъ направленіяхъ, не могутъ служить путями сообщенія, потому что первыя изъ нихъ, то-есть ущелья, мѣстами чрезвычайно суживаются, а рѣки, по причинѣ стремительной быстроты своей, не судоходны. Единственный, хотя и чрезвычайно неудобный путь, указанный самою природой, пролегаетъ по узкому ущелью, называвшемуся въ древности Алаунскими Воротами и идущему отъ крѣпости Владикавказа до главнаго города Закавказской Области — Тифлиса. Существованіе этой дороги извѣстно съ древнихъ временъ, но усовершенствованіе ея относится къ эпохѣ русскаго владычества за Кавказомъ, и преимущественно ко времени командованія генерала Ермолова. Несмотря на небольшое ея пространство (178 верстъ) и неуспынные заботы о ней правительства, дорога эта и до настоящаго времени представляетъ тѣ же неудобства, обращающіяся, въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ извѣстное время, въ трудности, сопряженныя съ опасностію жизни для путешественниковъ. Неудобство этой дороги заключается въ высотѣ горъ и крутизнѣ подѣмовъ и спусковъ, а опасность ѣзды по ней — въ завалахъ. Причиною заваловъ бываютъ оттепели. Когда снѣгъ, лежащій на поверхности горы, от-

таетъ и потомъ замерзнетъ, то новая выпавшая на него масса снѣга, не будучи въ состояніи удержаться на скользкой поверхности оледенѣлой горы, скатывается и заваливаетъ собою окрестныя пропасти и ущелья, производя своимъ паденіемъ громоподобный гулъ, слышимый иногда за нѣсколько десятковъ верстъ. Замѣчательнѣйшіе завалы были въ 1832, 1846 и 1855 годахъ. Заваль 1832 года надолго сохранился въ памяти туземцевъ: болѣе четырехъ милліоновъ куб. футовъ льда и снѣга обрушилось въ ущелье и завалило его длиною на $4\frac{1}{2}$ версты, а вышиною до 200 сажень. Завалы менѣе важные повторяются непременно каждый годъ по нѣскольку разъ и заносятъ цѣлые караваны верблюдовъ, не щадя также и путешественниковъ. Расчистка снѣга послѣ завала, на военно-грузинской дорогѣ, требуетъ очень много трудовъ и времени. Нѣсколько ротъ пѣхотныхъ полковъ, команда солдатъ путей сообщенія и болѣе 800 нанимаемыхъ казною Осетинъ безпрестанно разрабатываютъ дорогу, и все-таки эта расчистка рѣдко продолжается менѣе недѣли; иногда же путешественники должны сидѣть цѣлый мѣсяцъ въ холодной станціи, потому что даже пѣшкомъ нѣтъ возможности идти далѣе. Экстра-почты, курьеры и эстафеты подвергаются той же участи. Подобныя неисправности во время заваловъ вынудили мѣстное начальство составить планъ о проведеніи новой, объѣздной дороги; но этотъ планъ долго не могъ быть осуществленъ, по трудности выполненія его. Только съ 1847 года, когда одинъ смѣльчакъ-Персіанинъ пустился въ объѣздъ съ огромнымъ караваномъ вьючныхъ лошадей и, къ общему удивленію, благополучно пріѣхалъ въ Владикавказъ, — объѣздная дорога начала получать извѣстность. Впрочемъ, надежду, что по этой дорогѣ водворится когда-нибудь постоянная ѣзда, туземцы считаютъ несбыточною, по причинѣ высоты и крутизны Аквинанскаго хребта, по которому она проходитъ. Несмотря на это, въ послѣдніе два года смѣлые Калмыки и Персіане, наскучивъ продолжительною разработкой заваловъ на старой дорогѣ, часто пускаются на новую. Съ недавняго времени, и на послѣдней построенныя казармы для помѣщенія рабочихъ командъ. Вотъ по этой-то дорогѣ пришлось мнѣ ѣхать въ декабрѣ мѣсяцѣ 1855 года.

3 декабря, часовъ въ одиннадцать утра, я выѣхалъ изъ Тифлиса. Погода въ этотъ день была прекрасная; солнце играло лучами своими на плоскихъ крышахъ жилищъ и оживотворяло поблѣкшія нѣсколько отъ продолжительнаго ненастья розы. Отъ Тифлиса всю первую станцію дорога идетъ довольно ровная, широкая; близъ древняго грузинскаго женскаго монастыря Мцхетъ приходится переѣзжать черезъ не менѣе древній мостъ, красиво перекинутый черезъ Арагу. Отъ Тифлиса до Мцхета двадцать три версты, а оттуда до Гартиска-

ра—четыре. Часа въ 2 пополудни я пріѣхалъ въ Гартискаръ и сталъ требовать лошадей; но не тутъ-то было: станціонный смотритель показалъ мнѣ предписаніе, присланное изъ Пассанаура съ нарочнымъ казакомъ, не давать ни подъ какимъ видомъ проѣзжающимъ лошадей, по случаю недавно происшедшаго въ горахъ завала. Дѣлать было нечего! надо было покориться необходимости, и я остался на станціи въ ожиданіи возможности ѣхать. Хотя до мѣста, гдѣ былъ завалъ, отъ Гартискара было еще нѣсколько станцій, но задержка проѣзжающихъ была необходимою, потому-что ближайшія къ мѣсту завала станціи были уже, что называется, биткомъ набиты. Впрочемъ, послѣ мучительнаго пяти-часоваго ожиданія на Гартискарской станціи, мнѣ удалось, наконецъ, убѣдить смотрителя дать лошадей, и я поѣхалъ далѣе. Отъ Гартискара до Душета, небольшого города, считается 25 верстъ. Дорога на этомъ пространствѣ довольно сносна, хотя есть значительные подъемы и спуски. Въ виду Душета начинаются уже выростать изъ земли кавказскіе исполины, образующіе ущелье, по которому пролегаетъ дорога до самаго Владикавказа. Переночевавъ въ Душетѣ и выѣхавъ на другой день рано утромъ, мы начали подниматься въ гору по каменистой и неровной дорогѣ, идущей у подошвы одного изъ хребтовъ, окаймляющихъ ущелье. До слѣдующей станціи, Ананура, было всего двѣнадцать верстъ; но лошади наши, утомленные крутостію и продолжительностію подъема, совершенно выбились изъ силъ и едва дотянули только къ вечеру. Слѣдующая станція — Пассанауръ—двадцать одна верста. Путь отъ Ананура до Пассанаура продолжается тѣмъ же, довольно широкимъ, ущельемъ, и по деревянному мосту проходитъ черезъ вновь пересѣкающую его Арагву, которая, вырвавшись изъ кайшаурскаго ущелья, катитъ пѣнныя волны свои на югъ. Рѣка эта хотя и смиреннѣе вѣчнобубнющаго Терека, но во время дождей выходитъ изъ береговъ, срываетъ мосты и разливается по окрестнымъ ущельямъ. Пассанауръ—небольшое мѣстечко, состоящее изъ почтоваго двора, одиннадцати духановъ (1), да нѣсколькихъ грузинскихъ саклей. Фунтъ хлѣба тутъ стоитъ $8\frac{1}{2}$ к. сер., бутылка кахетинскаго вина—40 к. с., фунтъ дровъ — $11\frac{1}{2}$ к. с. Впрочемъ, эти цѣны сравнительно не велики, потому что въ Кайшаурѣ и Коби, во время заваловъ, онѣ удваиваются. Всѣ продукты въ духанахъ содержатся въ самой отвратительной нечистотѣ, такъ что только сильный голодъ можетъ заставить путешественника-Европейца сѣсть что-нибудь. Въ горахъ Кавказа нѣтъ ни ржаного, ни пшеничнаго хлѣба, а что-то среднее между

(1) Духанъ—лавка съ съѣстными припасами.

ними, похожее и цвѣтомъ, и вкусомъ на подошву, и называемое *чурками*. Да простятъ мнѣ неприхотливые Грузины! но, къ сожалѣнію это горчайшая истина, даже собака моя, мой вѣрный Эльбрусъ, только нюхалъ чурки, а не ѣлъ ихъ!

Отсюда ущелье, вмѣщающее въ себѣ старую военно-грузинскую дорогу, принимаетъ направленіе на сѣверо-западъ, черезъ Кайшауръ и Коби, гдѣ совершается перевалъ черезъ Гуть и Крестовую горы, и потомъ, поворачивая снова на сѣверо-востокъ, приводитъ путешественниковъ къ селенію Степанцминда, у подошвы Казбека, и обращается въ болѣе ровную, безопасную дорогу. Къ сѣверу же отъ Пассанаура, по прямому направленію къ Казбеку, длинною и правильною цѣпью тянется Аквинанскій хребетъ, по которому проведена новая, объѣздная военно-грузинская дорога.

Пріѣхавъ въ Пассанауръ, я едва могъ найти помѣщеніе, потому что не только станцію и казармы, но даже и конюшни нашелъ занятыми. Услышавъ, что на обѣихъ дорогахъ сильныя завалы, я рѣшился вернуться обратно въ Тифлисъ, чему хотѣли послѣдовать и другіе; но насъ предупредилъ пріѣхавшій изъ Душета Грузинъ, говоря, что дорогу отъ Анапура завалило снѣгомъ болѣе двухъ сажень въ вышину, и сообщенія никакого нѣтъ. Двѣнадцать сутокъ пробыли мы въ Пассанаурѣ, какъ въ заточеніи, не имѣя возможности ѣхать ни впередъ, ни назадъ. Нѣсколько съѣхавшихся семействъ и одинокіе проезжающіе составляли все это время одно нераздѣльное общество: вмѣстѣ ѣли, вмѣстѣ пили, вмѣстѣ играли въ карты, отыскавшіяся на днѣ чемодана какого-то старичка-доктора, бывшаго душою этого маленькаго импровизированнаго общества. Скопившіеся во множествѣ караваны бѣдствовали; погонщики и чреводары (1) равнодушно должны были смотрѣть какъ десятками околѣвали верблюды, ослы и мулы отъ недостатка въ кормѣ,—и еще при этомъ утѣшительная вѣсть, что старая дорога будетъ разчищена не ранѣе, какъ черезъ три недѣли... это ужасно!

Наконецъ, на двѣнадцатый день мы услышали, что по новой дорогѣ есть возможность пройти пѣшкомъ черезъ Аквинанскій перевалъ. Всѣ, исключая ѣдущихъ съ дамами, приняли эту вѣсть съ неописаннымъ восторгомъ, несмотря на явную опасность, сопряженную съ переходомъ черезъ Аквинанскія горы. Я нанялъ маленькія осетинскія саночки и выѣхалъ часовъ въ одиннадцать вечера, при лунномъ свѣтѣ и 30° мороза. Быстро помчала меня живая горская лошаденка по прекрасной дорогѣ, перенесла по мосту черезъ Арагу,

(1) Верблюдовозы.

перезъезжаемую тутъ въ послѣдній разъ, и ввезла въ сугробы снѣга, по которымъ шла уже тише и не рѣдко останавливалась. Версты за четыре до перваго пункта, на которомъ можно было остановиться, именно до Георгіевскаго укрѣпленія, дорогу намъ пересѣкла хотя небольшая и мелкая, но чрезвычайно быстрая Черная рѣчка. Осетинъ, везшій меня, знаками пригласилъ меня взять лошадь за хвостъ, чему я сначала очень удивился, и за что послѣ очень благодарилъ его, потому что только сила лошади могла устоять противъ этой стремительной быстроты. На семнадцатой верстѣ отъ Пассанаура мы миновали Георгіевское укрѣпленіе, стоящее на прекрасномъ мѣстоположеніи и окруженное живописно-раскинутыми по горамъ грузинскими аулами. Въ Георгіевскомъ укрѣпленіи и на нѣсколькихъ другихъ пунктахъ новой дороги построены, въ 1853 году, бутовыя конюшни, въ которыхъ ежегодно съ 1-го декабря будутъ выставлены по двѣ тройки почтовыхъ лошадей со старой дороги. Польза этого нововведенія несомнѣнна: хотя почтовые лошади и не могутъ тутъ выполнять своего назначенія, но, какъ въючныя, онѣ будутъ чрезвычайно полезны для путешественниковъ.

Еще четыре съ половиною версты на гору, и мы въ Буслачирахъ.

Станція эта состоитъ изъ шести, никогда почти не топимыхъ, по неимѣнію дровъ, комнатъ и кухни. Одна изъ этихъ комнатъ, болѣе теплая и удобная, носитъ громкое названіе генеральской, о чемъ и гласитъ прилѣпленная къ дверямъ ея бумажка. Хотя я и надѣюсь быть генераломъ, но еще не генералъ, и потому всѣ членами, въ продолженіи двухъ-суточного пребыванія въ Буслачирахъ, находились въ состояніи окаменѣлости. Просьбы, мольбы, угрозы о затопленіи камина остались тщетными. Попытка напиться чаю оказалась также неудачною: самовара не было. Впрочемъ, онъ въ горахъ вообще мало употребляется.

Въ Буслачирахъ, кромѣ того, есть еще особенное помѣщеніе для рабочихъ командъ и казаковъ, употребляемыхъ для провожанія курьеровъ и экстра-почтъ и защиты ихъ отъ нападенія горцевъ. Въ одномъ изъ надворныхъ строеній окруженной стѣною станціи помѣщается часть военнорабочей № 35 роты и казаки; въ другомъ — часть 3 линейной роты. Изъ начальства тутъ живутъ: инженерный капитанъ, завѣдывающій окружною дистанціей отъ Пассанаура до Казбека, штабсъ-капитанъ, смотрящій за работами, и прапорщикъ, состоящій при командѣ линейной роты.

Какъ бы ни былъ беззаботенъ путешественникъ, но онъ невольно призадумается, достигнувъ буслачирской равнины; я испыталъ это на себѣ. Небольшая овальная площадка, носящая названіе буслачир-

ской равнины, со всѣхъ сторонъ окружена изумительной высоты горами, заоблачныя вершины которыхъ могутъ быть видимы только въ ясную погоду. Въѣхавъ на буслачирскую равнину узкимъ ущельемъ, я искалъ взорами продолженія его, потому что я не могъ и подумать о возможности переправы черезъ эту гигантскую стѣну. Несмотря на это, два дня спустя я былъ уже готовъ къ совершенію этой трудной и опасной переправы. О возможности ѣхать верхомъ нельзя было думать, и потому я нанялъ четырнадцать человѣкъ солдатъ, заплативъ имъ 38 р. сер. за переноску семи пудовъ вещей въ слѣдующую казарму, Аквинанскую, отстоящую отъ Буслачиръ на шесть верстъ. Тифлисскій купецъ С., ѣхавшій по торговымъ дѣламъ въ Москву и встрѣтившійся со мной въ Буслачирахъ, охотно давалъ за переноску своихъ шестнадцати пудовъ сто р. сер.; но такъ какъ онъ не имѣлъ казенной подорожной, то начальникъ команды не согласился безъ особенной надобности подвергать жизнь солдатъ явной опасности. Я отправился одинъ. Длинною веревницей потянулись мы по извивавшейся змѣею на склонѣ горы тропинкѣ, прорытой въ глубокомъ снѣгу трудолюбивыми солдатами. Покатость горы почти вертикальная, и потому провести прямую дорогу не хватило бы ни силъ, ни возможности. Дорога до Аквинанской казармы высѣчена въ горахъ гранита и дикаго мрамора, и идетъ изъ стороны въ сторону четырнадцатью зигзагами. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ круче и труднѣе дѣлался подъемъ. Глядя на несущихъ вещи солдатъ, я удивлялся силѣ привычки, благодаря которой ни одинъ изъ нихъ, казалось, не былъ сильно утомленъ, тогда какъ я, взбираясь безъ всякой ноши, едва могъ дышать отъ усталости.

Играя лучами по кристальной поверхности снѣга, солнце издавало такой ослѣпительный блескъ, что еслибъ наши лица не были заблаговременно замазаны порошкомъ, мы всѣ ослѣпли бы, потому что не было ни одной темной точки, на которой бы могъ успокоиться взоръ.

Наконецъ, мы достигли седьмого зигзага. Страшно было смотрѣть внизъ: Буслачирская казарма съ ея пристройками казалась точкою. Вскорѣ мы стали тихо пробираться подъ аркою нависшей надъ нами громадной груды снѣга, каждую минуту готового обвалиться. Думая, что наблюдающимъ за нами изъ Буслачиръ Грузинамъ будетъ слышно, я хотѣлъ выстрѣлить изъ пистолета; но прапорщикъ, провожавшій меня, съ ужасомъ вырвалъ его у меня, говоря, что даже кашлянуть опасно, потому что малѣйшее сотрясеніе въ воздухѣ можетъ произвести обвалъ! Часа черезъ два мы добрались до двенадцатаго зигзага и должны были или вернуться назадъ, или подвергнуться

жизнь свою жесточайшей опасности : бывшимъ наканунѣ заваломъ дорогу совершенно завалило, а съ нею вмѣстѣ караванъ, состоявшій изъ шестидесяти верблюдовъ и двухъ татаръ—чреводаровъ. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ былъ открытъ живымъ, но совершенно посѣдылымъ отъ испуга; вьюки же съ казеннымъ сукномъ остались, вмѣстѣ съ верблюдами, на вѣчныя времена въ нѣдрахъ снѣга, потому что невозможно опредѣлить мѣста, въ которомъ нужно рыть, да и не стоить того. Большая часть изъ нихъ, вѣроятно, скатилась въ пропасть. Намъ предстояло пройти саженей пятнадцать надъ бездонною пропастью по отвѣсной стѣнѣ снѣга, по которому не было даже проложено слѣда! Человѣкъ, ѣхавшій со мной изъ Тифлиса, долго не хотѣлъ рѣшиться на эту ужасную переправу, не исполнивъ послѣдняго долга христіанина, не пріобщившись Св. Таинъ. Но вотъ сильные солдаты одинъ за другимъ перешли на противоположную сторону, и мы рѣшились послѣдовать ихъ примѣру. Инстинктивно держась за нависшій съ лѣвой стороны снѣгъ и боясь взглянуть направо, уже почти достигъ я цѣли, какъ вдругъ снѣгъ подъ ногами моими осунулся... Я потерялъ равновѣсіе, въ глазахъ у меня потемнѣло... Но тутъ одинъ изъ солдатъ схватилъ и поддержалъ меня...

Дорога эта дотога утомила меня, что я, несмотря на раннее время, рѣшился переночевать въ Аквинанской казармѣ. Инженерный солдатъ изъ Евреевъ, желая показать свою національную изобрѣтательность, сварилъ мнѣ чай въ горшкѣ, и я, выпивъ его съ удовольствіемъ, заснулъ на солдатскихъ нарахъ какъ никогда не спалъ. Въ Аквинанской казармѣ живутъ человѣкъ полтора ста Грузины, занимаемыхъ казною для разчистки дороги, и нѣсколько солдатъ военно-рабочей роты, для наблюденія за работами нервыхъ. Грузины помѣщаются тутъ въ отдѣльно-выстроенномъ огромномъ сараѣ, получая за работу по 20 коп. сер. въ сутки. Для проезжающихъ эта казарма не представляетъ даже и тѣхъ скудныхъ удобствъ, какія находятъ они въ предыдущихъ казармахъ: тутъ нѣтъ даже особаго помѣщенія.

Часа въ четыре утра мы снова пустились въ путь. До Средней казармы четыре версты. Дорога, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ея частей, очень хороша: первая три версты—ровно, послѣдняя—крутой спускъ. Расчистка снѣга производится помѣщающеюся тутъ частію четырнадцатой мушкатерской роты, 4-го батальона Навагинскаго пѣхотнаго полка. Для наблюденія за работами живетъ поручикъ военно-рабочей роты. Отъ Средней казармы спускъ дѣлается еще круче и, идя семью или восемью зигзагами, продолжается до казармы, называемой Семеновскою саклей. Весь этотъ спускъ хотя и очень крутъ, но совершенно безопасенъ, потому что заваловъ тутъ почти

никогда не бывает. От Семеновской сакли можно уже было взать верхомъ, и я, взявъ двухъ выючныхъ лошадей, отправился далѣе. Дорога до Казбека (12 верстъ) очень ровная; только множество текущихъ съ горъ и пересекающихъ дорогу ручьевъ затрудняютъ нѣсколько ѣзду по ней. По правую сторону дороги отъ Семеновской сакли до Казбека, въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи, красуются живописные осетинскіе аулы: Каргучъ, Ахалцихъ и Гудашауръ.

За нѣсколько верстъ до Казбека, путешественникамъ начинается сопутствовать до самаго Владикавказа Терекъ. Эта рѣка носитъ нѣсколько названій; по-армянски ее называютъ *Терзъ*, по-грузински—*Тери* и *Ломехи*, по-турецки и персидски—*Терекъ*. Она вытекаетъ изъ высочайшаго хребта Кавказскихъ горъ въ Осетинской волости *Тирсау*, откуда стремится на востокъ до принятія въ себя р. Арадоны, а потомъ уже склоняется къ сѣверо-западу. Берега Терека вообще очень возвышенны и круты; въ иныхъ же мѣстахъ они образуютъ громадные каменистые утесы, особенно у селенія Степанцминда и въ Дарьяльскомъ ущельи. Быстрота Терека была воспѣта нашимъ незабвеннымъ поэтомъ. Терекъ замерзаетъ очень рѣдко, и то только въ низменныхъ мѣстахъ, отъ конца декабря до начала февраля. Рыбы очень много, особенно шаман и лососи. Въ водополь Терекъ возвышается до 16 футовъ, выходитъ изъ береговъ и наводняетъ ущелье; вода въ немъ мутная, иловатая, зеленоватого цвѣта, но очень здоровая.

Станція Казбекъ построена на прекрасномъ мѣстоположеніи. Недоступныя по высотѣ горы, окружающія станцію, покрыты густымъ лѣсомъ, что составляетъ для глазъ пріятную картину. Гора Казбекъ, въ древности *Мкинвари*, возвышаетъ свою вершину изъ-за огромныхъ предгорій, на одномъ изъ которыхъ стоитъ монастырь во имя Св. Троицы, построенный грузинскою царицей Тамарой, во второй половинѣ XI вѣка. Монастырь этотъ пользуется особеннымъ уваженіемъ туземцевъ, но доступъ къ нему очень труденъ. Узкая тропинка вѣтся почти перпендикулярно на разстояніи $5\frac{1}{2}$ верстъ, и потому служба бываетъ только одинъ разъ въ годъ, въ храмовой праздникъ. Одна изъ горъ, окружающихъ казбекскій постъ, носитъ названіе *Большой балки*, по причинѣ бывающихъ тутъ сильныхъ земляныхъ заваловъ. У подошвы этой горы раскинуто небольшое селеніе Степанцминда, или Казбекъ, съ церковью Св. Стефана, построенною императоромъ Александромъ I.

Вообще говоря, казбекскую станцію можно считать лучшею на всей военно-грузинской дорогѣ. Четыре духана, построенные не въ дальнемъ отъ нея разстояніи, могутъ доставлять путешественникамъ

довольно хорошіе и свѣжіе продукты, благодаря близости къ Владикавказу. Обыкновенныя кушанья, приготовляемыя на скорую руку въ духанахъ—*шашлыкъ* и *пилавъ*. Лучшія произведенія кухни какого-нибудь англійскаго гастронома едва ли могутъ сравниться съ шашлыкомъ, этимъ незатѣйливымъ, но прекраснымъ кушаньемъ. Приготовление его очень не сложно: берутъ часть баранины (непримѣнно молодой), дѣлятъ ее на мелкіе куски и, насадивъ ихъ на желѣзный вертѣлъ, ворочаютъ надъ раскаленными угольями до тѣхъ поръ, пока баранина не изжарится. Такой, повидимому, простой процессъ жаренія баранины можетъ произвести всякій, но попробовавъ собственноручно приготовить шашлыкъ, я испыталъ на себѣ справедливость пословицы: дѣло мастера боится.

По положенію своему почти у самой подошвы Казбека, станція эта не совсѣмъ безопасна отъ заваловъ, раскидывающихся часто на нѣсколько верстъ. Впрочемъ, туземцы одарены какимъ-то инстинктомъ въ предугадываніи несчастій, и переселяются задолго до заваловъ въ ближайшіе аулы. Такъ живущіе у подошвы Казбека почему-то убѣждены, что завалы должны повторяться каждыя шесть лѣтъ, и рѣдко въ томъ ошибаются. Земляные завалы съ горы Бѣшеной Балки представляютъ менѣе опасности для жителей селенія Степанцминда, потому что они и рѣже бывають, и не такъ велики. Особое отдѣленіе станціи называется гостиницею, въ которой, благодаря заботливости жены сторожа, путешественники могутъ имѣть за недорогую цѣну обѣдъ, состоящій изъ хорошо-приготовленныхъ щей и котлетъ. Проѣзжающіе на своихъ лошадяхъ найдутъ удобное для послѣднихъ помѣщеніе и недорогой кормъ; именно, мѣрка ячменя, замѣняющаго тутъ овесъ, стоитъ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 80 коп. сер. Состоящая изъ двухъ комнатъ, гостиница довольно тепла и чиста. Съ нею соединяется каменною стѣной довольно обширная казарма, вмѣщающая въ себѣ роту Навагинскаго пѣхотнаго полка, нѣсколько десятковъ казаковъ и всѣхъ ямщиковъ. Въ полуверстѣ отъ станціи домъ и земля полковника русской службы Казбека, на которой живутъ казенные крестьяне Осетины. Домашняя жизнь Осетинъ и внутренній видъ ихъ саклей производятъ очень непріятное впечатлѣніе. Сколько Грузины, особенно живущіе въ городахъ, обнаруживаютъ врожденной склонности къ чистотѣ и порядку, столько Осетины враждуютъ противъ того и другаго. Сакля Грузина, даже бѣднаго, составляетъ рѣзкій контрастъ съ саклей Осетина. Осетинка, нерѣдко по истинѣ прекрасная, могущая служить моделью для ваятеля, переменяетъ нижнее платье только тогда, когда оно, изорвавшись, само сползаетъ съ плечевъ!

Отъ Казбека можно было уже ѣхать на почтовыхъ. До Дарьяла девять верстъ. Дорога довольно ровная, идущая по крутому берегу Терека, подъ нависшими надъ нею скалистыми утесами. На мѣстѣ нынѣшняго Дарьяльскаго укрѣпленія стоялъ въ древности, по словамъ Плинія, огромный и хорошо-укрѣпленный замокъ, построенный во второмъ вѣкѣ до Р. Х. царемъ Мирваномъ. Народное преданіе говоритъ, что названіе «Дарьяль» произошло отъ имени прекрасной женщины Даріеллы, бывшей атаманомъ разбойниковъ и наводившей ужасъ на окрестности.

Дарьяльское укрѣпленіе стоитъ у вѣзда въ чрезвычайно-узкое ущелье, носящее съ нимъ одно названіе. Дорога въ этомъ мѣстѣ такого узка, что почти нѣтъ возможности разѣѣхаться встрѣтившимся. Въ древности ущелье это называлось Кавказскими-Воротами; оно развѣтвляется на нѣсколько другихъ ущелій, окаймленныхъ высокими гранитными утесами, въ разсѣлинахъ и щеляхъ которыхъ растутъ ѣловые сосны и ели. Хотя всѣ горныя ущелія Кавказа во множествѣ изобилуютъ различнаго рода звѣрями, но Дарьяльское преимущественно. Волки, медвѣди и шакалы ходятъ цѣлыми стаями даже днемъ. Ничего не слышалъ я отвратительнѣе раздирающаго душу крика шакаловъ, которые, впрочемъ, на людей нападаютъ очень рѣдко. Объяснить это легко тѣмъ, что скатывающіеся въ пропасти, во время заваловъ, верблюды, мулы и лошади, удовлетворяютъ ихъ алчности. Бросивъ взглядъ на вершины поросшихъ соснами дарьяльскихъ скалъ, путешественникъ непременно увидитъ нѣсколько дикихъ козъ, водящихся исключительно въ этомъ ущельи и составляющихъ немаловажную отрасль туземной промышленности.

Дорога отъ Дарьяльскаго укрѣпленія до аула Ларса (6 верстъ) продолжается тѣмъ же узкимъ ущельемъ, ограниченнымъ гигантскими гранитными скалами, подошвы которыхъ завалены горами безпрестанно скатывающихся обломковъ гранита и дикаго мрамора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого ущелья солнце показывается въ продолженіе цѣлаго дня только часа на два или на три, именно, когда оно находится на меридіанѣ; остальное время дня въ ущельи царствуетъ полумракъ.

Въ Ларсѣ, возлѣ самой станціи, стоитъ гостиница, далеко впрочемъ отставшая достоинствомъ отъ казбекской, хотя и въ ней можно достать незамѣнныхъ щей и котлетъ, напиться чаю и пр.

Въ одиннадцати верстахъ отъ Ларса стоитъ редутъ Балта, проѣхавъ который я достигъ, наконецъ, Владикавказа...

Д. Ломачевскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

«ANRUF AN DIE GELIEBTE»

ФЕТТОВЕНА

Пойми хоть разъ тоскливое признание,
Хоть разъ услышь души молящей стонъ!
Я предъ тобой, прекрасное созданье,
Безвѣстныхъ силъ дыханьемъ окрыленъ.

Я образъ твой ловлю передъ разлукой,
Я, полонъ имъ, нѣмью и дрожу,
И безъ тебя томясь предсмертной мукой,
Своей тоской какъ счастьемъ дорожу.

Ее пою, во прахъ упасть готовый,—
Ты предо мной стоишь какъ божество,—
И я блаженъ, я въ каждой мукѣ новой
Твоей красы провижу торжество.

А. Фетъ.

БѢДНЫЙ ЧУДАКЪ

(Изъ Беранже.)

Всѣмъ пасынкамъ природы
Когда прожить бы такъ,
Какъ жилъ въ былые годы
Бѣдняга-весельчакъ.

Всю жизнь прожить, не плача,
Хоть жизнь куда горька...
Ой-ли! Вотъ вся задача
Бѣдняги-чудака.

Наслѣдственной шляпенки
Предъ знатью не ломать,
Подарочекъ дѣвчонки —
Цвѣты въ нее вплетать,

Въ шинелькѣ ночью лежа,
Днемъ—пухъ смахнулъ слегка!
Ой-ли! Вотъ вся одежда
Бѣдняги-чудака.

Два стула, столъ трехногій,
Стаканъ, постель въ углу,
Тюфякъ на ней убогій,
Гитара на полу,

Швеи изображенье,
Шкатулка безъ замка;
Ой-ли! Вотъ все имѣнье
Бѣдняги-чудака.

Изъ папки ребятишкамъ
 Вырѣзывать коньковъ,
 Искать по старымъ книжкамъ
 Веселенькихъ стишковъ,
 Плясать—да такъ, чтобъ скука
 Бѣжала съ чердака;
 Ой—ли! Вотъ вся наука
 Бѣдняги—чудака.
 Чтобъ каждую минуту
 Любовью освятить,
 Въ красавицу Анюту
 Всю душу положить;
 Смотрѣть спокойнымъ глазомъ
 На роскошь свысока...
 Ой—ли! Вотъ глупый разумъ
 Бѣдняги—чудака.
 «Какъ стану умирать я,
 Да не вѣнчать мнѣ въ грѣхъ
 Ни Богъ, ни люди—братья
 Мой добродушный смѣхъ;
 Не будетъ нареканья
 Надъ гробомъ бѣдняка.»
 Ой—ли! Вотъ упованья
 Бѣдняги—чудака.
 Ты, бѣдный,—ослѣпленный
 Богатствами другихъ,
 И ты, богачъ,—согбенный
 Подъ ношей благъ земныхъ,
 Вы ропщете... Хотите,
 Чтобъ жизнь была легка?
 Ой—ли! Примѣръ берите
 Съ бѣдняги—чудака.

В. Курочкинъ.

XVII.

9-го апрѣля Вилла Мандрагоне.

Я пишу къ вамъ карандашомъ въ развалинахъ. Опять развалины! Я люблю это мѣсто. Я могу провести здѣсь цѣлыя сутки въ огромномъ дворцѣ, отъ котораго ключи у меня въ карманѣ. Мнѣ нужно многое разказать вамъ, и я продолжаю свое повѣствованіе съ того мѣста, на которомъ прервалъ его.

Обѣдая, такъ сказать, съ Маріуччіей, которая всегда присядетъ къ столу, когда я ѣмъ, я, не знаю какъ, опять заговорилъ о зарокѣ Даніеллы.

— Итакъ, сказалъ я, —она не станетъ говорить ни съ однимъ мужчиною до самаго свѣтлаго праздника?

— Я этого не говорила. Я сказала, что она не молвить ни слова съ своимъ любовникомъ, пока не отвѣтитъ, но я и не заѣрала, что она заговоритъ съ нимъ тотчасъ послѣ того.

— А! такъ бѣдному любовнику придется терпѣливо ждать ея милости?

— То-есть, не ея милости, а милости цвѣтовъ... Но я слишкомъ разболталась; вы еретикъ, язычникъ, магометанинъ; вы ничего тутъ не понимаете.

Я приставаѣ къ доброй старухѣ, —она поговоритъ любить, —и наконецъ я выведалъ отъ нея, что недоступность Даніеллы продолжится, пока цвѣты, воткнутые ею въ рѣшетку у мадонны *della Tomba di Lucullo*, не разсыплются въ прахъ, или пока не унесетъ ихъ вѣтеръ; словомъ, пока они не исчезнутъ.

Мнѣ пришло на мысль спрочаить невинную шалость. Около полуночи, я выглянулъ въ окно: шелъ дождь; ночь была темная, и дулъ сильный вѣтеръ. Въ Фраскати все замолкло; цѣлый городъ спалъ.

Я накинулъ плащъ и черезъ минуту былъ уже за оградой сада. Перебравшись черезъ скалы, что надъ маленькимъ водопадомъ, я очутился на дорогѣ противъ парка виллы Альдобрандини. Оттуда я въ нѣсколько минутъ спустился къ гробницѣ Лукулла, не встрѣтивъ ни души на дорогѣ. Еслибы не теплился огонекъ, мнѣ трудно было бы отыскать маленькую фреску съ

рѣшеткой, но при этомъ блѣдномъ освѣщеніи, я скоро узналъ жонкили, которые я хорошо замѣтилъ наканунѣ въ рукахъ Даниеллы, когда она, съ своею таинственною улыбкой, при мнѣ втыкала ихъ за рѣшетку. Я не тронулъ фіялокъ и анемоновъ другихъ дѣвицъ, но вынулъ, всё до одного, жонкили моей любезной и спряталъ ихъ въ карманъ. По учиненіи этой покражи, я соскочилъ съ столбика, на который взлѣзъ, чтобы достать до рѣшетки, какъ вдругъ услышалъ восклицаніе мужскаго голоса: *Cristo!* что тутъ за разбойникъ?..

Въ Италіи, землѣ шпіонства и доносовъ, моя сентиментальная шалость могла быть причтена мнѣ въ преступленіе и навлечь большія непріятности. Я догадался не оборачиваться лицомъ въ сторону слышаннаго голоса, и задуть лампаду. Ободренный моимъ благоразуміемъ, незнакомецъ осыпалъ меня набожными ругательствами, называя меня собакою, собачьимъ сыномъ, Туркомъ, Жидомъ, Люциферомъ, желая мнѣ попасть на висѣлицу, быть четвертованнымъ, и обѣщая другія подобныя удовольствія. Меня сильно разбирала охота угостить спину этого святоши, кто бы онъ ни былъ, полсотнею нѣмыхъ возраженій, достойныхъ его краснорѣчиваго негодованія; но разсудокъ совѣтовалъ мнѣ воспользоваться темнотою и ускользнуть такъ, чтобы онъ не попалъ на мои слѣды.

Я былъ уже готовъ послѣдовать этому благому совѣту, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то, искавшій меня ощупью по стѣнѣ, схватилъ меня за руку. Я не задумался отвалить полномѣсный ударъ кулакомъ, съ придачей энергическаго пинка ногою, этому незванному посреднику и слышалъ, какъ онъ, наткнувшись сперва на столбикъ, покачнулся и упалъ Богъ вѣсть куда, а я, воспользовавшись этимъ, пустился бѣжать и возвратился домой, не измѣнивъ себѣ ни однимъ словомъ. Незнакомецъ, какъ мнѣ казалось, былъ порядкомъ пьянъ, и я полагалъ, что проспавшись въ грязи, куда я уложилъ его, онъ забудетъ обо всемъ случившемся.

День великой пятницы съ утра былъ ненастный, и я проспалъ долго. Маріуччія, теряя терпѣніе, вошла ко мнѣ въ комнату, и когда я проснулся, я видѣлъ, какъ она, качая головой, повертывала въ рукахъ мой мокрый плащъ и подозрительно посматривала на загрязненную обувь.

— Здравствуйте, Маріуччія! сказалъ я, потирая глаза:—что вы тамъ разглядываете?

— А вотъ думаю, гдѣ вы это по ночи бродить изволили, отвѣчала она съ такимъ комическимъ смущеніемъ, что я не могъ воздержаться отъ смѣха. — Добро вамъ, смѣйтесь, возразила она:—хорошихъ дѣлъ вы надѣлали!

Я хотѣлъ запираться, но она указала мнѣ на завялые жонкилы, которые были брошены мною на каминъ.

— Ну, и что жъ за важность? Какой же бѣды я этимъ надѣлаю?

— А такой, что эти жонкилы вынули вы изъ рѣшетки въ эту ночь, чтобы снять зарокъ съ моей племянницы. Ужъ эти мнѣ влюбленные! Знаете ли вы, безразсудное дитя, что вѣдь это смертный грѣхъ? а хуже всего то, что васъ видѣли!

— Кто меня видѣлъ?

— Братъ Даніеллы, племянникъ мой Мазолино, самый злой человѣкъ во всемъ Фраскати. По счастью, онъ въ этотъ вечеръ выпилъ, по обычаю, лишнее и не узналъ васъ. Но онъ уже донесъ объ этомъ, и я увѣрена, что подозрѣнія падутъ на васъ: вѣдь кромѣ васъ въ нашей околицѣ нѣтъ никого изъ иностранцевъ. Ко мнѣ подошлутъ теперь шпионовъ, чтобы вывѣдать у меня. Давайте-ка сюда плащъ, я его схороню, а вы сожгите скорѣе эти проклятые цвѣты.

— Къ чему все это? Скажите правду. Развѣ это святотатство? Я взялъ цвѣты, чтобы подразнить дѣвушку, которую нѣтъ надобности называть.

— Да, точно! Вы думаете, что никто и не догадается, кто эта дѣвушка. Увѣряютъ, что вы входили вчера въ домъ, гдѣ живетъ моя племянница. Правда это?

Маріуччія предоброе существо, и я не колеблясь сознался. Она была тронута моимъ чистосердечіемъ, и я замѣтилъ, кромѣ того, что ей льстило предпочтеніе, оказанное мною ей племянницѣ. — Ну Богъ съ вами, сказала она, только впередъ не дѣлайте такихъ безразсудныхъ шалостей. Застанъ васъ Мазолино въ комнатѣ сестры, вамъ бы не выйти оттуда живому.

— Ну, это еще Богъ знаетъ, любезная хозяйшка. Я не выдаю себя за силача, но я довольно силенъ, чтобы сладить съ пьяницею, и право счастье вашему племяннику, что я встрѣтилъ его

въ эту ночь не на верхней ступени лѣстницы того дома, о которомъ вы говорите.

— Cristo! не ударили ли вы его въ эту ночь?

— Да не безъ того. Онъ всячески ругалъ и ухватилъ меня за руку. Но я безъ труда съ нимъ раздѣлся.

— Онъ этимъ не похвастался. Можетъ-быть онъ и не почувствовалъ этого; у пьяныхъ тѣло податливо; все приметъ. Однако онъ былъ не такъ пьянъ, чтобы не видѣть и не слышать. Говорили вы что-нибудь?

— Нѣтъ.

— Ни слова?

— Даже ни полслова.

— Слава Богу! но ради Христа никому ни въ чемъ не признавайтесь. Если онъ вспомнить, что его побили, и узнаетъ, что это вы, вамъ не одобровать; онъ отомститъ.

— Я его не боюсь; но я долженъ все знать, Маріуччіа! Скажите мнѣ, способенъ ли вашъ племянникъ воспользоваться для своихъ видовъ моею склонностью къ его сестрѣ?

— Мазолино Белли способенъ на все.

— Но что ему за выгода прочить меня въ зятя? Я не богатъ, вы сами это видите.

— Э, полноте! Вы живописецъ, а этимъ ремесломъ всегда столько заработаешь, чтобы хорошо одѣться, имѣть удобную квартиру и насыщенный кусокъ хлѣба. Въ глазахъ бѣдняка богатыхъ много. Вы очень богаты въ сравненіи съ любымъ ремесленникомъ Фраскати, и если Мазолино задумаетъ женить васъ на своей сестрѣ или вытянуть отъ васъ денегъ, онъ пойметъ, что *savaliere*, какъ вы, всегда можетъ заработать или занять сотню *скуди* чтобы вмѣсто денегъ не поплатиться жизнью.

— Благодарствуйте, милая Маріуччіа; теперь я уже преупрежденъ и знаю съ кѣмъ имѣю дѣло. Пускай *мессиръ* Мазолино Белли держитъ ухо остро; у меня всегда найдется сотня палочныхъ ударовъ къ его услугамъ.

— Не шутите этимъ. Онъ пожалуй и десятерыхъ подговоритъ на васъ. Лучше всего быть поосторожнѣе въ любви вашей и не видаться съ вашею любезною иначе, какъ въ этомъ домѣ. Мазолино здѣсь никогда не бываетъ.

— Почему это?

— Я запретила ему разъ навсегда ко мнѣ показываться. Онъ не задумался бы послушаться, а пожалуй и прибить меня, еслибъ онъ не былъ мнѣ долженъ; но теперь я держу его въ рукахъ: онъ боится взысканія.

Въ продолженіи разговора, я узналъ объ этомъ Мазолино любопытныя подробности. Этотъ молодецъ не всегда такъ пьянъ, какъ кажется; онъ ведетъ таинственную жизнь. Повидимому онъ живетъ въ Фраскати, но часто никто не знаетъ, куда онъ дѣвается, и семья его по мѣсяцу и болѣе не видаеть его. Онъ занимаетъ комнату въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ Даниелла, и никто еще не переступалъ черезъ порогъ этой комнаты. Если кто постучится, дома онъ или нѣтъ, онъ не отвѣчаетъ. Его отлучки, также какъ и возвращеніе, всегда внезапны и неожиданны. По слухамъ, онъ всегда пьянствуетъ съ пріятелями въ какомъ-нибудь кабацѣ города или окрестностей; при женѣ онъ таился, чтобъ избѣжать ея упрековъ, а съ тѣхъ поръ какъ овдовѣлъ, скрытность эта обратилась у него въ привычку. Но жена, при жизни, говаривала, что онъ бражничаетъ вѣроятно въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ подземельѣ, въ какомъ-нибудь неприступномъ мѣстѣ, потому что она, не разъ, по цѣлымъ недѣлямъ искала его, во всѣхъ захолустьяхъ города и окрестностей и нигдѣ не могла даже напасть на слѣды его. По возвращеніи, у него вырывались иногда слова, которыя доказывали, что онъ пришелъ издалека; но какъ бы онъ ни былъ пьянъ, никогда онъ не проговорится въ своей тайнѣ. Въ молодости онъ былъ кожевникомъ, но вотъ уже лѣтъ десять, какъ онъ ничѣмъ не занимается, и никто не знаетъ чѣмъ онъ живетъ. Надо полагать однакожь, что у него есть болѣе чѣмъ нужно, если онъ находитъ средства болѣе чѣмъ нужно напиваться.

По этимъ свѣдѣніямъ, я полагаю, что онъ большею частію притворяется пьяницею и напивается вправду только въ минуты досуга. Я думаю, что онъ промышляетъ разбоемъ или шпіонствомъ, можетъ-быть и тѣмъ и другимъ; кажется, что эти два ремесла не совмѣстны въ окрестностяхъ Рима.

Гораздо болѣе всего этого занимало меня желаніе узнать, считаетъ ли Даниелла себя освобожденною отъ обѣта, и появится ли она въ Пикколомини; я ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ. Какъ только раздавался звонокъ у рѣшетки, я бросался къ окошку, но это были все кумушки или сосѣдки, приходившія къ Маріуччіи, пе-

реговорить съ нею о дѣлахъ домашнихъ, о хозяйствѣ виалы, потолковать о подчисткѣ оливковыхъ деревьевъ или виноградныхъ лозъ, о стиркѣ, о ссыпкѣ въ закрома гороха, о проповѣди *фра-Симфоріано*, а также о дерзкомъ похищеніи цвѣтовъ. Я слышалъ эти разговоры, и мнѣ казалось, что многіе изъ собесѣдниковъ были черезчуръ любопытны. Маріуччіа сказала мнѣ: «Въ нашей сторонѣ не узнаешь, кто шпионъ, кто нѣтъ». Я удивлялся хладнокровію и ловкости смѣливой старухи въ ея отвѣтахъ и слышалъ, какъ она говорила, что я захворалъ еще наканунѣ.

«Бѣдный молодой человѣкъ», говорила она, — всю ночь пролежалъ въ жару; я до самаго свѣта не могла отойти отъ его постели». А какъ я не могъ быть въ двухъ мѣстахъ въ одно и то же время, то развѣдчицы удалялись, болѣе или менѣе убѣжденные въ моей непричастности къ дѣлу.

Наконецъ Маріуччіа объявила мнѣ, что она идетъ по церквамъ поклониться капелламъ гроба Господня и просила меня не отворать никому, даже и ея племянницѣ, еслибъ она показалась у рѣшетки.

— Ну, ужъ этого я вамъ не обещаю, отвѣчалъ я.

— Надобно обѣщать, возразила она. — У Даниеллы есть ключъ, и если ей вздумается придти, она придетъ и безъ вашей помощи. Вамъ нечего выказывать ваше нетерпѣніе тѣмъ, которые могутъ проходить въ это время мимо рѣшетки.

Когда Маріуччіа ушла, я сошелъ въ садъ, несмотря на дождь, чтобъ осмотрѣть мѣстность въ одномъ отношеніи, котораго я не принималъ въ соображеніе, когда прежде ее осматривалъ. Мнѣ хотѣлось узнать, удобенъ ли этотъ садъ для любовной интриги, и есть ли въ немъ для того довольно скрытое и безопасное убѣжище. Я увидѣлъ, что это дѣло невозможное, развѣ только взять въ повѣренныя Маріуччію, старую Розу и четырехъ поденщиковъ, жившихъ тамъ для работъ въ саду и для обработки смежныхъ съ нимъ полей. И то нужно было бы, чтобы за огородомъ былъ заборъ; чтобы нельзя было проходить черезъ рѣшетку въ проломы и ея разрушенныя звенья; чтобы не назначать свиданій въ праздничные и воскресные дни, потому что тогда другая рѣшетка виалы, примыкающая къ *Via Aldobrandini* открыта для публики, и верхній садъ наполненъ гуляющими или проходящими.

Я заключилъ изъ моихъ наблюденій, что нѣтъ никакого средства сохранить въ тайнѣ мои будущія сношенія съ *гладильщицею* и признаюсь, началъ сомнѣваться въ искренности предостереженій Маріуччіи.

Я взобрался на мой чердакъ и рѣшился, во что бы ни стало, не трусить, какъ только буду убѣжденъ въ мужествѣ и въ рѣшимости моей соучастницы.

И что же? Входя въ свою комнату я уже засталъ ее тамъ! Она вошла со стороны подваловъ дома, боковою дверью, которой я вовсе не зналъ. Мое кольцо было у ней на рукѣ. Прекрасные ея волосы были старательно убраны. Несмотря на черное платье и принужденный видъ набожной смиренницы, глаза ея горѣли пыломъ страсти, и на устахъ сіяла улыбка нѣги, какъ у влюбленной невесты. И во мнѣ запыхала любовь. Я жаждалъ ея поцѣлуевъ, но она защищалась отъ моихъ ласкъ.—Вы сняли съ меня обѣтъ, сказала она, — вы проникли въ мое жилище и сами принесли мнѣ обручальное кольцо... Дайте мнѣ встрѣтить Пасху, и тогда мы соединимся.

Я упалъ съ неба на землю.—Женитьба, вскричалъ я,—брачный союзъ?... Она прервала меня своимъ свѣжимъ, звонкимъ, гармоническимъ смѣхомъ и потомъ серьезно сказала:—Союзъ сердець—бракъ передъ лицомъ Бога. Я знаю, что грѣхъ обходиться безъ священника и безъ свидѣтелей; но Богъ прощаетъ все искренней любви.

— Такъ это правда, что ты меня любишь, милое дитя.

— Увидите! я не должна, не могу еще говорить объ этомъ. Я должна всею душой обратиться къ Господу, чтобы онъ благословилъ любовь нашу и простилъ намъ впередъ прегрѣшеніе. Я помолюсь за себя и за васъ, и буду молиться такъ усердно, что съ нами не случится никакого несчастія. Но сегодня не говорите мнѣ объ этомъ, не искушайте меня. Мнѣ надобно еще исповѣдываться, покаяться, и получить отпущеніе въ прошлыхъ и будущихъ прегрѣшеніяхъ.

Вотъ вкратцѣ странная система благочестія въ душѣ этой Итальянки! Я и прежде слыхалъ, что эти женщины занавѣшиваютъ образъ Мадонны, отворяя дверь любовнику, но я не слыхивалъ еще о заблаговременномъ раскаяніи въ проступкахъ, еще не совершенныхъ и только замышляемыхъ; не имѣлъ понятія о томъ, что

можно *вынородить* себѣ право на грѣхъ, какъ говорила теперь Даниѣлла съ такою увѣренностію, съ такимъ убѣжденіемъ. Я пытался опровергать такое удобство вѣрованія, но она упорно защищала свои убѣжденія и меня еще обвинила въ недостаткѣ любви и въ невѣріи.

— Прощайте, сказала она, — скоро начнется проповѣдь, и мнѣ надобно зайти въ три церкви. Ни завтра, ни въ воскресенье мы не увидимся. Я пришла только сказать вамъ, чтобы вы не сдѣлали какого безразсудства и чтобы не старались видѣться со мною, затѣмъ что я должна очистить себя отъ грѣховъ, да еще затѣмъ, что братъ мой въ Фраскати.

— Скажите мнѣ, Даниѣлла, неужели братъ вашъ, какъ говорятъ, рѣшился бы поднять на васъ руку, еслибъ узнать, что я вами занятъ?

— Конечно, хотя бы только для того, чтобы узнать можно ли напугать васъ этимъ.

— Вы по опыту знаете, что онъ способенъ на это въ такомъ случаѣ?

— Да, по вашей милости. Онъ уже слышалъ, что Французъ изъ Пикколомини приходилъ въ нашъ домъ, и сегодня поутру наговорилъ мнѣ много страшныхъ угрозъ. Я знаю, что вы защитите меня отъ него, но гдѣ же васъ всегда искать...

— Такъ я буду остороженъ, клянусь вамъ.

Стукъ колесъ и ударъ звонка прервали этотъ разговоръ.

— Лордъ Б... пріѣхалъ навѣстить васъ, сказала она, выглянувъ въ окошко, — я узнала его желтую собаку. Лордъ, должно-быть, пріѣхалъ за вами, чтобы показать вамъ, какъ празднуютъ день Пасхи въ Римѣ; побѣзжайте, вы меня тѣмъ обяжете; но возвращайтесь вечеромъ.

— Такъ вы не ревнуете къ...

— Къ Медоръ?.. А кольцо-то ваше? Еслибъ, послѣ этого, вы могли обмануть меня, я такъ презирала бы васъ, что не могла бы ужь любить.

Звонокъ не умолкалъ. Даниѣлла убѣжала въ ту же дверь, въ которую пришла, крича мнѣ: *до воскресенья вечеромъ!* а я пошелъ отворить лорду Б..., который точно за мною пріѣхалъ. Мы отправились съ нимъ.

— Дѣла плохи, съ тѣхъ поръ, какъ вы насъ оставили, ска-

залъ онъ мнѣ на дорогѣ. — Леди Гэрриетъ менѣ находила меня несноснымъ, пока вы были у насъ и умѣли поставить меня въ выгодномъ свѣтѣ, поддерживая мои мнѣнія. Я прибѣгъ наконецъ къ крайнему средству противъ скуки и тоски: я напивался пьянъ каждый вечеръ, одинъ въ моей комнатѣ. Это со мною рѣдко случается, но въ моей жизни бывають такіа мрачныя минуты, что нельзя этому не случиться. Жена моя ничего объ этомъ не знаетъ; но какъ я бываю спокойнѣе и унылѣе, когда мы вмѣстѣ, то она сдѣлалась еще нетерпѣливѣе. Я только тѣмъ въ выигрышѣ, что сталъ самъ равнодушнѣе къ ея вспышкамъ.

— А ваша племянница? лучше ли прежняя она расположена къ вамъ? мнѣ казалось, когда мы были вмѣстѣ въ Тиволи, что она къ тому склонялась.

— Вы ошиблись. Моя племянница, то-есть племянница моей жены, сдѣлалась невыносима со дня вашего отъѣзда. Можно подумать, чортъ возьми! что она влюблена въ васъ... если ужъ пришлось сказать правду.

Я поспѣшилъ перебить лорда Б... Бывають минуты неудержимой откровенности, особенно въ такомъ сердцѣ, которое сжималось долгое время, а я не хочу вывѣдывать отъ него то, что знаю и самъ.

— Еслибы миссъ Медора и могла заразиться такою болѣзнію, сказалъ я,—надобно надѣяться, что наша разлука давно ее вылѣчила.

— Я такъ и думалъ. Къ тому же она столько каталась верхомъ съ однимъ изъ нашихъ родственниковъ, которые пріѣхали сюда на этой недѣлѣ, что, я думаю, она вытрясла эту дурь. Сказать правду, въ послѣдніе пять дней, я только нынче, какъ говорится, въ своемъ умѣ. Быть-можетъ, что во время моей *умственной отлучки*, Медора и влюбилась въ своего двоюроднаго брата: онъ молодецъ собою, богатъ и большой охотникъ до лошадей и до путешествій. Мнѣ показалось сегодня, что она очень торопилась отправиться съ нимъ на прогулку, и что съ своей стороны Ричардъ Б... заставляетъ ждать себя съ дерзостью счастливаго обожателя.

Слава Богу, думалъ я; приключеніе въ Тиволи позабыто, и я, въ свою очередь, могу не вспоминать болѣе о немъ. Хотя я

до этой минуты сопротивлялся желанію лорда Б..., который пригласилъ меня помѣститься у нихъ; но теперь, не видя болѣе къ тому препятствій, согласился на неотступныя просьбы лорда, полагая, что отвергать его гостепріимство было бы даже неумо.

Въ остальное время дороги я увѣщевалъ лорда Б... не предаваться своему вакхическому отчаянію и не искать въ самозабвеніи средства къ преодолѣнію отвращенія къ жизни.

— Да развѣ лучше вамъ кажется, чтобы я пустилъ себя пулю въ лобъ, въ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ дней, когда сплывъ мой будетъ несносенъ.

Однакожь онъ признался, что послѣ употребленія, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, этого *антисциплическаго* средства, онъ впадалъ еще въ болѣе мрачную тоску, противъ которой не въ силахъ былъ бороться. Онъ, казалось, былъ удивленъ и тронутъ участіемъ, съ которымъ я увѣщевалъ его.

— Такъ въ васъ осталось еще дружеское ко мнѣ расположеніе? спросилъ онъ меня:—я думалъ, что я такъ надобѣлъ вамъ и показался вамъ дотога ничтожнымъ, что вы оставили Рихъ, убѣгая еще болѣе отъ меня, чѣмъ отъ самаго Рима. Теперь, когда я вижу, что у меня есть другъ, я постараюсь не быть недостойнымъ его уваженія, а я чувствую, что потерялъ бы это уваженіе, еслибъ уступалъ искушенію искать отрады въ безчувственности.

— Стараться недостаточно; надобно захотѣть.

Онъ далъ мнѣ торжественное обѣщаніе не пить цѣлый мѣсяцъ. Болѣе я не могъ сдѣлать.

Подъѣзжая къ Риму, мы увидѣли, что къ намъ неслись на встрѣчу по дорогѣ три всадника въ облакѣ,—не пыли, потому что дождь продолжалъ идти,—а мокраго песку, вздымаемаго ногами трехъ лошадей. Я едва узналъ миссъ Медору въ мокрой амазонкѣ, забрызганную, желтую съ ногъ по самый вуаль на шляпкѣ, всю въ этой глинистой кашѣ, какую обыкновенно распускаетъ дождь на проселочныхъ дорогахъ. Но она все была удивительно прекрасна съ своимъ оживленнымъ лицомъ, съ своею гордою, повелительною осанкой. Англичанки, которыхъ я здѣсь вижу, всѣ мастерицы ѣздить верхомъ, но рѣдкая изъ нихъ граціозна и хорошо одѣта.

Медора только въ половину Англичанка; движенія ея гибки и

она хорошо сложена. Ея верховый костюмъ красиво обрисовывалъ ея стройный станъ; она управляла своею бойкою лошадью съ истинною *maestria*; родственникъ Медоры — свѣтлорусый Англичанинъ, густо обросшій бородою, съ обильными волосами на головѣ, раздѣленными на двѣ совершенно равныя половины, пробормъ съ середины лба, черезъ весь затылокъ. Онъ совершенный красавецъ, какъ чертами, такъ и цвѣтомъ лица; но, не знаю почему, почти всѣ Англичане, какъ бы красивы они ни были, кажутся Французу какъ-то странными, и это что-то странное граничитъ иногда съ комическимъ. Въ нихъ есть какая-то тишичская неловкость, въ фізіономіи ли то, или въ одеждѣ, которая не сглаживается даже послѣ многолѣтняго пребыванія на материкѣ.

За этою галопирующею прекрасною четотою, ѣхали полною рысью два проворные, но неловкіе лакея чистой англійской породы. Эта кавалькада вихремъ пронеслась мимо насъ: прекрасная Медора не удостоила даже обернуться въ нашу сторону, хотя Буфало, усѣвшись на козлахъ, даялъ изо всѣхъ силъ и могъ обратить вниманіе всадниковъ на нашъ экипажъ.

Черезъ два часа, мы всѣ сидѣли за столомъ въ мрачной, огромной залѣ дворца ***. Лордъ Б... пилъ воду; леди Гэрриетъ осыпала меня нѣжными упреками за мой побѣгъ въ Фраскати; двоюродный братецъ ѣлъ и пилъ за четверыхъ; Медора, богато разодѣтая и нарядно-прекрасная, какою я не люблю ея, какъ ей это хорошо извѣстно, едва удостоила со мною поздороваться и разговаривала съ сэръ-Ричардомъ Б... по-англійски съ принужденною словоохотливостію. Я не понимаю этого языка и не люблю его мелодіи; Медора замѣчала это нѣсколько разъ. Я видѣлъ ясно, что я низко пагъ въ ея мнѣніи, и это меня вывело изъ принужденнаго положенія, въ которомъ я прежде находился.

Послѣ десерта оба Англичанина остались за столомъ, а я послѣдовалъ за дамами въ пріемную. Мы застали тамъ Брюмьера и нѣсколько пріѣзжихъ Англичанъ и Англичанокъ, съ которыми Медора принялась шепелявить и присвистывать на языкѣ своихъ предковъ.

— А чтѣ, сказалъ мнѣ Брюмьеръ,—видѣли вы братца? Вотъ Богъ послалъ *Боникитона*, который много повредитъ намъ.

— Говорите за себя; я не изъ числа претендентовъ, и присутствіе брата мнѣ вовсе не помѣха.

— А, вы продолжаете вздыхать по Фраскатанкѣ? Я начинаю убѣждаться, что я умнѣ поступилъ бы, еслибы былъ вашего мнѣнія. Я полагаю, что Даниелла не такъ неприступна и не такъ капризна.

Мы продолжали шутить въ этомъ тонѣ. Брюмберъ угрожалъ прѣхать въ Фраскати мѣшать моей любви, а я показывалъ притворное равнодушіе ко всѣмъ красавицамъ Англіи и Італіи. Въ этомъ разговорѣ имя Даниеллы, произнесенное имъ довольно громко, долетѣло до слуха миссъ Медоры, и я видѣлъ, какъ она вздрогнула, будто ужаленная осою. Не прошло и минуты, какъ она была уже возлѣ насъ, стараясь быть любезною, для того только, чтобы свести разговоръ на бѣдную гладильщицу. Я вывертывался, какъ умѣлъ, въ отвѣтахъ на ея вопросы о томъ, какъ проводилъ время, какія думы набѣгали мнѣ на умъ въ уединенныхъ окрестностяхъ Фраскати; но предатель Брюмберъ, всегда готовый ввести меня въ немилость у Медоры, умѣлъ такъ помочь прекрасной Англичанкѣ, что ей представилась возможность прямо спросить меня: «Видѣли вы мою прежнюю горничную въ Фраскати?»

Въ голосъ, которымъ это было сказано, слышалось столько досады и столько презрѣнія, что я былъ глубоко уязвленъ и отвѣчалъ съ поспѣшностію, предупредившею даже Брюмбера:— «Да, я видѣлъ ее нѣсколько разъ и даже сегодня утромъ.»

— Почему вы говорите это такимъ торжествующимъ тономъ? сказала она, сопровождая свой вопросъ дерзкимъ, громоноснымъ взглядомъ.— Мы очень хорошо знали, для чего вы переселились именно въ Фраскати, но тутъ еще нечѣмъ хвалиться! Вы счастливый преемникъ Тарталли и многихъ другихъ ему подобныхъ.

Я отвѣчалъ съ колкостью, что еслибы это и такъ было, то все же нѣсколько странно слышать это изъ стыдливыхъ устъ молодой Англичанки. Ссора наша зашла бы еще далѣе, еслибъ не подошелъ къ намъ сэръ-Ричардъ; миссъ Медора вынуждена была переменить разговоръ. Однако она продолжала колоть меня намеками; но я уже вполнѣ владѣлъ собою и показывалъ видъ, будто не понимаю ея двусмысленностей.

На другой день я ходилъ по церквамъ и смотрѣлъ на толпу народа. Всѣ испытанныя мною при этомъ впечатлѣнія собрались и сосредоточились въ слѣдующій день, во время великой церемоніи Свѣтлаго Воскресенія. Я сообщу вамъ въ послѣдствіи, что я видѣлъ въ этотъ день и что я обо всемъ этомъ думаю. Теперь я не хочу, я не могу прерывать мой разказъ.

— Послушайте, сказалъ мнѣ лордъ Б..., возвратясь пѣшкомъ изъ базилики Св. Петра, черезъ мостъ Св. Ангела:—я слышалъ нѣсколько колкихъ словъ въ вашемъ разговорѣ съ моею племянницею, по поводу Даниеллы. Я вижу, что вы страшно оскорбили самолюбіе этой царицы красоты, имѣя глаза для прелестей ея горничной; вы въ правѣ полюбить кого вамъ угодно, но берегитесь послѣдствій волокитства за туземкой, въ странѣ, гдѣ на иностранца смотреть какъ на добычу, и гдѣ все безъ исключенія становится предметомъ спекуляціи. Дѣвушка эта очень мила; я даже думаю, что она честна, но не безкорыстна; искренна, но не цѣломудренна... Я полагаю, что она имѣла любовниковъ, хотя и не могу утвердительно сказать этого. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вы подверглись тутъ какому-нибудь обману, а особы этого рода умѣютъ съ удивительнымъ безстыдствомъ выдавать ложь за истину.

— Послушайте, милордъ! отвѣчалъ я, рѣшившись самъ прибѣгнуть ко лжи, чтобы вывѣдать истину:—она была вашею любовницею; я это знаю.

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ спокойно,—мнѣ это никогда и на мысль не приходило. Любовная интрига въ домѣ жены? На что бы это походило?

— Въ такомъ случаѣ... мнѣніе ваше о легкости ея нравовъ основано на какихъ-нибудь доказательствахъ?

— Я уже сказалъ вамъ, что у меня нѣтъ никакихъ доказательствъ. Но у ней такая вызывающая наружность, смотритъ она такую лаутовкой, такъ походить на деревенскую или горничную кокетку, что еслибъ она и понравилась мнѣ, я не рѣшился бы быть ея любовникомъ. Имѣя множество слугъ, и переезжая съ мѣста на мѣсто, мы не можемъ и не хотимъ наблюдать за нравственностію людей, за которыхъ отвѣтственность не лежитъ на насъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ

— Совершенно все?

— По чести!

Было шесть часовъ пополудни. Леди Гэрриетъ оставляла меня обѣдать, чтобы я могъ послѣ видѣть иллюминацію церкви Св. Петра, но у меня не плошки и не шкалики были въ головѣ. Я сказалъ, что далъ слово Брюмьеру обѣдать съ нимъ вмѣстѣ, но онъ, по опрометчивости или съ умысломъ, выдалъ меня, отвѣтивъ, что не бралъ съ меня такого обѣщанія. Во всякомъ случаѣ я былъ очень недоволенъ его отвѣтомъ и далъ ему это почувствовать. — Вы, право, чудакъ, сказалъ онъ, отводя меня въ сторону, когда я сталъ упрекать его за недостатокъ обязательности, — вы недоверчивы, какъ Итальянецъ, и таинственны, какъ любовникъ какой-нибудь принцессы. И все это для этой фраскатанской дѣвчонки! развѣ вы не могли предупредить меня, что хотите на ночь воротиться къ ней, и я помогъ бы вамъ ускользнуть отсюда. Чортъ возьми, я хорошо понимаю, что неловко было бы намекнуть нашимъ Англичанкамъ о такомъ естественномъ дѣлѣ, но къ чему же скрываться отъ меня, какъ будто бы дѣло шло въ самомъ дѣлѣ о какой-нибудь принцессѣ?

Я былъ оскорбленъ, а долженъ былъ казаться равнодушнымъ. Я долженъ былъ отречься отъ сношеній съ Даниеллой, а между тѣмъ, мнѣ очень хотѣлось поссориться съ Брюмьеромъ за то, что онъ говорилъ о ней. По какому праву оскорблялъ онъ женщину, предметъ моихъ желаній? Какова бы ни была эта женщина, я чувствовалъ потребность и какъ будто обязанность защитить ее. Но уступить этой потребности, значило бы обнаружить прѣзуба, которыхъ я еще не имѣлъ.

Гнѣвъ мой палъ на Тарталью, который преслѣдовалъ меня до моей комнаты, надоедая мнѣ своею обычною пѣсней о любви ко мнѣ Медоры и объ относительномъ ничтожествѣ Фраскатанки, *этой пустой дѣвчонки*, которая не стоила такого *мосью* какъ я. Къ моему нетерпѣнію примѣшивалась какая-то скрытая досада при унижительной мысли, что этотъ мерзавецъ, предметъ первой любви Даниеллы, вѣроятно употребилъ во зло ея доверчивость. Я чувствовалъ, что выхожу изъ себя, и что онъ замѣчаетъ мою смѣшную ревность.

— Полноте, полноте, *мосью*, сказалъ онъ мнѣ, хватаясь за дверь, такъ что она очень кстати очутилась между имъ и мною:

— Кто вамъ мѣшаетъ думать объ этой дѣвчонкѣ? тутъ нѣтъ еще большой бѣды; но чтобы это не мѣшало вамъ мѣтить повыше. Вы понимаете, что я говорю вамъ это не изъ ревности; у меня нѣтъ ничего съ Даніеллой; я ужь давно...

Онъ убѣждалъ, договоривъ дорогою свою фразу, которую стукъ хлопнувшей двери помѣшалъ мнѣ дослышать.

Я остался въ сильномъ волненіи, чувствуя, что оно безразсудно, но я не могъ преодолѣть его. Боже мой! Боже мой! говорилъ я самъ себѣ. Неужели я влюбленъ до такой степени? и еще въ кого? въ прелестницу, быть-можетъ, послѣдняго разряда! Можетъ-быть они всѣ правы, насмѣхаясь надо мною! Когда это водилось, чтобы человѣкъ моихъ лѣтъ краснѣлъ отъ того, что ему понравилась женщина, принадлежавшая сотнѣ другихъ? Почему не признаться простодушно, что я желаю ее, какова бы она ни была? Я знаю, что надобно умѣть сдерживать животность такихъ вожделѣній, и, по долгу свѣтскаго человѣка, отложить до завтра свиданіе, о которомъ и мысль не должна заражаться въ присутствіи честныхъ женщинъ. Но зачѣмъ же, чортъ возьми, эта Медора, такъ безумно бросившаяся мнѣ на шею, осмѣливается мнѣ говорить о моихъ чувственныхъ побужденіяхъ? Произнося имя Даніеллы, она явно говорить о нихъ.

Въ этихъ мысляхъ я вышелъ изъ дворца, протолкался сквозь шумную толпу, собравшуюся вокругъ увѣшанныхъ флагами *frit-torie* и подошелъ къ церкви Св. Іоанна Латеранскаго, не подумавъ на чемъ бы доѣхать до Фраскати, но рѣшившись непременно быть тамъ въ тотъ же вечеръ, еслибъ и пѣшкомъ пришлось совершить это путешествіе.

Я дошелъ, наконецъ, до воротъ Св. Іоанна, припоминая себѣ, что тамъ, за городскими воротами, у питейныхъ домовъ, я видѣлъ наемныхъ лошадей. Но когда, въ восемь часовъ вечера, я сталъ спрашивать, кто возьмется довести меня до Фраскати, вокругъ меня раздался крикъ удивленія, насмѣшки, почти негодованія.

— Да, да, *маларія* и разбойники! поспѣшилъ я отвѣчать имъ:—я все это знаю. Но можно заработать хорошія деньги. Что возьмете вы?

— Нѣтъ, зччелленца, въ эту пору вы не достанете лошадь съ проводникомъ и за четыре скуда.

— А за пять?

— За пять? въ будни дѣло возможное; но сегодня, въ первый день Пасхи! Нѣтъ, нѣтъ, и за шесть не найдете!

Я готовъ былъ предложить семь, на наши деньги франковъ около сорока. Эта сумма, предложенная такимъ бѣднякомъ какъ я, можетъ доказать вамъ, какъ сильно въ эту минуту я хотѣлъ сдержать слово, данное моею любезною. Лордъ Б..., предложивъ пятьсотъ ф. ст., не былъ бы расточительнѣе меня.

По счастью, для моего тощаго кошелька, въ эту минуту чья-то рука тронула меня за локоть. Обернувшись, я увидѣлъ Тарталью. Что вы тутъ дѣлаете, эччелленца? спросилъ онъ меня по-итальянски. — Лошади здѣсь. Милордъ прислалъ ихъ вамъ и приказалъ мнѣ проводить васъ.

Добрый лордъ Б...! думалъ я, слѣдуя за Тартальею къ лошадямъ, которыхъ въ десяти шагахъ оттула держалъ за поводья нищій; онъ нападаетъ на меня за мои безразсудныя прихоти, и самъ же помогаетъ мнѣ исполнять ихъ.

Не теряя времени, я вскочилъ на ожидавшаго меня, въ нетерпѣніи, англійскаго скакуна; я и не подумалъ о томъ, что, вовсе не зная правилъ верховой ѣзды, и года четыре не савившись на лошадь, легко могу сломить себѣ шею. Но въ дѣтствѣ моемъ, я не разъ скакалъ по лугамъ на небѣзженныхъ жеребятахъ, безъ сѣдла и безъ узды; я навѣкъ сидѣть крѣпко и спокойно, не дѣлая неловкихъ движеній новичка, которыя беспокоятъ и пугаютъ пылкую или щекотливую лошадь, и потому дѣла пошли не дурно. Послѣ доброй мили шибкой рыси, удовлетворившей первому пылу лошади, она обошла, и я почувствовалъ, что она уже въ моихъ рукахъ, и я могу по произволу замедлить или ускорить ея аллюръ.

Тогда я обратился къ Тартальѣ, ѣхавшему за мною, тоже на прекрасной лошади, и переважно усѣвшемуся въ сѣдлѣ, несмотря на свои коротенькія ножки и огромный плащъ, которымъ была окутана его фигура.

— Ты, любезный, можешь себѣ отправляться назадъ; ты ужъ и такъ далеко заѣхалъ. Нѣтъ надобности подвергаться, для меня, лихорадкѣ или встрѣчѣ съ разбойниками. Возвращайся во дворецъ и скажи лорду Б..., что ты мнѣ не нуженъ; а лошадь я отошлю ему завтра.

— Нѣтъ, нѣтъ, *мосью*, я васъ не покину. Въ этомъ плащѣ я не боюсь лихорадки, а что до разбойниковъ, то имъ нечего нападать на бѣдняка, у котораго и десятка *байконовъ* не нашли бы въ карманѣ.

— Но ихъ могъ бы прельстить твой прекрасный плащъ, тѣмъ болѣе, что ты драпируешься имъ съ такимъ величіемъ...

— Вѣрьте мнѣ, эччеленца, на такихъ скакунахъ нечего воровъ бояться. Я только прошу васъ отбросить самолюбіе и въ случаѣ недоброй встрѣчи удирать, что лошадь вынесетъ.

Даниѣла, я обещаю тебѣ это! подумалъ я про себя. Мнѣ хотѣлось узнать, какимъ образомъ лордъ Б... догадался о моемъ вторичномъ бѣгствѣ, и несмотря на мое отвращеніе къ разговорамъ съ Тарталей, я началъ его расспрашивать, но онъ уклонялся отъ моихъ вопросовъ. — Нѣтъ, нѣтъ, *мосью*, отвѣчалъ онъ:—теперь не время разказывать. Я разкажу вамъ все, что угодно, когда мы увидимъ первые дома Фраскати; вѣрьте, я *вамъ это говорю*, въ римской Кампаньи, когда день склоняется къ вечеру, нечего зѣвать, распусти поводья, да балагурить. Поѣдемъ скорѣе, и если вы завидите людей на дорогѣ, пожалуста не полѣнитесь прищпорить свою лошадку.

Я непременно хотѣлъ отправить его въ Римъ. — Это невозможно, отвѣчалъ онъ,—нечего и толковать; милордъ выгналъ бы меня изъ дому, еслибъ я посмѣлъ его послушаться.

Мы пустились доброю рысью. День былъ прекрасный, и небо было чисто. Мы уже протѣхали *Tor di mezza via*, уединенную башню на половинѣ дороги между Фраскати и Римомъ, какъ Тарталя, почтительно ѣхавшій позади меня, обогналъ меня галопомъ, и крикнулъ мнѣ, чтобы я не близко за нимъ слѣдовалъ, не укорачивая, впрочемъ, ходу своей лошади.

Это обстоятельство подало мнѣ мысль, что онъ водить хлѣбъ-соль съ ночными бродягами, и что онъ узналъ о ихъ присутствіи, по какому-нибудь знаку, неуловимому для моихъ глазъ и для моего слуха.

Я не сомнѣвался болѣе въ этомъ, когда, настигнувъ его рысью, я увидѣлъ, что онъ сѣдился на лошадь, простившись съ кучкой людей; въ числѣ которыхъ я замѣтилъ одного, высокаго роста; казалось, я видѣлъ его не въ первый разъ, но онъ какъ будто избѣ-

галъ моихъ взоровъ и отворотился въ сторону, когда я проѣзжалъ. Другіе имѣли видъ туземныхъ нищихъ.

— Мошенникъ, сказалъ я Тарталь, когда мы оставили за собою этихъ людей: — ты, кажется, не безъ причины не боишься разбойниковъ.

— *Мосью, мосью*, отвѣчалъ онъ, прикладывая палецъ къ губамъ, — не говорите о томъ, чего вы хорошо не знаете. Есть мошенники въ римской Кампаньѣ, но есть и честные люди, и право не худое дѣло имѣть такого пріятеля, какъ я, который знаетъ, что сказать и тѣмъ и другимъ.

— Позволь, по крайней мѣрѣ, узнать, что это за люди, отъ которыхъ ты, какъ увѣряешь, оберегъ меня теперь: честные или разбойники?

— Зачѣмъ вамъ знать это? я не требую отъ васъ ничего, ни для себя, ни для нихъ. Ъдемъ, ѡдемъ, я боюсь только нечаянностей.

Мы безъ препятствій доѣхали до подошвы горы. Я хотѣлъ подняться на гору шагомъ, чтобъ побережъ лошадь; но Тарталья энергически возсталъ противъ этого.

— Что вы это вздумали, *мосью*! На дворѣ совсѣмъ уже стемнѣло, а здѣсь самое опасное мѣсто; дорога идетъ въ гору. Поглядите-ка сюда! видите вы тамъ бассейнъ съ водою? ни одинъ изъ проѣзжихъ, вздумавшій напоить здѣсь свою лошадь, не поѣхалъ отсюда далѣе. А тамъ, вдоль этой каменной ограды, развѣ вы не замѣтили, когда проѣзжали здѣсь днемъ, людскіе черепа и кости, сложенные крестомъ? Понять, кажется, не трудно, что все это значить.

Наконецъ мы пріѣхали къ городскимъ воротамъ, и Тарталья рѣшился наконецъ заговорить о лордѣ Б... — Вотъ, что, *мосью*, сказалъ онъ: — не сердитесь только. Лорду, вѣрно, и въ умъ не приходитъ, что вы теперь въ Фраскати; онъ думаетъ, что вы прогуливаетесь по римскимъ улицамъ, любуясь иллюминаціей. Мы теперь на горѣ, и вы можете отсюда судить, отъ какой прелести вы ускакали. Остановитесь и взгляните назадъ.

Я обернулся. Передо мною открылся великолѣпнѣйшій видъ. Римъ блисталъ во мракѣ, какъ громадная плеяда свѣтилъ небесныхъ. На соборной церкви Фраскати пробило десять часовъ.

— Смотрите! вскричалъ Тарталья въ восторгѣ: — смотрите на

куполъ Петра; сейчасъ будетъ *перемѣна*. А! фраскатанскіе часы бѣгутъ минутою... нѣтъ двумя... Подождите! Вотъ! вотъ! глядите! Каково?

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ блести свѣта на куполѣ, сіявшіе, на разстояніи тринадцати миль, бѣловатымъ свѣтомъ, вдругъ измѣнились въ блестящія алія искры. Огромный маякъ на вершинѣ купола пылалъ, окруженный во мракѣ вѣнцомъ краснаго за-рева. Римляне большіе охотники до этого зрѣлища. Пятьсотъ работниковъ заняты въ этотъ день, чтобъ доставить городу это удовольствіе, и когда *перемѣна* дѣлается не мгновенно, не вдругъ на всѣхъ частяхъ громаднаго зданія: на куполѣ, базиликѣ, боковыхъ колоннадахъ и фонтанахъ, публика безпощадно освистываетъ машинистовъ. Зато машинисты полагаютъ на это дѣло все свое самолюбіе, и Тарталья съ хладнокровіемъ философа замѣтилъ: —Въ эту минуту пятеро или шестеро этихъ бѣдняковъ изволятъ кувираться сверху внизъ, исполнивъ проворно, какъ слѣдуетъ, свой долгъ, потому что *перемѣна*, кажется, очень удалась, и публика должно-быть довольна. Чтò дѣлать! ловкая *перемѣна* безъ того не обходится. Куполъ крутъ и очень опасенъ!

— Ну, я довольно насмотрѣлся на твои шкалики. Скажи мнѣ теперь, какимъ образомъ я очутился на лошади лорда Б..., когда онъ не присылалъ мнѣ ея, какъ ты самъ говоришь?

— А такимъ образомъ, что вы вовсе не на лордовомъ скакунѣ, а на лошади миссъ Медоры. А я выбралъ себѣ изъ лошадей прислуги, которая поспокойнѣе въ ѣздѣ и покрѣпче ногами.

Тарталья заставилъ меня думать, что Медора послала его ко мнѣ съ лошадьми, и не выводилъ меня нѣкоторое время изъ заблужденія; онъ признался мнѣ только тогда, когда я уже слѣзъ съ лошади. —Это я самъ по себѣ осѣдлалъ лошадей и *принялъ на себя* распрявить имъ ноги дюжиною небольшихъ миль. А ужъ ноги! нечего сказать, продолжалъ, смѣясь, безстыдный цыганъ. Миссъ Медора замѣтитъ, быть-можетъ, что ея *Отелло* не слишкомъ горячится, и сама не будетъ такъ дурачиться; на томъ и дѣлу конецъ. Къ тому же небо хмурится, быть ненастью; миссъ Медора просидитъ день-другой дома, а *Отелло* пока отдохнетъ. Полно, *мосю*, не сердитесь; все сдѣлано къ лучшему. Какъ я увидалъ, что я только пуще раздосадовалъ васъ, и что вы уже подхватили свой чемоданчикъ и, не говоря ни слова, вышли изъ дому, я подумалъ про

себя: Бѣдный молодой человѣкъ не найдетъ повозки и отправится пѣшкомъ; а если и найдетъ, тѣмъ еще хуже; его остановить на дорогѣ; онъ, сумашедшій, станетъ обороняться и, чего добраго, молодца пожалуй у меня и уходить...

— Но какой чортъ просить тебя принимать во мнѣ участіе? закричалъ я, бросая ему двадцати-франковую монету, отъ которой онъ упрямо отказался.

— Я принимаю участіе въ будущемъ мужѣ Медоры, отвѣчалъ онъ,—въ будущемъ наслѣдникѣ леди Б..., потому что, *я смредѣ вамъ говорю это*, вы непременно будете мужемъ этой миссъ и наслѣдникомъ этой леди. Теперь вы вбили себѣ въ голову чернобровую Фраскатанку, но не пройдетъ и недѣли, она надѣстъ вамъ, и вы возвратитесь въ Римъ. Сердце синьйорины не лежитъ къ ея дородному братцу Ричарду. Она тѣмъ менѣе его любитъ, что старается полюбить его. Но онъ глухъ, а она это видитъ. Прощайте, эччеленца; вы щедры, я это знаю, и потому не хочу ничего брать отъ васъ, пока вы не разбогатеете. Обогащая васъ, я хлопочу о себѣ.

Сказавъ это, онъ вскочилъ на свою лошадь и повелъ Отелло въ поводу. Я хотѣлъ, чтобы онъ заѣхалъ въ городъ и далъ вздохнуть лошадямъ.

— Нельзя, отвѣчалъ онъ. Конюхи разбрелись теперь по улицамъ Рима и ввѣрили моимъ попеченіямъ конюшню; но къ свѣту они воротятся: такъ надобно, чтобъ кони обсохли и были вычищены къ ихъ приходу, такъ чтобы они ничего не подозрѣвали.

Онъ помчался галопомъ, а я сталъ взбираться на *via Piccolomini*, пристыженный немного мыслию, что любимая лошадь Медоры привезла меня на свиданіе, за которое она неизбежно возненавидѣла бы меня. Я видѣлъ также, что предсказанія Брюмьера, относительно Тартальи, сбывались: «Когда бы ни было, онъ всегда появѣтся, какъ только его услуги будутъ для васъ необходимы, и сумѣетъ сдѣлаться нужнымъ человѣкомъ, и въ вашихъ удовольствіяхъ, и въ минуты опасности.» Вотъ что говорить мнѣ когда-то Брюмьеръ.

Въ этихъ мысляхъ, я стоялъ у запертой рѣшетки. Я не хотѣлъ сильно звонить, потому что колокольчикъ раздавался слишкомъ громко. Она здѣсь, думалъ я. Она выйдетъ украдкой отворить мнѣ калитку.

XVIII.

Того же числа.

Когда я стоялъ у калитки и со всевозможнымъ терпѣніемъ ожидать появленія Даніеллы, со мною случилось загадочное приключеніе, котораго я до сихъ поръ не понимаю и можетъ-быть никогда не пойму. Монахъ выходилъ изъ *via Piccolomini*, то-есть изъ оконечности города, и казалось мнѣ, шелъ къ *via Falconieri*, одной изъ тѣсныхъ изложистыхъ дорожекъ, которыя пробираются между парками и носятъ названіе того изъ нихъ, къ которому ведутъ. Этотъ монахъ прошелъ очень близко мимо меня; думая, что онъ не видитъ меня, я посторонился, чтобы онъ не задѣлъ меня; но онъ видѣлъ меня, и когда поровнялся со мною, быстро сунулъ мнѣ въ руку что-то похожее на четырехугольную металлическую пластинку, потомъ, сей же часъ, не ожидая отъ меня никакого вопроса, углубился въ изложистую тропинку и исчезъ изъ моихъ глазъ. Это былъ не капуцинъ, дядя Даніеллы, а высокій монахъ въ бѣлой съ чернымъ рясо, похожій на видѣннаго мною въ развалинахъ тускуланскаго театра, что тогда, какъ казалось мнѣ, избѣгалъ моихъ взоровъ. Только этотъ былъ, повидимому, гораздо худощавѣе.

Таинственный предметъ, отданный мнѣ монахомъ, была жесткая дощечка, величиною въ визитную карточку, съ нѣсколькими сквозными дырочками, назначеніе которыхъ невозможно было распознать ощупью. Я ломалъ себѣ голову, стараясь отгадать, былъ ли это какой символическій религіозный знакъ, раздаваемый чужеземнымъ богомольцамъ, въ память ихъ далекаго странствія, или таинственный намекъ отъ Даніеллы? Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ, что же онъ значилъ, и къ какой стати вмѣшался монахъ въ любовную интригу?

Помня, однакоже, предостереженія Брюмбера и лорда Б..., что въ этой странѣ можно ожидать самыхъ необыкновенныхъ случаевъ, я пересталъ звонить и также пошелъ по *via Falconieri*, не для того, чтобы слѣдить за монахомъ, но чтобы самому скрыть свои слѣды отъ шпионовъ, еслибъ они за мною наблюдали, и спрятаться отъ нихъ въ темнотѣ.

Когда я пришелъ въ такое мѣсто дорожки, гдѣ царствовала со-

вершенная темнота подъ нависшими вѣтвями деревьевъ двухъ смежныхъ парковъ, я потеръ спичку, будто для того, чтобы закурить сигару, но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы увѣриться, что тамъ, кромѣ меня, никого не было, и чтобы взглянуть на талисманъ монаха. Дѣйствительно, это долженъ быть талисманъ, но трудно отгадать, какой вѣрѣ онъ принадлежитъ. Я не могъ придумать, какое назначеніе имѣютъ дырочки, просверленные въ металлической пластинкѣ. Обозрѣвъ ихъ со вниманіемъ, я положилъ этотъ амулетъ въ карманъ и, продолжая путь, пришелъ въ садъ своей виллы черезъ валь, окружающій площадку, засаженную оливковыми деревьями, за калиткою, что противъ рѣшетки виллы Фальконьери. Ночь была тепла и темна; изъ Фраскати слышались клики веселья, которые были новостью для моего слуха. Во время поста, а въ особенности на страстной недѣлѣ, кромѣ унылаго звона колоколовъ и однообразнаго боя башенныхъ часовъ, я не слыхалъ никакого звука. Если бы кто вздумалъ постомъ заиграть на какомъ-нибудь инструментѣ, запѣть пѣсню, или чѣмъ-либо обнаружить желаніе погулять за стаканомъ вина или поплясать, тотъ неминуемо долженъ бы былъ *cadere in rena*, то-есть заплатить пеню или посидѣть въ тюрьмѣ. Зато, съ перваго дня святой недѣли, жизнь пробуждается: все населеніе Церковной Области поетъ, кричитъ, пляшетъ. Таверны снова отворены, вездѣ огни, въ каждомъ сараѣ балъ, и невольно подивившись, какъ этотъ народъ, осужденный грозой сбира и тюремщика на строгое воздержаніе, — которое всегда сопровождается огрубѣніемъ души, если проистекаетъ не изъ доброй воли, — снова, со всѣмъ пыломъ и наивностію, предается веселью вольной птицы, снова прыгаетъ и кричитъ какъ мальчикъ, вырвавшійся изъ школы.

Вошедши въ домъ, я увидѣлъ, что я напрасно бы звонилъ до самаго утра, потому что въ цѣломъ домѣ не было ни души. Меня взяла досада, при мысли, что моя отчаянная рѣшимость пріѣхать въ назначенный часъ привела меня только къ обманутой надеждѣ. Пресдавъ напрасно съ четверть часа, я рѣшился пойти посмотрѣть на праздничную фizioномію Фраскати въ надеждѣ встрѣтить тамъ Даниеллу въ танцахъ, веселую и позабывшую назначенное мнѣ свиданіе. Но я напрасно обошелъ цѣлый городъ и его предмѣстья, заглядывая тайкомъ во всѣ та-

верны; я видѣлъ только Маріуччію, которая, казалось, находила для себя большое удовольствіе смотрѣть на пляски дѣвушекъ; она не обратила на меня ни малѣйшаго вниманія.

Я возвратился домой въ большой досадѣ, въ дурной и постыдной досадѣ,—и засталъ Даніеллу въ моей комнатѣ: она молилась на колѣняхъ, опершись на кресло. Она не прервала своей молитвы, хотя и видѣла, какъ я вошелъ. Я имѣлъ время раскаяться, успокоиться и подивиться героическому хладнокровію, съ которымъ эта дѣвушка, дошептывая свою молитву и набожно крестясь, пошла вынуть ключъ изъ моей двери и засунуть задвижку.

Тогда только она взглянула на меня и вдругъ поблѣднѣла. — Что съ вами? спросила она:—вы смотрите на меня съ такимъ насмѣшливымъ и холоднымъ видомъ?

— А вы, и не смотрите на меня, хотя я уже минутъ пять стою передъ вами; а я васъ такъ ждалъ, такъ искалъ...

— Такъ это-то разсердило васъ? Вы думаете, мнѣ легко придти сюда въ такую позднюю пору, когда мой братъ въ Фраскати, и когда цѣлый Фраскати на ногахъ? Полноте сердиться и послушайте, какъ я устроила, чтобы тетка ни о чемъ не знала; не думайте, чтобы она позволила мнѣ придти къ вамъ, пока вы не дадите обѣщанія остаться мнѣ вѣрнымъ. Она думаетъ, что я теперь на виллѣ Таверна-Боргезе, за четверть мили отсюда, въ садахъ. Я взяла тамъ работу на цѣлый мѣсяцъ и, подъ предлогомъ, что въ ненастную погоду далеко возвращаться оттуда домой, упростила тамошнюю экономку помѣстить меня у себя на это время. Эта женщина моя пріятельница, и съ нею дѣло совсѣмъ улажено. Она отвела мнѣ такую комнату, что я могу выходить когда хочу, такъ что никто изъ тамошнихъ этого не замѣтитъ. Сегодня вечеромъ я отправилась туда вмѣстѣ съ нею, при моемъ братѣ и при теткѣ, и ждала тамъ, пока мнѣ было можно ускользнуть въ виллу Фальконьери, а оттуда пробраться сюда, по знакомымъ дорожкамъ, и вотъ я здѣсь.

Эти послѣднія слова: *и вотъ я здѣсь*, были сказаны съ невыразимою прелестью. Въ прекрасномъ голосѣ и прекрасномъ взорѣ этой дѣвушки была какая-то ангельская непорочность, которая должна была поразить меня, но обаянію которой я подвергся совершенно безотчетно. Я обнялъ Даніеллу, но вдругъ остано-

вился, удивленный и встревоженный: я почувствовалъ слезы на ея щекахъ.

— Что это, *Daniella mia*? сказалъ я ей.— Не съ сожалѣніемъ ли предаешься ты любви моей?

— Молчи, возразила она:— не обманывай! Въ тебѣ нѣтъ любви ко мнѣ!

Этотъ упрекъ раздражилъ меня.

— Эхъ, Боже мой! не опять ли начнемъ говорить другъ другу разные тонкости и дѣлать условія?

— Условія!.. развѣ вы общали мнѣ хоть два дня привязанности? а я однако здѣсь!

— Ты здѣсь, вся въ слезахъ; не то ли же это, какъ бы тебя здѣсь вовсе не было! Клянусь тебѣ, я ничѣмъ не хочу быть обязанъ рѣшимости, смѣшанной съ сожалѣніемъ. Если я не нравлюсь тебѣ, или если ты жалѣешь, что ввѣрилась мнѣ, ступай, я не удерживаю тебя!

— Нѣтъ, я пришла и останусь, потому что люблю васъ! я только въ этомъ и увѣрена: Тутъ она закрыла лицо руками и заплакала съ такою искренностію грусти, что первые восторги мои смѣнились тайнымъ душевнымъ страданіемъ.

— Послушайте, Даніелла, сказалъ я,—если вы дѣвушка страстная и не легкомысленная, разстанемся пока еще время. Я человѣкъ честный, и долженъ сказать вамъ, что не могу на вѣкъ остаться здѣсь, не могу и увести васъ съ собою. Я не хочу соблазнять васъ и принять на себя обязанность свыше силъ моихъ. Я обѣденъ и не могу прилично жить иначе какъ въ совершенной независимости; я уже говорилъ вамъ это. Прощайте, прощайте. Ступайте, пока еще у меня есть силы желать, чтобы вы ушли.

— Такъ вы бы за большой грѣхъ почли обольстить дѣвушку, которая еще не имѣла любовника?

— Да, еслибы она, какъ вы, судя по вашимъ слезамъ, сознавала значеніе своей жертвы. Я не хочу принять этой жертвы, когда, въ замѣнъ, не могу самъ ничѣмъ пожертвовать.

— Вы не въ шутку говорите это?

— Клянусь въ томъ моею честію.

— Ничего въ замѣнъ!... проговорила она, идя къ дверямъ.— Ни одного дня, быть-можетъ ни одного часа вѣрности!

Она отворила дверь и медленно вышла изъ комнаты, какъ бы давая мнѣ время позвать ее; но я имѣлъ столько силы, что не сдѣлалъ этого; я былъ такъ странно взволнованъ; я чувствовалъ, что я погибну, что я навѣки наложу на себя цѣпи, если увлекшись минутой, погублю непорочность цѣлой жизни.

Не слыша, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, никакого шума, я полагалъ, что она ушла. Нервы мои были дотога раздражены, голова такъ горѣла, что я и самъ заплакалъ съ досады и сожалѣнія. Я чувствовалъ себя совершеннымъ скотомъ, и, схватя шляпу, хотѣлъ уйдти.

— Куда вы? вскричала она, стремительно загоразивая мнѣ юрогу на чердакъ, при выходѣ изъ моей комнаты.

— Иду шляться по тавернамъ Фраскати. Проходя мимо, я видѣлъ много хорошенъкихъ личиковъ, и надѣюсь найти любезную, которую не заставлю проливать слезы.

— Такъ вы только этого и хотите? ночь любви безъ завтрашняго дня?

— Безъ завтрашняго дня или нѣтъ, не знаю. Но я не хочу ни условій, ни сожалѣнія.

— Идите, сказала она, — я васъ не удерживаю.

И она съѣла на первую ступень лѣстницы, которая была такъ тѣсна, что для того, чтобы пройти внизъ, мнѣ нужно было какъ-нибудь отстранить Даніеллу. Она уже не плакала; въ словахъ ея отзывалась сухость, въ позѣ видно было пренебреженіе.

— Даніелла, сказалъ я, поднимая ее, — мы тратимъ въ ребяческой и грустной игрѣ время, которое бѣжить и можетъ-быть никогда не возвратится. Если вы точно любите меня, такъ почему не принять ту любовь, которую я могу дать? Будьте сами собою. Будьте искренни, если вы слабы; крѣпитесь, если вы крѣпки. Уходите или оставайтесь; но не принуждайте меня страдать и безумствовать.

— Правда твоя, вскричала она, охвативъ руками мою шею: — лучше быть искреннею. Да, да, я слаба! Чувства одолеваятъ меня.

— Вотъ такъ лучше. Благодарю мою счастливую судьбу! Такъ я не первый твой любовникъ?

— Не первый, не первый! я лгала! Не упрекай себя ни въ

чемъ и люби меня, какъ я стою, какъ только можешь, какъ только хочешь! Но тише! я слышу, Маріуччія идетъ домой; она заглянетъ, пришелъ ли ты; притворись, будто спишь, не шевелись; если она заговоритъ, не отвѣчай.

Солнце уже свѣтило, а я былъ у ногъ Даніеллы. Другъ мой! я плакалъ какъ ребенокъ, и слезы текли не съ досады, не отъ нервнаго припадка; онѣ лились изъ сердца; это были слезы глубокаго чувства и слезы раскаянія. Милое, очаровательное созданіе! Она обманула меня; она хотѣла принадлежать мнѣ, во что бы ни стало, не признанною, оклеветанною, униженною моимъ недоумѣемъ, моею эгоистическою, грубою страстью. О, я предчувствовалъ, что буду наказанъ собственною совѣстію, что буду презирать себя! Я такъ недостойно, такъ незаслуженно завладѣлъ этимъ сокровищемъ любви и цѣломудрія!

— Прости, прости меня! говорилъ я ей:—я желалъ тебя, не зная цѣны тебѣ; я краснѣлъ за чувство, которое влекло меня къ тебѣ; я боролся съ нимъ; я грязнилъ его, сколько могъ въ моей мысли. Я поступалъ, какъ дѣти, которыя любятъ только блестящими красками цвѣтка и обрываютъ его, не зная объ его ароматѣ. Я былъ недостойнъ своего счастья, я не стоилъ твоей преданности, твоей жертвы, и вотъ, стыдясь за себя, я лежу теперь у ногъ твоихъ: ты заслуживала обожанія, долгихъ исканій и моленій, а я осквернилъ чистоту любви, которую долженъ былъ принести тебѣ, прежде чѣмъ обладалъ тобою. Но я искуплю это преступленіе. Я буду любить тебя теперь, какъ долженъ былъ любить тебя прежде, и буду такъ долго, какъ ты хочешь, твоимъ рабомъ, прежде чѣмъ опять стану твоимъ любовникомъ. Повелѣвай мною, испытывай меня, накажи меня, отомсти за оскорбленіе твоей гордости, твоего достоинства. Я люблю тебя, люблю тысячу разъ болѣе, нежели ты можешь, нежели ты должна любить меня!

Потомъ, я погрузился въ безмолвное, блаженное созерцаніе этого созданія, такъ соблазнительнаго и такъ цѣломудреннаго, такъ пылкаго и такъ смиреннаго... Она, чистая, оклеветала себя и загасила свой свѣтильникъ, чтобы уподобиться дѣвѣ юродивой, чтобы успокоить дурную и подлую совѣсть того, кого она любила, и кто такъ грубо ошибался въ ней! Но это свѣтъ наизнанку, подумалъ я; мнѣ досталось на долю невѣроят-

ное счастье; это сонъ! И я прижималъ ея когѣна къ облегченной груди моей. Я лежалъ во прахѣ передъ нею и отдавалъ всю душу мою, отдавалъ ей безусловно всю жизнь мою. Я былъ въ изступленіи, и теперь, когда пишу къ вамъ эти строки, я все еще въ изступленіи и въ безуміи! Уже нѣсколько часовъ сижу я одинъ въ этихъ развалинахъ, чувствуя невыразимое упоеніе, какую-то сердечную радость, смѣшанную съ раскаяніемъ и душевнымъ умиленіемъ. Нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ живу, я еще никогда не испытывалъ такого энергическаго и такого сладостнаго чувства

О Даниэлла, Даниэлла! могу ли я назвать любовь мою къ тебѣ безуміемъ? Могу ли я сказать, что я существовалъ до этого времени? Конечно нѣтъ, потому что я люблю въ первый разъ, и чувствую, что еслибы за этотъ день я долженъ былъ заплатить цѣлою жизнію, я и тогда благодарилъ бы Бога за этотъ блаженный день!.. Жить всѣмъ могуществомъ существа своего! считать ни во что презрѣнныя заботы жизни, эти горы и бездны препятствій и неудачъ, которыя возстаютъ и разверзаются подъ ногами всѣхъ, даже самыхъ обыкновенныхъ людей, чтобы безсмысленно терзать ихъ мрачными и безплодными грезами! чувствовать въ себѣ силу поднять міръ на плечахъ, чувствовать въ себѣ столько спокойствія, что хоть все небо обрушится надъ головою, столько пыла, что хоть на небо взбѣжать! Нѣжность матери и слабость женщины; подвижность воды, дрожащей отъ малѣйшаго дновенія; ревнивость тигра, довѣрчивость младенца; непреклонность передъ чѣмъ бы то ни было въ мірѣ и смиреніе передъ существомъ, которое одно что-нибудь значитъ для насъ въ мірѣ; волноваться неизвѣданнымъ изступленіемъ и затихать въ блаженномъ изнеможеніи... и все это вмѣстѣ, все это за одинъ разъ! Всѣ положенія, всѣ ощущенія, всѣ силы нравственныя и физическія въ самомъ полномъ, въ самомъ ясномъ, въ самомъ энергическомъ проявленіи!..

Такъ это-то любовь? Не ошибался же я, когда я мечталъ о ней, какъ о высочайшемъ благѣ, въ первые дни моей юности! Но какъ еще я мало зналъ, сколько въ этомъ чувствѣ, когда оно раскрывается вполне, радостей и силъ! Я какъ будто только теперь сталъ человѣкомъ; вчера я былъ только призракъ. Какая-то завѣса спала съ глазъ моихъ. Все являлось мнѣ смутно и въ туманѣ. Своему уединенію и свободѣ я придавалъ фальшивую цѣн-

ность. Я такъ смѣшно заботился о своемъ спокойствіи, о независимости, о будущности, объ удобствахъ моего положенія, о своемъ маленькомъ умственномъ благосостояніи, о своемъ ничтожномъ умишкѣ. Я видѣлъ все въ ложномъ свѣтѣ. Мудрено ли? я былъ одинъ на свѣтѣ! Кто одинокъ, тотъ безуменъ, — и это благоразуміе, которое такъ заботливо воздерживается и отбивается отъ жизни цѣльной и полной, — да это просто сумашествіе!

Но жить вдвоемъ, чувствовать, что есть на землѣ существо, которое предпочитаетъ васъ самому себѣ, и которое заставляетъ васъ возвращать ему то, что оно отнимаетъ у себя, чтобы дать вамъ; вполне и безусловно выступить изъ своего печальнаго я, чтобы жить въ другой душѣ, чтобы отрѣшить себя вмѣстѣ съ нею отъ всего, что не есть любовь, — Боже мой! какое странное и таинственное блаженство!

И почему все это такъ? Почему именно эта женщина, а не другая, которая была бы, можетъ-быть, и прекраснѣе, и лучше, и любила бы еще болѣе? Вчерашній фальшивый разумъ напрасно пытался бы сегодня опорочить мой выборъ, указать мнѣ образъ женщины болѣе желанной. Теперешній правый разумъ, этотъ мой экстазъ, побѣдоносно отвѣчали бы, что нѣтъ желаннѣе той, которая принадлежитъ тебѣ, что обожать можно только ту женщину, которая привела тебя въ подобное состояніе.

Я чувствую себя, въ эту минуту, какъ бы внѣ себя, и больше, и сильнѣе, и моложе себя. Я чувствую себя лучше, уважительнѣе, и мнѣ кажется, будто мои предубѣжденія и моя недовѣрчивость, мое ослѣпленіе и моя неблагодарность, — имѣли своимъ источникомъ не меня, не личность мою, а ту роль, которую я вынужденъ былъ играть въ общественной комедіи. Я сбросилъ съ себя этотъ заимствованный костюмъ; я позабылъ эти рутинныя слова и заказныя разсужденія. Теперь я таковъ, какимъ Богъ сотворилъ меня. Любовь первозданной природы разлилась въ воздухъ, которымъ я дышу, наполняетъ всю грудь мою. Будто какой-то новый токъ проникаетъ и живить меня. Время, пространство, обычаи, опасности, заботы, мнѣніе, — всѣ эти путы, въ которыхъ я бился, не будучи въ силахъ двинуться впередъ, — все это теперь для меня фальшивыя мнѣнія, грезы, исчезающія въ пустотѣ. Я пробудился, я ужъ не грежу, я люблю, я любимъ. Я живу, живу въ этой области, ко-

торую считалъ туманною мечтой, созданіемъ моей фантазіи; я нахожусь теперь въ ней, чувствую ее въ дѣйствительности, осязаю ее, дышу ею. Я живу всѣми моими чувствами, а всего болѣе этимъ умственнымъ чувствомъ, которое видитъ, слышитъ и постигаетъ неизмѣнный порядокъ вещей, которое сознательно участвуетъ въ безконечномъ и безпредѣльномъ движеніи жизни полной и цѣльной!..

О! *позитивизмъ* нашей общественной жизни! Какая груда соизмовъ, которые, при нашемъ пробужденіи въ жизни вѣчной, покажутся намъ смѣшными и странными, если мы вспомнимъ о нихъ тогда! Но я надѣюсь, что то будетъ смутное воспоминаніе, иначе оно было бы тягостно, какъ напоминаніе о нашемъ бредѣ въ горячкѣ. Я надѣюсь, что мы будемъ въ состояніи припомнить изъ этой краткой и обманчивой жизни только дни и минуты, озаренные божественнымъ сіяніемъ любви. Молю тебя, Боже, оставить мнѣ въ вѣчности воспоминаніе о настоящей минутѣ!

XIX.

Вилла Мондрагона, 10 апрѣля.

Я пишу къ вамъ сегодня въ томъ самомъ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ я провелъ вчерашній день, разказывая вамъ мое совершенное перерожденіе. Только вчера былъ ненастный день, и я писалъ къ вамъ, сидя на обломкахъ, въ одной изъ пустыхъ и полуразрушенныхъ залъ этого благороднаго зданія; сегодня я подъ открытымъ небомъ, въ прекрасную погоду и въ запущенномъ саду, гдѣ великолѣпные асфодели растутъ свободно по разсѣвшимися окраинамъ высохшихъ и занесенныхъ пескомъ водоемовъ. Сегодня я еще счастливѣе, чѣмъ вчера, хотя вчера мнѣ это казалось невозможнымъ, хотя вчера я былъ такъ счастливъ, что не замѣтилъ отсутствія солнца; а это случилось со мною первый разъ въ жизни; я замѣтилъ это, только возвращаясь въ Фраскати, видя мокрую траву и пасмурное небо. Чтѣ мнѣ теперь до того, есть ли свѣтъ и тепло на землѣ? Мое солнце въ душѣ моей, мое жизненное тепло въ любви, которая горитъ во мнѣ.

Не будемъ однакоже неблагодарны. И то солнце, чтѣ надо

мною, такъ чудесно освѣщаетъ мое великолѣпное окруженіе; и исключительно люблю это мѣсто, гдѣ я отъ нея такъ близко, какъ только можно. Я только и грежу о томъ, какъ бы проводить здѣсь цѣлые дни и цѣлыя ночи. Какъ это сдѣлать, я еще не знаю. Я уже говорилъ вамъ, что здѣсь одаѣ развалины, но, во что бы то ни стало, я долженъ непременно пріютиться здѣсь.

Дѣло въ томъ, что вилла Таверна и вилла Мондрагоне находятся въ одномъ и томъ же паркѣ. Обѣ принадлежать какой-то княгинѣ Боргезе, которая не хочетъ раздѣлить ихъ на два помѣстья. Изъ виллы Таверна, прекрасной дачи, расположенной на склонѣ горы, идетъ *stradone*, то-есть широкая аллея столѣтнихъ деревьевъ, такая длинная и такая крутая, что нужно двадцать минутъ времени, чтобы добраться до ея верхняго конца. Наконецъ, на самомъ верху, какъ только повернете въ боскетъ налѣво, вдругъ откроется передъ вами масса строеній. Это—Мондрагоне, огромная вилла, исполненная характера, хотя въ ней нѣтъ ничего величественнаго. Италіанскій стиль послѣднихъ временъ возрожденія отличается скупостію размѣровъ; какъ бы ни было громадно зданіе, съ перваго взгляда глазъ всегда ошибется.

Въ это обширное зданіе дѣлается свободный входъ и могу записаться тамъ подъ предлогомъ работы. Домоправительница виллы Таверна, Оливія, пріятельница моей Даніеллы, познакомилась со мной и повѣряетъ мнѣ ключъ, вѣсомъ не менѣе двухъ фунтовъ, съ тѣмъ, чтобы я ей возвращалъ его въ шесть часовъ. Это даетъ мнѣ случай два раза въ день, проходя мимо, переглянуться съ Даніеллой, которая въ нижнемъ этажѣ хлопочетъ около своего ужаснаго щелочка. Но я такъ уважаю ее теперь, что, не желая подвергнуть ее шуткамъ и намекамъ домашнихъ, показываю видъ, будто вовсе ее не знаю. Ночью она прокрадывается тайкомъ въ крытую аллею и прибѣгаетъ ко мнѣ въ Пикколомини. Но ей надобно проходить черезъ виллу Фальконьери, гдѣ она можетъ встрѣтить неласковыхъ сторожей, или идти изъ виллы Таверна на Фраскати, а тамъ ее могутъ увидѣть жители предмѣстья. Къ тому же трудно долѣе обманывать Маріуччію. Въ эти двѣ ночи, мы, Богъ знаетъ какимъ чудомъ, ускользнули отъ ея ясновидѣнія, а кто знаетъ, захотѣла ли бы она намъ благопріятствовать въ нашихъ теперешнихъ отношеніяхъ.

Здѣсь, въ этомъ пустомъ жильѣ, окруженномъ огромными

постройками, верхи которыхъ разрушаются, но которыхъ внѣшнѣе выходы всѣ заперты, я могъ бы видѣться съ моею возлюбленною во всякое время, еслибъ у меня было здѣсь какое-нибудь помѣщеніе, и чтобъ отыскать его, я пустился сегодня осматривать всѣ углы этого зданія. Я опишу вамъ мои открытія; можетъ-быть, это описаніе наведетъ меня на добрую мысль.

Представьте себѣ замокъ съ тремястами семидесятью четырьмя окнами (1), замокъ въ родѣ замковъ Анны Радклифъ, цѣлый міръ загадокъ, длинную цѣпь сюрпризовъ, одну изъ грезъ Пиранини. Но я долженъ, прежде всего, вкратцѣ разказать вамъ лѣтопись виллы Мондрагоне, чтобы вы могли понять эту смѣсь жалкаго опустѣнія и царской роскоши, гдѣ я ищу себѣ пріюта.

Дворецъ этотъ сооруженъ Григоріемъ XIII въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Входъ въ него устроенъ черезъ обширную пристройку, родъ казармы, въ которой помѣщалась вооруженная свита его святѣйшества. Когда, въ послѣдствіи времени, папа Павелъ V обратилъ этотъ замокъ въ простую *вилледжіатуру* (загородный домъ), онъ соединилъ одинъ изъ боковыхъ фасовъ этой казармы съ дворцомъ, посредствомъ галлерей, изящныя аркады которой обращены съ западной стороны къ довольно-значительной крутизнѣ, и служатъ теперь только свободнымъ путемъ вѣтру и дождю. Своды текутъ, фрески сдѣлались похожими на кору пестрыхъ сталактитовъ; терновникъ и крапива растутъ между плитами разсѣвшагося помоста; два этажа надъ этою галлереей разрушаются спокойно. Крыши почти уже не существуетъ, карнизы послѣдняго этажа подались и оседаютъ, угрожая прохожимъ, если случаются когда прохожіе близъ этой енваиды.

Однако, когда виλλα Мондрагоне перешла во владѣніе фамиліи Боргезе, она была еще великолѣпное зданіе, лѣтъ тому пятьдесятъ, да и теперь отличается веселою наружностію, характеристическою особенностію этихъ преждевременныхъ развалинъ. Лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія, во время французскихъ войнъ въ Италіи, Австрійцы бомбардировали, опустошили и разграбили Мондрагоне, и вилла постигла участь, общая всему въ этой странѣ послѣ политическихъ потрясеній: на вилла стали смотрѣть съ отвращеніемъ, и она предана запу-

(1) Число, которое, въ архитектурѣ того времени, означаетъ огромное протяженіе построекъ.

ствію. Впрочемъ большая часть главнаго корпуса, именно *parti media*, еще хорошо уцѣлѣла, и сломавъ не нужны принадлежности, можно было бы передѣлать это зданіе въ прекрасный загородный домъ. Нынѣшняя владѣлица виаллы, намѣрена, какъ говорятъ, это сдѣлать; уже предприняты были передѣлки на роскошную ногу, совершенно согласно съ мѣстными нравами. Началось, какъ обыкновенно, съ безполезнаго. Не заботясь о дырявой крышѣ, о проломахъ въ верхнихъ этажахъ, сдѣланныхъ непріятельскими пушками, принялись за передѣлку паркетовъ, за живопись и за устройство роскошныхъ ставней въ бельэтажѣ. Ставни эти, кстати сказать, поразили меня, какъ вещь, какой еще я не видывалъ. Они сдѣланы изъ смолистаго дерева съ ярко-красными прожилками, которые пропускаютъ сквозь себя солнечный свѣтъ. Въ ясный день комната облита ровнымъ розовымъ цвѣтомъ. Эта часть зданія не совсѣмъ заперта, и я довольно легко проникъ туда и описываю вамъ, что самъ видѣлъ.

Надъ этимъ этажемъ тянутся великолѣпныя залы, заваленныя бревнами и обломками. Тамъ нашелъ я характеристическую особенность: родъ будуара или капеллы, плафонъ которой недавно расписанъ туземнымъ артистомъ, въ мѣстномъ, изстари ведущемся вкусѣ. Это розовыя фигуры, плавающія въ фонѣ бирюзово-голубаго тона, такія чистенькія и граціозныя, что отъ нихъ вѣетъ баломъ. Зато въ боковой стѣнѣ вы увидите большую трещину, которую еще не подумали зашпатель, и сквозь которую залетаетъ въ комнату стая хищныхъ птицъ, занявшихъ подъ насѣсть конецъ балки, просунувшейся внутрь комнаты. Онѣ усаживаются тамъ преспокойно каждую ночь, о чемъ свидѣтельствуешь куча слѣдовъ ихъ пребыванія. Вереница блестящихъ кулициновъ осѣняетъ съ голубаго неба тайны любви коршуна съ морскою орлицей.

Эти украшенія, обыкновенные предшественники необходимыхъ поправокъ, остались на полудорогѣ. Въ послѣднюю революцію дворецъ этотъ былъ снова занятъ войсками, и до сихъ поръ терраса завалена кучами лошадиной подстилки. Неизвѣстно, французская или италіянская кавалерія занимала здѣсь постъ, но судя по надписямъ на стѣнѣ, надобно полагать, что здѣсь былъ бивакъ Италіянцевъ.

Въ околѣцѣ носятъ слухи, что покинутыя работы вскорѣ

опять начнутся ; это важный вопросъ для меня. Если онѣ не начнутся, уединеніе не будетъ здѣсь нарушено, и я нанялъ бы можетъ-быть уголокъ, въ которомъ жилъ бы спокойно. Я ни какъ не могъ пробраться въ одну странную часть построекъ, лучше другихъ сохранившуюся. Это—будто отдѣльная маленькая вилла, утѣшавшаяся на одномъ изъ боковъ главной виллы. Кажется, что это было отдѣленіе для личныхъ прихотей владѣльца, которое, въ подобныхъ итальянскихъ дворцахъ, называется *casino*, гдѣ бы ни было это отдѣленіе, вверху или внизу, явно или скрыто въ постройкахъ. Здѣсь, это—собраніе маленькихъ павильоновъ, комнаты которыхъ, судя по окошкамъ и дверямъ, должны быть лиллипутскихъ размѣровъ. Была ли это фантазія устроить отшельническое убѣжище? На террасѣ стоитъ сквозная башенка, похожая на какую-то воздушную моленную, способную располагать душу къ нравственному благосостоянію чувствомъ благосостоянія физическаго, вслѣдствіе красоты вида и свѣжаго воздуха. Но это казино могло служить и убѣжищемъ любви, безопаснымъ отъ любопытства прислуги и отъ нечаяннаго посѣщенія.

Какъ бы то ни было, мнѣ очень нравиться это изящное убѣжище, съ его аркадами, съ его разрушенными мраморными ступенями, съ его таинственными окнами, дверьми, плотно задѣланными. Сквозь щели этихъ дверей, ревниво хранящихъ тайны прошедшаго, я вижу маленькую террасу, маленькіе павильоны и маленькую круглую башенку этого казино. Великолѣпные знаки пробиваются изъ разсѣлинъ плитъ, и воробы, здѣсь совсѣмъ дикіе, не такъ какъ наши городскіе воробы, кутятъ тамъ, не подозревая, что я, отдѣленный одною досчатою перегородкою, подслушиваю ихъ пересуды. Еслибы я могъ проникнуть въ эту скрытую виллу, я думаю, что нашелъ бы тамъ удобное и уединенное помѣщеніе; я вижу, что двери и окна тамъ еще въ хорошемъ положеніи. Но туда нельзя пробраться иначе, какъ разломать входъ, а я не долженъ употреблять во зло довѣріе сторожей . . .

Отыскивая входъ въ казино, я сдѣлалъ другое открытіе. Это еще болѣе странный, еще болѣе скрытый уголокъ и даже болѣе красивый. Блуждая по безчисленнымъ подземнымъ часовнямъ, кордегардіямъ и конюшнямъ, расположеннымъ значительно ниже уровня двора и такой прочной и прекрасной архитектуры, что невольно задумаешься, къ чему устроены въ этомъ мракѣ всѣ эти

великолѣпныя залы, — я пришелъ къ круглой лѣстницѣ и сошелъ по ней внизъ.

Здѣсь замокъ, построенный въ горѣ, становится истинно фантастическимъ зданіемъ. Въ этомъ помѣщеніи не могла жить прислуга; она была бы слишкомъ далеко отъ господъ. Это отдѣленіе было, кажется, предназначено для какого-нибудь добровольнаго затворника или для государственнаго преступника. Вообразите себѣ небольшой дворикъ внизу на большой глубинѣ земли, съ открытымъ небомъ, съ постройками по сторонамъ, составляющими какъ бы стѣны этого колодца; а подъ аркадами этого дворика другую крутую лѣстницу, которая углубляется еще ниже, Богъ знаетъ куда.

Я сошелъ и туда; мнѣ сдавалось, что на этотъ разъ я въ самомъ сердцѣ земли, и признаюсь, я еще болѣе удивился, замѣтивъ, что въ этой глубинѣ виднѣется солнечный свѣтъ. Вѣроятно я дошелъ до самаго основанія скалистой горы, на которой лежитъ Мондрагоне противъ Рима, выше его на всю высоту перваго гребня Тускуланскихъ горъ. Въ концѣ длинной лѣстницы, по которой я сошелъ, былъ вѣроятно выходъ, но онъ, какъ полагать надобно, закладенъ, потому, что свѣжій воздухъ и свѣтлый солнечный лучъ проникали сюда сквозь небольшую разсѣлину, до которой я не могъ проникнуть.

Слѣва открылся передо мною длинный рядъ залъ. Я было пошелъ туда, но со мною не было спичекъ, и я вынужденъ былъ отказаться отъ этого опаснаго путешествія по обломкамъ, по неожиданнымъ ямамъ и по множеству головокружныхъ преградъ.

Я взошелъ опять по лѣстницѣ въ новооткрытый мною маленький монастырь и придумалъ для этого мѣста названіе. Въ моихъ письмахъ къ вамъ я буду называть его монастыремъ *del pianto* или просто *pianto*. Эта мысль пришла мнѣ вслѣдствіе предположенія, что въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, невидимомъ снаружи, какой-нибудь несчастный выдержалъ продолжительное покаяніе.

Воздушное казино, о которомъ я говорилъ выше, сохранить въ моемъ дневникѣ названіе *casino*. Я долженъ бы назвать его проклятіемъ: *perdizione*. Не знаю, почему мнѣ кажется, что эта маленькая терраса, откуда можно многое видѣть, не будучи видимымъ, эти языческія колоколенки и маленькія окошечки этого отдѣленія, смотрящія другъ на друга, разказываютъ любовное

примѣненіе, укрывавшееся тамъ подъ предлогомъ назидательныхъ размышленій.

Piano тѣмъ замѣчательнѣе, что съ перваго взгляда трудно опредѣлить, въ какой именно части зданія онъ находится. Несмотря на темноту, по причинѣ закладенныхъ внѣшнихъ отверстій съ сѣверной стороны, я нашелъ однакоже средину этихъ построекъ. Это прихожая зала или скорѣе дворъ со сводами, куда, я думаю, вѣзжали экипажи и всадники. Пространный входъ сюда также закладенъ; я искалъ его снаружи и нашелъ среди прекраснѣйшей террасы, какую только можно вообразить себѣ.

Я называю ее прекрасною, по размѣрамъ и по положенію. Это обширный полукругъ, обведенный мраморнымъ парапетомъ и великолѣпною балюстрадою, теперь кое-гдѣ обрушившеюся. Среди возвышается, грибомъ, фонтанъ тяжелаго стиля, разбитый водоемъ, котораго совершенно изсякъ. Струи этого ключа, уходя въ частію въ фундаментъ, частію стекаютъ въ огромную нишу, устроенную внизу монументальнаго ската террасы.

Но самое странное украшеніе этой террасы, которую, по мѣстному обычаю я назову *terrazzone* (большая терраса), состоитъ изъ четырехъ исполинскихъ колоннъ, погнутыхъ ядрами, съ изломанными флюгерами и папскими крестами на вершинахъ. Эти колонны не что иное, какъ трубы пантагрюелевскихъ кухонь, устроенныхъ подъ самою террасою, надобно полагать, въ уровень съ основаніемъ лѣстницы, ведущей въ *piano*; они похожи на огромные телескопы, и выпускали дымъ въ уставленные на нихъ вмѣсто капителей, уродливыя каменные хари, гораздо выше древесныхъ вершинъ парка.

Все это въ итальянскомъ вкусѣ временъ упадка. Отсюда тотъ же открытый и неизмѣримый видъ, что и въ окна моего жилища въ Пикколомини. Но взоръ отсюда достигаетъ еще далѣе, потому что это мѣсто на цѣлую милю выше и видъ вообще лучше. Вмѣсто старыхъ строеній, составляющихъ у меня темную полосу перваго плана картины, здѣсь представляются на большомъ пространствѣ роскошныя сады высокаго стиля. Кипарисная, круто склоненная аллея, которая отъ самаго *terrazzone* протекаетъ черезъ цѣлое это владѣніе, параллельно съ крытою дубовою аллеею, идущею къ виллѣ Таверна, истинно монументальна. Эти деревья имѣютъ по восьмидесяти и по сту футовъ въ вышину. Стволъ ихъ

состоитъ изъ связки пирамидальныхъ тонкихъ вѣтвей, расположенныхъ снопомъ вокругъ центрального стержня. Это странно, уныло, сыро, могильно, посреди ландшафта,—не скажу смѣющагося, потому что римская Кампанья всегда мрачна,—но самое блестящаго, какой только можетъ создать воображеніе.

Но я болѣе всего люблю *pianto*, съ его фестонами изъ терновника и дикой лозы, растущихъ по разсѣлинамъ и стекающихъ по обломкамъ надгробныхъ камней, нагроможденныхъ въ безпорядкѣ. Тѣсная рамка этой декоративной картины внушаетъ чувство безопасности. Мнѣ кажется, что человекъ одинокій какъ я, заживо похороненный въ этихъ массахъ зодчества, куда не проникаетъ нисколько шумъ извнѣ, могъ бы жить здѣсь и умереть, посреди блаженства или отчаянія, такъ что никто и не вспомнилъ бы о немъ. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ вы ни воображаете меня теперь отчужденнымъ отъ остальнаго міра, вы не можете себѣ представить такого скрытаго мѣста и такого уединенія, какъ то, откуда я пишу къ вамъ теперь карандашомъ въ альбомѣ *ad hoc*.

Я еще въ Тиволи мечталъ объ уединеніи вдвоемъ; о скрытомъ убѣжищѣ въ галлерей, изсѣченной въ скалѣ надъ каскадомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что то мѣсто несравненно прекраснѣе мной и глухой развалины, въ которой я погребенъ теперь; но теперь я нисколько не помышляю о Тиволи; сумасбродная Медора и лихорадка оставили во мнѣ тяжелое о немъ воспоминаніе. Къ тому же истинная любовь не нуждается въ красотахъ природы; она ищетъ тѣни и тишины. Грозное пѣніе водопадовъ досаждало бы мнѣ, еслибъ я подъ этотъ шумъ проронилъ хоть одно слово моей милой Даниеллы.

Заговоривъ о ней, я разкажу вамъ кстати, что случилось со мною вчера. Вчера вечеромъ я возвращался въ Пикколомини по дождю, котораго я впрочемъ не чувствовалъ, въ аллеѣ древнихъ пядубовъ; это настоящіе своды изъ непроницаемыхъ листьевъ и чудовищныхъ вѣтвей, переплетенныхъ между собою. Проходя мимо виллы Таверна-Боргезе, я услышалъ голоса и смѣхъ, въ которыхъ раздавался, какъ мнѣ казалось, голосъ и смѣхъ Даниеллы. Я долженъ былъ занести Оливіи ключъ отъ виллы Мондрагоне и увидѣлъ эту милую женщину у окна въ нижнемъ этажѣ одной изъ служебныхъ пристроекъ, въ которой она живетъ съ своимъ семействомъ. Она подозвала меня къ себѣ и показала мнѣ въ боль-

шой залъ , гдѣ Даниелла устроила свою рабочую, импровизированный балъ. Работницы Оливіи и другія молодыя дѣвушки фермы, равно какъ и домашнія, вздумали поплясать, вмѣсто отдыха, послѣ трудового дня, пока имъ собирали ужинать.

— У насъ это каждый день, сказала мнѣ Оливія , передавая сосѣдкѣ тамбуринъ, единственный оркестръ этихъ веселыхъ танцовщицъ, чтобы поговорить со мною. — Даниелла безъ ума отъ танцевъ, и когда она приходитъ сюда на работу, ужь непременно всѣ эти дѣвушки, волей-неволей должны каждый вечеръ хотя четверть часа попрыгать. А видѣли вы, какъ танцуетъ Даниелла?

— Одинъ разъ, и то мелькомъ.

— О, такъ вы еще не знаете, что она лучшая танцовщица въ нашемъ краю! Бывало приходили изъ Дженсано, и подаѣе, только затѣмъ чтобы поглядѣть на Даниеллу въ танцахъ. Хотя она и уѣзжала отсюда на два года, а не разучилась, и танцуетъ не хуже прежняго. Пойдите, вотъ она начинаетъ; глядите!

Я привсталъ на столбикъ и началъ смотрѣть чрезъ окно въ комнату, освѣщенную одною изъ этихъ высокихъ римскихъ лампъ, въ три огня, похожихъ на древнія, очень изящныхъ, но плохо освѣщающихъ. Въ комнатѣ толпа растрепанныхъ дѣвушекъ танцевала родъ вальса, кружась безъ памяти; но вдругъ одна изъ нихъ закричала: *la frashetana!* Это характерный танецъ, какъ бы гавотъ фраскатанскій. Всѣ стали въ кружокъ, чтобы видѣть, какъ Даниелла начнетъ этотъ танецъ съ старою деревенскою женщиною, которая славится тѣмъ, что сохранила о немъ истинное преданіе. Оливія подала мнѣ знакъ, чтобы я влѣзъ въ окно. Я былъ очень радъ предложенію и вмѣшался въ толпу, не возбуждая нисколько удивленія; все вниманіе этихъ дѣвочекъ было устремлено на оба образца туземнаго хореграфическаго искусства.

Frashetana предѣстный танецъ. Женщины, взявшись руками за передникъ и граціозно раскачивая его передъ собою, жеманятся другъ передъ другомъ. Старая матрона, съ суровыми чертами лица, подражая ужимкамъ маленькихъ дѣтей, была смѣшна до крайности, а между тѣмъ никто не смѣялся, и это кривлянье нисколько не смущало Даниеллу. Когда я смотрѣлъ на Даниеллу, я чувствовалъ какую-то дрожь ревности во всей крови моей. Еслибы тутъ былъ еще кто изъ мужчинъ, я, пожалуй, придрался

бы къ нему. Мнѣ кажется, что я не былъ бы въ состояніи смотрѣть на ея танцы, иначе какъ въ кругу этихъ дѣвочекъ. Она слишкомъ прекрасна въ минуты одушевленія.

Я не скажу, чтобы въ пляскѣ ея было искусство и особенная грація: это вдохновеніе, это изступленіе, но изступленіе Сивиллы; это—въ трепетъ приводящая, невыразимая энергія. Это палящій взоръ, ослѣпительная улыбка, и вдругъ расслабляющая томность. Послѣ десятиминутнаго танца, она великодушно уступила свое мѣсто. *На смѣну!* вскричала она, хватаясь за *tamburello* и звеня имъ съ удивительною силою. Ничего не можетъ быть очаровательнѣе быстрой игры маленькихъ пальчиковъ на упругой кожѣ этого сельскаго инструмента. Она не держитъ его надъ головою и не ударяетъ въ него верхнею стороною руки, какъ это водится въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь женщины держатъ тамбурины неподвижно и играютъ на немъ пальцами, какъ на клавишахъ. Звукъ, извлекаемый ими однимъ прикосновеніемъ пальцевъ, страшно громокъ и обозначаетъ ритмъ такъ рѣзко и такъ внятно, что и плохая танцовщица увлекается.

Но пляска не шла такъ живо, какъ хотѣла Даниелла. Чтобы придать ей болѣе огня, она запѣла, во весь голосъ, съ гнѣвнымъ акцентомъ, упрекая и возбуждая своихъ сонливыхъ подругъ, съ этою легкостію импровизаціи, на которую такъ податливъ италіанскій языкъ; всѣ сословія народа владѣютъ метромъ и риемой этого языка такъ же свободно, какъ прозаическимъ, разговорнымъ словомъ. Каждое пропѣтое такимъ образомъ слово имѣетъ привилегію производить на слушателей возбуждательное или увеселительное дѣйствіе. Пляска остановилась; всѣ слушали, какъ Даниелла, посреди подругъ своихъ, пѣла смѣшныя и язвительныя куплеты. Какъ только она переставала, публика кричала ей: *еще! еще!* У ней удивительный голосъ, самый могущественный и вмѣстѣ самый пріятный, какой когда-либо удавалось мнѣ слышать; такъ и хватается за сердце, такъ упоительно говоритъ чувствамъ, даже въ ребяческихъ шуткахъ и въ выраженіи гнѣва. Боже мой, думалъ я, какъ прекрасна, какъ полна южная натура! она смѣется надъ ученъемъ и въ себѣ самой находитъ истинный смыслъ прекраснаго, во всѣхъ его проявленіяхъ. Я почти стыдился, почти пугался мысли, что обладаю этою женщиною, которой толпа рукоплескала бы, еслибъ она появилась на сценѣ съ этимъ вдохновеніемъ и этою безыскусственною

небрежностію, для оцѣнки которыхъ я одинъ составляю теперь всю публику.

Даніелла была такъ упоена своею пляскою, своимъ пѣніемъ, своимъ тамбуриномъ, что, казалось, еще не успѣла замѣтить меня. Мнѣ это было досадно; подойдя къ ней, я шепнулъ ей слово на ухо. Она поспѣшно отбросила свой *tamburello*, и обращая на меня свои прекрасные глаза, увлажненные удовольствіемъ, протянула ко мнѣ руки, какъ будто хотѣла обнять меня при всѣхъ. Я скрылся въ толпѣ, чтобъ она не измѣнила себѣ, и пошелъ ожидать ее въ Пикколомини, гдѣ засталъ уже ее въ моей комнатѣ. Она пришла прежде меня, такъ что Маріуччіа не видала ея. Мнѣ право, кажется, что у ней есть крылья, и что она становится невидимкой, когда только вздумаетъ.

XX.

Вилла Мондрагоне, 12-го апрѣля.

Много новаго! Разставшись съ вами третьяго дня, то-есть, закрывъ свой альбомъ, я собирался идти, какъ вдругъ увидѣлъ мою возлюбленную при главномъ входѣ въ *piacento*. Она была взволнована.

— Я васъ вездѣ ищу, сказала она мнѣ: — вотъ уже цѣлый часъ бѣгаю я по всѣмъ угламъ этихъ развалинъ, не смѣя громко окликнуть васъ.

— И мы потеряли цѣлый часъ, который я могъ провести у ногъ твоихъ; цѣлый часъ счастья погибъ для меня навсегда! Надо было кликнуть меня!

— Нѣтъ! теперь должно остерегаться. Мой братъ...

— Если только о немъ рѣчь, такъ намъ нечего бояться. Чего можетъ онъ хотѣть отъ меня?

— Должно-быть, денегъ.

— У меня ихъ нѣтъ для него.

— Можетъ-быть, чтобъ ты женился на мнѣ.

— Такъ что же? я радъ. Если только ты этого желаешь, такъ мы скоро сойдемся.

Даніелла бросилась ко мнѣ на шею, обливаясь слезами.

— Чему же ты удивляешься? сказалъ я: — это такъ просто.

Развѣ я не сказалъ, что навсегда принадлежу тебѣ тѣломъ и душою?

— Ты мнѣ не говорилъ этого!

— Но я сказалъ тебѣ: *я люблю тебя*, и сказалъ это изъ глубины души. Для меня въ этомъ словѣ вся жизнь моя. Если тебѣ нужны клятвы, свидѣтели, бумаги, все это такъ легко въ сравненіи съ тѣмъ, что я чувствую, и за это, я не хочу, чтобы ты и благодарила меня. Скажи слово, и я завтра обвиняюсь съ тобою, если только можно завтра обвиняться.

— Можно и завтра, но я не хочу этого. Мы потолкуемъ объ этомъ послѣ; пока я хочу, чтобъ оставалась за мною заслуга слѣпаго довѣрія! На насъ грѣхъ, что священникъ не благословилъ нашего союза; я знаю это и перенесу всякое зло, которое можетъ мнѣ за это придти отъ людей. Это небольшое наказаніе; я могла быть наказана твоимъ презрѣніемъ. Въмѣсто этого презрѣнія, котораго я ждала отъ тебя, ты любишь, ты уважаешь меня за мою слабость, и я теперь такъ счастлива, что ежелибы меня изрѣзали въ кусочки, я бы не крикнула, не вымолвила бы ни одной жалобы. Грѣхъ сдѣланъ, и теперь наше вѣнчаніе не сотретъ моего грѣха изъ Божьей книги.

— Что же это, милая Даниелла! страхъ, сожалѣніе?

— Нѣтъ! нѣтъ! я такъ счастлива, что не могу чувствовать раскаянія, и еслибъ ты даже покинулъ меня завтра, я и тогда не раскаявалась бы за эти два блаженные дня. Что значать многіе годы слезъ, когда нѣсколько часовъ даютъ больше радостей, чѣмъ во всю жизнь можетъ случиться великаго горя.

— Ты права, мой ангелъ! Горе и страданія—человѣческое дѣло, которому есть на землѣ и цѣна, и мѣра; но радость наша выше всѣхъ оцѣнокъ, — радость отъ Бога.

— Да, радость Богъ даетъ намъ! это правда! Любовь какъ солнце, которое равно свѣтитъ и для грѣшныхъ, и для праведныхъ. Такъ могу ли я, послѣ этого, краснѣть за любовь мою къ тебѣ, или въ ней раскаяваться? Но на мнѣ долгъ передъ судьей моимъ, и мнѣ придется расплачиваться, я это знаю. Я жду тяжелаго наказанія въ этой жизни или въ вѣчной, и какъ я безропотно приму его, то и долгъ мой будетъ уплаченъ. Я говорю, продолжала она, цѣлуя меня съ жаромъ,—что долгъ мой будетъ уплаченъ, если я одна буду наказана въ этомъ или въ томъ мірѣ; но если и ты долженъ быть наказанъ, если дол-

женъ будешь страдать вмѣсто меня... я взбунтуюсь, я буду страшно роптать за наказаніе свыше вины моей. Вотъ почему я пришла просить тебя быть осторожнѣе: тебѣ угрожаетъ теперь опасность за меня.

— Кто угрожаетъ мнѣ?

— Въ папскую полицію подана жалоба на тебя моимъ братомъ, по случаю цвѣтовъ, похищенныхъ изъ лукулловской рѣшетки. Погасивъ лампадку, ты, кажется, обломилъ рѣшетку и облилъ фрескъ масломъ. Потомъ мой братъ, котораго ты ударилъ и свалилъ въ грязь, будучи мертвъ пьянъ, вставая, опираясь о стѣну рукою, запачканною въ грязи. Вотъ чѣмъ могу я объяснить себѣ страшныя пятна, которыя оказались на другой день на фрескѣ, потому что, какъ ни золь Мазолино, я никогда не повѣрю, чтобъ онъ нарочно рѣшился на такой ужасъ. Онъ обвиняетъ въ этомъ тебя и доносить, что засталъ тебя за этимъ дѣломъ. Разумѣется, что онъ не знаетъ самъ, кого видѣлъ, но слышавши, что ты зашелъ разъ въ домъ, въ которомъ я жила въ Фраскати, онъ подозреваетъ тебя, и въ доносѣ на тебя показываетъ. Въ городѣ этому не вѣрятъ, но начальство, которое, казалось бы, должно не менѣе другихъ понимать, чего стоитъ такой пьяница, покровительствуетъ ему, и по этому дѣлу началось слѣдствіе; сегодня пріѣзжали въ Пикколомини, чтобы допросить тебя и Маріуччію. Хорошая тетка ничего не сказала, и какъ только они уѣхали, прибѣжала ко мнѣ дать знать. Если ты знаешь, гдѣ онъ, сказала она мнѣ,—скажи ему, чтобы онъ не приходилъ на ночь домой, потому что братъ капуциновъ узналъ подъ рукою и сказывалъ мнѣ, что его хотятъ задержать и посадить въ тюрьму... Вотъ видишь ли, въ нашей сторонѣ всякое дѣло уже важное дѣло, если въ него вмѣшалась инквизиція; безъ протекціи какой-нибудь важной духовной особы, пропасть недолго. А ты, по несчастію, еще не очень набоженъ. На допросъ ты будешь отвѣчать такъ, что самъ себя погубишь...

— Я и совсѣмъ не буду отвѣчать, потому что не скажу ни за что въ свѣтъ, для чего унесъ твои жонкили. Я ограничусь показаніемъ, что не въ моихъ правилахъ оскорблять не только предметъ нашей вѣры, но хоть бы даже языческой, и буду просить защиты у посланника моей страны.

— Да, когда ты будешь запертъ, какъ узнаешь твой посланникъ, что съ тобою случилось? Если ты скажешь, что уважаешь язы-

чeskихъ идоловъ, такъ тебѣ крѣпко достанется по суду или безъ суда; а если ты скроешь, что можешь извинить тебя, то есть, что унесъ цвѣты твоей любовницы, тогда твоя любовница пойдетъ сама разказать имъ правду и заступится за тебя, какъ умѣетъ, не смотря на огласку. Не думай, чтобы я допустила посадить тебя въ одну изъ этихъ темницъ, откуда только Богъ знаетъ какъ и когда можно выйти. Одна мысль объ этомъ выводитъ меня изъ себя, и я готова бѣжать по улицамъ и кричать: «Отдайте мнѣ того, кого люблю, кому принадлежу безъ всякихъ условій». Всѣ скажутъ: она сумашедшая, а братъ мой убьетъ меня. Но тогда пускай убиваетъ. Вотъ что случится, если ты допустишь схватить тебя.

Я напрасно опровергалъ предположенія, вѣроятно вовсе не основательныя, и отчаянную рѣшимость моей милой Даниеллы. Она была такъ огорчена и такъ взволнована, что я вынужденъ былъ обѣщать ей провести ночь въ Мондрагоне.—Если это такъ мучить тебя, сказалъ я ей,—изволь, я останусь ночевать въ Мондрагоне, хотя бы мнѣ пришлось и умереть здѣсь съ холоду и съ голоду.

— Этого не бойся, сказала она мнѣ,—я обо всемъ позаботилась. Ты обещаешь быть мнѣ послушнымъ,—такъ ступай же за мною.

Она повела меня по лабиринту лѣстницъ и корридоровъ, во вчерашнее казино, о которомъ я писалъ вамъ, и привела меня въ небольшую комнатку, расписанную старинными фресками, довольно опрятную, въ которой стояла старая кровать, нѣсколько безногихъ стульевъ и выщербленныхъ кувшиновъ.

— Все это скудно, сказала она мнѣ,—тутъ жилъ сторожъ, пока здѣсь были рабочіе для передѣлокъ; но вездѣ хорошо, гдѣ найдется свѣжая вода да вязанка соломы, потому что съ этимъ можно жить опрятно. Подожди здѣсь часъ-другой; какъ только стемнѣетъ, я принесу тебѣ чѣмъ обогрѣться и пообѣдать.

— Такъ ты еще воротись сегодня?..

— Разумѣется; а въ Пикколомини мнѣ невозможно было бы прийти; тамъ братъ мой долженъ быть самъ сторожъ.

— Что же ты не сказала этого съ самаго начала? Постарайся, чтобы моя опасность и заключеніе продлились какъ можно долѣе. Вотъ моя мечта и осуществилась! Мнѣ такъ полюбились эти развалины, что я давно уже ломаю голову, какъ бы устроить здѣсь наши свиданія. Ты видишь, что Провидѣніе насъ еще не ос-

тавило, потому что обратило мою фантазію почти въ необходимость.

— Да, точно въ необходимость! Но погляди, какое множество зѣсь сору. Я знаю, гдѣ найти метлу. Выйди покуда на террасу; тебя никто не увидитъ снизу, если ты не выставишь голову за перила. Я пойду, вымою и налью водою эти кувшины изъ фонтана. А за соломою мы вмѣстѣ пойдемъ въ сарай. Тамъ, я знаю, фермеръ складываетъ солому.

Все это было прекрасно придумано, за исключеніемъ метенія половъ и ходьбы за водой, и я нешутя взбунтовался, настаивая, чтобы моя возлюбленная не была моею служанкой. Она утверждала, что служила мнѣ въ Римѣ, въ первые дни моего пребыванія въ Пикколомини, и что ей пріятно служить мнѣ цѣлую жизнь; но я никакъ не могъ согласиться на это. Дѣвушка, предавшись мнѣ, должна повелѣвать мною, а не повиноваться мнѣ. Я понимаю теперь, что можно полюбить свою экономку и жениться на ней; но если ужъ она достойна быть женою, то мужъ долженъ обращаться съ нею, какъ съ равною себѣ.

— Да, я вижу, воскликнула она, отдавая мнѣ метлу, которую я вырывалъ изъ ея смугленькихъ, полненькихъ ручекъ: — ты обращаешься со мною не какъ съ своею женой.

— Ты ошибаешься! Жена моя должна хозяйничать, когда я буду занятъ дѣлами для содержанія семейства; но когда мнѣ, какъ сегодня, будетъ нечего дѣлать, она будетъ дѣлать только то, чего я ужъ рѣшительно не сумѣю сдѣлать.

— Но ты именно мести-то и не умѣешь. Ты совсѣмъ не такъ метешь, какъ надо.

— Я поучусь. Выйдь отсюда; я не хочу, чтобы эти облака пыли ложились на твои прекрасные волосы.

Когда наши хозяйственные распоряженія окончились, я спросилъ ее, приходитъ ли иногда въ этотъ домъ фермеръ, у котораго мы похитили двѣ охапки соломы, чтобы устроить мнѣ постель. Даниелла отвѣчала, что онъ живетъ въ полу-деревенскомъ домикѣ, который виднѣлся на концѣ кипарисовой аллеи. Въ старинныхъ итальянскихъ помѣстьяхъ, фермы и скотный дворъ обыкновенно строились въ самой серединѣ садовъ. Это настоящая *villeggiatura*, и это здѣсь въ тонѣ. Вozy, запряженные волами, разѣзжаютъ по аллеямъ, коровы и лошади пасутся на роскошныхъ дерновыхъ лугахъ, и это не портитъ сельскихъ видовъ. Эти образцовыя фермы не похожи на швейцарскія, какъ молочня въ Трианонѣ.

Это красивыя строенія, въ мѣстномъ вкусѣ, въ стѣны которыхъ вѣзаны обломки античнаго мрамора, оставшіеся отъ постройки дворца. Куски бѣлаго мрамора, вмазанные въ розовые кирпичи, производятъ прекрасный эффектъ.

Мондрагонскій фермеръ, красивый поселянинъ, котораго я встрѣчалъ иногда въ *stradone*, пользуется неограниченнымъ довѣріемъ всѣхъ должностныхъ людей этого помѣстья, только съ Оливією живетъ не въ ладу, за то что она вздумала завладѣть одна доходомъ съ туристовъ и посѣтителей виллы. Возникли споры и наконецъ управитель рѣшилъ дѣло такъ: все, что находится внѣ черты строеній, составляющихъ собственно замокъ, какъ-то: пристройки, внѣшнія террасы, сады и хозяйственные зданія, ввѣряется управленію и отвѣтственности фермера Фелипоне; а самый замокъ, дворы, обнесенные стѣною, павильоны, галлерей и принадлежности, примыкающія къ дому, поступаютъ въ вѣдомство Оливіи. У каждой изъ соперничающихъ сторонъ есть своя связка ключей, и каждая вѣщаетъ съ любопытныхъ особую *tançia*. Миръ возстановился, но миръ вооруженный, и каждая сторона, ревнуя къ своимъ пользамъ, наблюдаетъ за своимъ противникомъ и за добродѣтельными приношеніями пріѣзжихъ. Сборъ этотъ, ничтожный теперь, становится довольно значительнымъ, когда Фраскати наполняется иностранцами.

Я старался развѣдать всѣ эти подробности, опасаясь, чтобы Фелипоне не помѣшалъ мнѣ, не сорвалъ бы съ меня денегъ или не предалъ бы меня; но Даніелла увѣрила меня, что онъ никогда сюда не приходитъ, не имѣетъ ключей отъ этихъ зданій и никогда не довѣдается о моемъ здѣсь присутствіи.

— Но у него есть здѣсь въ одной изъ залъ замка солома, изъ которой мы съ тобою похитили двѣ вязанки.

— Солома лежитъ здѣсь по милости Оливіи, которой Фелипоне платитъ за это. Фермеръ не придетъ за соломою, пока у него не очистится мѣсто въ сараѣ; и тогда еще Оливія должна будетъ отпереть ворота, чтобы пропустить его возы. Ты здѣсь одинъ, какъ папа на своей *gestatoria*, и можешь спокойно спать эту ночь.

Она пошла принести мнѣ что-нибудь поѣсть. Я былъ бы доволенъ кускомъ хлѣба, изъ ея кармана, лишь бы она поскорѣй возвратилась, и взялъ съ нея обѣщаніе не тратить времени по пустому.

Въ ея отсутствіе я внимательно осмотрѣлъ мое жилище, въ ко-

торомъ было порядкомъ холодно, но въ комнатѣ есть каминъ, а топливо найдется тамъ, гдѣ были передѣлки. Удостоверясь, что всѣ мои ставни въ исправности и не дадутъ снаружи замѣтить освѣщеніе комнаты, я отправился за стружками. Ночь обѣщала быть темною и дождливою, какъ вчера. Когда она совсѣмъ наступить, думалъ я, облака, которыя стоятъ надъ самою этою вершиной, гдѣ я утѣдился, скроютъ дымъ.

Я сталъ чрезвычайно остороженъ. Ожидая къ себѣ мою милую подругу, я хотѣлъ чтобы она была здѣсь въ совершенной безопасности. По этому я принялся тщательно осматривать всѣ входы и выходы моей крѣпости. Съ южной стороны есть двое воротъ, почти рядомъ, обои досчатые, съ поперечными брусками и крѣпко окованные. Подъ строеніями на дворѣ съ восточной стороны и на сѣверномъ *terrazzone*, есть много дверей безъ створовъ и оконъ безъ окончинъ, а восточная галлерей вся сквозная; но всѣ эти отверстія находятся на значительной высотѣ отъ поверхности земли снаружи, по причинѣ уступовъ горы, и всѣ выходы завалены грудой песчаника и бревенъ, такъ что могли бы выдержать приступъ. По крайней мѣрѣ нечаяннаго нападенія бояться нечего; всѣ проломы находятся такъ высоко отъ основанія, что въ нихъ невозможно проникнуть бозъ штурмовыхъ лѣстницъ, а ихъ въ Фраскати вѣроятно не заготовлено. Если предполагать, что пришлютъ жандармовъ, чтобы разрушить одинъ изъ затворовъ, то эта операція не обойдется безъ шума, и осажденные имѣли бы время перебраться на другую сторону и скрыться въ одно изъ тысячи вѣрныхъ убѣжищъ, представляемыхъ окрестными горами, развалинами, монастырями и лѣсами.

Въ этихъ мысляхъ проходилъ я по темной галлерей въ *pianto*. На дворѣ совсѣмъ стемнѣло, и я останавливался по временамъ, чтобы прислушаться къ страннымъ звукамъ ночи въ этихъ развалинахъ. То раздавались крики хищныхъ птицъ, ищущихъ убѣжища; то стоны вѣтра, врывающагося подъ пустые своды зданія; но въ *pianto* царствовало безмолвіе смерти: такъ глухомассивно была застроена эта часть замка.

Услыша шаги на верхней лѣстницѣ, я затрепеталъ отъ радости, убѣжденный, что это была Даниелла. Да это она, подъ ея легкою ножкой хрустѣлъ мелкій щебенъ помоста. Я бросился къ ней на встрѣчу, но взойдя по лѣстницѣ до залы съ большою

аркой (я стараюсь какъ-нибудь обозначить эти мѣста, которыхъ исторія мнѣ неизвѣстна), я очутился одинъ и въ потьмахъ. Я звалъ ее тихимъ голосомъ, но голосъ мой терялся въ пустой залъ, какъ въ могилъ. Я пошелъ впередъ ощупью, мнѣ слышались шаги позади меня, кто-то сходилъ внизъ по лѣстницѣ, ведущей въ *piano*, по которой я только-что взошелъ. Этотъ кто-то встрѣтился со мною въ темнотѣ, слышалъ, какъ я звалъ Даниеллу, и не хотѣлъ отозваться; онъ шелъ осторожно, но шаги его тяжеле женскихъ ложились не помость, и я не могъ уже сомнѣваться, что это не была Даниелла.

Увѣрившись въ этомъ, я слушалъ еще внимательнѣе. Вскортъ мнѣ почудился подъ моими ногами скрипъ затворяющейся двери. Я возвратился въ *piano*. Все было тихо и мрачно вокругъ меня, и я слышалъ только отголосокъ шаговъ моихъ подъ сводами. Кажется, я принялъ за человѣческіе шаги одинъ изъ таинственныхъ звуковъ ночи, которые часто остаются загадочными, но вызываютъ нашу улыбку, когда мы открываемъ ихъ простую, естественную причину. Я былъ подъ вліяніемъ страха, который овладѣваетъ скупцомъ, идущимъ скоронить свое сокровище.

Возвратясь, я нашелъ Даниеллу въ *казино*; она накрывала на столъ такъ спокойно и такъ весело, какъ будто мы были у себя дома. Она отыскала столъ, принесла съ собою свѣчъ, хлѣба, ветчины, сыру, каштановъ, бѣлье на постель и шерстяное одѣяло. Огонь пылалъ въ каминѣ, свѣтъ струился по комнатамъ и фантастически колебалъ на стѣнахъ фрески цвѣтовъ и птицъ. Въ нашемъ пріютѣ было что-то праздничное, какая-то веселая опрятность. Я чувствовалъ сердечную отраду, которой испытанный мною страхъ придавалъ неизъяснимую живость. Я не зналъ васъ, пока не зналъ любви, восхитительныхъ ощущеній, которыя удваиваютъ въ насъ силу жизни! Теперь я только и думалъ о томъ, что мы въ первый разъ сядемъ съ Даниеллой вмѣстѣ ужинать, и я тысячу разъ повторяю ей: я люблю тебя! я счастливъ!

Было уже семь часовъ, и мы обаумирали съ голода. Никогда я не ѣлъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ за этимъ скромнымъ ужиномъ.

— погоди, говорила Даниелла: — этотъ ужинъ собранъ на скорую руку; завтра я угощу тебя лучше, чѣмъ лордъ Б... въ Римѣ.

— Боже меня сохрани отъ этихъ излишковъ, по милости которыхъ ты идешь сюда, навьюченная какъ *facchino*, такъ что твои путешествія могутъ быть замѣчены.

— Не бойся! Какъ только наступить ночь, такъ сейчасъ же рѣшетки обоихъ парковъ запираются, и посторонніе никакъ сюда не могутъ войти. Фермеры и сторожа уходятъ домой ужинать, спать и толковать между собою. Да я и не думаю ходить по *stradone*. Я пробираюсь по лавровымъ чащамъ, гдѣ меня никто не увидитъ; этою дорогою я и днемъ могла бы пройти сюда, какъ и прошла намереніи и какъ пройду завтра, чтобы принести тебѣ вѣсточку о твоёмъ дѣлѣ и кофе на завтракъ.

Мысль пить кофе въ развалинахъ Мондрагоне разсмѣшила меня, а безопасность моей подруги напомнила мнѣ шаги, которые мнѣ слышались; я разказалъ ей все въ подробности. — Это вѣрно крыса, отвѣчала она, смѣясь: — безъ ключа невозможно войти въ это мѣсто, что ты называешь *piano*.

— Но тамъ, подъ аркадами, есть покои съ запертыми ставнями и рѣшетками, куда я никакъ не могъ войти сегодня утромъ. Тамъ кто-нибудь могъ точно такъ же помѣститься, какъ я здѣсь.

— А Оливія бы не знала? Этого быть не можетъ. Оливія такъ часто обходитъ свои владѣнія, да чтобы отъ нея могло что-нибудь укрыться! Ключи всегда при ней; она въ жизни никому не довѣряла ихъ, кромѣ меня. Я твердо знаю всѣ углы и закоулки здѣсь; и могу сказать тебѣ, что эти окна, которыя такъ занимаютъ тебя, выходятъ на галерею, а галерея гораздо ниже монастыря, и еслибы кто съ галереи упалъ туда, такъ не выбрался бы безъ лѣстницы, потому что тамъ нѣтъ другаго выхода, кромѣ этихъ самыхъ оконъ; да и врядъ ли когда былъ другой ходъ туда.

— Такъ это была тюрьма?

— Можетъ-быть и такъ, не знаю. Но еслибы я не была увѣрена, что ты здѣсь въ совершенной безопасности, я не радовалась бы такъ, не была бы такъ счастлива...

Она поправила огонь. Въ это время сверчокъ, вѣроятно, занесенный мною вмѣстѣ съ щепами, запѣлъ свою звонкую пѣсню.

— Это къ добру, воскликнула Даниѣлла: — это знакъ, что Богъ благословляетъ нашъ домашній очагъ, наше здѣшнее хозяйство.

XXI.

Мондрагоне, 12-го апрѣля.

Вечеръ пролетѣлъ, какъ одна минута, хотя въ немъ заключался для насъ цѣлый вѣкъ счастья. Когда душа раскроется до

извѣстной степени, то она какъ бы теряетъ понятіе времени. Не думайте однако, добрый другъ мой, что я предался одной слѣпой страсти. Слова нѣтъ, что Даніелла истинное сокровище страсти, но надобно понимать это слово въ его полномъ, лучшемъ значеніи. Правда, что кромѣ силы страсти, у ней только одинъ живой, игривый умъ, всегда готовый на мѣткое и колкое слово; правда еще, что у ней много ложныхъ понятій о жизни общественной, хотя впрочемъ поѣздки ея во Францію и Англію развили ее, и она гораздо образованнѣе своихъ подругъ; но все это для меня ничего не значить, и я вижу въ ней только ея внутреннее существо, которое я одинъ знаю, которымъ одинъ наслаждаюсь; я вижу въ ней душу, пылкую до безумія въ исключительной преданности, въ безавѣтномъ, полнѣйшемъ самоотреченіи, въ простосердечномъ и великодушномъ обожаніи своего избранника. Она мнѣ вмѣстѣ мать и дитя мое, жена и сестра. Она для меня все, болѣе чѣмъ все! Она истинно гениальна въ любви. Посреди ребяческихъ предубѣжденій и несообразностей, свойственныхъ ея воспитанію, ея природѣ, средѣ, ее окружающей, она вдругъ возноситъ свое чувство до такой высоты, какой только можетъ достигнуть человѣческая душа.

Въ минуты этого страстнаго вдохновенія она совершенно преобразается. Какая-то блѣдность изступленія разливается по лицу ея. Эта бѣлизна является у ней, какъ румянецъ у другихъ, когда она взволнована и сильно возбуждена. Ея черные глаза, которые всегда такъ прямо, такъ ясно и твердо смотрятъ, вдругъ замутятся и будто обольются таинственнымъ токомъ; изящныя ноздри ея расширятся; странная улыбка, не выражающая ничего изъ вещественныхъ удовольствій жизни и смѣшанная съ слезами, какъ будто по естественной гармоніи въ ея мысляхъ, уподобляетъ ее тогда этимъ чуднымъ фигурамъ мученицъ италіанской живописи, этимъ лицамъ, поблѣднѣвшимъ отъ страданія, но обращеннымъ къ небу съ выраженіемъ неизъяснимой нѣги.

Какъ она прекрасна въ эти минуты! Какъ прекрасна была она, сидя возлѣ меня, рука въ руку, то наклоняясь ко мнѣ съ словами любви, то запрокидывая голову на мраморныя плиты камина, чтобы бесѣдовать о себѣ и обо мнѣ съ невидимымъ духомъ, носящимся надъ нашими головами! Мерцающій свѣтъ камина обо-

значилъ тонкія очертанія ея губъ, на которыхъ выраженіе удовольствія становится чѣмъ-то строгимъ, и отражался въ ея прекрасныхъ глазахъ, которыхъ блестящій взоръ иногда угасалъ, переходя въ ужасающую неподвижность, какъ будто человѣческая жизнь вдругъ смѣнялась въ ней другимъ родомъ существованія, для меня недоступнымъ.

И теперь еще для меня въ ней все неожиданность, все тайна. Я все еще не знаю ея вполнѣ, и смотря на нее, изучаю ее какъ что-то отвлеченное. Она часто говоритъ какъ въ бреду, такъ что я слушаю и не понимаю ея, пока яркій лучъ свѣта не блеснетъ въ смутныхъ словахъ ея, вполовину французскихъ, вполовину итальянскихъ, къ которымъ, чтобы уловить ускользающій оттѣнокъ, она примѣшиваетъ англійскія слова, произнося ихъ съ усиленіемъ ребенка. Но когда ей удастся облечь въ слово свою горячую мысль, она вдругъ замолчитъ, заплачетъ въ восторгѣ и упадетъ къ моимъ ногамъ, какъ передъ идиломъ, чтобы мысленно ему молиться. А я, я не смѣю сдерживать этихъ порывовъ, которые увлекаютъ меня самого; я самъ говорю этимъ горячечнымъ языкомъ, который былъ бы для насъ безсмысленъ, если бы въ минуту совершеннаго спокойствія мы снова заговорили имъ.

Не смѣйтесь надо мною; эта любовь, проявившаяся во мнѣ грубою страстію, увлекаетъ меня теперь въ міръ, который я назвалъ бы метафизическимъ, еслибы зналъ, что такое метафизика. Я знаю только, что въ объятіяхъ этой всесильной очаровательницы душа отдѣляется отъ чувствъ и стремится къ чему-то безвѣстному, для нихъ недостижимому. Осыпавъ ее поцѣлуями на землѣ, я еще не доволенъ, не успокоенъ; я томлюсь жаждой небесныхъ лобзаній и не нахожу ни столь внятныхъ словъ, ни столь нѣжныхъ ласкъ, чтобы выразить ей это ненасытное желаніе духа и сердца, которое она раздѣляетъ, и которое мы не умѣемъ передавать другъ другу иначе какъ слезами грусти или слезами радости.

Послѣ этого, я нахожусь въ какомъ-то опьяненіи и долженъ сдѣлать усиліе, чтобы возвратиться въ себя, припомнить гдѣ я, что я, что занимало меня вчера, и что можетъ озаботить завтра. Въ эту ночь была минута, въ которую я дотога забылъ всякую дѣйствительность, что мнѣ казалось, будто я ужъ нигдѣ не находился. Дождь лилъ ливнемъ, звуча прямыми, тяжелыми струями по низкимъ кров-

лямъ окружающихъ насъ строеній; съ нашей маленькой террасы сливался на *terrazzone* избытокъ воды, черезъ изломанныя сточныя трубы, непрерывнымъ каскадомъ. Кромѣ этого однозвучнаго журчанія, не слышно было никакого звука. Вѣтеръ опалъ, флюгера замолкли, ночныя птицы затихли и укрылись отъ дождя въ свои гнѣзда, огонь въ каминѣ потухалъ, сверчокъ замолкъ. Повсюду воцарилось безмолвіе, прерываемое только однообразнымъ шумомъ дождя. Мнѣ казалось, что то былъ потопъ, а мы плыли въ ковчегѣ, по безвѣстнымъ морямъ, въ непредѣльности мрака, не зная, надъ какими горными вершинами или надъ какими безднами совершаемъ мы путь нашъ. И жутко, и хорошо! Все впереди было безвѣстно и чуждо; но ангелъ хранитель подвигалъ нашъ ковчегъ по бунтующимъ волнамъ и держалъ кормило, говоря: спите спокойно! И я снова засыпалъ, самъ не зная, точно ли я просыпался или нѣтъ.

Часу во второмъ утра я проснулся, дрожа отъ холода, и подавилъ репетицію старинныхъ часовъ, подаренныхъ мнѣ дядею. Каждый разъ, когда я беру въ руки эту почтенную луковичу, я припоминаю себѣ день торжества и упоенія моей ребяческой жизни. Мое прошлое и мое настоящее пришли мнѣ на мысль, и я опомнился. Даниѣлла спала и, казалось, не чувствовала холода, руки ея были теплы. Я боялся однако, чтобы сырость не повредила ей, и всталъ развести огонь.

Дождь не переставалъ. Я страдалъ при мысли, что моя милая должна будетъ встать до свѣта и по этой слякоти возвращаться въ виллу Таверна. Такъ нельзя жить, думалъ я:—вотъ уже третье утро, сердце у меня надрывается, видя, какъ Даниѣлла подвергаетъ опасности и здоровье и жизнь свою. Я не могу позволить ей продолжать эти опасныя прогулки, когда не она, а я долженъ бы ходить къ ней, въ дождь, въ темную ночь, и подвергать себя опаснымъ встрѣчамъ. Но такъ какъ, принимая меня у себя или у Оливіи, она была бы обезславлена и рисковала бы попасть подъ руку брату, то я долженъ увезти ее или поспѣшить здѣсь жениться на ней. Наши таинственные свиданія исполнены прелести, но они не разлучны съ слишкомъ важными неудобствами и причиняютъ мнѣ много безпокойства и сожалѣній.

Тутъ я припомнилъ, что мнѣ угрожалъ арестъ. Не лучше ли, подумалъ я, бѣжать вмѣстѣ, чѣмъ скрываться въ развалинахъ Мондрагоне, въ двухъ шагахъ отъ нашихъ враговъ?

Надобно бѣжать, сказалъ я самому себѣ, бѣжать немедленно, бѣжать завтра. Эти чудныя минуты не должны усыплять меня въ наслажденіяхъ эгоизма. Вчерашній счастливый день останется памятнымъ въ исторіи любви нашей, но не дагѣ какъ въ слѣдующую ночь, во что бы ни стало, надобно выбраться изъ Папскихъ владѣній.

Принявъ это рѣшительное намѣреніе, я слѣлъ передъ каминомъ и погрузился въ сладостныя мечты, оживляя въ памяти впечатлѣнія этой ночи, возвращенія которой я не долженъ былъ желать. Огонь пламенѣлъ въ каминѣ и бросалъ яркій свѣтъ на спящую Даниеллу. Какой прекрасный сонъ! Я никогда не видывалъ лучшаго. Вотъ одна изъ противоположностей ея натуры: обыкновенно дѣятельная и полная энергической жизни, Даниелла спокойна и почти безжизненна во время сна. Она не грезитъ; когда она спитъ, едва слышно ея дыханіе, какъ будто передъ вами прекрасное изваяніе въ непринужденной, цѣломудренной позѣ. Выраженіе ея лица величественно, безстрастно; въ немъ отражается сосредоточенность какъ бы созерцающей мысли.

Нѣжныя, граціозныя формы ея не обличаютъ ни той энергіи, которою она одарена, ни того хладнокровія, къ которому способна. А между тѣмъ эта маленькая ручка и эта тонкая, стройная нога, не боятся тѣхъ удовольствій. У нея столько гибкости въ движеніяхъ, что ее можно считать слабосильною, но на дѣлѣ, или вслѣдствіе твердой воли, или по породѣ, или по привычкѣ, у ней столько силы, что она не уставая можетъ далеко и скоро ходить и переносить довольно большія тяжести; въ женщинѣ рѣдко бываетъ столько силы. Она говоритъ, что до отъѣзда своего изъ Фраскати такъ страстно любила танцы, что по шести часовъ сряду танцевала не переводя духу, и выходя съ балу на разсвѣтъ, отправлялась работать, и это не стоило ей ни малѣйшаго усилія. Часто смѣялась она надо мною, когда я жалѣлъ, что она должна вставать до свѣта. Она говоритъ, что еслибъ она жила безъ усталости и безъ волненій, то давно бы ужъ умерла.

Сколько должно быть въ ней физическихъ силъ, когда дѣятельность силъ нравственныхъ не истощила ихъ! Когда она вынуждена снова обратиться къ заботамъ ежедневной жизни, въ ней проявляется такая веселая расторопность, такое присутствіе мысли, такая опредѣленность воли, такая быстрота дѣйствія, что она можетъ служить образцомъ всѣмъ хозяйкамъ, служанкамъ

и работницамъ. Кто подумалъ бы, видя, съ какою *maestria* она отправляетъ самую черную работу, что у нея бываютъ минуты экстаза и мистическаго изнеможенія?

Съ какимъ наслажденіемъ смотрѣлъ я на эти волны черныхъ кудрей, разлившихся по ея прекрасному лбу, на ея длинныя рѣсницы, отъ которыхъ мягкая тѣнь ложилась на ея щеки, подернутыя бархатнымъ пухомъ! Какъ могъ я не замѣтить съ перваго раза этой несравненной, поразительной красоты? Почему, при первой встрѣчѣ съ нею, я нашелъ, что она только пріятна и не совсѣмъ обыкновенна? Почему, когда я уже чувствовалъ къ ней склонность и описывалъ вамъ ее изъ Рима, не смѣлъ я сказать, что она прекрасна и въ это же самое время писалъ о красотѣ Медоры? Теперь въ моемъ воспоминаніи Медора безобразна и не можетъ быть не безобразною, потому что она совершенная противоположность этому изящному созданію природы, которое у меня въ сердцѣ и передъ глазами.

Часы мои, стариннымъ, сухимъ боемъ, пробили три часа. Это былъ единственный звукъ, который слухъ мой могъ уловить въ окружавшемъ меня безмолвіи. Дождь пересталъ; наружный воздухъ сдѣлался звученъ. Вдругъ услышалъ я какъ бы воздушную мелодію, которая неслась въ верхнихъ слояхъ атмосферы, надъ высокими трубами террасы; то были звуки фортепіано. Я сталъ прислушиваться и узналъ этюдъ Бертини, который кто-то игралъ съ возмутительною самоувѣренностію. Это было такъ странно, такъ невѣроятно въ такую позднюю пору и въ такомъ мѣстѣ, что я принялъ это за обаяніе чувствъ. Откуда бы взялась эта музыка? Я слишкомъ внятно слышалъ эти звуки, и не могъ полагать, что они принеслись издалектъ; къ тому же на цѣлую милю кругомъ не было дома, въ которомъ можно было бы предполагать фортепіано или піаниста.

Не обманулся ли я въ инструментѣ и не показались ли мнѣ за фортепіано маленькія *цимбалы*, съ которыми цыгане артисты шляютъ по деревнямъ? Но, въ такомъ случаѣ, кому бы давалась эта серенада въ такую погоду и въ степи? Нѣтъ, это было настоящее фортепіано, плохое, разстроенное, но фортепіано съ полною клавиатурой и съ обѣими педалями.

— Есть съ чего съ ума сойти, сказалъ я Даніелгъ, которую я разбудилъ своимъ безпокойствомъ. — Послушай и скажи мнѣ какъ понять это!

— Эти звуки доходят до насъ, сказала она, прислушавшись къ игръ невидимаго музыканта, — должно-быть изъ монастыря Камельдуловъ. Тамъ, всего и есть только одинъ инструментъ, церковный органъ; должно-быть кто-нибудь изъ монаховъ-музыкантовъ разучиваетъ миссу къ будущему воскресенью.

— Миссу на мотивъ Бертини?

— А что? развѣ нельзя...

— Но эти звуки похожи на звуки органа, какъ бубенчикъ на большой колоколъ.

— Ошибиться не мудрено. Ночью, особливо послѣ дождя, когда воздухъ чистъ и звонокъ, звуки часто издали кажутся со-всѣмъ другими.

Пришлось остановиться на этомъ предположеніи, за неимѣніемъ другаго болѣе правдоподобнаго. Мы заснули подъ звуки фантастическаго инструмента, въ этихъ развалинахъ, которыя не грѣхъ назвать чортовымъ замкомъ.

Я, въ свою очередь, заспался, такъ что Даніелла, чтобы избѣжать моего всегдашняго огорченія и безпокойства при нашей разлукѣ, встала потихоньку съ разсвѣтомъ и тайкомъ ушла, заперевъ меня въ казино, изъ опасенія, чтобы я, имѣя свободу шлаться по развалинамъ, не попался кому на глаза, въ какомъ-нибудь отверстіи или проломѣ замка.

Только-что она ушла, я проснулся, пробужденный какою-то инстинктивною заботливостію; я хотѣлъ догнать ее, чтобы сообщить ей о моемъ намѣреніи бѣжать, но я былъ запертъ и рѣшился опять уснуть. Заря предвѣщала ясный день; за синеватыми горами разливался по небу розовый свѣтъ ея. На отлогостяхъ, гдѣ скалы волканическаго образованія, вывѣтриваясь, рассыпаются на поверхности въ золотистый песокъ, дождь не оставляетъ ни грязи, ни даже сырости, и черезъ часъ послѣ самаго сильнаго ливня, слѣды его остаются только на зеленѣющей травѣ и на осыѣженныхъ цвѣтахъ; разставшись съ Даніеллою, я утѣшался тѣмъ, что ей предстояла сегодня пріятная прогулка черезъ паркъ.

Въ девять часовъ она разбудила меня. Бѣдная цѣлое утро пробѣгала по моимъ дѣламъ. Она была въ Фраскати, будто за покупкою нитокъ, но собственно за тѣмъ, чтобы развѣдать о положеніи моего дѣла. Тамъ она видѣлась съ Маріучією и принесла мнѣ мой чемоданчикъ, туалетную готовальню, мои альбомы и мои деньги. Это было очень кстати; теперь мы могли уѣхать. Кромѣ того, она принесла провизіи на два дня, свѣтъ, сигаръ и наконецъ знаменитый кофе, котораго она никакъ не хотѣла лишать меня.

Всѣ эти припасы и вещи Даниелла уложила въ тачку, засыпала сверху сухимъ горохомъ и наняла въ Пиккодомини поденьщика отвезти все это къ верхнему концу *stradone*, подъ видомъ, что горохъ продала Маріуччіа Оливіи, а она велѣла перевезти его въ Мондрагоне, куда, по словамъ ея, скоро придутъ работники для передѣлокъ въ замкѣ. Поденьщикъ оставилъ тачку при въѣздѣ во дворъ, и немедленно отпущенный, не видавъ, что изъ нея выгружали.

Милая Даниелла очень устала отъ этой экспедиціи, но я радовался ея прекрасному замыслу. — Ты такъ смыслена и дѣлательна, сказалъ я ей, — такъ ты и должна все устроить къ нашему побѣгу. Я увезу тебя отсюда и только въ такомъ случаѣ останусь здѣсь, если ты скажешь мнѣ, что дѣло мое съ инквизиціею не будетъ имѣть послѣдствій, и что я могу обвиняться съ тобою, не уѣзжая отсюда и безъ дальнѣйшихъ проволочекъ.

— Ты затѣваешь невозможное, отвѣчала она, качая головою. — Дѣло твое принимаетъ худой оборотъ. Братъ мой, который, по счастію, не подозреваетъ еще нашей связи, смертельно возненавидѣлъ тебя за побию. Онъ увѣряетъ, что ты билъ его, потому что принялъ его за шпіона, и что ты поносилъ наше духовное правительство. Онъ показываетъ, что узналъ тебя, и приводитъ свидѣтеля, который хотъ и не подоспѣлъ, чтобы помочь ему, но слышалъ слова твои и видѣлъ тебя въ лицо. Этого свидѣтеля никто и не видывалъ въ Фраскати, но полиція, кажется, знаетъ его, выслушала и приняла его показанія. Вчера вечеромъ были они въ Пикколомини, должно-быть чтобы задержать тебя, и не найдя тебя тамъ, велѣли отпереть твою комнату, чтобы захватить твои бумаги; теперь увѣряютъ, что ты принадлежишь къ вѣчному заговору противъ земной власти святѣйшаго папы; заговорщиковъ этихъ открываютъ каждую недѣлю. Но добрая тетка все это предвидѣла: она вынесла изъ твоей комнаты всѣ вещи, до послѣдняго клочка исписанной бумаги и запрятала все это въ вѣрное мѣсто въ домѣ. Имъ она сказала, что ты отправился наканунѣ въ Тиволи пѣшкомъ съ рисовальными припасами, а что прочія твои вещи остались въ Римѣ, когда ты ѣдешь туда на свѣтлый праздникъ. Какъ только сбыла съ рукъ этихъ господъ, она сама отправилась въ Римъ, чтобы посоветоваться съ лордомъ Б... какъ выручить тебя изъ бѣды. Тебѣ приходится ждать терпѣливо здѣсь, что будетъ, потому что пуститься въ путь днемъ или ночью, безъ паспорта, который лежитъ во французской полиціи въ Римѣ, и думать нечего; тебя задержать въ первомъ городѣ. Пробраться же черезъ границу по тропинкамъ,

по которымъ проходить разбойники и бѣглые солдаты, еслибъ даже я и могла служить тебѣ проводницей, — а надобно тебѣ сказать, что я тутъ буду плохая проводница, — это гораздо труднѣе и опаснѣе, чѣмъ оставаться здѣсь; вѣдь если и дознаются, что ты здѣсь сидишь, то врядъ ли рѣшатся взять тебя отсюда.

— Это почему?

— Потому-то это старинный папскій дворецъ, и мѣсто это имѣло прежде *право убѣжища*. Фамилія Боргезе наслѣдовала это право, и хоть все это теперь отмѣнено, но обычай и уваженіе къ стариннымъ правамъ остались. Чтобъ силою отворить эти двери, за которыми ты хоронишься, надобно оскорбить принцессу; они не осмѣлятся войти сюда безъ ея позволенія.

— Но почему же бы имъ не выпросить этого позволенія?

— Потому-то и Оливія отправилась въ Римъ. Она все разкажетъ своей госпожѣ, а госпожа ея добрая, и приметъ въ насъ участіе. Ты самъ видишь, что и женщины къ чему-нибудь да пригодны, и я думаю, что въ нашей римской сторонѣ однѣ мы только чего-нибудь и стоимъ.

Я былъ согласенъ съ этимъ, и сообразивъ, что безъ паспорта невозможно отправиться въ море съ береговъ Италіи, не подвергая затруднительнымъ и опаснымъ случайностямъ свою подругу, которую я не намѣренъ здѣсь покинуть, я рѣшился послѣдовать ея совѣту и вѣрить свою участь покровительству женщинъ. Глубоко тронутый преданностію Маріуччіи и Оливіи, я удивлялся предусмотрительности и дѣятельности этого великодушнаго и смышленнаго пола, который во всѣхъ странахъ, а въ особенности въ Италіи, всегда былъ провидѣніемъ преслѣдуемыхъ.

— Такъ вотъ какъ, продолжала Даніелла, убирая комнату и ставя распятіе въ изголовьи моей постели и горшокъ съ цвѣтами на каминъ, какъ-будто размѣщала домашнія вещи въ обыкновенной постоянной квартирѣ: — дѣло все кончится тѣмъ, что ты поскучаешь здѣсь съ недѣлю, никакъ не больше. Не можетъ быть, чтобы милордъ и принцесса не нашли средства освободить тебя отсюда черезъ недѣлю.

— Скучать? Да развѣ ты не будешь приходить ко мнѣ?

— Могу ли я жить, не приходя къ тебѣ? Если ты хоть одинъ день не увидишь меня здѣсь, то можешь сказать: Даніелла умерла!

— Но вѣдь Даніелла не можетъ умереть?

— Не можетъ, потому что ты ее любишь!... Такъ ты рѣшаешься?

— И не вообразишь себѣ съ какою радостію! Я только того и желаю, чтобы быть здѣсь взаперти съ тобою. Одно только

огорчаетъ меня , это твоя бѣготня взадъ и впередъ для меня. Это истинное наказаніе для меня.

— Напрасно. Вотъ ужъ разгуливается , вѣтеръ подулъ отъ Апеннинъ и сгонитъ всѣ тучи на море. Небо прояснится по крайней мѣрѣ на цѣлую недѣлю , и моя бѣготня , какъ ты называешь , будетъ пріятною прогулкою ; а какъ мы съ Оливією распустили слухи , что въ замокъ скоро придутъ работники , то никто не удивится , если она и часто будетъ посылать меня сюда съ разною ношею ; къ тому же все , что было громоздкаго , доставлено : остается только кормить тебя. Если хорошая погода и приведетъ въ Фраскати посѣтителей , они не будутъ оставаться здѣсь до поздней поры , а будутъ поспѣшать назадъ въ Римъ , потому что вечера еще слишкомъ свѣжи. А чтобы осмотрѣть виллы , въ окрестностяхъ города , и Тускулумъ , куда всего больше ходятъ путешественники , и цѣлаго дня мало : стало быть , тебя здѣсь никто не обезпокоитъ ; да въ Мондрагоне и такъ рѣдко кто заглядываетъ. А еслибы Оливіи случилось привести кого въ этотъ замокъ , чтобы удалить подозрѣнія , то она велѣла сказать тебѣ , что она долго будетъ стучаться въ большія ворота , какъ будто ожидая , что ихъ отворитъ изнутри работникъ , занятый дѣломъ на дворѣ , и какъ , разумѣется , никто не придетъ , то она попробуетъ будто другой ключъ , а ключъ-то будетъ настоящій , и имъ , какъ-будто случайно , отпереть замокъ. Тебѣ будетъ время уйдти въ казино и запереться тамъ. Туда нѣтъ надобности водить посѣтителей , которые и не знаютъ , существуетъ ли эта часть зданія ; да и можно сказать , что эта сторона разрушается , и что туда не ходить.

— Ахъ Боже мой ! да не обвалилось бы это казино , пока ты здѣсь со мной ? Я становлюсь глупъ и боязливъ какъ ребенокъ. Я такъ теперь счастливъ , что боюсь , чтобы небо не обрушилось на насъ , и чтобы земля не убѣжала изъ-подъ ногъ.

— Ничто не обрушится , ничто не убѣжитъ , потому что мы любимъ другъ друга.

Она позавтракала со мной и пошла въ Виллу-Таверна , гдѣ ей необходимо показаться за работою , и мы рѣшили , чтобы съ завтрашняго дня она не приходила ко мнѣ днемъ , развѣ только въ экстренныхъ случаяхъ. Положено было , чтобы она приходила въ шесть часовъ вечера и уходила не ранѣе восьми утромъ. Въ это время дня она не боялась встрѣтиться съ работниками въ паркѣ ; они могли подумать , что она ходила , по порученію Оливіи , въ монастырь Камельдуловъ ; для вечернихъ прогулокъ она нашла бы также достаточные предлоги.

СОВРЕМЕННАЯ
ЛѢТОПИСЬ
РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К^о.
—
1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 14-го іюля 1857 года.**

Ценсоръ Н. Фоль Крузс.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

РИМСКІЙ ВОПРОСЪ И НОТА ГРАФА РЕНЕВАЛЯ.

F. T. Perrens, Deux ans de revolution en Italie. Paris, 1857.

Fr. de Corcelle, Del governo pontificio. Milano, 1857.

L. C. Farini, Il signor Corcelle ed il governo pontificio. (Rivista contemporanea. Torino, 1857. № 39, p. 3—30).

Question romaine. Observations sur la note de Monsieur de Rayneval par un sujet du pape. Turin. 1857.

Въ настоящее время путешествіе папы Пія IX обращаетъ на себя всеобщее вниманіе; уже около двухъ мѣсцевъ столбцы газетъ заняты коротенькими извѣстіями о перѣздахъ его святѣйшества изъ одного города въ другой, описаніемъ духовныхъ торжествъ, въ которыхъ папа принимаетъ участіе, офиціальныхъ встрѣчъ, приготовленныхъ въ честь ему духовенствомъ, и только изрѣдка журналы извѣщаютъ о томъ, что муниципальныя власти желали представиться своему государю и представить ему свои просьбы, но что всѣ попытки къ тому оставались безуспѣшны. До сихъ поръ открывается ясно торжественное шествіе Пія IX только какъ главы католической церкви; всѣ стараются угадать, какой результатъ будетъ имѣть оно въ политическомъ отношеніи, что сдѣлаетъ папа въ качествѣ свѣтскаго государя: послѣдуетъ ли амнистія, узнаетъ ли онъ нужды своего народа и на сколько удовлетворитъ имъ? Римское правительство и его органы въ другихъ государствахъ не высказываютъ прямо никакихъ обѣщаній, но и не опровергаютъ всеобщихъ надеждъ; большинство журналовъ сомнѣвается въ благотворныхъ результатахъ настоящей поѣздки Пія IX: при немъ неотлучно находится монсеньоръ Берарди, вѣрный другъ кардинала Антонелли, который употребитъ всѣ мѣры, чтобы до папы не дошла ни одна жалоба, ни одна просьба. Въ теченіе двухъ мѣсцевъ обнародованъ былъ только одинъ важный актъ: снятіе осаднаго положенія въ Анконѣ, съ оставленіемъ впрочемъ нѣкоторыхъ правъ австрійскимъ военнымъ судамъ. Но этотъ актъ явился слишкомъ запоздалымъ, а потому не произвелъ большого впечатлѣнія; онъ показалъ только неточность словъ графа Буоля, объявившаго, болѣе года тому назадъ, на парижскомъ конгрессѣ, что осадное положеніе существуетъ только въ Болоньѣ. Многіе тогда же повѣрили словамъ австрійскаго уполномоченнаго — и теперешній актъ папской милости болѣе удивилъ, чѣмъ обрадовалъ обществен-

ное мнѣніе. Ожиданія и надежды будутъ удовлетворены, хотя отчасти, широкою амнистіею и снятіемъ осаднаго положенія въ Болоньѣ. Папа намѣренъ пробить въ этомъ городѣ въ теченіи цѣлаго мѣсяца и, вѣроятно, передъ отъѣздомъ Болонью услышитъ слово милости.

Конечно, амнистія—въ какомъ бы объемѣ она ни была дана—имѣетъ смыслъ только какъ программа, какъ залогъ новыхъ реформъ, какъ доказательство перемѣны системы; но теперешняя система римская дотого тяжела, что малѣйшее признаніе ея несостоятельности, намекъ на ея измѣненіе ободрить и освѣжить народъ. Точно также снятіе осаднаго положенія почти черезъ десять лѣтъ послѣ революціи не можетъ считаться признакомъ высокаго административнаго положенія страны, — но оно произведетъ еще большій восторгъ, потому что логически поведетъ къ безполезности чужеземнаго занятія, къ выходу Австрійцевъ изъ римскихъ легатствъ. Всѣ разсчитываютъ, что папское правительство станетъ дѣйствовать логически. Трудно рѣшить, на сколько осуществляются всѣ эти надежды и ожиданія; но нельзя не замѣтить, что народъ утомился ждать, и потому пріемъ, дѣлаемый папѣ, съ каждымъ днемъ становится менѣе восторженнымъ; довольствуясь немногимъ, народъ хотѣлъ бы поскорѣ увѣриться въ этомъ немногомъ.

Нельзя сказать впрочемъ, чтобы и при началѣ путешествія Піа IX народъ обнаруживалъ сильный энтузіазмъ; мы были свидѣтелями этого въ день выѣзда папы изъ Рима, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города. Народу собралось довольно; были распущены слухи, что для путешествія папы приготовлено около двухъ милліоновъ паоли (1 паоло—13 коп. сер.), которые онъ будетъ раздавать по дорогѣ. Толпа живописно расположилась на пригоркѣ, слушая музыку изъ любимыхъ оперъ Верди, которая всегда привлечетъ Итальянцевъ; послѣ долгихъ часовъ ожиданія, наконецъ показался поѣздъ; духовенство вышло на встрѣчу; нѣсколько женщинъ привѣтствовали папу рукоплесканіями и криками: *evviva Pio Nono*, которые въ былое время съ восторгомъ повторяла вся Италія; большинство народа стояло молча и наклоняло голову во время пастьерскаго благословенія. Болѣзненная полнота Піа IX заставляла его сильно чувствовать усталость отъ дороги, а потому нужно было ускорить обрядъ цѣлованія туфли. Карета была окружена жандармами, и только одинъ изуверченный почтальйонъ рѣшился подойти къ ней и попросить милостыни; остальные разбрелись молча.

Въ римскихъ газетахъ вы напрасно захотѣли бы искать разгадки настоящаго путешествія, или какого-нибудь намека на него; въ Римѣ менѣе всего можно узнать живые вопросы тамошняго общества; не въ правилахъ духовнаго католическаго правительства какого бы то ни было рода гласность. Довольно прожить въ Римѣ нѣсколько дней, чтобы замѣтить полное отсутствіе въ немъ поли-

тической жизни; подумаешь, что надъ вѣковымъ городомъ лежитъ кара за прошедшее: языческій Римъ поглащалъ въ себя политическіе интересы всего міра, — на долю христіанскаго Рима выпалъ полный застой государственной жизни. Глубокая тайна покрываетъ каждый самый простой актъ административной дѣятельности; начиная отъ античныхъ статуй, часто закованныхъ въ мѣдь, и до важныхъ правительственныхъ мѣръ—все здѣсь облечено непроницаемою завѣсой. Народъ свыкъ съ этимъ положеніемъ дѣлъ; благородные потомки старинныхъ римскихъ семействъ, владѣльцы виллъ, располагающихъ къ нѣгѣ, обратились къ менѣе-головоломнымъ занятіямъ: на Monte Pincio, въ саду Боргезе и на всѣхъ публичныхъ гуляньяхъ можно всегда встрѣтить статныхъ юношей, возсѣдающихъ на красивыхъ кабріолетахъ и искусно правящихъ конемъ. Для остальныхъ классовъ недоступны занятія высшей аристократіи; на ихъ долю остаются всякаго рода сплетни, въ томъ числѣ и политическія, которымъ всегда благопріятствуетъ таинственность. Самые нелѣпые слухи, невѣроятныя предположенія бродятъ по Риму и принимаются на вѣру: запоздають ли французскія газеты, и вотъ ужъ тотчасъ всѣ толкуютъ о революціи во Франціи; ходили слухи, что папа ѣдетъ изъ Рима по причинѣ ссоры съ французскимъ генераломъ; говорили, что онъ хочетъ просить помощи у Австрійцевъ; когда отложена была на нѣсколько дней обычная иллюминація храма Св. Петра, это объясняли боязнію, чтобы толпа не начала революціоннаго движенія; — однимъ словомъ, досужее воображеніе гуляетъ на просторѣ, не будучи останавливаемо никакими объясненіями со стороны правительства; гдѣ тайно совершаются самыя простыя вещи, тамъ, конечно, широкое поле для всякой ажитации. Простой народъ всегда пойдетъ за тѣмъ, кто сумѣетъ повести его; въ движеніяхъ 1848 г. онъ былъ страдательнымъ орудіемъ, — извѣстно, что въ римской революціи главные дѣятели были не Римляне, а Итальянцы изъ другихъ областей.

Не считая нужнымъ объяснять что-либо народу, римское правительство ни разу не снизошло до объясненій дипломатическихъ съ другими государствами. И въ то время, когда графъ Кавуръ на парижскомъ конгрессѣ и лордъ Пальмерстонъ въ англійскомъ парламентѣ говорили о положеніи Папской Области, — тѣ, до которыхъ вопросъ этотъ касался болѣе всего, не сказали ни слова въ свое оправданіе, предоставляя другимъ адвокатуру своего дѣла. Въ защитникахъ не оказалось недостатка, появилось нѣсколько восхваленій папскаго правительства, написанныхъ болѣе или менѣе искусно, не Римлянами, а иностранцами. Съ однимъ изъ такихъ защитительныхъ актовъ мы намѣрены познакомить теперь читателей «Русскаго Вѣстника»; но прежде полагаемъ излишнимъ напомнить имъ въ общихъ чертахъ существо римскаго вопроса и его исторію.

Послѣдняя революція въ Италіи обозначила довольно ясно всѣ по-

литическія задачи полуострова, его надежды и желанія, потребности народа, его ошибки и заблужденія. Реакція на время подавила громкія требованія національнаго чувства, но далеко не способна разрешить вопросъ. За исключеніемъ Сардинскаго королевства, такъ блистательно вышедшаго изъ тяжелаго испытанія, всѣ остальные государства въ Италіи находятся въ положеніи не нормальномъ: въ Неаполѣ, Тосканѣ, Ломбардіи, Римѣ, общественныя отношенія напряжены, всѣ ждутъ чего-то въ будущемъ, всѣ надѣются перемены къ лучшему, отдыха отъ постоянной долгой реакціи; полицейская военная сила останавливаетъ всякое движеніе, но безсильна въ отношеніи къ какому-нибудь положительному результату. Национальное чувство, такъ громко заговорившее въ эпоху послѣдняго броженія, ищетъ теперь мирнаго разрешенія своихъ требованій; каждый, кому дорого будущее отечества, спѣшитъ сказать свое слово. Множество плановъ придумано для измѣненія политической физіономіи Италіи; государственные люди, ученые и журналисты стараются угадать личность будущей Италіи, *Italia possibile*. До сихъ поръ все еще шатко, неопредѣленно, — но тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе возбуждено, работа идетъ дѣятельно, и можно надѣяться, что она не останется совершенно безплодною. Нельзя утвердительно сказать въ настоящее время, найдетъ ли Италія въ самой себѣ средства преобразованія — *farà da sè*, по выраженію Альфieri — или она призоветъ на помощь вмѣшательство Европы; но ясно одно: недавняя ошибка революціи не повторится, ея уроки не будутъ забыты; Итальянцы рѣшится на что-либо, зрѣло обдумавши цѣль и сообразивши средства къ ея достиженію.

И среди этихъ проектовъ, ожиданій, надеждъ и стремленій, вопросъ о Папской Области выступаетъ постоянно на первый планъ; его нельзя обойти, его рѣшеніе нельзя даже отложить на долгое время.

Четыре элемента господствуютъ теперь въ Италіи: австрійскій въ Ломбардіи и Венеціи, въ Пармѣ, Моденѣ и Тосканѣ; сардинскій въ верхней передовой Италіи, наконецъ папскій и неаполитанскій. Но сердцемъ полуострова остается все-таки Римъ; пока Австрійцы будутъ находиться въ Папской Области, до тѣхъ поръ сардинскій либеральный принципъ не выйдетъ изъ своихъ теперешнихъ предѣловъ и останется безъ вліянія на остальную Италію; Римъ стоитъ непроницаемымъ щитомъ между Піемонтомъ и Неаполемъ и лишаетъ благотвительнаго вліянія устройство сардинское, которое отразилось въ послѣднее время даже на сосѣдней Ломбардіи: графъ Кавуръ имѣлъ полное право сказать, что амнистія миланская была слѣдствіемъ системы піемонтскаго правительства. И если въ интересахъ Европы лежитъ перемена порядка вещей въ Неаполѣ, то нельзя упускать изъ виду того, какую роль играетъ въ этой переменѣ Папская Область.

Съ другой стороны теперешнее положеніе Рима, существо власти папы и ея двоякій характеръ становится въ разрѣзъ съ самыми насущными потребностями Итальянцевъ. Прежде всего Італія стремится къ единству интересовъ матеріальныхъ, и возможному образію политическихъ формъ; но католическая теократія идетъ въ разрѣзъ съ новымъ государствомъ: улучшенія, прогрессъ несовмѣстны съ принципомъ привилегій извѣстнаго класса, внѣ котораго почти не существуютъ политическія права. Федерация, подобная Германскому Союзу или Соединеннымъ Штатамъ Америки, невозможна для Італіи, пока существуетъ папская власть въ настоящемъ ея положеніи: папа не можетъ принять на себя обязательства подчиниться приговору сейма изъ свѣтскихъ государей или ихъ уполномоченныхъ; самый таможенный союзъ, съ котораго слѣдуетъ начать Итальянцамъ, встрѣтитъ множество противорѣчій въ Римской области. Наконецъ оборонительный союзъ для общей защиты немыслимъ для папы: какимъ образомъ войдетъ въ военную федерацію лицо, которое, по принципу, не можетъ вести войны? Извѣстно, что въ 1848 году папа вынужденъ былъ позволить своимъ подданнымъ воевать съ Австріею, даже благословилъ ихъ на подвигъ, но его правительство оставалось въ мирныхъ отношеніяхъ съ австрійскимъ... Однимъ словомъ, съ какой бы стороны ни взглянулъ Итальянецъ на свое будущее—вездѣ передъ нимъ, какъ грозный призракъ, является свѣтская власть папы, вездѣ онъ наталкивается на этотъ вопросъ. Чтобы отдѣлаться отъ него, Итальянцы не останавливались передъ самыми сильными предположеніями: имъ казалось возможнымъ удалить папу на островъ Эльбу или въ Іерусалимъ, раздѣлить Папскую Область на части, ограничить владѣнія папы городомъ Римомъ и пр.

Наконецъ для самой Римской области двоякій характеръ ея государя становится невыносимою тягостію; ей приходится поддерживать блескъ, приличный главѣ всего католицизма. Кардиналы, живущіе въ Римѣ, множество всякаго рода конгрегацій, орденовъ, общекатолическихъ учрежденій, требуютъ огромныхъ суммъ для своего содержанія, и вся эта тягость почти исключительно падаетъ на три милліона подданныхъ государя—папы. Высокое религіозное чувство и глубокія богословскія свѣдѣнія далеко не всегда являются достаточными для свѣтскаго государства, для его администраціи; теократія часто противорѣчитъ потребностямъ общества: если и допускать принципъ папской непогрѣшимости въ догматическомъ отношеніи, то на практикѣ онъ совпадаетъ съ произволомъ; стоя выше закона, руководствуясь католическою нравственностію, папа не разъ измѣнялъ, по своему усмотрѣнію, приговоры судовъ, даже гражданскихъ. Церковная іерархія условливаетъ необходимо привилегіи духовенства, ставитъ его выше другихъ классовъ передъ лицомъ закона. Наконецъ обще-католическое правительство римское не имѣетъ національ-

наго характера, а потому остается чуждо потребностямъ народа: Нѣмцы, Французы, однимъ словомъ всѣ католики могутъ сдѣлаться кардиналами римскими и потому управлять государствомъ; и дѣйствительно, очень часто иностранцы, мало знакомые съ нуждами и положеніемъ страны, занимаютъ высшія административныя мѣста, служатъ легатами и проч. Наказаніе преступниковъ, содержаніе войска, всѣ элементы свѣтскаго государства не согласуются съ церковною властью; папа, по своему характеру, не можетъ даже защищать своихъ подданныхъ противъ оскорбленій со стороны другихъ державъ; мечъ не долженъ быть въ рукахъ его, а примѣръ Сардиніи доказалъ, что другое оружіе папы—отлученіе отъ церкви—потеряло значительно свою прежнюю силу.

Такимъ образомъ положеніе Римской области тѣсно связано съ интересами не одного Рима, но всей Италіи и Европы. Вотъ почему въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ мысль о преобразованіи Церковной Области въ государство свѣтское, по общему европейскому типу, получала все большую и большую силу. Наполеонъ I сдѣлалъ въ этомъ отношеніи рѣшительный шагъ; онъ показалъ возможность свѣтскаго государства въ Римѣ. Это событіе глубоко укоренилось въ памяти народа, сдѣлалось преданіемъ, къ которому и теперь обращаются Итальянцы; французское законодательство, замѣнившее папскія декреты, свѣтскіе суды вмѣсто прелатовъ, юридическая опредѣленность отношеній, вытѣснившая прежній произволъ—все это не могло не оставить по себѣ доброй памяти; имя Наполеона и теперь еще одно изъ самыхъ популярныхъ именъ въ Италіи; его портреты здѣсь распространены почти въ такомъ же количествѣ, какъ и во Франціи. Послѣ 1815 года началась совершенная реакція; но чѣмъ усерднѣе преслѣдовало папское правительство всѣ остатки французскихъ учрежденій, тѣмъ дороже становились они для народа. Кардиналъ Ривароли крестился всякій разъ, когда передъ нимъ упоминали о Наполеонѣ и его законодательствѣ; съ 1823 года, то-есть со вступленія на престолъ папы Льва XII, правительство передано было въ руки «риваролистовъ»; въ теченіи восьми лѣтъ продолжалось неутомимое возстановленіе средневѣковыхъ формъ; инквизиція и санфедисты усердно преслѣдовали все, что только намекало на либерализмъ (1). Всѣ школы были отданы подъ надзоръ духовенства, привилегіи общинъ отняты, латинскій

(1) Санфедисты—отъ *santa fede*. Члены этой корпораціи служили въ одно время Австріи и папѣ, были гибеллинами и гвельфами. Любопытна присяга, которую они произносили: «Покрываю голову цвѣтомъ желтымъ и чернымъ (австрійскіе), въ сердцѣ ношу бѣлый съ желтымъ (папскіе). Клянусь не падать никогда, принадлежащаго къ позорной партіи либераловъ, проливать кровь ихъ до послѣдней капли, несмотря ни на полъ, ни на возрастъ» и проч.

языкъ введенъ въ судахъ и университетахъ, Евреи лишены права собственности, въ правленіи господствовалъ совершенный произволъ, бюджетъ оставался тайною, вся власть сосредоточивалась въ рукахъ перваго министра (кардинала Ламбрускини); свѣтскимъ лицамъ недоступны были высшія административныя мѣста, не было точнаго разграниченія властей и проч. Такая система принесла свои плоды : въ февралѣ 1831 года легатства взволновались: Болонья, Феррара, Имола, Сезена, Форли, Витербо, Римини, Перуджа подняли въ одно и то же время знамя возстанія. Въ эту критическую эпоху умеръ Левъ XII, а четыре главные государства Европы воспользовались вступленіемъ на престолъ папы Григорія XVI, чтобы представить ему невозможность прежняго порядка вещей. Желанія Европы были высказаны въ знаменитомъ меморандумѣ 10-го мая 1831 года, основною реформъ поставлены были секуляризація управления, изданіе новаго кодекса гражданского и уголовного, выборные и провинціальныя совѣты и пр. Папское правительство приняло въ уваженіе меморандумъ, но не охотно приводило его въ исполненіе. Чтобы потушить народное возстаніе, Австрійцы заняли Болонью, а Французы Анкону, и пробыли тамъ до 1838 года, пока папа не успѣлъ собрать наемныхъ швейцарскихъ войскъ. Только эта сила могла сдержать недовольство народа, которое высказывалось безпрестанно во все время правленія Григорія XVI. Въ такихъ обстоятельствахъ явился Пій IX, съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать все возможное для улучшенія правительства; народъ съ восторгомъ приветствовалъ каждую мѣру новаго папы; *evviva Pio Nono* сдѣлалось національнымъ возгласомъ всей Италіи: на улицахъ Флоренціи, Неаполя и Милана либеральная партія этими словами требовала реформъ; все ожило, все надѣялось на Пія IX, онъ сталъ прекраснымъ олицетвореніемъ желаннаго будущаго Италіи. Къ сожалѣнію, революція 1848 г. произвела разительную перемену; какъ въ большей части другихъ государствъ, такъ и въ Римѣ нашлись люди, которые воспользовались ею для своихъ цѣлей; возстаніе закрыло глаза папѣ на настоящее положеніе дѣлъ. Онъ испугался своихъ собственныхъ мѣръ и согласился на реакцію. Опять призваны были австрійскія войска въ легатства, а французскія въ Римъ и Чивита-Веккію; наименѣе популярный, всѣми нелюбимый кардиналъ Антонелли сдѣлался государственнымъ секретаремъ, сталъ во главѣ правленія. Одна крайность вызвала другую : « въ Римѣ двѣ партіи, говоритъ Перренсъ, *le règne des rouges venait de finir, celui des noirs allait commencer* ». Почти вся Европа испытала на себѣ гнетъ, который послѣдовалъ вслѣдъ за подавленіемъ революціи, но можетъ-быть ни гдѣ не былъ онъ такъ силенъ, какъ въ Римѣ: особенно унижительно было для народа то, что правительство въ своемъ безсиліи прибѣгло къ пособію иностранцевъ и передало въ ихъ руки власть карать за каждое выраженіе свободной мысли; унижительно

было Римлянамъ чувствовать надъ собою постоянно мечъ Австріи, тогда какъ у подножія Альповъ, подъ тѣмъ же итальянскимъ небомъ, росло и мужало либеральное устройство Сардиніи.

И вотъ уполномоченный Піемонта, единственный представитель Италіи на парижскомъ конгрессѣ, обратилъ вниманіе Европы на положеніе Рима, рѣшивъ быть ходатаемъ интересовъ римскаго общества. Уважая духовную власть папы, какъ главы католической церкви, графъ Кавуръ предложилъ ограничить его свѣтскую власть однимъ городомъ Римомъ, съ тѣмъ чтобы легатства получили особое свѣтское управленіе. Какъ въ большей части своихъ предначертаній, графъ Кавуръ опирался на твердое историческое основаніе: только съ 1815-года въ Римской области введена была централизація; до того времени легатства имѣли свое особое муниципальное устройство, непохожее на римское; отдѣленіе легатствъ отъ Рима было поэтому такъ просто и естественно, что еще въ 1814 году графъ Альдини предложилъ его на вѣнскомъ конгрессѣ. Первый министр Сардиніи только подробнѣе развилъ ту же мысль, считая возможнымъ вывести Папскую Область изъ того ненормальнаго положенія, вслѣдствіе котораго она въ теченіи 26 лѣтъ могла обойтись безъ иностранныхъ войскъ только 10 лѣтъ. Вотъ въ общихъ основаніяхъ планъ графа Кавура: 1) необходимо организовать изъ легатствъ особое свѣтское государство, подъ высшею властью папы, но независимое отъ Рима въ отношеніи административномъ, судебномъ, военномъ и финансовомъ; только религіозныя дѣла и дипломатическія сношенія будутъ исключительно принадлежать Риму. 2) Новое государство необходимо поставить въ то положеніе, въ какомъ оно было при Наполеонѣ I до 1814 года, возстановить въ немъ французскій кодексъ съ нѣкоторыми перемѣнами и пр. 3) Оно будетъ управляться свѣтскимъ намѣстникомъ, назначаемымъ папою не менѣе какъ на десять лѣтъ; министры и члены государственнаго совѣта избираются намѣстникомъ; они заведываютъ всѣми дѣлами, кромѣ религіозныхъ и дипломатическихъ. 4) Провинціи должны участвовать въ содержаніи римскаго двора и въ погашеніи существующаго государственнаго долга. 5) Онѣ будутъ имѣть свое войско, которое образуется посредствомъ конскрипціи.

Проектъ графа Кавура былъ представленъ 27 марта 1856 года въ особой нотѣ кабинетамъ Тюльерійскому и Сентъ-Джемскому и потомъ подвергнутъ былъ обсужденію парижскаго конгресса. Но обстоятельства не благопріятствовали дѣлу Италіи: Европа была слишкомъ занята всеобщимъ примиреніемъ народовъ и не могла обратить должнаго вниманія на римскій вопросъ; лордъ Пальмерстонъ поднималъ было его въ англійскомъ парламентѣ, но это не повело ни къ какому опредѣленному результату. Италіи съ радостью отзывалась на предложеніе графа Кавура, она видѣла въ немъ новый шагъ къ

осуществленію своихъ надеждъ; въ дѣйствіяхъ Сардиніи большинство мыслящихъ людей привѣтствовали ясно-выраженный отказъ отъ принципа *Italia farà da sé*, который льститъ національному самолюбію, но уже много разъ доказалъ свое безсиліе; въ этомъ смыслѣ протоколъ парижскаго конгресса останется важнымъ актомъ въ исторіи итальянской дипломатіи, — составитъ въ ней эпоху. Римскій дворъ не подалъ никакого голоса въ дѣлѣ, которое касалось его ближайшимъ образомъ, но сардинская нота сдѣлалась предметомъ обсужденія журналистики и государственныхъ людей, дала поводъ высказаться общественному мнѣнію. Почти во всѣхъ представителяхъ этого мнѣнія планъ графа Кавура встрѣтилъ сочувствіе, но нашлись поборники папскаго правительства въ лицѣ французскихъ публицистовъ и дипломатовъ, которые принялись за дѣло адвокатуры съ необыкновеннымъ усердіемъ. Кромѣ католическаго чувства, есть и другія обстоятельства, которыя заставили именно Французовъ принять на себя адвокатскую роль.

Завявъ Римъ своими войсками, подавивъ въ немъ республику, въ пользу которой слышался не одинъ голосъ, — Французы тѣмъ самымъ какъ бы признали нравственное обязательство не дозволить слишкомъ широкой реакціи и, взявъ республиканскихъ формъ, дать Риму устройство по возможности либеральное. И дѣйствительно, еще въ 1849 году французское правительство высказало программу тѣхъ улучшеній, которыя необходимы для Папской Области; въ письмѣ своемъ къ полковнику Нею отъ 18 мая 1849 года, императоръ Французовъ, тогда еще президентъ республики, формулировалъ эту программу въ слѣдующихъ словахъ: *amnistie générale, sécularisation de l'administration, code Napoleon et gouvernement libéral*. Лишь исполненіе такихъ обѣщаній могло оправдать въ глазахъ Европы занятіе Рима иностранными войсками; Франція чувствовала всю важность акта, совершеннаго ею, и законодательное сословіе рѣшилось отправить французскій флотъ въ Италію только слабымъ большинствомъ 325 голосовъ противъ 283; только желаніе спасти Римъ отъ Австрійцевъ побудило Францію прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ: *si l'Autriche rétablit le pape à Rome* — говорилъ Ламорисьеръ — *c'est une contre-révolution complète*. Прошло восемь лѣтъ послѣ вступленія Французовъ въ Римъ и послѣ программы Лудовика-Наполеона; наступило время исполненія обѣщаній; всѣ спрашиваютъ, скоро ли Папская Область получитъ амнистію, секуляризацию и либеральное правительство, — и съ удивленіемъ слышатъ въ отвѣтъ отъ нѣкоторыхъ Французовъ, что задача невыполнима, и что теперешнее положеніе Рима совершенно соответствуетъ нуждамъ народа...

Прежде другихъ, адвокатомъ папскаго правительства выступилъ графъ Монталамберъ: въ своемъ журналѣ *Correspondant* онъ напечаталъ длинную статью подъ заглавіемъ *Pie IX et lord Palmerston*,

въ которой изложилъ превосходство кардинальскаго правленія и упрекалъ лорда Пальмерстона въ оскорбленіи папы, а съ нимъ вмѣстѣ всѣхъ католическихъ народовъ. Конечно, нѣтъ нужды доказывать неосновательность послѣдняго обвиненія; не въ правилахъ англійскихъ государственныхъ людей позволять себѣ личности противъ государей; первый министръ Англіи нападалъ на принципъ папской власти, а не на лицо Пія IX; къ послѣднему онъ имѣлъ всегда уваженіе: въ 1849 году, въ то время, когда папа находился въ Гаэтѣ, лордъ Пальмерстонъ увѣщевалъ повѣреннаго римскихъ триумвировъ, Маріани, стараться о конституціи въ Римѣ, но не забывать уваженія къ лицу Пія IX: «отчего—говорилъ онъ— не смотрѣть вамъ на папу какъ на конституціоннаго государя, подобнаго королевѣ англійской?» Нѣтъ, не противъ лица папы подымаются обвиненія, а противъ принципа его свѣтской власти; упреки въ отсталости, обскурантизмѣ и деспотическомъ вліяніи на папу падаютъ совершенно справедливо на кардинала Антонелли. Всѣ, напротивъ, увѣрены въ добротѣ Пія IX и указываютъ, какъ на доказательство ея, на нѣкоторыя изъ аллокуцій папы: сколько сердечнаго сокрушенія стоило ему отлучить отъ церкви сардинское правительство, или рѣшиться на разрывъ съ Испанією... наконецъ лица, стоявшія въ ближайшихъ сношеніяхъ и даже въ родствѣ съ Піемъ IX, отдають полную справедливость его мягкосердечію: *ce prince avait bon coeur*—говорилъ Феррети — *mais il était plus mobile qu'une femme, et il ne fallait jamais compter pour fait ce qu'il avait dit*».

Вслѣдъ за графомъ Монталамберомъ выступилъ Корсель (Corcelles), бывший посланникомъ въ Римѣ въ 1849 году непосредственно послѣ Лессепса, когда произошла важная перемена въ политикѣ французской: Лессепсъ вступалъ въ переговоры съ Римскою республикою, Корсель сопровождалъ папу при его торжественномъ вступленіи въ Римъ. Онъ присутствовалъ при первыхъ порывахъ гнѣва папской полиціи, когда три кардинала — красные триумвиры, *triumviri rossi*, какъ ихъ называли Италіянцы — нещадно преслѣдовали всѣхъ и каждого, такъ что письмомъ къ Нею Лудовикъ-Наполеонъ хотѣлъ остановить кардинальское усердіе. Корсель зналъ хорошо, что дѣлалось въ то время, и между тѣмъ теперь, черезъ восемь лѣтъ, рѣшается оправдывать первое ожесточеніе реакціи! Статьи Монталамбера и Корселя переведены на италіянскій языкъ въ числѣ изданій *Poliantea cattolica*; на нихъ стоитъ надпись миланскаго викарія: *admittitur*; ихъ можно найдти въ книжныхъ лавкахъ Рима... Фарини, извѣстный своею «Римскою исторіей», опровергъ Корселя почти въ каждомъ словѣ, доказавъ, что авторъ извращалъ факты, произвольно ставилъ статистическія данныя — однимъ словомъ, не стѣснялся дѣйствительностью.

Наконецъ, третій панегирикъ римскому правительству составляетъ нота графа Реневаля, посланника императора Французовъ въ Римѣ.

Нота, о которой мы говоримъ, составлена 16-го мая 1856 года, опубликована была въ первый разъ въ Daily-News 19-го марта нынѣшняго года, но о ней знали прежде еще изъ другихъ источниковъ. Давно носились слухи, что нота Реневаля служила руководствомъ для статьи Мазада и потомъ для тѣхъ страницъ *Annuaire des deux Mondes*, въ которыхъ говорится о Римѣ; теперь эти слухи получили полное оправданіе: сравнивая ноту съ *Annuaire*, мы видимъ, что послѣдній буквально перепечатываетъ дипломатическій актъ, сдѣлавъ въ немъ незначительные пропуски. Привыкнуши уважать посольскіе донесенія и радуясь ихъ гласности, мы поспѣшили ознакомить читателей «Русскаго Вѣстника» съ статьею Мазада тотчасъ послѣ ея выхода въ свѣтъ. Теперь считаемъ долгомъ представить и тѣ возраженія, которыя вызваны были нотою Реневаля; они напечатаны на дняхъ въ Туринѣ подъ заглавіемъ: *Question romaine, observations sur la note de monsieur Reyneval, par un sujet du pape*. При тождественности дипломатической ноты и статьи Мазада, мы можемъ ограничиться одними возраженіями: текстъ ноты передъ глазами читателей, мы дополнимъ его только тѣми мѣстами, которыя были опущены.

Общее направленіе и взглядъ Реневаля объясняются его личностью. Прежде всего авторъ ноты — Французъ; онъ высказываетъ явное невѣріе, даже презрѣніе къ Италіянцамъ: «у нихъ нѣтъ энергіи, силы воли, истиннаго гражданскаго мужества,» говоритъ Реневаля; отсутствіемъ характера, по его мнѣнію, объясняется вся исторія Италіи и та невысокая ступень, на которой стоитъ она: «предоставленные самимъ себѣ, Италіянцы только вступали въ споры между собою на площадяхъ, давали перевѣсъ самымъ крайнимъ партіямъ, истощались въ безплодныхъ волненіяхъ, дробились до безконечности и отдавали страну на жертву чужеземцамъ — Французамъ, Испанцамъ, Нѣмцамъ. Напрасно приводятъ Піемонтъ въ примѣръ тому, чего можно ожидать отъ италіянскаго народа; Піемонтцы — народность смѣшанная, въ которой больше элементовъ французскихъ и швейцарскихъ, чѣмъ италіянскихъ; ни ихъ языкъ, ни ихъ нравы не принадлежатъ Италіи.» Къ сожалѣнію, въ этихъ словахъ есть доля правды; но причина плачевнаго политическаго быта лежитъ въ исторіи Италіи, а не въ характерѣ народа; Италія пережила долгую борьбу различныхъ началъ, принципъ *cesaréo-papale* проходитъ черезъ всю ея жизнь; этрусская система федераціи, римское стремленіе къ завоеванію, папа и императоръ, всѣ возможные формы правленія укрѣплялись и падали на италіянской почвѣ; у каждого города свое прошлое, преданія гвельфовъ и гибеллиновъ, филогалловъ и мизогалловъ — все это можетъ улечься только при федераціи городовъ италіянскихъ, съ сохраненіемъ ихъ самостоятельности. Италія не бѣдна примѣрами военной и гражданской доблести: читая одушевленный разказъ Монтанелли, на каждомъ шагѣ встрѣчаешься съ за-

мѣчательными личностями: битва при Куртатоне и Монтанара въ 1849 году — одна изъ самыхъ блистательныхъ страницъ военнаго мужества; Маннини и Поэріо доказали, что въ Италіи много людей, способныхъ къ гражданскому мужеству, а потому у нея есть будущее; Піемонтъ блистательно доказываетъ возможность соединенія на италіанской почвѣ порядка и свободы; но необходимо много времени, чтобы исчезли слѣды раздробленія, которое питалось долгою исторіей; нынѣшніе Италіанцы получили его въ наслѣдство отъ предковъ и, должно сказать къ ихъ чести, умѣютъ понемногу отдѣлываться отъ старинныхъ преданій: въ Генуѣ самая сильная партія крѣпко привязана къ Піемонту, Венеція не отдѣляла судьбы своей отъ Милана и проч. Во Франціи одинъ Парижъ производитъ революцію, въ Италіи всѣ города какъ одинъ возстали при словѣ: *sono Italia*.

Но Реневаль не только Французъ, — онъ былъ, сверхъ того, нѣсколько времени посланникомъ въ Неаполѣ и усвоилъ себѣ взглядъ тамошняго правительства на народъ. Онъ представляетъ себѣ Италіянцевъ какимъ-то сбродомъ людей, не имѣющихъ никакого понятія объ общественной связи, стремящихся къ разрушенію всякаго порядка, «не знающихъ другаго суда и расправы, кромѣ кинжала». Весь этотъ сбродъ, всю эту нестройную толпу, по мнѣнію Реневаля, можно удержать въ порядкѣ только иностранными войсками и удаленіемъ изъ Италіи людей, которые могли бы имѣть вліяніе. «Средній и высшій классъ зараженъ другою болѣзнью, говоритъ Реневаль въ ихъ обвиненіе: ихъ мучитъ желаніе принять участіе въ политическихъ дѣлахъ; примѣръ Піемонта вскружилъ имъ голову; они думаютъ, что англійская конституція вполне соответствуетъ правамъ и средствамъ ихъ отечества.» Конечно, далеко не всѣ Французы согласились бы подписать свое имя подъ такимъ обвинительнымъ актомъ; сардинская конституція служить яснымъ доказательствомъ ея возможности на италіанской почвѣ, — неужели и противъ всѣхъ, вѣрующихъ въ нее, слѣдуетъ также выставить иностранныя войска?

Такія убѣжденія графа Реневаля заставляютъ угадывать напередъ, съ какой точки зрѣнія онъ смотритъ на теперешнее положеніе Папской Области: и дѣйствительно, онъ рисуетъ подробную картину блистательныхъ реформъ, благосостоянія страны, ставитъ римское правительство въ образецъ другимъ, всю вину складываетъ на несчастный характеръ Италіянцевъ. Мы прослѣдимъ главные положенія Реневаля, и представимъ оборотную сторону медали по тѣмъ даннымъ, которыя предлагаетъ папскій подданный.

Если вѣрить графу Реневалю, то меморандумъ 1831 года и программа нынѣшняго императора Французовъ уже приведены въ исполненіе: въ римскомъ правительствѣ свѣтскій элементъ является преобладающимъ; авторъ подтверждаетъ это неопровержимыми статисти-

ческими данными, — изъ 5157 правительственныхъ мѣстъ въ Папской Области, только 98 занято духовными лицами, слѣдовательно число свѣтскихъ лицъ въ 52 раза болѣе. Чтобы дойти до такого блистательнаго вывода, графъ Реневаль причисляетъ прелатовъ къ мірянамъ, говоря, что, кромѣ одежды, они не имѣютъ ничего общаго съ духовенствомъ. При этомъ авторъ забываетъ, что прелатъ — человѣкъ безъ семейства, что его интересы и все будущее тѣсно связаны съ интересами духовной іерархіи; «хотя прелатъ и не совершаетъ таинствъ, однако онъ думаетъ, дѣйствуетъ, живетъ подобно аббатамъ» и имѣетъ въ виду только папскую тіару или шапку кардинала. Но оставая въ сторонѣ сомнительный характеръ прелатовъ, причисля ихъ даже къ свѣтскому званію, все-таки мы не можемъ удовлетвориться статистическимъ выводомъ графа Реневаля. Одно относительное число официальныхъ лицъ ничего не доказываетъ; необходимо принять въ расчетъ значеніе и степень важности должностей, предоставленныхъ имъ. Это обстоятельство значительно ослабляетъ силу доказательства французскаго посланника; такъ, мы видимъ, что изъ духовныхъ лицъ избираются: всѣ министры, кромѣ военнаго; государственный секретарь или первый министръ; всѣ префекты, легаты и делегаты провинцій; всѣ посланники и члены посольствъ; всѣ первые чины двора; президентъ и вице-президентъ государственнаго совѣта; президентъ и вице-президентъ финансовой консулты. Главные начальники полицейскаго управленія, тюремъ, архивовъ, члены высшихъ судовъ, аудиторіата — однимъ словомъ всѣ высшія мѣста въ государствѣ заняты духовными лицами. Прибавимъ къ этому, что все народное просвѣщеніе и благотворительныя заведенія находятся въ рукахъ духовенства, и спросимъ: въ чемъ же выражается свѣтскій характеръ правительства? неужели въ замѣщеніи низшихъ исполнительныхъ должностей мірянами, въ предоставленіи послѣднимъ права служить духовенству?

«Папскій подданный» разказываетъ о довольно-хитрыхъ маневрахъ кардинала Антонелли, которые имѣютъ цѣлью возвысить въ глазахъ народа духовенство на счетъ мірянъ. Такъ, бывали примѣры, хотя и довольно рѣдкіе, что правителями делегатствъ назначались свѣтскія лица; но въ эти должности избираемы были такіе рѣшительные реакціонеры, люди дотога отсталые и неспособные, что даже прелаты казались въ сравненіи съ ними либеральными, — и провинціи просили о назначеніи къ нимъ духовнаго лица.

По закону 10 сентября 1850 года въ рукахъ кардинала Антонелли сосредоточена вся высшая власть, административная и судебная, и всѣ министры подчинены ему: такъ, напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ сносится съ легатами чрезъ посредство кардинала Антонелли; все, что относится къ законодательству, обнародывается имъ; отъ него, а не отъ министра юстиціи, зависятъ высшіе суды, рота, сенатура

и проч.; составленіе кадастра производится подъ наблюденіемъ того же кардинала; онъ считается главнымъ начальникомъ жандармовъ: онъ дѣйствуетъ независимо, не стѣсняясь ничѣмъ, не спрашивая совѣта и разрѣшенія... Очень естественно, что власть такого лица, какъ кардиналъ Антонелли, парализируетъ совершенно самостоятельность каждаго учрежденія, которому предоставленъ голосъ по закону; такимъ образомъ, государственный совѣтъ не подаетъ никакого признака жизни, судьи не пользуются гарантіей независимости: циркуляры кардинала-секретаря имѣютъ силу закона и измѣняютъ законъ.

Этотъ характеръ произвола отражается на всемъ управленіи и служитъ причиною плачевнаго состоянія, въ которомъ находятся всѣ его отрасли; финансы, муниципальные совѣты, суды — все испытываетъ на себѣ вліяніе могучей власти кардинала Антонелли.

Къ числу учреждений, обѣщанныхъ папою въ 1849 году и на которыя возлагались особенныя надежды, принадлежитъ финансовая консульта. Двойкій характеръ папы и необходимость отдѣлить расходы общекатолическіе отъ чисто-римскихъ ставятъ вопросъ о финансахъ на первый планъ. Разрѣшеніе его, согласно *motu proprio* самого папы, предоставлено было выборнымъ отъ народа, — но скоро потомъ кардиналы нашли средство измѣнить обѣщанія, данныя Піемъ IX. Такъ, въ консульту допускаются выборные отъ каждой провинціи по одному, между тѣмъ какъ обѣщано было увеличивать это число, сообразно съ числомъ жителей легатствъ; сверхъ выборныхъ членовъ многіе назначаются непосредственно властью папы. Учрежденіе консульты, блистательное на бумагѣ, на дѣлѣ оказывается почти совершенно безплоднымъ. Президентъ ея — кардиналъ, который по своему произволу можетъ прекратить всякаго рода споры и пренія; онъ пользуется этою властью верѣдко, такъ что въ теченіи пяти лѣтъ только одинъ разъ консульта могла утвердить государственный бюджетъ; вообще же новые налоги устанавливаются вопреки ея мнѣнію, и ограниченія въ расходахъ, предлагаемыя ею, остаются безъ вниманія. Только случайно иногда правительство приводитъ въ исполненіе планы консульты; такъ, на примѣръ, новый министръ финансовъ, монсиньоръ Феррари, желая сдѣлать все наперекоръ своему предшественнику, понизилъ значительно тарифъ — и въ этомъ его дѣйствія случайно совпали съ неразъ-повторяемыми предложеніями консульты; вообще же значеніе послѣдней уменьшается съ каждымъ годомъ.

Что касается до муниципальных совѣтовъ, которымъ имѣлось въ виду дать извѣстную долю участія въ финансовомъ управленіи, то мы приведемъ буквально слова «папскаго подданнаго» по этому предмету:

«Здѣсь графъ Реневаль торжествуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы — народъ черезчуръ несговорчивый: вѣдь у насъ существуетъ широкое и свободное избраніе; власть нашихъ муниципалитетовъ дотогу

обширна, что, пожалуй, не худо было бы ограничить ее и расширить опеку правительства...

«Законъ 24 ноября 1850 года признаетъ избирательное начало, но только оны до такой степени ограничиваютъ число избирателей, что на каждаго избираемаго приходится ихъ не болѣе шести; при этомъ каждый обязанъ еще представить свидѣтельство въ добромъ поведеніи, въ религіозной и политической неиспорченности; наконецъ подача голосовъ дотога стѣснена, что она никакъ не можетъ служить ифр-кою желаній народа.

«Но худо ли, хорошо ли, а избраніе существуетъ... извините, графъ, — его нѣтъ вовсе. Здѣсь повторяется та же исторія. Законъ говоритъ *да*, секретный циркуляръ *нѣтъ*, и циркуляръ уничтожаетъ законъ; вотъ уже семь лѣтъ, какъ объ избраніяхъ не было и помину, и мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, что никто и не думаетъ измѣнить такой порядокъ вещей.

«Что касается до власти муниципалитетовъ, то мы внимательно сравнивали законъ, дѣйствовавшій при Григоріи XVI, съ тѣмъ, который имѣетъ силу теперь, и не нашли никакого расширенія власти общинъ. Вы скажете, что имъ предоставленъ исправительно-полицейскій судъ... но, по закону, общины могутъ пользоваться этимъ правомъ послѣ изданія новаго устава, а этотъ новый уставъ не былъ изданъ и не имѣется въ виду.

«Графъ Реневаль приходитъ въ ужасъ отъ того, что небольшіе города вздумали построить себѣ театры, и что правительство не можетъ удержать ихъ отъ такой роскоши. Пусть разувѣрится графъ: правительство очень легко можетъ запретить такіа издержки; по закону, оно ревизуетъ и утверждаетъ всѣ расходы, проектированные общинами; правительственная опека довольно сильна, — делегаты ежедневно кассируютъ общинныя постановленія и измѣняютъ бюджеты. Притомъ постройка театровъ относится болѣею частію ко времени, предшествовавшему 1850 году; издержекъ на нихъ были разсрочены на много лѣтъ, а потому и находятъ мѣсто въ теперешнихъ бюджетахъ. Мы не защищаемъ издержки на построение театровъ; но говоримъ только, что отвѣтственность за нихъ падаетъ не на народъ, а на избранныхъ отъ правительства, которые вотировали расходъ, и на самое правительство, утвердившее его. Можетъ-быть какой-нибудь насмѣшникъ захочетъ открыть причины и источникъ подобныхъ общинныхъ постановленій, — онъ легко увидитъ, что часто первая мысль о нихъ принадлежитъ апостолическому легату: въ самомъ дѣлѣ, пріятно оставить всегдашнюю память о своемъ управленіи — на счетъ общинъ; пріятно выказать себя покровителемъ изящныхъ искусствъ, пользуясь чужимъ карманомъ. Наконецъ, старинное римское преданіе: *panem et circenses* не вымерло въ Италіи...»

Обращаясь къ налогамъ, графъ Реневаль приходитъ въ умиленіе

отъ благоденствія жителей: каждый изъ нихъ платитъ ежегодно только по 22 франка, тогда какъ, напримѣръ, во Франціи этотъ сборъ доходитъ до 45 франковъ. Здѣсь усердіе графа вовлекло его въ значительную ошибку: кому неизвѣстно, что податная способность измѣряется народнымъ богатствомъ, и что поэтому бѣдному римскому крестьянину, не имѣющему дорогъ, не обезпеченному въ своей собственности, гораздо труднѣе заплатить 22 франка, чѣмъ французскому 45, а англійскому еще болѣе? Графъ Реневаль замѣчаетъ, что подъ счастливымъ небомъ Италіи бѣдность представляется не въ такомъ суровомъ видѣ, какъ въ другихъ странахъ. Но пора перестать клеветать на счастливое небо; бѣдность—вездѣ бѣдность со всѣми ея слѣдствіями; полусытое и полуодѣтое народонаселеніе, даже и въ счастливомъ климатѣ, составляетъ тягость для государства; оно протягиваетъ руку, чтобы просить денегъ и хлѣба. Каждый, кому случилось проѣзжать чрезъ римскія провинціи, невольно поражается зрѣлищемъ общей поголовной нищеты и какимъ-то унылымъ видомъ селеній. Необразованность низшихъ классовъ, которая лежитъ въ принципѣ клерикальной власти и ея интересахъ, еще болѣе увеличиваетъ зло; къ этому присоединяется самая географическая мѣстность папскихъ владѣній и множество болотъ, которыми они устѣяны. За нѣсколько миль отъ Рима вы встрѣтите опустѣвшія села, даже цѣлые города; жители покидаютъ ихъ по причинѣ болѣзней, а болѣзни свирѣпствуютъ отъ невоздѣланности почвы; римская Кампанья стоитъ печальною, необработанною, болота едва осушены, и только недавно желѣзныя дороги признаны дѣломъ негрѣховнымъ, и всѣмъ духовнымъ корпораціямъ разрѣшено брать акціи.

Нельзя не обратить вниманія на распредѣленіе расходовъ въ государственномъ бюджетѣ; изъ 68 милліоновъ франковъ, расходующихся ежегодно папскимъ правительствомъ, 27½ идетъ на погашеніе государственнаго долга, 11 милліоновъ на войско, столько же на бюрократію, 3½ мил. на содержаніе тюремъ,—и между тѣмъ только 2½ мил. на государственныя зданія и дороги, 2 мил. на министерство юстиціи и 440 тысячъ франка. на просвѣщеніе народное. Сборъ государственныхъ доходовъ парализируется множествомъ привилегій, которыя возстановлены кардиналомъ Антонелли въ пользу конгрегацій и лицъ: почти каждый предметъ потребленія составляетъ ихъ монопольное право. Отъ этого дороговизна и измѣненіе цѣнъ въ Римской области зависитъ не отъ общихъ экономическихъ условій, а отъ произвола личнаго, отъ застоя торговли, отъ безчисленнаго множества сборовъ, на которые предъявляетъ свои притязанія каждое лицо, облеченное властью.

Другой важный государственный интересъ—отправленіе правосудія—также остается далеко не удовлетвореннымъ. Такъ, прежде всего важнымъ препятствіемъ для скорого и правильнаго движенія про-

пессовъ служить необыкновенная сложность судебныхъ инстанцій и ихъ многочисленность. Въ каждомъ діоцезѣ существуетъ епископальный судъ, или правильнѣе судья; при трехъ миллионахъ народонаселенія въ Римской области 67 діоцезовъ, тогда какъ во всей Франціи только 80. Въ эту первую инстанцію поступаютъ всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, если къ нимъ прикосновенно духовное лицо или имущество духовенства, конгрегацій и благотворительныхъ заведеній; вторую инстанцію составляютъ слѣдственные суды, затѣмъ слѣдуетъ рота, далѣе сенъюра,—однимъ словомъ всего до 16 инстанцій, чрезъ которыя можетъ быть проведенъ процессъ вслѣдствіе недобросовѣстности римскихъ адвокатовъ. Для свѣтскихъ лицъ судебная карьера не представляетъ никакихъ выгодъ, и избирается ими неохотно: вездѣ на первомъ планѣ, на высшихъ мѣстахъ — духовенство; лица свѣтскія не могутъ занимать должностей выше апелляціонныхъ судовъ, а такихъ во всей Папской Области не болѣе 14. Молодой прелатъ, кончившій курсъ въ духовной академіи, по своимъ юридическимъ свѣдѣніямъ, стоитъ гораздо ниже воспитанника университета, а между тѣмъ съ перваго раза онъ становится начальникомъ; конкуренція здѣсь невозможна, безусловное преимущество предоставлено не знанію, а сословію. Адвокатура могла бы еще дать исходъ образованнымъ юристамъ, но адвокатура безъ публичнаго суда, и безъ присяжныхъ не имѣетъ значенія (1); о послѣднемъ въ Римѣ не можетъ быть и рѣчи. Ясно, что тайный судъ можетъ прикрывать много темныхъ дѣлъ, дать самый широкій просторъ произволу судьи, деспотическую власть надъ подсудимымъ; поэтому въ Римѣ часто носятя слухи объ истязаніяхъ, о пыткѣ, которая даже узаконена въ извѣстной степени (*cavaletto*) эдиктомъ кардинала Антонелли 1855 года.

Къ этому присоединяются особенныя исключительныя мѣры, которыя правительство рѣшается употреблять противъ главныхъ враговъ своихъ—политическихъ преступниковъ и разбойниковъ. Здѣсь администрація явно признаетъ свое безсиліе: она призываетъ на помощь Австрійцевъ или старается возбудить низкія чувства човѣчскія, оцѣняя голову преступника.

Конечно, нигдѣ до такой степени не смѣшиваются лицо правителя и его должность, какъ въ Римѣ; личный врагъ того или другаго администратора становится врагомъ политическимъ. Оба противника смотрятъ другъ на друга съ этой точки зрѣнія: кардиналъ или пре-

(1) Не разъ въ Туринѣ мы были свидѣтелями того, какъ, при отсутствіи присяжныхъ, патетическія рѣчи адвокатовъ раздавались голосами въ пустынѣ; судья отъ правительства болѣе склоненъ къ письменному дѣлопроизводству, и только случайно взглянетъ иной разъ на черную тогу адвоката и прислушается къ словамъ его.

латъ, достигши власти, спѣшить свести свои старые счеты, удовлетворить чувству мести; съ своей стороны пылкій Римлянинъ готовъ принять участіе во всякомъ предпріятіи, если только оно направлено противъ его личнаго врага; часто люди, совершенно различные по убѣжденіямъ, соединяются во имя общей непріязни и наоборотъ. Такая особенность римскаго общества придаетъ особый характеръ политическимъ преступленіямъ въ Папской Области — и, можетъ быть, большая часть заключенныхъ въ Пальяно провинилась не столько противъ общественнаго порядка, сколько передъ тѣмъ или другимъ кардиналомъ или монсиньйоромъ; число такихъ заключенныхъ все еще довольно велико, несмотря на амнистію или очищеніе 1849 года: 262 Римлянина были изгнаны тогда изъ отечества и 1273-мъ запрещенъ вѣздъ въ его предѣлы; съ тѣхъ поръ заключено въ тюрьму по преступленіямъ политическимъ 338 человекъ, да сверхъ того австрійскіе военные суды, въ теченіи 7 лѣтъ, приговорили къ смерти 60 человекъ въ Анконѣ и 190 въ Болоньѣ. Странно думать, что такими средствами можно достигнуть спокойствія и довольства гражданъ: частыя казни пріучаютъ народъ мало дорожить жизнью; на мѣсто одного казненнаго является нѣсколько лицъ, возбужденныхъ жаждою мести; ненависть растетъ съ каждымъ годомъ. Несчастливая роль, которую принуждены были принять на себя Австрійцы, сильно уронила ихъ въ глазахъ народа, и, можетъ-быть, ничто такъ не содѣйствовало возрастающей ненависти къ чужеземному владычеству въ Италіи, какъ зрѣлище крови на площадахъ Анконы и Болоньи. Эти казни, совершенныя рукою иностранцевъ, съ другой стороны показывали злобное безсиліе нѣкоторыхъ правителей: они живо рисуются въ исторіи послѣднихъ годовъ Римской области и не изгладятся изъ памяти народа. Удивительно, что папское правительство такъ сурово смотритъ на нѣкоторыя демонстраціи, не заключающія въ себѣ ничего опаснаго для общественнаго порядка; въ нихъ высказывается просто живость итальянскаго характера и страсть ко всякаго рода зрѣлищамъ; каждый праздникъ, фейерверкъ, вольтижерство, фокусъ, всегда соберутъ толпы зрителей, — это *foi un gomanum* современныхъ Итальянцевъ, гдѣ они могутъ посмѣяться вдоволь. И между тѣмъ, когда легкомысленная молодежь вздумала жечь бенгальскій огонь въ день провозглашенія римской республики, виновные въ этой забавѣ были судимы какъ важные политическіе преступники и приговорены къ тяжкимъ наказаніямъ... Въ этомъ отношеніи австрійское правительство недавно подало хорошій примѣръ: оно наказало Миланцевъ, не позволяя, въ теченіи восьми лѣтъ представленій на огромной аренѣ, вмѣщающей болѣе 30,000 зрителей; но 21 іюня нынѣшняго года Миланъ праздновалъ возвращеніе имъ любимаго зрѣлища.

Запрещая мирнымъ гражданамъ защищать свою жизнь и имуще-

ство, обыскивая на всѣхъ таможенныхъ оружїе, римское правительство само нисколько не обезпечиваетъ личной безопасности противъ бандитовъ, имѣющихъ привилегію быть вооруженными. Эта страшная язва страны нисколько не умевъшается; по всей Романьїи курьеры ѣздятъ въ сопровожденіи жандармовъ, и вы нерѣдко слышите разказы о недавнихъ грабежахъ. Правительство оцѣняетъ голову бандитовъ, но послѣдніе часто сами въ состояніи заплатить цѣну за свою жизнь, и притомъ они рѣдко могутъ попасться въ руки обезоруженныхъ гражданъ; владѣльцы помѣстій ежегодно платятъ бандитамъ за право спокойной жизни въ государствѣ. Въ сравненіи съ грабежами и разбоями, воровство считается, конечно, небольшимъ общественнымъ неудобствомъ въ Римской области; самъ графъ Реневаль еще недавно подвергся обыску со стороны римскихъ воровъ: они унесли нѣкоторыя цѣнныя вещи изъ кабинета французскаго посланника. Частныя лица и общества, которыя могли бы служить лучшими пособниками правительству въ дѣлѣ государственнаго порядка, не имѣютъ никакой доли участія; ихъ дѣятельность немыслима при такомъ принципѣ, какъ римскій. Отсутствіе гласности, какая-то апатія всѣхъ классовъ, предоставленіе всей дѣятельности только извѣстному сословію, все это ввело порчу между повѣренными отъ правительства. Не говоря о таможенныхъ чиновникахъ, которые почти повсюду пользуются несчастною привилегіей и репутаціей, — въ Римѣ даже судьи и администраторы не подозрѣваются въ излишней неподкупности и признають безусловно силу денегъ.

Вотъ оборотная сторона медали, которую показываетъ намъ «папскій подданный» въ опроверженіе словъ графа Реневаля, принявшаго на себя адвокатуру папскаго правительства. Свѣтлыя краски, которыми рисуетъ французскій посланникъ свою картину, зависятъ отчасти отъ предположенной имъ цѣли, отчасти же отъ самой среды наблюденій: графъ Реневаль смотрѣлъ на Римъ и Чивита-Веккію, гдѣ находятся французскія войска; Фарини и «папскій подданный» имѣли въ виду легатства, которыя заняты Австрійцами. Французское правительство дѣйствуетъ на основаніи Наполеоновскаго конкордата въ отношеніи къ духовенству, Австрія руководствуется конкордатомъ 1855 года; поэтому естественно, что клерикальному началу привольнѣе въ Анконѣ и Болоннѣ, что оно тамъ у себя дома, дѣйствуетъ не стѣсняясь. Притомъ графъ Реневаль видѣлъ въ Римѣ печатный законъ, и не знаетъ, въ какой мѣрѣ онъ исполнялся въ дальнихъ легатствахъ, тогда какъ опытъ доказываетъ ясно, что, при нѣкоторомъ искусствѣ, можно почти всегда обойти нелюбимый законъ, парализировавъ его дѣйствіе; «папскій подданный» стоялъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительною провинціальною жизнью, могъ видѣть на просторѣ произволъ правителей. Но объясняя отчасти источникъ заблужденій графа Реневаля, это обстоятельство не въ состоя-

ни однако оправдать его совершенно. Французскій посланникъ противъ собственной воли принужденъ сознаться, что положеніе Папской Области «не нормально», что необходимо серьезно подумать о государствѣ, которое въ теченіе восьми лѣтъ принуждено держать у себя иностранныя войска. А между тѣмъ авторъ какъ бы съ умысломъ не хочетъ касаться вопроса объ основномъ принципѣ римскаго правительства; онъ какъ будто боится мысли о секуляризаци не только Рима, но даже легатствъ, — для него римскій вопросъ кажется внѣ разумнѣйшаго человѣческаго.

«Я не думаю, говоритъ Реневаль, чтобы всѣ вопросы могли быть рѣшены окончательно; по крайней мѣрѣ римскій не имѣетъ исхода. Покровительствуя папѣ, поддерживая его всѣми мѣрами, можетъ-быть, удастся предотвратить опасную катастрофу и продолжить временное положеніе, которое, по крайней мѣрѣ, избавляетъ Европу отъ безчисленныхъ несчастій.» Такая поддержка должна совершиться черезъ посредство австрійскихъ и французскихъ войскъ. «Ничего другаго нельзя придумать въ настоящее время. Станемъ окружать папу нашими *покровительствомъ*; станемъ выводить наши войска медленно, уменьшая ихъ постепенно, и рѣшимся на совершенное очищеніе римскихъ областей только тогда, когда убѣдимся въ его возможности; мало-по-малу спокойствіе возстановится.» Программа прекрасная, но вопросъ въ томъ, когда именно настанетъ это желанное время? Отвѣтъ на это должна дать вся Европа; Французы не могутъ оставить Римской области прежде Австрійцевъ, иначе въ Римѣ будетъ то же, что теперь въ легатствахъ; Австрійцы едва ли скоро рѣшатся войти въ свои границы. Къ чему же прибѣгнуть въ этомъ случаѣ, кто судья въ этомъ дѣлѣ? Графъ Кавуръ указалъ на лицо, имѣющее право приговора; это — конгрессъ, къ которому онъ обратился.

Но въ словахъ графа Реневаля проглядываетъ другая мысль, болѣе узкая, реакціонерная.

Увлечшись своею апологіей, авторъ не только находитъ положеніе Римской области превосходнымъ, но замѣчаетъ даже, что всякая реформа въ ея управленіи будетъ опасна, поведетъ неизбежно къ революціи; вотъ собственныя слова Реневаля: «Пій IX явился исполненнымъ желанія реформъ; онъ тотчасъ приступилъ къ дѣлу — и какаа катастрофа послѣдовала за этимъ! Что имѣло мѣсто тогда, повторится буквально и теперь.» Странно слышать подобное мнѣніе отъ государственнаго человѣка. Всѣ убѣждены, напротивъ, въ томъ, что революціи въ Италіи объясняются именно отсутствіемъ реформъ, позаними полумѣрами, улучшеніемъ судьбы двухъ-трехъ лицъ, на которое правительства смотрѣли какъ на величайшій актъ государственной мудрости. Благоразумныя реформы оказывались всегда лучшимъ орудіемъ противъ демагогическихъ стремленій. Сардинія до-

казала это ясно: она не была скупа на реторемы, и тѣмъ сохранила порядокъ въ настоящемъ и приготовила себѣ славное будущее (1). Революціи становятся пугаломъ въ рукахъ людей, которые хотятъ имъ воспользоваться; но для всѣхъ очевидно, что онѣ не причина, а слѣдствіе, которое не предотвращается ни осадными положеніями, ни войсками въ размѣрѣ по одному солдату на двухъ жителей. Графъ Реневаль упрекаетъ партію умѣренныхъ въ безсиліи, и даже сомнѣвается въ ея существованіи; но въпервыхъ, какъ справедливо замѣчаетъ «папскій подданный», эту партію призывали къ участию въ дѣлахъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда на каждомъ шагу разражалась буря; ей на каждомъ шагу ставили препятствія, связывали ее по рукамъ и по ногамъ, и клерикалы вмѣстѣ съ революціонерами старались ее низвергнуть. Въторыхъ, при теперешнихъ условіяхъ Папской Области, въ Римѣ останутся всегда дѣйствующими только красные и черные, и никогда не образуется здоровое зерно умѣренныхъ либераловъ, эта твердая опора государственнаго порядка; имъ нужна другая атмосфера, болѣе свѣжая, чѣмъ душная среда инквизиціи.

Наконецъ графъ Реневаль доводитъ до крайности свое неуваженіе къ Италіянкамъ; онъ какъ будто хочетъ увѣрить всѣхъ, что для Римлянъ достаточно и того государственнаго быта, въ которомъ они находятся; ихъ вина, если они не умѣютъ примириться съ своимъ положеніемъ. Составитель ноты впрочемъ щадитъ и прощаетъ Римлянъ... По его словамъ, они считали бы себя совершенно счастливыми, еслибы сардинскіе и англійскіе журналы не повторяли имъ безпрестанно разныхъ несбыточныхъ надеждъ. Графъ Реневаль указываетъ на это зло, но, къ чести его должно сказать, не рѣшается предложить ограниченія сардинской журналистики, — французскій графъ не подаетъ руки въ этомъ дѣлѣ графу австрійскому.

М. Капустинъ.

Туринъ.

24-го іюня 1857.

(1) Въ Туринѣ приписываютъ Кавуру слѣдующія слова: «Еслибы спросили Мадзини, кто большій врагъ его, Австрійцы или сардинское правительство, и чьей гибели желалъ бы онъ, — я увѣренъ, что Мадзини укажетъ не на Австрію, а на насъ.» И графъ Кавуръ совершенно правъ.

АРХЕОЛОГІЯ И НОВѢЙШЕЕ ИСКУССТВО.

Новая біографія Веласкеса, сочиненіе Вилльама Стерлинга. — Изъ искусствъ, въ которыхъ столь оригинальнымъ образомъ проявился геній испанскаго народа, позже всѣхъ развилась въ Испаніи живопись. Много причинъ содѣйствовало этому явленію. Безпокойное положеніе страны до соединенія Арагоніи и Кастиліи и до окончательнаго уничтоженія мавританскаго владычества не позволяло Испанцамъ думать объ искусствѣ, которое процвѣтаетъ только въ мирное время. До насъ дошло лишь нѣсколько именъ испанскихъ живописцевъ—монаховъ изъ XIV вѣка. Въ половинѣ XV вѣка получили свое начало три великія испанскія школы живописи: андалузская, кастильская и валенская; но художники, вышедшіе изъ этихъ школъ въ XVI вѣкѣ, были столь не многочисленны и не знамениты, что внукъ Изабеллы Католической, знаменитый Карлъ V, избралъ своимъ любимымъ живописцемъ не Испанца, но великаго Венеціанца Тиціана, котораго осыпалъ своими щедротами и заказами. Хотя мрачный Филиппъ II и содѣйствовалъ дальнѣйшему развитію искусствъ построеніемъ Эскуріала и украшеніемъ прочихъ дворцовъ; однако художники, окружавшіе его, были большею частію иностранцы и не принадлежали къ числу первыхъ мастеровъ своего времени. При дворѣ своихъ монарховъ Испанцы издавна привыкли видѣть итальянскихъ и фламандскихъ художниковъ. Несмотря на это иноземное вліяніе, съ половины XVI вѣка уже замѣтна въ испанскихъ школахъ живописи, при всемъ развитіи стилей, одна глубокая основная черта: почти исключительно строго-религіозный характеръ живописи. Во всѣ времена испанскіе живописцы рѣдко брались за кисть для изображенія свѣтскихъ сценъ; если современные имъ итальянскіе художники временъ возрожденія вдохновлялись античными поэтами, то испанскіе черпали свое вдохновеніе изъ сказаній о суровой жизни отшельниковъ въ «Legenda aurea».

Аскетически-религіозное направленіе испанской живописи можетъ быть объяснено изъ трехъ причинъ. Впервыхъ, восторженная любовь къ классической древности, господствовавшая въ Италіи при дворахъ папъ, правителей и въ монастырскихъ кельяхъ, была неизвѣстна въ Испаніи, кромѣ весьма немногочисленнаго круга ученыхъ. Даже въ университетахъ Алькалы и Саламанки сочиненія Св. Іеронима были гораздо популярнѣе твореній Цицерона. Вторыхъ, богатые свѣтскіе люди, и именно аристократія, вовсе не сочувствовали искусству. До сѣмаго XVII столѣтія единственнымъ, во въ высшей степени богатымъ и могущественнымъ его покровителемъ была церковь. Благочестивые испанскіе короли тоже любилъ

одну религиозную живопись. Аристократія же, роскошная и богатая, не знала наслаждений выше охоты или поединковъ: лошади и собаки, богатыя вооруженія или соколы были ея страстью. Почетное исключеніе составляли нѣсколько семействъ, членовъ которыхъ занимали разныя губернаторскія или военачальническія мѣста въ Италіи или въ Нидерландахъ, гдѣ они успѣли образовать свой вкусъ и полюбить искусство. Къ числу ихъ принадлежали фамиліи Мендоза, Альба, Санта-Крусъ, Виллагермоза, Авила, Сильва, Сандоваль и еще двѣ или три другія. Но примѣра ихъ не было достаточно для развитія художественнаго гевія цѣлой націи. Истинною покровительницей искусства оставалась все-таки церковь. Бѣлая часть испанскихъ живописцевъ проводила жизнь свою въ монастыряхъ и соборахъ. Художникъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ служителей церкви. Искусство не только украшало церковь или восхищало зрѣніе, оживляя передъ молящимися высшіе идеалы человечества, но живопись поучала невѣдающихъ, исправляла грѣшныхъ и возвращала ихъ на путь благочестія и добродѣтели. У живописца учился простой народъ, немущіе и малолѣтніе, тѣмъ крохамъ знанія, которыя приобрѣтали они о жизни Спасителя или о трогательныхъ легендахъ изъ житій святыхъ. Такъ понимали и высказывали задачу христіанской живописи сами испанскіе живописцы-писатели. Многіе изъ нихъ приготавливались къ каждой новой картинѣ молитвою, постомъ и причащеніемъ, а иные даже бичеваніемъ. Луи-де-Варгасъ поставилъ возлѣ своей кровати гробъ, въ который часто ложился, чтобы размышлять о смерти. Наконецъ, третьихъ, неумолимая инквизиція, вскорѣ по ея введеніи въ Испанію, начала строго наблюдать за живописью, которая не смѣла выйти изъ предписаннаго ей пути. Суровый декретъ запрещалъ произведенія, въ которыхъ были представлены нагія фигуры. Учреждены были особые инспекторы-живописцы, которые были обязаны наблюдать за исполненіемъ этого декрета, а въ противномъ случаѣ доносить о всѣхъ проступкахъ отцамъ-инквизиторамъ. Позднѣе былъ составленъ даже кодексъ законовъ для священной живописи, который въ изложенныхъ въ немъ ортодоксальныхъ преніяхъ доходитъ до смѣшной нелѣпости. Такъ наприимѣръ лишь послѣ строгаго обсужденія всѣхъ важнѣйшихъ авторитетовъ было дозволено живописцамъ изображать дьявола съ когтями и рогами.

Единственный великій испанскій живописецъ, который не работалъ постоянно для церкви и не бралъ сюжетовъ для своихъ картинъ изъ священной исторіи, былъ Веласкесъ. Рано поступивъ на службу къ испанскому королю Филиппу IV, онъ бѣольшую часть своихъ произведеній создалъ для украшенія королевскихъ дворцовъ. Но и обрабатывая сцены изъ свѣтской жизни, онъ тѣмъ не менѣе остался вѣренъ тому серіозному настроенію духа, которое состав-

ляетъ основную черту испанскаго характера и преимущественно испанской живописи.

Свѣдѣнія, дошедшія до насъ о жизни Веласкеса, подробнѣе нежели извѣстія о всѣхъ прочихъ живописцахъ Испаніи. Тѣмъ не менѣе до появленія сочиненія Вильяма Стерлинга мы не имѣли отчетливаго сочиненія о жизни и произведеніяхъ великаго живописца. Извѣстія, находимыя у испанскихъ біографовъ: Пачеко, Паломино, Бермудеса, были доступны только знакомымъ съ испанскимъ языкомъ. Французскія біографіи, находящіяся въ сочиненіяхъ Гюара, Киллэ и Шарля Блана (въ великолѣпномъ изданіи книгопродавца Ренуара: *Histoire des peintres de toutes les écoles*)⁽¹⁾ исполнены ошибокъ, и потому не имѣютъ никакой цѣны. Этотъ недостатокъ рѣшился пополнить г. Стерлингъ. Онъ принадлежитъ къ числу нерѣдко встрѣчающихся въ Великобританіи людей, которые, владѣя значительнымъ имуществомъ, пользуются этимъ счастіемъ для того, чтобы задать себѣ въ жизни какую-нибудь ученую задачу, требующую обширной начитанности, избранной бібліотеки или какого-либо другаго собранія, долговременнаго пребыванія въ чужеземныхъ странахъ. Профессоръ Ваагенъ, котораго слова мы передаемъ, посѣтилъ великолѣпное помѣстье Кейръ, принадлежащее г. Стерлингу, лежащее близъ Стерлингавъ Шотландіи: онъ восхищался превосходными видами, садами, бібліотекою и собраніемъ гравюръ съ произведеній испанской школы. Какъ часто, говоритъ Ваагенъ, къ сожалѣнію встрѣчаются люди, владѣющіе огромными богатствами, люди, которые не вѣдая или даже презирая духовныя стремленія другихъ, истрачиваютъ средства только для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ страстей! Г. Стерлингъ избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій Испанію. Извѣстны его любопытныя историческія изслѣдованія о пребываніи Карла V въ монастырѣ Св. Іуста, основанныя на изученіи источниковъ, доселѣ скрывавшихся въ архивахъ испанскихъ⁽²⁾. Другимъ плодомъ его пребыванія въ этой странѣ была исторія испанской живописи, вышедшая подъ заглавіемъ: «*Annales of the artists in Spain*». London. Murray. 3 vol. Она содержитъ самыя достовѣрныя и подробныя біографіи и точныя описанія видѣнныхъ авторомъ картинъ. Вмѣстѣ съ книгою Пассавана: *die christliche Kunst in Spa-*

(1) Любопытенъ отзывъ г. Стерлинга о біографіи Веласкеса, помѣщенной въ этомъ изданіи: «Эта біографія уступаетъ въ точности даже тѣмъ ничтожнымъ сочиненіямъ Гюара и Киллэ, изъ которыхъ она компилирована. Небрежность, которая видна на первой страницѣ, не покидаетъ г. Блана во всемъ сочиненіи, и я знаю мало книгъ, доставляющихъ столь мало поученія или удовольствія.» Сочиненіе Шарля Блана послужило главною основою недавно у насъ вышедшей книги: *Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ*.

(2) См. статью П. Н. Кудрявцева въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 года, №№ 1, 3, 7, 20, 21, 22 и 23.

пиеп, принадлежит она къ лучшимъ сочиненіямъ объ этомъ предметѣ. Въ отдѣльной монографіи о Веласкесѣ, изданной годъ тому назадъ (Velasquez and his works) и недавно переведенной на нѣмецкій языкъ (Velasquez und seine Werke, von William Stirling. Berlin. Schindler. 1856), авторъ собралъ всѣ результаты своихъ дальнѣйшихъ изысканій, не вошедшіе въ его первый трудъ, написалъ очень интересное введеніе о ходѣ живописи въ Испаніи до появленія Веласкеса, нарисовалъ превосходный портретъ короля Филиппа IV, главнаго покровителя Веласкеса, его двора, лицъ, среди которыхъ вращался художникъ, и представилъ вообще столь любопытную, живую и поучительную картину прошлыхъ временъ, что мы рѣшились бѣгло познакомить съ нею нашихъ читателей.

Діего Родригесъ-де-Сильва-и-Веласкесъ родился въ 1599 г. въ Севильѣ, которая въ XVI вѣкѣ была очень богатый и образованный городъ. Его родители происходили изъ древнихъ благородныхъ фамилій, и отецъ возводилъ даже свое генеалогическое древо до Сильвиевъ, царей Альбы-Лонги. Молодой Веласкесъ получалъ очень тщательное воспитаніе: онъ былъ знакомъ съ философіей и многими языками. Въ живописи первымъ учителемъ его былъ Франциско Геррера, изъ школы коего вышли, кромѣ Веласкеса, еще два великіе живописца Испаніи: Алонсо Кано и Мурильо. Онъ былъ первый испанскій живописецъ, который покинулъ прежнюю робкую манеру и создалъ тотъ свободный, смѣлый стиль, который характеризуетъ севильскую школу. Но горячій его характеръ и строгія тѣлесныя наказанія, которыми онъ подтверждалъ свои уроки въ живописи, въ короткое время лишили его учениковъ, толпами стремившихся къ нему, и Веласкесу скоро тоже сдѣлалось невыносимо его тиранство. Быстро усвоивъ себѣ его методу, онъ перешелъ въ мирную школу Франциска Пачеко, который составлялъ настоящую противоположность первому мастеру. Пачеко былъ очень ученый человекъ, и кромѣ того былъ одаренъ большимъ вкусомъ. Онъ прославился многими литературными трудами, изъ которыхъ его «Разсужденіе о живописи», изданное въ 1649, было долгое время ручною книжкой всѣхъ живописцевъ въ Испаніи. Въ домѣ его собиралось лучшее и образованнѣйшее общество Севильи. Веласкесъ имѣлъ тутъ случай слышать разсужденія лучшихъ художниковъ объ искусствѣ, ученыхъ о наукѣ, поэтовъ, въ числѣ которыхъ былъ знаменитый Луи-де-Гонгора, — о поэзіи. Черезъ Пачеко познакомился Веласкесъ съ герцогомъ Алькалою, въ дворцѣ коего находилось богатое собраніе картинъ, статуй и книгъ, а въ кругу общества господствовалъ утонченный придворный тонъ. Все свое свободное время Веласкесъ посвящалъ чтенію и изученію книгъ объ искусствѣ, анатоміи, перспективѣ, математикѣ и архитектурѣ. Онъ любилъ также поэзію. Но если такимъ образомъ пребываніе въ домѣ Пачеко было въ высшей степени полезно для его общаго обра-

зованія, то Веласкесъ однако вскорѣ, въ художественномъ отношеніи, замѣтилъ, что промѣнялъ мастерскую опытнаго и практическаго художника на аудиторію теоретика. Пачеко зналъ, какъ писали нѣкогда художники въ Римѣ и Флоренціи, но онъ не умѣлъ переносить живемъ на полотно севильскихъ мушкетъ и красавицъ. Веласкесъ понялъ, что лучшая наставница художника—природа, и трудъ лучшее средство усовершенствоваться. Рано обнаружилось въ немъ самымъ рѣшительнымъ, даже одностороннимъ образомъ *реальное* направленіе таланта. Онъ взялъ себѣ въ ученики крестьянскаго мальчика, котораго лицо рисовалъ со всѣми возможными выраженіями безчисленное множество разъ, потомъ перешелъ къ копированію мертвыхъ птицъ и рыбъ, плодовъ, всякой домашней посуды, глиняныхъ горшковъ и т. д. Эти «bodegones» Веласкеса нынѣ большая рѣдкость. Далѣе на пути самообученія Веласкесъ перешелъ къ изображенію сценъ изъ простонародной жизни, столь разнообразной и живой въ Андалузій. Къ этому времени относится его знаменитая картина: «Севильскій водопродавецъ» (El Aguador de Sevilla), украшающая дворецъ герцога Веллингтона въ Лондонѣ, которому была подарена испанскимъ королемъ Фердинандомъ VII, за то, что онъ завоевалъ ему наследственный престолъ. Главнѣйшее произведеніе этой ранней эпохи Веласкеса есть «Поклоненіе пастырей», находящееся въ національной галлерей въ Лондонѣ. Въ ней преобладаетъ уже черезъ мѣру изученіе низшихъ слоевъ общества. Несмотря на обширное знакомство свое съ живописцами различнѣйшихъ направленій, Веласкесъ предпочиталъ, по природной наклонности, дѣйствительность и обыкновенную жизнь возвышеннымъ идеаламъ, и говорилъ, что лучше любить быть первымъ въ низшемъ родѣ, нежели вторымъ въ высшемъ.

Послѣ долговременнаго ученія Веласкесъ сдѣлался зятемъ своего учителя Пачеко. «По истеченіи пяти тяжелыхъ лѣтъ обученія, разказываетъ Пачеко, древнѣйшій біографъ нашего живописца въ своемъ сочиненіи *Arte de la Pintura*, р. 101, я женилъ Веласкеса на моей дочери доннѣ Хуанѣ, къ чему меня побудили его добродѣтели, достоинство и прочія отличныя качества, также и надежды, которыя возбуждалъ его великій гений.» Семейная жизнь Веласкеса была очень счастлива.

Когда Веласкесъ достигъ двадцати-трехлѣтняго возраста и научился въ Севильѣ всему, что могъ представить ему этотъ городъ, въ немъ родилось желаніе посѣтить Мадридъ, чтобы познакомиться съ великими живописцами Кастиліи. Это путешествіе Веласкеса важно потому, что рекомендательное письмо Пачеки доставило ему входъ въ домъ одного придворнаго, донна Хуана Фонсеки, который вскорѣ представилъ его всемогущему министру Оливаресу. Портретъ Фонсеки, написанный Веласкесомъ, возбудилъ восторгъ и удивленіе короля Филиппа IV и всего двора, и въ нѣсколько минутъ счастье художника было сдѣлано.

Исторія сорока-четырехлѣтняго правленія Филиппа IV есть непрерывный разказъ о безпорядкахъ и возстаніяхъ въ Испаніи, о притѣсненіи, грабежѣ и бунтахъ въ отдаленныхъ провинціяхъ и колоніяхъ, объ упадкѣ торговли и о кровавыхъ, несчастныхъ войнахъ, оконченныхъ постыднымъ для Испаніи Пиренейскимъ миромъ. Несмотря на свою безпечность и лѣность въ дѣлахъ государственныхъ, Филиппъ IV былъ однако замѣчательный по своимъ талантамъ и образованію человѣкъ. Дворъ его былъ постояннымъ мѣстопробываніемъ лучшихъ современныхъ поэтовъ, ученыхъ и историковъ. Филиппъ IV былъ не только любителемъ и покровителемъ литературы, но и самъ писалъ по-испански чистымъ и изящнымъ слогомъ, и оставилъ нѣсколько томовъ мелкихъ сочиненій и переводовъ съ итальянскаго. Онъ былъ отличный музыкантъ и хорошій поэтъ; его трагедія «Графъ Эссексъ», заимствованная изъ англійской исторіи, еще до нынѣшняго дня занимаетъ мѣсто въ кастильской драматургіи. Онъ самъ часто игралъ на своемъ придворномъ театрѣ въ такъ-называемыхъ «comedias da repente», гдѣ актеры, условившись въ планѣ, импровизировали разговоръ. Наконецъ онъ былъ отличнымъ рисовальщикомъ, и прекрасные рисунки его руки дошли до нашего времени. Неудивительно, если монархъ, одаренный подобными талантами, принималъ живѣйшее участіе въ искусствѣ и художникахъ. У него былъ планъ основать въ Мадридѣ академію изящныхъ искусствъ, планъ осуществленный позднѣе Бурбонами. Испанія обязана ему чрезвычайнымъ обогащеніемъ своихъ художественныхъ сокровищъ. Его виллалоу, посланники и другіе агенты имѣли порученіе не щадить мексиканскаго и перуанскаго золота для покупки итальянскихъ и фламандскихъ картинъ. Онъ приобрѣлъ для Испаніи знаменитую картину Рафаэля: *Io Spasimo*; Мадонну Рафаэля, известную подъ именемъ: «Жемчужина», и Рафаэлю же Мадонну *del pesce*. Списокъ приобрѣтенныхъ имъ картинъ Павла Веронеза, Альбани, Доменикино, Рубенса, Пуссена и т. д. очень длиненъ. Зная страсть своего монарха, испанскіе гранды подносили ему, въ доказательство своей приверженности, лучшія произведенія Корреджіо и Тиціана.

Неудивительно, если послѣ перваго знакомства съ геніальными произведеніями Веласкеса, подобный монархъ, любитель изящныхъ искусствъ, осыпалъ художника милостями. Восторгъ, возбужденный въ королѣ портретомъ Фонсеки, доставилъ Веласкесу, въ томъ же 1623 году, почетное званіе придворнаго живописца. Постепенно возвышался онъ въ милости монарха дотого, что въ 1651 г. былъ сдѣланъ *Aposentador mayor*, то-есть придворнымъ генералъ-квартирмейстеромъ. Это была очень уважаемая должность, доставлявшая большіе доходы, но, къ сожалѣнію, съ нею было сопряжено много заботъ и, что всего хуже, она отняла у художника много драгоценнаго времени. Въ 1659 г. Веласкесъ удостоился даже неслыханной для художника почести: получилъ орденъ Св. Яго.

Но въ дѣлѣ искусства важнѣе всѣхъ этихъ преходящихъ почестей было то обстоятельство, что Веласкесъ, безотлучно находясь при дворѣ короля, долженъ былъ постоянно работать для королевскаго дома и главнѣйшихъ лицъ того времени. Ихъ портреты, писанные его кистью, олицетворяютъ передъ нами личность и вѣкъ Филиппа IV лучше всѣхъ историческихъ разказовъ. Онъ знакомитъ насъ съ ними столь же вѣрно и живо, какъ Ванъ-Дейкъ съ меланхолическимъ Карломъ I, а Миньяръ съ великопнымъ Лудовикомъ XIV. Но и тутъ истинный любитель искусства будетъ сожалѣть о нѣскольکو-одностороннемъ направленіи, данномъ кисти Веласкеса могуществомъ обстоятельствами. Увидавъ портретъ Фонсеки, Филиппъ IV тотчасъ приказалъ живописцу увѣковѣчить его собственное изображеніе. Онъ долженъ былъ потомъ воспроизводить его во всѣхъ видахъ: въ пышной одеждѣ, верхомъ на горячемъ андалузскомъ конѣ, или въ черномъ бархатномъ платьѣ и засѣдающимъ въ тайномъ совѣтѣ, или въ нагрудникѣ изъ буйволовои кожи гоняющимся за дикимъ кабаномъ, или наконецъ въ спальнѣ молящимся на колѣняхъ. Благодаря Веласкесу, мы отлично знакомы съ чертами лица Филиппа IV. Онъ не очень привлекателенъ. У него были бѣлокурые волосы, сѣрые глаза, толстыя губы, длинныя завитые усы и блѣдный, фламандскій цвѣтъ лица. Орденъ Золотого Руна виденъ на его черной одеждѣ. Лицо его имѣло обыкновенно холодное, флегматическое выраженіе. Онъ былъ дотогу серіозенъ и величественъ, что, говорить, смѣялся въ цѣлой жизни только три раза. Въ театрѣ могъ онъ просидѣть до конца пьесы, не шевельнувъ рукою или ногою, и иногда, давая аудіенціи, не приводилъ въ движеніе другихъ мускуловъ, кромѣ языка и губъ.

Кромѣ портретовъ короля, Веласкесъ долженъ былъ изображать безчисленное множество разъ инфантовъ, братьевъ Филиппа IV, его обѣихъ супруговъ, въ портретахъ коихъ передавалъ и румяна, которыя были тогда въ сильной модѣ, — значительнѣйшихъ придворныхъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто занималъ графъ Оливаресъ, самый могущественный, дѣятельный, безсовѣстный и несчастный министръ XVII вѣка, двадцать два года самовластно управлявшій Испаніею. Мало побѣдителей завоевали столько земель, сколько онъ потерялъ ихъ въ ущербъ испанской короны. Впрочемъ и онъ былъ большой покровитель наукъ, литературы (Лопе де-Вега былъ капланомъ его дома) и искусствъ, сколько по собственной любви, столько и потому, что находилъ въ нихъ удобное средство отвлекать вниманіе короля отъ народнаго неудовольствія и злоупотребленій порученной ему власти.

Понятно, что непрерывно занятый заказными портретными работами, Веласкесъ не имѣлъ времени посвящать себя картинамъ другаго рода. Тѣмъ не менѣе къ этому началу его блестящаго поприща

принадлежит знаменитая картина, составляющая одно изъ главныхъ украшеній мадридскаго музея: она извѣстна подъ именемъ «las Vendedores», «Гуляки» и превосходно характеризуетъ его реальное направление, о которомъ сказано выше. Но отъ картинъ подобнаго рода, составлявшихъ истинное его призваніе, Веласкеса непрерывно отвлекали другіе труды. Такъ въ 1627 году одержалъ онъ надъ всѣми соискателями полную побѣду своею картиною, изображавшею гибельное для Испаніи «Изгнаніе Мавровъ королемъ Филиппомъ III», событіе, которое хотѣлъ увѣковѣчить Филиппъ IV. Картина эта, вѣроятно, погибла во время пожара въ одномъ изъ королевскихъ замковъ. По примѣру Рубенса, съ которымъ Веласкесъ находился лично въ дружественныхъ связяхъ, онъ предпринялъ, въ 1629 году, путешествіе по Италіи, и 10-го августа вмѣстѣ съ великимъ полководцемъ Спинолою отправился въ Венецію, тогда уже перепешшую, и въ могущество своемъ и въ художественной славѣ, изъ золотого вѣка въ серебряный. Мало сходясь съ современными венеціанскими живописцами, онъ болѣе любилъ изучать ея великихъ древнихъ живописцевъ. Его художественный вкусъ характеризуетъ всего болѣе то, что въ подарокъ королю онъ скопировалъ двѣ картины Тинторетто. Въ Римѣ, гдѣ жили въ это время Доменикино, Альбани и Гверчино, Пуссенъ и Клодъ-Лорренъ, правилъ тогда Урбанъ VIII, Маттео Барберини, прославившійся своимъ долговременнымъ правленіемъ, изящными латинскими стихами, покровительствомъ Бернини и разрушеніемъ Колизея. Онъ отлично принималъ Веласкеса. И здѣсь художникъ болѣе занимался копированіемъ великихъ произведеній Рафаэля и Микель-Анджело, нежели созданіемъ оригинальныхъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе годоваго пребыванія въ Римѣ, онъ написалъ двѣ картины, принадлежащія къ знаменитѣйшимъ его произведеніямъ, именно: «Кузница Вулкана» и «Сыновья Іакова приносятъ къ отцу одежды Іосифа». Въ первой картинѣ, гдѣ Аполлонъ приноситъ хромоногому Вулкану и его безобразнымъ циклопамъ, превосходно изображеннымъ, вѣсть объ измѣнѣ его прекрасной супруги Венеры, богъ свѣта лишень до такой степени всякаго благородства и красоты, что его можно принять за деревенскаго парня, разказывающаго самую пошлую новость. Веласкесъ имѣлъ въ Римѣ передъ глазами идеальныя созданія Рафаэля, но, видно, онъ совершенно не сочувствовалъ имъ. Мы имѣемъ несомнѣнное доказательство тому въ стихахъ современнаго венеціанскаго поэта, Марко Боскини, въ которыхъ, на вопросъ Сальватора Розы, какъ нравится ему Рафаэль, Веласкесъ отвѣчаетъ:

Rafael (a dirve el vero,
Piasendome esser libero, e sinciero)
Stago per dir, que nol me piace niente (1).

(1) См. его чрезвычайно рѣдкую, на венеціанскомъ діалектѣ написанную книгу: *La carta del navigar pitoresco. Venetia, 1660. p. 58.*

Реалистъ-живописецъ и въ Римѣ сохранилъ *свой* стиль. Вотъ причина, почему и его патріархи на второй картинѣ болѣе походятъ на сіерра-моренскихъ пастуховъ, чѣмъ на библейскія высоко-поэтическія личности.

Изъ Неаполя, гдѣ Веласкесъ познакомился съ Рибейрою, онъ возвратился въ 1631 году въ Испанію, гдѣ, милостиво принятый монархомъ, который любилъ проводить у него ежедневно по нѣсколькимъ часамъ, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ занятіяхъ портретною живописью. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ портретовъ, писанныхъ Веласкесомъ въ этотъ періодъ, портретъ герцога Оливареса, перешелъ изъ собранія короля нидерландскаго въ Императорскій Эрмитажъ въ С. Петербургѣ. Оливаресъ изображенъ въ черной бархатной одеждѣ, съ орденомъ Алькантары на груди; превосходно выраженъ его тройной характеръ высокорожденнаго аристократа, гибкаго придворнаго и тонкаго политика. Въ 1639 году Веласкесъ написалъ одну изъ своихъ весьма немногочисленныхъ религіозныхъ картинъ: «Несеніе креста», нынѣ въ мадридской галлерей. Другая картина, портретъ адмирала Парен, такъ поразила однажды короля, неожиданно вошедшаго въ мастерскую художника, что онъ, думая, что начальникъ флота, непослушный его повелѣнію, скрывается еще во дворцѣ, воскликнулъ: «Вы все еще здѣсь? отчего не повинуетесь вы даннымъ вамъ приказаніямъ?» Къ этому же періоду относятся многочисленные портреты уродливыхъ придворныхъ карликовъ и карлицъ, находящіеся въ галлерей испанской королевы.

Въ 1643 году могущественный Оливаресъ впалъ въ немилость и былъ изгнанъ изъ Мадрида. Веласкесъ, глубоко сохранившій въ памяти благодѣянія герцога, не оказалъ ему, подобно прочимъ придворнымъ, черной неблагодарности, но посѣщалъ его и въ заточеніи. Въ 1645—48 г. написалъ онъ свою превосходную картину: «Передача Бреды», въ которой прославилъ память своего знаменитаго друга, Спинолы. Въ 1648 году онъ предпринялъ второе путешествіе въ Италію, куда отправленъ былъ королемъ для пріобрѣтенія художественныхъ произведеній. Онъ посѣтилъ Геную, Миланъ, Падую, Венецію, Модену, Парму. Всѣ эти города были тогда наполнены художественными произведеніями, которыя нынѣ украшаютъ галлерей Дрездена, Парижа и Лондона. Въ Римѣ написалъ онъ портретъ папы Иннокентія X, который славился своимъ безобразіемъ (оригиналъ нынѣ въ галлерей Дорія въ Римѣ.) Хотя Веласкесъ оставался въ Римѣ болѣе года, но и на этотъ разъ антики и Рафаэль не произвели на него глубокаго впечатлѣнія. Вызванный въ отечество нетерпѣливымъ Филиппомъ IV, художникъ провелъ въ Мадридѣ послѣдніе годы своей жизни, не оставляя живописи, но въ то же время принимая, вслѣдствіе своей придворной должности, участіе въ разныхъ торжествахъ, и занимаясь изготовленіемъ разныхъ моде-

лей для статуй, вылитыхъ позднѣе изъ бронзы, и наконецъ умеръ 6-го августа 1660 г. въ Мадридѣ на 61 году жизни, 'отъ напряженной дѣятельности, которую требовало его званіе генераль-квартирмейстера при путешествіи и устройствѣ празднествъ во время свиданія дворовъ, испанскаго и французскаго, на островѣ Фазановъ, близъ Бидассоа. Последнимъ и величайшимъ произведеніемъ его была картина, извѣстная подъ именемъ: *Las Meninas*, то-есть «фрейлины». Она изображаетъ большую залу королевскаго дворца, въ которой Веласкесъ, спокойно разсматривающій свою работу, пишетъ портретъ одной инфантины, которую окружаютъ ея фрейлины, одна придворная дама и карлики. Другой придворный виденъ въ открытую дверь. Отраженіе въ зеркалѣ показываетъ, что въ залѣ присутствуютъ король и королева, хотя ихъ нѣтъ на картинѣ. Совершенство, съ которымъ скрыто искусство въ этой картинѣ, таково, что Веласкесъ кажется антиципировалъ изобрѣтеніе Дагера. Кажется, видишь, будто настоящая комната съ дѣйствительными, случайно сгруппировавшимися лицами, перенесена на полотно. Разказываютъ, что когда картина была окончена, то король, въ восторгѣ подойдя къ ней, сказалъ, что она не окончена и, взявъ кисть, собственноручно написалъ на груди художника орденъ Св. Яго.

Личныя качества Веласкеса доставили ему при жизни столько же уваженія, какъ и его художественный геній. Онъ пользовался общеою любовью, и былъ далекъ отъ мелкой зависти къ своимъ собратамъ-художникамъ, свободенъ отъ гордости, безкорыстенъ и очень пріятенъ въ обществѣ. Лицо его было очень привлекательно. Первоклассный живописецъ дѣйствительности, онъ понималъ и воссоздавалъ поэтически, въ превосходныхъ ландшафтахъ, природу, и если въ богатствѣ и плодovitости творческой производительности долженъ уступить другому великому реалисту-живописцу, Рубенсу, то тѣмъ не менѣе своимъ огромнымъ дарованіемъ принадлежитъ безспорно къ замѣчательнѣйшимъ художникамъ XVII вѣка.

Произведенія испанской живописи вообще рѣдки въ европейскихъ картинныхъ галлерейхъ. Лучшія произведенія Веласкеса, писавшаго почти исключительно для Филиппа IV, находятся въ Эскуріалѣ и дворцахъ Мадрида. Это два мѣста единственныя въ мірѣ для изученія испанской живописи. Но изъ остальныхъ странъ Европы первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ нашему отечеству. Императорскій Эрмитажъ въ С.-Петербургѣ заключаетъ въ себѣ собраніе картинъ испанской школы, числомъ и качествомъ далеко оставляющее за собою всѣ частныя и публичныя картинныя галлерей западной Европы. Картины этого собранія еще не описаны и не изучены надлежащимъ образомъ. Намъ, Русскимъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на исторію испанской живописи ужъ для того, чтобы сознательно наслаждаться находящимися у насъ подъ рукою сокровищами.

К. Герцъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Самымъ крупнымъ, если не совсѣмъ новымъ явленіемъ въ области международныхъ сношеній за послѣднее время, былъ офіціальный отзывъ англійскаго правительства объ извѣстномъ предпріятіи, на которое до сихъ поръ устремлено вниманіе всей Европы, — о прорытіи Суэсскаго канала (1). Въ засѣданіи нижней палаты 7-го іюля англійскому министерству былъ предложенъ вопросъ: намѣрено ли оно ходатайствовать у турецкаго султана объ утвержденіи проекта, представленнаго на разсмотрѣніе Порты египетскимъ намѣстникомъ, и возбуждавшаго живое сочувствіе въ главныхъ торговыхъ городахъ и портахъ Соединеннаго Королевства. Обращаясь съ такимъ вопросомъ къ министру, одинъ изъ членовъ палаты, г. Берклея выразилъ желаніе получить категорическій отвѣтъ съ объясненіемъ причинъ, побуждающихъ правительство дѣйствовать противъ предпріятія, если дѣйствительно таково его намѣреніе. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ отрицательно на вопросъ г. Берклея. «Уже пятнадцать лѣтъ, сказалъ онъ, — англійское правительство употребляетъ все свое вліяніе, чтобы отклонить султана отъ прорытія Суэсскаго канала. Въ коммерческомъ отношеніи, проектъ этотъ можно причислить къ ряду несбыточныхъ и предлагаемыхъ отъ времени до времени съ цѣлью пустить пыль въ глаза капиталистамъ. Мнѣ извѣстно отъ знатока, на котораго я могу положиться, что планъ этотъ матеріально не осуществимъ, если не употребить на это такихъ громаднхъ суммъ, которыя никогда не могутъ покрыться доходами. Оттого я думаю, и желалъ бы, чтобы почтенный джентельменъ сообщилъ своимъ избирателямъ, что рискующіе своими деньгами въ такомъ предпріятіи испытаютъ большое разочарованіе. Впрочемъ, англійское правительство не по этой причинѣ противится его осуществленію, ибо каждый пользуется полною свободою въ частныхъ дѣлахъ своихъ; но планъ этотъ враждебенъ интересамъ Англии и несогласенъ

(1) О значеніи этого предпріятія въ свое время было сообщено въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

съ нашею неизмѣнною политикою относительно Турціи, нынѣ подкрѣпленной войною и парижскимъ трактатомъ. Мнѣ кажется, этотъ планъ облегчитъ отпаденіе Египта отъ Турціи. Онъ основанъ на отдаленной мысли о возможности болѣе легкаго доступа къ нашимъ Остъ-Индскимъ владѣніямъ. Считаю излишнимъ говорить яснѣе, ибо мысль моя всѣмъ понятна. Оттого удивляюсь, что г. Лессепсъ такъ сильно рассчитывалъ на легковѣріе англійскихъ капиталистовъ, и даже надѣялся склонить ихъ къ денежному участию въ предпріятіи, столь враждебномъ англійскимъ интересамъ. Планъ этотъ былъ предъявленъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, какъ противодѣйствіе другому предпріятію—желѣзной дорогѣ, покровительствуемой Англіей, и представляющіе кратчайшій путь къ Суэзу».

Мы съ намѣреніемъ привели почти вполнѣ отзывъ лорда Пальмерстона, чтобы читатель могъ самъ вывести изъ него надлежащее заключеніе. Замѣтимъ только, что лордъ Пальмерстонъ не подкрѣпилъ своего мнѣнія ни однимъ доказательствомъ. Матеріальная исполнимость проекта признана международною ученою комиссіей, какъ извѣстно изслѣдовавшею вопросъ этотъ на мѣстѣ. Почти всѣ правительства Европы одобрили проектъ г. Лессепса, уже получившаго привилегію отъ египетскаго намѣстника. Только сопротивленіе Порты подъ вліяніемъ англійскаго посланника въ Константинополь замедлило ходъ дѣла. Желая склонить государственныхъ людей Англіи въ пользу своего предпріятія, г. Лессепсъ счелъ за лучшее обратиться къ общественному мнѣнію. Онъ отправился въ Англію въ концѣ прошлаго марта, посѣтилъ всѣ ея большіе торговые, промышленные и приморскіе города, и вездѣ члены торговыхъ корпорацій, негоціанты, судохозяева, фабриканты, капиталисты привѣтствовали его съ уваженіемъ, собирали митинги для выслушанія его объясненій и единогласно одобряли самое предпріятіе. На этихъ митингахъ главнымъ образомъ говорилось о пользѣ предполагаемаго канала для торговли вообще и для англійской торговли въ особенности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ подобномъ вопросѣ лучшими судьями могли быть только судохозяева и негоціанты Лондона, Ливерпуля, Манчестера, Бирмингама, Бристоля, Дублина, Глазго, Абердина, Единбурга, Ньюкастля. Послѣ серьезныхъ преній, всѣ естественные представители англійской торговли объявили, что Суэскій каналъ будетъ особенно выгоденъ именно для англійской торговли, ибо сократитъ на половину нынѣшнее разстояніе между Англіею съ одной стороны, Остъ-Индіей и Австраліею съ другой. Замѣчательно, что во всѣхъ рѣшеніяхъ, принятыхъ митингами, на первомъ планѣ стоитъ общій интересъ цивилизаціи и человѣчества, а частный интересъ англійской торговли отодвинутъ на второй планъ. На митингахъ, бывшихъ въ Ньюкастлѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, составлены адреса,

въ которыхъ просить министерство одобрить проектъ г. Лессепса и склонить султана къ скорѣйшему утвержденію привилегіи, данной послѣднему египетскимъ намѣстникомъ.

Такимъ образомъ, въ самой Англіи проектъ г. Лессепса признанъ и удобоисполнимымъ, и полезнымъ для англійской торговли. Остаются политическія причины, на которыя весьма глухо намекнулъ лордъ Пальмерстонъ, но которыя развиты подробнѣе въ извѣстныхъ органѣхъ перваго министра, газетѣ *Morning-Post*. Въ ней пугаютъ и Турцію и Англію возможностью отпаденія Египта и нападенія Франціи на англійскія владѣнія Остъ-Индіи. Съ одной стороны, Турція угрожаетъ тѣмъ, что каналъ послужитъ для египетскаго намѣстника стратегическимъ средствомъ, преградою для вступленія турецкихъ войскъ въ Египетъ, какъ будто тотъ же каналъ не будетъ служить для покровительствующихъ державъ болѣе быстрымъ и легкимъ средствомъ сообщенія для оказанія ей помощи; съ другой утѣряютъ англійскую публику, что въ случаѣ войны между Англіею и Франціею, французское правительство можетъ отправить изъ своихъ средиземныхъ портовъ многочисленный флотъ, чтобы «задавить торговлю и опустошить владѣнія Англіи.» «Здравый смыслъ англійскаго народа говоритъ *Journal des Débats*, едва ли повѣрить такой химерической опасности. Суэскій каналъ ни въ какомъ случаѣ не лишитъ Англію выгодъ, доставляемыхъ ей огромными морскими силами и безчисленными морскими станціями, для защиты ея владѣній въ Остъ-Индіи; если онъ можетъ облегчить нападеніе, то облегчить и оборону. Въ настоящее время, когда въ Остъ-Индіи вспыхнуло возстаніе, для Англіи было бы чрезвычайно выгодно отправить черезъ Суэскій каналъ военныя силы, назначенныя для противодѣйствія этому возстанію.» Не говоримъ уже о томъ, что крайне-подозрительная и недоувѣрчивая политика не совсѣмъ умѣстна при нынѣшнихъ дружественныхъ отношеніяхъ между Англіею и Франціей. Такой анахронизмъ отчасти объясняется тѣмъ, что государственный человѣкъ, занимающій въ настоящее время постъ перваго министра въ Англіи, принималъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Внѣшняя политика 1808 года отчасти руководитъ нынѣшній англійскій кабинетъ.

Едва ли позволено сомнѣваться, что такое положеніе дѣлъ уже не можетъ быть продолжительнымъ. Рано или поздно, самъ лордъ Пальмерстонъ долженъ будетъ отказаться отъ своей традиціонной политики подъ влияніемъ общественнаго мнѣнія. «Отзывъ его о предпріятіи г. Лессепса, сказано очень умно въ томъ же французскомъ журналѣ, могъ бы повергнуть въ уныніе составителей проекта, въ странѣ, гдѣ образъ дѣйствій правительства не подчиненъ общественному мнѣнію; въ Англіи же, такой отзывъ можетъ

только побудить ихъ къ большимъ усилямъ, чтобы рано или поздно преодолѣть нерасположеніе правительства.» Г. Лессепсъ выразилъ ту же мысль въ своемъ письмѣ къ членамъ англійскихъ торговыхъ палатъ и обществъ, отъ 11-го іюля. Письмо это, разумѣется, вызвано отзывомъ лорда Пальмерстона. «Если англійское правительство будетъ упорствовать въ противодѣйствіи нашему предпріятію, пишетъ г. Лессепсъ, оно можетъ затруднить дѣло, но тѣмъ самымъ оно возвеличитъ его, а не ослабитъ; исполненіе этого предпріятія будетъ настойчиво преслѣдуемо нами, и всеобщее содѣйствіе сообщитъ ему несомнѣнный успѣхъ. Между тѣмъ, пусть торговое сословіе Англии рѣшитъ, прилично ли, чтобы препятствія, вопреки выраженному имъ мнѣнію, происходили отъ его правительства; пусть разсудитъ оно, позволительно ли отъ его имени держаться политики, столь несогласной съ началами свободныхъ сообщеній и свободной торговли, провозглашенными націей предъ лицомъ всего міра, и возможно ли препятствовать соединенію двухъ морей, ведущихъ прямо въ Остъ-Индію и Китай, усиливаясь въ то же время сблизить эти страны съ образованными народами».

Въ послѣднее время, многіе изъ европейскихъ государей и царственныхъ особъ посѣтили иностранные дворы: между прочимъ, въ первой половинѣ іюля, король прусскій посѣтилъ австрійскаго императора. Свиданіе это подало нѣмецкимъ журналамъ поводъ къ болѣе или менѣе сомнительнымъ соображеніямъ о современныхъ международныхъ вопросахъ, въ которыхъ заинтересованы Австрія и Пруссія. «Австрійская Газета» ожидаетъ важныхъ и счастливыхъ послѣдствій отъ этого свиданія. Важнѣйшими вопросами для внѣшней политики Германіи въ настоящее время представляются: вопросъ о нѣмецкихъ герцогствахъ, принадлежащихъ Даніи, и вопросъ о соединеніи Дунайскихъ княжествъ. Первый изъ нихъ, повидимому, болѣе интересуетъ Пруссію, чѣмъ Австрію; второй, напротивъ, важнѣе для Австріи. По мнѣнію «Австрійской Газеты», которое мы впрочемъ отнюдь не выдаемъ за непогрѣпительное, но которое приводимъ какъ выраженіе преобладающихъ въ настоящее время стремленій австрійской внѣшней политики, вѣнскій дворъ изъявляетъ готовность принять такое же горячее участіе въ датско-германскомъ вопросѣ, если Пруссія согласится поддерживать его намѣренія относительно Дунайскихъ княжествъ. Не беремъ на себя рѣшить, на сколько основательны соображенія «Австрійской Газеты»; одно обстоятельство, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію: хотя нѣмецкіе журналы упорно называютъ вопросъ о герцогствахъ чисто-германскимъ, однако великія державы едва ли согласятся оставить за нимъ этотъ характеръ. Если дѣло это слишкомъ затянется или приметъ важный оборотъ, то не замедлитъ возбудить особенное вниманіе дер-

жавъ, гарантировавшихъ трактаты, которыми опредѣляется политическое положеніе Даніи. Соглашеніе между Австріею и Пруссіею, въ смыслѣ «Австрійской Газеты», неминуемо ускоритъ внимательство другихъ державъ, которымъ трудно будетъ допустить, чтобы датско-германскій вопросъ сдѣлался одною изъ частныхъ вопросовъ о Дунайскихъ княжествахъ.

Датскій отвѣтъ кабинетамъ Берлинскому и Вѣнскому, о которомъ мы упоминали въ послѣднемъ обзорѣ, еще не обнародованъ. Сколько извѣстно, оба кабинета удовлетворены формою датской ноты, и условились выждать созванія чинновъ въ герцогствахъ, чтобы тогда отвѣчать на нее въ Копенгагенѣ.

Въ офиціальномъ органѣ бельгійскаго правительства обнародованы нѣкоторыя объясненія о разладѣ между Портою и бельгійскимъ посланникомъ въ Константинополь, г. Блонделемъ (1). Изъ этихъ объясненій, подкрѣпленныхъ многими офиціальными документами, оказывается, что еще въ прошломъ августѣ г. Блондель получилъ отъ своего правительства дозволеніе отправиться изъ Константинополя въ Дунайскія княжества и посѣтить Варну, Галацъ и Букарестъ, для выбора лицъ, которымъ бельгійское правительство могло бы ввѣрить консульскія должности въ Княжествахъ. Предвидя, что эта поѣздка можетъ подать поводъ къ некоторымъ неблагопріятнымъ толкамъ при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Валахіи и Молдавіи, бельгійское правительство предоставило самому г. Блонделю рѣшить, не слѣдуетъ ли ему отложить свою поѣздку. Г. Блондель отвѣчалъ на это просьбою о дозволеніи посѣтить, кромѣ означенныхъ выше городовъ, Адрианополь, Бѣградъ и Яссы. Онъ просоединилъ, что ему очень легко предохранить себя отъ неблагопріятныхъ предположеній, объяснившись съ другими посланниками передъ выѣздомъ изъ Константинополя. По всей вѣроятности, эта предосторожность оказалась недостаточною, ибо г. Блонделя обвиняютъ въ томъ, будто онъ, находясь въ Княжествахъ, предлагалъ принца Фландрскаго въ кандидаты. Оттоманское правительство просило удаленія г. Блонделя, и бельгійское, не признавая этого обвиненія справедливымъ, рѣшилось однако назначить г. Блонделя посланникомъ въ Бразилію, какъ вдругъ 30-го мая турецкій посланникъ въ Брюсселѣ, г. Керкговъ, вручилъ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ требованіе объ отозваніи г. Блонделя, угрожая дипломатическимъ разрывомъ въ случаѣ замедленія. Такой образъ дѣйствій побудилъ бельгійское правительство отмѣнить прежнее его намѣреніе, и оставивъ г. Блонделя въ Константинополь, выжидать рѣшенія Порты. Министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ г. Керкгову, что король не находитъ достаточныхъ причинъ для отозванія г. Блонделя, и съ этимъ отвѣтомъ послалъ ему обратно ноту

(1) См. № 12-й «Русскаго Вѣстника».

его отъ 30-го мая. Отвѣтомъ турецкаго правительства было возвращеніе паспортовъ г. Блонделю, который переселился въ Аѳины, гдѣ онъ тоже аккредитованъ.

Статья бельгійскаго «Монитера», въ которой изложены всѣ эти обстоятельства, не понравилась турецкому посланнику въ Брюссель, который поспѣшилъ отвѣчать на нее въ другихъ журналахъ. Въ своемъ отвѣтѣ г. Керковъ говоритъ, что удаленіе г. Блонделя вызвано жалобами правительствъ англійскаго, австрійскаго, французскаго и сардинскаго, и что Порта уже четыре года какъ выразила желаніе, чтобы г. Блондель былъ повышенъ и переведенъ изъ Константинополя. Онъ утверждаетъ также, что депеша отъ 30-го мая не имѣла офіціального характера, что онъ поспѣшилъ частнымъ образомъ передать телеграфическую депешу, полученную имъ отъ своего правительства, и сдѣлалъ это во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній. Этимъ объясненіемъ значительно упрощается дѣло: объявляя депешу 30-го мая неофіціальною, г. Керковъ тѣмъ самымъ снимаетъ съ своего правительства подозрѣніе въ желаніи рѣзко требовать отозванія г. Блонделя. На этомъ пока остановилось дѣло.

Возстаніе сипаевъ въ Остѣ-Индіи не замедлитъ отвлечь отъ Китая часть англійскихъ военныхъ силъ, назначенныхъ туда первоначально. Оттого можно думать, что серіозныя дѣйствія не откроются въ Китаѣ, пока не будутъ усмирены остѣ-индскіе инсургенты. Къ тому же, страшное разстояніе отъ береговъ Англіи до береговъ Китая естественно замедляетъ ходъ дѣла. Почти одновременно съ англійскимъ уполномоченнымъ прибудетъ въ Китай и уполномоченный Соединенныхъ Штатовъ, г. Ридъ. Инструкціи, ему данныя, остаются тайною для публики, и только по одной рѣчи, которую онъ произнесъ на банкетѣ, данномъ въ честь его филадельфійскими негоціантами, можно полагать, что посольство его имѣетъ существенно мирный и торговый характеръ. «Наши форты, при двухъ океанахъ, сказалъ онъ между прочимъ, обращенные къ Европѣ и къ Азіи, занимаютъ срединное мѣсто относительно всѣхъ частей свѣта. При этой выгодѣ, какою не обладаетъ въ равной ст. нами степени ни одинъ другой народъ, и при легкомъ доступѣ внутрь нашей страны, намъ нужны только многочисленные и сильные пароходы, чтобы сообщить нашей торговлѣ первое мѣсто въ мірѣ. Мы не должны забывать, что заботясь о нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ многочисленными частями Азіи, облегчая сообщеніе съ этими обширными странами при пароходныхъ двадцатидневныхъ переездахъ отъ одного берега до другаго, мы содѣйствуемъ распространенію христіанства, которое со всѣми своими благами возвратится къ Востоку, гдѣ и возникло. Тамъ торговля должна предшествовать христіанству, торговля, внушающая миръ и дружественныя отношенія между народами, доказывающая, что человѣкъ не есть врагъ человѣка, и народъ не врагъ на-

рода, но что интересы всѣхъ народовъ тождественны, и что они гораздо болѣе преуспѣютъ подѣ благотѣльнымъ вліяніемъ взаимныхъ сношеній, чѣмъ вслѣдствіе войны.

«Вслѣдствіе нашихъ недавнихъ пріобрѣтеній на Тихомъ Океанѣ, Китай сталъ нашимъ сосѣдомъ, и между нимъ и нами лежитъ гладкій океанъ, призывающій наши пароходы къ болѣе значительной торговлѣ, чѣмъ торговля всей Европы. Эта торговля будетъ наша, если негоціанты и правительство Соединенныхъ Штатовъ захотятъ соединенными силами упрочить быстрыя сообщенія между Америкой и Азіей. Милліоны народа въ Азіи требуютъ именно нашихъ продуктовъ и мануфактурныхъ издѣлій, и дадутъ намъ за нихъ свои мѣстные богатые произведенія, недостающія у насъ».

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Американцы по всей вѣроятности будутъ дѣйствовать въ Китаѣ точно такъ же, какъ недавно дѣйствовали въ Японіи. Слова новаго уполномоченнаго Соединенныхъ Штатовъ подтверждастъ это.

Обнародована высочайше ратификованная 12 марта конвенція, подписанная въ Берлинѣ нижеподписавшимся—генералъ-маіоромъ Кербедзомъ и полномочнымъ его величества короля прусскаго, дѣйствительнымъ легационнымъ совѣтникомъ Сень-Пьеромъ, о соединеніи С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги съ Кенигсбергскою. Ратификація эта обмѣнена съ прусскимъ правительствомъ 20 апрѣля (2 мая н. с.). Существенныя статьи новой конвенціи состоятъ въ слѣдующемъ. За точку соединенія обѣихъ желѣзныхъ дорогъ принять Эйдкуненъ на границѣ Россіи съ Пруссіей (ст. 1). Устройство дороги въ этомъ пунктѣ соединенія зависить отъ взаимнаго соглашенія обѣихъ правительствъ. Ширина колеи между внутренними краями рельсовъ будетъ въ Россіи — въ пять англійскихъ футовъ, а въ Пруссіи въ четыре фута $8\frac{1}{2}$ дюймовъ, англійской же мѣры (ст. 4). Пріобрѣтеніе земель, полотно земляное и искусственныя сооруженія будутъ сдѣланы неотлагательно для двухъ путей; но устройство втораго пути можетъ быть отложено до тѣхъ поръ, пока надобность въ ономъ не будетъ признана подлежащимъ правительствомъ (ст. 5). Работы должны быть окончены въ одно время, поэтому наше правительство обязалось уведомить прусское за два года до окончанія варшавской дороги (ст. 6). Распределеніе поѣздовъ будетъ сдѣлано по взаимному соглашенію (ст. 11). Между подданными обѣихъ державъ не будетъ никакого различія въ платѣ за провозъ пассажировъ и товаровъ по каждой изъ вновь-открываемыхъ желѣзныхъ дорогъ. Остальныя статьи конвенціи относятся къ подробностямъ устройства и управленія.

Въ послѣднія двѣ недѣли у насъ не вышло никакихъ новыхъ постановленій, заисключеніемъ одного только положенія о вновь-учрежденной должности инспекторовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Имѣя въ виду предотвратить могущую быть небрежность на вновь открываемыхъ желѣзныхъ дорогахъ, учрежденъ особый надзоръ за ихъ поѣздами со стороны главнаго управленія путей сообщенія. Для наблюденія за правильностію, удобствомъ и безопасностію движенія по каждой частной желѣзной дорогѣ, и вообще для надзора за дѣйствіями управленія оной, опредѣляется отъ правительства, по назначенію главноуправляющаго путями сообщенія, инженеръ этого корпуса, съ присвоеніемъ ему званія инспектора дороги. Инспекторъ не можетъ вмѣшиваться въ распоряженія управленія: ему принадлежитъ только власть наблюдательная и распорядительная. Для надзора за дѣйствіями управленія ему сообщаются всѣ необходимыя свѣдѣнія и должны быть открыты всѣ журналы засѣданій, шнуровыя счетныя книги и всѣ документы. Онъ присутствуетъ въ засѣданіяхъ общаго собранія акціонеровъ, можетъ подавать свое мнѣніе и, въ случаѣ нужды, требовать, чтобы оно было внесено въ журналъ засѣданія. Требования правительства черезъ него сообщаются управленію дороги. Относительно самага движенія, онъ наблюдаетъ за чистотою и прочностію дороги, за своевременностію ремонта, за достаточностію личнаго состава надзора и т. д. Къ его обязанностямъ относится также наблюденіе, чтобы при составленіи поѣздовъ были приняты всѣ мѣры для ихъ безопаснаго движенія, чтобы до отправки поѣздовъ всѣ части ихъ были тщательно осматрѣны; чтобы распределение и отправленіе поѣздовъ было удобно для публики и безопасно для движенія. Онъ смотритъ также за пассажирами и, въ случаѣ опаснаго съ ихъ стороны дѣйствія, имѣетъ право дѣлать имъ замѣчанія и даже исключать ихъ изъ поѣздовъ. Каждые четыре мѣсяца инспекторъ производитъ осмотръ всей дорогѣ. Онъ обязанъ оказывать содѣйствіе управленію дороги къ лучшему устройству движенія и содержанію. Съ этою цѣлію на него возложена обязанность быть посредникомъ и ходатаемъ за управленіе у мѣстныхъ правительственныхъ установленій.

Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаемъ нашимъ читателямъ объ одномъ, вновь открытомъ частномъ обществѣ въ С.-Петербургѣ. Извѣстно, что жилища рабочаго населенія, которыхъ неудобства могутъ вести ко многимъ несчастнымъ послѣдствіямъ, давно уже обратили на себя вниманіе всей Европы. Въ главнѣйшихъ европейскихъ городахъ возникали постепенно общества для улучшенія квартиръ низшаго класса. Подобныя общества существуютъ во Франціи, Англіи, Бельгіи и Пруссіи. Въ нашемъ отечествѣ, хотя вопросъ рабочихъ далеко не имѣетъ такого значенія, какъ въ западной Европѣ, однако тоже требуетъ улучшенія и въ послѣднее десятилѣтіе неоднократно положеніе ихъ обращало на себя вниманіе правительства. О состояніи

помѣщеній рабочаго помѣщенія въ разное время были собраны любопытныя свѣдѣнія. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ обширныя изысканія, произведенныя двумя комиссіями въ 1840 и 1847 годахъ, и обнаружившія во всей подробности, въ кзкихъ неопрятныхъ, сырыхъ и холодныхъ квартирахъ размѣщаются петербургскіе рабочіе. При незначительномъ числѣ домовъ, приспособленныхъ, и то весьма дурно, для ихъ помѣщенія, они должны поводить довольствоваться квартирами, какія попадутся, платя нерѣдко за то здоровьемъ. Къ тому же самое число подобныхъ домовъ недостаточно для помѣщенія всего количества работниковъ. Несоответственность перваго второму всего лучше открывается изъ сравненія цифръ, извлеченныхъ изъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ и еще въ прежнее время обнародованныхъ въ «Запискахъ Русскаго Географическаго Общества». Рабочее населеніе Петербурга составляетъ до 250,000 человекъ. Изъ нихъ проживающихъ въ городѣ постоянно—150,000, приходящихъ на лѣто, для заработковъ—100,000. Конечно, не вся эта масса населенія нуждается въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Изъ нея надобно исключить такихъ рабочихъ, которые, находясь въ домашнемъ услуженіи, или при торговыхъ заведеніяхъ, или на работѣ у цеховыхъ мастеровъ и т. п., помѣщаются у самихъ же хозяевъ. Людей этого рода считается круглыми цифрами: купеческихъ прикащиковъ до 1500, лавочныхъ сидѣльцевъ и разныхъ служителей по торговлѣ до 5000, рабочихъ по цехамъ до 26,000, наконецъ собственно домашней прислуги разныхъ родовъ и чернорабочихъ при домахъ считается до 100,000. Всего рабочихъ этого рода круглымъ числомъ до 132,000. Такимъ образомъ нуждающихся въ наемномъ помѣщеніи изъ числа постоянно живущихъ въ городѣ остается 18,000. Если теперь изъ числа приходящихъ на лѣто исключить даже $\frac{3}{4}$, которые могутъ помѣщаться въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся работы, то останется нуждающихся въ наемномъ помѣщеніи 25,000 работниковъ. Слѣдовательно, вообще квартиры необходимы для 43,000 людей. Какое же число помѣщеній имѣется для этого населенія? При оцѣнкѣ всѣхъ недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ, произведенныхъ въ сороковыхъ годахъ, описывались въ каждомъ домѣ всѣ отдѣльныя помѣщенія, то-есть каждая квартира, имѣющая особый входъ, хотя бы она не отдавалась въ наемъ, а употреблялась самимъ домовладѣльцемъ для людей, находящихся въ услуженіи при домѣ. Изъ этихъ описей видно, что подобныхъ особыхъ квартиръ, за которыя, кажется, плата могла бы составлять до 30 р. въ годъ, считается въ Петербургѣ не болѣе 2000, и изъ нихъ большая часть даже не отдается въ наемъ, а какъ сказано, предназначается для дворниковъ и другихъ служителей при домахъ. Собственно для найма рабочихъ остается какихъ-нибудь двѣ три сотни подваловъ, да небольшое число домовъ, исключительно предназна-

ченныхъ владѣльцами для впуска работниковъ, и то преимущественно на ночлеги. Такіе дома доставляютъ значительные доходы, но, при недостаткѣ соперничества, содержатся чрезвычайно дурно. Это обстоятельство тѣмъ болѣе прискорбное, что, кромѣ отсутствія побужденія къ хорошему устройству помѣщеній, оно ничѣмъ болѣе не объясняется. При столь огромной массѣ нуждающагося населенія было бы очень возможно согласить выгоды домовладѣльцевъ съ нѣкоторымъ удобствомъ квартиръ и, главное, съ безвредностію ихъ для здоровья работниковъ. Въ Англіи, гдѣ число обществъ, принявшихъ на себя заботы о квартирахъ рабочаго класса, возрасло въ послѣднее время до невѣроятной почти цифры 12,000, акціонеры постоянно получаютъ хотя не очень большіе, но затѣ вѣрные дивиденды. Къ этому надобно прибавить, что помѣщенные въ такія предпріятія капиталы ничѣмъ не рискуютъ. Потребность въ квартирахъ не зависитъ ни отъ какихъ измѣнчивыхъ условій, и въ Англіи это заставляетъ многихъ помѣщать сюда свои деньги. Между тѣмъ необходимость озаботиться объ улучшеніи квартиръ низшаго класса есть безспорно одна изъ самыхъ настоятельныхъ. Въ странахъ, гдѣ статистическія данныя собираются съ особливою тщательностію, доказано, что смертность въ дурныхъ помѣщеніяхъ 66 процентами болѣе той, какая существуетъ въ жильяхъ, удовлетворяющихъ необходимымъ гигиеническимъ условіямъ. Столь же поразительные факты обнаруживаютъ печальное вліяніе подобныхъ помѣщеній и на нравственность. Нераздѣльное помѣщеніе лицъ разныхъ половъ, невозможность для семьи пользоваться подобными квартирами иначе, какъ для ночлега, не могли остаться безъ грустныхъ результатовъ. Конечно, при меньшемъ у насъ числѣ городскихъ работниковъ, они не могли придти въ такое мрачное положеніе. Но нельзя не сознаться однако, что нѣкоторые изъ замѣченныхъ недостатковъ, существуютъ и у насъ. Вотъ что, говоритъ о помѣщеніяхъ рабочаго класса коммиссія 1840 года:

«Квартиры, предназначенныя для простаго народа, отдаются домовладѣльцами въ наемъ особымъ промышленникамъ, которые отъ себя уже пускаютъ въ нихъ рабочихъ, на разные сроки, а всего чаще на ночлеги. Населеніе, пользующееся сими квартирами, состоитъ изъ поденщиковъ небольшихъ артелей, прибывающихъ въ столицу для присканія работъ, и другаго класса людей (между прочимъ даже чиновниковъ). Бѣольшая часть сихъ квартиръ содержится чрезвычайно дурно; въ нѣкоторыхъ зимою не было двойныхъ оконныхъ рамъ; отопленіе самое недостаточное, и, сколько можно было замѣтить, квартиры сии нагрѣваются однимъ скопищемъ людей; стѣны напитаны сыростью, форточекъ для очищенія воздуха нѣтъ, и неопрятность превышаетъ всякое вѣроятіе; помойныя ямы устроены внутри жилья: иногда изъ пятаго этажа всякія нечистоты протекаютъ

черезъ всѣ нижніе этажи и даже по корридору; во одномъ домѣ, въ которомъ помѣщается до семисотъ рабочихъ (а лѣтомъ еще болѣе), найдено, что болѣе семи лѣтъ не очищали и не перекрашивали стѣны, а полы совершенно сгнили. Хозяева, нанимающіе эти квартиры отъ домовладѣльцевъ, желая извлечь наибольшія выгоды, пускаютъ для ночлега такое число людей, сколько можетъ вмѣститься; для чего дѣлаютъ нары въ три и болѣе ярусовъ, почти до потолка; люди мѣстятся еще, кромѣ наръ, на полу, на скамейкахъ, однимъ словомъ, гдѣ есть только мѣсто, такъ что въ квартирахъ, имѣющихъ не болѣе трехъ саженъ въ длину и въ ширину, найдено было, при осмотрѣ, ночующихъ и постоянно живущихъ до пятидесяти человѣкъ обоого пола; тамъ же малолѣтнія дѣти и, среди сего скопища людей, нѣсколько человѣкъ, одержанныхъ прилипчивыми болѣзнями.» Подобныхъ примѣровъ приведено въ изысканіяхъ комиссіи множество.

Въ 1847 г. новая комиссія осмотрѣла до 500 помѣщеній рабочихъ и описала ихъ съ особенною подробностію. «Рабочій народъ, объясняетъ комиссія, помѣщается или въ тѣхъ самыхъ фабрикахъ и заведеніяхъ, гдѣ работаетъ, или въ особыхъ квартирахъ, нанимаемыхъ подрядчиками, артелями, или самими рабочими, поодиночно. Наиболѣе выгодъ для рабочаго представляетъ размѣщеніе перваго рода, за исключеніемъ болѣе бѣдныхъ ремесленниковъ, кои, кромѣ мастерскихъ, не имѣютъ особыхъ помѣщеній для своихъ работниковъ. Въ мастерскихъ сего послѣдняго рода, или отгораживается для кроватей какой-нибудь темный, душный уголъ, или рабочіе спятъ на полу и верстакахъ, даже на столахъ, на которыхъ днемъ валяютъ тѣсто. Обыкновенною подстилкой служить дрянной, тонкій войлокъ или, еще чаще, простая рогожка; часто даже не бываетъ и вовсе никакой подстилки: спятъ прямо на доскахъ. Но надобно войти въ квартиры собственно наемныя, и въ особенности въ такія, гдѣ хозяинъ имѣетъ дѣло не съ подрядчикомъ, а прямо съ артелью или рабочими поодиночно, чтобы узнать, до какой степени можетъ дойти тѣснота, духота, сырость, однимъ словомъ, все, что разрушаетъ здоровье человѣка.»

Изъ подобныхъ фактовъ обѣ комиссіи пришли къ убѣжденію, что въ видахъ народнаго здравія, общественной нравственности и даже полицейскаго порядка, не говоря о человеколюбіи, необходимо принять рѣшительныя мѣры къ улучшенію помѣщеній, и вторая комиссія выразила при этомъ твердое убѣжденіе, что всѣ въ этомъ отношеніи мѣры правительства могутъ привести къ положительнымъ послѣдствіямъ только при содѣйствіи частныхъ благотворительныхъ и другихъ обществъ. Нынѣ это желаніе комиссіи наконецъ осуществилось. Нѣсколько лицъ предположили составить общество, на акціяхъ, для улучшенія въ С. Петербургѣ помѣщеній рабочаго

населенія и вообще людей недостаточнаго состоянія. Членами общества будутъ: вдова полковника А. К. Карамзина, гофмейстеръ сенаторъ Хрущовъ, с.-петербургскій губернский предводитель дворянства графъ Шуваловъ, членъ совѣта общества желѣзныхъ дорогъ въ Россіи Абаза, флигель-адъютантъ графъ Бобринскій, придворный банкиръ баронъ Штиглицъ и инженеръ полковникъ Палибинъ. Главное попечительство надъ обществомъ принялъ на себя его высочество герцогъ Георгій Мекленбургъ-Стрелицкій, супругъ Великой Княгини Екатерины Михайловны. Государь Императоръ, одобливъ по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, предположеніе общества, высочайше повелѣлъ предоставить учредителямъ произвести необходимыя предвзрительныя изысканія и, составивъ для общества проектъ подробнаго устава, представить оный, въ свое время, на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ.

Въ Англіи въ послѣднее время происшествія въ Индіи обращали на себя главное вниманіе. Съ каждою почтою извѣстія оттуда принимали все болѣе тревожный характеръ. Мы говорили уже, на основаніи краткихъ телеграфическихъ извѣстій, о началѣ возстанія сипаевъ. Сообщимъ теперь подробныя свѣдѣнія, обнародованныя мѣстными журналами. По словамъ *Bombay Times*, открытое возстаніе началось въ Мирутѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Отрядъ 3-го полка индійской кавалеріи былъ выведенъ на поле, гдѣ происходить маневры; солдатамъ были розданы новые патроны съ увѣреніемъ, что въ составъ ихъ не входитъ ничего нечистаго. Потомъ, чтобъ испытать повиновеніе солдатъ, имъ велѣно было зарядить ружья и выстрѣлить. Изъ числа девяноста солдатъ только пятеро okazали повиновеніе. Остальные восемьдесятъ пять рѣшительно отказались принять патроны, полагая, что въ нихъ есть свиное сало: оскорбить себя свинымъ саломъ для Индуса—ужасное дѣло, сопровождаемое потерей касты. Ослушные были отданы подъ военный судъ, приговорившій ихъ къ тюремному заключенію отъ пяти до десяти лѣтъ. 9-го мая осужденные были въ присутствіи цѣлаго войска заключены въ оковы и посажены въ тюрьму. По необъяснимой непредусмотрительности или, можетъ-быть, вслѣдствіе излишняго презрѣнія къ неудовольствію Индѣйцевъ, не было принято никакой предосторожности для безопасности города и тюрьмы. Послѣднюю попрежнему продолжали охранять сипаи. Въ войскахъ однако не было недостатка. Ночь и слѣдующій день прошли благополучно, но къ вечеру 10-го числа всѣ индѣйскія войска въ Мирутѣ возмущались въ одно время и перебили большую часть своихъ офицеровъ. Поддерживаемые чернію, они овладѣли тюрьмой и освободили своихъ товарищей, а съ ними до тысячи другихъ арестантовъ. Затѣмъ начались пожары и убійства. Жены и дѣти англійскихъ солдатъ сдѣлались первыми ихъ жертвами. Между тѣмъ европейскія войска взяли за оружіе.

Мятежники разсыпались со втораго залпа и, обратясь въ бѣгство, покинули Мирутъ. Драгуны преслѣдовали ихъ за нѣсколько миль отъ города и перерубили множество изъ нихъ. Но преслѣдованіе было слишкомъ скоро прекращено, и отсюда произошли несчастія, случившіяся въ Делги. 11-го числа мирутскіе бѣглецы вошли въ этотъ городъ, гдѣ къ нимъ тотчасъ присоединились три индійскіе полка, составлявшіе тамошній гарнизонъ. Чернь приняла ихъ сторону, и кровавыя сцены повторились и здѣсь. Европейцы, удалившіеся въ крѣпость, были захвачены и истреблены. Нѣкоторые изъ нихъ защищались геройски. Такъ одинъ поручикъ, по имени Виллоби (Willohby), видя, что пороховый магазинъ долженъ попасть въ руки мятежниковъ, рѣшился зажечь его и храбро погибъ подъ его развалинами. Овладевъ Делги, Индѣйцы провозгласили своимъ королемъ сына послѣдняго могольскаго императора. Въ другихъ провинціяхъ спокойствіе не было нарушено. Бомбей, Агра, Калькутта остались спокойны. Въ Лагорѣ европейское войско сдерживаетъ сипаевъ. Англійское правительство приняло мѣры къ быстрому подавленію мятежа; значительное число войска отправлено въ Индію. Съ своей стороны, правительство компаніи не осталось въ бездѣйствіи. Пользуясь находящимися въ его распоряженіи европейскими войсками и контингентами индійскихъ владѣтелей, оно рѣшилось подавить мятежъ въ самомъ зародышѣ. Съ другой стороны, оно старается всѣми мѣрами успокоить волненіе въ умахъ туземцевъ. Генералъ-губернаторъ Остъ-Индіи обнародовалъ прокламацію къ сипаямъ, въ которой даетъ имъ торжественное увѣреніе, что правительство никогда не хотѣло и теперь не намѣрено какимъ бы то ни было образомъ препятствовать имъ въ ихъ религіи. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе производятъ эти мирныя средства, но военныя дѣйствія Англичанъ увѣнчиваются успѣхомъ. По послѣднимъ извѣстіямъ сипаи были разбиты близъ Делги. У мятежниковъ взято 26 пушекъ. Войско готовится брать приступомъ самый городъ, куда удалились сипаи.

Возмущеніе сипаевъ сильно взволновало общество. Журналы почти единодушно требуютъ самыхъ энергическихъ мѣръ. Газета Times прямо выразила мнѣніе, что въ этомъ случаѣ нечего поддаваться ложному челоуѣколюбію, и наказаніе бунтовщиковъ должно быть примѣрное. Только при такомъ способѣ дѣйствія, говоритъ этотъ журналъ, туземное населеніе пойметъ какъ велико могущество Англіи. Раздраженіе, съ которымъ журналистика приняла происшествія въ Мирутѣ и Делги, не знало границъ. Оно дошло до того, что, объяснивъ сначала возстаніе надлежащимъ образомъ, журналы стали потомъ приписывать его интригамъ другихъ державъ, обвиняя Россію и Францію. Нечего и говорить, что общественное мнѣніе не возмѣрило этимъ обвиненіямъ. Настоящая причина возстанія ни для

кого не составляет тайны. Между тѣмъ, какъ французская администрація въ Алжиріи, несмотря на другіе свои недостатки, все-таки выполняетъ свою главную задачу—распространять между племенами начатки гражданственности, устраняя совершенно вопросъ религіозный; Англія, напротивъ, слишкомъ мало обращала прежде вниманія на развитіе подвластныхъ ей племенъ и съ нѣкотораго времени дала слишкомъ большую свободу протестантской пропагандѣ. Это послѣднее обстоятельство особенно напугало Индѣйцевъ. Разказываютъ, что мѣстное начальство перехватило письмо одного офицера изъ туземцевъ къ какому-то раджѣ, въ которомъ первый уговариваетъ его принять участіе въ возстаніи и говорить объ опасности религіи. Съ другой стороны, самыя военныя силы, при помощи которыхъ Англія удерживаетъ въ своемъ повиновеніи огромное Остѣ-Индское государство, далеко не соответствуютъ этой цѣли. Правда, въ индѣйской арміи считается 290,000 человекъ, но это огромное войско, сравнительно съ многочисленнымъ населеніемъ Остѣ-Индіи, составляетъ не болѣе, какъ гарнизонъ едва достаточный для занятія всѣхъ важныхъ мѣстностей. Вспомнимъ, что эта армія должна держать въ повиновеніи 120 миллионъ британскихъ подданныхъ и 46 миллионъ остальныхъ жителей Индостана, различающихся между собою происхожденіемъ, религіей и даже языкомъ, потому что тамъ насчитывается двадцать пять особыхъ языковъ, кромѣ безчисленнаго множества нарѣчій. Сверхъ того это же войско должно быть постоянно наготовѣ противъ 10 миллионъ Персовъ, 5 миллионъ Афгановъ, 3 миллионъ жителей независимыхъ государствъ внутри Индостана и 5 миллионъ Бирмановъ. Со всѣми этими народами Англія въ послѣднее время болѣею частью находилась въ войнѣ. Чтобъ имѣть возможность дѣйствовать успѣшно съ такою небольшою арміей, которую вдобавокъ надобно было набирать преимущественно между туземцами, правительство должно было обратить самое серьезное вниманіе на внутренній составъ ея. Этотъ составъ обдуманъ основательно. Принято за правило составлять полки сипаевъ изъ людей двухъ различныхъ вѣроисповѣданій, преобладающихъ въ Индіи и находящихся во взаимной борьбѣ. Въ пѣхотѣ обыкновенная пропорція состоитъ изъ двухъ третей Индусовъ и одной трети мусульманъ. Офицеры обыкновенно Европейцы. Сипаи составляютъ собственно армію компаніи. Они не смѣшиваются съ королевскими войсками. Офицеръ королевской службы не можетъ перейти въ полкъ сипаевъ, и обратно. Войско компаніи состоитъ изъ 240,000 сипаевъ, а королевское изъ 30,000. Сверхъ того компанія содержитъ на свой счетъ 20,000 европейскихъ солдатъ. Болѣе значительное европейское войско содержать было бы трудно, потому что климатъ Индіи губителенъ для людей непривычныхъ. Правительство вынуждено, предъ отправленіемъ въ Индію посылать европей-

скихъ солдатъ, чтобъ акклиматизировать ихъ, въ Гибралтаръ, Мальту или Австралію. Несмотря на эту предосторожность, смертность между ними довольно значительна.

Къ числу затрудненій, созданныхъ для британскаго владычества мѣстными историческими условіями, принадлежитъ отчасти даже система управленія Индіей, которая теперь настоятельно требуетъ измѣненія. Это обширное государство, равняющееся цѣлой Европѣ, за исключеніемъ Россіи, управляется, какъ извѣстно, частною компаніей, подъ надзоромъ англійскаго правительства. Правленіе компаніи состояло, до возобновленія привилегій въ 1854 году, изъ тридцати членовъ, а теперь только изъ восемнадцати, избираемыхъ акціонерами и носящихъ титулъ директоровъ. Директоры живутъ въ Лондонѣ. На нихъ лежитъ обязанность назначать въ Остъ-Индію чиновниковъ, составлять регламенты, завѣдывать финансовою частию компаніи и т. д. Они опредѣляютъ и отставляютъ индійскихъ генералъ-губернаторовъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства. Генералъ-губернаторъ пользуется самымъ обширнымъ полномочіемъ, и хотя онъ дѣйствуетъ при помощи совѣта, состоящаго изъ четырехъ членовъ, однако власть его почти не имѣетъ предѣловъ. Онъ можетъ объявлять войну и заключать миръ, не требуя согласія ни отъ кого, кромѣ своего совѣта. Индія раздѣляется на четыре президентства: Калькутское, Мадрасское, Бомбейское и Аггское. Каждое изъ этихъ президентствъ управляется особеннымъ губернаторомъ. Губернаторы подчинены генералъ-губернатору, но опредѣляются также компаніей. Президентства раздѣлены на округа, состоящіе подъ управленіемъ сборщиковъ податей. Уже изъ этого очерка видно, что система управленія очень не многосложна и имѣетъ въ виду по преимуществу военную и финансовую цѣли. Надобно отдать справедливость компаніи, что въ свое время такой способъ управленія очень содѣйствовалъ распространенію британскаго господства. Между тѣмъ, какъ въ теченіи послѣдняго столѣтія, Англія безпрестанно покоряла себѣ различныя независимыя владѣнія, въ дѣлахъ внутренней политики компанія дѣйствовала съ крайнею осторожностію. До сихъ поръ въ Индіи остается еще много туземныхъ владѣтелей. Относительно религіозныхъ убѣжденій и обычаевъ Индусовъ администрація долго отличалась чрезвычайною терпимостію. Самые варварскіе обряды продолжали существовать по-прежнему. Результатомъ этого была, съ одной стороны, легкость покоренія. Индусы смотрѣли на генералъ-губернатора Индіи какъ на представителя Великаго Могола и охотно подчинялись власти, которая ни въ чемъ не стѣсняла ихъ внутренней свободы, обходясь съ ними въ то же время человѣколюбивѣе туземныхъ властителей. Но зато, съ другой стороны, долговременное господство Англичанъ ничего не сдѣлало для развитія подвластныхъ племенъ. Индусъ

остался съ тѣми же понятіями, съ тѣмъ же характеромъ, какъ во времена Александра Великаго. Только въ послѣднее время Англія измѣнила свой способъ дѣйствія, и крутой поворотъ, по всей сѣролѣтности, не остался безъ вліянія на теперешнее возстаніе. Перемѣна совершилась тридцать лѣтъ тому назадъ, въ управленіе лорда Вильяма Бентинка. Была объявлена свобода тисненія, начались изданія на туземныхъ языкахъ, въ пользу Индусовъ. Сожженіе вдовъ, умерщвленіе дѣтей, безчеловѣчные обряды при богослуженіи, — все это было уничтожено. Управленіе дѣятельно занялось воспитаніемъ туземцевъ. Еще сильнѣе было вторженіе европейскихъ началъ въ послѣдніе восемь лѣтъ, въ управленіе маркиза Дальгаузи (Dalhousie). Въ это время возникло цѣлое поколѣніе образованныхъ по-европейски туземцевъ. Электрическіе телеграфы, желѣзныя дороги оживили азіатское государство. Все это не могло остаться безъ послѣдствій. Дремавшее національное чувство Индусовъ оживилось подъ дуновеніемъ просвѣщенія. Въ этомъ надобно отчасти искать причины недавнихъ возмущеній. Къ тому же непросвѣщенная часть населенія оскорблена ежечастнымъ нарушеніемъ ея религіозныхъ убѣжденій. Не только управленіе оказываетъ постоянное покровительство протестантской пропагандѣ, но безпрестанно уничтожаетъ прежніе религіозные обычаи. Такъ напримѣръ недавно разрѣшенъ второй бракъ вдовамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти обстоятельства дѣлаютъ управленіе Индіею болѣе затруднительнымъ, чѣмъ прежде, и требуютъ значительныхъ перемѣнъ въ составѣ администраціи. Общественное мнѣніе въ Англіи сознаетъ эту необходимость. Журналы говорятъ о необходимости устранить всѣхъ туземныхъ владѣтелей, подвластныхъ компаніи, и усилить вліяніе управленія на Индусовъ. Еще съ 1833 года нѣсколько комиссій сряду занимаются составленіемъ особаго уложенія для Индіи, и до сихъ поръ труды ихъ не привели еще ни къ какому результату. Введеніе новыхъ началъ въ остъ-индскую администрацію невозможно безъ содѣйствія мѣстныхъ властей, потому что съ 1853 года тамъ существуетъ особое законодательное собраніе. Это такъ называемый законодательный совѣтъ (legislative council), состоящій изъ 11 членовъ, изъ которыхъ девять назначаются компаніей, а два королевой.

Обратимся теперь къ дѣятельности парламента и скажемъ о важнѣйшихъ вопросахъ, поступавшихъ на его обсужденіе. Въ засѣданіи 30-го іюня лордъ Брумъ предложилъ лорду Кларендону вопросъ, справедливы ли слухи, что вестъ-индскіе плантаторы просили у англійскаго правительства позволенія привозить изъ Африки въ колоніи свободныхъ или мнимо-свободныхъ негровъ. По мнѣнію лорда Брума, подобное позволеніе повело бы неминуемо къ возобновленію торгова неграми. Лордъ Кларендонъ вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ и объявлялъ, что правительство никогда не дастъ своего со-

гласія на подобныя предпріятія. Вопросъ о разводѣ встрѣтилъ въ верхней палатѣ новое сопротивленіе. Два протеста были подписаны членами ея противъ новаго билля. Одинъ изъ этихъ протестовъ былъ поданъ постояннымъ, ожесточеннымъ противникомъ билля, епископомъ оксфордскимъ, другой лордомъ Линггорстомъ и нѣсколькими другими лицами. Въ первомъ протестѣ опровергалась самая сущность новаго закона, вторымъ требуется полное уравниеніе правъ обоихъ половъ и формальный разводъ въ случаѣ оставленія жены мужемъ, вмѣсто дозволеннаго теперь простаго разлученія. Послѣднія требованія будутъ, вѣроятно, предметомъ разсужденія въ нижней палатѣ. Протестантская партія въ палатѣ лордовъ не рѣшается признать себя побѣжденною по этому вопросу и старается хотя нѣсколько измѣнить новый билль. Еще недавно лордъ Редсдаль (Redesdale) предложилъ палатѣ билль, освобождающій англиканское духовенство отъ обязанности вѣнчать лица, которыхъ прежній бракъ былъ расторгнутъ за предубодѣніе. По мнѣнію благороднаго лорда, принуждать духовенство благословлять подобные браки—значить дѣлать насиліе его совѣсти; сверхъ того можно достигнуть той же цѣли посредствомъ простаго установленія гражданскихъ браковъ. Палата отвергла это предложеніе, которое уже нѣсколько разъ было высказываемо въ формѣ поправокъ въ билль о разводѣ. При этомъ случаѣ архіепископъ кантерберійскій выразилъ надежду, что нижняя палата приметъ въ соображеніе затруднительное положеніе, въ которое новый законъ ставитъ духовенство, принужденное или дѣйствовать противъ совѣсти или оказывать послушаніе законамъ государства. Извѣстно, что декретомъ 8-го іюня король прусскій предоставлялъ консисторіямъ обсужденіе тѣхъ случаевъ, когда лица, бывшія въ разводѣ и вступившія во второй бракъ гражданскимъ образомъ, пожелають получить для своего союза церковное благословеніе. Англиканское духовенство желаетъ такого же закона въ свою пользу.—Но если въ вопросѣ о разводѣ верхняя палата стала на сторону прогресса, то гораздо менѣе терпимости показала она въ другомъ, болѣе важномъ вопросѣ, въ вопросѣ о присягѣ. При второмъ чтеніи билля, онъ былъ отвергнутъ большинствомъ 173 голосовъ противъ 138. Несмотря однако на такое окончаніе этого вопроса, допущеніе Евреевъ въ парламентъ нашло себѣ нѣсколько защитниковъ въ верхней палатѣ. Лордъ Линггорстъ, герцогъ Норфолькъ, лордъ Брумъ, одинъ за другимъ опровергали рѣчь лорда Дѣрби, главнаго противника новаго закона. Къ нимъ присоединился графъ Шаттсбери, бывший до сихъ поръ противъ билля. Къ чести англиканскаго духовенства надобно замѣтить, что не всѣ его члены противились вступленію Евреевъ въ парламентъ, и хотя архіепископъ кантерберійскій и епископъ оксфордскій объявили себя противъ билля; но зато епископъ лондонскій сказалъ, что подаетъ голосъ за новый законъ. «Христіанскій характеръ собранія,

сказалъ почтенный прелатъ, не зависить отъ исключенія той или другой части населенія изъ участія въ законодательствѣ. Онъ зависить отъ общаго христіанскаго настроенія страны, и съ этой стороны Англія не предстоить никакой опасности.» Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія вопроса епископъ не считаетъ его религіознымъ; это просто вопросъ государственнаго устройства, вопросъ законодательный.

Въ нижней палатѣ также былъ поднятъ вопросъ о введеніи свободнаго труда въ колоніи, въ которыхъ уничтоженіе невольничества имѣло послѣдствіемъ замедленіе производства. Этотъ вопросъ возникъ по поводу Англіиской Гвіаны. Въ засѣданіи 3-го іюля г. Барингъ спросилъ у министерства, принимаетъ ли оно мѣры для распространенія свободнаго труда въ колоніяхъ. Отвѣтъ на себя взялъ г. Лабушеръ. Онъ доказывалъ, что правительство давно уже заботится объ этомъ. Доказательствомъ служить островъ Св. Маврікія, куда въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ прибыло до ста тысячъ работниковъ. Но допуская рабочихъ всѣхъ націй, правительство не можетъ допустить въ колоніи ни негровъ, ни Китайцевъ: первыхъ, потому что это послужило бы предлогомъ къ торгу невольниками, а послѣднихъ вслѣдствіе ихъ обычая не брать съ собою женъ. Въ колонію Викторія переселилось до 20,000 Китайцевъ, но изъ нихъ только трое были съ женами. Вслѣдствіе этого правительство сочло нужнымъ не только не покровительствовать переселенію Китайцевъ, но даже всѣми мѣрами ему препятствовать и обложило пошлиною всякаго переселяющагося Китайца.

Нижняя палата утвердила билль о судебномъ преслѣдованіи лицъ, уличенныхъ въ подкупахъ или насиліяхъ при выборахъ. Билль о судопроизводствѣ по завѣщаніямъ и договорамъ тоже утвержденъ. Главное нововведеніе состоитъ въ учрежденіи особаго апелляціоннаго суда, мѣсто котораго до сихъ поръ занимала палата лордовъ. Еще важная внутренняя реформа предложена г. Робокемъ. Онъ предложилъ уничтожить званіе вице-короля Ирландіи. Эта должность потеряла теперь всякое значеніе и служить только препятствіемъ къ водворенію полнаго единства въ Соединенномъ Королевствѣ. Предложеніе г. Робока было однако отвергнуто большинствомъ 266 голосовъ противъ 115. Проведеніе этой необходимой мѣры встрѣчаетъ сильное сопротивленіе въ самой Ирландіи. Противъ нея—не только юная Ирландія, увлекающаяся мечтами о самостоятельности, но также и нѣкоторые мѣстные интересы. Дворъ вице-короля въ Дублинѣ привлекаетъ туда знатныя фамиліи, и многіе опасаются, что съ уничтоженіемъ вице-королевскаго достоинства этотъ городъ много потерпитъ въ своемъ значеніи.

Въ одно изъ послѣднихъ засѣданій вниманіе палаты было еще привлечено слѣдующимъ обстоятельствомъ. Герцогъ Кембрижскій въ

качества фельдмаршала, дать приказъ 19-го іюня, въ которомъ солдатамъ предписывалось посѣщать школу для обученія грамотѣ. Возникъ вопросъ, имѣлъ ли герцогъ право дать подобный приказъ? Знаніе грамоты не входитъ въ число обязанностей солдата, определенныхъ въ такъ-называемыхъ военныхъ статьяхъ. Г. Рамсденъ, помощникъ государственнаго секретаря военныхъ дѣлъ, объявилъ, что герцогъ взялъ назадъ приказъ, отъ 19-го іюня, и замѣнить его новымъ, въ которомъ совѣтуетъ офицерамъ поощрять стремленіе солдатъ къ грамотности.

Скажемъ въ заключеніе о такомъ парламентскомъ происшествіи, которое возможно едва ли не въ одной Англіи и показываетъ до нѣкоторой степени, какимъ образомъ проводятся тамъ важные вопросы. Въ засѣданіи 30-го іюня г. Берклей повторилъ свою ежегодную рѣчь о необходимости ввести тайную подачу голосовъ на выборахъ въ члены парламента. Лордъ Пальмерстонъ не присутствовалъ въ этомъ засѣданіи, но г. Берклей самъ высчиталъ возраженія, которыя можетъ сдѣлать глава кабинета. «Первый министръ, говорилъ онъ,—оцѣнитъ будетъ требовать, чтобъ палата подождала избирательнаго билля, который онъ намѣренъ предложить вскорѣ. Подобно тому, какъ нѣкогда жезлъ Аарона пожралъ всѣ другіе жезлы, такъ этому великому биллю суждено пожрать всякаго рода избирательныя реформы.» Ораторъ ручался однако, что тайная подача голосовъ не войдетъ въ предложеніе лорда Пальмерстона, и потому считъ нужнымъ подробно развить свои доказательства. Къ обыкновеннымъ своимъ доказательствамъ въ пользу тайной подачи голосовъ онъ присоединилъ на этотъ разъ примѣръ Австраліи. Г. Берклею отвѣчалъ лордъ канцлеръ, ссылаясь на авторитетъ извѣстнаго сочиненія г. Токвиля; онъ замѣтилъ, что, если въ другихъ странахъ нужно охранять свободу избирателей отъ излишняго вліянія центральной власти, то въ Англіи вовсе нѣтъ этой необходимости. Предложеніе было отвергнуто большинствомъ 65 голосовъ. По всей вѣроятности, оно будетъ вторично сдѣлано въ слѣдующемъ году. Таковъ вообще въ Англіи ходъ важныхъ вопросовъ, имѣющихъ вліяніе на внутреннее государственное устройство. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ томъ же смыслѣ произнесъ рѣчь г. Текерей на митингѣ оксфордскихъ избирателей. Онъ говорилъ о необходимости ввести тайную баллотировку и расширить право подачи голоса, хотя и не согласенъ съ теоріей всеобщей подачи голосовъ. При этомъ онъ замѣтилъ, что не видитъ препятствій къ возобновленію парламентскихъ выборовъ черезъ каждые три года. Наконецъ онъ объявилъ себя противникомъ исключительнаго назначенія въ члены правительства только лицъ изъ нѣкоторыхъ знатныхъ семействъ и обѣщалъ стараться всѣми силами о распространеніи политическихъ правъ на среднія сословія и народъ вообще. Рѣчь г. Текерея была встрѣчена шумными рукоплесканіями.

Состояніе биржи въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль было удовлетворительно.

Во Франціи, въ воскресенье 5-го іюля, происходили вторичные выборы депутатовъ въ тѣхъ избирательныхъ округахъ, гдѣ ни одинъ изъ кандидатовъ не получилъ абсолютнаго большинства, то-есть четверти голосовъ и еще одного голоса. Результатомъ этихъ вторичныхъ выборовъ было избраніе трехъ кандидатовъ оппозиціи, гг. Каваньяка, Оливье и Даримона. Замѣчательно, что по сравненію съ выборами 1852 года, оппозиція вездѣ получила значительное большинство. Извѣстіе о выборѣ оппозиціонныхъ кандидатовъ возбудило всеобщее удивленіе въ Парижѣ. Въ самомъ дѣлѣ, при тѣхъ нравственныхъ условіяхъ, въ которыя правительство поставило оппозицію, этого исхода ожидать было трудно. Отвѣчая на полемику официальныхъ изданій, осторожный *Journal des Débats* превосходно характеризовалъ способъ дѣйствія администраціи. Онъ замѣтилъ, что нечего устанавливать различіе между оппозиціей, враждебною правительству и преданною ему, но либеральною, между врагами власти и «оппозиціей его величества». Это различіе не ведетъ ни къ чему, когда неофициальныя кандидатуры одинаково встрѣчаютъ сопротивленіе со стороны правительства, каковъ бы ни былъ ихъ политическій характеръ. Еще болѣе рѣзкимъ образомъ выразилъ почти ту же мысль журналъ *Assemblée Nationale*, поплатившійся, впрочемъ, за свою несвоевременную храбрость въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Послѣднее слово о выборахъ». Мы передадимъ здѣсь содержаніе этой статьи, въ которой вѣрно изображено относительное положеніе партій и политическое настроеніе Франціи. Въ началѣ статьи, эта газета дѣлаетъ замѣчаніе, что волненіе, произведенное послѣдними выборами, было скорѣе поддѣльное, нежели настоящее. Стоило только взглянуть на состояніе Парижа въ воскресенье 5-го іюля. Трудно было сказать, судя по внѣшнему его виду, что избиратели должны приступить къ важному законодательному акту. Все было мирно и спокойно. Этотъ фактъ вѣрно рисуетъ положеніе страны. Онъ доказываетъ, съ одной стороны, силу правительственной машины, ея превосходное устройство, при помощи котораго рука, управляющая ею, можетъ мгновенно привести въ дѣйствіе всѣ пружины; съ другой стороны, онъ доказываетъ, что въ настоящее время большинство довольно положеніемъ дѣлъ, которое никакъ нельзя почитать за нормальное. Не надобно только, подобно нѣкоторымъ журналамъ, видѣть въ происшедшихъ выборахъ одно изъ тѣхъ свободныхъ проявленій народной воли, послѣ котораго не должно оставаться сомнѣній у самыхъ невѣрующихъ. Конечно, правительство дало нѣкоторый просторъ общественному мнѣнію, но роль, предоставленная имъ себѣ, еще отзывается тѣми историческими эпохами, когда, по словамъ г. Токвиля, «верховною властію народа называютъ голоса изби-

рателей, лишенныхъ возможности объяснить себѣ смыслъ дѣла, сговориться между собою и обдумать свой выборъ.» «Обращаясь къ народу, говоритъ тотъ же писатель, удобно — разомъ и задавать вопросъ и отвѣчать на него»; но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ссылаться на этотъ отвѣтъ, какъ на блистательное выраженіе общественнаго мнѣнія. Таковъ общій смыслъ статьи *Assemblée Nationale*. Послѣ этихъ главныхъ соображеній, авторъ ея (г. Летелье) переходитъ къ частностямъ, и говоритъ о тѣхъ характеристическихъ явленіяхъ послѣднихъ выборовъ, на которыя мы уже старались обратить вниманіе нашихъ читателей: уклоненія отъ подачи голосовъ, неучастіе въ кандидатурахъ многихъ, лучшихъ именъ Франціи, предпочтительное торжество правительства въ сельскихъ общинахъ и т. д. Въ заключеніе статья говоритъ, что, несмотря на обѣщанія министра внутреннихъ дѣлъ; сила обстоятельствъ не благоприятствовала свободному выраженію народной воли. Правительство не оставило этой статьи безъ вниманія, и журналу было сдѣлано замѣчаніе. Это замѣчаніе есть четвертое, которое получаетъ *Assemblée Nationale*. По существующимъ узаконеніямъ, послѣ трехъ замѣчаній, правительство имѣетъ право или приостановить на время изданіе журнала, или преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ. Послѣдній способъ есть болѣе мягкій, потому что тогда мѣра взысканія зависитъ отъ рѣшенія суда. Правительство предпочло первый способъ, и запретило изданіе на два мѣсяца. *Assemblée Nationale* была уже запрещена одинъ разъ въ 1854 году.

Результатъ выборовъ едва ли не былъ отчасти неожиданностію для самого правительства. Оно, кажется, рассчитывало на болѣе полную манифестацію въ свою пользу, и поспѣшило напечатать въ «Монитерѣ» сравнительныя цифры голосовъ, полученныхъ императоромъ въ различныя эпохи его политической дѣятельности, начиная съ избранія въ президенты республики. Но общественное мнѣніе не было этимъ успокоено. Несмотря на статью «Монитера», дѣла на биржѣ не были значительны, а рента нѣсколько упала. Этого нельзя приписывать одному финансовому кризису, тяготящему надъ Европой. Состояніе лондонской биржи въ послѣднее время было гораздо лучше. Перемѣны въ составѣ французскаго банка и значительный подвозъ металловъ обѣщали лучшіе результаты. Едва ли поэтому не справедливы тѣ журналы, которые приписываютъ это явленіе извѣстной робости французскихъ капиталистовъ, испугавшихся присутствію въ законодательномъ собраніи трехъ оппозиціонныхъ кандидатовъ. Въ Англіи, гдѣ къ свободѣ болѣе привычки, не пугаются подобныхъ происшествій. Впрочемъ, независимо отъ этихъ обстоятельствъ, въ самомъ ходѣ теперешнихъ операций банка есть условія, которыя препятствуютъ полному возрожденію довѣрія. Такъ напримѣръ, послѣ своихъ колебаній, банкъ до сихъ поръ выдаетъ подъ государ-

ственныя бумаги только двѣ трети суммы, слѣдовательно, кто принесетъ наприимѣръ на 30,000 франк. ренты, тотъ получитъ только 20,000 фр. монетой. Разумѣется, обороты отъ этого страждутъ.

Новыхъ правительственныхъ мѣръ не было въ послѣднее время. Мы можемъ только сказать объ одной задуманной мѣрѣ, которая возбуждала полемику между журналами. Извѣстно, что во Франціи существуютъ общества застрахованія земледѣлія. Подобно всѣмъ страховымъ обществамъ, они, за извѣстный процентъ, вознаграждаютъ земледѣльца за понесенные имъ убытки, наприимѣръ отъ града или скотскаго падежа. Эти полезныя учрежденія, разумѣется, подвержены всѣмъ обыкновеннымъ колебаніямъ частныхъ обществъ. Въ послѣднее время императорское правительство, любящее вмѣшиваться въ вопросы экономического быта, вздумало принять на себя застрахованіе земледѣлія. Бонапартистскіе журналы, крѣпко стоящіе за правительственную инициативу во всемъ, отстаиваютъ и это предпріятіе; но другіе журналы оправедливо замѣчаютъ, что оно поведетъ только къ бесполезному усиленію административной дѣятельности и не достигнетъ тѣхъ результатовъ, какихъ могутъ достигнуть частныя общества, располагающія вполне свободными капиталами и побуждаемыя собственнымъ интересомъ. Нечего и говорить, какъ вредно можетъ подѣйствовать подобное вмѣшательство правительства на общественную предпримчивость.

Въ Алжиріи дорога, предпринятая черезъ горы къ центру земли Бени-Ратеновъ, гдѣ построенъ фортъ Наполеонъ, теперь совершенно окончена. Набѣги полудикихъ племенъ изъ Марокко и Степи, возобновившіеся вслѣдствіе слуховъ о томъ, что войско отвлечено экспедиціей въ Кабидію, отражены съ успѣхомъ. Послѣ этого французская армія занялась дальнѣйшимъ покореніемъ Кабилии. Селеніе Аигъ-ель-Арба, гдѣ часть племени Бени-Ени съ давнихъ поръ чеканило фальшивую монету, взято маршаломъ Рандономъ. Надобно замѣтить, что эти фальшивыя монетчики находятся въ презрѣніи у всѣхъ остальныхъ Кабиловъ. Теперь это разбойничье гнѣздо разорено. Послѣ этого взято у того же племени селеніе Ихеридентъ, считавшееся центромъ всей его территоріи. Послѣднія извѣстія сообщаютъ, что племена Бени-Менгиллетовъ, Бени-Атофовъ и Акбилловъ изъявили покорность французскому правительству.

Знаменитый поэтъ Беранже боленъ при смерти.

Въ Испаніи послѣднія засѣданія конгресса всего болѣе были заняты предложеніемъ правительства относительно новаго закона о книгопечатаніи. Извѣстно, что правительство предложило сначала проектъ закона, но потомъ сообразило, что въ нынѣшній срокъ засѣданій кортесамъ не доставитъ времени для подробнаго обсужденія проекта, который поэтому не можетъ быть утвержденъ ранѣе слѣдующаго срока. Тогда кабинетъ рѣшился просить у палатъ позволе-

ніа привести въ дѣйствіе законъ прежде его утвержденія, съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи подвергнуть его обсужденію въ обыкновенной формѣ. Законъ возбудилъ нѣкоторое сопротивленіе, хотя большинство ему благопріятствовало, и онъ получилъ утвержденіе. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, иногда не бесполезно видѣть законъ въ дѣйствіи прежде, нежели онъ получитъ окончательную силу; но нельзя не пожелать, чтобы правительство порѣже прибѣгало къ подобнымъ средствамъ.

Въ Испаніи въ послѣднее время проявились безпокойства, которыхъ главнымъ центромъ была, кажется, Италія. Въ Севильской провинціи толпа вооруженныхъ людей, которыхъ числомъ было до полутора, ворвалась въ городъ Утреру, при крикахъ: «да здравствуетъ республика.» Здѣсь они сожгли домъ ратуши, разграбили муниципальные архивы, разстрѣляли одного солдата изъ національной гвардіи и наложили на городъ контрибуцію въ 8,000 піастровъ. Затѣмъ эта толпа разсѣялась въ окрестныхъ горахъ. Предводитель бунтовщиковъ есть нѣкто Мануэль Каро. Онъ носитъ генеральскій мундиръ и называетъ себя маршаломъ. Въ изданныхъ имъ прокламаціяхъ народу обѣщаются разныя льготы, въ томъ числѣ освобожденіе отъ конскрипціи. Министерство объявило въ палатѣ, что приписываетъ это возстаніе соціалистамъ.

Въ Италіи безпокойства произошли почти въ одно время на разныхъ пунктахъ. Одна изъ попытокъ къ возстанію произошла даже въ Сардинскомъ королевствѣ, котораго свободныя учрежденія должны бы были обезопасить отъ подобныхъ покушеній. Въ ночь съ 29 на 30 іюня вооруженная толпа пыталась овладѣть въ Генуѣ двумя «ортами крѣпости, при чемъ одинъ солдатъ былъ застрѣленъ. Около того же времени въ Ливорно было сдѣлано нападеніе на солдатъ арміи и національной гвардіи. Наконецъ въ Неаполитанское королевство мятежники прибыли на торговомъ сардинскомъ кораблѣ *Cagliari*. Прежде всего они овладѣли островомъ Понза, гдѣ освободили всѣхъ политическихъ арестантовъ, и вмѣстѣ съ ними высадились въ Сапри. Въ Калабріи были схватки между мятежниками и войскомъ. Возстаніе вездѣ потерпѣло пораженіе. Вездѣ были приняты быстрыя и успѣшныя полицейскія мѣры. Въ Генуѣ все дѣло было окончено нѣсколькими арестами, въ числѣ которыхъ арестована извѣстная миссъ Уайтъ, другъ Мадзини, недавно прибывшая въ Геную. Крѣпкое общимъ сочувствіемъ, піемонтское правительство не сочло нужнымъ прибѣгнуть къ какой-нибудь общей мѣрѣ. Это было тѣмъ менѣе необходимо, что, какъ слышно, въ числѣ заговорщиковъ не было ни одного Сардинца. Тосканское правительство прибѣгло къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Ливорно объявленъ въ осадномъ положеніи, и въ предѣлахъ всего великаго герцогства запрещено носить оружіе. Говорятъ, что заговоръ простирался до самаго Парижа, и что даже свидѣнія о

немъ сообщены итальянскимъ правительствамъ отъ парижскаго префекта полиціи, г. Піетри.

Между тѣмъ, какъ Піемонтъ видитъ блистательное заключеніе парламентскихъ засѣданій, въ теченіи которыхъ рѣшено много важныхъ вопросовъ, изданы законы о перенесеніи морскаго порта въ Спецію, о проложеніи желѣзной дороги черезъ Альпы и т. д., неаполитанское правительство занято дѣятельностію другаго рода. Увлеченное примѣромъ Австріи, оно недавно обнародовало восемь декретовъ, съ цѣлю сблизить конкордатъ 1818 года съ австрійскимъ. Изъ этихъ восьми декретовъ четыре имѣютъ цѣлю облегчить духовенству приобрѣтеніе имуществъ, и четыре посвящены его участию въ дѣлѣ воспитанія. Отнынѣ неаполитанское духовенство можетъ принимать дары всякаго рода, не нуждаясь въ королевскомъ разрѣшеніи и давая только знать о своихъ приобрѣтеніяхъ свѣтскому управленію. Зато, въ случаѣ отчужденія со стороны церкви, необходимо согласіе короля. То, что не клонится къ его пользѣ, затруднено для духовенства, и наоборотъ, все, что ему полезно, облегчено для него. Всѣ сомнительные случаи въ дѣлѣ приобрѣтенія имуществъ подлежатъ разсмотрѣнію церковныхъ судовъ. Ценсура перенесена въ церковное вѣдомство, духовенству предоставлено право надзора за общественными и частными школами и т. д. Безъ всякаго сомнѣнія, не этихъ реформъ ожидали отъ короля Фердинанда, когда союзныя правительства говорили ему о необходимости преобразованій.

Римскому вопросу и путешествію папы посвящена въ этой книжкѣ особая статья. Дѣйствительно, надежды на преобразованія нѣтъ никакой, хотя жители нѣкоторыхъ городовъ и старались обратить вниманіе правительства на реформы въ управленіи. Съ этою цѣлю поданы просьбы жителями Болоньи и Равенны. Просьбы поданы, впрочемъ, не самому папѣ, а мѣстнымъ начальствамъ городовъ. Въ нихъ высказываются ожиданія населенія, но не указано прямо ни на какую административную мѣру. Едва ли, впрочемъ, и эти скромныя ожиданія будутъ исполнены. Повидимому, главная цѣль папы — сблизеніе съ тѣми итальянскими государствами, которыя держатся политики Австріи. Нерасположеніе римскаго двора къ піемонтскому правительству усиливаетъ невыгодное впечатлѣніе этого сблизенія.

Въ Швеціи король предпринялъ путешествіе по своимъ владѣніямъ и на время своего отсутствія назначилъ наслѣднаго принца правителемъ государства. Многіе думаютъ, что, по разстроенному здоровью король совершенно оставитъ управленіе дѣлами.

Мы говорили о проектѣ закона о свободѣ вѣроисповѣданія. Этотъ проектъ далеко не устанавливаетъ свободы совѣсти въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ въ Европѣ. Перемены состоятъ въ слѣдующемъ: Отнынѣ всякому позволено, по произволу, оставлять господствующую религію, безъ конфискаціи имущества и утраты правъ наслѣд-

ства. Оставляющій прежнюю религію долженъ быть не моложе восемнадцати лѣтъ. Дѣти бывшихъ членовъ государственной церкви остаются ея членами и послѣ отреченія своихъ родителей. Пропаганда со стороны терпимыхъ вѣроисповѣданій строго запрещается. Она ведетъ къ денежному штрафу, или тюремному заключенію «за совращеніе».

Въ Нью-Йоркѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, борьба мера съ губернаторомъ, чуть было не подавшая поводъ къ междоусобицѣ, кажется, должна скоро окончиться. Меръ согласился представлять обезпеченіе въ лавѣ на судъ, и мѣстный судъ не нашелъ его виновнымъ. Самый вопросъ о правахъ центральной и муниципальной власти будетъ рѣшенъ судомъ Союза. Происшествіе, давшее поводъ къ борьбѣ, имѣло въ сущности болѣе серьезное происхождение, чѣмъ кажется. Оно не было вызвано простымъ соперничествомъ мѣстныхъ властей. Вотъ какъ Times объясняетъ это столкновеніе: Источникъ его скрывается въ послѣднихъ выборахъ. При избраніи президента, городъ и графство Нью-Йоркъ оказали сочувствіе къ демократической партіи. Въ городѣ большинство противъ г. Фремона состояло изъ 45 т. голосовъ. Но внутри штата были и противоположныя стремленія, такъ что послѣ выборовъ многіе жаловались, будто бы центральная власть старалась, при помощи своей полиціи, имѣть вліяніе на подачу голосовъ. Говорили, что такимъ способомъ она приобрѣла обманомъ въ свою пользу отъ 10 до 12 т. голосовъ въ городѣ. Вслѣдствіе этого республиканцы подали жалобу законодательному собранію, которое, съ одной стороны, измѣнило муниципальное управленіе, съ другой преобразовало полицію, поставивъ ее въ зависимость не отъ мера, а отъ губернатора. Отсюда и возникла борьба между властями. Мера поддерживаетъ вся демократическая партія.

Журналы разказываютъ о грустномъ происшествіи, бывшемъ недавно въ Африкѣ и напоминающемъ вѣка отдаленнаго варварства. Въ Тунисѣ одинъ Еврей, подравшійся съ мусульманиномъ, былъ обвиненъ въ ругательствахъ противъ закона Магомета. Толпа подвергла его мучительнымъ истязаніямъ и потомъ притащила его къ мирному суду. Судья отправилъ его къ бею, который, на основаніи свидѣтельства восьмидесяти челоуѣкъ, приговорилъ его къ смертной казни. Несмотря на протестъ французскаго консула, казнь была исполнена съ ужасными истязаніями. Еврей былъ сначала подвергнутъ пыткамъ, а трупъ его послѣ казни былъ преданъ на поруганіе народу.

С М Ъ С Ъ

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ПОГОЖЕВА.

Любители музыкальнаго искусства были глубоко опечалены преждевременною смертію извѣстной русской артистки, Натальи Васильевны Погожевой. Она скончалась 18-го іюля прошлаго года въ Старой Руссѣ. Ей было всего только 22 года.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Погожева полюбила музыку. Замѣчательно, что къ дѣтскимъ играмъ она не чувствовала ни малѣйшей привязанности, и въ то время, когда ея сверстницы играли въ куклы, малютка предавалась какой-то грустной задумчивости, и бывало какъ только слышитъ на улицѣ звуки шарманки, поспѣшно подбѣжить къ окну, внимательно слушаетъ музыку, и долго-долго по уходѣ шарманщика не отходить отъ окна, какъ бы прислушиваясь къ замиранію исчезающихъ звуковъ. Маленькая дѣвочка также не любила и танцевъ. Она предпочитала имъ рукодѣлья и чтеніе басень Крылова. Семи лѣтъ начала она учиться игрѣ на фортепіано, и вскорѣ до того пристрастилась къ рояли Вирта, что даже, просыпаясь по ночамъ, садилась за рояль и играла часа по два. Въ 1844 году, будучи десяти лѣтъ, маленькая Наталья Погожева, вмѣстѣ съ сестрою своею Вѣрой (1) (одиннадцати лѣтъ), дала въ С. Петербургѣ два концерта въ пользу дѣтскихъ пріютовъ. Черезъ два года она играла въ Нижнемъ—Новгородѣ въ пользу тамошняго дѣтскаго пріюта. Дарованіе ея было замѣчено и оцѣнено, успѣхъ былъ вполне заслуженный. Въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» появилась, по поводу этого концерта, статья, писанная повидимому человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ музыкою, и исполненная самыхъ живыхъ надеждъ на блестящее развитіе замѣчательнаго таланта обѣихъ маленькихъ артистокъ (2).

(1) Въ настоящее время преподавательница музыки въ московскихъ институтахъ — Екатерининскомъ и Елисаветинскомъ.

(2) Наталья Васильевна вела въ свои дѣтскіе годы дневникъ. Онъ весьма замѣчателенъ, если принять въ соображеніе ранній возрастъ писавшей. Каждый день она вносила въ него всѣ интересныя подробности своей жизни и съ особенною любовью записывала содержаніе уроковъ изъ исторіи, изъ географіи и т. д., которыми занималась подъ руководствомъ отца. Отрывъ «Нижегородскихъ Вѣдомостей» былъ записанъ въ ея дневникѣ. «Вотъ сколько намъ похвалъ! прибавляетъ она. Какъ послѣ этого не стараться учиться музыкѣ, чтобъ еще болѣе заслужить похвалу и одобреніе, и притомъ же это все для насъ! Мы учимся, потому что, какъ папенька говоритъ, послѣ мы будемъ наслаждаться плодами своихъ трудовъ. Какъ благодарны мы папенькѣ, что онъ насъ учитъ музыкѣ: сколько удовольствій приноситъ она намъ! Не забудьте, что это пишетъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка.

Въ 1847 году, по совѣту многихъ извѣстныхъ артистовъ, отецъ (2) повезъ обѣихъ своихъ дочерей за границу, и въ Лейпцигѣ Наталья Васильевна была принята въ музыкальную консерваторію знаменитымъ директоромъ ея Феликсомъ Мендельсономъ-Бартольди. Тамъ, подъ руководствомъ извѣстнаго профессора музыки, ветерана пианистовъ, Игнатія Мошелеса, предсказавшаго ей самую блистательную будущность, изучала она игру на фортепьяно, брала уроки въ контрапунктъ у профессоровъ Гаде, Рихтера и Гауптмана, въ игрѣ съ аккомпаниментомъ—у Фердинанда Давида. Знаменитый Листъ и Карлъ Майеръ, а въ послѣдствіи Гензельтъ, Дамке, Даргомыжскій, Оноре, Герке, Сеймуръ-Шифъ и многіе другіе, болѣе или менѣе извѣстные артисты, также высоко цѣнили музыкальный талантъ молодой русской пианистки. Въ скоромъ времени она играла въ концертъ консерваторіи въ присутствіи короля саксонскаго, потомъ играла при дворѣ саксенъ-веймарскомъ, и за посвященіе великой княгини Маріи Павловны вальса изъ русскихъ пѣсень получила отъ нея подарокъ. Наконецъ, по выдержаніи въ консерваторіи публичнаго экзамена, Погожева, имѣя отъ роду только 14 лѣтъ, получила отъ Лейпцигской музыкальной консерваторіи дипломъ, въ которомъ отдавали полную справедливость ея блестящимъ дарованіямъ.

Въ Россіи уроки игры на фортепьяно Наталья Васильевна брала у Фридриха Зибольдта и Карла Фольвейлера. Образованіе же въ наукахъ она получила частію дома, частію въ одномъ изъ петербургскихъ папсіоновъ. Вообще она была прекрасно образована. Она владѣла языками: французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, итальянскимъ; о русскомъ не говоримъ, — она знала его въ совершенствѣ. Даже нѣмецкая философія затрогивала ея любопытство: ей были извѣстны многіе конечные результаты ея. Она съ любовью слѣдила за каждымъ новымъ явленіемъ въ наукѣ, и вообще отличалась горячимъ, благороднымъ стремленіемъ къ знанію. Душа ея была въ высшей степени поэтическая: чуткость, нѣжность, мягкость этой чистой женственной души высказывались всюду и страстно отзывались на грусть и радости жизни.

По возвращеніи изъ Лейпцига въ С.-Петербургъ, Погожева играла, вмѣстѣ съ сестрой своею Вѣрой Васильевной, въ Симфоническомъ обществѣ и удостоилась чести быть членомъ его. За свою игру 27 февраля 1849 года въ дворянскомъ собраніи, въ пользу дѣтскаго пріюта его императорскаго высочества Петра Георгіевича Ольденбургскаго, Наталья Васильевна получила отъ принца изящный браслетъ, а отъ дѣтей пріюта вышитую салфетку. Потомъ слѣдовали одинъ за другимъ ея концерты въ С.-Петербургскомъ дворянскомъ собраніи, въ Старой Руссѣ, въ Костромѣ, въ Вологдѣ и Мо-

(2) Штабъ-офицеръ корпуса инженеровъ путей сообщенія.

скѣ, и каждый концертъ свидѣтельствовалъ о быстромъ развитіи ея высокаго дарованія. Въ 1852 году Наталья Васильевна является въ другой роли—роли пѣвицы. Къ тѣмъ блестящимъ талантамъ, которыми такъ щедро надѣлила ее природа, прибавился еще одинъ. Этотъ голосъ, чистый, звучный, симпатичный, былъ чрезвычайно пріятенъ даже и въ обыкновенномъ разговорѣ. Друзья покойной не могутъ безъ умиленія вспомнить ея чудесныхъ напѣвовъ. Обаяніе производила не сила голоса, но необыкновенная теплота, задушевность, грація его. Любимыми пѣснями ея были: «Ангелъ» (*По небу полночи ангелъ летѣлъ*), «И скучно и грустно», «Nella fatale di Rimini», и ин. др. Еще въ Лейпцигѣ, въ бытность свою въ консерваторіи, Погожева участвовала въ хорѣ, состоявшемъ изъ четырехъ пѣвцовъ и пѣвицъ, при погребеніи Мендельсона-Бартольди, и въ другомъ хорѣ, исполнявшемъ одну изъ ораторій геніальнаго артиста. Голосъ ея былъ — mezzo soprano въ двѣ октавы. Въ 1852 году она брала уроки пѣнія въ Петербургѣ у де-Мерикъ, въ Москвѣ у пѣвицы Ниссенъ-Саломанъ, и въ этомъ же году, въ Костромѣ, участвовала въ концертѣ итальянскаго пѣвца Феррари и пѣла съ нимъ два дуэта изъ сочиненій Верди и Доницетти. Вскорѣ съ пѣвцомъ Конти пропѣла она дуэтъ изъ оперы «Велисарій», и въ своемъ концертѣ, данномъ въ Костромѣ въ томъ же 1852 году, превосходно спѣла съ А. П. Шиповымъ дуэтъ изъ оперы «Жизнь за Царя» Глинки и соло, пѣснь разбойника, слова Вельмана, музыка В. А. Новикова. Между тѣмъ и музыкальный талантъ ея росъ съ каждымъ днемъ. Музыкальное утро въ Москвѣ въ 1853 году, музыкальный вечеръ въ Московскомъ дворянскомъ собраніи, за который Погожева была принята въ члены Московскаго общества любителей музыки, два концерта въ Костромѣ — одинъ въ пользу раненыхъ севастопольскихъ героевъ, другой — въ пользу бѣдныхъ, концертъ тамъ же въ пользу Маріинскаго дѣтскаго пріюта (это послѣдній ея концертъ)—быстро составили ей завидную и почетную извѣстность. Всего Наталья Васильевна играла и пѣла публично 39 разъ. Въ послѣднее время она давала уроки на фортепьяно въ Екатерининскомъ и Елисаветинскомъ институтахъ. Жизнь, казалось, улыбалась молодой артисткѣ, и вдругъ...

Еще въ Костромѣ доктора запрещали ей пѣть; она жаловалась на грудную боль, по временамъ очень сильную и несносную. Ей совѣтовали отправиться для поправленія здоровья за границу. Обстоятельства замедлили эту поѣздку. Московскій воздухъ видимо тяготилъ больную, и въ маѣ мѣсяцѣ она съ матерью отправилась въ Старую Руссу, гдѣ жили ея родственники. Состояніе ея сдѣлалось мучительнымъ. «Мнѣ рѣшительно все равно», писала она своей сестрѣ, гдѣ ни жить—въ Москвѣ или Костромѣ, въ Петербургѣ или Камчаткѣ; одно мое желаніе—поскорѣе дожить свой вѣкъ, да и ко-

несть дѣлу.» Последній годъ она постоянно говорила о смерти, изъясняя желаніе скорѣе лечь въ могилу... Порою бывали у нея и свѣтлыя мгновенія. «Боже мой, какъ прекрасенъ міръ! какъ весело жить!» шептала она въ грустномъ раздумьи, подходя окну...

Начиная съ 28-го іюня настоящаго года, здоровье ея дѣлалось хуже и хуже съ каждымъ часомъ. Пошла изъ горла кровь, обваружилось сильное безпамятство. «Я здорова, я совсѣмъ здорова, говорила она:—это вы всѣ больны; мнѣ васъ жалъ, вы страдаете, а я не могу вамъ помочь.» Священникъ умиленъ былъ набожностію и благочестіемъ больной. Она пересказала ему всю священную исторію, заключивъ словами: «Я должна страдать. Богъ явился мнѣ во снѣ, называлъ меня своею дочерью, и повелѣлъ страдать... О, какъ дурны, какъ грѣшны люди!» Всѣ нервы ея пришли въ необыкновенное разстройство и напряженіе. Слухъ дотога усилился, что, сидя или лежа въ бесѣдкѣ или въ саду, больная слышала все, что о ней говорили въ комнатахъ шопотомъ. Она просила дать ей новый и ветхій заветъ, называла себя дочерью Бога и никого не впускала въ бесѣдку, прежде чѣмъ не скажутъ слово: Богъ.

Возбужденность нервовъ дости гла у ней крайняго напряженія; слухъ былъ необыкновенно тонокъ; казалось, она была въ состояніи ясно видѣнія. Звонъ колоколовъ и музыка въ паркѣ сильно тревожили больную. Десять предсмертныхъ сутокъ пѣла она въ тяжеломъ бреду; особенно былъ трогателенъ одинъ меланхолическій напѣвъ, который вызывалъ слезы даже у мимоходящихъ по улицѣ. Многіе нарочно приходили послушать это чудное пѣніе. Последнею, лебединою пѣснью ея былъ «Ангелъ», слова Лермонтова, музыка Варламова.

Пріѣзжихъ въ Старую Руссу на ванны было такъ много въ прошедшее лѣто, что невозможно было найти квартиры, спокойной и удобной для больной. Въ домѣ же родныхъ еще до пріѣзда больной красили полы, а запахъ масляной краски былъ для нея невыносимъ. Доктора рѣшили, что возможно и даже лучше перевезти ее въ Москву. Больную положили въ экипажъ, обложивъ подушками. Отѣхавъ двѣ станціи, больная совершенно ослабла, воротилась, и скоро все было кончено... Почти четверо сутокъ она лежала какъ живая, какъ спящая. А вокругъ раздавалось рыданіе матери, плачъ родныхъ и посѣтителей, чтеніе псалмовъ, пѣніе панихидъ. Последній путь ея — отъ церкви до могилы — былъ усыпанъ цвѣтами изъ всѣхъ городскихъ садовъ.

Такъ разрушилась эта богатая артистическая натура... Наталы Васильевна Погожева напомнила намъ прекрасный образъ Венецианова—гениальнаго юноши, такъ щедро надѣленнаго духовными дарами поэта, музыканта, живописца, мыслителя, и такъ рано похищеннаго смертію. Но за раннею и свѣжею могилою тѣмъ краше является намъ даровитая личность Погожевой. Музыкальный талантъ ея общалъ много. Друзья ея съ наслажденіемъ вспоминаютъ объ ея

мягкомъ тупе по клавишамъ рояля, объ этой игрѣ, легкой, воздушной, трогательной душой, шевелящей сердце, объ этихъ чудныхъ переливахъ нотъ. Особенно хорошо она исполняла *cantabile* Мендельсона, его пѣсни безъ словъ, его *andante cantabile* и *presto-agitato*, этюды и концерты Моцелеса, *étude trelle* Карла Майера, «Приглашеніе на вальсъ» Вебера, сочиненія Листа, Шопена, «*Mi manca la voce*» Тальберга, этюды Гензельта, сонаты и концерты Бетговена, *Requiem* Моцарта, «Семь словъ на крестѣ» Гайдна, и проч. и проч. Она вполне сочувствовала композитору, одушевляла мертвыя ноты и трогала слушателей. Извѣстный импровизаторъ Сеймуръ-Шифъ сравнивалъ ея игру съ игрой покойнаго Фильда. Онъ подарилъ Погожевой много нотъ своего сочиненія, и на однихъ изъ нихъ сдѣлалъ надпись:

A mademoiselle Nathalie Wassiliewna Pogojeff — pour son jeu aérien, cette composition religieuse de son collègue, Seymour Schiff.

Покойная артистка оставила послѣ себя не много печатныхъ музыкальныхъ піесъ: двѣ пѣсни безъ словъ, вальсъ изъ русскихъ пѣсень, маршъ коронованія изъ оперы «Пророкъ» Мейербера, тетрадь музыкальныхъ упражненій въ разныхъ родахъ. Выше мы говорили объ ея нѣжномъ, симпатичномъ пѣніи. Кромѣ этихъ занятій она съ любовью изучала языки, особенно англійскій и итальянскій. Она все собиралась въ Италію, чтобъ усовершенствоваться въ пѣніи. Любопытность ея была необыкновенная; она даже прочитала много философскихъ книгъ. Эта постоянная жажда знанія, конечно, имѣла вліяніе на слабый организмъ и сократила жизнь ея. Кромѣ двухъ названныхъ нами талантовъ, она обладала еще замѣчательнымъ третьимъ—талантомъ драматическимъ. Въ декабрѣ 1854 года Погожева участвовала въ благородномъ спектаклѣ въ костромскомъ театрѣ, въ пользу раненыхъ русскихъ воиновъ. Она играла въ піесѣ Шаховскаго «Не люблю не слушай» роль Княгини и въ другой піесѣ: «Заговорило ретивое» роль Александрины.

Считаемъ не лишнимъ въ заключеніе привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ стихотворенія г. Бенедиктова, написаннаго имъ вскорѣ послѣ кончины молодой артистки:

Вся жизнь ея была рядъ тоновъ музыкальныхъ,
Волшебныхъ звуковъ рядъ, то бурныхъ, то печальныхъ;
Вся жизнь ея была—восторгъ земли родной,
Торжественная пѣсня и голосъ неземной,
Вся жизнь ея была—изящное искусство,
Возвышенная мысль и высреннее чувство.
Предъ смертью, жизнью нездѣшную жива,
Она пропѣла пѣсню объ Ангелѣ..

И. А.

Славянская колонія въ Неаполитанскомъ королевствѣ. — Нынѣшнее народонаселеніе королевства Обѣихъ Сицилій произошло, какъ извѣстно, изъ весьма сложныхъ этнографическихъ элементовъ. Едва ли есть на свѣтѣ страна, болѣе разнообразная въ этомъ отношеніи, и едва ли есть городъ, гдѣ между обывателями, при совершенномъ единствѣ языка, встрѣчалось бы столько совершенно различныхъ фizioномій и типовъ, какъ въ Неаполѣ. Одно только общее свойство у всѣхъ коренныхъ жителей Неаполя, это худоба тѣла, слѣдствіе знойнаго климата. Дородныхъ людей нѣтъ между коренными Неаполитанцами, но за то есть люди всякаго роста, всякаго цвѣта волосъ, всякаго склада лица и тѣлосложенія. Здѣсь перекрестились между собою не только европейскія расы, но и европейскія съ азіатскими. Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій оставили слѣды свои греческія колоніи древнѣйшихъ временъ, Кароагенане, германскія и Норманскія племена, Саррацины, византійскіе Греки, Альбанцы. Всѣ эти племена перемѣшались между собою, и замѣнили свои природные языки разными нарѣчіями италіянскаго языка. Но что мало извѣстно и особенно замѣчательно, такъ это то, что въ этой пестрой смѣси племенъ одна славянская колонія, Богъ вѣсть когда зашедшая сюда, сохранила не только свой народный типъ, но и сберегла языкъ славянскій. Въ одномъ изъ послѣднихъ пумеровъ «Аугсбургской Газеты» есть извѣстіе объ этой колоніи. Она называется по-италіянски Aquaviva, а по-славянски Вода-жива, и состоитъ изъ трехъ тысячъ душъ, говорящихъ доселѣ нарѣчіемъ, близкимъ къ хорватскому; въ изродныхъ школахъ употребляется славянскій языкъ; на немъ же говорятъ проповѣди; образованіе, по свидѣтельству «Аугсбургской Газеты», стоитъ выше общаго уровня окрестныхъ мѣстечекъ. Колонія эта находится въ провинціи Молизе, въ пятнадцати италіянскихъ миляхъ отъ Адриатическаго моря; она служитъ замѣчательнымъ доказательствомъ живучести славянскаго элемента.

ПОПРАВКА

Въ № 12 Русск. Вѣстн., въ Современной Лѣтописи, на стр. 247, въ строкахъ 5 и 2 снизу, вмѣсто словъ: *чтобы поднять грузъ въ 150 пудъ*, должно читать: *чтобы въ одну секунду поднять грузъ въ 75 пудъ и дагъ*, вмѣсто цифръ 2,000, должно читать 4,500.

15

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНИСЬ

Римскій вопросъ и нота графа Реневаля. М. Н. КАПУСТИНА.
Археологія и новѣйшее искусство. Веласкесъ. К. К. ГЕРЦА.
Политическое Обзорѣніе.

Смѣсь: Наталья Васильевна Погожева. И. А. — Славянская колонія въ Неаполитанскомъ королевствѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ТОЛЬКО НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ

ВЪ КОНТОРАХЪ РУССКАГО ВѢСТНИКА:

ВЪ МОСКВѢ

Въ книжной лавкѣ И. В. Базунова,
на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ
Загряжскаго, и въ Конторѣ Типо-
графіи Каткова и К^о, въ Армянскомъ
переулкѣ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ С. А. Базунова
на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ
Энгельгардтъ.

Иногородные адресуются: въ Редакцію Русскаго Вѣстника,
въ Москвѣ.

Цѣна за ПОЛУГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ВО-
СЕМЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ДЕВЯТЬ
РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Печатать позволяется. Іюля 15-го, 1857 года.

Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

244444444

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

1857

ИЗД.: КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I.—ОБЪ УСТНОСТИ И ГЛАСНОСТИ УГОЛОВ-
НАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С. И. БАРШЕВА.
II.—ТАЛАНТЛИВЫЯ НАТУРЫ: I. Корепановъ.
II. Лузгинъ. Н. ЩЕДРИНА.
III.—ПРАВООПИСАТЕЛЬНЫЙ РОМАНЪ ВО
ФРАНЦИИ (M-me de Bovary par Flaubert) . ЕВГЕНИЙ ТУРЪ.
IV.—О НАРОДНЫХЪ ПЕРЕПИСЯХЪ А. И. АРТЕМЬЕВА.
V.—СТИХОТВОРЕНИЯ:
I. Дѣвушкѣ-поэту (изъ Беранже). II. Нѣтъ,
ты не Лизета- (изъ Беранже). III. Пѣснь
бѣдняка (изъ Борвса) В. С. КУРОЧКИНА.
VI.—ДАНИЕЛЛА. Романъ Жоржъ - Санда.
XXII—XXIX.
VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотъ.)

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

ОБЪ

УСТНОСТИ И ГЛАСНОСТИ

УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Mittermaier: die Mündlichkeit, das Anklageprincip, Oeffentlichkeit und das Geschwornengericht.

Устность и гласность составляют существенную принадлежность такъ-называемаго обвинительнаго процесса, между тѣмъ какъ слѣдственный уголовный процессъ исключительно основывается на протоколахъ и запискахъ, и всѣ свои дѣйствія покрываетъ строгою тайной.

Въ наше время процессъ слѣдственный въ западной Европѣ почти вездѣ смѣненъ процессомъ обвинительнымъ, и главною побудительною причиною къ тому было не столько желаніе имѣть присяжныхъ, сколько убѣжденіе въ превосходствѣ устности и гласности уголовного судопроизводства передъ письменностію и секретностію. Въ Германіи, передъ введеніемъ суда присяжныхъ, многіе для того только и желали реформы отечественнаго уголовного суда, чтобы онъ былъ основанъ на западныхъ началахъ устности и гласности.

Судъ присяжныхъ, дѣйствительно, предполагаетъ совокупность многихъ условій, которыя не вездѣ встрѣчаются, но безъ которыхъ однакоже онъ никакъ не можетъ быть вполне плодотворенъ. Напротивъ, устность и гласность такія принадлежности уголовного процесса, которыя легко укладываются во всякую форму суда, и безъ особеннаго ухода укореняются и приносятъ плодъ на всякой почвѣ.

I. Устность.

Изустнымъ уголовное судопроизводство можетъ быть :

1) Или съ самаго начала ; записываются самыя первоначальныя дѣйствія, поводъ къ процессу, напримѣръ доносъ и то, что относится къ объясненію внѣшняго состава преступленія, а все остальное производится изустно;

2) Или все вообще предварительное слѣдствіе заносится въ протоколы,—не только объясненіе внѣшняго состава преступленія, но и всѣ доказательства, которыя должны служить основаніемъ для обвиненія извѣстнаго лица въ преступленіи, и потомъ уже дѣло поступаетъ въ судъ, гдѣ и производится словесно;

Или, наконецъ, 3) весь процессъ производится письменно, но по его окончаніи дѣло излагается въ сокращенномъ видѣ, и происходятъ непродолжительныя пренія.

По примѣру Англіи и Франціи, въ большей части европейскихъ государствъ, уголовное судопроизводство изустно во второмъ смыслѣ. Устность въ первомъ смыслѣ преждевременна, а въ третьемъ смыслѣ она составляетъ полумѣру, мало полезную. Предварительное слѣдствіе есть фундаментъ, на которомъ строится все зданіе уголовного процесса; оно всегда содержитъ въ себѣ много такого, что не можетъ быть сохранено для будущаго употребленія безъ занесенія въ протоколы,—какъ напримѣръ результатъ осмотра мѣстности, трупъ, и всѣ вещественныя доказательства,—а судъ лишь тогда и можетъ быть вполне основателенъ, когда онъ производится весь сполна не по мертвымъ буквамъ, а по живой рѣчи лицъ, участвующихъ въ процессѣ.

Въ пользу устнаго судопроизводства законовѣдцы обыкновенно выставляютъ на видъ слѣдующее :

1) Въ изустномъ процессѣ истина всегда доходитъ до судей въ ея чистомъ и неподдѣльномъ видѣ ; напротивъ, въ письменномъ она болѣе или менѣе искажается, прежде чѣмъ узнается ими. 2) Изустный процессъ болѣе благопріятствуетъ открытію истины, чѣмъ письменный. 3) Особенно тогда открывается все превосходство въ этомъ отношеніи перваго передъ послѣднимъ, когда судъ долженъ производиться по уликамъ. 4) Право защищенія, которымъ пользуется подсудимый, только въ изустномъ

процессъ получаетъ настоящее свое значеніе и находитъ полное употребленіе. 5) Онъ служитъ самою лучшею повѣркой предварительнаго слѣдствія,—и наконецъ 6) ускоряетъ ходъ уголовного суда и значительно уменьшаетъ его издержки

1. Во всякомъ дѣлѣ знаніе непосредственное имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ знаніемъ посредственнымъ, и кто хочетъ узнать что-нибудь основательно, тотъ, когда можетъ, всегда предпочитаетъ собственное наблюденіе чужому. Истина въ ея чистомъ и неподдѣльномъ видѣ получается лишь изъ первыхъ рукъ; переходя изъ рукъ въ руки, она необходимо портится, и чѣмъ далѣе уклоняется отъ своего первоначальнаго источника, тѣмъ болѣе искажается. Вотъ почему свидѣтели по слуху, самые добросовѣстные, всегда ниже свидѣтелей очевидцевъ.

Но откуда получается истина въ письменномъ процессѣ? Не только не изъ первыхъ, даже и не изъ вторыхъ, а лишь изъ третьихъ рукъ. Въ письменномъ судопроизводствѣ судьи сами не видятъ и не слышатъ ничего; за нихъ дѣлаютъ это слѣдователи. Что они находятъ по слѣдствію, то заносятъ въ протоколы и передаютъ судьямъ на обсужденіе. Но и протоколовъ судьи не читаютъ; они служатъ лишь матеріаломъ для докладчиковъ при составленіи докладныхъ записокъ. По докладнымъ запискамъ и производится судъ въ письменномъ судопроизводствѣ.

Говорятъ, обыкновенно, что слѣдователь не долженъ судить ни о чемъ, а долженъ только изыскивать. Но онъ не бездушная машина, а существо мыслящее; кто же мыслить, тотъ и судить. Да и какъ не судить ему? Кто ищетъ, не зная чего, тотъ всегда бродитъ безъ всякой опредѣленной цѣли и не находитъ ничего. Такъ и слѣдователь, когда приступаетъ къ слѣдствію, всегда усвоиваетъ себѣ какой-нибудь опредѣленный взглядъ на дѣло, старается убѣдиться въ немъ и къ этому направляетъ всѣ свои изысканія. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, многое совершенно ускользаетъ отъ его вниманія, именно все то, что не подходитъ подъ его взглядъ, а съ другой—принимаетъ въ его глазахъ такой видъ и форму, какіе ему нужны, хотя, на самомъ дѣлѣ, не имѣетъ ихъ. Что онъ находитъ такимъ образомъ, то и записываетъ въ протоколы, и стало-быть преж-

лагаетъ судьямъ на обсужденіе дѣло не въ томъ видѣ, какъ оно случилось, а какъ ему показалось. Когда же дѣло слишкомъ многосложно, и подсудимый и свидѣтели были черезчуръ словоохотливы, что случается всего чаще, — тогда слѣдователь даже намѣренно не вноситъ всего въ протоколъ, чтобы упростить дѣло и очистить показанія подсудимыхъ отъ непринадлежащихъ къ нему околичностей. Также поступаетъ онъ и съ показаніями свидѣтелей. Люди изъ простаго класса, съ которыми слѣдователю всего чаще приходится имѣть дѣло, обыкновенно ничего не говорятъ безъ околичностей, и такъ перепутываютъ свои показанія и говорятъ такимъ языкомъ, что въ подлинникѣ нѣтъ никакой возможности передать ихъ; слѣдователь приводитъ показанія свидѣтелей въ порядокъ, переводитъ ихъ на общедоступный языкъ, какъ ему представляется лучше и передѣлываетъ такимъ образомъ по своему. Подсудимые часто, по этому только, а не потому что хотять лгать и заператься, отказываются отъ своихъ словъ, когда имъ прочитываются въ судѣ показанія, данныя ими въ предварительномъ слѣдствіи. Во Франціи подобные случаи встрѣчаются почти въ каждомъ собраніи ассизовъ. Докладчики же вообще обязаны излагать дѣло въ сокращенномъ видѣ и въ извѣстномъ порядкѣ. Чтобы выполнить эту обязанность, они также должны пріобрѣсть извѣстный взглядъ на дѣло и потомъ уже сокращать и группировать факты согласно съ этимъ своимъ личнымъ взглядомъ. Какъ бы добросовѣстно и искусно ни былъ составленъ докладъ, онъ всегда необходимо долженъ быть выраженіемъ личнаго взгляда докладчика на дѣло, и чѣмъ умнѣ докладчикъ, тѣмъ легче онъ подводитъ подъ свой взглядъ различныя показанія, выбираетъ такія выраженія, которыя ему кажутся наиболѣе приличными, и помѣщаетъ въ докладъ лишь то, что самъ считаетъ нужнымъ. Бываютъ такія уголовныя дѣла, по которымъ акты возрастаютъ почти до баснословнаго числа томовъ: есть ли какая-нибудь возможность, чтобы извлеченія изъ подобныхъ дѣлъ могли замѣнить учрежденіе, на основаніи котораго судья самъ лично слышитъ показанія подсудимыхъ и свидѣтелей?

2. Иаустный уголовный процессъ есть не иное что какъ непрерывная очная ставка всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ между собою. Высоко цѣнится это средство обнаруженія истины

и въ письменномъ судопроизводствѣ; но тамъ оно употребляется только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ для удостовѣренія свидѣтеля въ одноличности подсудимаго, для разрѣшенія противорѣчій въ показаніяхъ подсудимыхъ и свидѣтелей. Напротивъ, гдѣ дѣйствуетъ изустный уголовный процессъ, тамъ всѣ вообще лица, участвующія въ драмѣ, развивающейся передъ судьями, ни на одну минуту не сходятъ со сцены.

Вслѣдствіе этого, во первыхъ, всякое сомнѣніе по дѣлу, въ чемъ бы оно ни состояло и къ чему бы ни относилось, какъ только возникаетъ въ душѣ судей, такъ тотчасъ же и разрѣшается. Слѣдствія по преступленіямъ почти никогда не бываютъ совершенно полны. Слѣдователь, если онъ самъ не бывалъ судьей, не можетъ знать, что необходимо для вполне-правильнаго и основательнаго обсужденія преступленій; но много препятствуютъ ему заботиться о возможно-большей полнотѣ слѣдствія и всегда неизбѣжная односторонность его направленія, и поспѣшность, безъ которой иногда бываетъ вовсе невозможенъ никакой успѣхъ слѣдствія. Поэтому, когда дѣло поступаетъ въ судъ, въ немъ встрѣчаются вездѣ пропуски и недостатки. Чтобы восполнить эти пропуски и недостатки, въ письменномъ судопроизводствѣ употребляются разные средства, которыя всѣ вообще болѣе или менѣе замедляютъ ходъ процесса и увеличиваютъ его издержки; къ тому же весьма нерѣдко не доставляютъ удовлетворительнаго результата: сносятся и вступаютъ иногда въ нескончаемую переписку съ разными мѣстами и лицами, командируютъ чиновниковъ для передопроса подсудимыхъ и свидѣтелей, или вызываютъ ихъ для этого въ судъ, часто изъ отдаленныхъ мѣстъ жительства. Вся эта проволочка оказывается совершенно не нужною, какъ скоро подсудимые и свидѣтели находятся налицо передъ судомъ. Судьи тотчасъ же предлагаютъ вопросы тѣмъ, отъ кого надѣются получить нужное объясненіе, получаютъ отвѣты, и сомнѣніе разрѣшается просто и естественно и безъ особенныхъ хлопотъ и издержекъ.

Вовторыхъ, ложь и заpiresательство становятся труднѣе, или по крайней мѣрѣ тотчасъ же находятъ изобличителя. Въ изустномъ процессѣ всѣ показанія отбираются у подсудимыхъ въ присутствіи свидѣтелей, и всякое ложное слово тотчасъ же опровергается ими; ни на одну минуту не даютъ они ему ни отдыха, ни сроку,

и на каждомъ шагѣ останавливаютъ и поражаютъ его. Безпощадно преслѣдуемый свидѣтелями и непрестанно допрашиваемый то президентомъ суда, то обвинителемъ, то кѣмъ-либо изъ судей, подсудимый тщетно кидается то въ ту, то въ другую сторону, и кончается тѣмъ, что или сознается въ преступленіи или, что случается чаще, умолкаетъ, и такимъ образомъ не хуже словъ изобличаетъ себя. Но не легко и свидѣтелямъ говорить неправду въ глаза подсудимому, да и нѣтъ въ томъ никакой пользы. Въ подобныхъ случаяхъ ложь обращается лишь въ стыдъ и во вредъ тому, кто дозволяетъ ее себѣ.

Втретихъ, между тѣмъ какъ партіи борются между собой, судьи, спокойные зрители этой борьбы, съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдятъ за ними и наблюдаютъ всѣ происходящія въ нихъ перемѣны: а въ области уголовного суда это такой источникъ истины, котораго ничѣмъ нельзя замѣнить; но въ письменномъ процессѣ онъ пропадаетъ для судей; тамъ пользуются имъ лишь слѣдователи.

Когда показанія отбираются у свидѣтелей въ присутствіи судей, тогда послѣдніе собственными глазами видятъ, какъ они возбуждаются и даются ими, говорятъ ли они сами отъ себя, или показываютъ со словъ другихъ, стоятъ ли твердо на своихъ показаніяхъ, или говорятъ сперва одно, а потомъ другое, — и поэтому безошибочно судятъ, на сколько должно вѣрить показаніямъ свидѣтелей.

Еще важнѣе непосредственное наблюденіе надъ самимъ подсудимымъ. Нечистая совѣсть сама себя изобличаетъ и обнаруживается еще очевиднѣе во внѣшнихъ знакахъ, чѣмъ въ словахъ. На судѣ невинные всегда ведутъ себя совсѣмъ не такъ, какъ виновные; но и послѣдніе держатъ себя весьма неодинаково. Одни обнаруживаютъ дерзость и наглое безстыдство закоренѣлыхъ злодѣевъ, а другіе, менѣе испорченные, показываютъ ясные признаки внутренняго душевнаго волненія. Первые съ невозмутимымъ хладнокровіемъ лгутъ и запираются, а послѣдніе, едва доходитъ до нихъ очередь, робѣютъ, мѣняются въ лицѣ, мѣшаются въ словахъ и не выдерживаютъ самаго перваго вопроса: тѣ, иногда и по низложеніи, продолжаютъ лгать и запираются, чтобы какъ-нибудь отбыть заслуженнаго наказанія, и если это не удастся имъ, раздражаются бранью и ругательствами противъ

изобличителей своихъ, а другіе, напротивъ, съ полною готовностію облегчаютъ свое сердце искреннимъ сознаніемъ въ совершенномъ ими преступленіи, и спокойно предаются своей участи. Но и законныя злодѣи не всегда выдерживаютъ свою роль до конца, и часто выдаютъ себя еще прежде чѣмъ изобличаются силою доказательствъ. Когда въ борьбѣ съ истиной они выбиваются изъ силъ или запутываются въ противорѣчіяхъ, или неожиданно встрѣчаются съ предметами и лицами, которыхъ видъ сильно потрясаетъ ихъ, тогда и они теряютъ власть надъ собою, и обнаруживаютъ тѣмъ яснѣе внутреннее душевное волненіе, тѣмъ сильнѣе сдерживали его, въ лицѣ, въ голосѣ, въ тонѣ, часто во всемъ тѣлѣ. Когда борьба съ истиной становится для нихъ трудна, и они видятъ, что, несмотря на всѣ ихъ усилія, истина готова открыться, тогда холодный потъ катится съ лица ихъ, и оно покрывается смертельною блѣдностію; когда же вдругъ ставятъ ихъ съ очей на очи съ предметами или лицами, которыхъ они никакъ не ожидали встрѣтить, тогда кровь бросается имъ въ голову, и на лицѣ выступаетъ сильная краска; въ обоихъ случаяхъ голосъ дрожитъ и прерывается, тонъ становится неровенъ, во всемъ тѣлѣ ясно видно сильное душевное потрясеніе. Судьи видятъ все это, и по внѣшнимъ признакамъ безошибочно судятъ не только о виновности подсудимыхъ, но опредѣляютъ и самую степень ея. Лучше всякихъ словъ они вводятъ наблюдателя въ тайникъ души человѣческой и разоблачаютъ ее передъ ними. По степени упорства во лжи и заперательствѣ, по полнотѣ и искренности сознанія, судьи опредѣляютъ и степень внутренняго развращенія преступника. Говорятъ, что и тамъ, гдѣ законы дозволяли лишь ограниченную устность, судьи нерѣдко перемѣняли свои приговоры послѣ личнаго наблюденія надъ преступникомъ.

Чтобы сохранить этотъ важный источникъ истины для судей, германскій письменный уголовный процессъ вѣнчалъ въ обязанность слѣдователямъ, кромѣ общихъ протоколовъ, составлять такъ-называемые *Geberden-Protocolle*, «протоколы тѣлодвиженій», и заносить въ нихъ свои наблюденія надъ внутреннимъ душевнымъ состояніемъ подсудимыхъ во время слѣдствія, съ прописаніемъ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, на которыхъ оно основано ими: суррогатъ устности, еще болѣе слабый и недостаточный, чѣмъ общіе прото-

колы! Мертвая буква, какъ бы она ни была красиво выведена, никогда не замѣняетъ живаго слова; какое же описаніе можетъ воспроизвести картину наглаго безстыдства, лжи, упорства и ожесточенія, которыя олицетворяетъ въ себѣ закоренѣлый злодѣй во время суда надъ нимъ? Какая кисть въ состояніи изобразить и тотъ внутренній, болѣзненный процессъ, который совершается тогда въ душѣ, омраченной преступленіемъ, но еще не погибшей для добра; ту внутреннюю, сердечную тоску, которая, не умѣщаясь въ душѣ, просится наружу и высказываетъ себя во вѣншихъ знакахъ? Какое перо въ состояніи описать и то искреннее, чистосердечное, иногда душу потрясающее раскаяніе, съ которымъ болѣе несчастный, чѣмъ виновный подсудимый облегчаетъ свою совѣсть отъ гнетущаго ее бремени? Наконецъ, можно ли видѣть изъ описанія и то, какія страшныя, нечеловѣческія усилія употребляетъ закоренѣлый злодѣй, чтобы скрыть свою вину, и какое ужасное потрясеніе происходитъ въ немъ, когда она, тѣмъ не менѣе, вдругъ выходитъ наружу? Какъ бы ни были добросовѣстны, краснорѣчивы и искусны въ психологическихъ наблюденіяхъ слѣдователи, всякое описаніе ихъ не можетъ не быть ниже дѣйствительности. Видѣть драму и читать описаніе представленія ея — далеко не одно и то же. Есть вещи, событія, обстоятельства, которыя не описываются и не пересказываются, которыя надо видѣть, чтобы имѣть правильное понятіе о нихъ. Самые неодушевленные предметы лучше видѣть, чѣмъ узнавать изъ описанія; хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда нужно знать лишь вѣншній видъ ихъ, личное наблюденіе надъ ними еще можетъ быть замѣняемо описаніемъ.

Законы говорятъ, и наука утверждаетъ, что признаніе подсудимаго тогда только должно имѣть силу полного доказательства въ дѣлахъ уголовныхъ, когда оно дается въ судѣ. Признаніе вѣсудебное, которое понадобится не скоро, въ теченіи времени можетъ исказиться, переиначиться, не можетъ быть такъ серьезно, какъ то, которое дается въ судѣ, какъ то признаніе, изъ котораго тотчасъ можетъ быть сдѣлано употребленіе, и отъ котораго нельзя отречься. На судѣ ли оно дается, когда получается въ предварительномъ слѣдствіи, а суду лишь прочитывается? Какое ручательство судья можетъ имѣть въ томъ, что признаніе не вырвано у подсудимаго силой, не получено хитростію или

обманомъ, не дано въ какомъ-либо болѣзненномъ душевномъ состояніи, записано вѣрно, и было бы повторено въ торжественномъ собраніи суда?

Относительно показаній свидѣтелей должно также принять за коренное начало, что только показанія, данныя въ судѣ, должны имѣть силу полнаго доказательства. Если впрочемъ показанія, данныя въ судѣ, существенно различаются съ показаніями, данными въ предварительномъ слѣдствіи, то и партіи и судьи могутъ требовать, чтобы послѣднія были прочитаны въ засѣданіи, и свидѣтели были допрошены о противорѣчіяхъ; уклоненія отъ прежнихъ показаній, измѣненія и дополненія могутъ быть записаны по желанію партій, но послѣ этого уже дѣло суда рѣшить: какой вѣры заслуживаютъ свидѣтели, колеблющіеся и можетъ-быть противорѣчащіе себѣ самими.

Заочныя показанія никогда не могутъ вполне замѣнять изустныхъ, какъ бы они ни были вѣрно записаны. Записывается только содержаніе и смыслъ свидѣтельскихъ показаній, а не собственные слова ихъ. Кто можетъ видѣть изъ протокола, какъ свидѣтель колебался, какъ долго онъ медлилъ отвѣтомъ и съ какимъ видомъ, послѣ какихъ увѣщаній давалъ его? Кто можетъ поручиться въ томъ, что онъ повторилъ бы свои показанія и въ торжественномъ собраніи суда? *Non testimoniis, sed testibus se crediturum*, говорилъ императоръ Адріанъ.

3. Въ судѣ по уликамъ, всего болѣе необходимо, чтобы свидѣтели были лично допрашиваемы судьями. Давая судъ на основаніи уликъ, судьи дѣлаютъ заключеніе отъ обстоятельствъ, уже извѣстныхъ, къ обстоятельству или обстоятельствамъ неизвѣстнымъ; отъ существованія однихъ обстоятельствъ заключаютъ къ существованію другихъ. Для правильности такого заключенія, необходимо, чтобы существованіе обстоятельства, отъ котораго дѣлается заключеніе, не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію; заключеніе отъ неизвѣстнаго или даже сомнительнаго не ведетъ ни къ чему. А могутъ ли судьи быть несомнѣнно увѣрены въ существованіи обстоятельствъ, отъ которыхъ заимствуются улики, когда они почерпаютъ свѣдѣнія о нихъ не изъ первыхъ, даже и не изъ вторыхъ, а лишь изъ третьихъ рукъ? Судъ по уликамъ требуетъ величайшей осмотрительности; и потому безопасно можетъ быть основываемъ лишь на показаніяхъ

очевидцевъ; малѣйшее сомнѣніе въ справедливости ихъ словъ должно подрывать здѣсь всякую вѣру къ нимъ. Судьи непременно должны сами видѣть и слышать свидѣтелей, чтобы не только изъ содержанія ихъ показаній, но и изъ самаго поведения при допросѣ имѣть возможность судить о степени ихъ достовѣрности. Въ судѣ по уликамъ это еще важнѣе, чѣмъ въ судѣ по доказательствамъ. Но еще болѣе необходимо, чтобы въ подобныхъ случаяхъ судьи сами видѣли и слышали подсудимаго. Почему извѣстные обстоятельства указываютъ именно на него, какъ на вѣроятнаго виновника преступленія, и находится ли дѣйствительно между ними и преступленіемъ какая-либо связь,—это, очевидно, всего лучше можетъ объяснить самъ подсудимый. Если онъ дастъ объясненія только слѣдователю, тогда они никакъ не могутъ производить на судей такого впечатлѣнія, какъ еслибы они слышали ихъ сами. Живое слово и дѣйствуетъ на душу изслѣдователя совершенно иначе, чѣмъ мертвая буква. Но въ судѣ по уликамъ все зависитъ главнымъ образомъ именно отъ того внутренняго субъективнаго впечатлѣнія, которое производятъ на судей объясненія подсудимаго. Чрезвычайно важно и поведение подсудимаго въ то время, когда онъ даетъ отчетъ въ обстоятельствахъ, его уличающихъ: оно или совершенно разрушаетъ существующее противъ него подозрѣніе или вконецъ губить его. А какъ нерѣдко случается, что судьи сами, во время допроса подсудимаго, открываютъ такую улику, которая бросаетъ яркій свѣтъ на дѣло, казавшееся совершенно необъяснимымъ! Въ Англіи было дѣло: въ концѣ осени 1772 г. у одного ланкастерскаго землевладѣльца остановился переночевать богатый ювелиръ изъ Лондона, котораго на пути въ этой сторонѣ застигла ночь. Поутру путешественника нашли мертвымъ въ постели. Дали знать объ этомъ случаѣ начальству. Королевскіе присяжные сдѣлали осмотръ, не нашли ничего подозрительнаго, изъ чего бы можно было заключить о насильственной смерти и порѣшили предать тѣло земли, занеся въ протоколъ: волею Божіею помре. Но народъ толковалъ объ этомъ дѣлѣ по своему. Говорили объ убійствѣ и обвиняли въ немъ хозяина. Джонъ Смитъ—такъ звали хозяина—не пользовался расположеніемъ мѣстныхъ жителей; въ молодости онъ велъ себя дурно, былъ расточителемъ, и надѣлалъ долговъ, покинулъ Англію и возвратился на родину лишь по смерти отца; жилъ теперь хотя и скромно, но

не хотѣлъ знаться ни съ кѣмъ. Особенно за это сосѣди и не любили его. Спустя два мѣсяца послѣ этого происшествія, прибылъ въ мѣстечко другой путешественникъ. Онъ отыскивалъ своего брата, и узнавъ случайно о печальномъ происшествіи, хотѣлъ удостовѣриться, не былъ ли умершій его братъ. Лошади и платье умершаго были еще въ рукахъ юстиціи; ему показали ихъ: по нимъ онъ увѣрился, что умершій дѣйствительно его братъ. Осмотръ трупа, который еще не успѣлъ сгнить и былъ вырытъ по просьбѣ путешественника, окончательно убѣдилъ его въ томъ.

Прибытіе путешественника и осмотръ трупа дали новую пищу народнымъ толкамъ. Они сдѣлались такъ громки и такъ настойчивы, что правительство вынуждено было наконецъ обратить на нихъ вниманіе. Джона Смита взяли, подвергли допросу, но новаго не открыли ничего. Послѣ этого судьи не сомнѣвались, что обвиняемый будетъ оправданъ, и когда день процесса наступилъ, то и президентъ суда совѣтовалъ присяжнымъ, чтобы они, пока не откроются новыя доказательства, отвергли обвинительный актъ и сохранили себѣ такимъ образомъ право заняться въ послѣдствіи этимъ дѣломъ съ большимъ успѣхомъ.

Однакоже присяжные, уступая требованію общественнаго мнѣнія, не согласились съ президентомъ, и процессъ начался. Самъ генералъ-адвокатъ, только чтобы исполнить свою обязанность, составилъ и прочиталъ обвинительный актъ, въ которомъ прямо выразилъ свое сомнѣніе въ виновности Смита.

Кромѣ народныхъ слуховъ, всѣ доказательства противъ подсудимаго ограничивались показаніемъ лишь одного свидѣтеля, и то въ обстоятельствѣ совершенно побочномъ, да еще тѣмъ, что въ его домѣ найдена была хрустальная пробочка отъ флакончика, въ которомъ химики обыкновенно хранятъ ядъ. Но кому принадлежала эта пробочка, хозяину или путешественнику, слѣдствіемъ не могло быть объяснено.

Джонъ Смитъ жилъ въ своемъ домѣ одинъ, и имѣлъ при себѣ двѣ прислуги: экономку и лакея. Лакей спалъ въ совершенно-особенномъ зданіи подлѣ конюшни; самъ онъ жилъ на одномъ концѣ дома, на другомъ же находилась спальня его экономки, по близости которой и отведена была комната для ночлега ювелиру. Въ ночь, когда случилось несчастное происшествіе, около

трехъ часовъ шелъ мимо дома Смита одинъ прохожій. Замѣтивъ тамъ такъ поздно огонь, который переносили изъ одной комнаты въ другую, прохожій остановился. Онъ разсмотрѣлъ тѣнь мушкеры или женщины, со свѣчею въ рукахъ. Эта тѣнь отправилась сначала въ ту сторону, гдѣ находилась комната экономки. Потомъ показались двѣ тѣни, и огонь погасъ,—но тотчасъ появился опять, и съ нимъ вмѣстѣ обѣ тѣни; черезъ пять минутъ огонь снова исчезъ.

Чтобы повѣрить показаніе свидѣтеля, его поставили ночью опять на то же мѣсто, и ходили такъ, какъ онъ говорилъ, со свѣчою изъ комнаты въ комнату; но, по его словамъ, тогда свѣтъ то показывался, то скрывался совершенно иначе; свѣтъ заслоняло отъ его глазъ что-то широкое, какъ бы дверь или ширмы промежду свѣчки и окна, такъ что онъ хотя и скрывался, но не совсѣмъ. Между тѣмъ, по осмотру мѣстности, не оказалось тамъ ни двери ни шкапа, которые бы могли произвести подобное дѣйствіе, а ширмъ и вовсе не было въ домѣ.

Было бы весьма важно допросить экономку, но она на другой же день оставила домъ Смита, и не могли нигдѣ отыскать ее.

При такихъ слабыхъ доказательствахъ, чего ожидали, то и случилось. Присяжные порѣшили, что «по неимѣнію доказательствъ, подсудимаго нельзя признать виновнымъ.» Уже секретарь взялся за перо, чтобы записать приговоръ, какъ Джонъ Смитъ объявилъ, что онъ не хочетъ, чтобы его освободили отъ суда только по неимѣнію доказательствъ, а просить, чтобы ему дозволено было возстановить свою поруганную честь прямымъ и яснымъ доказательствомъ невинности. «Разказываютъ, говорилъ онъ, что ночью у меня въ домѣ видѣли огонь. Это правда. Мнѣ понездоровилось; я всталъ, позвалъ мою экономку, и сказалъ ей, чтобы она затопила у меня каминъ. Экономка поспѣшила исполнить мое приказаніе. Пока она одѣвалась, я подождалъ ее въ корридорѣ. Этимъ и объясняется весьма просто и естественно появленіе и исчезновеніе свѣта, о которомъ говорилъ свидѣтель.—Это я удалилъ экономку на время процесса: она находится въ домѣ моего адвоката. Вы, можетъ-быть, удивитесь этой предосторожности; на это я скажу вамъ, что я имѣю враговъ, а эта женщина слаба, корыстолюбива и могла быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ мо-

ихъ враговъ. Теперь же самъ желаю, чтобы ее допросили; она подтвердить истину того, что я говорилъ.»

Экономку привели. Она показала совершенно согласно съ своимъ господиномъ, такъ что его невинность казалась яснѣе солнца. Но генералъ-адвокатъ уже получилъ подозрѣніе и сталъ допрашивать ее самъ, принявши равнодушный видъ.

— Не находилась ли свѣча, спросилъ онъ ее, — въ то время какъ вы были въ комнатѣ г. Смита, на срединѣ стола?

— Да.

— Вы говорите, что онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо и досталъ себѣ лѣкарства, вѣроятно изъ шкапа.

— Да, я это сказала.

— Этотъ шкапъ, коммоды, секретеръ, ну что бы то ни было, былъ отворяемъ одинъ или два раза, пока вы находились въ комнатѣ?

Экономка не отвѣчала.

— Кажется, вы не совсѣмъ понимаете меня. Я спрашиваю васъ: взявши лѣкарства, господинъ вашъ затворилъ ли шкапъ или оставилъ его отвореннымъ?

— Онъ затворилъ его.

— Потомъ онъ отворилъ его опять, чтобы поставить на мѣсто стѣянку?

— Да.

— Какъ долго оставался шкапъ отпертымъ.

— Около минуты.

— Когда дверь шкапа отворяется, то приходится ли она именно промежду стола и окна?

— Точно такъ.

— Я не припомню хорошенько, какъ вы сказали: гдѣ находится шкапъ, направо или налево?

— Налево.

— Производитъ ли дверь скрипъ, когда отворяется, или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Дѣйствительно ли вы увѣрены въ томъ, что говорите?

— Вполнѣ.

— Вы отворили этотъ шкапъ, или г. Смитъ самъ отворяетъ его?

— Г. Смитъ самъ отворяетъ его.

— Но ключъ отъ него когда-нибудь бывалъ и у васъ въ рукахъ,

— Никогда. Г. Смитъ всегда держитъ его у себя.

Въ эту минуту экономка взглянула на своего господина. Холодный потъ катился съ лица подсудимаго; и онъ былъ блѣденъ, какъ смерть. Едва она взглянула на него, вскрикнула и упала въ обморокъ. Тутъ только она ясно поняла всѣ слѣдствія своихъ отвѣтовъ; она изрекла смертный приговоръ своему господину.

Генераль-адвокату показалось чрезвычайно важнымъ одно обстоятельство, на которое никто не обратилъ вниманія. Онъ задалъ себѣ вопросъ, отчего бы могла происходить та тѣнь, которая, по словамъ свидѣтеля, заслоняла свѣчу, и догадывался, что въ домѣ, именно въ этой комнатѣ, устроенъ былъ гдѣ-нибудь потаенный шкафъ или что-нибудь подобное, который, когда его отворяли, и заслонялъ свѣтъ. Видимое равнодушіе его при допросѣ экономки обмануло ее; и она выболтала все, не воображая, что компрометируетъ своего господина. Ея обморокъ прервалъ засѣданіе. Положили продолжать его черезъ два часа. Подсудимаго отвели въ тюрьму.

Около 5 часовъ судьи снова заняли свои мѣста. Подсудимыхъ ввели.

— Я долженъ, началъ генераль-адвокатъ, обращаясь къ экономкѣ, — предложить вамъ еще нѣсколько вопросовъ. Совѣтую говорить правду; отъ этого зависитъ ваша жизнь. Знаете вы это? онъ показалъ ей пробочку.

— Да.

— Кому принадлежитъ она?

— Г. Смиту.

— Когда вы видѣли ее въ послѣдній разъ?

— Ночью, когда умеръ путешественникъ.

Въ эту минуту вошли въ залу два шерифа и сторожъ, который несъ большую тарелку. На тарелкѣ лежали: бумажникъ, часы, маленькій кошелекъ, три мѣшка съ деньгами, двѣ золотыя цѣпочки и флакончикъ, къ которому какъ разъ приходилась пробочка. Въ промежуткѣ времени отъ закрытія до начатія засѣданія, по приказанію генераль-адвоката, въ домѣ Смита сдѣлали обыскъ и открыли въ комнатѣ между двумя окнами, въ обшитой деревомъ стѣнѣ, потаенный шкафчикъ, въ которомъ находились всѣ вещи, принадлежавшія несчастному путеше-

ственнику,—всего на сумму около 50,000 рублей. Флакончикъ заключалъ въ себѣ самый сильный ядъ.

Такъ самое повидимому ничтожное обстоятельство, открытое во время суда, вслѣдствіе подозрѣнія, возникшаго тоже въ теченіе суда, при совершенномъ отсутствіи доказательствъ, послужило къ совершенному изобличенію самаго дерзкаго злодѣя.

Замѣчено, что въ земляхъ, гдѣ дѣйствуетъ изушный уголовный процессъ, онъ не пользуется особенною популярностію въ тѣхъ углахъ общества, гдѣ всего чаще совершаются преступленія; напротивъ судьи и другія лица, которыя, по своему положенію въ обществѣ, принимаютъ самое живое участіе въ дѣлѣ уголовного правосудія, чрезвычайно высоко цѣнятъ его. Такъ напримѣръ въ итальянскихъ государствахъ, въ Тосканѣ, Неаполѣ, Пармѣ, и министры, и президенты полицій, и судьи, всѣ вообще безусловно отдають предпочтеніе этому новому порядку судопроизводства передъ старымъ письменнымъ; тогда какъ въ массахъ, еще очень грубыхъ, мало проникнутыхъ нравственнымъ сознаніемъ, весьма нерѣдко слышатся самыя горькія жалобы противъ него. Причина этого именно въ томъ и заключается, что изушный процессъ гораздо болѣе способствуетъ къ изобличенію преступниковъ, чѣмъ письменный.

Между тѣмъ какъ въ Ломбардіи, когда тамъ дѣйствовалъ письменный процессъ, въ двѣнадцать лѣтъ (отъ 1829 до 1840), 12,203 преступника были осуждены, 8,386 освобождены отъ суда по недостатку доказательствъ, и 994 объявлены невинными, а въ Венеціи также въ двѣнадцать лѣтъ изъ 21,143 преступниковъ 11,257 осуждены, 8,887 освобождены по недостатку доказательствъ и 999 объявлены невинными; въ Пармѣ, при изушномъ судопроизводствѣ, приходилось ежегодно на 100 преступниковъ по 60, а иногда и по 70 осужденныхъ. Въ Сардиніи, гдѣ съ 1840 года законъ дозволяетъ, когда подсудимый самъ проситъ о томъ, подконецъ суда излагать дѣло вкратцѣ и производить изушныя пренія въ присутствіи свидѣтелей, опытъ показалъ, что отъ этого виновные никогда ничего не выигрывали, и что и сокращенно изушный порядокъ всегда имѣлъ своимъ слѣдствіемъ осужденіе ихъ. Въ самый первый годъ, по введеніи его, четверо подсудимыхъ потребовали, чтобы ихъ судили изушно, и всѣ четверо были осуждены. Живое слово, которое часто по-

ражаетъ, и освѣщаетъ также быстро и ярко, какъ молнія. Неутомимое, беспощадное преслѣдованіе подсудимаго обвинителемъ и свидѣтелями, которые тотчасъ же изобличаютъ его, какъ скоро онъ уклоняется отъ истины: постоянное, самое внимательное наблюденіе надъ нимъ судьей, которые зорко слѣдятъ за каждымъ движеніемъ его и строго взвѣшиваютъ каждое слово сказанное имъ, и въ добавокъ къ этому, ни одной свободной минуты для того, чтобы сдерживать движенія и обдумывать слова, — все это не можетъ не переломить и самого неопределимаго упорства; а въ судьяхъ это зрѣлище отчаянной борьбы лжи съ истиной необходимо должно производить такое состояніе глубокаго убѣжденія въ виновности низложеннаго, какого никогда не въ состояніи доставить и самый отличный докладъ.

4. Если впрочемъ изустный процессъ способствуетъ къ изобличенію преступниковъ, то, съ другой стороны, онъ несравненно болѣе благоприятствуетъ и ихъ защищенію.

Въ изустномъ процессѣ, подсудимый, лично присутствуя въ судѣ, имѣетъ полную возможность охранять и защищать свои интересы. Но при немъ, кромѣ того, съ самаго начала и до конца собственно уголовного процесса, постоянно находится еще особенный защитникъ. Непрерывно слѣдя за ходомъ процесса, защитникъ подсудимаго принимаетъ въ немъ непосредственное участіе; онъ имѣетъ право — и пользуется имъ съ полною свободой — протестовать противъ всякаго незаконнаго дѣйствія, которое можетъ клониться къ отягощенію судьбы его кліента; тотчасъ же опровергать заключенія, которыя обвинитель неправильно выводитъ изъ извѣстныхъ обстоятельствъ, и уничтожать ихъ вредное вліяніе на приговоръ, что особенно важно въ судѣ по уликамъ; возбуждать и предлагать свидѣтелямъ и свѣдущимъ людямъ вопросы обо всемъ томъ, объясненіе чего можетъ быть необходимо для правильнаго рѣшенія дѣла, и напослѣдокъ, что всего важнѣе, посредствомъ живой рѣчи разрушать или потрясать, подъ конецъ суда, все зданіе обвиненія, воздвигнутое противъ подсудимаго въ теченіе всего процесса, разбирая его по частямъ.

Въ письменномъ процессѣ, напротивъ, подсудимый не присутствуетъ въ судѣ; не допускается въ судъ и защитникъ подсудимаго, если онъ имѣетъ защитника, что также не всегда бываетъ. Когда же подсудимому дается защитникъ, то хотя онъ пользуется

тѣмъ же правами, какъ и въ устномъ процессѣ, но чрезвычайно ограничивается въ употребленіи ихъ. Впервые онъ пользуется ими не своевременно, — лишь тогда, когда обвиненіе уже окончено, и о подсудимомъ составлено опредѣленное мнѣніе, отчего защищеніе необходимо теряетъ свою силу; во вторыхъ черпаетъ матеріалъ для защищенія не изъ первыхъ рукъ, не изъ жизни, а главнымъ образомъ изъ актовъ слѣдствія, которые никогда не въ состояніи замѣнить живой рѣчи. Но и этотъ скудный источникъ открывается для него, по большей части, неохотно; въ защитникѣ обыкновенно видятъ сообщника, который, изучивъ акты и открывъ въ нихъ слабую сторону, легко можетъ утвердить своего кліента во лжи и заpiresельствѣ, и сдѣлать безплодными всѣ усилія къ его обличенію. Отъ этого, далѣе, позволяютъ себѣ обходиться съ защитникомъ подсудимаго оскорбительно, заподозриваютъ его благонамѣренность и добросовѣстность, отдають явное предпочтеніе словамъ слѣдователя передъ его словами, хотя бы правда была явно на его сторонѣ, и такимъ образомъ обезохочиваютъ людей съ талантомъ и дознанно-благонамѣренныхъ и честныхъ принимать на себя роль защитниковъ, которая, кромѣ безпокойства и непріятности, не доставляетъ имъ ничего. Неохотно и не иначе какъ съ предосторожностями, часто весьма оскорбительными, дозволяется защитнику имѣть личныя сношенія съ подсудимымъ. Наконецъ, не впускають защитника въ залу присутствія и для прочтенія составленнаго имъ акта защищенія, а предоставляютъ это докладчику, который, по своему личному усмотрѣнію, или читаетъ его весь сполна, или предлагаетъ въ извлеченіи. Какъ различенъ этотъ способъ защищенія подсудимаго отъ того, который употребляется въ изустномъ процессѣ, легко себѣ представить. И письменный актъ защитника и живая рѣчь адвоката необходимо должны содержать въ себѣ повтореніе того, что уже извѣстно судьямъ. Какъ же утомительно и нестерпимо скучно должно быть для нихъ выслушивать это уже извѣстное изложеніе, читаемое притомъ не самимъ составителемъ акта, а совершенно другимъ лицомъ, которое, за чтеніемъ чужой работы, и само скучаетъ! Притомъ, читая извлеченіе изъ нея, докладчикъ предлагаетъ дѣло, какъ ему угодно. Напротивъ, когда защитникъ самъ произносить рѣчь въ защиту своего кліента, тогда онъ отстаиваетъ не

чужое, а свое собственное дѣло, защищаетъ свои выгоды, свою честь, свою славу, и потому не можетъ говорить иначе, какъ съ одушевленіемъ, которое необходимо сообщаетъ и своимъ слушателямъ. Въ письменномъ процессѣ съ самаго начала дѣла подсудимый какъ бы отдается на жертву своимъ преслѣдователямъ, и обыкновенно осуждается заочно. Въ самомъ же судѣ, куда ни оглянется, вездѣ въ залѣ присутствія встрѣчаетъ лишь суровыя лица своихъ судей, и, лишенный всякой помощи, въ которой часто и по своему образованію, а всегда по своему особенному положенію, имѣетъ настоятельную нужду, заранее читаетъ въ нихъ свое осужденіе и гибель въ этой неравной битвѣ. Напротивъ, въ изустномъ процессѣ судятъ его всегда лишь по его собственнымъ словамъ, и во все время процесса изъ-за суровыхъ лицъ судей и недоброжелателей смотреть на него свѣтлые лики его свидѣтелей и защитника, въ которыхъ онъ почерпаетъ нужную бодрость для борьбы съ противниками; но они и дѣятельно помогаютъ ему въ борьбѣ.

5. Ограждая подсудимаго, изустное судопроизводство слугитъ вмѣстѣ и самую лучшую повѣрку предварительнаго слѣдствія; а въ предварительномъ слѣдствіи, даже тамъ, гдѣ дѣйствуетъ изустный процессъ, къ сожалѣнію, всегда есть много такого, что требуетъ самой тщательной повѣрки. Во время производства предварительнаго, а въ письменномъ процессѣ и всего вообще слѣдствія, обвиняемые находятся въ полномъ распоряженіи слѣдователей. Самъ законъ даетъ слѣдователямъ едва не неограниченную власть, признавая ее необходимою для успѣха слѣдствія. Законъ можетъ быть и правъ, но не правы слѣдователи, когда употребляютъ эту страшную власть во зло, что случается весьма не рѣдко. Почти всѣ они обыкновенно смотрятъ на обвиняемаго, какъ уже на уличеннаго и, вслѣдствіе того, съ самаго начала обращаются съ нимъ довольно круто, чтобы тотчасъ же застрашать его и получить признаніе; когда же это не удастся имъ, иногда отъ того, что обвиняемому не въ чемъ признаваться, то смотрятъ на него уже какъ на хитраго мошенника или упорнаго злодѣя, и прибѣгаютъ къ мѣрамъ еще болѣе крутымъ: подвергаютъ строгому тюремному заключенію, употребляютъ угрозы, и мучатъ нескончаемою пыткой непрерывно продолжаемыхъ допросовъ до тѣхъ

поръ, пока такъ или иначе не добьются желаннаго признанія или, не добившись его, но окончательно разбивши допрашиваемаго, хотя и выпускаютъ его на волю, но большею частію нерѣшительно, а только до времени, пока не откроются новыя доказательства, такъ-называемое *absolutio ab instantia*, оставленіе въ подозрѣніи. Въ письменномъ процессѣ весь этотъ произволъ рѣдко выходитъ наружу. Обвиняемому дозволяется, правда, жаловаться; — но что значить жалоба заглазная, приносимая лицомъ, которое, если не *de jure*, то *de facto*, считается совершенно безправнымъ, на лицо, облеченное полною довѣренностію государства? Въ случаѣ жалобы, слѣдователю всегда легко оправдаться, и даже сложить всю вину на обвиняемаго, описавъ его самыми черными красками, какъ самаго отъявленнаго негодяя. А чего долженъ ожидать обвиняемый отъ слѣдователя, когда его жалоба на слѣдователя будетъ отвергнута, какъ неосновательная, и признана клеветою? Напротивъ, въ устномъ процессѣ, подсудимый имѣетъ право лично объяснять свои неудовольствія на слѣдователя, и, такъ какъ онъ не признается виновнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ изобличенъ совершенно, пока судьи не узнаютъ его не изъ однихъ описаній слѣдователя, а изъ собственнаго наблюденія, то голосъ его уважается наравнѣ съ голосомъ всѣхъ другихъ лицъ, участвующихъ въ процессѣ. Это заставляетъ самихъ слѣдователей быть осторожнѣе, и такимъ образомъ пресекаетъ означенныя злоупотребленія въ самомъ источникѣ. Дѣйствительно, злоупотребленія эти гораздо рѣже встрѣчаются въ устномъ процессѣ, а въ Англіи и вовсе невозможны, потому что подсудимый, если желаетъ, получаетъ защитника уже въ самомъ предварительномъ слѣдствіи.

Но и безъ злоупотребленій слѣдствіе всегда требуетъ повѣрки. Какъ мы уже замѣтили выше, оно никогда не можетъ быть ни произведено совершенно достаточно, ни записано вполне точно. Всѣ эти недостатки его, очевидно, всего лучше могутъ быть исправляемы посредствомъ личныхъ объясненій съ партіями и свидѣтелями.

6. Наконецъ и то немаловажная выгода устности, что она ускоряетъ ходъ уголовного правосудія и черезъ это, съ одной стороны, сокращаетъ издержки, которыхъ требуютъ уголовные процессы, а съ другой значительно облегчаетъ участь подсуди-

мыхъ. Между тѣмъ какъ въ письменномъ процессѣ многія уголовныя дѣла продолжаются иногда цѣлыя годы, даже десятки годовъ, — въ изустномъ судопроизводствѣ самыя многосложныя, кромѣ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ, которые составляютъ исключеніе изъ общаго правила, обыкновенно рѣшаются въ нѣсколько мѣсяцевъ, и всегда задерживаются только производствомъ слѣдствія, а въ судѣ оканчиваются въ одинъ день, и много-много если въ нѣсколько дней. Такъ напримѣръ въ Бельгій въ первый мѣсяцъ отъ совершенія преступленія, областными судами рѣшено было въ 1836 году 2208 случаевъ, въ 1837 — 2150, въ 1838 — 2247, въ 1839 — 2380. Исправительные суды также въ первый мѣсяцъ окончательно порѣшили въ 1836 году 6333, въ 1837 — 7443, въ 1838 — 7795, въ 1839 — 8060 уголовныхъ дѣлъ, во второй мѣсяцъ въ 1836 году 5411, въ 1837 — 7443, въ 1838 — 5408, въ 1839 — 5140. Замедлилось рѣшеніе до пятаго мѣсяца въ 1836 году только въ 334 случаяхъ, въ 1837 — въ 333, въ 1838 — въ 271, въ 1839 — въ 293. Судами ассизовъ даны окончательныя приговоры въ 1836 году въ третьемъ мѣсяцѣ въ 85 случаяхъ, и въ 222 въ теченіе времени отъ третьяго до шестаго мѣсяца; въ 1837 г. въ третьемъ мѣсяцѣ въ 94 случаяхъ и въ 277 также отъ третьяго до шестаго мѣсяца; въ 1838 г. въ 69 въ теченіе третьяго мѣсяца, и въ 176 отъ третьяго до шестаго; въ 1839 г. — въ 75 въ теченіе третьяго мѣсяца, и въ 165 отъ третьяго до шестаго. А скорость англійскаго уголовного судопроизводства чуть не баснословна. И если сообразить, сколько времени въ письменномъ процессѣ всегда по необходимости тратится на производство слѣдствій, которыя тамъ, какъ единственное основаніе всего процесса, имѣютъ совершенно другое значеніе и требуютъ возможно-большей полноты, — какъ много проходить его, пока защитникъ ознакомится съ актами слѣдствія, приготовить и подать свое защищеніе, — какъ долго въ случаяхъ, гдѣ необходимы техническія свѣдѣнія, акты лежать и у врачей, и у медицинскихъ начальствъ, — сколько времени требуется и для докладчика, чтобы изготавить докладъ; если принять въ разсужденіе и то, что, особенно въ важныхъ случаяхъ, дѣла почти всегда возвращаются для дополненія, а иногда и снова переслѣдываются, а потомъ, прежде нежели получаютъ окончательное рѣшеніе, переходятъ по разнымъ

инстанціямъ, и нерѣдко и тамъ доподняются и даже пересылаются для переслѣдованія: то легко и безъ статистическихъ таблицъ убѣдиться въ томъ, что изустный процессъ, — гдѣ послѣ непродолжительнаго слѣдствія, какое только нужно, чтобы лишь обосновать обвиненіе, дѣло тотчасъ же поступаетъ въ судъ, и тамъ рѣшится безъ всякаго письменнаго производства, — необходимо долженъ быть гораздо короче письменнаго.

Большая продолжительность слѣдствія и суда необходимо вѣдетъ за собой и большія издержки и большее отягощеніе судьбы подсудимаго, если онъ содержится подъ стражею. Правда, и изустный процессъ не дешево обходится государству. Особенно значительныя издержки требуются въ немъ на вызовъ и доставку свидѣтелей. Но при письменномъ процессѣ употребляются еще значительнѣшія суммы, въ особенности на содержаніе арестантовъ. Уже въ 1839 году прусскій министръ юстиціи, Мюллеръ, объявилъ въ отчетѣ, что юстиція гораздо дешевле обходится въ рейнскихъ провинціяхъ, чѣмъ въ старинныхъ прусскихъ: въ первыхъ, при обвинительномъ процессѣ, приходится только по семи грошей на каждаго жителя, а въ послѣднихъ, при процессѣ слѣдственномъ, по тринадцати. Равно и генераль-прокуроръ въ баварскомъ Рейнпфальцѣ утверждаетъ, что и тамъ юстиція стоить дешевле, чѣмъ въ другихъ баварскихъ провинціяхъ. Дешевле обходится изустное уголовное судопроизводство между прочимъ и потому, что въ немъ, при строгомъ предварительномъ разсмотрѣніи слѣдствія, многія уголовныя дѣла прекращаются въ самомъ началѣ и вовсе не доходятъ до судовъ.

Исчисливъ выгоды изустнаго уголовного судопроизводства, мы однако не исчерпали бы вполне предмета, еслибы прошли молчаніемъ возраженія, высказанныя противъ него нѣкоторыми, достойными всякаго уваженія писателями. Возраженія эти заслуживаютъ полнаго вниманія и состоятъ въ слѣдующемъ: 1) трудно, даже едва ли возможно для судей вѣрно удерживать въ памяти всѣ изустныя пренія, которыя съ чрезвычайною скоростію происходятъ передъ ними; 2) если же бы оказалось при совѣщаніи, что судьи что-нибудь забыли, или въ чемъ-нибудь усомнились, то въ изустномъ процессѣ они не имѣютъ никакого средства припомнить забытое и уяснить сомнительное, тогда какъ въ письменномъ судопроизводствѣ оно у нихъ всегда подъ рукою: для

этого имъ стоить только справиться съ актами; 3) личное знакомство судей съ преступникомъ и постоянное присутствіе его въ судѣ легко можетъ имѣть вредное вліяніе на ихъ безпристрастіе; неблагоприятная наружность и грубое, неприличное поведение могутъ предубѣждать ихъ противъ него и содѣйствовать къ его осужденію, при совершенной невинности его; напротивъ, пріятная наружность и благоразумное, вкрадчивое обращеніе, особенно при хорошихъ манерахъ, могутъ располагать судей въ его пользу и послужить къ оправданію виновнаго; но 4) всего ненадежнѣе наблюденіе надъ внѣшними движеніями преступниковъ; кромѣ того, при непрерывной очной ставкѣ, оно не можетъ имѣть и слишкомъ большой важности; далѣе, 5) свидѣтели, давая показанія въ торжественномъ собраніи суда, легко могутъ оробѣть и придти въ замѣшательство, и отъ этого иное пропустить, а другое показать ложно; 6) въ изустномъ процессѣ совершенно невозможны самыя важныя средства защиты противъ несправедливыхъ и ошибочныхъ приговоровъ: судьи не приводятъ никакихъ основаній для своихъ рѣшеній и не даютъ въ нихъ никому никакого отчета; и 7) не допускается самое главное средство защищенія противъ нихъ, которымъ подсудимые беспрепятственно пользуются въ письменномъ судопроизводствѣ, — мы разумѣемъ апелляцію. Говорятъ еще наконецъ, 8) будто бы изустное судопроизводство дороже письменнаго. Но мы уже видѣли, что это послѣднее возраженіе неосновательно.

1. Если для судей трудно и даже почти невозможно вѣрно припоминать изустныя пренія, то какъ же они могутъ давать судъ о преступленіяхъ по докладамъ? Живое слово производитъ совершенно иное впечатлѣніе на душу судей, чѣмъ мертвая буква; потому оно и укореняется въ ихъ памяти гораздо крѣпче, чѣмъ она. Сухой и безжизненный докладъ, когда бываетъ продолжителенъ, утомляетъ и самого докладчика; а вниманіе судей всегда останавливается на немъ лишь на нѣкоторое время; не поддерживаемое ничѣмъ, оно въ теченіи доклада, обыкновенно все болѣе и болѣе слабѣетъ, и часто под конецъ доклада теряется вовсе. Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ выслушивать нѣсколько часовъ сряду утомительныя подробности дѣла, которыя докладчикъ излагаетъ со словъ другаго. Напротивъ, изустныя пренія, чѣмъ далѣе идутъ впередъ, тѣмъ жи-

ѣе и интереснѣе становятся; партіи разгорячаются; страсти, воднующія ихъ, выходятъ наружу; между ними завязывается отчаянный бой; одна партія силится низложить другую, побѣда переходитъ то на ту, то на другую сторону, лица и дѣйствія непрестанно смѣняются: все это, какъ бы ни продолжительны были пренія, естественно должно содержать вниманіе судей постоянно въ самомъ напряженномъ состояніи. Когда же дѣло начинается подходить къ концу, тогда общій интересъ въ преніяхъ нерѣдко до такой степени усиливается, что въ залѣ засѣданія суда водворяется мертвая тишина: не только судьи, но и всѣ присутствующіе съ видимымъ душевнымъ волненіемъ ожидаютъ развязки драмы и опасаются проронить малѣйшее слово изъ ея заключительнаго акта. Бываютъ случаи, что и долго спустя по совершенномъ окончаніи дѣла, впечатлѣніе, произведенное судебными преніями на судей и зрителей, не изглаживается изъ ихъ памяти.

2. Несправедливо и другое, возраженіе. Въ изустномъ процессѣ судьи не лишены способовъ припоминать забытое ими и разрѣшать всѣ сомнѣнія, которыя возникаютъ въ ихъ душѣ. Уже и сами они могутъ пособлять другъ другу въ этомъ отношеніи; чтò забыто одними, то могутъ припомнить другіе. Если же бы случилось почти невозможное, — то, что они всѣ что-нибудь забыли или поняли не такъ, — тогда каждый изъ нихъ можетъ справиться съ актами слѣдствія; а также и съ тѣми записками, которыя ведутся въ самомъ засѣданіи.

3. Отрицать, что личное знакомство судей съ подсудимыми можетъ быть вредно для безпристрастія судей, конечно, нельзя; но неужели вѣрнѣе подписывать смертные и другіе приговоры за глаза? Если собственное наблюденіе можетъ обманывать, то какъ же можно полагаться на чужое? Лицемерство и притворство подсудимаго, который искусно прикрывается маскою невинности, дѣйствительно вводятъ иногда въ заблужденіе судей и служатъ подсудимому въ пользу; но чаще они же его и уличаютъ; при внимательномъ наблюденіи, опытный судья открываетъ чтò ложь и чтò истина, и природное безобразіе злодѣя становится еще яснѣе для него. А впечатлѣніе благоприятное и неблагоприятное, производимое на судей привлекающей или отталкивающей наружностію подсудимаго и его

манерами, никогда не бываетъ такъ глубоко, чтобы оно при внимательномъ обсужденіи дѣла не могло быть уничтожено силою оправдывающихъ или обличающихъ подсудимаго обстоятельствъ.

4. Судить по внѣшнимъ движеніямъ о внутреннемъ, душевномъ состояніи подсудимыхъ, уже конечно гораздо лучше, и безопаснѣе предоставить судьямъ, чѣмъ слѣдователямъ. Внѣшнія движенія всего легче могутъ перетолковываться такъ и иначе; поэтому нигдѣ такъ не необходимы полное спокойствіе и совершенное безпристрастіе, какъ при наблюденіи надъ ними. Но этими качествами несравненно въ большей степени могутъ обладать судьи, чѣмъ слѣдователи. Судьи рѣдко приступаютъ къ суду уже съ готовымъ взглядомъ на дѣло; слѣдователи напротивъ всегда. Первые почти и не вмѣшиваются въ дѣло, а какъ посторонніе зрители спокойно слѣдятъ за ходомъ его; напротивъ, послѣдніе всегда принимаютъ въ немъ самое живое и непосредственное участіе; всякое слѣдствіе есть для нихъ дѣло собственной ихъ чести; поэтому, когда они видятъ, что обвиняемый готовъ ускользнуть изъ ихъ рукъ, и вообще стараясь во что бы то ни стало, довести слѣдствіе до предположенной цѣли, все перетолковываютъ по своему и во всемъ видятъ и слышатъ только то, что соотвѣтствуетъ ей. Если уже нельзя избѣжать ошибки, то лучше ошибиться, чѣмъ быть обманутымъ.

5. Къ числу условій уголовного суда, необходимо требуемыхъ законами, для достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, принадлежитъ и то, чтобы они даны были въ судѣ: — какъ же согласить это требованіе съ мнѣніемъ, будто свидѣтели, когда показываютъ въ присутствіи судей, непременно лгутъ или утаиваютъ многое по робости и замѣшательству? Если это относитъ лишь къ слѣдственному суду, какъ то и дѣлается въ письменномъ судопроизводствѣ; — то трудно понять, почему бы судьи, а не слѣдователи должны были имѣть такое вредное вліяніе на свидѣтелей? Слѣдователи и съ свидѣтелями, обыкновенно, обращаются съ несравненно - меньшею деликатностію, чѣмъ судьи, и потому свидѣтели имѣютъ болѣе причинъ бояться первыхъ, чѣмъ послѣднихъ. Случается дѣйствительно, что свидѣтели, когда даютъ показанія въ судѣ, робѣютъ и приходятъ въ замѣшательство, и только отъ этого говорятъ неправду; но это происходитъ не отъ свойства суда, а главнымъ образомъ

отъ ихъ личныхъ качествъ. Человѣкъ, отъ природы робкій, кому бы ни давалъ показаніе въ качествѣ свидѣтеля, слѣдователю или судѣ, всегда чувствуетъ робость и замѣшательство, и вслѣдствіе этого многое переиначиваетъ въ своихъ показаніяхъ, а многое и совершенно забываетъ; но если онъ говоритъ правду, то такъ бываетъ съ нимъ только въ началѣ; потомъ же онъ мало-по-малу успокоивается, и уже свободно высказываетъ истину, особенно если слѣдователь или судья стараются ободрить его благосклоннымъ обхожденіемъ и умно предлагаютъ ему вопросы; когда же робость и замѣшательство свидѣтеля происходятъ отъ другихъ причинъ—отъ нечистой совѣсти или отъ нежеланія открыть истину изъ состраданія, или по какой-либо другой причинѣ, или же наконецъ отъ дѣйствительнаго незнанія дѣла,—тогда, конечно, и благосклонное обхожденіе съ нимъ слѣдователя или судьи не легко можетъ освободить его отъ внутреннего безпокойства; но и тутъ личный допросъ свидѣтелей судьями не вовсе бесполезенъ. Онъ даетъ имъ возможность, основываясь на собственномъ наблюденіи, судить о степени достовѣрности ихъ показаній.

6. Говоря, что въ изустномъ процесѣ судьи не объясняютъ основаній своихъ рѣшеній, и никому не даютъ въ нихъ отчета, главнымъ образомъ имѣютъ въ виду присяжныхъ. Но и присяжные не дѣлаютъ этого лишь потому, что законъ считаетъ болѣе послѣдовательнымъ вѣрить имъ на слово, какъ представителямъ народа, какъ судьямъ по совѣсти. Устность же, кто бы ни давалъ судъ по преступленіямъ, присяжные или законвѣдцы, сама въ себѣ нисколько не препятствуетъ строгой отчетности уголовныхъ приговоровъ. Нѣкоторые французскіе писатели, люди опытные въ дѣлѣ уголовного суда, считаютъ отчетность возможною даже и для своихъ отечественныхъ присяжныхъ, которые, какъ извѣстно, судятъ по одному внутреннему убѣжденію (*intime conviction*). Внутреннее убѣжденіе въ дѣлѣ уголовного суда никогда не можетъ быть слѣпое и безотчетное, но всегда должно основываться на строгой оцѣнкѣ доказательствъ въ пользу и противъ подсудимаго. Она и составляетъ предметъ совѣщанія, которое происходитъ между присяжными передъ постановленіемъ приговоровъ. Если по совѣщаніи своемъ они даютъ очистительный приговоръ, то это значить, что они нашли доказа-

тельства въ пользу подсудимаго болѣе убѣдительными, чѣмъ противныя; когда же, напротивъ, обвиняютъ его, то выражаютъ тѣмъ, что нашли болѣе причинъ къ осужденію, чѣмъ къ оправданію его. Почему же бы присяжные не могли объяснять эти причины при изреченіи приговоровъ, еслибы законъ требовалъ того отъ нихъ? Допустить, что французскіе присяжные даютъ приговоры лишь по увлеченію, значило бы признать ихъ судъ безсознательнымъ и совершенно произвольнымъ. А англійскіе присяжные, и по закону, обязываются судить не иначе, какъ на основаніи извѣстныхъ положительныхъ правилъ, которыми опредѣляется, какія доказательства и при какихъ условіяхъ должны имѣть убѣждающую силу для нихъ, и которыхъ вѣрность засвидѣтельствована вѣковымъ опытомъ и подтверждена разумомъ. Гдѣ же изустный судъ производится законовѣдцами, какъ напримѣръ въ исправительныхъ судахъ во Франціи, и въ уголовныхъ судахъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, Папскихъ владѣніяхъ и Нидерландахъ, тамъ приговоры даже кассируются, если бываютъ дурно мотивированы. Но подобные случаи встрѣчаются довольно часто только во французскихъ исправительныхъ судахъ, и происходятъ единственно отъ излишней поспѣшности въ рѣшеніи дѣла. Во всѣхъ же другихъ странахъ уголовные приговоры отличаются самою тщательною обработкой, и въ Нидерландахъ практики, а въ Неаполѣ и всѣ государственные люди единогласно свидѣтельствуютъ, что это вовсе не такъ трудно, какъ обыкновенно утверждаютъ. Необходимо только, чтобы на совѣщаніи каждый членъ суда не ограничивался лишь голословнымъ объявленіемъ, что онъ убѣжденъ въ виновности подсудимаго, но подробно объяснялъ бы всѣ обстоятельства и причины, на которыхъ основываетъ свое убѣжденіе, и чтобы все это было подвергаемо самому тщательному обсужденію. Забытое и ложно понятое однимъ легко можетъ быть припомнено и объяснено другими. Да и трудно, невозможно представить себѣ, чтобы при томъ сильномъ впечатлѣніи, какое производятъ на душу судей изустныя пренія, они могли забыть что-нибудь такое, что можетъ имѣть существенное вліяніе на рѣшеніе дѣла. Главныя обстоятельства дѣла, которыя способствовали къ его развязкѣ, всегда необходимо должны глубоко врѣзываться въ ихъ памяти. Не устность, а дѣйствительно лишь несчастная гоньба за по-

спѣшностію можетъ при этой формѣ суда вредить основательности приговоровъ и препятствовать строгой отчетности ихъ.

7. Въ письменномъ процессѣ всякое уголовное дѣло, особенно сколько-нибудь важное, прежде чѣмъ получаетъ окончательное рѣшеніе, разсматривается въ разныхъ судебныхъ инстанціяхъ. Польза и необходимость этого очевидна. Умъ хорошо, а два еще лучше, говоритъ уже и старинная пословица. Чтѣдъ понято не такъ или оставлено безъ должнаго вниманія въ одномъ судѣ, то легко можетъ быть исправлено и принято въ соображеніе въ другомъ, а случается и то, что въ теченіи времени само дѣло принимаетъ другой видъ: обстоятельства его уясняются, и открываются новыя доказательства, которыхъ прежде не было подъ рукою. Въ подобныхъ случаяхъ и интересъ государства, и особенно интересъ подсудимаго требуютъ, чтобы было позволено другому суду исправлять ошибки перваго суда. Но есть ли какая-нибудь возможность къ тому въ изустномъ судопроизводствѣ?

Слово исчезаетъ и не переносится изъ одного суда въ другой, а актовъ письменныхъ изустный процессъ не имѣетъ: какимъ же образомъ онъ можетъ повѣрять дѣйствія одного суда другимъ судомъ? Для этого, говорятъ, у него нѣтъ другаго средства, какъ повторять во второмъ судѣ опять ту же самую процедуру, которая была произведена съ такими издержками и съ такимъ безпокойствомъ для свидѣтелей. Но эта новая процедура была бы не повтореніемъ прежней, а лишь вторичнымъ разсмотрѣніемъ дѣла въ новой первой инстанціи. Изустныя пренія никогда не воспроизводятся вполнѣ. Свидѣтели не всѣ могутъ явиться во вторую инстанцію, а ихъ показанія и показанія подсудимаго по разнымъ причинамъ могутъ измѣниться; но и еще менѣе можетъ быть воспроизведено то, чтѣдъ получено въ первой инстанціи посредствомъ личнаго наблюденія надъ партіями.

Слово точно исчезаетъ, но лишь тамъ, гдѣ уголовныя дѣла рѣшаются голословно; гдѣ же судьи, со всею подробностію, объясняютъ основанія своихъ рѣшеній, тамъ дѣло воплощается въ нихъ до такой степени наглядно, что судьи второй инстанціи, безъ всякаго затрудненія, могутъ видѣть, правильно ли рѣшено оно. Но и въ письменныхъ актахъ, какъ мы видѣли, нѣтъ недостатка при изустномъ процессѣ. Впервыхъ акты предваритель-

наго слѣдствія, при вторичномъ рѣшеніи дѣла, могутъ служить еще болѣе важнымъ пособіемъ, чѣмъ при первомъ. Во время первыхъ изустныхъ преній, подсудимый и его защитникъ имѣютъ полную возможность высказаться объ актахъ предварительнаго слѣдствія; если они не представляютъ никакихъ возраженій ни противъ результатовъ слѣдствія, ни противъ правильности протоколовъ, и не жалуются ни на какія противозаконныя дѣйствія, то черезъ это акты предварительнаго слѣдствія получаютъ такую силу, какой прежде они никакъ не могли имѣть. Если же въ самомъ засѣданіи даются новыя показанія или дѣлаются измѣненія въ прежде данныхъ, то они заносятся тотчасъ же въ протоколы. Сверхъ того и защитники часто просятъ о томъ, чтобы извѣстныя показанія и обстоятельства, которыя даются или открываются въ засѣданіи, были записаны для будущаго употребленія. Наконецъ и судьи, когда объясняютъ основанія рѣшеній, обыкновенно прописываютъ сполна и показанія свидѣтелей, на которыхъ основываютъ свои рѣшенія. Такимъ образомъ высшій судъ всегда имѣетъ вполнѣ достаточныя матеріялы для обсужденія дѣлъ, поступающихъ на его разсмотрѣніе изъ низшаго суда, и если подсудимый признаетъ вѣрность и тѣхъ протоколовъ, въ которые вносятся во время засѣданія несогласныя съ прежними показанія свидѣтелей, то и самъ онъ не можетъ желать, чтобы свидѣтели подверглись вторичному допросу во второй инстанціи. Но и вообще въ повтореніи изустныхъ преній не часто можетъ встрѣчаться надобность. Осужденный рѣдко бываетъ недоволенъ всѣмъ процессомъ; по большей части онъ жалуется или только на какую-либо неправильность, или на жестокость приговора, или на неосновательность его: во всѣхъ этихъ случаяхъ достаточно разсмотрѣть акты и выслушать обвинителя и защитника, чтобы удостовѣриться въ справедливости или несправедливости жалобы. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда можетъ представиться надобность въ повтореніи изустныхъ преній, издержки государства не могутъ быть велики, а польза всегда должна быть огромная. Вторичныя изустныя пренія, конечно, не могутъ быть буквальнымъ повтореніемъ первыхъ; но не для этого и установлены средства защиты. Значеніе и цѣль ревизіи и апелляціи заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы черезъ разсмотрѣніе дѣла въ разныхъ мѣстахъ и разными лицами убѣдиться, сколько возможно болѣе, въ справедливости

уголовныхъ приговоровъ и доставить осужденному способы къ дальнѣйшему защищенію; вслѣдствіе этого онъ имѣетъ полное право во второй инстанціи не только опровергать тѣ доказательства, на которыхъ основано рѣшеніе первой инстанціи, но и представлять новыя, и чѣмъ болѣе онъ представляетъ послѣднихъ, тѣмъ болѣе дѣло разъясняется, и убѣжденіе въ справедливости уголовныхъ приговоровъ возрастаетъ. Во Франціи, Бельгіи и Нидерландахъ аппелляція дозволяется противъ исправительныхъ судовъ, а въ Папскихъ владѣніяхъ и противъ уголовныхъ, когда они изрекаютъ смертный приговоръ: въ этомъ случаѣ производятся вторичныя изустныя пренія по дѣлу. Практики всѣхъ этихъ земель единогласно увѣряютъ, что число случаевъ, въ которыхъ свидѣтели передопрашиваются во второй инстанціи, чрезвычайно ограничено, и вслѣдствіе этого издержки по аппелляціоннымъ дѣламъ незначительны. Уголовныя дѣла обыкновенно весьма удовлетворительно вершатся во второй инстанціи по актамъ слѣдствія и по актамъ первой инстанціи.

II. Гласность уголовного судопроизводства.

Гласнымъ, точно также какъ устнымъ, уголовное судопроизводство, можетъ быть только съ той поры, какъ начинается собственно уголовный процессъ. Первоначальныя розыски по преступленію и все вообще предварительное слѣдствіе непременно должны быть не только письменны, но и секретны. Отъ этого зависитъ успѣхъ ихъ, и этого требуетъ вниманіе къ положенію лицъ, которыя привлекаются къ слѣдствію.

Въ началѣ процесса, когда еще неизвѣстно не только то, совершено ли преступленіе, но и то, дѣйствительно ли случилось самое происшествіе; въ которомъ должно заключаться преступленіе,—поступать съ огласкою, значило бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, затѣять дѣло и произвести шумъ изъ ничего, а въ другихъ вступить въ открытый бой съ преступникомъ, не пригото-

вившись, и стало-быть прямо идти на пораженіе. Бывъ преду-
 прежденъ заблаговременно, преступникъ можетъ принять свои
 мѣры къ уничтоженію и слѣдовъ преступленія, однихъ свидѣтелей
 подговорить, съ другими сговориться, или скрыться, и такимъ
 образомъ сдѣлать слѣдствіе совершенно безполезнымъ. Слѣдствіе
 только тогда бываетъ успѣшно, когда оно производится съ воз-
 можно-большею тайною. Когда же слѣдствіе получаетъ направ-
 леніе противъ извѣстнаго лица, тогда еще менте можетъ быть
 допущена огласка. Во время слѣдствія существуетъ лишь подо-
 зрѣніе противъ извѣстнаго лица, въ началѣ, по большей части
 слабое; но усилившись въ послѣдствіи, оно все еще можетъ ока-
 заться несправедливымъ. Огласить его преждевременно, значило
 бы опозорить гражданина, когда онъ еще можетъ-быть не-
 виненъ.

Иное дѣло—гласность суда. Ее можетъ желать и самъ подсудимый, имѣетъ право требовать и общество; но она необходима также какъ наилучшая гарантія справедливости уголовныхъ приговоровъ, и какъ наилучшее средство возвышенія общей народной довѣренности къ уголовнымъ судебнымъ мѣстамъ, и распростра-
 ненія во всѣхъ классахъ народа самыхъ точныхъ понятій о правѣ и законахъ, и уваженія къ нимъ.

1. Подсудимый можетъ быть или виновенъ или невиненъ въ преступленіи; не только въ послѣднемъ, но и въ первомъ случаѣ онъ можетъ желать, чтобы его процессъ былъ произведенъ публично. Обвиненіе и судъ, какъ бы тайно ни были они ведены, никогда невозможны безъ нѣкоторой огласки. Поэтому на чести того, кто, подвергшись уголовному суду, оправдывается тайно, всегда остается пятно; обыкновенно съ трудомъ вѣрять, чтобы совершенно невинный могъ подвергнуться обвиненію и суду. Да и нельзя знать при тайномъ оправданіи, почему послѣдовало оправданіе; по неимѣнію ли только вполне убѣдительныхъ доказательствъ, или потому, что подсудимый оказался совершенно невиннымъ. Стало-быть, невинно обвиненный имѣетъ существенный интересъ въ томъ, чтобы судъ надъ нимъ былъ совершенъ публично. Но и виновному часто можетъ быть выгодно подвергнуться суду въ присутствіи свидѣтелей. Во первыхъ уже и потому, что при свидѣтеляхъ онъ можетъ надѣяться быть

обсужденнымъ съ гораздо-большею пощадою и безпристрастіемъ, чѣмъ наединѣ. А вотворыхъ, и для него можетъ быть очень важно, чтобы тѣ, которые слышали объ его обвиненіи, слышали и его защищеніе. Только отъявленный злодѣй, въ которомъ всякое доброе чувство подавлено совершенно, не дорожитъ мнѣніемъ о себѣ согражданъ; въ комъ же еще остается хотя капля стыда, тотъ всегда желаетъ, чтобы объ немъ судили не по слухамъ, которые всегда преувеличиваютъ все, а такъ, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ есть, — и потому, если можетъ представить что-либо въ свое оправданіе и уменьшить свою вину, охотно пользуется тѣмъ случаемъ, который представляется ему въ публичномъ судопроизводствѣ. Конечно, не легко выставить свою вину на публичный позоръ, и въ этомъ отношеніи можно отчасти согласиться съ тѣми, которые называютъ гласность страшною душевною пыткой; но развѣ легче быть незаслуженно опозореннымъ на всю жизнь, безъ всякой надежды на оправданіе? Можетъ-быть поэтому въ тѣхъ земляхъ, гдѣ процессъ публиченъ, и не жалуются на него въ этомъ отношеніи. Когда же причина нежеланія гласности уголовного суда заключается лишь въ личныхъ, сословныхъ или ранговыхъ отношеніяхъ подсудимаго; то она не заслуживаетъ никакого уваженія въ сравненіи съ тою пользою, которая происходитъ отъ гласности въ другихъ случаяхъ.

Знать преступленія и преступниковъ полезно и необходимо для общества, — полезно для того, чтобы противоѣдствовать имъ и остерегаться ихъ, а необходимо, потому что всякое уголовное дѣло всегда близко касается интересовъ общества. Въ наше время преступленіе всегда преслѣдуется и наказывается именно въ интересъ общества, и всякій уголовный процессъ есть процессъ общества съ лицомъ, оскорбившимъ его. Посему не худо обществу знать о ходѣ уголовныхъ процессовъ что-нибудь еще, кромѣ того, что такой-то процессъ кончился такъ-то, что подсудимый обвиненъ или оправданъ, да и то только по слуху, — знать о томъ, какія средства употреблены были для обвиненія подсудимаго, какія доказательства представлены имъ въ оправданіе, воспользовался ли онъ въ первомъ случаѣ всѣми законными способами къ защищенію, — что, словомъ, происходило отъ совершенія

преступленія до исполненія приговора. Общество принимаетъ живое участіе въ преслѣдованіи и наказаніи преступленій, и они всегда имѣютъ самое близкое отношеніе къ нему, — какъ же ему не знать вовсе ничего о томъ, какъ преслѣдованіе ихъ совершается?

3. Если судъ по преступленіямъ производится при непосредственномъ участіи общества, то и судьи совершенно иначе исполняютъ обязанности своего высокаго званія.

Многое, что мы позволяемъ себѣ втайнѣ, никакъ не смѣемъ дѣлать въ публикѣ. Когда судьи знаютъ, что за ними никто не наблюдаетъ, тогда они легко могутъ быть грубы и нерадивы въ исполненіи обязанности своего званія и даже иногда позволяютъ себѣ противозаконныя дѣйствія. Товарищей своихъ они не имѣютъ никакой причины опасаться. Рука руку моетъ. Что сдѣлалъ одинъ, то можетъ себѣ позволить въ другой разъ другой, и потому всякій смѣло можетъ полагаться на другаго и ожидать отъ него снисхожденія и потворства. Совѣмъ иное дѣло публика: она неумолима. Зорко слѣдитъ она за всѣми лицами, участвующими въ процессѣ, и не прощаетъ имъ ни одного сколько-нибудь предосудительнаго дѣйствія. Отъ этого, чѣмъ многочисленнѣе и отборнѣе публика, тѣмъ съ большимъ достоинствомъ и серіозностію обыкновенно производятся судебныя пренія. Подобно актерамъ на сценѣ, всякій старается какъ можно лучше сыграть свою роль, и тѣмъ заслужить одобреніе присутствующихъ. Публичные обвинители предлагаютъ ясно и отчетливо обвиненіе, и когда допрашиваютъ подсудимаго и свидѣтелей, не позволяютъ себѣ никакихъ уловокъ, не только угрозы, чтобы получить отъ нихъ благопріятное показаніе, и воздерживаются отъ дурнаго обращенія съ ними даже и тогда, когда подсудимые ведутъ себя дерзко и нагло, а свидѣтели явно и безстыдно искажаютъ или скрываютъ истину; президенты суда бдительно слѣдятъ за ходомъ судебныхъ преній; постоянно даютъ имъ должное направленіе и внимательно наблюдаютъ, чтобы всѣ лица неопустительно исполняли свой долгъ, и чтобы ничего не было упущено, что можетъ служить къ обвиненію или оправданію подсудимаго и вообще къ разъясненію дѣла; наконецъ, судьи спокойно выслушиваютъ и тщательно наблюдаютъ все происходящее передъ ними. Такимъ образомъ истина

отыскивается спокойно и безпристрастно, и ни притѣсненія, ни насилія, ни отъ кого и ни за что, подсудимый не терпитъ. Публика видитъ это и не можетъ сомнѣваться въ справедливости уголовныхъ приговоровъ.

4. Увѣренность въ справедливости уголовныхъ приговоровъ необходимо возвышаетъ и общую народную довѣренность къ уголовнымъ судебнымъ мѣстамъ. Въ публичномъ судопроизводствѣ она непоколебима. Какъ бы ни были честны и добросовѣстны судьи; но если они даютъ судъ тайно, то полной довѣренности къ себѣ не возбуждаютъ. Постановляемые ими приговоры подвергаются самымъ страннымъ толкамъ и пересудамъ; не зная хорошо настоящаго положенія дѣла, всякій рѣшаетъ его по своему, и всѣ считаютъ неправильнымъ лишь приговоръ судей. Особенно тогда ни честность, ни добросовѣстность не спасаютъ ихъ отъ подозрѣнія, когда приговоры ихъ относятся къ такимъ дѣламъ, къ которымъ администрація имѣетъ непосредственное отношеніе, или въ которыхъ замѣшаны сильные и вліятельныя лица. Раждаются сомнѣнія: были ли судьи совершенно безпристрастны при постановленіи приговора, не погрѣшили ли отъ излишней ревности, не руководствовались ли какими-либо сторонними разсчетами, не имѣли ли вліянія на ихъ приговоръ страхъ или челоукоугодность; были ли вполне достаточны доказательства для обвиненія или оправданія подсудимыхъ, воспользовались ли осужденные всеми предоставленными имъ по закону способами защиты? Въ публичномъ судопроизводствѣ ничего подобнаго быть не можетъ. Всѣ судебныя дѣйствія совершаются открыто; слѣдить за ними не воспрещается никому, и чѣмъ замѣчательнѣе и важнѣе уголовный процессъ, тѣмъ многочисленнѣе и отборнѣе бываетъ публика, присутствующая при производствѣ его. При дневномъ свѣтѣ не совершаются дѣла темныя, и чѣмъ ярче онъ, тѣмъ виднѣе ихъ чернота: можно ли же не вѣрить вполне юстиціи, которая, когда приступаетъ къ исполненію своего долга, едва не на площади раскидываетъ свой шатеръ и чуть не кличетъ кличь, чтобы созвать возможно большее число свидѣтелей своего дѣйствованія?

5. Благотворно дѣйствуя на уголовныя судебныя мѣста, и сама публика выноситъ изъ нихъ точнѣйшія свѣдѣнія о правѣ и законахъ, и научается питать къ нимъ глубокое уваженіе.

Всѣ тѣ, которые имѣли случай входить въ сношеніе съ различными классами народа, въ земляхъ, гдѣ судъ публиченъ, говорить Миттермайеръ, единогласно увѣряютъ, что они находили тамъ гораздо лучшія свѣдѣнія о правѣ и законахъ, чѣмъ въ государствахъ, гдѣ онъ секретенъ. И этому не трудно повѣрить. Гдѣ судъ производится секретно, тамъ право скрывается въ канцеляріяхъ и присутствіяхъ, и узнается народомъ лишь по слуху отъ другихъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если въ этихъ земляхъ народъ имѣетъ самыя недостаточныя свѣдѣнія о правѣ и законахъ. Напротивъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ судопроизводство гласное, право живетъ въ народѣ и изучается по книгѣ жизни. Въ каждомъ засѣданіи суда народъ слышитъ самыя назидательныя уроки о правѣ и законахъ, и при каждомъ уголовномъ случаѣ, на опытъ, узнаетъ, что законъ повелѣваетъ и что запрещаетъ. Такого знанія нельзя вычитать и изъ книгъ.

Кто изучаетъ законы по книгамъ, тотъ узнаетъ лишь содержаніе ихъ; а почерпая свѣдѣнія о нихъ изъ самаго источника, изъ котораго они вытекаютъ и въ который опять вливаются, и видя ихъ приложеніе къ дѣлу, собственнымъ опытомъ убѣждаются въ ихъ мудрости и справедливости. Присутствуя при судебныхъ преніяхъ, народъ собственными глазами видитъ, что законы угрожаютъ не напрасно, что они милуютъ и караютъ именно въ той мѣрѣ и степени, какъ заслуживаютъ поступки, что невинный всегда находитъ въ нихъ нужную защиту, а виновный не избѣгаетъ отъ мести ихъ, и что никакая ложь и никакія увертки ничего не значатъ передъ духовнымъ оружіемъ тѣхъ, которые дѣйствуютъ во имя закона. Опытнo убѣждаясь въ мудрости и справедливости законовъ, подъ которыми живетъ, народъ научается вмѣстѣ и глубоко уважать ихъ. И какъ сильно должны дѣйствовать на сердца слушателей подобные уроки въ законахъ! И торжественность собранія, въ которомъ они преподаются, и все болѣе и болѣе возрастающая серіозность ихъ, чѣмъ далѣе они идутъ впередъ, и страшно поучительное зрѣлище послѣдней, предсмертной, отчаянной борьбы злodeя съ истиной,—злodeя, который съ ужасомъ видитъ приближеніе роковой минуты, когда тщательно скрываемая имъ тайна души его готова разоблачиться, и употребляетъ нечеловѣческія усилія, чтобы отдалить ее,—и всенародная исповѣдь преступника, кото-

рый искренно, глубоко сокрушается въ совершенномъ имъ проступкѣ и безпощадно обнажаетъ свою душу въ присутствіи свидѣтелей, — все это необходимо должно усиливать дѣйствіе судебныхъ преній на душу зрителей и надолго укоренять въ ихъ памяти нравственные уроки, которые содержатся въ этихъ преніяхъ.

Все, что мы говорили доселѣ, относится къ лицевой сторонѣ гласности; справедливость требуетъ взглянуть на нее и съ изнанки. Изнанку гласности многіе описываютъ въ самыхъ черныхъ краскахъ. Гласность считаютъ вредною и опасною, частію потому, что она не благопріятствуетъ признанію подсудимаго и имѣетъ вредное вліяніе на показанія свидѣтелей, и такимъ образомъ лишаетъ уголовное судопроизводство самыхъ важныхъ средствъ обнаруженія истины, а главнымъ образомъ потому, что она будто бы превращаетъ уголовныя судебныя мѣста въ училища разврата и вслѣдствіе этого имѣетъ вредное вліяніе на нравственность народа. Считая весь этотъ вредъ ничѣмъ неотвратимымъ, одни вовсе отвергаютъ гласность, а другіе думаютъ, что съ гораздо большею пользою и съ несравненно-меньшею опасностію можно сохранить выгоды гласности для уголовного судопроизводства, посредствомъ опубликованія уголовныхъ приговоровъ и даже цѣлыхъ процессовъ въ вѣдомостяхъ; нѣкоторые же полагаютъ, что можно сдѣлать гласность безвредною, если подвергнуть ее извѣстнымъ ограниченіямъ. Посмотримъ, въ какой мѣрѣ все это справедливо.

1. Конечно не легко, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, давать отчетъ въ гнусномъ поступкѣ и разказывать подробности чернаго дѣла. Прирожденное человѣку чувство стыда рѣдко совершенно покидаетъ его; и самый отъявленный злодѣй не охотно разказываетъ о своемъ преступленіи незлодѣямъ, напротивъ скрываетъ его или старается представить въ лучшемъ свѣтѣ. Особенно въ судѣ, убійца, напримѣръ, когда не видитъ возможности совершенно скрыть свой поступокъ, всегда извиняетъ его по крайней мѣрѣ тѣмъ, что онъ совершилъ его въ какомъ-нибудь несвободномъ состояніи, въ состояніи раздраженія, въ пьяномъ видѣ, или для самозащиты. Но и этотъ стыдъ пропадаетъ, какъ скоро виновный чувствуетъ

искреннее раскаяніе въ своемъ поступкѣ; тогда, чтобы облегчить свою душу отъ тяжкаго бремени, которое давить ее, онъ охотно повѣряетъ свою тайну другимъ, и чѣмъ глубже его сокрушеніе, тѣмъ безпощаднѣе онъ изобличаетъ себя. Но и упорнаго злодѣя отъ полнаго сознанія въ преступленіи присутствіе свидѣтелей удерживаетъ лишь до тѣхъ поръ, пока его упорство не преломляется о силу изобличающихъ его доказательствъ. За сильнымъ сопротивленіемъ, когда оно оказывается безуспѣшнымъ, обыкновенно слѣдуетъ совершенный упадокъ духа, и чѣмъ полнѣе изложеніе упорнаго преступника, тѣмъ полнѣе бываетъ и его сознаніе. Да и сила признанія, которое дается публично, несравненно больше, чѣмъ когда оно получается тайно. Въ случаѣ же, если признаніе не послѣдуетъ, то изустно-публичное судопроизводство всегда легче можетъ обойдтись безъ него, чѣмъ письменно-тайное. Первое обладаетъ, какъ мы видѣли, для обличенія преступниковъ, несравненно лучшими матеріалами, чѣмъ послѣднее.

Равно и на показанія свидѣтелей гласность имѣетъ скорѣе благотворное, чѣмъ вредное вліяніе. Обыкновенно говорятъ, что, когда свидѣтели должны давать показанія въ присутствіи значительнаго числа зрителей, тогда они легко могутъ оробѣть и придти въ замѣшательство, иное забыть, другое исказить и даже намѣренно скрыть, въ случаѣ, еслибы имъ пришлось замѣтить между присутствующими родныхъ или сообщниковъ подсудимаго, отъ которыхъ можно опасаться мести. Но это обыкновенно бываетъ съ свидѣтелями лишь въ началѣ допроса; потомъ же они мало-по-малу приходятъ въ себя, особенно, если допрашивающіе ободряютъ ихъ ласковымъ и снисходительнымъ обращеніемъ и обладаютъ искусствомъ предлагать вопросы. Опасеніе подвергнуться мести отъ родныхъ и сообщниковъ уничтожается опасеніемъ подвергнуться наказанію за ложь, которая легко можетъ найти обличителей между присутствующими. Самая торжественность собранія, въ которомъ свидѣтели даютъ показанія, необходимо должна сильно напоминать имъ объ обязанности показывать лишь сущую правду. Поэтому именно и въ тайномъ судопроизводствѣ предписывается вѣрить лишь такимъ показаніямъ свидѣтелей, которыя даются въ судѣ.

2. Въ уголовныхъ судебныхъ мѣстахъ истина, къ сожалѣнію, не всегда торжествуетъ надъ ложью, и весьма часто производятся процессы по такимъ дѣламъ, которыя крайне соблазнительны, и своими подробностями глубоко оскорбляютъ нравственное чувство; всегда же обстоятельно разказываются поводы къ совершенію преступленій и открываются средства и способы, употребленные на ихъ выполненіе и открытіе. Все это, говорить, не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на народную нравственность.

Зрѣлище хитраго мошенника, который явно издѣвается надъ законами, на дѣлѣ доказывая ихъ недостаточность къ обличенію преступниковъ, конечно, могло бы имѣть вредное вліяніе на народъ, еслибы оно повторялось часто. Слабыхъ оно могло бы соблазнить и увлечь къ преступленію. Но и въ письменномъ судопроизводствѣ подобные случаи встрѣчаются не часто, а въ изустномъ они составляютъ вездѣ самое рѣдкое исключеніе. Устная борьба жи съ истиной всегда трудна, а въ открытомъ бою и посредствомъ живаго слова почти невозможна. Надо имѣть необыкновенный запасъ ожесточенія, безстыдства, дерзости, хитрости, чтобы вести ее съ какимъ-нибудь успѣхомъ, ни въ чемъ не проговориться и ничѣмъ не измѣнить себя.

А преступленія, явно соблазнительныя и оскорбительныя для нравственнаго чувства, въ видѣ исключенія, могутъ быть судимы и при закрытыхъ дверяхъ, какъ то и дѣлается напримѣръ во Франціи. Такъ какъ они совершаются по большей части въ кругу семейной жизни и болѣе вредятъ самимъ виновнымъ, чѣмъ другимъ, то въ гласномъ судопроизводствѣ, по отношенію къ нимъ, нѣтъ и большой нужды.

Разказъ объ обстоятельствахъ преступленія, который слышатъ присутствующіе при судебныхъ преніяхъ, можетъ заронить мысль о преступленіи лишь въ душу, уже готовую къ тому. А изъ чего человѣкъ злонравенный не можетъ дѣлать злоупотребленія? Ножи и топоры, напримѣръ, орудія самыя полезныя и необходимыя; но въ рукахъ злонравенныхъ людей они часто служатъ средствомъ для самыхъ ужасныхъ преступленій. У кого же сердце и руки чисты, тотъ и изъ самаго сильнаго яда извлекаетъ пользу и служить имъ человѣчеству, употребляя его, какъ

дѣла. Кто съ какимъ настроеніемъ души приходитъ въ судъ, тотъ то и выносить изъ него, полезный, или вредный урокъ. И какая нужда ходить въ уголовные суды для того, чтобы учиться, какъ совершать и скрывать преступленія? Развѣ они не совершаются въ тѣхъ земляхъ, гдѣ судъ производится тайно? Или хоть совершаются ли рѣже? Опыты, напротивъ, говорятъ совершенно другое. Основываясь на статистическихъ таблицахъ, западные писатели увѣряютъ, что, со введеніемъ гласности въ уголовномъ судѣ, число преступленій нигдѣ не увеличивалось, а напротивъ значительно уменьшилось,—и не удивительно. По замѣчанію Миттермайера, грубыя массы вездѣ боятся, какъ огня, изустно-гласнаго судопроизводства: это самая крѣпкая узда противъ преступленія. Чтобы доказать заразительность гласности, ссылаются на Францію, въ которой, въ послѣднее время, сдѣлались довольно обыкновенны ядоотравленія. Многіе, говорятъ, поощрены были къ нимъ тѣмъ, что открытіе ядовъ сопряжено съ чрезвычайными трудностями. Но отчего же на одну Францію гласность могла бы имѣть такое гибельное вліяніе? Почему она не имѣетъ такихъ же печальныхъ слѣдствій и въ другихъ земляхъ? Явленіе это скорѣе должно объяснять какими-нибудь мѣстными причинами. Было же время, когда и при тайномъ судопроизводствѣ, не только во Франціи, но и во всѣхъ другихъ земляхъ, ядоотравленія были еще чаще, еще обыкновеннѣе. Но правда ли еще то, будто въ послѣднее время во Франціи сдѣлалось особенно часто это преступленіе? Не справедливѣе ли сказать, что во Франціи, въ послѣднее время, было мало замѣчательныхъ случаевъ ядоотравленія? Говоря вообще, въ наше время, ядоотравленіе вездѣ совершается гораздо чаще, чѣмъ насильственное убійство. Люди изнѣженные рѣдко пускаются на такія дѣла, которыя требуютъ для своего совершенія нѣкотораго напряженія силъ и отваги; отъ этого и прежде отравленія ядомъ совершались гораздо чаще женщинами, чѣмъ мужчинами. Всѣ знаменитые преступники этого рода были женщины. А теперь и мужчины охотнѣе отравляютъ ядомъ, чѣмъ убиваютъ открытою силой, и вообще охотнѣе совершаютъ воровство, чѣмъ разбой, прибѣгаютъ къ зажигательству, чѣмъ къ открытой мести. Во Франціи лишь огласились болѣе, чѣмъ въ другихъ земляхъ, ядоотра-

вители по причинѣ особенной важности случаевъ. Чтобы замыслить преступленіе и изобрѣсть средства къ его совершенію и придумать способы къ сокрытію, для этого вовсе не нужно гласности; достаточно внутренней испорченности, которая изумительно изобрѣтательна на зло. Преступленія и придумываются, и совершаются, и скрываются ни сколько не хуже въ тѣхъ земляхъ, гдѣ господствуетъ процессъ тайный.

3. Опубликованіе уголовныхъ приговоровъ во всеобщее свѣдѣніе, съ объясненіемъ причинъ, на которыхъ они основаны и даже цѣлыхъ процессовъ, конечно, лучше, чѣмъ ничего, но публичности самого процесса оно никогда не можетъ замѣнить вполнѣ. Чужой разказъ всегда не то, что свой собственный глазъ. Да и какое свѣдѣніе объ уголовномъ судопроизводствѣ и о законахъ можно получить изъ чтенія процессовъ въ печати? Печатать ихъ всѣ, безъ разбора, очевидно нельзя, а узнавая кое-что, можно имѣть лишь свѣдѣніе отрывочное и неполное, и такъ какъ обнародываются обыкновенно только такіе процессы, которые оканчиваются осужденіемъ подсудимыхъ; то читатель этимъ путемъ знакомится съ юстиціей лишь съ ея темной стороны, а ея свѣтлой стороны, когда она является покровительницей невинности, вовсе не узнаетъ, стало-быть, получаетъ невыгодное, непріятное и одностороннее понятіе о ней. Воспроизвести же благотворное вліяніе гласности на народъ, законы, судей и подсудимыхъ одно публикованіе приговоровъ не въ состояніи. Полумѣры, вообще, рѣдко приносятъ большую пользу.

4. Наконецъ, что касается до ограниченій, которымъ считаютъ за необходимое подвергать гласность уголовного судопроизводства, чтобы сдѣлать ее безвредною для нравственности народа, то сюда относятся слѣдующія: 1) дозволяется присутствовать при судебныхъ преніяхъ лишь взрослымъ, и изъ числа ихъ: 2) только почтеннымъ людямъ и 3) мужчинамъ. Кромѣ того, въ видѣ изыятія, гласность не допускается, когда 4) можно опасаться, по роду дѣла, соблазна или оскорбленія чувства приличія. Всѣ эти ограниченія признаны въ нѣкоторыхъ положительныхъ законодательствахъ, напримѣръ въ баденскомъ, виртембергскомъ и пр., а послѣднее почти во всѣхъ.

Несовершеннѣйшимъ, конечно, еще рано съ пользою при-

существовать при судебныхъ преніяхъ. Притомъ присутствіе при судебныхъ преніяхъ предполагаетъ участіе въ дѣлахъ общественныхъ, а для этого обыкновенно требуется, какъ необходимое условіе, извѣстный возрастъ. Не допускаются къ участію въ общественныхъ дѣлахъ и женщины, поэтому именно считаютъ справедливымъ не позволять имъ и присутствовать при судебныхъ преніяхъ. Но неужели женщины должны быть вѣчно осуждены на то, чтобы заниматься только житейскими обыденными заботами? Кажется, пора уже имъ имѣть понятіе не объ однихъ модахъ, а нѣсколько знать и права, которыми онѣ пользуются, и законы, подъ властію которыхъ живутъ. И какъ мать, и какъ членъ общества, женщина имѣетъ существенную нужду въ томъ. Какъ мать, женщина воспитываетъ дѣтей и руководствуетъ ихъ поступками въ такомъ возрастѣ, когда понятія о правомъ и неправомъ, о дозволенномъ и недозволенномъ, всего крѣпче впечатлѣваются въ душѣ человѣка; какъ же она можетъ внушать имъ эти понятія и предостерегать отъ дурныхъ поступковъ, когда сама не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣній о томъ? А какъ членъ общества, женщина непрестанно обращается въ свѣтъ, и принимаетъ непосредственное участіе во всемъ, что го орится и дѣлается въ немъ; до нея доходятъ и слухи и толки о преступленіяхъ и объ уголовныхъ процессахъ; неужели лучше, чтобы она получала превратныя понятія о нихъ? Да и въ полезныхъ урокахъ, которые преподаются въ судебныхъ преніяхъ, женщина имѣетъ не меньшую нужду, чѣмъ мужчина. Точно такъ же, какъ и мужчины, женщины чувствуютъ поползновеніе къ преступленію и совершаютъ его. Но можетъ-быть женщины не имѣютъ ни довольно ума, ни довольно любви къ отечеству, чтобы съ пользою и истиннымъ участіемъ слѣдить за ходомъ уголовныхъ процессовъ? Говорятъ, что гдѣ женщинамъ дозволено присутствовать при судебныхъ преніяхъ, тамъ онѣ пользуются этимъ правомъ лишь для того, чтобы выставлять на показъ свои прелести и наряды, и потому являются только на такіе процессы, которые, по своей занимательности, привлекаютъ огромную публику, занимаютъ оставленные для нихъ мѣста, сидятъ на нихъ, какъ на выставкѣ, и развѣ только изъ пустаго любопытства обращаютъ вниманіе на то, что происходитъ передъ ними. Такое

присутствіе дамъ при судебныхъ преніяхъ не только не приносить имъ самимъ никакой пользы, но и вредить серіозности и основательности уголовного суда. Французскій генераль-адвокатъ Фуше открыто порицаетъ *les places réservées aux femmes*, и говорить, что онъ желалъ бы имѣть *l'auditoire sérieux comprenant toute la gravité de la discussion judiciaire*. А одинъ извѣстный государственный человѣкъ, требуя исключенія женщинъ изъ засѣданій уголовныхъ судовъ, приводитъ въ доказательство справедливости своего требованія именно то, что желаніе заслужить одобреніе и благосклонность дамъ легко можетъ заставить молодыхъ адвокатовъ жертвовать серіозностію и основательностію изложенія дѣла пустымъ блескамъ краснорѣчія и декламациямъ, рассчитаннымъ на эффектъ. Всѣ эти обвиненія противъ женщинъ такъ маловажны и незначительны, что изъ-за нихъ не допускать въ уголовныя мѣста женщинъ было бы, по нашему мнѣнію, несправедливо. Можно ли ставить въ вину женщинамъ то, что онѣ остаются женщинами и въ уголовныхъ судахъ: занимаются своею наружностію, являются въ публику въ такихъ нарядахъ, которые могутъ возвысить ихъ красоту, и садятся на такихъ мѣстахъ, гдѣ и ихъ видите, и имъ видѣе? Нимало не виноваты онѣ и въ томъ, что молодые люди не умѣютъ соединить свой долгъ съ желаніемъ приобрести ихъ благосклонность и заслужить ихъ одобреніе. А любопытство и есть источникъ всякаго знанія. По большей части и мужчинъ влечетъ лишь оно въ уголовные суды; но когда дѣло важно и пренія интересны, и производятся съ достоинствомъ, тогда простое любопытство смѣняется самымъ живымъ участіемъ, и никогда не бываетъ безплоднымъ. — Почтеннымъ людямъ противопоставляются бродяги, люди, о которыхъ извѣстно, что они живутъ воровствомъ, и др. под. Конечно, такихъ людей опасно впускать въ засѣданія суда, особенно, когда публика многочисленна; но съ другой стороны именно они и нуждаются, болѣе всѣхъ другихъ, въ томъ назиданіи, которое получается отъ судебныхъ преній. Исполняетъ же правительство нѣкоторыя особенно страшныя казни и наказанія публично и торжественно, имѣя въ виду зрѣлищемъ казни злодѣя удержатъ отъ преступленія тѣхъ въ особенности, которые близки къ паденію; почему же оно не должно поучать подобныхъ людей и не менѣе торжественнымъ зрѣлищемъ суда надъ злодѣемъ? —

Что касается наконецъ до преступленій противонравственныхъ, то они не непременно не допускаютъ такого деликатнаго изложенія, которое бы ни въ какомъ отношеніи не было оскорбительно для нравственнаго чувства стыдливости. Въ рейнскихъ баварскихъ владѣніяхъ судопроизводство публично безусловно, и при мнѣ, говоритъ Миттермайеръ, происходили пренія въ одномъ изъ тамошнихъ судовъ по самому гнусному преступленію съ такою благопристойностію, что самое деликатное чувство стыдливости никакъ не могло бы быть сколько-нибудь оскорблено.

Итакъ ни возраженія противъ гласности ни ограниченія ея, принятые въ нѣкоторыхъ положительныхъ законодательствахъ, не имѣютъ безусловнаго значенія.

С. БАРШЕВЪ.

ТАЛАНТЛИВЫЯ НАТУРЫ¹

I.

КОРЕПАНОВЪ

Въ провинціи, печоринство приняло совершенно своеобразныя формы; оно утратило свой демоническій характеръ, свою прозрачность и нѣжность, которыми въ особенности привлекаетъ къ себѣ симпатіи дамъ, и облеклось въ свой будничный, плотный нарядъ, совершенно свойственный нашему сѣверному климату, который, какъ извѣстно, ничего прозрачнаго и легкаго не терпитъ. Провинціальныхъ Печориныхъ такое множество разныхъ сортовъ и видовъ, что весьма трудно исчерпать этотъ предметъ вполне. Одни изъ нихъ занимаются тѣмъ, что ходятъ въ халатѣ по комнатамъ и отъ-нечего дѣлать посвистываютъ; другіе проникаются желчью и дѣлаются губернскими мефистофелями; третьи барышничаютъ лошадьми или передергиваютъ въ карты; четвертые выпиваютъ огромное количество водки; пятые перевариваютъ на досугъ свое прошедшее, и съ горя протестуютъ противъ настоящаго... Общее у всѣхъ этихъ господъ: во первыхъ «червякъ», во вторыхъ то, что на «жизненномъ пирѣ» для нихъ не случилось мѣста, и втретьихъ, необыкновенная размашистость натуры. Но главное — червякъ. Этотъ глупый червякъ причиною тому, что наши Печорины слоняются изъ угла въ

(1) Одинъ очеркъ подъ этимъ заглавіемъ былъ напечатанъ уже въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 г. № 11.

уголъ, не зная куда приклонить голову; онъ же познакомилъ ихъ ближайшимъ образомъ съ помѣщиками: Полежаевымъ, Сопиковымъ и Храповицкимъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что Печорины водятся исключительно между молодыми людьми. Старый, заиндевѣвшій чиновникъ или помѣщикъ не можетъ сдѣлаться Печоринымъ; онъ на жизнь смотритъ съ практической стороны, а на тернія или неудобства ея какъ на неизбѣжныя и неисправимыя. Это блохи и клопы, которыя дотога часто и много его кусали, что сдѣлались не врагами, а скорѣе добрыми знакомыми его. Онъ не вникаетъ въ причины вещей, а принимаетъ ихъ такъ, какъ онѣ есть, не задаваясь мыслию о томъ, какими бы онѣ могли быть, еслибы и т. д. Молодой человѣкъ, напротивъ того, начинаетъ уже смутно понимать, что вокругъ его есть что-то неладное, разрозненное, неклеящееся; онъ видитъ себя въ странномъ противорѣчій со всѣмъ окружающимъ, онъ хочетъ протестовать противъ этого, но, не обладая никакими живыми началами, необходимыми для примиренія, остается при одномъ зубоскальствѣ или псевдо-трагическомъ негодованіи. Коли хотите, тутъ и дѣйствительно есть червякъ, но о свойствахъ и родоприсхожденіи его до сихъ поръ не преподавали еще ни въ одномъ университетѣ, а потому и я, пишущій эти строки, предоставляю другимъ, болѣе меня знающимъ, и въ другой, болѣе удобной для того формѣ, опредѣлить причины его зарожденія и средства къ исцѣленію.

У княжны Анны Львовны былъ дѣтскій балъ, въ которомъ, однакожь, взрослые принимали гораздо большее участіе, нежели дѣти. Послѣднія были тутъ, очевидно, ради одного спектакля, который могъ доставить вящее удовольствіе взрослымъ. Тутъ находились дѣти всѣхъ возможныхъ сортовъ и видовъ, начиная отъ чумазыхъ и слюнявыхъ и кончая такъ-называемыми «душками», составляющими гордость и утѣху родителей. Чумазые веселились довольно шумно, нерѣдко даже дрались между собою; они долгое время, сначала, сидѣли около маменькиныхъ юпокъ, не рѣшаясь вступить на арену веселія, но однажды рѣшившись, откровенно приняли княжескій залъ за скотный дворъ, и преда-

лись всей необузданности своих побуждений; напротив того, «душки» вели себя смирно, граціозно расшаркивались сперва одною ножкой, потомъ другою, и даже весьма удовлетворительно лепетали французскія фразы. На этомъ же балѣ встрѣтился со мной незнакомый молодой человѣкъ (я въ то время только-что прибылъ въ Крутогорскъ), Иванъ Павлычъ Корепановъ, который держалъ себя какъ-то особнякомъ отъ взрослыхъ, и преимущественно бесѣдовалъ съ молодымъ поколѣніемъ. Онъ былъ высокаго роста, носилъ очки и длинные волосы, которые у него кудрявились и доходили до плечъ. Лицо у него было довольно странное; несмотря на то, что его нельзя было назвать дурнымъ, оно какъ-то напоминало объ обезьянѣ, и вслѣдствіе того скорѣе отталкивало отъ себя, нежели привлекало. Впрочемъ, быть-можетъ, это казалось еще и потому, что всѣ мускулы этого лица были до такой степени подвижны, что оно ни на секунду не оставалось въ покойномъ состояніи. Я замѣтилъ, что сидѣвшія по стѣнамъ зала маменьки съ безпокойствомъ слѣдили за Корепановымъ, какъ только онъ подходилъ къ ихъ дѣтищамъ, и пользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы оторвать послѣднихъ отъ сообщества съ человѣкомъ, котораго они, повидимому, считали опаснымъ.

— Вы не знакомы съ мсьё Корепановымъ? спросила меня княжна, замѣтивъ, что я вглядываюсь въ него: — хотите я васъ другу представлю?

Черезъ минуту мы уже были знакомы и бесѣдовали.

— И такъ, вы тоже удостоились побывать въ Крутогорскѣ, сказалъ онъ мнѣ:—поживите, поживите у насъ! Это, знаете, васъ немножко расколodитъ.

— А вы давно здѣсь?

— Обо мнѣ говорить нечего: я человѣкъ отпѣтый!.. А васъ вотъ жалко!

— Вы говорите о Крутогорскѣ, точно это и Богъ знаетъ какое страшилище!

— Страшилище не страшилище—нѣтъ у него достаточно положительныхъ данныхъ, чтобъ быть даже порядочнымъ страшилищемъ — а помойная таки яма порядочная!.. И какія зловонныя испаренія отъ нея поднимаются, еслибъ вы знали!

— Чѣмъ же вы здѣсь занимаетесь?

— А у меня занятіе очень странное... это даже, коли хотите, ужъ и не занятіе, а почти офиціальная должность: я крутогорскій мефистофель...

— Дѣйствительно, это странно.

— Вы удивляетесь, но это только теперь, покуда вы не обжились у насъ... Поживите, и увидите, что здѣсь всякій человѣкъ обязывается носить однажды накиннутую на себя ливрею безсмысленно и неотразимо. У насъ все такъ заранѣе опредѣлено, такъ рассчитано, такой вездѣ фатализмъ, что каждый членъ общества безошибочно знаетъ, что думаетъ въ извѣстную минуту его сосѣдъ... Вотъ я, напримѣръ, навѣрно знаю, что Анюса Ивановна, — вотъ эта дама, въ полосатой шали, которую она въ прошломъ году устроила изъ старыхъ панталонъ своего мужа, — совершенно увѣрена, что я въ настоящую минуту добѣла перемываю съ вами косточки нашихъ ближнихъ...

— Только ужъ не со мною, потому что я тутъ ни при чемъ...

— Ну, положимъ, хотъ и ни при чемъ, но все-таки она васъ уже считаетъ своимъ соучастникомъ... Посмотрите, какіе умоляющіе взоры она кидаетъ на васъ! такъ, кажется, и говорить: не вѣрь ему, этому злому человѣку, шаль моя воистину новая, взятая въ презентъ... тѣфу бишь! купленная въ магазинѣ почетнаго гражданина Пазухина!

— Я думаю, что эти ближніе не должны чувствовать къ вамъ особеннаго сердечнаго влеченія?

— Не скажу этого; они знаютъ, что ругать ихъ мое назначеніе, моя служба, такъ сказать... Конечно, иногда не обходится безъ того, чтобъ посердиться, но мы вѣдъ свои люди, и дѣйствуемъ по пословицѣ: «милые дерутся — только тѣшатся». Я увѣренъ, что еслибъ я оставилъ свое ремесло, они перестали бы уважать меня; мало того, они бы соскучились! Иногда мнѣ случается быть нѣсколько времени въ отсутствіи по дѣламъ службы — не этой, а дѣйствительной службы — такъ, повѣрите ли, многіе даже плачутъ: скоро ли-то нашъ Иванъ Андреичъ воротится? спрашиваютъ.

— Однакожъ, это незамѣтно, потому что васъ, повидимому, здѣсь обѣгаютъ.

— Это только повидимому, а въ сущности, вѣрьте мнѣ, всѣ

сердца ко мнѣ несутся. . . Они только опасаются моихъ разговоровъ съ дѣтьми, потому что дѣти это такая неистощимая сокровищница для наблюдений за родителями, что человѣку опытному и благонамѣренному стоять только слегка запустить руку, чтобъ вынуть оттуда цѣлыя пригоршни чистѣйшаго золота! . . Иванъ Семенычъ! Иванъ Семенычъ! пожалуйте-ка сюда!

Къ намъ подбѣжалъ мальчикъ лѣтъ пяти, весь завитой, въ бархатной зеленой курточкѣ и таковыхъ же панталонцахъ.

— Рекомендую вамъ! Иванъ Семенычъ Фурначевъ, сынъ статскаго совѣтника Семена Семеныча Фурначева, который, двадцать лѣтъ живя съ супругой, не имѣлъ дѣтей, покуда наконецъ, шесть лѣтъ тому назадъ, не догадался съѣздить на нижегородскую ярмарку. По этому-то самому Иванъ Семенычъ и слыветъ здѣсь больше подъ именемъ антихриста. . . А что, Иванъ Семенычъ, подсмотрѣлъ ты сегодня послѣ обѣда, какъ папка деньги считаетъ?

— Нельзя, отвѣчалъ мальчикъ.

— Отчего же нельзя? я тебя училъ вѣдь: спрятаться подъ кресло, которое въ углу, и оттуда подсмотрѣть. . . Какъ вы осмѣлились меня ослушаться, милостивый государь?

— Нельзя; папка видѣлъ.

— Стало-быть, ты спрятался?

— Спрятался.

— Стало-быть, ты все-таки что-нибудь видѣлъ?

— Сначала папка вынулъ много бумагъ, и все считалъ, потомъ вынулъ много денегъ—и все считалъ!

— А потомъ, вѣрно, и тебя увидѣлъ, да за уши изъ-подъ кресла и вытащилъ? Ну, теперь отвѣчай: какая на тебѣ рубашка?

— Батистовая.

— Хорошо. А какую рубашку носилъ твой папка въ то время, когда къ отческому дому гусей пригонялъ?

— Посконную.

— А откуда взялъ папка деньги, чтобъ тебѣ батистовую рубашку сшить?

— Укралъ.

— Jean, пойдемъ со мной, сказала госпожа Фурначева, под-

ходя къ намъ: — онъ , вѣрно , надоѣдаетъ вамъ своими глупостями, господа?..

— Помилуйте, Настасья Ивановна, можетъ ли такое прелестное дитя надоѣсть?.. онъ такъ похожъ на Семена Семеныча!

— Скажите, однакожь, неужели у васъ не найдется другихъ занятій? спросилъ я, когда отъ насъ отошла госпожа Фурначева.

— А чѣмъ мои занятія худы? спросилъ онъ въ свою очередь: —напротивъ того, я полагаю, что они въ высшей степени нравственны, потому что мои откровенныя бесѣды съ молодымъ поколѣніемъ поселяютъ въ немъ отвращеніе къ тѣмъ мерзостямъ, въ которыхъ закоренѣли ихъ милые родители... Да позвольте поблуждать, о какихъ это «другихъ» занятіяхъ вы говорите?

— Да вы гдѣ же нибудь и чему-нибудь да учились?

— Учился, это правда, то-есть былъ въ выучкѣ. Но вотъ уже пять лѣтъ, какъ вышелъ изъ ученія и поселился здѣсь. Поселился здѣсь я по многимъ причинамъ: вопервыхъ, потому что желаю кушать, а въ Петербургѣ или въ Москвѣ этого добра не найдешь сразу; вовторыхъ, у меня здѣсь родные, и слѣдовательно ими ужъ насижено мѣсто и для меня. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ хорошо, но для тѣхъ, у кого есть бабушки и дѣдушки, да сверхъ того родовое или благопріобрѣтенное. Но у меня ничего этого нѣтъ, и я еще очень живо помню, какъ, въ годы ученія, приходилось мнѣ бѣгать по гостинному двору, и изъ двухъ подовыхъ пироговъ, которые продаются на лоткахъ офицантами въ бѣлыхъ галстукахъ, составлять весь обѣдъ свой... Конечно, какъ воспоминаніе, это еще можетъ имѣть свою прелесть, но смѣю васъ увѣрить, что въ настоящее время я не имѣю ни малѣйшаго желанія, даже въ теченіи одной минуты, быть впроголодь... И вѣдь какіе это были подовые пироги, еслибъ вы знали! честию васъ заверяю, что они отзывались больше сапогами, нежели пирогами!

— Но развѣ и въ провинціи нельзя найти для себя болѣе дѣльнаго занятія?

— На этотъ вопросъ я отвѣчу вамъ немедленно, а покада позвольте мнѣ познакомить васъ еще съ однимъ милымъ молодымъ человѣкомъ... Николай Федорычъ! пожалуйста-ка, милостивый государь, сюда!

Николай Федорычъ мальчикъ лѣтъ семи, и въ сущности довольно похожъ на Ивана Семеныча, только одѣтъ попроще: безъ бархатовъ и батиста.

— Позвольте мнѣ васъ спросить, Николай Федорычъ, какое самое золотое правило на свѣтѣ?

— Не посѣщай воровъ, ибо самъ въ скоромъ времени можешь сдѣлаться таковымъ, пролепеталъ скороговоркою мальчикъ.

— Отлично-съ; вотъ вамъ за это конфетка. Этимъ мудрымъ изреченіемъ, почерпнутымъ изъ прописей, встрѣтилъ меня Николай Федорычъ однажды, когда я посѣтилъ его папашу, многоуважаемаго и добрѣйшаго Федора Николаича, сказалъ Корепановъ, обращаясь ко мнѣ.

— Теперь я буду продолжать съ вами прерванный разговоръ, продолжалъ онъ, когда мальчикъ ушелъ:—вы начали, кажется, съ вопроса, учился ли я чему-нибудь, и я отвѣчалъ вамъ, что точно былъ въ выучкѣ. Какая была тому причина—этого я вамъ растолковать не могу, но только ученье не впрокъ мнѣ пошло. Я, милостивый государь, человекъ не простой; я хочу, чтобъ не я пришелъ къ знанію, а оно меня нашло; я не люблю корпѣть надъ книжкой и клеветать по крупницѣ, но не прочь былъ бы, еслибъ нашелся человекъ, который бы знаніе влилъ мнѣ въ голову ковшомъ, и сдѣлался бы я послѣ того мудръ, какъ Минерва... Все, что я въ молодости моей отъ умныхъ людей съ каеэды слышалъ, все это только раззадорило меня или, лучше сказать, чувственно растревожило мои нервы... Потомъ, какъ я вамъ уже докладывалъ, оставилъ я храмъ наукъ и поселился, по необходимости, въ Крутогорскѣ... И вы не можете себѣ представить, въ какомъ я былъ сначала здѣсь упоеніи! Молодой человекъ, кончившій курсъ наукъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, бывавшій слѣдовательно и въ аристократическихъ салонахъ (вѣдь чѣмъ чортъ не шутить!), наглядѣвшійся на итальянскую оперу—этого слишкомъ достаточно, чтобы произвести общій фуроръ. И бабье это дѣйствительно до такой степени на меня накинuloсь, что даже вспомнить тошно! И вотъ-съ, сѣлъ я въ эту милую колясочку, и катаюсь въ ней о-сю-пору... Чтѣ прежде зналъ, все позабылъ, а снова приниматься за черепословіе—головка болить.

Сказавъ это, онъ взглянулъ на меня какъ-то особенно выразительно, такъ что я могъ ясно прочесть на лицѣ его вопросъ:

«а что! вѣрно ты не ожидалъ встрѣтить въ глуши такого умнаго человѣка?»

— Знаете, продолжалъ онъ, помолчавъ съ минуту:— странная вещь! никто меня здѣсь не задѣваетъ, все меня ласкаютъ, а между тѣмъ въ сердцѣ моемъ кипитъ какой-то страшный, неистощимый источникъ злобы противъ всѣхъ нихъ! И совсѣмъ не потому, чтобы я считалъ ихъ отвратительными или безнравственными — въ такомъ случаѣ я презиралъ бы ихъ, и мнѣ было бы легко и спокойно... Нѣтъ, я злобствую потому, что вижу на ихъ лицахъ улыбку и веселіе, потому что знаю, что въ сердцахъ ихъ царствуетъ то довольство, то безмятежіе, которыхъ я, при всѣхъ своихъ благонамѣренныхъ и высоко-нравственныхъ воззрѣніяхъ, добиться никакъ не могу... Мнѣ кажется, что самое это довольство есть доказательство, что жизнь ихъ все-таки не прошла даромъ, и что, напротивъ того, бѣснованія и вѣчная мнительность, въ родѣ моихъ,—признакъ натуры самой мелкой, самой ничтожной... вы видите, я не щажу себя! И я ненавижу ихъ, ненавижу всѣми силами души, потому что желалъ бы отнять въ свою пользу то умѣнье пользоваться дарами жизни, которыми они вполне обладаютъ...

— А мнѣ кажется, вы все это только напустили на себя, отвѣчалъ я:—а въ сущности, если захотите, можете сдѣлать и вы много полезнаго въ той маленькой сферѣ, которая назначена для нашей дѣятельности.

— Если вы поживете въ провинціи, то поймете и убѣдитесь въ совершенствѣ, что самая большая польза, которую можно здѣсь сдѣлать, заключается въ томъ, чтобы дѣлать ея какъ можно меньше. Съ перваго раза, вамъ это покажется парадоксомъ, но это дѣйствительно такъ.

— Докажите же мнѣ это, потому что я не могу и не имѣю права вѣрить вамъ на слово.

— Доказательства представить вамъ за меня самая жизнь, а я, признаюсь вамъ, даже не въ состояніи правильно построить вамъ какой-нибудь силлогизмъ... Для этого необходимо разсуждать, а я давно ужъ этимъ не занимался, такъ что и привычку даже потерялъ.

— Ну, теперь, благодаря мсье Корепанову, вы вѣрно ужъ

достаточно знакомы со всѣмъ крутогорскимъ обществомъ? пере-
била княжна Анна Львовна, садясь возлѣ меня.

— Нѣтъ еще, княжна, отвѣчалъ Корепановъ:—Николай Ива-
нычъ покамѣстъ болѣе познакомился со мной, нежели съ здѣшнимъ
обществомъ... Впрочемъ, здѣшнее общество осязательно изобра-
зить нельзя: въ него нужно самому втравиться, нужно самому
пожить его жизнью, чтобъ узнать его. Здѣшнее общество имѣетъ
свой запахъ, а свойство запаха, какъ вамъ извѣстно, нельзя
объяснить человѣку, который никогда его не обонялъ.

— Вы злой человѣкъ, мсье Корепановъ!

— Это мой долгъ, княжна. И при томъ вы не совсѣмъ благо-
дарны; еслибъ меня не было, кто бы могъ доставить вамъ столько
удовольствія, сколько доставляю, напримѣръ, я своимъ злорѣ-
чiemъ? Согласитесь сами, эта услуга немаловажная. Конечно,
я до сихъ поръ еще не принесъ никакой непосредственной
пользы: я не вырылъ колодца, я не обжигалъ кирпичей, не испекъ
ни одного хлѣба, но въ замѣнъ того я смягчалъ нравы, я изгонялъ
меланхолю изъ сердецъ и поселялъ въ нихъ расположеніе къ
добрымъ подвигамъ... вотъ прямыя заслуги моей юмористической
дѣятельности!

— А что онъ обо мнѣ сказалъ, мсье Щедринъ?

— До васъ еще не дошла очередь, княжна... До сихъ поръ
мы съ Николаемъ Ивановичемъ объ томъ только говорили, что
міръ полонъ скуки, и что порядочному человѣку ничего другого
не остается... но угадайте, на чемъ мы рѣшили?

— Умереть?

— Гораздо проще: отправиться домой и лечь спать...

И онъ дѣйствительно всталъ, зѣвнулъ, посмотрѣлъ лѣниво по
сторонамъ и побрелъ изъ залы.

— Станный человѣкъ! и однакожь съ большими способно-
стями!.. une bonne tête! задумчиво сказала княжна, провожая
его взоромъ.

II.

ЛУЗГИНЪ

Господи! какъ время-то, время-то идетъ! давно ли, кажется, давно ли! Давно ли въ трактирѣ кипѣли горячіе споры объ искусствѣ, объ Мочаловѣ, о Гамлетѣ? давно ли незабвенная С*** приводила въ неистовство молодыхъ сердца? давно ли приводили мы въ трепетъ полицію?

Лузгинъ! мой милый, безцѣнный Лузгинъ! какимъ-то я застану тебя? все такъ же ли кипитъ въ тебѣ кровь, такъ же ли ты безразсчетно добръ и великодушенъ, попрежнему ли одолеваетъ тебя твоя молодость, которую тщетно усиливался ты растратить и вкривъ и вкось: дотога обильна, дотога неистощима была животворная струя ея? Или уходили сивку крутыя горки? или ты... но нѣтъ, не можетъ это быть!

Такъ, или почти такъ думалъ я, подъѣзжая къ усадьбѣ друга моей молодости, Павла Петровича Лузгина. Прошло ужъ лѣтъ пятнадцать съ тѣхъ поръ какъ мы не видались, и я совершенно нечаянно, находясь по службѣ въ Песчанолѣсскѣ, узналъ, что Лузгинъ живетъ верстахъ въ двадцати отъ города въ своей собственной усадьбѣ. Признаюсь откровенно, при этомъ извѣстіи что-то мягкое прошло по моей душѣ, какъ будто до такой степени пахнуло туда весной, что даже носъ мой совершенно явственно обонялъ этотъ милый весенній запахъ, который всегда дѣйствуетъ на меня весело. Весна и молодость — вотъ тѣ двѣ блага, которыя Творецъ природы далъ въ утѣшеніе человѣку за всѣ огорченія, встрѣчающіяся на жизненномъ пути. Весною поютъ на деревьяхъ птички; молодостью, эти самыя птички поселяются на постоянное жительство въ сердцѣ человѣка и поютъ тамъ самыя радостныя свои пѣсенки; весною солнышко посылаетъ на землю животворные лучи свои, какъ бы вытягивая изъ нѣдръ ея всю ея роскошь, всѣ ея сокровища; молодостью, это самое солнышко просвѣтляетъ все существо человѣка, оно такъ сказать, поселяется въ немъ и пробуждаетъ къ жизни и дѣятельности всѣ тѣ богатства, которыя скрыты глубоко въ незыримыхъ тайникахъ души; весною, ключи выбрасываютъ изъ

вѣдръ земли лучшія, могучія струи свои; молодостью ключи эти неумолкая кипятъ въ жилахъ, во всемъ организмѣ человѣка; они вѣчно зовутъ его, вѣчно порываютъ впередъ и впередъ... Отлично, что весна каждый годъ возвращается, и съ каждымъ годомъ все какъ будто больше и больше хорошѣетъ, но худо, что молодость ужъ никогда, никогда не возвращается. Самый ли процессъ жизни насъ умаиваетъ, или обстоятельства порастрасятъ дорбгой кости, только сердце вдругъ оказывается такое дрябленькое, такое робконькое, что какъ начнешь самому о себѣ откровенно докладывать, такъ и показывается на щекахъ ни съ того, ни съ сего дѣвическій румянецъ... Да хорошо еще, если румянецъ; худо, что иногда и его-то не оказывается въ наличности.

Когда я вошелъ въ залу, Лузгинъ и семейство его сидѣли ужъ за обѣдомъ, хотя былъ всего часъ пополудни.

— Щедринъ!

— Лузгинъ!

Мы бросились другъ другу въ объятія; но тутъ я еще больше убѣдился, что молодость моя прошла безвозвратно, потому что, несмотря на радость свиданія, я очень хорошо замѣтилъ, что губы Лузгина были покрыты тѣмъ-то жирнымъ, щеки по мѣстамъ лоснились, а въ жидкихъ бакенбардахъ запутались кусочки рубленной капусты. Нѣтъ сомнѣнія, что будь я помоложе, это ни въ какомъ случаѣ не обратило бы моего вниманія.

— По угламъ, бѣсенята! закричалъ онъ на дѣтей, которыя, повыскакавъ изъ-за стола, обступили насъ:—жена! рекомендую: Щедринъ, другъ дѣтства и собутыльникъ!

Я взглянулъ на его жену; это была молодая и свѣжая женщина, лѣтъ двадцати пяти; повидимому, она принадлежала къ породѣ тѣхъ женщинъ, которыя никогда не старѣются, никогда не задумываются, смотреть на жизнь откровенно, не преувеличивая въ глазахъ своихъ ни благъ, ни золъ ея. Взглядъ ея былъ привѣтливъ, довѣрчивъ и ясенъ; онъ исполнялся какой-то кроткой, почти материнской заботливости, когда обращался на Лузгина; голосъ былъ свѣжъ и звонокъ; въ немъ слышалась еще та полнота звука, которая лучше всего свидѣтельствуешь о неиспорченной и неутомленной натурѣ. Она никогда не оставалась праздною, и всякому движенію своему умѣла придать тотъ милый оттѣнокъ заботливости, который женщинѣ, а особенно матери семейства,

придаетъ какую-то особенную привлекательность. Вообще такія женщины составляютъ истинный кладъ для талантливыхъ натуръ, которыя въ семействѣ любятъ играть, по преимуществу, роль трутней.

— Очень рада, сказала она, протягивая мнѣ маленькую ручку: — Полинкѣ очень пріятно будетъ провести время съ старымъ товарищемъ!

— Полинкѣ! Сколько разъ просилъ я тебя, Анна Ивановна, не называть меня Полинкой! замѣтилъ онъ полусуто, полудосадуя и, обратясь ко мнѣ, прибавилъ: — Вотъ, братъ, мы какъ! въ Полинки попали!

Тутъ я въ первый разъ взглянулъ на него попристальнѣе. Онъ былъ въ широкомъ халатѣ, почти безъ всякой одежды; распахнувшаяся на груди рубашка обнаруживала цѣлый лѣсъ волосъ и обнаженное тѣло красновато-мѣднаго цвѣта; голова была не прибрана, глаза сонные. Очевидно, что онъ вошелъ въ разрядъ тѣхъ господъ, которые, кромѣ бани, иного туалета не подозреваютъ. Онъ, кажется, замѣтилъ мой взглядъ, потому что слегка покраснѣлъ, и какъ будто инстинктивно запахнулъ и халатъ и рубашку.

— А мы здѣсь по-деревенски, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — солнышко полдничааетъ — и мы за обѣдъ, солнышко на боковую — и мы хр-хр... прибавилъ онъ, ласково поглядывая на старшаго сынишку.

Дѣти разомъ прыснули.

— Эй, живо! подавать сначала! продолжалъ онъ. — Признаюсь, я вдвойнѣ радъ твоему пріѣзду: впервые, мы поболтаемъ, вспомнимъ наше милое времячко, вовторыхъ, я вторично пообѣдаю... да-бишь! и еще третьихъ — главное-то и позабылъ! — мы отлично выпьемъ! Эхъ, жалко, нѣтъ у насъ шампанскаго!

— Ахъ, Полинка, тебѣ это вредно, сказала жена.

— Ну, на нынѣшній день, Анна Ивановна, супружескіе со-вѣты отложимъ въ сторону. Вредно ли, не вредно ли, а я, значить, былъ бы свинья, еслибъ не напился ради пріятеля! Полюбуйся, братъ! продолжалъ онъ, указывая на столъ: — пусто! пьемъ, сударь, воду; въ общество воздержанія поступилъ! Эй вы, олухи! вина! Да сказать ключницѣ, чтобъ не лукавила, подала бы все, что есть отмѣненнѣйшаго.

— Скажи, Николай, Манѣ, прибавила отъ себя Анна Ивановна: — чтобъ она то вино подала, которое для Мишенькиныхъ крестинъ куплено.

— Мишенька — это пятый, сказалъ Лузгинъ: — здѣсь четверо, а то еще пятый... сосуночикъ, знаешь...

Дѣти снова прыснули.

— Вы чего смѣтаетесь, бѣсенята? Женись, братъ, женись! Если хочешь кататься какъ сыръ въ маслѣ, и если сознаешь въ себѣ способность быть сыромъ, такъ это именно масло — супружеская жизнь! Видишь, какихъ бѣсенятъ выкормили, да на этомъ еще не остановимся!..

Онъ взялъ старшаго сынишку за голову, и посмотрѣлъ на него съ особенною нѣжностью. Анна Ивановна улыбалась.

— А папка вчера домой пьяный пришелъ! поспѣвшииъ сообщить мнѣ второй сынъ, мальчикъ лѣтъ пяти.

— Да, пьянъ былъ папка вчера! отвѣчалъ Лузгинъ: — свинья вчера папка былъ! Отъ этихъ бѣсенятъ ничего не скроешь! У сосѣда вчера на именинахъ былъ: ну, дома-то ничего не даютъ, такъ поневолѣ съ двухъ рюмокъ свалился!

— Ай, папка! самъ сказалъ мамкѣ, что двѣ бутылки выпилъ! вступилась дѣвочка лѣтъ трехъ, сидѣвшая подлѣ Анны Ивановны: — папка всегда домой пьянъ прїѣзжаетъ! прибавила она, вздыхая.

— Женись, братъ, женись! Вотъ этакая ходячая совѣсть всегда налицо будетъ! Сдѣлаешь свинство — даромъ не пройдетъ! Только результаты все еще какъ-то плохи! прибавилъ онъ, улыбаясь нѣсколько сомнительно: — не дѣйствуетъ! Ужъ очень что ли мы умны сдѣлались, да выросли, только совѣсть-то какъ-то скользить по насъ: «ну, свинство!» скажешь себѣ, да и пошелъ опять щеголять попрежнему.

— А главное, что это для тебя, Полинька, нездорово, сказала Анна Ивановна.

— Ну, а ты какъ?

— Да чтò, служу...

— Слышалъ, братецъ, слышалъ! Только не зналъ навѣрное, ты ли: вѣдь васъ, Щедриныхъ, какъ собакъ на бѣломъ свѣтѣ развелось... Ну, теперь, по крайней мѣрѣ, у меня протекція есть, становой въ покоѣ оставить, а то такой сталъ озорникъ, что

просто не приведи Богъ... Намеднись градъ у насъ выпалъ; такъ онъ, братецъ ты мой, слѣдствіе пріѣхалъ объ этомъ дѣлать, да еще кабы самъ пріѣхалъ, все бы не такъ обидно, а то писаришку своего прислалъ... Нельзя ли, дружище, такъ какъ-нибудь устроить, чтобы ему сюда въѣзду не было?

Принесли ботвиньи; Лузгинъ попросилъ себѣ цѣлую тарелку, и началъ сызнава свой обѣдъ.

— Ты, братъ, ѣшь, сказалъ онъ мнѣ: — въ деревнѣ какъ поживешь, такъ желудокъ такую дѣятельною бестіей дѣлается, просто даже одолеваетъ... Встанешь этакъ раннимъ утромъ, по хозяйству сходишь...

— Ахъ, какой папка агунъ сталъ! замѣтила дѣвочка.

— Вотъ, дружище, даже повратъ не дадутъ — вотъ что значитъ совѣсть-то налицо! У меня, душа моя, просто; я живу патриархомъ; у меня всякій можетъ говорить все, что на языкъ взбредетъ... Анна Ивановна! подчуй же гостя, сударыня! Да ты къ намъ погостить что ли?

— Нѣтъ, я на слѣдствіи въ Песчаноглѣсѣ, долженъ сегодня же быть тамъ...

— Ну, стало-быть, ночевать у насъ все-таки можешь. Я, братъ, вѣдь знаю эти слѣдствія: это именно та самая вещь, объ которой сложилась русская пословица: *дѣло не волкъ, съ лѣсъ не убѣжить*... Да, другъ, вотъ ты въ чины полѣзъ, современекъ, можетъ, исправникомъ у насъ будешь...

Совершенно противъ моего желанія, при этихъ словахъ Лузгина, на губахъ моихъ сложилась предательская улыбка.

— А что, видно, намъ съ тобой этого ужъ мало! сказалъ онъ, замѣтивъ мою улыбку: — полѣзай, полѣзай и выше; это похвально... Я называлъ мѣсто исправника по неопытности своей, потому что въ моихъ глазахъ нѣтъ ужъ этого человѣка выше... Я, братъ, деревенщина, отношеній вашихъ не знаю, я Цинциннатъ...

— А какъ мы давно не видались однакожь? прервалъ я.

— Да пятнадцать лѣтъ! это въ жизни человѣческой тоже что-нибудь да значитъ!

— Вы, вѣрно, не ожидали встрѣтить Полинку такимъ? спросила Анна Ивановна.

— Да, было, было наше время... Бывали и мы молоды, и мы горами двигали!.. Чай, помнишь?

— Какъ не помнить! хорошее было время!

— А впрочемъ и теперь жару еще пропасть осталось, только некуда его дѣвать... сѣра—то у насъ узка, разгуляться негдѣ...

Раззудись, плечо!

Размахнись, рука!

вотъ, братъ, намъ чего бы нужно!

— Вотъ Полинъка все жалуется, что для него простора нѣтъ, а я ему указываю на семейство, прервала Анна Ивановна.

— Семейство, Анна Ивановна, это святыня; семейство—это такая вещь, до которой моими нечистыми руками даже и прикасаться не слѣдуетъ... я не объ семействѣ говорю, Анна Ивановна, а объ жизни...

— Да ты это такъ только, Полинъка, говоришь, чтобъ свалить съ себя, а по моему и семейная жизнь—чѣмъ же не жизнь?

— Размѣры не тѣ, сударыня! Размѣры насъ душатъ, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—природа у насъ широкая, желалъ бы захватить и вдоль и поперекъ, а размѣры маленькіе... Ты, Анна Ивановна, этого понимать не можешь!

— Признаюсь, и я что-то мало понимаю это.

— Да ты, братецъ, чиновникъ, ты стало-быть удовлетворился—это опять другой вопросъ; ты себя съузилъ, брюхо свое подкупилъ, сердце свое посолилъ, прокоптилъ и размѣнял на кредитные билеты...

— Однако ты не щадишь таки выраженій!

— Другое дѣло вотъ мы грѣшные, продолжалъ онъ, не слушая меня:—въ насъ осталась натура первобытная, неиспорченная, въ насъ кипитъ, сударь, этотъ непочатой ключъ жизни, въ насъ новое слово зрѣетъ... Такъ какимъ же ты образомъ этакую-то широкую натуру хочешь втиснуть въ свои мизерныя, зачерствѣвшія формы! вѣдь это, братъ, значить желать протащить канатъ въ игольное ушко! Ну, само собою разумѣется, или ушко прорветъ, или канатъ не влѣзетъ!

— Однакожь, надобно же имѣть какой-нибудь выходъ изъ этого!

— Ищите вы! Наше дѣло сторона; мы люди непричастные, мы сидимъ да глядимъ только, какъ вы тамъ стараетесь, и какъ у васъ ничего изъ этого не выходитъ!

— И я вотъ часто говорю Полинкѣ, чтобъ онъ чѣмъ-нибудь занялся... предводитель нашъ очень насъ любитъ... сколько разъ въ службу приглашалъ!

— Нѣтъ, Анна Ивановна, это не по нашей части; ты мнѣ объ этомъ не говори...

— Однако, могутъ же быть и другія занятія?

— А какія это, позвольте спросить? въ торговлю броситься, — на это есть почтенное купеческое сословіе; земледѣльцемъ быть — на это существуютъ мирные поселяне... Литература! наука! а позволь, братъ, узнать, многому ли мы съ тобой выучились? Да предположимъ, что и выучился я чему-нибудь, такъ вѣдь тутъ мало еще одного знанія, надобенъ и талантъ... А если у меня его нѣтъ, такъ не подлець же я въ самомъ дѣлѣ, чтобы для меня изъ-за этого ужъ и мѣста на свѣтѣ не было... нѣтъ, любезный другъ, тутъ какъ ни кинь, все клинь! тутъ, братъ, червякъ такой есть—вотъ что!

— А что, каковъ у васъ предводитель? спросилъ я, чтобъ перемѣнить разговоръ.

— Да чтò, любезный другъ, человѣкъ онъ хорошій: свѣтъ сальныхъ не ѣстъ, ѣздитъ часто въ Крутогорскъ, тамъ съ кѣмъ слѣдуетъ нюхается... хорошій человѣкъ! Только вотъ тутъ (онъ указалъ на лобъ), не взыщите!

— Ну, полно же, Полинка! Алексѣй Петровичъ такъ любезенъ къ тебѣ, а ты еще его вѣчно бранишь!

— Еще бы онъ не былъ любезенъ! онъ знаетъ, что у меня горло есть... а удивительное это, право, дѣло! обратился онъ ко мнѣ:—посмотришь на него—ну, человѣкъ да и все тутъ! И говорить начнетъ — тоже цѣлые потоки изливается: и складно и грамматическихъ ошибокъ нѣтъ! Только, братъ, безцвѣтность какая, прѣсность, благонамѣренность!.. Ну, не могу я! такъ, знаешь, и поднимаются руки, чтобъ съ лица земли его стереть... А женщинамъ нравиться можетъ!.. Да я, впрочемъ, всегда спать ухожу, когда онъ къ намъ пріѣзжаетъ.

— Вотъ видишь, какъ онъ добръ! онъ вѣдь знаетъ, что ты его не любишь и не хочешь даже занять его, а между тѣмъ все-таки навѣщаетъ насъ!

— А знаешь ли, почему онъ пріѣзжаетъ къ намъ, почему онъ извиняетъ мнѣ мое пренебреженіе? оказалъ Лузгинъ, обраща-

ясь ко мнѣ: — вѣдь онъ меня за низшій организмъ считаетъ!.. такъ-де-ска-ть, мужикъ какой-то! Онъ, изволишь ты видѣть, чело-вѣкъ просвѣщенный, съ высшими взглядами, а я такъ себѣ, не-вѣжа, не могу даже понять, что предводители изъ пшеничной муки пекутся! И надобно видѣть, какъ онъ принимается иногда поучать меня — ну, точь-вточь онъ патріархъ, а я малый ребе-нокъ, который, кромѣ «папы» да «мамы», говорить ничего не умѣетъ. . такъ, знаешь, благосклонно, не сердясь.

— И ты выслушиваешь?

— Нѣтъ, братецъ, надобно. Прежде еще забавлялся, даже самъ его на нравоученья натравливалъ, а нынче нѣтъ—очень ужъ онъ глупъ! Опротивѣлъ.

Обѣдъ приходилъ къ концу; мы выпили таки достаточно, и надо сказать правду, что вино было не дурное. Начали подавать пирожное.

— Ну, это не по нашей части! сказалъ Лузгинъ: — пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, а ты, Анна Ивановна, на сегодняшній день ужъ оставь насъ. Легко можетъ стать, что мы что-нибудь и такое скажемъ, что для твоихъ ушей неудобно... хотя, по моему, неудобныхъ вещей въ природѣ и не существуетъ, обратился онъ ко мнѣ.

Мы пришли въ кабинетъ. Впрочемъ, я и до сихъ поръ не могу себѣ объяснить, почему пріятель мой, говоря объ этой комнатѣ, называлъ ее кабинетомъ. Тутъ не было ни одной изъ обыкновенныхъ принадлежностей кабинета: ни письменнаго стола, ни библиотеки, ни чернилницы. По стѣнамъ стояли диваны, называемые турецкими, которые, по всей вѣроятности, болѣе служили для спанья, нежели для бесѣды, такъ что и комнату приличнѣе было назвать опочивальнею, а не кабинетомъ. Въ одномъ углу торчала этажерка съ множествомъ трубокъ, а въ другомъ шкафъ, но и въ немъ хранились не книги, а разбитыя бутылки, подсвѣчники, сапожная щетка, Богъ вѣсть откуда зашедшая, синяя помадная банка и вообще всякій хламъ.

— Здѣсь мое царство! сказалъ Лузгинъ, усаживая меня на диванъ.—Эй, Ларивонъ! скажи барынѣ, чтобъ прислала намъ бутылочки три шипучки... Извини, братъ, шампанскаго нѣтъ. Такъ-то, другъ! продолжалъ онъ, садясь подлѣ меня и трепля меня по коленкѣ: — вотъ я и женатъ... А кто бы это подумалъ? кто бы

могъ предвидѣть, что Павлушка Лузгинъ женится и остепенится?.. а порядочные таки мы были съ тобой ёрники въ свое время!

— Однакожъ, разкажи, пожалуйста, какъ ты женился?

— А какъ, братецъ, очень простымъ манеромъ. Вышелъ я тогда, какъ у насъ говорятъ, изъ ученья, поѣхалъ, разумеется, къ родителямъ, къ папенькѣ, къ маменькѣ... Отецъ сталъ на службу нудить, мать говоритъ: около меня посиди; ну, и сосѣди тоже лихіе нашлись — вотъ я и остался въ деревнѣ. Тутъ же отецъ померъ... а впрочемъ славное, братъ, житье въ деревнѣ! я хотъ и смотрю байбакомъ, и къ лѣности съ юныхъ лѣтъ сердечное влеченье чувствую, однако вѣдь на все это законныя причины есть... Приѣдешь иной разъ въ городъ—ну такая, братецъ, тамъ мерзость и вонь, что даже душу тебѣ воротитъ! Кляузы да сплетни да фантовство какое-то тупоумное!.. А воротись въ деревню—какая вдругъ Божья благодать всю внутренность твою просвѣтитъ! выйдешь этакъ на лужайку, или вотъ хотъ въ лѣсокъ зайдешь, такъ это хорошо, и свѣтло, и покойно, что даже и идти никуда не хочется! Сядешь подъ дерево, на верху тебѣ птичка пѣсенку споетъ, по травѣ мурашка ползетъ, и станешь наблюдать за мурашкой...

— Однако, все это не объясняетъ мнѣ, какимъ образомъ ты женился?

— А женился я, братецъ, вотъ какимъ образомъ, сказалъ Лузгинъ скороговоркой:—жила у сосѣдей гувернантка, дѣвочка лѣтъ семнадцати; ну, житье ея было горькое: хозяйка капризная, хозяинъ сладострастнѣйшій, дѣти тупоголовыя... Эта гувернантка и есть жена моя... понимаешь?

— Бракъ по состраданію! подумалъ я, и продолжалъ громко:—неужели же ты съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, жилъ все въ деревнѣ?

— Какое, братецъ! ѣздилъ, ѣздилъ и въ Петербургъ, только все это какъ-то не по мнѣ! У меня натура цѣльная, грубая, ну а тамъ все выморозки... ты давно оттуда?

— Да лѣтъ съ восемь.

— И не ѣди туда никогда. Тамъ и людей-то нѣтъ, а такъ, знаешь, что-то холодное, ослизлое — возьмешь въ руку и бросишь: такая это дрянь! Ходять, братецъ, слоняются цѣлый день, точно время-то у нихъ на золотники продается, а посмотришь,

въ результатѣ оказывается, что въ такомъ-то мѣстѣ часа три прождалъ, чтобъ имѣть счастье поганымъ образомъ искривить ротъ въ улыбку при видѣ нужнаго лица, въ другомъ мѣстѣ два часа простоялъ, но и этого счастья не дождался. А провинціальное простодушіе смотритъ на эту толкотню, да только ротъ разѣваетъ: вотъ-молъ дѣловой-то городъ! Какъ же!

Произнося эту филиппику, Лузгинъ столь искренно негодовалъ на Петербургъ, что и мнѣ самому вдругъ начало казаться, что въ рукахъ у меня какая-то слизь, и передъ глазами деревянные на пружинахъ люди ходятъ.

— Помнишь ты Пронина? вѣдь ужъ на чтò, кажется, славный парень былъ! Ну, такъ слушай же. Пріѣзжаю я въ Петербургъ; туда-сюда, справляться, отыскивать старыхъ знакомыхъ—между прочимъ отыскался и Пронинъ. Прихожу къ нему, онъ женатъ, однако перемѣнился мало, и принялъ меня съ распростертыми объятіями. Я, разумѣется, очень радъ: ну, и говорю, хоть одинъ человекъ! Однако, какъ бы ты думалъ? говорилъ онъ, говорилъ со мною, да вдругъ, такъ знаешь въ скобкахъ, и далъ мнѣ почувствовать, что ему такой-то дѣйствительный статскій совѣтникъ Стрекоза внучатымъ братомъ приходится, а княгиня — дескать Оболюй-Тараканова другъ дѣтства съ его женою, а вчера дескать у нихъ раутъ былъ, баронесса Оксендорфъ пріѣзжала... И все знаешь этакъ въ скобкахъ: ты дескать не думай, любезный другъ, что для меня составляетъ важность, а такъ, надо же связи поддерживать! Такъ вотъ какими тамъ прихвостнями самые порядочные люди дѣлаются! Ну, съ тѣхъ поръ я и не ѣздилъ...

Принесли шиповку.

— Барыня приказала сказать, обратился флегматически Ларивонъ къ Лузгину:—что вамъ, сударь, пить не приказано.

— Ну, поди, скажи барынѣ, что я потому-то именно и буду пить, что не приказано.. Вотъ, братецъ, возится со мной, точно съ малымъ ребенкомъ...

— Да если въ самомъ дѣлѣ тебѣ вредно?

— Предразсудокъ, любезный другъ! загляни въ русскую исторію, и увидишь, что не только бояре, но и боярыни наши вино кушали, и отъ этого только въ тѣлѣ раздавались, а никакого иного ущерба для здоровья своего не ощущали... выпьемъ!

Мы выпили.

— Помянемъ, братъ, свою молодость! Помянемъ тѣхъ, кто въ наши молодыя души сѣмя добра заронилъ!.. Вѣдь ты не измѣнилъ себѣ, дружище, ты не продалъ себя, какъ Пронинъ, баронессѣ Оксендорфъ и дѣйствительному статскому совѣтнику Стрекозъ, ты остался все тотъ же сорви-голова, которому море по колено?

Мнѣ показалось, что послѣднія слова онъ произнесъ съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, и я внезапно ощутилъ какую-то неловкость во всемъ существѣ, какъ будто бы вдругъ сдѣлался виноватъ передъ нимъ.

— А впрочемъ, какъ бы то ни было, а это достовѣрно, что Лузинъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ всегда, продолжалъ онъ:— то-есть душевно... Ну, конечно, въ другихъ отношеніяхъ маленько, быть-можетъ, и поотстали,—что дѣлать! всякому своя линия на свѣтѣ вышла...

— Да, хорошо было прежде, сказалъ я, оправляясь отъ своего смущенія.

— Ужъ такъ-то, братъ, хорошо, что даже вспомнить грустно! Кипѣло тогда все это, земля, бывало, подъ ногами горѣла! Помнишь ли, напримѣръ, Катю—вѣдь, что это за прелесть была! а! какъ цыганскія-то пѣсни пѣла! или вотъ эту: *помнишь ли, мой любезный другъ?* Вѣдь душу выплакать можно! ужъ на что сеledка—статскій совѣтникъ Кобыльниковъ изъ Петербурга прѣзжалъ, а и тотъ двадцати пяти рублевую кинулъ — камни гворять!

— Да, Катя, дѣйствительно отличная была дѣвушка.

— Или помнишь ли Мочалова въ Гамлетѣ? *Умереть—уснуть... башмаковъ еще не износила...*, и этотъ хохотъ, захватывающій дыханье въ груди зрителя... Вотъ это жизнь, это сфера безграничная, какъ самое искусство, разнообразная, какъ природа!.. А что мы теперь!.. выпьемъ!..

Онъ впалъ въ раздумье, уперся руками въ колѣни, и минуты двѣ оставался молчаливымъ.

— Чегожь теперь-то тебѣ не достаетъ? спросилъ я:—ты, кажется, счастливъ, у тебя семейство...

— Да, братъ, я счастливъ, прервалъ онъ, вставая съ дивана и начиная ходить по комнатѣ:—ты правъ! я счастливъ, я любимъ, жена у меня добрая, хорошенькая... однимъ словомъ, во всякому даетъ судьба то, что она дала мнѣ, и за всѣмъ тѣмъ все-

такі... я свинья, братъ, я гнусень съ верхняго волоска головы до ногтей ногъ... я это знаю! чего мнѣ еще надобно! насыщенный хлѣбъ у меня есть, водка есть, спать могу вволю... опустился я, братъ, куда какъ опустился!

— Отъ тебя зависить и опять подняться...

— Нѣтъ, не говори этого! Пробовалъ я—и не идетъ. Кто привыкъ каждый день пшеничные пироги есть, тому ржаной хлѣбъ только оскомину набьетъ; кто привыкъ на пуховикахъ отдыхать, тотъ на голомъ полу всю ночь проворочается, а не уснетъ! Я привыкъ ужъ къ праздности, я вѣлся въ нее до такой степени, что даже и думать ни о чемъ не хочется, точно, знаешь, всѣ мыслящія способности пеленой какою-то подернуты: не могу да и все тутъ! И если я съ тобой теперь разговорился, такъ это именно частный случай! А впрочемъ, что объ этомъ толковать! Видно есть какой-нибудь норовъ въ насъ, что *всѣ люди какъ люди, одинъ чортъ въ колапъ*... Молодость-то мы свою погано провели! Не столько лекціями, сколько безобразничествомъ да ухорствомъ занимались—вѣдь помянуть, братъ, ее нечѣмъ, молодость-то! Satis! выпьемъ!

Мы выпили.

— Нѣтъ, началъ онъ снова:—тутъ что-нибудь да есть такое, какая-нибудь да вкралась тутъ опечатка, что нѣтъ вотъ да и нѣтъ тебѣ мѣста на свѣтѣ! Я, кажется, человѣкъ и честный и не то чтобы совсѣмъ глупый—напротивъ, добрые люди еще «головой» зовутъ,—а ни за что-таки приняться не могу. Начнешь этакъ иногда самъ съ собой разговаривать, такъ даже во рту скверно дѣлается: какъ ни повернешь дѣломъ, а все выходитъ, что только чужой вѣкъ заѣдаешь. И добро бы жару, горячности, любви не было—есть, братецъ, есть все это! да такъ, вѣрно, и суждено этому огню, перегорѣть въ груди, не высказавшись ни въ чемъ... Нѣтъ, ты скажи, кто виноватъ-то, кто виноватъ-то въ этомъ?

— Я полагаю, что это оттого происходитъ, что ты представляешь себѣ жизнь слишкомъ въ розовомъ цвѣтѣ, что ты ждешь отъ нея непременно чего-то хорошаго, а между тѣмъ въ жизни требуется трудъ, и она даетъ не то, чего отъ нея требуютъ капризные дѣти, а только то, что берутъ у нея съ боя люди мужественные и упорные.

— Это отчасти правда, но вѣдь вопросъ въ томъ, для чего же

природа не сдѣлала меня Зенономъ, а наградила наклонностями сибарита, для чего она не закалила мое сердце для борьбы съ терніями суровой дѣйствительности, а напротивъ того размягчила его и сдѣлала способнымъ откликаться только на доброе и прекрасное? Для чего, однимъ словомъ, она сдѣлала меня артистомъ, а не труженикомъ?.. Природа-то вѣдь дура выходитъ!

Я вспомнилъ то, что слово «артистъ» было всегдашнимъ конькомъ Лузгина, по мнѣнію котораго «артистическая натура» составляла нѣчто не только всеобъемлющее, но и все извиняющее. Артистической натурѣ, на основаніи этого своеобразнаго кодекса, дозволяется сидѣть, сложивши руки, и заниматься разговоромъ сколько душѣ угодно, дозволяется рѣшать безапелляціонно вопросы первой важности и даже прорицать будущность любого народа. Артистической натурѣ отпускаются напередъ всѣ грѣхи, всѣ заблужденія, ибо уму простыхъ смертныхъ могутъ ли быть доступны тѣ тонкія, почти эфирныя побужденія, которыми руководствуются натуры гениальныя, исключительныя, и можетъ ли быть, слѣдовательно, примѣненъ къ нимъ принципъ вѣщенія? Артистическая натура въ правѣ быть невѣжественною; *à la rigueur*, она можетъ даже презирать самый процессъ мышленія, потому что ея назначеніе не мыслить, а прорицать, что несравненно выше и глубже. Итакъ слова Лузгина не только не были для меня новостью, но даже напомнили мнѣ цѣлый рядъ шумныхъ и нескончаемыхъ споровъ, которыми украшалась моя молодость; но, несмотря на это, какъ-то странно подѣйствовало на меня это воспоминаніе. Привычка ли обращаться преимущественно съ явлениями міра дѣйствительнаго, сердечная ли сухость, слѣдствіе той же практичности, которая приковываетъ человека къ факту и заставляетъ считать бреднями все то, что ускользаетъ отъ простаго, чувственнаго осознанія,—какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ, мнѣ показалось, что я внезапно очутился въ какой-то совершенно иной атмосферѣ, въ которой не имѣлъ ни малѣйшаго желанія оставаться долѣе. Лузгинъ, вѣроятно, замѣтилъ это, потому что поспѣшилъ переменить разговоръ.

— Ну, а ты какъ? сказалъ онъ.

— Да вотъ служу, какъ видишь.

— Служи, братъ, служи. Дослужишься до высокихъ чиновъ, не забудь и насъ грѣшныхъ.

— А развѣ ты тоже желалъ бы служить?

— Нѣтъ, братъ, куда намъ! А все, знаешь, какъ-то лучше, какъ есть протекція,—какъ-то легче на свѣтѣ дышится.

Въ эту самую минуту послышался шумъ подъѣзжающаго къ дому экипажа.

— Василий Ивановичъ пріѣхали, доложилъ Ларивонъ, и вслѣдъ затѣмъ ввалилась въ кабинетъ толстая и неуклюжая фигура какого-то господина, облеченнаго въ сѣрый пальто.

— Вотъ кстати! сказалъ Лузгинъ, бросившись на встрѣчу ново-пришедшему.

— Честной компаніи мира и благоденствія желаемъ, отвѣчалъ Василий Ивановичъ, утирая потъ, катившійся по лицу:—миръ вамъ, и мы къ вамъ!

— Рекомендую! мой душевный другъ Василий Ивановичъ Кречетовъ, сказалъ Лузгинъ, обращаясь ко мнѣ, и затѣмъ представилъ Кречетову и меня.

— Много наслышанъ-съ, замѣтилъ Кречетовъ.

— Ну что, какъ дѣла? что въ Крутогорскѣ дѣлается?

— А какъ бы вамъ доложить, благодѣтель? денегъ поистраясъ довольно, а толку не добился.

— Что жъ говорить-то?

— Да просто никакого толку нѣтъ-съ. Даже и не говорятъ ничего... Пошелъ я этта сначала къ столоначальнику, говорю ему, что вотъ такъ и такъ... ну, онъ было и выслушалъ меня, да какъ кончилъ я: что жъ, говорить, дальше-то? я говорю: «дальше, говорю, ничего нѣтъ, потому что я все разказалъ». — А! говорить, если ничего больше нѣтъ... хорошо, говорить. И ушелъ съ этимъ, да съ тѣхъ поръ я ужъ и изымать его никакъ не могъ.

— Ахъ ты, простыня безъ кружева! Да развѣ денегъ у тебя съ собой не было?

— Помилуйте, Павелъ Петровичъ, какъ не было-съ. Извѣстно, въ губернской городъ безъ денегъ нельзя-съ. Только очень ужъ они мудроно говорятъ, что и не поймешь, чего имъ желательно.

— Помоги, братъ, ты ему! обратился ко мнѣ Лузгинъ.

— А въ чемъ дѣло?

— Содержалъ я здѣсь на рѣчкѣ, на Песчанкѣ, казенную мельницу-съ, содержалъ ее двѣнадцать лѣтъ... Только стараніями

своими привелъ ее, можно сказать, въ отличнѣйшее положеніе, и капиталъ тутъ свой положилъ-съ...

— Ну, капиталу-то ты немного положилъ, замѣтилъ Лузгинъ.

— Нѣтъ-съ, Павелъ Петровичъ, положилъ-съ, это именно какъ предъ Богомъ положилъ-съ — это вѣрно-съ. Только вотъ приходитъ теперь двѣнадцатый годъ къ концу... мнѣ бы то-есть пользу бы начать получать, а нѣ тутъ торги новые назначаютъ-съ. Такъ мнѣ бы, ваше высокоблагородіе, желательно, чтобъ безъ торговъ-то ее какъ-нибудь...

— То-есть вамъ желательно бы было, чтобы въ вашу пользу смошенничали?

— Э, братъ, какъ ты рѣзко выражаешься! сказалъ Лузгинъ, съ видимымъ неудовольствіемъ: — кто же тутъ говорить о мошенничествахъ! а тебя просить, нельзя ли *направить* дѣло?

— Да я-то что жъ могу тутъ сдѣлать?

— А ты возьми въ толкъ—человѣкъ-то онъ какой! золото, а не человѣкъ! для такого человѣка душу прозакладывать можно, а не то, что мельницу безъ торговъ отдать!

— Да я-то все-таки тутъ ничего не могу.

— Э, любезный! дрянъ ты послѣ этого!

Онъ отвернулся отъ меня и обратился къ Кречетову:

— Брось, братецъ, ты всѣ эти мельницы и переѣзжай ко мнѣ! Тебѣ чего нужно? чтобъ былъ для тебя обѣдъ, да была бы подушка, чтобъ подъ голову положить? ну, это все у меня найдется... Эй, Ларивонъ, водки!

Прошло нѣсколько минутъ томительнаго молчанія; всѣмъ намъ было какъ-то не ловко.

— А какія, Павелъ Петровичъ, нынче, ржи уродились! сказалъ Кречетовъ:—даже на удивленіе-съ...

— Гм... отвѣчалъ Лузгинъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, а потомъ машинально остановился передъ Кречетовымъ и посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Такъ ты говоришь, что ржи хорошія? произнесъ онъ.

— Отмѣннѣйшія-съ. Повѣрите ли, даже человѣка не видать—такая солома...

— Можетъ-быть колосомъ не выдуть? спросилъ Лузгинъ.

— Нѣтъ-съ и колосъ хорошъ, и зерно богатое-съ.

Принесли водки; Лузгинъ началъ какъ-то мрачно осушать

рюмку за рюмкой; даже Кречетовъ, который долженъ былъ при-
выкнуть къ подобнаго рода сценамъ, смотрѣлъ на него съ тай-
нымъ страхомъ.

— А ты не будешь пить? спросилъ меня Лузгинъ.

— Нѣтъ, я не пью.

— Разумѣется, разумѣется—куда жъ тебѣ пить? Пьютъ толь-
ко свиньи, какъ мы... выпьемъ, братъ, Василій Ивановичъ!

Мнѣ приходилось изъ рукъ вонъ не ловко. Съ одной стороны
я чувствовалъ себя совершенно лишнимъ, съ другой стороны
мнѣ какъ-то непріятно было такъ разительно обмануться въ мо-
ихъ ожиданіяхъ.

— Мнѣ надо бы въ городъ, сказалъ я.

Лузгинъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— Ты, можетъ-быть, думаешь, что я въ пьяномъ видѣ буй-
ствовать начну? сказалъ онъ:—а впрочемъ... эй, Ларивонъ! ло-
шадей *господину Щедрину!*

Черезъ полчаса мы разстались. Онъ сначала холодно пожалъ
мнѣ руку на прощанье, но потомъ не выдержалъ и обнялъ ме-
ня очень крѣпко.

Я поѣхалъ по пыльной и узкой дорогѣ въ городъ: ржи ока-
зались, въ самомъ дѣлѣ, удивительныя.

Н. Щедринъ.

ПРАВООПИСАТЕЛЬНЫЙ РОМАНЪ ВО ФРАНЦІИ

Madame Bovary, moeurs de province, par Gustave Flaubert.

Изъ всѣхъ произведеній литературы, романъ есть, безъ сомнѣнія, тотъ родъ ея, въ которомъ состояніе общества отражается съ наибольшею полнотою и ясностію. Броженіе общества, его стремленія, его потребности, его недостатки, болѣзни и пороки изображаются и составляютъ основаніе всякаго правоописательнаго романа, заимствуетъ ли онъ свое содержаніе изъ современнаго общества или изъ отдаленнаго прошедшаго. Такъ, на-примѣръ, одно изъ главныхъ достоинствъ романовъ Вальтеръ-Скотта заключается въ его гениальной способности переноситься въ давно-прошедшія времена и переносить туда съ собою своихъ читателей, съ такою силой, что имъ кажется, будто они когда-то жили сами посреди средневѣковыхъ нравовъ, посреди величавыхъ и вмѣстѣ грубыхъ и несложныхъ характеровъ тѣхъ временъ. Изученіе исторіи помогло Вальтеръ-Скотту создать множество живыхъ лицъ, которыя дополняютъ намъ ее, и благодаря мелочнымъ подробностямъ, объясняютъ въ ней многое, что было бы не въ ея средствахъ передать намъ. Какъ часто приходится намъ приняться за чтеніе романа, чтобы составить понятіе о той или другой эпохѣ! мало того, случается читать довольно плохой романъ для того только, чтобы получить ближайшее

понятіе о томъ времени, которое кануло въ вѣчность очень недавно, не заключая въ себѣ какого-нибудь, поразительнаго въ исторіи человѣчества, переворота. Въ этомъ смыслѣ, крайне интересны плохіе романы, писанные послѣ перваго императорства во Франціи, и еще интереснѣе тѣ, которые появились послѣ реставраціи. Въ нихъ очень ярко видны, даже при отсутствіи таланта въ авторѣ, и борьба партій, и направленіе идей, и нетерпимость католическаго принципа — крайнее изувѣрство однихъ подлѣ крайняго безвѣрія другихъ; особенно ярко отпечатлѣлась въ нихъ пошлость и узкость воззрѣнія лицъ, принадлежащихъ къ партіи новаго на старый ладъ порядка вещей, ведущаго непримиримую борьбу съ другими, не менѣе своекорыстными, но болѣе законными требованіями буржуазіи, борьбу, которая кончилась іюльскими днями. Прочитавъ правоописательный романъ, можно судить о многомъ, не бывши въ той странѣ, которая описана, и почти безошибочно, какъ по математическому разсчету заключить, на какой степени нравственнаго величія или упадка страна эта находится въ данную минуту. Эти мысли пришли намъ случайно, когда мы читали недавно появившійся французскій романъ: *Госпожа Бовари*, романъ возбуждившій много толковъ, и подавшій поводъ къ процессу, изъ котораго однако авторъ вышелъ побѣдителемъ. Романъ этотъ обвиняли въ безнравственности содержанія, но заслушавъ краснорѣчивую защиту, судъ долженъ былъ согласиться съ доводами, и оставить автора въ покоѣ, а романъ предоставить лишь суду публики; этотъ-то романъ, оправданный передъ судомъ присяжныхъ, лежитъ теперь передъ нами. Но прежде чѣмъ мы скажемъ объ немъ что-нибудь, посмотримъ, что писали, и какъ изображали намъ французское общество, нѣсколько времени тому назадъ. Сравненіе поясняетъ многое, и прошедшее часто даетъ мѣру для настоящаго.

Вскорѣ послѣ, или даже въ самый разгаръ уродливыхъ романтическихъ произведеній во Франціи, явились писатели, не совершенно покорявшіеся господствовавшему тогда приѣму романтиковъ. Поэтическая вена, живая наблюдательность и вкусъ, руководимый артистическимъ чутьемъ, помогли имъ не поддаться теченію потока, безумію моды, и посреди всеобщей аффектаціи, преувеличеній и уродливыхъ картинъ, положеній и образовъ, сохранить до нѣкоторой степени въ своихъ произведеніяхъ ту почву дѣйствительности, безъ которой невозможно построить поэтически-

го вымысла. Таковы Бальзакъ, Массонъ, Сулье, Сувестръ, Сандо, Стендаль и другіе. Писатели эти еще не забыты и нашею публикой, а произведенія ихъ читаются еще и теперь съ удовольствіемъ. Если всмотрѣться въ эти произведенія, то какъ не найти въ нихъ зародыша той болѣзни, которая гложетъ теперь французское общество? Мы говоримъ о зачаткахъ того бездушнаго эгоизма, который поставляетъ себѣ цѣлью удовлетворить, во что бы то ни стало, чувственные потребности, и преслѣдуя эту цѣль самоудовлетворенія, дѣлается неспособнымъ ни къ какимъ другимъ лучшимъ стремленіямъ. Бальзакъ описываетъ намъ уже общество, зараженное эгоизмомъ, и потому подвергся самъ упреку въ томъ, что горизонтъ его тѣсенъ, цѣли мелочны, а идеи недостаточны или узки. Конечно, возрѣніе Бальзака во многомъ, хотя и не во всемъ, гармонировало съ описываемымъ имъ обществомъ. Правда, что, рисуя намъ нравы французской аристократіи, Бальзакъ не поражаетъ, словомъ сатиры или негодованія, ея тщеславіе, пустоту, предразсудки и надменность, а иногда даже благоговѣетъ передъ этими недостатками, и восхищается тѣмъ, въ чемъ таилась будущая гибель ея. Прочтите только *Баль въ Со*, и многія другія его произведенія. Описывая намъ буржуазію, онъ опять впадаетъ въ ту же ошибку; онъ не казнитъ, а признаетъ мудрость и законность ея стремленій къ пріобрѣтенію, во что бы то ни стало, богатства и значенія, и защищаетъ эгоистическую пошлость нравовъ, и часто тупое непониманіе всего, что выходитъ изъ узкаго быта мѣщанскихъ добродѣтелей. Таковы его повѣсти: *César Biroteau* и *Eugénie Grandet*. Мелочность цѣли не пугаетъ Бальзака, онъ прельщается только упорствомъ и энергіей, съ которою она преслѣдуется, и серьезно стоитъ даже за того изъ своихъ героев, который добивается, хотя бы то было цѣной всей жизни, или что еще важнѣе, своихъ убѣжденій, высокою честью быть въ гостиной маркизы Босеанъ, и носить перчатки и сюртукъ, не хуже потомковъ Монморанси и другихъ имъ подобныхъ. Также законна и привлекательна, если судить по той любви, съ которою онъ ее описываетъ, кажется ему цѣль копить милліоны и, запирая ихъ въ ларецъ, ѣсть черствый хлѣбъ, въ холодной комнатѣ, посреди всѣхъ лишеній, совмѣстныхъ лишь съ крайнею бѣдностью; таковъ его старикашка Гранде. Наконецъ, не видать ли крайняго обмелѣчанія общества въ положеніи женщины, и въ нравственномъ ея развитіи, чему примѣромъ служатъ героини романовъ Бальзака? И тутъ, какъ всегда, Баль-

закъ описываетъ съ любовію, какъ день и утро женщины посвящены одному туалету, искусству причесаться, притереться, чтобъ скрыть небольшую морщину, признакъ приближающагося зрѣлаго возраста; забота большей части женщинъ Бальзака—тряпки и интриги, интриги и тряпки, посреди роскошныхъ комнатъ, изукрашенныхъ дорогими бездѣлушками и затѣйливою мебелью, которую, правда сказать, онъ рисуетъ намъ рукою настоящаго артиста. Не ясно ли, что Бальзакъ совершенно по плечу обществу, которое онъ такъ мастерски описываетъ? Онъ не только примирился съ нимъ, но еще часто поклоняется самъ золотому тельцу и благамъ міра сего. Онъ не негодуетъ, не презираетъ, не казнитъ, а часто, увы! ласкаетъ современные ему пороки и пустоту. Оттого нѣтъ у Бальзака ни идей, ни высокаго настроенія лиры, какъ напримѣръ у Жоржъ-Санда, о которой, какъ о выходящей изъ ряду обыкновенныхъ писателей, мы не скажемъ ни слова. Таковы, или почти таковы, Массонъ, Сулье, Сандо. Они взяли общество съ одной точки зрѣнія и преслѣдуютъ, каждый по своему, довольно узкую цѣль. Массонъ и Сулье видятъ вездѣ женъ, обманывающихъ мужей, и, описывая страсть, постоянно противопоставляютъ ее браку, заключая его въ самыя тѣсныя и прозаическія рамы и, не жалѣя героинь своихъ, казнятъ ихъ страшною казнію, не принимая даже во вниманіе и того, что во французскихъ присяжныхъ судахъ называется *circonstances atténuantes*. И однако, несмотря на все это, во всѣхъ этихъ писателяхъ и въ другихъ имъ подобныхъ, имена которыхъ не попались подъ наше перо, видна жизнь, жизнь горячая, которая кипитъ и льется, бушуетъ и стремится. Замѣьте только, какую роль играетъ страсть во всѣхъ ихъ произведеніяхъ. Правда, что герои и героини всѣхъ этихъ писателей, заражены средой, гдѣ развились они; они тщеславны или мелки, часто даже порочны; но всѣ они, несмотря на свои недостатки, способны къ искреннему увлеченію страсти, способны забывать себя, свои мелкія цѣли и эгоистическіе расчеты. Всѣ они доступны любви, какая бы ни была она, любовь ли отца къ дочери, мужа къ женѣ, или просто любви въ ея тѣсномъ смыслѣ, и лишь только страсть коснется ихъ, они облагораживаются и возвышаются нравственно. Любовь является горниломъ очищенія, чувствомъ святымъ и высокимъ, вызывающимъ все хорошее со дна души человѣческой, все угнетенное и подавленное житейскими заботами, эгоистическими потребностями обыденной жизни. Возьмемъ для примѣра хоть герцогиню де-Ланже, Бальзака, эту отъявленную кокетку,

эту львицу безъ сердца, жизнь которой заключается въ одномъ тщеславіи и искусствѣ плѣнять не любя. И она, эта повидимому бездушная кокетка, испытываетъ любовь въ свою очередь и, предавшись ей, разбиваетъ кумиръ, которому поклонялась, отрывается отъ блестящаго свѣта, безъ котораго не могла дышать, и мнѣніе котораго ставила выше чести, добродѣтели и цѣломудрія. Поставленная въ невозможность увѣрить презиращающаго ее Монриво въ истинѣ своего чувства, она бѣжитъ на край свѣта и запирается въ монастырь кармелитокъ, гдѣ оплакиваетъ свои прежнія заблужденія. Точно также старикъ Горіо становится героемъ самоотверженія изъ любви къ дочерямъ, Давидъ Сешаръ изъ любви къ сестрѣ, а Маргарита изъ любви къ отцу. Вездѣ любовь, какъ обновляющее начало, начало добра, самосознанія, божественная искра, тлѣющая въ душѣ каждаго, искра которая, ставъ пламенемъ, очищаетъ самую пошлую, самую испорченную натуру. Понимать и описывать любовь такимъ образомъ не значить ли еще вѣрить, безсознательно быть-можетъ, но все же вѣрить, въ возможность нравственнаго усовершенствованія, въ добро? не значить ли не совѣмъ отказаться отъ благородной экзальтаціи, и принимаясь съ сочувствіемъ описывать одни людскіе недостатки, помимо воли изобразить и доброе начало, которое если заглохло, то еще не вымерло, и просыпается равно, какъ въ авторѣ, такъ и въ вымышленныхъ имъ лицахъ, при сильномъ прикосновеніи живаго, обновляющаго чувства? Человѣкъ, который вѣрить еще въ возвышенную любовь, не можетъ-быть ни сухимъ, ни вполне безнравственнымъ, ни отжившимъ. Таковъ Бальзакъ и многіе другіе, и еще больше таковы Сувестръ и Стендаль, нынѣ забытый и никогда не блиставшій свѣтомъ первой величины на литературномъ горизонтѣ. Мы рады случаю сказать о немъ теперь нѣсколько словъ. Онъ мало былъ извѣстенъ, впервыхъ оттого, что писалъ очень мало, да и тотъ романъ его *le Rouge et le Noir*, который болѣе прочихъ извѣстенъ, написанъ не въ духъ французской публики. Французская публика любитъ щеголеватую отдѣлку фразы, блестящую форму, эффекты, и уже никакъ не довольствуется однимъ анализомъ характеровъ, какъ бы сложны они ни были; Французу-читателю надо блескъ, а не глубину; онъ обращаетъ все свое вниманіе на форму, наслаждается ею, и не способенъ, за отсутствіемъ ея, оцѣнить богатство мыслей и внутренняго содержанія. Кромѣ того Стендаль писалъ, чтобы писать, писалъ изъ внутренней потребности, но ни для кого осо-

бенно. Всякій писатель имѣетъ свой кругъ читателей, особенно во Франціи. Бальзакъ былъ любимцемъ не одного дворянства, но и буржуазіи, которая стремилась, усвоивъ формы и привычки дворянства, занять его мѣсто. Сулье, Дюма, Сувестръ и другіе нравились многимъ по внѣшней занимательности вымысла; узкая мораль Массона, не выдавшая различія между проступкомъ и порокомъ, приходилась по плечу мѣщанскимъ понятіямъ. Поль-де-Кокъ читался гризетками, людьми пустыми, а отъ скуки, и порядочными людьми. Жоржъ-Сандъ (позднѣе) былъ съ жадностью пожираемъ всѣмъ, что было молодо, страстно, и жаждало идеала и идей. Для кого писалъ Стендаль? Онъ не католикъ, не аристократъ, не мѣщанинъ, не узкій моралистъ, не острякъ и не шутникъ; нѣтъ веселой струны въ его лирѣ, нѣтъ и чувствительности, въ строгомъ смыслѣ слова, нѣтъ и экзальтаціи, нѣтъ и идей, если хотите. Но за то, въ глубинѣ его произведеній вы слышите звукъ больной струны, звукъ горькій, изобличающій страданія человѣка, котораго не удовлетворяетъ положеніе общества. Онъ даже презираетъ общество, онъ не мечтаетъ о лучшемъ порядкѣ вещей, какъ Жоржъ-Сандъ, онъ не видитъ исхода, и съ холоднымъ отчаяніемъ томится жизнію, не желая даже смерти, за которую, кто знаетъ, что еще ждетъ человѣка. Стендаль скептикъ по принципу, матеріалистъ по доводамъ разсудка, и только по тайному и необъяснимому для него самого стремленію, чувствуетъ порою, что есть какой-то высшій порядокъ надъ землею и надъ жизнію. Стендаль лицо страдающее, измученное, ожидающее, и не вѣрящее въ предметъ своего ожиданія, — надѣющееся на лучшее, доказывая постоянно, что лучшаго нѣтъ. Эта двойственная натура Стендаля вылилась въ героѣ его романа *Жюльенъ* и возбуждаетъ въ читателѣ горячее сочувствіе, и до боли доходящую, симпатію, какъ къ автору, такъ и къ герою имъ созданному. Стендаль въ своемъ романѣ *le Rouge et le Noir* взялъ болѣе широкую сторону жизни, вышелъ на болѣе обширное поле, чѣмъ всѣ другіе французскіе писатели, о которыхъ мы говорили. Въ «Жюльенѣ» онъ описалъ намъ человѣка, желающаго достигнуть не одного счастья быть въ салонѣ маркизы Босеанъ, или другой подобной ей львицы. Онъ нарисовалъ намъ честолюбца, но честолюбца, одареннаго пламенными страстями, и увлеченнаго ими за цѣль, которую онъ преслѣдуетъ. Кромѣ того въ «Жюльенѣ» обличаются всѣ главные современные недостатки и пороки; онъ исполненъ безумнаго самолюбія, сухой страсти, практической ловкости, зависти ко всему, что по обществен-

ному положенію выше его, и презрѣнія ко всему, что ниже его; это однако не мѣшаетъ ему быть всегда гордымъ и часто благороднымъ; образъ его полонъ поэзіи и граціи, и несмотря на порочную теорію, которою онъ руководствуется, принимая ее за правило, онъ умѣетъ любить и внушаетъ самъ страстную любовь къ себѣ. Двѣ женщины, между которыми онъ поставленъ—два замѣчательные, благородные женскіе типа, которые могутъ стать наравнѣ съ любимыми лицами, созданными воображеніемъ первоклассныхъ писателей. Прибавимъ, что *le Rouge et le Noir* особенно замѣчателенъ по своему политическому направленію, и по негодованію, съ которымъ авторъ смотритъ на католическую интригу, читатель угадываетъ въ немъ челоуѣка, глубоко оскорбленнаго пошлостію той среды, гдѣ онъ живетъ, челоуѣка, способнаго на грозный протестъ и горячую филиппику. Стендаль, во многомъ, напоминаетъ Альфреда де-Мюссе, и въ этой длинной цѣпи писателей, намъ кажется, Сувестръ есть связывающее звѣно между безучастіемъ Бальзака и негодованіемъ, составляющимъ живую струну таланта Стендаля, а Стендаль, также какъ и Мюссе, предшественникъ пламенныхъ стремленій Жоржъ-Санда. И вотъ едва только Жоржъ-Сандъ въ своей Лукреціи Флоріани сказала послѣднее слово, и потомъ почти смолкла надолго, какъ явилась цѣлая фаланга писателей, которая наводнила французскую литературу новымъ родомъ произведеній. Ни одинъ изъ писателей новаго поколѣнія не стоитъ во главѣ новой школы, и однако большинство французской публики, до сего дня, постоянно читаетъ эти многочисленные право-описательные романы. Но если между ними вѣтъ замѣчательныхъ талантовъ, возразятъ намъ, то можетъ-быть есть идеи, направленіе, по крайней мѣрѣ практическое знаніе жизни и лагерротипическое изображеніе ея. На это мы не беремся отвѣчать иначе, какъ изложивъ содержаніе новаго романа г. Флобера: *Госпожа Бовари, провинціальные нравы*. Скажемъ, прежде всего, что г. Флобера упрекали въ томъ, что онъ будто бы подражаетъ Дюма-сыну и другимъ, и что романъ его есть не болѣе какъ сколокъ съ послѣднихъ романовъ, имѣвшихъ наиболѣе успѣха. Это обвиненіе, также какъ и шумъ, и толки, которые романъ Флобера возбудилъ во Франціи, заставляютъ насъ обратить на него особенное вниманіе нашихъ читателей, какъ на произведеніе, принадлежащее въ тому обильному роду, который теперь господствуетъ во Франціи.

I

Шарль Бовари, сынъ небогатыхъ родителей, выдержавъ экзаменъ лѣкаря, поселяется въ маленькомъ мѣстечкѣ Тостѣ и женится, по желанію матери, на некрасивой вдовѣ, которая приносить ему въ приданое 1200 франковъ годового дохода. Шарль—человѣкъ добрый, тихій, безталанный и слабый характеромъ. Онъ несчастливъ съ женою, и однажды, призванный въ качествѣ врача къ фермеру Руа, влюбляется въ дочь его, которая была воспитана въ Урсулинскомъ монастырѣ, и получила тамъ отличное образованіе, то-есть умѣла танцовать, рисовать и играть на фортепіано, знала географію и исторію. Сначала посѣщенія Шарля были часты, но потомъ, покоряясь приказаніямъ жены и матери, замучившихъ его своею ревностью, онъ принужденъ былъ прекратить ихъ, хотя и чувствовалъ, что любить дѣвицу Руа сильнѣе прежняго.

Въ это самое время жена Шарля, вслѣдствіе ссоры съ его родителями, возникшей по поводу ея состоянія, которое оказывается весьма сомнительнымъ, умираетъ очень кстати. Такимъ образомъ препятствія устранены, и Шарль можетъ жениться. Эмма Руа скучаетъ на фермѣ отца, и потому принимаетъ предложеніе городского лѣкаря. Послѣ свадьбы, Эмма, не теряя времени, занимается украшеніемъ квартиры своего мужа, заставляетъ его купить нѣчто въ родѣ кабриолета, а потомъ... потомъ, не чувствуя особеннаго счастья, хотя до замужства и воображала себя влюбленною въ жениха, спрашиваетъ у себя, что бы такое значили слова: *блаженство, страсть, упоеніе*, которыя она вычитала въ книгахъ. Не таковъ Шарль; онъ влюбленъ не на шутку, и вотъ какъ авторъ описываетъ намъ его душевное состояніе:

«Онъ былъ счастливъ и не заботился ни о чемъ. Обѣдъ съ глазъ, прогулка вечеромъ вдоль большой дороги, видъ ея шляпки, повѣшенной около окошка, возможность пригладить рукою ея волосы, зачесанные въ бандо, и многія другія вещи, въ которыхъ до тѣхъ поръ Шарль и не подозревалъ наслажденія, составляли теперь его постоянное счастье. По утру въ постели, рядомъ съ нею, онъ смотрѣлъ на лучъ солнца, который пробирался сквозь легкій, бѣлокурый пушокъ ея щекъ, обрамленныхъ лапками фестоновъ чепчика. Вблизи глаза ея

казались больше, особенно въ то время, когда, просыпаясь, она нѣсколько разъ открывала вѣки; глаза ея, черные въ тѣни и темно-голубые при свѣтѣ, казалось, были составлены изъ двухъ колеровъ, положенныхъ другъ на друга; они были гуще на днѣ и свѣтлѣе въ поверхности. Его глаза утопали въ глубинѣ ея глазъ, и въ нихъ онъ могъ видѣть свой миніатюрный поясной портретъ, съ фуляромъ на головѣ и съ немного-раскрытою на груди рубашкой. Онъ не могъ удержаться, чтобы поминутно не брать въ руки ея гребня, колець, косынки; иногда онъ цѣловалъ ея щеки полновѣсными поцѣлуями, или покрывалъ ея руки, отъ кончика пальцевъ до плеча, едва слышнымъ прикосновеніемъ губъ, а она, полуулыбаясь и скучая, отталкивала его отъ себя, какъ отталкиваютъ ребенка, который виснетъ на шеѣ.

А Эмма была странная женщина!

Когда ей минуло тринадцать лѣтъ, отецъ отвезъ ее въ прородъ и помѣстилъ для воспитанія въ монастырѣ.

Въ монастырѣ Эмма не скучала. Ей нравилось общество добрыхъ монахинь, которыя, забавляя ее, водили ее въ часовню по темному, длинному корридору. Эмма не любила играть въ свободные отъ уроковъ часы, хорошо понимала катихизисъ, и на трудные вопросы она одна находилась отвѣчать отцу викарію.

«Такимъ образомъ она жила посреди теплой атмосферы классовъ, между этими блѣдными женщинами... Въмѣсто того, чтобы слушать обѣдню, она разсматривала въ своемъ молитвенникѣ священныя картинки, обрамленныя голубою краской... Она пыталась, для умерщвленія плоти, не ѣсть цѣлый день и выискивала, нельзя ли сдѣлать какое-нибудь обѣщаніе, чтобы потомъ его исполнить. Исповѣдуясь, она выдумывала грѣхи, чтобы подольше стоять на колѣняхъ, въ полусвѣтѣ, и прислоняя лицо къ рѣшеткѣ, слушать шопотъ священника... Она любила море, потому что на морѣ бываютъ бури, а зелень ей нравилась тогда только, когда она пробивалась сквозь развалины. Вообще, она любила только то, изъ чего ей было возможно извлечь личную пользу, и все то, что не могло насытить ея сердца, было отброшено ею, какъ ненужное. Въ ней было мало артистическаго, она была скорѣе сентиментальна по темпераменту, и искала ощущений, а не пейзажей.»

Въ монастырѣ ходила старая дѣвушка, которая шила бѣлье, и проводила въ немъ каждый мѣсяцъ одну недѣлю. Ей покровительствовалъ архіепископъ, потому что она принадлежала къ старинной дворянской фамиліи, разорившейся во время революціи; она обѣдала въ трапезѣ вмѣстѣ съ сестрами, и послѣ обѣда бол-

тала съ ними, прежде чѣмъ принималась опять за работу. Часто пансіонерки вырывались изъ класной, чтобы повидаться съ нею. Она знала наизусть любовныя пѣсни прошлаго вѣка, и пѣла ихъ вполголоса, продолжая шить; она разказывала исторіи, городскія вѣсти, исполняла порученія старшихъ пансіонеровъ и доставляла потихоньку романъ, который приносила въ карманъ, и который сама она, добрая дѣвица, почитывала урывкой между дѣломъ. Въ этихъ романахъ только бывало и рѣчи, что о любви, любовникахъ, любовницахъ; угнетенныхъ женщинахъ, которыя падаютъ въ обморокъ въ уединенныхъ павильонахъ. Въ такихъ романахъ на каждой станціи убивали почтальоновъ, и на каждой страницѣ описывались загнанныя лошади, дремучіе лѣса, встревоженные сердца, рыданія, слезы и поцѣлуи, ладьи при свѣтѣ луны, соловьи въ дубравѣ, кавалеры храбрые какъ львы, смиренные какъ овечки, добродѣтельные до невозможности, всегда великолѣпно одѣтые, и вѣчно плачущіе, какъ надгробная урна. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ, пятнадцатилѣтняя Эмма марала себѣ руки въ этой пыли старыхъ книгъ.»

Потомъ мы узнаемъ, что Эмма заглядывается на картинки кипсековъ, и на какія именно. Если читатель интересуется этимъ, мы скажемъ ему, что картинки походили на тѣ романы, о которыхъ только-что шла рѣчь.

«Когда она узнала о смерти матери, то плакала много въ первые дни. Она заказала себѣ картинку изъ волосъ покойницы, представлявшую кладбище и надгробный памятникъ, и написала длинное письмо къ отцу, исполненное грустныхъ размышленій о жизни; она просила, чтобы ее похоронили въ одной могилѣ съ матерью. Старикъ отецъ вообразилъ себѣ, что она больна, и пріѣхалъ къ ней тотчасъ. Эмма была внутренно довольна собою и тѣмъ, что сразу стала изравнѣть съ идеальными блѣдными дѣвами, до которыхъ, конечно, не могутъ достигнуть обыкновенныя души. Она утопала въ Ламартиновскихъ мелодіяхъ, внимала музыкѣ арфы на озерѣ, пѣнію умирающаго лебедя, паденію всевозможныхъ листьевъ, чистымъ дѣвамъ, возносящимся на небо, и голосу, глаголющему въ пустынѣ. Однако все это ей скоро наскучило, но она не хотѣла въ томъ признаться, и продолжала мечтать сперва по привычкѣ, потомъ изъ тщеславія, и наконецъ почувствовала съ удивленіемъ, что все въ ней успокоилось, и что у ней не было печали въ сердцѣ, какъ не было морщинъ на лбу.»

Добрыя монахини, которыя такъ надѣялись сдѣлать изъ Эммы новообращенную бѣлицу, съ удивленіемъ примѣтили, что она ускользаетъ отъ нихъ. Дѣйствительно, онѣ такъ заботились о

томъ, чтобы она ходила въ церковь, читала молитвы и слушала проповѣди; такъ краснорѣчиво говорили ей и надѣляли ее столькими добрыми совѣтами объ умерщвленіи плоти и спасеніи души, что Эмма *уперлась какъ лошадь*, и узда выскользнула у ней изъ зубовъ. Несмотря на *энтузіазмъ*, умъ Эммы былъ умъ практиче-скій. Ей нравилась церковь, потому что въ ней были цвѣты, мѣзыка нравилась за слова романсовъ, а литература за страстность, которую она возбуждала въ ней. Эмма взбунтовалась противъ монашеской строгости правилъ, потому что она была совершенно противна ея комплексіи. Когда отецъ взялъ ее изъ пансіона, монахини были рады ея отъѣзду, а настоятельница находила даже, что въ послѣднее время Эмма была крайне непочтительна къ сестрамъ. Эмма, возвратясь къ себѣ, сначала съ удовольствіемъ занялась должностію хозяйки и управляла слугами отца, потомъ ей опротивѣла деревня, и она стала сожалѣть о монастырѣ. Когда Шарль въ первый разъ пріѣхалъ въ ферму Берто, она считала себя разочарованною, женщиной, которой нечего ждать и невозможно чувствовать. Однако тревога новаго положенія, или быть-можетъ настроенность, навѣянная постояннымъ присутствіемъ влюбленнаго мужчины, заставили ее вѣрить, что она наконецъ испытываетъ эту чудную страсть, которая до тѣхъ поръ, какъ птица о розовыхъ крыльяхъ витала въ поэтическихъ небесахъ, не даваясь ей въ руки... Когда же она вышла замужъ, то не могла вообразить, что спокойствіе, которое она испытывала, было то счастье, о которомъ она такъ много грезила.

«Иногда она думала о томъ, что эти дни—лучшіе дни въ ея жизни, что это ея медовый мѣсяцъ; но для того, чтобы насладиться имъ, ей бы хотѣлось уѣхать въ тѣ страны, названія которыхъ такъ грозили, гдѣ день слѣдующій за бракомъ долженъ быть полонъ чарующей лѣтніи. Въ почтовой каретѣ, съ опущенными голубыми сторами, ей бы хотѣлось взобраться на крутую гору, слушая пѣсню почтальйона, которая вторится въ горахъ, откуда слышно паденіе водопада да серебряные бубенчики козъ. Когда на этихъ заливахъ зайдетъ солнце, хотѣлось бы подышать ароматомъ лимонныхъ рощъ, а вечеромъ на террасахъ виллъ, вдвоемъ, сплетясь руками, поглядѣть на звѣзды и помечтать вволю. Ей казалось, что на землѣ есть страны, гдѣ счастье распускается какъ цвѣтокъ, свойственный той почвѣ, и который не можетъ расти въ другомъ мѣстѣ. Почему не могла она облокотиться на балконъ швейцарской хижины, или скрыть свою тоску въ шотландскомъ котеджѣ, подлѣ мужа, одѣтаго въ бархатное черное платьѣ, съ высокою остроконечною шляпою на головѣ, съ маншет-

ками у рукавъ, обутого въ мягкіе сапоги? Быть-можетъ ей бы хотѣлось повѣрить все это кому-нибудь; но какъ разказать неуловимый недугъ, который измѣняется какъ бѣгущее облако, крутится какъ вѣтеръ? Ей не доставало ни словъ, ни случая, ни смѣлости высказаться. Еслибъ однако Шарль захотѣлъ угадать ее, еслибъ взглядъ его хотя однажды пошелъ на встрѣчу ея мысли, ей чудилось, что отъ сердца ея отпадетъ обиліе, подобное тому, которое отпадаетъ отъ дерева, когда плоды его уже спѣлы, и до нихъ дотронулась рука, собирающая ихъ. Но чѣмъ тѣснѣ общая жизнь связывала ее съ мужемъ, тѣмъ сильнѣе внутреннее отчужденіе отдаляло ее отъ него.»

Шарль однако никакъ не могъ оправдать всей этой романтической шумихи словъ, былъ счастливъ по своему и радовался, что Эмма не только умѣетъ играть на фортепіано и рисовать весьма порядочно, но еще толковито занимается хозяйствомъ, и въ воскресенье, когда у него обѣдаетъ сосѣдъ-пріятель, такъ мило умѣетъ угостить его и подать пирамиду грушъ, артистически переложенныхъ широкими листьями винограда. При случаѣ Эмма умѣла написать очень милое письмо, учтивое и щегольское, въ которомъ просила заплатить мужу деньги, слѣдующія ему за докторскіе визиты. Шарль гордился женой, одѣвалъ ее какъ куколкѣ, не стѣснялъ ея свободы и не могъ налюбоваться ею. Только мать Шарля была недовольна своею невѣсткой; она находила, что ея приемы и привычки не совмѣстны съ ихъ скромнымъ положеніемъ въ обществѣ, что дрова, сахаръ и свѣчи выходятъ у ея невѣстки такъ же скоро, какъ въ любомъ знатномъ домѣ, что въ кухнѣ жгутъ уголья, которыхъ бы достало на приготовленіе двадцати пяти блюдъ. Она учила Эмму складывать бѣлье и принимать мясо у мясника. Эмма-выслушивала наставленія свекрови; слова: дочь моя, матушка, повторялись безпрестанно, хотя губы обѣихъ тряслись отъ волненія, и голосъ дрожалъ отъ злости.

Такимъ образомъ ни худо, ни хорошо, шло хозяйство и супружество Шарля, когда онъ получилъ приглашеніе на обѣдъ и балъ, въ замокъ Вобуиссаръ, къ маркизу Андервилье. Тутъ начинается драма, первыя впечатлѣнія, первыя потрясенія, первая буря. Любви? скажете вы читатель: — потерпите немного; вотъ вамъ точный переводъ цѣлой страницы. Если фразы и выраженія покажутся странны, мы предупреждаемъ, что не беремъ отвѣтственности на себя. Переводчикъ рабъ автора.

«У самаго входа Эмма уже почувствовала, что она вся окружена теплою атмосферой, смѣсью аромата цвѣтовъ и дорогаго бѣлья, ис-

парений мясныхъ блюдъ и запаха трюфелей. Свѣчи канделябровъ *вытлѣивали* свое пламя до *серебряныхъ колокольчиковъ*; отъ граненаго хрустала покрываго матовымъ паромъ *исходили блѣдные лучи*; букеты тянулись прямою линіей по всему столу, а въ тарелкахъ, обрамленныхъ нпировыми коймами, стояли накрахмаленныя салфетки, въ которыхъ вложены были овальные хлѣбы. Изъ блюдъ торчали красныя лапки морскихъ раковъ; роскошныя плоды въ рѣзныхъ корзинахъ возвышались на зеленомъ мху; жареныя перепелки сохранили еще свои перья, паръ кушаньевъ дымился. Въ чулкахъ и башмакахъ, въ бѣломъ галстукѣ, почтенный, какъ судья, дворецкій просовывалъ блюда между плечами гостей, и однимъ ударомъ ложки, ловко бросалъ вамъ на тарелку выбранный вами кусокъ. На большой фарфоровой печкѣ, изукрашенной мѣдными багетками, статуя женщины, до подбородка драпированная мантией, неподвижно глядѣла на залу, полную гостей. На концѣ стола, одинъ посреди всѣхъ этихъ женщинъ, старикъ, склонясь на полную тарелку, съ подвязанною салфеткой, какъ у ребенка, жадно ѣлъ кушанья; изо рта его *текъ соусъ* на его тарелку. Глаза его у вѣкъ были обрамлены красноватою опухолью, а на спинѣ его лежала коса, завернутая въ черную ленту. Это былъ отецъ маркиза, старый герцогъ Лавердиеръ, бывший фаворитъ герцога д'Артуа и королевы Маріи Антуанетты. Его буйныя оргіи, дуэли, пари, похищенныя имъ женщины, разстроили его состояніе. Сзади его стоялъ лакей и называлъ ему по имени тѣ блюда, на которыя ему герцогъ указывалъ, заикаясь. Поминутно глаза Эммы сами собою обращались на этого старика съ отвисшими губами, какъ на что-то *необыкновенное и почтенное*. Онъ жилъ при дворѣ и былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ королевѣ.»

За описаніемъ обѣда, слѣдуетъ описаніе бала, и въ особенности вальса, на который героиня приглашена виконтомъ. Авторъ не упускаетъ этого случая, и высказываетъ свой оригинальный взглядъ на этотъ танецъ въ такой фразѣ, которую не только перевести, но и читать какъ то совѣстно. Впрочемъ она не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго, кромѣ безстыдства выраженія и претензіи нарисовать ужъ слишкомъ вольную картину.

Посѣтивъ замокъ, Эмма не только ужъ не любитъ, но даже презираетъ мужа, и когда онъ, возвращаясь домой, садится за столъ, и при видѣ своего супа съ лукомъ и куска телятины съ щавелемъ, добросердечно восклицаетъ, потирая себѣ руки: «Не правда ли какъ пріятно очутиться дома?»—жена не отвѣчаетъ ему, а бранится съ горничной и выгоняетъ ее вонъ изъ дому.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ прогнала ее? говорить добрый, честный Шарль.

— Да кто же можетъ помѣшать мнѣ? отвѣчаетъ Эмма.

Послѣ обѣда Шарль закуриваетъ сигару, она замѣчаетъ ему презрительно: «Тебѣ это вредно.» Онъ тотчасъ въ угоду ей бросаетъ сигару. Дѣло въ томъ, что эти сигары Шарль нашелъ на дорогѣ, въ богатомъ портъ-сигарѣ, принадлежащемъ виконту, тому самому, который танцевалъ съ Эммой. Эмма потихоньку отъ мужа прячетъ портъ-сигаръ въ свой комодъ, и когда Шарль уходитъ со двора, то бережно вынимаетъ его, разсматриваетъ нюхаетъ и мечтаетъ.

«Быть-можетъ, этотъ портъ-сигаръ, думаетъ она, подарокъ его любовницы. Его, быть-можетъ, шили въ пальцахъ изъ палисандроваго дерева, въ маленькихъ пальцахъ, которыя прятали отъ нескромныхъ глазъ. Сколько часовъ вышивали его, и на него упали мягкіе локоны задумчивой швеи. Дыханіе любви прошло между нитями этой канвы; каждый стежокъ иголки пришивалъ къ нему или надежду или воспоминаніе, и всѣ эти нити шелку были проводниками безмолвной страсти. Однажды утромъ виконтъ, вѣроятно, увезъ его съ собою. Когда этотъ портъ-сигаръ лежалъ на каминѣ между вазами цвѣтовъ, и часами à la Pompadour, о чемъ говорили въ гостиной? Она, Эмма, теперь въ Тостѣ, а виконтъ въ Парижѣ. Тамъ,— въ Парижѣ! Что это такое Парижъ? Какое необъятное слово! И она повторяла это слово: Парижъ, что доставляло ей необычайное удовольствіе. Это слово звучало въ ея ушахъ, какъ соборный колоколъ, оно горѣло передъ ея глазами постоянно, она его читала даже на своихъ помадныхъ банкахъ.»

Итакъ путешествіе въ замокъ Вобюиссаръ ископало *ему* въ ея жизни, *ему*, похожую на тѣ великія рытвины, которыя гроза въ одну ночь вырываетъ въ горахъ. Вы можетъ-быть думаете, читатель, что бѣдная Эмма влюбилась въ виконта, а вы, моя молодая читательница, въ этомъ увѣрены? — разуверьтесь, и утѣштесь: ничего подобнаго нѣтъ. Эмма только *свято спрятала* въ свой комодъ свое бальное платье, не исключая и башмаковъ, подошва которыхъ пожелтѣла отъ воску паркета. Сердце ея было какъ они, то-есть, какъ башмаки, черство, и жестко, быть-можетъ, какъ подошва, скажете вы, серьезный читатель. Нѣтъ, это только поэтическая вольность сравненія, которую намъ поясняютъ такъ: «въ *соприкосновеніи съ роскошью, на немъ* (то-есть на сердцѣ) *осталось что-то, что не могло уже стереться.*» Что же это такое? Да ничего особеннаго, просто развитіе страсти къ роскоши, въ доказательство чего Эмма, возвратясь къ себѣ, приступаетъ опять къ преобразованію своего хозяйства. Мы сказали уже, что вошедши къ себѣ въ комнаты,

она была возмущена видомъ телятины съ щавелемъ и съ радостью схватила за первый предлогъ, чтобы выгнать изъ дому старую служанку своего мужа. Она беретъ вмѣсто нея молодую дѣвочку, очень не дурную собой, которой было приказано не носить бумажныхъ чепцовъ и говорить, когда она обращается съ рѣчью къ господамъ своимъ, въ третьемъ лицѣ. Кромѣ этого Эмма выучивается ее подавать стаканъ воды на поднось, входить въ комнату не иначе, какъ постучавъ напередъ въ дверь, словомъ передаетъ ей по возможности всѣ приемы слугъ въ знатныхъ французскихъ домахъ. Молоденькая Фелисите покоряется всѣмъ этимъ затѣямъ, но зато крадетъ сахаръ, и по вечерамъ выходитъ изъ дому, чтобы болтать на улицѣ съ сосѣдними молодцами. А Эмма въ это время сидитъ въ своей комнатѣ, въ новомъ только-что сшитомъ пенуарѣ, съ шелковою кордельеркой вмѣсто пояса, съ открытымъ на груди лифомъ, изъ-подъ котораго видна въ мелкія складки сложенная рубашка. Туфли ея особенно замѣчательны по своей отдѣлкѣ и цвѣту. Она также купила себѣ бюваръ, папѣтьерку и весь приборъ для письменнаго стола, хотя, въ сущности, писать ей было не къ кому. Вскорѣ увидѣвъ у руанскихъ дамъ порядочные пучки брелочковъ, привѣшенныя къ часамъ, она запасается такими же и заводитися вазами для камина, и тысячью другими, столько же ненужными вещами. Совершивъ всѣ эти подвиги, Эмма рѣшительно не знала за что приняться, и потому по цѣлымъ часамъ глядѣлась въ зеркало, считала пыль съ этажерокъ; случалось, брала книгу въ руки, но скорѣ опускала ее на колѣна и принималась мечтать попрежнему, сожалея о монастырѣ, желая умереть, или ѣхать на житье въ Парижъ. Но ни смерть, ни жизнь въ Парижѣ не казались возможными, и въ ожиданіи чего-нибудь, она выписала себѣ журналы модъ, и въ нихъ изучала новые фасоны платьевъ, мебели, и читала съ упоеніемъ разказы о томъ, что происходитъ на скачкахъ и въ Булонскомъ лѣсу. Она особенно интересовалась дебютами актеровъ и актрисъ, знала наизусть свѣтскія исторіи, адреса новомодныхъ магазиновъ и портныхъ. Даже обѣдая съ мужемъ, она не выпускала изъ рукъ книгъ этихъ, и пока онъ ѣлъ, перелистывала страницы.

Между тѣмъ честный Шарль часто подъ знойнымъ солнцемъ или проливнымъ дождемъ объѣзжалъ на своей лошади деревенскихъ больныхъ, и въ потѣ лица вырабатывалъ деньги, да еще радовался, когда, возвращаясь домой, находилъ жену, одѣтую какъ куколка. Доставляя ей не только необходимое, но даже

относительно роскошную жизнь, онъ никогда не помышлялъ, что эти трудовыя деньги или хотя бы малая часть изъ нихъ могли доставить ему нѣкоторый комфортъ послѣ утомительныхъ трудовъ дня. Еслибъ Шарль былъ талантливѣе, Эмма могла бы примириться съ нимъ, надѣясь, что его имя, которое было ея именемъ, сдѣлается извѣстнымъ, будетъ повторяться въ журналахъ и печататься на оберткахъ вновь вышедшихъ книгъ; но Шарль не былъ честолюбивъ, и Эмма, думая о немъ и кусая себѣ губы, повторяла безпрестанно: «какой дрянной человѣкъ! какой дрянной человѣкъ!» Она ждала приключенія, которое измѣнило бы жизнь ея, но никакого приключенія не случилось; только отецъ ея пріѣхалъ повидаться съ нею и ея мужемъ.

«Шарль, занятый своими болѣзнями, мало бывалъ дома, и потому Эммѣ пришлось оставаться съ отцомъ съ глазу на глазъ. Онъ любилъ курить, плевалъ въ каминъ, говорилъ о поствѣ, коровахъ, быкахъ, птицѣ, и сельскомъ правленіи; когда онъ уѣхалъ, дочь, затворяя за нимъ двери, не могла не сознать въ себѣ чувства радости. Она уже не скрывала *своего презрѣнія ко всему и ко всему*, и часто озадачивала Шарля, принимаясь высказывать свои странныя мнѣнія, порицая то, что всѣ привыкли хвалить, и хвала безнравственныхъ или порочныхъ вещей.»

Мы уже видѣли, какъ оплакала Эмма мать свою; теперь мы имѣемъ мѣрку ея любви къ отцу и мужу; увидимъ, не пробудится ли въ душѣ ея что-нибудь похожее на чувство, когда она сама станетъ матерью. Отъ скуки или отъ бездѣлья, Эмма занемогаетъ нервною болѣзью; испуганный мужъ прописываетъ ей лѣкарства, которыя ей не помогаютъ. Такъ какъ Эмма терпѣть не можетъ Тоста, Шарль воображаетъ, что воздухъ этого мѣстечка вреденъ ей, уже не переѣхать ли ему куда-нибудь въ другое мѣсто? Но какъ сдѣлать это? Въ Тостѣ Шарль извѣстенъ и любимъ, практика его обширна, жизнь обезпечена; то ли будетъ въ другомъ мѣстѣ? какъ жить безъ практики? Но Эммѣ нѣтъ дѣла до всего этого, она жадно хватается за мысль о перемѣнѣ, и чтобы заставить мужа рѣшиться скорѣе, начинаетъ пить уксусъ, и разумѣется становится блѣднѣе, худѣетъ и кашляетъ. Шарль рѣшается ѣхать къ руанскому доктору, своему бывшему учителю, и просить его совѣта. Руанскій докторъ говоритъ, что въ нервныхъ болѣзняхъ необходима перемѣна климата. Шарль собираетъ необходимыя свѣдѣнія, и узнавъ, что въ мѣстечкѣ Юнвилъ нѣтъ доктора, переѣзжаетъ туда. Укладывая свои вещи, Эмма находитъ свой свадебный букетъ и вѣнокъ, она кидаетъ

ихъ въ огонь камина, и смотреть, какъ они крутятся, краснѣютъ, наконецъ обугливаются, превращаются въ пепелъ и улетаютъ въ трубу, подобно чернымъ бабочкамъ.

Когда въ мартѣ мѣсяцѣ они оставили Тостъ, Эмма была беременна.

II.

Вторая часть начинается описаніемъ мѣстечка Іонвиль-Абатство, названнаго такъ потому, что когда-то существовалъ подлѣ развалины капуцинскаго монастыря. Противъ трактира *Золотая Лява*, куда пріѣзжаетъ плохой дилижансъ *Ласточка*, выстроена большая аптека г-на Гоме; самъ Гоме ждетъ Шарля и его жену, потому что онъ увѣдомилъ Шарля о томъ, что въ ихъ округѣ нѣтъ лѣвара. Г. Гоме, весьма плохо знающій медицину, употребляетъ однако въ разговорѣ миллионъ разнообразныхъ ученыхъ терминовъ, и поражаетъ слушателей смѣлостью своихъ воззрѣній. Гоме вольтеріанецъ и матеріалистъ. Пока Шарль говоритъ съ Гоме, Эмма знакомится съ молодымъ чело-вѣкомъ, сидящимъ въ общей залѣ, который долго смотрѣлъ на нее въ то время, когда она грѣлась у камина, поднявъ свою юпку и выставивъ впередъ ногу, обутую въ черную трионелевую ботинку. Пламя камина освѣщало вполне всю ея фигуру, проникая сквозь ткань ея платья, сквозь гладкія поры ея блѣлой кожи, и даже сквозь вѣки ея глазъ, которые она безпрестанно щурила. Когда отворяли наружную дверь, яркій красный отблескъ порою обливалъ ее.

Молодой чело-вѣкъ, Леонъ Дюрюи, служилъ клеркомъ въ студіи нотаріуса Гильйомена, и по вечерамъ отъ нечего дѣлать ходилъ въ трактиръ *Золотая Лява*; онъ съ удовольствіемъ воспользовался предложеніемъ трактирщицы поужинать съ новопріѣзжими и аптекаремъ Гоме.

«Вы вѣрно устали, сказалъ Гоме Эммѣ, въ нашей *Ласточкѣ* порядочно укачиваетъ.

«Правда, отвѣчала Эмма:—но перемена мѣста забавляетъ меня.

«Жить на одномъ мѣстѣ ужасно скучно, сказалъ вздыхая Леонъ.

«Еслибъ вы, возразилъ Шарль, были принуждены, какъ я, жить постоянно верхомъ...

«Мнѣ кажется однако, прервалъ его Леонъ, обращаясь къ г-г

Бовари,—что ничто не можетъ быть пріятнѣе... если только это возможно, прибавилъ онъ.

«Въ это время аптекаръ продолжалъ разказывать Шарлю о количествѣ и качествахъ больныхъ и о разныхъ болѣзняхъ, наиболѣе встречающихся въ этой мѣстности.

«— Есть ли у васъ по крайней мѣрѣ мѣста для прогулки? спросила г-жа Бовари, продолжая разговоръ свой съ молодымъ человѣкомъ.

«—Очень мало; есть на верху пригорка, на опушкѣ лѣса, мѣстечко называемое *la Pâtur*e. Иногда въ воскресенье я хожу туда и съ книгой въ рукахъ люблюсь на заходящее солнце.

«— Для меня нѣтъ ничего прекраснѣе заката солнца, сказала она, — особенно на берегу моря.

«— О, я обожаю море! воскликнулъ Леонъ.

«— Къ тому же, неправда ли, сказала г-жа Бовари, переставая ѣсть,—что духъ человѣческій витаетъ свободнѣе надъ этимъ безбрежнымъ пространствомъ, созерцаніе котораго возвышаетъ душу и наводитъ ее на мысль о безконечности и идеалѣ?

«— То же самое можно сказать и о горныхъ пейзажахъ, подхватилъ Леонъ.—Прошлаго года одинъ изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ путешествовалъ по Швейцаріи; онъ говорилъ мнѣ, что нельзя себѣ представить поэзію озеръ, очарованіе каскадовъ и поразительные эффекты ледниковъ. Сосны неувѣроятной величины лежатъ поперекъ потоковъ, хижины висятъ надъ пропастями, и подъ ногами вашими, на тысячу футовъ внизу, разстилаются долины, которыя можно видѣть тогда только, когда облака разойдутся. Подобное зрѣлище должно внушать энтузіазмъ, повергать въ молитву и экстазъ! Я не удивляюсь, что какой-то славный музыкантъ, раздражая свое воображеніе, искалъ великолѣпнаго вида, чтобъ играть на фортепіано.

«— Вы музыкантъ? спросила она.

«— О нѣтъ, но я очень люблю музыку, отвѣчалъ онъ.

«— Не вѣрьте ему, г-жа Бовари, перебилъ ихъ Гоме:—это только скромность съ его стороны. Какимъ же образомъ, мой милый, вы еще вчера пѣли въ своей комнатѣ *l'ange gardien*, и пѣли удивительно. Я слышалъ васъ изъ моей лабораторіи; вы, какъ настоящій актеръ, умѣли придать особенное выраженіе этой аріи.

«— А какую музыку вы предпочитаете?

«— О, конечно, нѣмецкую; она заставляетъ мечтать.

«— Вы знакомы съ итальянскою музыкой?

«— Нѣтъ еще; на будущій годъ, когда я поѣду въ Парижъ, чтобы окончить изученіе права, я познакомлюсь съ ней.

Потомъ разговоръ переходитъ на поэзію и романы.

Такимъ образомъ, другъ возлѣ друга, они были вовлечены въ ютъ неопредѣленный размѣнъ мыслей, въ которомъ случайная

слова приводить къ неподвижному центру обоюдной симпатіи. Они перебрали все, переговаривали обо всемъ, и о заглавіяхъ романовъ, и о парижскихъ театрахъ, и о свѣтѣ, котораго не знали, и о Тостѣ, гдѣ она жила, и о Іонвилѣ, гдѣ они находились теперь. Послѣ ужина Эмма и Шарль отправились въ нанятый для нихъ домъ, принадлежавшій доктору, предмѣстнику Шарля. Шарль съ каждымъ днемъ все больше и больше лелѣялъ жену, которая скоро должна была сдѣлаться матерью.

Денежныя средства не позволяли Эммѣ сдѣлать такое приданое будущему ребенку, какое ей хотѣлось, — приданое, полное затѣй, колыбель въ видѣ ладьи, съ розовыми занавѣсками и пылыми пеленками. Въ припадкѣ желчи, она позвала какую-то швею, и заказала ей кое-что самое необходимое, не входя ни въ какія подробности. Шарль такъ часто говорилъ о будущемъ ребенкѣ ихъ, что и она стала думать о немъ.

«Эмма желала сына; онъ будетъ черноволосъ и силенъ; она назоветъ его Жоржемъ. Желаніе имѣть сына было не что иное, какъ надежда взять свое, и имъ поправить свое прошлое безсиліе. Мущина по крайней мѣрѣ свободенъ, онъ можетъ испытывать страсть, посѣтить дальнія страны, преодолѣть препятствія и достигъ далекаго счастья. Женщина связана; она гибка и вмѣстѣ съ тѣмъ неподатлива; ее стѣсняетъ и тѣлесное безсиліе, и зависимость, наложенная на нее закономъ. Воля ея, какъ вуаль ея плыпы, привязанный тесемкой, дрожить, колеблемая вѣтромъ; желаніе увлекаетъ женщину, а приличіе ее удерживаетъ.»

Однажды утромъ, при восходѣ солнца, Эмма родила. — Дочь! сказалъ Шарль. Она отвернулася, и съ ней сдѣлался обморокъ. Знакомые и родные съѣхались на крестины. Эмма занялась выборомъ имени для дочери, и послѣ многихъ преній остановилась на имени Маделены; но госпожа Бовари, мать, возстала противъ этого, говоря, что это имя напоминало великую грѣшницу. Тогда Эмма вспомнила, что въ замкѣ Вобюиссаръ одна молодая женщина называлась Бертой, и окончательно выбрала это имя.

Ей особенно нравилось общество свекра, который служилъ въ военной службѣ, былъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Стразбургѣ, говорилъ о своихъ прежнихъ любовницахъ, о роскошныхъ завтракахъ, въ какихъ, бывало, участвовалъ; онъ былъ очень любезенъ съ молодою невѣсткой своею и иногда обхватывалъ ее талію, и кричалъ сыну издали: берегись, Шарль! Госпожа Бовари, мать, зная хорошо своего почтеннаго супруга, испугалась за сына, и бо-

ясь, чтобы онъ не заразилъ жены его своими безнравственными мнѣніями, поспѣшила уѣхать и увезти его съ собою.

Маленькая Берта была отдана кормилицѣ въ деревню. Однажды, Эмма пошла повидаться съ дочерью и встрѣтила Леона. Она сказала ему, что крайне устала. — Если... сказалъ Леонъ и остановился, не смѣя продолжать. «Вы заняты?» спросила она его.

Леонъ отвѣчалъ отрицательно, а она пригласила его идти съ ней вмѣстѣ. Пришедши въ бѣдную хижину кормилицы крестьянки, Эмма взяла на руки дочь свою и вздумала ее укачивать. Леонъ, любуясь ею и ея щегольскимъ туалѣтомъ, выдававшимся ярче отъ нищеты, ее окружавшей, ходилъ взадъ и впередъ по тѣсной комнатѣ. Вдругъ Эмма покраснѣла, поспѣшила положить дочь въ ея кроватку и вышла поспѣшно вонъ изъ лачуги кормилицы. Леонъ не могъ понять, что случилось, слова кормилицы вразумили его.

— И! ничего! говорила она, я только и знаю, что мою ее? Будьте добры, прикажите лавочнику давать мнѣ мыла.

— Хорошо, хорошо, до свиданія, сказала Эмма, вытирая свои ноги на порогѣ лачужки.

Возвращаясь домой, они говорили о новой труппѣ испанскихъ танцовщицъ, которую ожидали въ Руанѣ. «Вы поѣдете?» спросила Эмма. — Если это будетъ возможно, отвѣчалъ онъ. Неужели имъ не о чемъ было говорить? Глаза ихъ, однако, говорили о болѣе серьезномъ настроеніи, и въ то время, когда они обмѣнивались обыкновенными незначащими фразами, обоюдное томленіе овладѣвало ими. Когда они дошли до небольшого сада, примыкавшаго къ дому, г-жа Бовари отворила калитку, взбѣжала на лѣстницу и исчезла изъ глазъ Леона. Онъ пошелъ въ свою студію, очинилъ перо, пересмотрѣлъ бумаги, и замѣтивъ, что нотариуса нѣтъ дома, взялъ шляпу и вышелъ вонъ. Онъ пошелъ на верхъ холма, на опушку лѣса, легъ подъ соснами на землю и сжавъ пальцы смотрѣлъ на солнце. «Какъ скучно! какъ скучно!» воскликнулъ онъ.

Ему казалось ужасно жить въ этой деревушкѣ, ужасно имѣть другомъ Гоме, и зависѣть отъ нотариуса Гильйомена. Жена аптекаря была отличная жена, смирна какъ баранъ, обожала своихъ дѣтей, отца, мать, даже двоюродныхъ братьевъ. Она плакала надъ несчастьемъ ближнихъ и ненавидѣла корсетъ, но зато она была такъ неповоротлива, такъ скучна; разговоръ ея былъ такъ незначащъ, а сама она такъ пошла, что ему никогда не пришлось задуматься о томъ, что ей тридцать лѣтъ, а ему двадцать, что онъ живетъ

подъ одною съ ней кровлей, и что она женщина, а не просто существо, только носящее юпку. Кромѣ ея кто же жилъ въ Лоувиль? Кое-какіе купцы, сельскій священникъ, два или три трактирщика и наконецъ г. Тювашъ, меръ, имѣвшій двухъ сыновей, плотныхъ, тупыхъ, здоровыхъ, отлично воздѣлывавшихъ свои земли. Но на этомъ обыкновенномъ фондѣ выдавалась фигура Эммы одинокая и далеко отъ него стоявшая, потому что онъ чувствовалъ, что между имъ и ею лежитъ какая-то пропасть, не совсѣмъ ему понятная.

По вечерамъ Эмма ходила въ гости къ аптекарю и его женѣ. Пока мужъ ея игралъ въ домино, она разговаривала съ Леономъ. Вскорѣ, между имъ и ею завязались близкія отношенія, и начался постоянный размѣнъ книгъ и романсовъ. Шарль не ревнивый, доверчивый и любящій, смотрѣлъ безъ удивленія и безъ тревоги на ихъ взаимныя отношенія. Зато Эмма смотрѣла иначе на мужа.

Однажды во время прогулки, Эмма взглянула на Шарля; его фуражка была надвинута на брови, его губы дрожали, что придавало лицу его что-то тупое; видъ самой спины его, его *спокойной* спины, раздражалъ ее, и ей казалось, что на этомъ сюртукѣ расплылась вся пошлость этого человѣка. Въ то время, какъ она разсматривала мужа, *упиваясь, несмотря на все свое раздраженіе, какою-то развращенною нѣгой*, Леонъ подошелъ къ ней. «Блѣдное отъ холода лицо его было томно; между его галстукомъ и слишкомъ широкимъ воротомъ рубашки виднѣлась бѣлая шея; кончикъ уха выглядывалъ изъ-за прядей волосъ, и его голубые глаза, поднятые къ облакамъ, показались Эммѣ чище и прекраснѣе голубыхъ водъ горныхъ озеръ, въ которыя смотрится небо.»

Одинъ изъ дѣтей аптекаря попалъ въ известку и вымаралъ себѣ ноги. Понадобился ножикъ; Шарль предложилъ его аптекарю. —Боже мой! онъ даже, какъ мужикъ, носить въ карманѣ ножикъ! воскликнула Эмма.

Вечеромъ этого дня, г-жа Бовари не пошла къ сосѣдямъ и осталась дома. Она улеглась въ постель и смотрѣла на ярко горѣвшій огонь камина, и ей казалось, что она видитъ передъ собою Леона, какъ видѣла его поутру, Леона, который въ одной рукѣ держитъ тонкую палку, и безпрестанно выгибаетъ ее, а въ другой руку маленькой Аталы. Какъ онъ милъ! Эмма не можетъ отвести отъ него своего взгляда; она вспоминаетъ другія

его позы, фразы, имъ сказанныя, звукъ его голоса, всю его фигуру наконецъ, и протянувъ впередъ губы, будто для поцѣлуя, повторяетъ: «Да, прелесть! прелесть! Ужели онъ не любить? Кого же онъ любить? Меня! меня!» — Всѣ доказательства тому представились ей сразу, и сердце ея дрогнуло. Пламя камина отражало на потолокъ яркій кругъ свѣта, который весело дрожало надъ нею; она легла и вытянула руки.

Послѣ этого, достойнаго памяти, вечера Эмма измѣнилась; она, принимая Леона, похвалила при немъ мужа, и сказала, что онъ очень добръ; перестала заниматься музыкой, чтеніемъ, говоря, что ей надо заняться хозяйствомъ, мужемъ, — наконецъ, своею обязанностію, которая должна всегда стоять на первомъ планѣ. Она взяла Бертю отъ кормилицы; Фелисите приносила ее въ гостиную, когда были гости, и г-жа Бовари раздѣвала при всѣхъ малютку, чтобы показать всѣмъ ея члены. Она объявляла, что обожаетъ дѣтей, что это ея утѣшеніе, ея радость, ея безуміе; всѣ эти слова были направлены лирическими изліяніями нѣжнѣйшихъ ласкъ. Въ то самое время, какъ всѣ сосѣди отзывались о ней съ похвалою, сердце ея было полно зависти, бѣшенства и ненависти. Это платье, подъ своими прямыми, строгими складками, скрывало бурно бывшее сердце, а цѣломудренно сжатая губы ея не разказывали о его волненіяхъ. Она была влюблена въ Леона и искала уединенія, чтобы насладиться вполне и безъ помѣхи его образомъ. Ей хотѣлось бы, чтобъ Леонъ угадалъ ее, и она воображала случайности, катастрофы, которыя могли бы помочь ему въ этомъ. Ее удерживалъ еще страхъ, или лѣнь, а болѣе всего *женская скромность*. Къ тому же ей было пріятно говорить самой себѣ: «я добродѣтельная женщина!» и тутъ же поглядѣться въ зеркало, принимая позу, полную отреченія; это утѣшало ее немного въ томъ, что она *пожертвовала собою*.

Въ это самое время она познакомилась съ купцомъ, который вызвался давать ей въ долгъ различные наряды; она оставила у себя нѣсколько вещей довольно дорогихъ, о цѣнѣ которыхъ не условилась. Купецъ Лерё обѣщалъ ей даже, въ случаѣ нужды, достать денегъ взаймы.

«Тогда чувственныя желанія, жажда денегъ и тоска страсти, все соединилось, чтобы мучить ее. Въмѣсто того, чтобы отвлекать мысли свои отъ всего этого, она прилѣплялась къ нимъ и искала предлога, чтобы предаться своему горю. Она сердилась за дурно-поданное блюдо, за растворенную дверь, вздыхала о бархатѣ, котораго пріобрѣсти не могла, о счастіи, котораго ей не доставало, о слишкомъ

сильныхъ грезахъ своихъ и о слишкомъ тѣсномъ домѣ своемъ. Ее выводила изъ себя мысль, что Шарль не догадывается о ея пыткѣ, и его убѣжденіе, что она счастлива, казалось ей нестерпимымъ оскорбленіемъ, а его спокойная увѣренность въ ней—неблагодарностью. Для кого же она силилась быть непорочною. Не онъ ли былъ преградой, отдѣлявшею ее отъ блаженства, первая причина ея бѣдствія? Не онъ ли былъ острою иглой этого твердаго ремня, который связывалъ ее со всѣхъ сторонъ? И на него одного она направила многочисленныя отрасли ненависти, вытекавшей изъ ея неудовольствій. Она возмущалась противъ *собственной мягкости* характера; не слишкомъ большія средства къ жизни заставляли ее предаваться роскошнымъ причудамъ, а супружеская нѣжность Шарля внушала ей преступныя желанія. Ей бы хотѣлось, чтобы Шарль прибилъ ее, дабы имѣть справедливый поводъ ненавидѣть его и отомстить ему. Иногда она сама дивилась страшнымъ соображеніямъ, которыя приходили ей на умъ...

Эммѣ хотѣлось бы убѣжать съ Леономъ, но она не знала еще, какъ сказать ему о томъ. Быть-можетъ, онъ уже пересталъ любить меня, говорила она себѣ и громко рыдала.

Она рѣшается идти къ аббату, чтобы повѣрить ему свою тайну и искать въ религіи утѣшенія; но вѣроятно эта благая мысль не могла пустить глубокаго корня въ ея сердцѣ, потому что, найдя аббата посреди дѣтей, которыхъ онъ училъ грамотѣ, Эмма тотчасъ возмущается *пошлостію занятія*, не высказывается, приходитъ домой и упадаетъ въ кресла, поступая въ этомъ случаѣ по всѣмъ правиламъ мелодрамы.

«Между окномъ и рабочимъ столикомъ стояла маленькая Берта; покачиваясь на своихъ слабыхъ дѣтскихъ ножкахъ, она силилась подойти къ матери и схватить ленты ея фартучка.

«— Оставь меня, сказала мать, отвоя ее рукою.

«Но малютка подошла опять и еще ближе, къ самымъ колѣнамъ матери, и облокотясь на нихъ, подняла на нее свои большіе голубые глаза; *струя чистой слюны* текла у ней изо рта на шелковый фартукъ Эммы.

«— Оставь меня! повторила молодая женщина, разсердившись. Выраженіе лица ея такъ испугало малютку, что она стала кричать и плакать.

«— Да оставишь ли ты меня! вскрикнула Эмма, отталкивая ее локтемъ, и Берта упала и разрѣзала въ кровь щеку о мѣдныя оправы коммоды. Г-жа Бовари бросилась подымать ее, оборвала звонокъ, звала изо всѣхъ силъ горничную и уже готова была проклинать себя, когда Шарль явился. Это былъ часъ обѣда—онъ возвращался домой.

«— Посмотри, мой другъ, сказала ему Эмма очень спокойно: — играя дѣвочка упала и убилась.»

Шарль успокоилъ жену: «Это ничего, пройдетъ», и пошелъ за дѣкарствомъ.

Госпожа Бовари не пошла въ столовую, она хотѣла *одна* ходить за своимъ ребенкомъ. При видѣ заснувшей дѣвочки, остатки ея безпокойства исчезли постепенно, и она нашла, что было очень глупо и смѣшно испугаться такой бездѣлицы. Берта уже не рыдала, и ея дыханіе почти незамѣтно приподымало бумажное одѣяло. Крупныя слезы еще дрожали на ея полуоткрытыхъ вѣкахъ, сквозь которыя можно было разглядѣть блѣдныя впалые глаза ея. Пластырь, покрывавшій разбитую щеку, вытянулъ вкось нѣжную ея кожу. «Странное дѣло, думала Эмма; *какъ дурна эта дѣвочка!*»

Въ 11 часовъ вечера, когда Шарль пришелъ изъ аптеки, онъ нашелъ жену свою у колыбели ребенка.

—Вѣдь я тебя увѣряю, что это пустяки, сказалъ онъ женѣ, цѣлуя ее въ голову.—Не мучь себя, милая, еще пожалуй разнеможешься.

Между тѣмъ время шло, а Леонъ, по свойственной всѣмъ молодымъ людямъ робости, не рѣшается прямо объясниться съ Эммой, и говорить ей о любви своей только намеками; ему наступаетъ время ѣхать въ Парижъ, и онъ отправляется.

Эмма впадаетъ въ пушную тоску и скуку, и горько раскаявается, *не въ любви своей*, а въ томъ, что въ этой любви не было развязки. Она однако недолго предается своей горести и забываетъ Леона при первой встрѣчѣ съ Родольфомъ Буланже, человекомъ лѣтъ двадцати семи, довольно богатымъ сосѣднимъ владѣльцемъ. Родольфъ красивъ собою, предприимчивъ и принадлежитъ къ породѣ провинціальныхъ щеголей-лихачей. Безъ борьбы, безъ страха и раскаянія Эмма отдается ему, и тогда начинается для нея жизнь, полная волненій и наслажденій. Выбѣгать изъ дому тайкомъ, ходить на свиданія съ любовникомъ, даже до самаго его замка, отдаленнаго отъ мѣстечка Юнвиль, обманывать мужа и сосѣдей,—все это доставляетъ ей едва ли не больше наслажденія, чѣмъ самая любовь.. Дерзость ея доходитъ до такой степени, что самъ Родольфъ, которому она успѣла уже нѣсколько прискучить, замѣчаетъ ей, что она компрометируется. Однажды, когда она принимала Родольфа у себя, ей пригрезилось, что мужъ можетъ застать ее съ нимъ, ей даже послышались шаги Шарля.

«— Пистолеты съ тобою? спрашиваетъ она Родольфа поспѣшно.

«— Что за вопросъ, зачѣмъ ихъ? отвѣчаетъ онъ.

«— Да... чтобы защититься, говоритъ она.

«— Ужъ не отъ твоего ли мужа? бѣдный малый, да я его раздаваю щелчкомъ, говоритъ Родольфъ съ презрѣніемъ.»

Эмма приходитъ въ восторгъ отъ его мужества.

Взаимная любовь ихъ длится нѣсколько времени, за ней слѣдуетъ что-то въ родѣ разрыва, потомъ возобновляются и свиданія, и волненія, и тревоги; наконецъ Эммѣ мало и этого, она мечтаетъ о болѣе вольной жизни, о безграничной свободѣ, и проситъ своего любовника увезти ее. Мы приводимъ эту сцену вполнѣ.

«Иногда Эмма посылала за нимъ; онъ пріѣзжалъ; выходило, что она посылала за нимъ, для того только, что ей хотѣлось сказать ему, что она скучаетъ, что мужъ ей ненавистенъ, а существованіе ея ужасно.

«Развѣ я могу измѣнить это? воскликнулъ онъ однажды, выйдя изъ терпѣнія.

«— Еслибъ ты захотѣлъ только...

«— Но какъ же?

«Она вздохнула.

«— Мы бы стали жить гдѣ-нибудь... въ другомъ мѣстѣ...

«— Да ты съ ума сошла, сказалъ онъ смѣясь:— развѣ это возможно?»

«Въ другой разъ она опять принялась за то же; онъ показалъ видъ, что не понимаетъ ея и замлъ рѣчь объ этомъ.

«Однажды Эмма поссорилась съ матерью Шарля и вывѣсила у окна кусокъ бѣлой бумаги, что было условленнымъ знакомъ свиданій. Родольфъ явился, она сбѣжала съ лѣстницы, пробѣжала дворъ и въ переулкѣ бросилась ему на шею. — Будь же осторожнѣе, сказалъ онъ. «Еслибъ ты зналъ только», возразила она. И она принялась ему разказывать все, что случилось, разказывать наскоро безъ послѣдовательности, преувеличивая и *выдумывая* факты, расточая вставочныя предложенія такъ, что онъ ничего не понималъ.

«— Полно, мой ангелъ, утѣшься, потерпи!

«— Но вотъ уже четыре года, какъ я терплю и страдаю... такая любовь какъ наша достойна того, чтобы цѣлый міръ зналъ о ней! Они меня измучили—моихъ силъ не стало. Спаси меня!

«Она прижалась къ Родольфу; глаза ея, полныя слезъ, блистали, какъ *пламя подъ водою*. Грудь ея конвульсивно подымалась; никогда онъ не любилъ ея такъ, какъ въ эту минуту; онъ даже совершенно потерялъ голову и сказалъ:

«— Но чего же ты хочешь? Что дѣлать?

«— Возьми меня, увези меня!... я тебя умоляю!

«— Но... сказалъ Родольфъ.

«— Что же ?

«— А твоя дочь ?

«Она задумалась на минуту, потомъ отвѣчала:

«— Тѣмъ хуже для нихъ: мы возьмемъ и ее!

«Родольфъ день за день все откладывалъ намѣреніе увезти ее, наконецъ назначилъ послѣдній срокъ; онъ пришелся на понедѣльникъ, и Эмма, несмотря на то, что уже очень много задолжала Лёрё, заказала ему все, что нужно для путешествія, и салопп и дорожную шкатулку, и мѣшокъ для бѣлья. Онъ взялся доставить все это къ понедѣльнику.

«Наканунѣ Родольфъ пришелъ по обыкновенію вечеромъ, только нѣсколько пораньше.

«— Все готово? спросила она.

«— Все.

«Они обошли полисадникъ и сѣли у большой стѣны.

«— Ты печаленъ? сказала Эмма.

«— Нѣтъ, отчего же? и однако онъ смотрѣлъ на нее съ странною нѣжностью.

«— Ты печаленъ, сказала она,—отъ того ли, что покидаешь свою жизнь, привязанности, привычки? — да; я понимаю это, но... у меня нѣтъ никого, ты все для меня! И я буду все для тебя, твое семейство, твоя родина—я буду любить тебя, лелѣять!

«— Какая ты милая, сказалъ онъ, обнимая ее.

«— Правду? сказала она смѣясь:—ты любишь меня? Поклянись!

«— Люблю ли я? люблю ли я? я обожаю тебя, мой ангелъ.

«Эмма продолжаетъ мечтать о жизни своей съ Родольфомъ и замѣчаетъ между прочимъ:—Отчего же у меня на сердцѣ такъ тяжело? Какъ я слаба! Прости меня!

«— Еще есть время, говорить Родольфъ. — Разсуди хорошенько, чтобъ послѣ не раскаяваться.

«— Никогда, говоритъ она рѣшительно и опять описываетъ свое будущее счастье.

«Ударило полночь.

«— Полночь, сказала она: — и такъ до завтра. Еще одинъ только день. А паспорта готовы?

«— Да.

«— Ты ничего не забылъ?

«— Нѣтъ.

«— Ты увѣренъ?

«— Конечно.

«— Ты будешь ждать меня въ гостиницѣ Провансъ, такъ ли? Въ полдень?

«Онъ нагнувъ голову въ знакъ согласія.

«— Итакъ до завтра.

«Она смотрѣла, какъ онъ удалялся; онъ не поворотилъ головы. Она побѣжала за нимъ и, наклонясь надъ водою между кустарникомъ, закричала:

«— До завтра! . .

«Но онъ былъ уже на другой сторонѣ и шелъ быстро по лугу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ остановился и когда увидѣлъ, какъ исчезало во тьмѣ ея бѣлое платье, будто она была привидѣніе, сердце его такъ забилося, что онъ долженъ былъ прислониться къ дереву, чтобъ не упасть.

«Какой же я безумецъ, сказалъ онъ самъ себѣ, произнося страшное проклятіе; — но какъ бы то ни было, а она недурна! Красота Эммы вдругъ пришла ему въ голову, сперва онъ былъ тронутъ, а потомъ возмущенъ.

«Не могу же я въ самомъ дѣлѣ, воскликнулъ онъ, размахивая руками, — оставить отечество, навязать себѣ на шею чужаго ребенка! Къ тому же хлопоты, трата денегъ! о нѣтъ! нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Это было бы слишкомъ глупо!

На другой день Эмма получила письмо отъ Родольфа, вложенное въ корзину съ абрикосами. Онъ писалъ ей, что обыкновенно пишется въ письмахъ подобнаго рода, что онъ не можетъ взять на себя отвѣтственности за ея участь, что она можетъ раскаться и прочее. Письмо кончалось увѣреніями любви и извѣщеніемъ, что онъ будетъ далеко, когда она прочтетъ эти строки.

Эмма убѣжала на чердакъ, чтобы читать это письмо, и едва дочла его, какъ до ея слуха долетѣлъ голосъ Шарля. Онъ звалъ ее обѣдать. Она сошла внизъ и сѣла за столъ. Тутъ только она вспомнила, что письма не было въ ея рукахъ, но была такъ поражена, мысли ея были такъ спутаны, что она не могла выдумать предлога, чтобы выйти изъ-за стола, и вдругъ неизвѣстно почему и отчего стала бояться мужа, увѣряя себя, что онъ все знаетъ.

— Ну, видно, намъ не скоро придется увидѣть Родольфа, сказалъ Шарль, будто въ подтвержденіе ея подозрѣній.

— Кто тебѣ сказалъ? спросила она, вздрагивая.

— Кто сказалъ? отвѣчалъ онъ, удивляясь ея отрывистому тону:—Жираръ, котораго я сейчасъ встрѣтилъ. Родольфъ уѣхалъ или долженъ уѣхать сейчасъ.

• Она почти зарыдала.

— Чтѣ удивляетъ тебя? онъ очень часто уѣзжаетъ отсюда, чтобъ разсѣяться, и это очень понятно: онъ не женатъ, богатъ...

Впрочемъ нашъ добрый пріятель Родольфъ славно поживаетъ; онъ большой проказникъ, и Ланглуа разказывалъ мнѣ...

Шарль замолчалъ, потому что въ комнату вошла горничная; онъ велѣлъ подать себѣ абрикосы, взялъ одинъ изъ нихъ и началъ ѣсть его.

— Отличные! возьми-ка, попробуй.

И онъ протянулъ ей корзину, которую она отвела рукою.

— Да понюхай, по крайней мѣрѣ, какой ароматъ! сказалъ онъ, поднося корзину къ ея носу.

Она вскочила и вскрикнула.

— Я задыхаюсь!

Сила воли взяла однако верхъ и побѣдила спазму горла.

— Ничего! это ничего, сказала она: — нервный припадокъ; садись и продолжай ѣдать.

Шарль въ угоду ей сѣлъ опять за столъ, какъ вдругъ голубой тильбюри шибко проѣхалъ по площади. Эмма вскрикнула и упала на полъ безъ памяти; она узнала тильбюри Родольфа.

Въ продолженіе сорока трехъ дней Эмма была между жизнью и смертью. Шарль, не подозревая ничего, не оставлялъ ее, за-былъ своихъ больныхъ, ходилъ только за нею. Эмма выздоровѣла, но въ продолженіи ея болѣзни Шарль потерялъ часть своей практики и задолжалъ аптекарю за лѣкарства; кромѣ того купецъ Лерѣ представилъ ему такіе огромные счета, за взятые у него Эммой наряды, что заплатить ихъ не было никакой возможности; Шарль принужденъ былъ надавать векселей и съ ужасомъ спрашивалъ самъ у себя, какимъ образомъ ему придется выйти изъ такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Черезъ нѣсколько времени, когда Эмма оправилась отъ болѣзни, но все еще тосковала, Шарль, желая разсвѣять ее, повезъ ее въ руанскій театръ; тамъ нечаянно Эмма встрѣтила Леона, который возвратился изъ Парижа, и долженъ былъ провести два года въ студіи нотариуса въ Руанѣ. Леонъ измѣнился; онъ былъ уже не тотъ застѣнчивый и робкій мальчикъ, который дрожалъ передъ Эммой... Онъ возвратился красивымъ студентомъ, былъ знакомъ съ гризетками и часто посѣщалъ публичные балы. Пріемы его были пріемами свѣтскаго человѣка, и самая одежда его, считая въ Парижѣ, отличалась особенною щеголеватостью. Онъ уговорилъ Шарля оставить Эмму на сутки въ Руанѣ, чтобы доставить ей удовольствіе еще разъ слышать оперу. Шарль съ удовольствіемъ согласился и помогъ такимъ образомъ Леону про-

вести цѣлый день съ глазу на глазъ съ его женой. Сперва Эмма говорила Леону о своихъ страданіяхъ, не повѣряя ему однако своей любви; Леонъ говорилъ въ томъ же духѣ, завидуя *спокойствію* *могилы*, и признался, что однажды нанисалъ даже свое завѣщаніе, приказывая схоронить себя въ томъ самомъ одѣялѣ, которое она подарила ему передъ ихъ разлукой.

— Зачѣмъ же? спросила она.

— Зачѣмъ?.. Онъ колебался...—Потому что я страстно любилъ васъ, прибавилъ онъ.

И Леонъ украдкой посмотрѣлъ на нее, изучая выраженіе ея лица. «Бѣдный другъ», сказала она, протягивая ему руку, которую Леонъ покрылъ поцѣлуями. На другой же день Эмма принадлежала Леону и возвратилась домой, завязавъ новую интригу. Дома ждала ее вѣсть о смерти отца Шарля, который оставилъ сыну небольшое наслѣдство. Въмѣсто того, чтобъ заплатить свои долги, Эмма выпросила у мужа полную довѣренность на имѣніе и начала тратить деньги и дѣлать новые долги. Придумывая средства ѣздить почаще въ Руанъ, Эмма притворилась, что любитъ музыку до безумія, и очень легко заставила мужа согласиться отпускать ее разъ въ недѣлю въ Руанъ. Разумѣется, она и не знала даже адреса учительницы музыки. Иногда Леонъ пріѣзжалъ въ Іонвиль, и Эмма принимала его въ томъ же переулкѣ, гдѣ когда-то бросилась на шею Родольфу. Опять жизнь, полная тревогъ, чувственныхъ наслажденій, тайнъ, обмановъ, безпорядочности и безстыдства, началась для Эммы; иногда только тревожили ее денежные заботы. Уже значительная часть наслѣдства была продана, а Шарль и не подозрѣвалъ этого. Кромѣ того, она должна была Лерё большія суммы, и если онъ соглашался ждать, то не иначе, какъ переписывая векселя и приписывая проценты къ капиталу. Первые мѣсяцы Эмма была очень счастлива, но потомъ она стала равнодушнѣе къ Леону. Страсть ея замѣтно гасла и оставляла въ душѣ пустоту и раздраженіе, похожее на бѣшенство.

Мы не рѣшаемся передавать подробно нашимъ читателямъ странныя и имѣющія претензію на страсть сцены, въ которыхъ смѣлость выраженія достигаетъ до отвратительнаго цинизма. Мы спѣшимъ къ концу, утомленные безнравственностью героини и безучастіемъ и безстрастіемъ автора, который не возмущается ничѣмъ. Эмма забываетъ наконецъ всѣ приличія, безпрестанно ѣздитъ въ Руанъ, и доводитъ Леона до того, что онъ признается

ей, что ея безпрестанныя посѣщенія отрываютъ его отъ дѣла и навлекаютъ на него неудовольствіе его патрона.

— Какія глупости! говорила она, увлекая его.

Она требовала, чтобъ онъ былъ съ головы до ногъ одѣтъ въ черное и носилъ бороду à la Louis XIII. Она хотѣла видѣть его квартиру, нашла, что она крайне неизячна, и совѣтовала ему купить гардины такія же, какъ у ней. Онъ отвѣчалъ, что это стоитъ очень дорого. Она захохотала.

— А! такъ ты жалѣешь своихъ деньжонокъ!

Леонъ долженъ былъ отдавать ей отчетъ въ своемъ поведеніи, гдѣ онъ былъ, чтò дѣлалъ, чтѣмъ занимался; она просила у него стиховъ, стиховъ для ней одной, стиховъ любви, исключительно ей посвященныхъ. Онъ никогда не могъ пріискать риму для второго стиха, и выписалъ изъ какого-то кипсека сонетъ, который выдалъ за свой собственный.

Однажды, возвратясь къ себѣ, Эмма встрѣтила Фелисите, которая показала ей сѣрую большую бумагу. Это было объявленіе суда о томъ, что г-жѣ Бовари слѣдуетъ въ двадцать четыре часа заплатить сумму 8,000 франковъ; въ противномъ же случаѣ будетъ приступлено къ публичной продажѣ съ молотка всего ея имѣнія, движимаго и недвижимаго. Эмма побѣжала къ Мёрё.

— Вы знаете, чтò дѣлаютъ со мной? Вѣдь это шутка, не правда ли?

— Нѣтъ.

— Какъ?

Онъ отвернулся, сложилъ руки и сказалъ:

— Ужели вы воображали, моя красавица, что я до скончанія вѣковъ буду вашимъ поставщикомъ и банкиромъ?

Она стала умолять его, купецъ былъ непреклоненъ.

— Вы веселились, пока я работалъ, какъ негръ, сказалъ онъ.

— Пожалуста безъ поученій!

— Иногда они очень полезны.

Эмма просила отсрочки — тотъ же отказъ.

— Вы меня приводите въ отчаяніе, сказала она, рыдая.

— Очень мнѣ нужно, сказалъ онъ, запирая дверь за нею.

Эмма поѣхала къ Леону.

— Леонъ, выведи меня изъ бѣды. Мнѣ нужно восемь тысячъ франковъ.

— Ты съ ума сошла!

— Нѣтъ еще. И она все разказала ему.

— Но откуда...

— Какой же ты дрянной человекъ! воскликнула она:—ступай, бѣги, попытайся. О! какъ я буду любить тебя!

Леонъ вышелъ, и возвратился черезъ часъ. Онъ былъ у троихъ пріятелей, и безуспѣшно.

Они сѣли другъ противъ друга въ молчаніи. Иногда Эмма пожимала плечами и внутренне бѣсилась. Наконецъ она сказала:

— Еслибъ я была на твоёмъ мѣстѣ, я бы сумѣла найти денегъ.

— Да гдѣ же?

— Да въ бюро нотаріуса, у котораго ты служишь.

И она смотрѣла на него такими глазами, что бѣдный молодой человекъ испугался, вскочилъ и, подъ предлогомъ, что онъ бытъ-можетъ достанетъ денегъ у одного изъ своихъ пріятелей, вышелъ вонъ.

— Однако если я не возвращусь къ тремъ часамъ, сказалъ онъ ей выходя: — ты не жди меня, милая. Извини меня, мнѣ пора идти; прощай.

Эмма отправилась домой; объявленіе о продажѣ съ аукціона всѣхъ ея вещей и мебели было уже прибито на площади. По совету своей горничной, она бросилась къ богатому нотаріусу, который не совсѣмъ бы отказался помочь ей, еслибы она приняла благосклоннѣе его гнусныя предложенія. Эмма не стерпѣла этого оскорбленія и вышла отъ него негодуя.

«Никогда, говоритъ авторъ, не сознавала она *такъ сильно чувства гордости*, никогда *такъ не уважала себя*, какъ въ эту минуту, никогда еще она *такъ не презирала* всѣхъ другихъ. Она чувствовала въ себѣ что-то воинственное, что подняло духъ ея. Ей бы хотѣлось прибить всѣхъ мужчинъ, наплевать имъ въ лицо, стереть ихъ въ пухъ и прахъ...»

Несмотря однако на это воинственное расположеніе прекрасной, но уже никакъ не суровой амазонки, денегъ все не было, и ихъ нельзя было извлечь изъ гордости и чувства самоуваженія, которыя, по словамъ автора, наполняли сердце ея. Наконецъ, узнавъ у бывшей кормилицы дочери, что Шарль возвратился домой и знаетъ уже обо всемъ, горько плачетъ, зоветъ и ищетъ жену по всему городу, она рѣшилась на послѣднее, отчаянное средство, и отправилась пѣшкомъ, черезъ поля и дуга, въ замокъ Родольфа.

Онъ сидѣлъ у камина и закуривалъ трубку.

— Какъ, это вы? воскликнулъ онъ и вскочилъ.

— Да, это я, Родольфъ; я пришла къ вамъ за совѣтомъ...

Несмотря на всѣ свои усилія, она не могла прибавить ни слова.

— Вы не перемѣнились и такъ же прекрасны!

— О! сказала она съ горечью: — моя красота не слишкомъ велика, если вы могли пренебречь ею.

Эмма употребляетъ всѣ усилія, чтобы увлечь своего прежняго любовника, и это удается ей на половину.

— Ты плакала! восклицаетъ онъ, цѣлуя ее.

Она зарыдала.

— Прости меня, ты одна все еще мнѣ нравишься. Я былъ глупъ и золъ. Я люблю тебя и всегда буду любить одну тебя. Скажи же, что съ тобою?

Онъ сталъ передъ нею на колѣни.

— Родольфъ, я разорена; дай мнѣ взаймы хотя три тысячи франковъ.

— Но... однако... сказалъ онъ, вставая, и лицо его приняло мрачное выраженіе.

Эмма не отчаивается и пускается на выдумки; она рассказываетъ, будто нотаріусъ, которому мужъ ея поручилъ свой капиталъ, обокралъ ихъ и бѣжалъ изъ города.

А! подумалъ Родольфъ: такъ она пришла за деньгами.

— У меня нѣтъ денегъ, сударыня, сказалъ онъ ей спокойно.

Она безмолвно глядѣла на него нѣсколько минутъ, потомъ повторила нѣсколько разъ:

— У тебя нѣтъ денегъ! нѣтъ денегъ! Я бы должна была избавить себя отъ этого послѣдняго стыда. Ты меня никогда не любилъ, ты не лучше всѣхъ другихъ!

Онъ увѣрялъ ее, что онъ самъ въ эту минуту въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

— Я сожалѣю о тебѣ, сказала Эмма, — да, сожалѣю, и глубоко!

Взглянувъ на стѣну, гдѣ висѣло богатое ружье въ серебряной оправѣ, она продолжала:

— Но когда человѣкъ бѣденъ, онъ не тратитъ денегъ на оправу ружья, на великолѣпные часы!

Она показала ихъ ему.

— У него не бываетъ хлыстовъ въ золотой оправѣ, не бываетъ брелоковъ у часовъ; онъ не ѣздитъ на охоту съ собаками, не бываетъ въ Парижѣ; ты любишь самого себя, живешь хорошо, у тебя замокъ, фермы, лѣса...

Эмма очень долго пересчитывала всѣ богатства Родольфа, она даже не забыла упомянуть о золотыхъ пуговкахъ для рукавовъ, которыя при этомъ бросила на полъ, говоря, что она не возьметъ ихъ себѣ, не возьметъ ни за что, и потомъ прибавила:

— А я! да, я бы отдала тебѣ все, я бы все продала, работала бы, просила бы милостыни, за одну твою улыбку, за взглядъ твоихъ глазъ, за одно твое слово.

Эмма говорила очень долго и все въ одномъ духѣ, а онъ сидѣлъ въ креслахъ и сказалъ еще разъ спокойнѣе прежняго, хотя и видно было, что это спокойствіе изучено и скрываетъ только гнѣвъ его:

— У меня нѣтъ денегъ.

Эмма вышла, бросилась въ аптеку и, пользуясь преданностію къ себѣ молодаго аптекарскаго ученика, прошла въ особую комнату, гдѣ хранились яды, откупорила банку мышьяка и горстями принялась ѣсть его, послѣ чего возвратилась домой, *очень спокойно*, будто исполнивъ долгъ свой, говоритъ авторъ. Мужъ бросился къ ней:

— Чтò такое случилось? какимъ образомъ, да объясни же мнѣ? Она сѣла за письменный столъ, написала письмо, медленно запечатала его и потомъ сказала мужу торжественно:

— Прочти это завтра. До тѣхъ поръ, прошу тебя, не спрашивай меня ни о чемъ; никакого вопроса, да, ни одного.

— Однако...

— Оставь меня.

Она легла въ постель.

Несмотря на всѣ пособія докторовъ, за которыми посылаетъ бѣдный Шарль, Эмма умираетъ, и авторъ не избавляетъ насъ ни отъ одной подробности, какъ бы ужасна ни была она. Самое погребеніе, и все что тому предшествуетъ, разказано до самыхъ мелочныхъ, до самыхъ страшныхъ подробностей, которыхъ нѣтъ почти силы дочестъ до конца. Замѣчательно только то, что къ умирающей приходитъ священникъ съ дарами, и она безъ раскаянія, и ни минуты не думая о прошлой или будущей жизни, не бросивъ взгляда ни на дочь, ни на мужа, не вспомнивъ объ отцѣ, который любилъ ее, чувствительна однакоже ко внѣшнему великолѣпію, окружающему священные обряды. Вездѣ одна струна, струна, проходящая черезъ всю ткань романа. Воззрѣніе оригинальное и крайне смѣлое! Прежде, однако, чѣмъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ, по многимъ отношеніямъ, романѣ, надо завершить разказъ нашъ.

Шарль остается послѣ смерти жены разоренъ и неутѣшенъ. Черезъ нѣсколько времени ему попадается въ руки письмо Родольфа и переписка жены съ нимъ и Леономъ. Онъ узнаетъ все въ подробности, но не перестаетъ любить жену, запирается у

себя, не выходить изъ дому, и однажды маленькая Берта находитъ его въ саду, съ черною косою въ рукахъ. Берта зоветъ его, толкаетъ, Шарль падаетъ, онъ былъ уже мертвъ. Берту отдаютъ къ бабушкѣ, и по смерти ея, къ старой теткѣ, которая, не имѣя средствъ къ жизни, посылаетъ маленькую, пяти или семилѣтнюю Берту зарабатывать насущный хлѣбъ на бумагопрядильной фабрикѣ.

III.

Порокъ, какъ видите, наказанъ, и наказанъ жестоко; стало-быть, по обычнымъ понятіямъ, съ которыми согласенъ самый приговоръ суда, романъ признанъ нравственнымъ, и однако, несмотря на все это, какое-то тайное и сильное чувство не говоритъ ли вамъ совершенно противнаго? Чтò же это за противорѣчіе? откуда вытекаетъ оно? Не изъ самаго ли понятія о нравственномъ и безнравственномъ? Дѣйствительно, эти два слова, повторяются всѣми, и изъ гостиной знатной дамы, гдѣ съ такою заботливостью, строгостію и приличною важностію разбираются до тонкости, нисходятъ до кухни и площади, гдѣ прилагаются по своему. И какъ различны, и часто какъ сбивчивы эти понятія о нравственности! Мы понимаемъ не только всю трудность и важность затронутого нами вопроса, но еще и всю щекотливость его, и не безъ робости беремся сказать о немъ нѣсколько словъ.

Оставляя въ сторонѣ понятія языческія, мы будемъ говорить о нравственности христіанской, принятой всею Европой; но и тутъ, поставивъ вопросъ этотъ въ болѣе тѣсные размѣры, мы встрѣтимъ столько противорѣчій, что поневолѣ станемъ бояться, какъ бы не затеряться въ этомъ лабиринтѣ, нить котораго такъ тонка, что многіе не видятъ ея, а другіе, схватившись за нее слишкомъ сильно, обрываютъ ее вовсе. По нашему мнѣнію, во всякомъ обществѣ есть два различныя понятія о нравственности. Одно изъ нихъ до сихъ поръ доступно не многимъ, другое принято всѣми вообще; одно основано на свободѣ мышленія и вмѣстѣ на согласіи его съ великими и неизмѣнными истинами Евангелія, которыя не могутъ войти въ сдѣлку съ выгодами, извлекаемыми изъ жизни для матеріальнаго благосостоянія. Такія высоко-нравственныя убѣжденія не поддаются уступкамъ, не мирятся съ люд-

скою низостію и порокомъ, и съ необходимостію жить, какъ живутъ другіе. Человѣкъ, проникнутый такими убѣжденіями, повиновѣтся высшимъ правиламъ, и безъ нетерпимости, не кидая камня, будетъ скорбѣть при видѣ людскихъ недостатковъ и пороковъ, но не примирится съ ними, какимъ бы блескомъ, какою бы личиною покрыты они ни были. Онъ сумѣетъ различить порокъ отъ проступка, сумѣетъ и въ проступкѣ отыскать его побужденія; конечно, не столько самый проступокъ испугаетъ его нравственное чувство, сколько низость побужденій, заставившихъ совершить проступокъ; не страсть заклеимитъ онъ словомъ негодованія, а холодный расчетъ, сдѣланный изъ жажды приобрѣтенія благъ земныхъ. Высоко-нравственный человѣкъ ненавидитъ лишь то, въ чемъ видитъ одно зло безъ всякой примѣси добра, какъ бы мала ни была эта примѣсь. Не таково другое понятіе о нравственности; оно основано на заключеніяхъ, выведенныхъ изъ обыденной жизни, на правилахъ, почерпнутыхъ изъ житейской мудрости, которая подала руку и сдружилась съ предразсудками, съ своекорыстными цѣлями и съ узкимъ возрѣніемъ на жизнь. Голый, сухой разсудокъ, развившійся подъ вліяніемъ практическаго смысла, не принимающій къ свѣдѣнію ничего другаго, кромѣ личной пользы, личнаго благосостоянія, есть первый руководитель многихъ людей, которые казнятъ безъ милосердія страсти, увлеченія и благородную экзальтацію. Какъ однако не замѣтить, что безъ этихъ двигателей нравственная высота человѣческой природы потеряла бы много величія и безъ сомнѣнія слишкомъ приковала бы къ землѣ тѣ чувства и стремленія, которыя Провидѣніе вложило въ лучшія и высшія натуры! Нравственность, какъ ее понимаетъ большинство, стремится подчинить всѣхъ людей, каковы бы они ни были, узкимъ законамъ приличія, практическаго смысла, который учитъ человѣка, не дѣлая зла, не мѣшать другимъ дѣлать его, извлекать изъ всего личную пользу, и ужь никакъ не высказывать своего мнѣнія: многіе считаютъ это даже преступленіемъ. Таковъ Фамусовъ, порицающій Чацкаго, когда тотъ, забывшись на балѣ, казнитъ вслухъ ту среду, въ которой находится. Чацкій явно оскорбляетъ нравственность окружающаго его общества, которое какъ бы низко ни стояло въ его мнѣніи, имѣетъ однако свою, и еще очень строгую, нравственность. Но въ чемъ же состоитъ она? Она есть одобреніе тѣхъ низостей и пороковъ, которые ведутъ къ приобрѣтенію положенія, богатства и значенія, и извиненіе всѣхъ другихъ, лишь бы они были прикрыты маской лицемерія, или громъ-

кою фразой безъ содержанія, или наконецъ общественнымъ положеніемъ лица. Личина чинности, приличія, наружной строгости вполне удовлетворяетъ нравственное чувство лицъ такого общества. Колея привычки, колея всеневной жизни, уровень посредственности есть единственная добродѣтель его, и такъ какъ люди страстные, одаренные, не уживаются съ посредственностію и вырываются изъ этой общей колеи, ненавидя и презирая ее, то и подвергаются общему нареканію. Но вы, защищающіе увлеченіе, страсти и экзальтацію,—скажутъ намъ,—не боитесь ли вы сами своей теоріи, и не приведетъ ли она васъ очень незамѣтно къ разврату, прикрывая порокъ этими широкими, легко растягивающимися эгидами? Всякій проступокъ, всякое преступленіе, всякій порокъ можно извинить широкими и поэтически-звучащими словами: увлеченіе, страсть, экзальтація. Можно, правда, отвѣчаемъ мы, но не должно. Во всякой страсти, во всякомъ увлеченіи надо разобрать, что было его поводомъ. Если есть борьба добра и зла, если есть глубокое сознаніе собственной вины, если есть жгучее раскаяніе,—ни страсть, ни увлеченіе не приведутъ къ разврату; скажемъ больше: если въ этой страсти и увлеченіи участвовали лучшія побужденія души человѣческой, лучшія стремленія безсмертнаго духа, то послѣ паденія, едва ли не выше, едва ли не чище сдѣлается человѣкъ, купивъ цѣною временнаго, случайнаго упадка, нравственную высоту помысловъ, и раскаяніемъ—силу не поддаться вновь искушенію. На этой-то борьбѣ человѣка съ страстями, и построено множество романовъ и поэмъ; мы назовемъ нравственными тѣ изъ нихъ, которые руководятся тѣми правилами и началами, о которыхъ мы говорили выше. Точно также нравственны и тѣ, въ которыхъ описывается одинъ порокъ, лишь бы авторъ взглянулъ на него съ отвращеніемъ и ужасомъ; тайная связь, которая всегда соединяетъ автора съ читателемъ заставитъ ихъ подѣлиться впечатлѣніями и глубоко почувствовать нравственное безобразіе лицъ, выведенныхъ на сцену. Такимъ образомъ выборъ предмета ничего, или очень мало значить; его надо предоставить свободной волѣ автора; вдохновеніе, поэтическое настроеніе, самое незначащее слово, наконецъ сцена, случайно подмѣченная, наводитъ автора на выборъ предмета. Въ этомъ отношеніи никто не можетъ стѣснять его свободы негѣлыми требованіями.

Вспомнимъ только эти стихи Жуковского:

Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой

Онъ высшую силу призналъ надъ собой,
 Минута ему повелитель.
 По воздуху вихорь свободно шумить,
 Кто знаетъ откуда, куда онъ летить?

Повторяемъ, не отъ выбора предмета, а отъ воззрѣнія на людей, ихъ страсти и побужденія, зависитъ нравственность произведенія. И самый посредственный талантъ можетъ передать зрителю или читателю свое воззрѣніе на лица; мало того, самыя лица, созданныя подъ наитіемъ нравственнаго чувства, носятъ на себѣ какой-то неувловимый отпечатокъ, который бросается въ глаза, даже самому недалковидному изъ читателей. Чтѣ же сказать о лицахъ романа г. Флобера? На нихъ нѣтъ ни малѣйшаго отпечатка, никакого клейма; въ нихъ нѣтъ и характеровъ, и не замѣтно даже слабой попытки создать ихъ. Авторъ ни гдѣ не говоритъ намъ о качествахъ, недостаткахъ, наклонностяхъ и свойствахъ своихъ героевъ и героинь, а ограничивается описаніемъ ихъ привычекъ, вкусовъ, одежды и особенно физическихъ ощущеній. Онъ подробно описываетъ намъ физическую красоту или уродливость и не пропускаетъ ни малѣйшей мелочи. Мы, пожалуй, не будемъ упрекать и за это;—но какъ простить писателю, взявшему перо равнодушно, и равнодушно начертившему безобразныя сцены, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ безстыднаго явнаго разврата? Какъ простить ему его беззаботное невѣдѣніе о томъ, что въ природу человѣка вложено нравственное чувство, и что у писателя оно должно быть развито сильнѣе, чѣмъ у всякаго другаго? Какъ простить ему его поистинѣ преступное презрѣніе ко всему, чтѣ есть святаго въ жизни? Чтѣ пощадилъ онъ въ своемъ романѣ? Любовь ли? Но онъ изобразилъ ее намъ подъ формой развратнаго инстинкта, ищущаго удовлетворенія во чтѣ бы то ни стало, и неутолимой жажды новыхъ ощущеній, которая бросаетъ женщину изъ объятій одного въ объятія другаго. Или религію? Но у него превратилась она въ физическое ощущеніе, которое возбуждается блескомъ свѣтъ, ароматомъ эссенціи, роскошными одеждами и богатыми серебряными сосудами. Любовь ли супружескую? Но онъ низвелъ ее до уровня чувственныхъ наслажденій: прочтите только описаніе тоски Шарля послѣ смерти жены, гдѣ тряпки и бездѣлушки ея туалета и горничная Фелисите, одѣтая въ платья покойницы, играютъ главную роль, возбуждая воображеніе Шарля, которое рисуетъ ему красоту умершей жены. Материнскую любовь, быть-можетъ? Но въ любви матери Шарля, мы видимъ одну ревность,

зависть и ненависть къ женѣ его, потому что жена любима больше, а въ Эммѣ есть честолюбіе, когда она мечтаетъ о сынѣ, и совершенное равнодушіе къ дочери, быть-можетъ что-нибудь больше, если мы припомнимъ многозначущую фразу, при видѣ спящей дѣвочки: *Какъ дурна она!*

Что такое сама Эмма? Объяснить ее тѣмъ труднѣе, что, создавая это безобразное лицо, авторъ не былъ вѣренъ дѣйствительности и игралъ ею, какъ играетъ постоянно всѣми лучшими чувствами души человеческой. Въ характерѣ Эммы, если только можно въ ней отыскать характеръ, множество противорѣчій, и ни одинъ изъ ея поступковъ не вытекаетъ изъ прежде-данныхъ намъ основъ. Она поступила такъ, но могла бы поступить и иначе, не удививъ ни автора, ни читателей. Произволь играетъ большую роль въ романѣ г. Флобера. Съ первыхъ почти страницъ Эмма является развратною, если еще не на дѣлѣ, то въ помысленіи, въ складѣ головы, въ пріемахъ мысли, въ желаніяхъ, навѣянныхъ безпорядочнымъ, необузданнымъ воображеніемъ. Что сдѣлало ее такою? Какимъ путемъ дошла она до этого? Какъ развилась? У автора нѣтъ отвѣта на всѣ эти вопросы. Въ Эммѣ нѣтъ искры добра, нѣтъ онемѣ и подозрѣнія, будто она не встрѣчалась съ нимъ въ жизни, не видала его въ другихъ; она такъ спокойно, чуть ли не невинно, спрашиваетъ у своего любовника: «Есть ли у него пистолеты», и на вопросъ его: зачѣмъ? отвѣчаетъ, не смущаясь: «Да чтобъ защититься!» Эта приличная фраза есть не что другое, какъ слегка замаскированное желаніе отдѣлаться убійствомъ отъ добрейшаго и, замѣтимъ мимоходомъ, самаго непритязательнаго изъ мужей. Правда, въ развратѣ Эммы виденъ небольшой прогрессъ къ концу романа; припомнимъ только, что она пытается заставить Леона обокрасть нотариуса. Говорятъ, что убійство не такъ позорно, какъ кража; но каково убійство! Въ романѣ г. Флобера одно другаго стоитъ. Прибавимъ ко всему этому, что Эмма, по увѣренію автора, *презираетъ все и всѣхъ и уважаетъ одну себя*. Отчего? Почему? Это тайна созданія г. Флобера; онъ опять не объясняетъ намъ ея въ своемъ произведеніи, гдѣ все, въ отношеніи къ психологіи, покрыто какимъ-то таинственнымъ мракомъ. Что сказать о положеніи лицъ? Драмы въ романѣ этомъ нѣтъ, ни вишней, ни внутренней. Эмма отдается безъ борьбы; мужъ ея ничего не подозрѣваетъ; любовнику ея не достаетъ даже времени влюбиться, и никакъ ужъ не приходится бояться за нее или за себя, при безхарактерности и тупости Шарля. Остается сказать что-нибудь о сценахъ любви;

собственно говоря, ихъ отыщется немного, а вмѣсто ихъ почти вездѣ можно прочесть нѣсколько фразъ вольныхъ до цинизма, которыя имѣютъ претензію обрисовать сладострастную картину. Словомъ сказать, въ этомъ романѣ нѣтъ ни характеровъ, ни положеній, ни драмы, нѣтъ даже картинъ и еще менѣе поэзіи, которая найдется въ произведеніяхъ безнравственныхъ, всѣмъ свѣтомъ признанныхъ такими; нѣтъ даже той чувственной граціи, которою мы любуемся въ нескромныхъ постеляхъ Буше и въ литературныхъ произведеніяхъ конца XVII вѣка. Что касается до слога г. Флобера, то онъ изломанъ, вычуренъ, что можно видѣть изъ изложенія романа, которое мы пересказали, по возможности, словами самого автора. Несмотря однако на эти недостатки, фраза Флобера не лишена легкости и щегольства; въ ней много отдѣлки и замысловатости. Она понравится всѣмъ тѣмъ, кто не умѣетъ цѣнить простоту выраженія.

Что же есть въ романѣ Флобера, и почему онъ могъ возбуждать толки, шумъ, и вызвать Сентъ-Бѣва и Кювилье Флѣри на критическое поле? На это отвѣчать трудно; развѣ приписать это тому *реальному* направленію, которое въ этомъ романѣ дошло до своей послѣдней крайности, и можетъ похвалиться неимовѣрною, отчаянною смѣлостію. Авторъ не отступаетъ ни передъ чѣмъ и описываетъ все, начиная со слюны, которая течетъ изо рта ребенка, и соусовъ изо рта старика, и доходя до тѣхъ отвратительныхъ деталей, какъ напримѣръ, разложеніе мертваго тѣла, о которыхъ еще, кажется, не говорилось до сихъ поръ ни въ одной литературѣ.

Дѣйствительно, не возможно идти далѣе, и г. Флоберъ ничего ужъ не оставилъ на поживу своимъ подражателямъ. Мало того, онъ не только описалъ намъ всѣ физическія немощи человѣка, но пошелъ дальше и подвелъ мужественно и безпощадно всѣ лучшія человѣческія чувства и стремленія къ одному общему, упрощенному знаменателю: *чувственность! ощущение!* Результатъ великолѣпный! И какое при этомъ равнодушіе, какое гомеровское спокойствіе! какъ свысока смотритъ г. Флоберъ на нашъ людской муравейникъ, и какъ далеко до него другимъ писателямъ, страдавшимъ, измученнымъ, кровью писавшимъ свои произведенія! Авторъ «Госпожи Бовари» выше всего этого, онъ презираетъ старую рутину и старые предразсудки!

Но оставимъ иронію и признаемся, что намъ особенно возмутило безусловное, удивляющее читателя, неуваженіе автора

къ чувству человѣческаго достоинства, и ко всему тому, что всѣ образованные, высоко нравственные и развитые люди привыкли чтить и уважать. Особенно оскорбительно злоупотребленіе словъ, которыми до сихъ поръ мы привыкли выражать лучшія чувства души нашей. Всѣ лица романа г. Флобера, самая Эмма, говорятъ о душѣ, вѣчности, о той высокой настроенности, которая при созерцаніи моря, заката солнца, нисходитъ на душу; о поэзіи, любви, о потребностяхъ души, жаждущей чего-то лучшаго; но все это, какъ на языкѣ Эммы, такъ и подъ перомъ автора, не болѣе какъ пустой звукъ, напыщенная, лишенная смысла, фраза. Эмма никогда не могла думать ни о чемъ подобномъ; задумавшись объ этомъ хотя разъ, хотя невзначай, она не могла бы быть тѣмъ, что она есть. Скажемъ болѣе, самъ авторъ никогда не думалъ объ этомъ; еслибъ только однажды понятія, заключенныя въ словахъ этихъ, проникли въ его душу, они бы согрѣли и озарили ее свѣтомъ нравственного чувства, и перо его не посягнуло бы на то произведеніе, которымъ онъ подарилъ своихъ соотечественниковъ. Впечатлѣніе, остающееся послѣ чтенія романа Флобера, не есть обыкновенное впечатлѣніе: это какая-то смѣсь отвращенія и презрѣнія, чего-то гнетущаго, какъ кошмаръ, и томящаго, какъ знойный день безъ капли воды для утоленія жажды,—чего-то оскорбляющаго душу и пугающаго воображеніе. Пожалуй, въ этомъ смыслѣ, мы готовы даже сказать, что романъ Флобера, романъ нравственный. Крѣпокъ тотъ, кого не возмутитъ онъ до дна души!

Но вѣрить ли намъ описаніямъ Флобера и другимъ ему подобнымъ писателямъ и заключить ли, что по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть французскаго общества имѣетъ въ нихъ своихъ представителей и рисовальщиковъ? Неужели такой нравственный упадокъ, такое растлѣніе точить французское общество? Неужели эгоизмъ, замѣченный нами у Бальзака и другихъ французскихъ писателей, эта пошлость цѣлей, бѣдность идей и общее стремленіе къ однѣмъ личнымъ выгодамъ и роскоши дали плоды свои и привели къ реализму, то-есть къ отрицанію идеи, обоготворенію ощущенія, къ жадѣ наслажденій какихъ бы то ни было? Какіе гигантскіе шаги! Какая неизмѣримая пропасть раздѣляетъ эти двѣ эпохи литературы! Ужели изъ строкъ, вышедшихъ изъ-подъ дерзкаго пера Флобера, незнакомаго съ тѣми благородными и неизсякаемыми источниками, въ которыхъ романисты всѣхъ странъ и эпохъ почерпаютъ содержаніе лучшихъ

страницъ въ своихъ произведеніяхъ, мы должны заключить, что во французскомъ обществѣ вымерли и благородныя страсти, и вѣра въ идеаль, и идеи? Не будетъ ли это слишкомъ смѣло? не видимъ ли мы, что это общество еще полно жизни и богато будущностью? Не заключить ли только, что въ немъ сильно развилась болѣзнь, которая, быть-можетъ, уничтожится при помощи сильной катастрофы; что общество, обновившись въ временныхъ бѣдствіяхъ, возродитъ изъ себя что-нибудь новое, благотѣльное, чего намъ не дано предвидѣть, но во что, не поддаваясь малодушной безнадѣжности, можно и должно вѣрить?

Евгенія Туръ.

О НАРОДНЫХЪ ПЕРЕПИСЯХЪ¹

Какъ производилось народоисчисленіе въ нашемъ отечествѣ и съ котораго времени началось оно, — на это положительныхъ указаній мы не находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ до XIII столѣтія. Аналогически можемъ допустить, что эта важная государственная операція употреблялась съ весьма-раннихъ поръ. Обложеніе жителей податями и налогами естественно должно основываться на какомъ нибудь спискѣ народоисчисленія. Сказанія лѣтописей о дани Варягамъ по бѣлой вѣкшицѣ «съ дыма», о дани Хазарамъ по щягу «отъ рала», требованіе Ольги отъ жителей Коростена по 3 голубя и по 3 воробья «отъ двора» и т. под., могутъ нѣкоторымъ образомъ уяснить намъ, что въ ту отдаленную эпоху не было употребительно народоисчисленіе поголовное. Такъ было и въ остальной Европѣ, сколько можно судить по немногимъ упоминаніямъ въ хроникахъ западныхъ. Въ особенности на западѣ употребителенъ былъ способъ народоисчисленія по дымамъ, по очагамъ, *par foyers*, сохранившійся даже до очень позднихъ временъ, именно до XVI столѣтія (2).

Поголовная перепись народа началась въ Россіи въ монгольскій періодъ. Разгромивъ и опустошивъ Русь, Монголы, по принятому у нихъ обыкновенію, обложили Русскихъ данью, и для этого произвели поголовное народоисчисленіе. Лѣтописи наши говорятъ объ этомъ впервые подъ 1246 годомъ, когда ханскіе чиновники явились въ Кіевъ и Черниговъ, и переписали всѣхъ

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857 г. № 13.

(2) Bulletin de la Commission Centrale de statistique. Bruxelles. Vol. III, pp. 1—38.

людей отъ земледѣльца до боярина. «Иже крыяхуся въ пещерахъ и въ горахъ и въ лѣсахъ, мало тѣхъ (Кіевлянъ) остася; тѣхъ же не по колицѣхъ временѣхъ оставиша во градѣ, *сочтоша я въ число*, и начаша съ нихъ дань имати» (1). Въ 1257 году чиновники татарскіе прибыли въ области Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, сочли жителей, за исключеніемъ монаховъ и духовенства, а для собиранія подати поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ. Тогда же отправились, они и въ Новгородъ, «и смятошася люди чрезъ все лѣто»: Новгородцы никакъ не хотѣли признать себя покоренными и рѣшились сопротивляться. Только обманомъ могли ихъ склонить къ принятію «численниковъ» и дозволить имъ произвести перепись: «пріѣха Михайла Пинециничъ изъ Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: аще не иметеса по число, то уже полкы на Низовской земли...» Новгородцы знали какъ мстятъ страшные завоеватели, и убѣждаемые боярами и любимымъ своимъ княземъ, Александромъ Невскимъ, смирились, «яшася по число... и почаша ѣздити оканъни по улицамъ, пишуче дома хрестьянскыя...» (2). Изъ этого извѣстія мы можемъ заключить и о самомъ способѣ производства переписи: видно, что списки были посемейные или подворные, но неизвѣстно, было ли перечисленіе поименное, или просто цифровое. Впрочемъ вѣроятнѣе послѣднее, потому что въ противномъ случаѣ, лѣтописецъ, кажется, сдѣлалъ бы какое-нибудь замѣчаніе.

Вторую общую перепись людямъ во всѣхъ русскихъ областяхъ произвели Монголы въ 1273 году, въ княженіе Василя Ярославича. Народъ уже привыкъ къ этой мѣрѣ и не оказывалъ никакого сопротивленія (3).

Съ тѣхъ поръ, когда собираніе «ордынскій дани» перешло въ руки великихъ князей, безъ сомнѣнія, и самыя переписи производились княжескими чиновниками. Усложненіе управленія, увеличеніе потребностей государственныхъ, само собою разумѣется, вызывало правительство къ установленію разныхъ новыхъ повинностей и налоговъ. А опредѣленіе мѣры этихъ по-

(1) И. Г. Р. изд. 1819. т. IV. прим. 41.

(2) И. Г. Р. IV, прим. 96, 98. — Полное Собраніе Лѣтописей, I, 203, 226; III, 56.

(3) И. Г. Р. IV, прим. 152: «бысть второе число изъ Орды отъ царя въ лѣто 6781.»

винностей и налоговъ, способы собиранія ихъ и самая повѣрка или учетъ полнаго количества сборовъ, необходимо должны были привести къ убѣжденію въ пользу точнаго познанія числа жителей.

И дѣйствительно, мы знаемъ, что, по разнымъ обстоятельствамъ, правительство время отъ времени производило народоисчисленія всегда съ цѣлями фискальными. Такъ великій князь Іоаннъ III Васильевичъ, овладѣвши Тверскимъ княжествомъ, послалъ бояръ своихъ въ Тверь, Зубцовъ, Клинъ, Новгородокъ, Опоки, Старицу и Холмъ, описать всѣ тамошнія земли и раздѣлить ихъ на *сохи* для платежа казенныхъ податей (1).

Несмотря на отсутствіе всякихъ положительныхъ данныхъ, можно съ увѣренностію сказать, что какъ при Монголахъ, такъ и въ эту пору, переписи далеко были не точны. Если и во времена ближайшія къ намъ народъ всячески избѣгалъ переписи, ибо съ нею соединялся платежъ подушной подати, то еще болѣе сильно было это желаніе при ненависти къ Татарамъ. Отличительною особенностію древнѣйшихъ народоисчисленій должно признать то, что они почти всегда соединялись съ описью земель, потому что въ основаніи большаго числа повинностей и податей лежало право обладанія землею. Въ концѣ XVI столѣтія мы уже видимъ, что предпринимались и особыя народоисчисленія, хотя и не имѣемъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о способахъ, по которымъ производились эти переписи и не знаемъ, совершались ли онѣ въ постоянно-опредѣленные или неопредѣленные сроки, смотря по обстоятельствамъ (2).

Не останавливаясь долѣе на этомъ періодѣ, перейдемъ прямо къ эпохѣ позднѣйшей.

Когда Московское государство успокоилось подъ новою избранною народомъ династіею, одною изъ первыхъ заботъ правительства было по возможности учредить правильный порядокъ въ распредѣленіи разныхъ податей, сообразно числу народонаселенія. Равнымъ образомъ отправленіе разныхъ государственныхъ службъ и тому подобныхъ повинностей побуждало знать количество людей, обязанныхъ отправлять эти службы. Съ этого времени мы имѣемъ почти въ послѣдовательномъ порядкѣ весьма много законоположеній относительно переписи.

(1) И. Г. Р. VI, прим. 286, 399.—Никонов. Лѣтопись. VI, 130.

(2) И. Г. Р. X, прим. 134.—Ср. Древн. Русск. Вивл. XVIII, 15.

Прежде всего замѣтимъ, что какъ основною мыслью переписей было познаніе числа людей податныхъ и служилыхъ, то въ переписи не вносились весьма многіе привилегированные классы, а равно и весь женскій полъ. Сверхъ того, на первыхъ порахъ, народоисчисленіе было не поименное для каждаго человѣка отдѣльно, а посемейное или подворное. Причина этого заключается въ томъ, что весьма многія службы управлялись исключительно какими-нибудь разрядами, и потому не предстояло особенной надобности въ поголовномъ перечисленіи ихъ. Таковы были ямщики, стрѣльцы, сокольи помытчики, рыболовы, и мн. др. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство готовилось предпринять какую-нибудь особую мѣру, касавшуюся всѣхъ классовъ населенія, особенно жъ при солдатскихъ наборахъ или когда предстояла служба общая для многихъ классовъ, — перепись производилась по особымъ приказамъ (1). Переписи производились мѣстными начальствами: старостами, сотскими, головами, воеводами и ихъ товарищами; иногда же особыми чиновниками (численниками) приказовъ, въ которыхъ были вѣдомы слободы и города съ посадами.

Хотя и не имѣемъ положительныхъ указаній, однако можно утвердительно сказать, что перепись производилась тогда не по наличному населенію, а преимущественно по приписному. Впрочемъ и «приписка» того времени не походила на нынѣшнюю. Нынѣ, какъ извѣстно, приписка означаетъ болѣе моральную принадлежность лица къ тому или другому классу общества; тогда же, напротивъ, означала фактическую принадлежность лица къ мѣсту своей родины или точнѣе къ землѣ, съ владѣніемъ которой соединялось понятіе объ обязанности платить государству тѣ или другія подати, исполнять тѣ или другія повинности.

Право перехода крестьянъ съ земли одного владѣльца къ другому и еще болѣе стремленіе многихъ вольныхъ «объявить» себя посредствомъ прикрѣпленія къ монастырямъ и т. п., полагали чрезвычайныя затрудненія при исчисленіяхъ населенія и вмѣстѣ при сборѣ податей, общій итогъ которыхъ отъ этого естественно долженъ былъ уменьшаться.

Такія обстоятельства необходимо вызывали правительство къ издаванію постановленій, направленныхъ противъ нихъ. Нѣтъ

(1) Полн. Соб. Закон. I. №№ 289, 509.

никакого сомнѣнія, что одною изъ побудительныхъ причинъ къ укрѣпленію крестьянъ было то же самое. Правительство прежде всего хотѣло соблюсти фискальные интересы, оградить себя отъ уменьшенія итога податей, потому что въ случаѣ побѣга крестьянъ оно доправляло подати съ владѣльца, какъ ближайшаго наблюдателя за крестьянами и какъ человѣка, извлекавшаго изъ ихъ труда выгоды себѣ. Извѣстно, что этимъ правиломъ руководствуются и доселѣ: умершіе, бѣжавшіе, поступившіе въ рекруты, перешедшіе въ другое сословіе не исключаются изъ подушнаго оклада впредь до новой ревизіи. Подтвержденіе такой догадки можно видѣть и въ томъ, что за утайку душъ владѣлецъ наказывался отбираніемъ у него утаенныхъ, и въ томъ, что всѣ эти постановленія относились преимущественно (почти исключительно) къ мужескому полу, который одинъ подлежитъ подушному окладу и исполняетъ разныя казенныя повинности. Это очевидно представится, когда мы подробнѣе рассмотримъ законы Петра и его преемниковъ о производствѣ переписей и сравнимъ ихъ съ существующими нынѣ статьями Свода Законовъ относительно освобожденія изъ крѣпостнаго состоянія (т. IX, кн. I, стр. 924—930).

Что прикрѣпленіе основывалось на соблюденіи интересовъ казны, это еще яснѣе видно изъ того, что оно простиралось не на однихъ крестьянъ, но и на посадскихъ, которые черезъ это не лишались свободы, но включенные въ то или другое общество, не ускользали отъ платежа податей, раскладывавшихся на общество. Такъ указомъ 24 іюня 1693 года велѣно, чтобы старосты и сотскіе переписали въ книги всѣхъ посадскихъ людей, *тутешныхъ и пришлыхъ, которые пришли до 191 (1683) года* и составляли бы такія переписи ежегодно (1). Очевидно, что всѣ *пришлые* до того времени ускользали отъ платежа податей и, безъ сомнѣнія, съ этимъ намѣреніемъ удалялись изъ мѣстъ прежняго своего жительства.

Еще за двадцать лѣтъ прежде этого, въ 1672 году, велѣно было боярину и воеводѣ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому переписать, по всей Бѣлгородской чертѣ, всѣхъ жителей «по имяномъ со отцы и съ прозвищи», и составить перечни, прислать въ Разрядъ «безъ мотчанья» (2). Пограничныя стороже-

(1) П. С. З. III, № 1471.

(2) П. С. З. I, № 509.

вья линіи и въ позднѣйшее время служили довольно надежнымъ убѣжищемъ для всѣхъ нежелающихъ платить подати. Здѣсь, подъ видомъ сторожевыхъ станичниковъ, они, при послабленіяхъ линейнаго начальства, жили спокойно, занимаясь своими промыслами. Можно сказать, что и само правительство смотрѣло на нихъ снисходительно, потому что видѣло въ нихъ людей полезныхъ, заселяющихъ пустынные пространства и оберегающихъ границы отъ нападений хищныхъ Кубанцевъ, Крымцевъ и другихъ инородцевъ. Но въ то же время, не желая терять въ сборѣ податей и отправленіи повинностей внутри государства, правительство постоянно стремилось къ точнѣйшему дознанію количества населенія и распределенія его по мѣстамъ жительства, и потому оно требовало перечисленія «по именимъ съ отцы и съ прозвищи», дабы возможно было при повторѣхъ списковъ открывать, кто откуда происходитъ. Въ наказѣ окольничему князю Львову, назначенному въ 1697 году воеводою въ Казань, также велѣно было переписать всѣхъ тяглыхъ людей и посадскихъ «по именамъ со отцы и съ прозвищи порознь» и съ показаніемъ рода жизни (1).

Въ продолженіи этого періода одною изъ вѣрныхъ переписей была перепись 7186 (1678) года, сколько можно заключить изъ того, что перечневые выписки 1 й ревизіи 1719 года вѣрно было свѣрять съ переписными книгами 1678 года (2). Но безъ сомнѣнія эти переписи были, въ сущности, далеко несовершенны.

Прежній принципъ народныхъ переписей, то есть соединеніе ихъ съ обмежеваніемъ земель, какъ главнаго мѣрила отношеній населенія къ государству, дѣйствовала еще и въ эту пору. Такъ въ 1697 году отправленъ былъ дворянинъ Кочановъ въ сибирскіе города, посады и села для переписи и межеванія земель и дворовъ и въ нихъ людей и всякихъ угодій (3). «Писцовыя книги» и «книги межевыя» всегда, кромѣ значенія инвентарей, имѣли еще значеніе нынѣшнихъ окладныхъ листовъ.

Фискальныя цѣли въ народныхъ переписяхъ опредѣлительнѣе выражаются въ законахъ Петра. Обширныя предпріятія по устройству флота и арміи, приготовленія къ войнѣ съ Швеціею

(1) П. С. Зак. III, № 1579. 31 марта 1697.—§. 24.

(2) Указъ 3 декабря 1719.—П. С. З. V. № 3458.

(3) П. С. З. III, № 1605.

и тягости недавних походовъ къ Азову, требовали расходовъ особенныхъ и побуждали изыскивать средства къ увеличенію доходовъ. Петръ понималъ, что возвышеніемъ податей, если и можно пріобрѣсти значительную сумму, тѣмъ не менѣе такая мѣра окажется успѣшною только временно, а потомъ рано или поздно сдѣлается обременительною для народа и сѣдовательно не только бесполезною, но и вредною для государства. Изыскивая всѣ источники обогащенія казны, Петръ долженъ былъ обратить вниманіе на странный характеръ церковной администраціи, по которому церкви, монастыри и высшее духовенство, будучи богатыми собственниками, совершенно устранили себя отъ участія въ раздѣлѣ государственной тягости (податей и повинностей). «Бога для» и «поминаючи родителей» обширныя и многочисленныя монастырскія, церковныя, патріаршія, митрополичьи и архіерейскія вотчины, съ теченіемъ времени, совершенно освободились отъ платежа податей и исполненія повинностей. Права монастырей водворять на своихъ (облаженныхъ) земляхъ людей свободныхъ, становилось даже вреднымъ для государства, ибо открыто отнимало у него многихъ плательщиковъ податей, которые въ свою очередь находили для себя выгоднѣйшимъ держать тягло монастырское, не платя ничего государству. Кромѣ того тарханныя грамоты, позволявшія самосудъ, давали нѣмъ этимъ владѣніямъ значеніе государства внутри государства. Уже и прежде сдѣлана была попытка къ нѣкоторому ограниченію этихъ привилегій (такъ напримѣръ царь Алексѣй Михайловичъ указалъ, чтобы всѣхъ праздныхъ дѣтей, племянниковъ и прочихъ родственниковъ священно-и церковно-служителей зачисляли въ «служивые люди»); но эта мѣра не нравилась и была даже искорѣ огмѣнена (1). Только Петру Великому удалось уничтожить эту автономію церковныхъ владѣній и внести ихъ въ уровень съ прочими находящимися въ государствѣ и обложенными податями и повинностями. Равнымъ образомъ Петръ Великій началъ подводить къ единообразію и другіе разряды народонаселенія, пользовавшіеся разными особыми правами и льготами относительно платежа податей или исполненія повинностей и дотогѣ не вносившіеся въ переписныя книги. Такъ 1700

(1) Желающихъ знать болѣе, отсылаемъ къ статьѣ г. *Логвицкаго* «Очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи», «Русскій Вѣстникъ» 1857. № 2, стр. 209—272.

года, мая 30-го, астраханскому воеводѣ велѣно переписать въ городахъ и посадахъ мурзъ и татаръ, патріаршихъ и митрополичьихъ всякихъ людей, захребетниковъ и подсосѣдниковъ (1). Въ томъ же году (30-го сентября) велѣно переписать торговыхъ людей и бѣломѣстцевъ въ Брянскѣ (2), а въ 1703 году (1-го января) тоже сдѣлать и въ Курскѣ (3).

Будучи самъ первымъ работникомъ въ государствѣ, Петръ не могъ равнодушно смотрѣть на всѣхъ остающихся праздными и недѣтельными въ ту пору, когда напряжены были всѣ силы государства въ тяжелой борьбѣ съ «Сѣвернымъ Львомъ». Поэтому Петръ постоянно старался привести въ точную извѣстность всѣхъ, на кого можно было рассчитывать въ дѣлѣ службы. Войска исчисляемы были тщательно независимо отъ всего; но точно также исчислялись и всѣ чиновники: бояре, окольные, думные, ближніе люди, столыльники, стряпчие, дворяне и проч. (4). Въ 1710 году (6-го марта) велѣно было по губерніямъ переписать всѣхъ дворянъ, и которые окажутся негодными въ драгунскую и солдатскую службу, тѣхъ обложить денежными окладами (5).

При переписяхъ впервые велѣно было показывать и возрастъ въ 1704 году, когда производилось перечисленіе всѣхъ крестьянъ (кроме дворцовыхъ) въ Московскомъ уѣздѣ (6). Въ 1705 г. 20-го октября, велѣно переписать въ Москвѣ купцовъ, посадскихъ и слободскихъ людей «съ показаніемъ достатка и промысла каждаго» (7). Въ 1710 году, февраля 12-го, велѣно губернаторамъ, всякому въ своей губерніи, переписать дворы крестьянскіе и дворовыхъ людей и во дворахъ «по головамъ людей обоихъ половъ порознь» (8). Но всѣ эти переписи были болѣе или менѣе частныя, и предпринимались по особымъ правительственнымъ видамъ; они только служили такъ сказать приготовленіемъ

(1) Полн. Собр. Зак. IV, № 1792.

(2) Тамъ же, № 1813.

(3) Тамъ же, № 1922.

(4) Одинъ изъ подобныхъ списковъ, составленный въ 1703 году, хранится въ библіотекѣ Казанск. унив. и описанъ мною въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, № 5.

(5) Полн. Собр. Зак. IV, № 2257.

(6) Полн. Собр. Зак. IV, № 1990.

(7) Полн. Собр. Зак. IV, № 2076.

(8) Полн. Собр. Зак. IV, № 2253. Ср. V, № 2964, тамъ же указъ Лавдратомъ 10-го декабря 1713 г.

къ постоянной и болѣе правильной общей народной переписи. Безпрерывная война и утверждѣніе власти въ новозавоеванномъ приморскомъ краѣ отвлекали пока вниманіе царя отъ намѣренія, которое осуществить онъ уже давно стремился.

Рѣшительный приступъ къ этой операціи, съ опредѣленною цѣлю, сдѣланъ былъ только въ 1718 году, когда указомъ 26-го ноября, велѣно было взять отъ всѣхъ владѣльцевъ «правдивыя сказки» о томъ, «сколько у кого, въ которой деревнѣ душъ мужескаго пола». Сроку для представленія такихъ сказокъ полагалось одинъ годъ. При этомъ объявлено было, что за утайку душъ все утаенное количество ихъ будетъ отбираемо въ пользу открывшаго утайку. Цѣль этого народончисленія была та, чтобы составить роспись, на сколько душъ крестьянъ должно полагать содержаніе рядового солдата и сообразно съ тѣмъ собирать съ крестьянъ деньги (1). Послѣ этого предваренія, въ слѣдующемъ году, января 22-го, составлена была цѣлая экспедиція, подъ начальствомъ бригадира Зотова, которой поручено произвести перепись общую во всѣхъ губерніяхъ (кромѣ новозавоеванныхъ городовъ, а также астраханскихъ и уфимскихъ Татаръ и Башкирцевъ и сибирскихъ инородцевъ), «не взирая ни на какія старыя и новыя о дворовомъ числѣ и поголовныя переписи, но учиня переписи правдивыя, сколько гдѣ въ которой волости, въ селѣ или въ деревнѣ крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей (которые имѣютъ свою напню) по именамъ есть мужескаго пола, всѣхъ, не обходя отъ стараго до самаго послѣдняго младенца, съ лѣтами ихъ.» Далѣе прибавлено, что «понеже сіе яко главное дѣло и ко оному армейскихъ полковъ расположенію весьма есть нужное», то за утайку душъ опредѣлялась «всѣмъ смертная казнь безъ всякой пощады», а утаенныя души велѣно отбирать; Татаръ же и ясачниковъ за такіе пропуски велѣно «бить кнутомъ не щадя» (2).

Въ то же самое время предписывалось земскимъ камерирамъ въ губерніяхъ и провинціяхъ составлять вѣрнѣйшія описи всѣхъ деревень, дворовъ и въ нихъ людей и угодій, потому что на такихъ описяхъ съ этого времени должны основываться всѣ коммисарскіе счета и всѣ окладные и неокладные сборы (3).

(1) Полн. Собр. Зак. V, № 3245.

(2) Полн. Собр. Зак. V, № 3287.

(3) 27-го января 1719, Полн. Собр. Зак. V, № 3296.

Такимъ образомъ совершенно опредѣлительно выражены цѣли, ради которыхъ предпринималась эта общая народная перепись, или ревизія, какъ вкорѣ была названа эта операція. Цѣли эти чисто фискальныя: распредѣленіе и контроль податей поземельныхъ и подушныхъ, и повинности рекрутской. Въ настоящую пору мы нерѣдко слышимъ жалобу или упрекъ за то, что въ нашихъ переписяхъ, называемыхъ «народными», исчисляются только податныя сословія, а прочія исключаются или въ общихъ цифровыхъ итогахъ присоединяются для одного счета. Упрекающіе забываютъ или не знаютъ, что и большая часть этихъ сословій, которыя подаютъ нынѣ о себѣ именныя списки, также не включались прежде въ переписи, и что многія изъ нихъ подали поводъ къ изданію новыхъ пояснительныхъ и дополнительныхъ узаконеній, какъ это увидимъ ниже. Распространеніе подачи сказокъ на тотъ или иной разрядъ населенія Россіи означаетъ собственно обложеніе податью большаго числа этихъ разрядовъ, вмѣненіе имъ въ обязанность исправлять разныя государственныя и земскія повинности. Въ сущности же у насъ подлежатъ поименной переписи и другія сословія. Не говоря о войскахъ или чиновникахъ гражданской службы, укажемъ на существующіе законы о дворянствѣ, духовенствѣ и даже новомъ разрядѣ почетныхъ гражданъ. Книги родословныя и герольдскія списки для дворянства, монастырскія записныя книги и консисторскіе клировыя вѣдомости для духовенства, обывательскія книги и особые думскіе списки для почетныхъ гражданъ (1) — не иное что, какъ тѣ же ревизскія сказки. Въ нихъ точно также показывается имя, прозваніе и лѣта каждаго лица, холостъ ли онъ или женатъ, и на комъ, или вдовъ, сколько имѣетъ дѣтей обоюго пола съ именами ихъ и лѣтами; постоянно ли живетъ въ мѣстѣ приписки или находится въ отлучкѣ, служитъ ли гдѣ, чѣмъ занимается и проч. Эти списки, кажется, приближаются къ тому, о чемъ мечтаемъ мы, разсуждая о нашей народной переписи и сравнивая ее съ переписями въ другихъ государствахъ. Жаль только того, что ни дворянскія, ни городскія депутатскія собранія не ведутъ ихъ съ надлежащею исправностію, да и сами лица, подлежащія запискѣ въ нихъ, ни мало не заботятся извѣщать кого слѣдуетъ о перемѣ-

(1) Св. Законовъ т. IX, кн. II, ст. 1471 — 1477, 1493, 1497 — 1499, 1504—1506; кн. I, ст. 618, п. 6.

нахъ, происходящихъ въ составѣ ихъ семействъ, состоянія и т. п., несмотря на то, что эта записка служить однимъ изъ первыхъ доказательствъ правъ происхожденія, которыя такъ цѣнятся у насъ.

Обратимся къ первой ревизіи.

Первоначальный планъ производства переписи, какъ видѣли мы, изложенъ былъ въ указахъ 26-го ноября 1718, 22 го и 27-го января 1719 года. Теперь взглянемъ на мѣры, какія употреблены были правительствомъ для успѣшнаго исполненія своего намѣренія и достиженія точныхъ результатовъ.

Изъ присылаемыхъ или собираемыхъ сказокъ ревизоры обязаны были составлять перечневые выписки и сравнивать ихъ съ переписными книгами 1678 года для опредѣленія прибыли и убыли народонаселенія въ каждомъ мѣстѣ; книги эти и вѣрно было выдать изъ помѣстного приказа (1). Въ этомъ обстоятельствѣ, какъ замѣтили мы и прежде, должно, кажется, видѣть признакъ того, что переписныя книги 1678 года считались самыми полными и точными, или, еще вѣроятнѣе, что эти книги обнимали собою большее пространство, нежели всѣ прочія, составленныя послѣ 1678 года. Къ сожалѣнію, мы рѣшительно ничего не знаемъ, къ какимъ результатамъ привело сравненіе переписныхъ книгъ съ ревизскими перечнями и на сколько процентовъ возрасло народонаселеніе въ сорокалѣтній промежутокъ отъ 1678 по 1719 годъ.

Несмотря на то, что первыми указами, объявившими о ревизіи, назначался очень продолжительный срокъ (цѣлый годъ) для составленія сказокъ, и что за утайку душъ угрожаемо было страшнымъ наказаніемъ, — подача сказокъ и самая вѣрность ихъ далеко не соответствовали ожиданіямъ царя. Уже приближался срокъ, съ котораго предполагалось ввести принятую систему расположенія армейскихъ полковъ на крестьянскіе дворы; но сказокъ подавалось мало, и перечисленіе почти не подвигалось впередъ. Вслѣдствіе этого, для побужденія къ скорѣйшему окончанію начатаго дѣла, отправлены были отъ кабинета во всѣ губерніи и провинціи солдаты, которые должны были: 1) дознать виновниковъ медленности; 2) арестовать ихъ и держать въ цѣпяхъ (не выключая и самого вице-губернатора, ежели отъ него то чинилось), не выпуская никуда, пока не исправятъ сказокъ; и 3) готовыхъ

(1) 3 декабр. 1719. П. С. З. V, № 3458.

сказки отсылать съ нарочными въ Петербургъ (1). Позднѣе, за неисправность сказокъ велѣно было вызвать воеводу въ Петербургъ и отписать у нихъ вотчины (2); а потомъ повѣрка сказокъ возложена на самихъ губернаторовъ (3).

Утайка душъ помѣщиками, обществами и семействами чинилась въ огромныхъ размѣрахъ несмотря на то, что угроза казнить виновныхъ смертю и отписывать утаенныхъ въ казну повторялась неоднократно. Объ утайкѣ производились строгія розысканія и все-таки зло не прекращалось. Утаивали не только единицы и десятки, но не подавали сказокъ о цѣлыхъ деревняхъ. Изъ указа 15 марта 1721 года видно, что число прописныхъ превышало 20,000 душъ. Расположеніе полковъ уже началось, но эти неточности въ исчисленіяхъ были источникомъ многихъ затрудненій, и царь долженъ былъ отъ угрозъ обратиться къ увѣщаніямъ и приглашалъ каждого безбоязненно извѣщать о своихъ неумышленныхъ пропускахъ и умышленныхъ утайкахъ, назначая срокъ для подачи исправленныхъ и дополненныхъ сказокъ по 1-е сентября 1721 года (4).

Всѣ эти неисправности происходили, какъ надобно полагать, сколько отъ недобросовѣстности составителей сказокъ, столько же и отъ различныхъ толкованій смысла указовъ и недоумѣній относительно того, кого вносить въ сказки. Поэтому нѣсколькими указами пояснено было, что въ сказки записывать не однихъ крестьянъ, но также и дворовыхъ людей, а равно и причетниковъ церковныхъ, кромѣ священниковъ и дьяконовъ (5). Относительно внесенія церковно-служителей въ перепись, и даже вообще для успѣха ревизіи, синодъ призналъ за нужное публиковать отъ себя, что «оное дѣло особливо государственное нужное и не на краткое сочиняется время, которое и безъ многого толкованія ясно само себя показываетъ», и предписывалъ священникамъ и прочимъ священно-и церковно-служителямъ со-

(1) Указъ 4 декабря 1719. П. С. З. V. № 3460. Подтверженіе 16 декабря 1719. V, № 3470.

(2) VI, № 3707.

(3) VI, № 3782.

(4) П. С. Законовъ, V, № 3355; VI, №№ 3660, 3675, 3687, 3762.

(5) Указы 1720, января 5 и 19, октября 14. П. Собр. Зак. VI, №№ 3481, 3492, 3657.

ставлять сказки правильныя, безъ утайки (1). Видно также, что и свѣтское начальство было особенно притязательно въ отношеніи къ духовенству и подвѣдомымъ ему людямъ, тѣмъ болѣе, что въ эту пору только-что начинали входить въ силу тѣ постановленія, которыми ограничивались или смѣнялись вовсе древнія автономическія права церковной администраціи. Но владѣльческій характеръ въ гражданскомъ управленіи еще былъ въ полномъ своемъ развитіи, и каждый начальникъ или исполнитель какого-нибудь порученія являлся полнымъ хозяиномъ своей области или того мѣста, гдѣ исполнялось порученіе... Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти лица такъ-сказать вознаграждали себя теперь за утомительно-продолжительное отстраненіе ихъ вліянія на область церковную... Вѣроятно и эти «вознагражденія» выходили изъ границъ, потому что указомъ 19 іюн. 1721 года внушалось губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ, чтобы посылаемые отъ нихъ чиновники для повѣрки сказокъ, въ вотчинахъ архіерейскихъ, крестьянамъ обидѣ не чинили, налоговъ особенныхъ не дѣлали, не брали бы лишнихъ подводъ и проч. Дозволялось же, «въ тѣхъ вотчинахъ будучи, имать только провіантъ, чѣмъ бы мочно было содержать разсылщиковъ, усматривая, чтобъ и отъ того озлобленія никому не было, подъ жестокимъ истязаніемъ» (2).

Далѣе объяснено было, что самыхъ священно-и церковно-служителей, а также дворянъ и дѣтей ихъ и отставныхъ драгунъ и солдатъ — не принимать въ счетъ при расположеніи полковъ, а писать ихъ въ особые списки. Дѣтей же протопопскихъ, поповскихъ, діаконскихъ и прочихъ церковно-служительскихъ, также и дворовыхъ людей «положить въ сборъ съ прочими душами»; умершихъ послѣ переписи не исключать, за то не вносить въ счетъ и дѣтей, родившихся послѣ переписи; а вдвойнѣ записанныхъ исключать (3).

Такимъ образомъ утверждены были правила переписи и распределенія сельскаго населенія въ отношеніи къ «расположенію полковъ». Но въ то же время велѣно собрать ревизскія сказки и о всѣхъ посадскихъ и разночинцахъ, живущихъ въ городахъ и

(1) 20 мая 1721. VI. № 3787.

(2) П. С. Законовъ. VI, № 3796.

(3) П. С. Законовъ. VI, №№ 3802, 3848, 3857. Указы 1721 г. іюля 5, ноября 10 и 27.

посадахъ, кромѣ городовъ новозавоеванныхъ; иноземцевъ же не вносить въ сказки ни подъ какимъ видомъ (1).

Въ 1722 году февраля 5 поручено генералъ-майору Чернышеву отобрать «правдивыя сказки» въ губерніи С. Петербургской и въ провинціяхъ: Псковской, Великолуцкой, Тверской, Ярославской, Углицкой, Пошехоньской и Бѣлозерской. Относительно вѣрности и полноты сказокъ угрожалось попрежнему строго: за утайку душъ съ помѣщиковъ велѣно взыскивать вдвое, а прикащиковъ и старостъ казнить смертю; съ Татаръ брать въ солдаты лучшаго человѣка. Въ сказки должно вносить не только крестьянъ, но и дворовыхъ людей. Дворянамъ объявить, чтобы они платили подать за каждую мужескую душу, «понеже извѣстно учинилось, что нѣкоторые, закрывая отъ общаго государственнаго платежа, писали многихъ скотниками, садовниками, конюхами, псарями, и симъ подобное, не взирая на оное». Самыхъ дворянъ и дѣтей ихъ, также духовенство въ окладъ не считать. Умершихъ не исключать; а новорожденныхъ не присчитывать. А если и за всѣмъ тѣмъ окажутся прописныя, то виновныхъ «бить кнутомъ, вырѣзавъ ноздри, ссылатъ на галеру въ вѣчную работу» (2). Вообще должно замѣтить, что разрядъ дворовыхъ людей, обращалъ на себя особое вниманіе правительства. Принимая за основаніе подати владѣніе землею и обрабатываніе ея, правительство колебалось относительно включенія дворовыхъ въ подушный окладъ, такъ какъ они пашни не имѣютъ; съ другой же стороны самая многочисленность дворовыхъ и еще живыя преувеличенія числа ихъ, лишали казну многихъ доходовъ. Конечно и самые владѣльцы, считая для себя обременительнымъ платежъ податей за дворовыхъ, просили объ освобожденіи ихъ отъ этого. Вотъ почему такъ много встрѣчается законовъ о дворовыхъ. Въ теченіи 1722 года, въ поясненіе указа о переписи въ Санкт-Петербургской губерніи, относительно дворовыхъ послѣдовали новые указы, которыми повелѣвалось: 1) дворовыхъ слугъ и прочихъ людей, которые ни на себя, ни на вотчинниковъ пашни не пашутъ, вносить въ перепись, но въ раскладку на полки не считать (10 мая и 1 іюня); 2) дворовыхъ, взятыхъ во дворы изъ дѣловыхъ людей и крестьянъ до 1719 года, вносить въ сказки;

(1) Т. VI, № № 3747, 3817, 3898. Указы 1721, февраля 28, августа 23, 1722, февраля 5.

(2) П. С. Законовъ. VI, № 3901.

а тѣхъ, которые взяты послѣ 1719 года—переписать особо (августа 1); 3) дворовыхъ вольноотпущенныхъ и оставшихся, за смертью господъ, кабальныхъ переписать особо и годныхъ зачислить въ солдаты, если только никто не пожелаетъ принять ихъ въ свои семьи (1 июня) (1).

О переписи и включеніи въ окладъ людей другихъ разрядовъ находимъ въ эту пору слѣдующія постановленія: 1) священно-и церковно-служителей, состоящихъ въ дѣйствительной службѣ въ подушный окладъ не включать, а вносить только безмѣстныхъ (4 апрѣля и 12 июня); 2) людей, находящихся на заводахъ, писать при своихъ деревняхъ, но туда ихъ не высылать, «дабы тѣхъ заводовъ не опустошить», однако подушныя съ нихъ взыскивать; также поступать и съ судорабочими (15 марта); 3) ямщиковъ переписать, а людей пришлохъ выслать изъ ямовъ (2 іюля); 4) иновѣрцевъ, определенныхъ къ отправленію корабельныхъ дѣловъ, переписывать и облагать подушными (31 іюля); 5) живущихъ въ деревняхъ дѣтей отставныхъ солдатъ и матросовъ переписывать и располагать на полки; а однодворцевъ, копѣйщиковъ и рейтаръ въ заочныхъ городахъ въ раскладахъ не включать (10 сентября); 6) Малороссіянъ, находящихся въ Велико-россіи и въ Украинѣ, на полки не расписывать; точно также не расписывать и помѣщичьи деревни, поселенныя въ слободскихъ полкахъ; однако розыскивать, не находится ли бѣглыхъ между ними (10 мая) (2).

Весьма любопытенъ сенатскій указъ 31 іюля, 1722 г., который приведемъ вполнѣ: «Ежели при свидѣтельствѣ и расположеніи полковъ на души явятся слѣпыя и весьма увѣчныя, и дряхлыя, и дураки, которые хотя конечно дѣйствія и пропитанія о себѣ никакого не имѣютъ: тѣхъ всѣхъ, не обходя никого, переписать, и въ расположеніе полковъ положить; а что по описи таковыхъ явится, о томъ объявить особо» (3). Въ настоящую пору, современные намъ статистики также пришли къ убѣжденію въ необходимости перечисленія всѣхъ слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, идиотовъ, кретиновъ. Въ Брюссельскомъ статистическомъ конгрессѣ предлагали даже отмѣчать кривыхъ, горбатыхъ, хромыхъ и имѣющихъ другіе видимые недостатки; но нашли это не удобнымъ къ точ-

(1) П. С. Законовъ VI, №№ 3999, 4023, 4026, 4069.

(2) Т. VI, № № 3919, 3932, 4000, 4035, 4042, 4065, 4086.

(3) Полн. Собр. Зак. VI. № 4068.

ному исполненію. Намъ пріятно видѣть, что этотъ вопросъ, которому справедливую важность придали ученые западной Европы, былъ уже рѣшенъ Петромъ Великимъ за 130 лѣтъ прежде. Приведенный выше указъ поясненъ былъ въ послѣдствіи: 23 октября 1723 года велѣно слѣпыхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ, которые ни въ чемъ работать не могутъ, ни стеречь, а кормятся міромъ, и чьи они были—не помнѣть, тѣхъ отдавать въ богадѣльни (1). Попеченія о подобныхъ несчастливцахъ изъ крестьянъ помѣщичьихъ или другихъ сословій—возлагались на владѣльцевъ и общества; поэтому они и включались въ расположеніе полковъ. Еще позднѣе, именно 3 іюня 1724 года, по этому предмету послѣдовало новое повелѣніе: губернаторамъ и воеводамъ всѣхъ губерній и провинцій, кромѣ Сибири, велѣно переписать въ городахъ всѣхъ старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ нищихъ и сиротъ обоюго пола, которые работами пропитаться не могутъ, ни къ кому не приписаны и въ подушный окладъ не положены (2). Указъ этотъ замѣчателенъ еще въ другомъ также статистическомъ отношеніи. Его велѣно *распечатать вездѣ 1-го октября*, а переписывать бы начали *всѣ вдругъ того жъ дня, какъ распечатываютъ*, а переписавъ, прислать тѣ вѣдомости въ Сенатъ *конечно къ ноябрю мѣсяцу*, дабы, зная число ихъ (увѣчныхъ и пр.) и число доходовъ, можно было росписать ихъ по монастырямъ.» Такимъ образомъ бельгійская система народоисчисленія, придуманная и осуществленная Кетле, испробованная потомъ и въ Англіи и предполагаемая къ введенію въ другихъ государствахъ, — точно также предупреждена была преобразователемъ Россіи. Этихъ примѣровъ, кажется, достаточно для убѣжденія, какъ глубоко и ясно сознавалъ экономическіе вопросы «этотъ вѣчный работникъ на тронѣ», знавшій предназначеніе родной страны, самодержавною рукою смѣло сѣявшій въ ней просвѣщеніе.

Производствомъ переписи въ Санктъ-Петербургской губерніи и переписью ямщиковъ въ Сибири (3), какъ видно, оканчивалось народоисчисленіе или первая общая ревизія. Еще 9 января 1723 года велѣно было приступить къ повѣркѣ переписи душъ и расположенію полковъ на губерніи (4). Здѣсь представились новыя

(1) Полн. Собр. Зак. VII. № 4335.

(2) Полн. Собр. Зак. VII. № 4522.

(3) Указъ 1723 г. октября 23. Полн. Собр. Зак. VII. № 4333.

(4) Полн. Собр. Зак. VII. № 4139.

недоумѣнія, послужившія поводомъ къ изданію новыхъ постановленій, направленныхъ преимущественно противъ утайки и прописки душъ. Пропуски же оказывались огромные; напримѣръ въ одномъ Казанскомъ уѣздѣ, только въ ясачныхъ волостяхъ прописанныхъ было 2114 человекъ, за что и взято съ виновныхъ обществъ 219 «лучшихъ» человекъ въ солдаты. Несмотря на всѣ строгости, фанатическое предубѣжденіе противъ всѣхъ предпріятій Петра и самая неопытность въ дѣлѣ народоисчисленія, были постоянными причинами всѣхъ неточностей. Видно также, какъ и Петръ, стараясь достигнуть полного успѣха, то оказывалъ снисхожденія, то вновь прибѣгалъ къ мѣрамъ суровымъ. Прежде постановлено было за прописку «бить кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ссылатъ на галеру въ вѣчную работу»; теперь, при повѣркѣ переписи, велѣно за умышленную прописку 10-й части общаго количества душъ, только бить кнутомъ, а ноздрей не рвать и не ссылатъ; управителей же земскихъ и посланныхъ, «которые велѣли утаивать, или вѣдая утайку, манили и не объявляли, и деньги брали или и не брали — казнить смертію» (1). Помѣщики, купившіе деревни съ прописными душами и не объявившіе о томъ, подвергались тѣмъ же наказаніямъ (2). Послѣ этого, велѣно было отписывать у помѣщиковъ тѣ деревни, въ которыхъ окажутся прописныя души; но женамъ офицеровъ, находившихся въ походахъ и службѣ, наказанія никакого не чинить за утайку душъ (3). Наконецъ, велѣно было помѣщиковъ за утайку умышленную ссылатъ на галеры, а деревни отбирать; за пропускъ же не умышленный брать штрафъ по 10 рублей за душу; если помѣщики сами находились въ отлучкѣ, а прописныхъ оказывалось у нихъ болѣе $\frac{1}{4}$, то штрафовались по 5 р.; а при меньшемъ пропускѣ, по 1 р. за душу: съ малолѣтнихъ и находившихся въ отсутствіи по службѣ—взысканій не полагалось; прикащики и сказкописатели наказывались кнутомъ и штрафовались по тому же размѣру (4). Штрафы за утайку «на крестьянахъ не править», а на управителяхъ имѣній и на владѣльцахъ (5). Дворовыхъ и крестьянъ, бывшихъ съ господами въ походахъ, не

(1) 19 января 1723. VII. № 4145.

(2) 6 мая. VII. № 4211.

(3) 15 іюля. VII. № 4267.

(4) 5 ноября, 1723 г., 20 мая 1724 г.; 8 января 1725. Полн. Собр. Зак. VII. №№ 4343, 4515, 4625.

(5) 4 іюня 1724. Полн. Собр. Зак. VII. № 4528.

считать прописными и взысканія за нихъ не дѣлать (1). Съ духовенства за прописку душъ велѣно было взыскивать только по рублю за душу (2). Черемисовъ прощать за утайку, если только они пожелаютъ принять крещеніе (3).

Изъ другихъ узаконеній, относящихся прямо къ переписи, или получившихъ отъ нея происхожденіе, въ послѣднее время царствованія Петра Великаго, укажемъ на слѣдующія: не велѣно было включать въ подушный окладъ выходцевъ изъ-за границы, явившихся послѣ переписи (4); но стрѣлцкіе и полѣяческіе дѣти были положены въ окладъ (5). Дѣтей, непомнящихъ родства, если имъ болѣе 10 лѣтъ, велѣно было зачислять въ матросы; а моложе 10 лѣтъ помѣщать въ богадѣлни, если шикю ихъ не приметъ къ себѣ. Кабальныхъ, отпущенныхъ до 1700 года и живущихъ своими дворами, вносить въ окладъ; а дряхлыхъ въ богадѣльню (6). Если при повѣркѣ сказокъ съ наличностью оказывалось несходство въ именахъ, то велѣно было дознавать и употреблять настоящія имена; бѣглыхъ, оказавшихся при этомъ свидѣтельствѣ, не исключать изъ переписи, но укрывателей подвергать взысканію (7). Изъ сказокъ помѣщичьихъ крестьянъ предписывалось составить алфавиты владѣльцевъ по уѣздамъ и по губерніямъ, съ означеніемъ, по скольку душъ мужескаго пола числится въ каждомъ селѣ или деревнѣ; а сенатъ долженъ былъ изъ этихъ частныхъ губернскихъ алфавитовъ составить общій по имперіи въ такомъ же видѣ (8).

И все-таки Петру Великому не удалось видѣть совершеннаго исполненія этого многосложнаго дѣла, хотя онъ и торопилъ и подтверждалъ неоднократно о скорѣйшемъ окончаніи повѣрки переписи, и еще послѣднее свое повелѣніе объ этомъ отдалъ за двѣ недѣли до своей кончины (9).

Преемники Петра Великаго продолжали народонисчисленіе такъ

(1) 21 декабря 1724. VII. № 4619.

(2) 2 іюля 1724. VII. № 4519.

(3) 25 іюня 1723. VII. 4254.

(4) 1 октября 1723. VII. № 4318.

(5) 28 ноября 1723. № 4372.

(6) 23 октября 1723. VII. № 4335.

(7) 2 іюня 1724. VII. № 4520.

(8) 20 мая 1724. № 4508.

(9) 31 октября 1723; 14 января 1724; 11 января 1725. VII. №№ 4340, 4413, 4628.

же, то привлекая къ тому льготами, то угрожая наказаніями, и во всемъ руководясь преимущественно его предначертаніями. Не входя поэтому въ особыя подробности, укажемъ только то, что представляло какія-нибудь отличія отъ узаконеній Петра Великаго.

Екатерина I повелѣла произвести переписи и въ завоеванныхъ губерніяхъ Ревельской и Выборгской (1). Дабы прекратить по возможности умышленную утайку душъ помѣщиками и побудить самихъ крестьянъ къ откровенному показанію этихъ злоупотребленій, опредѣлено крестьянъ освобождать отъ помѣщиковъ, если они справедливо донесутъ о пропискѣ и утайкѣ душъ, и давать допущикамъ годовой срокъ для перехода къ другимъ помѣщикамъ (2). Такимъ образомъ древнее право «Юрьева дня», уничтоженное Годуновымъ, было въ нѣкоторомъ видѣ возстановлено. До какой степени воспользовались этимъ узаконеніемъ крестьяне, къ сожалѣнію изъ Полнаго Собранія Законовъ не видно. Но можно думать, что эта мѣра имѣла большое вліяніе на помѣщиковъ и отучила ихъ отъ утайки душъ.

Въ царствованіе императрицы Анны Ивановны предприняты были частныя переписи въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1732 году отправленъ былъ въ Малороссію майоръ Хрущовъ для переписи всѣхъ Малороссіянъ, предупредивъ ихъ однако, чтобы они, «не страшась той переписи, съ своихъ поселеній никуда не сходили, для того, что податей съ нихъ, какъ съ великороссійскихъ, брано не будетъ.» Точно такую же перепись велѣно произвести и въ слободскихъ полкахъ, и окончить ихъ предписывалось во теченіи двухъ мѣсяцевъ (3). Но спустя два года (8 августа 1734 г.) и въ Малороссіи произведена перепись съ положеніемъ жителей въ подушный окладъ въ тѣхъ видахъ, «чтобы обыватели въ всякихъ общенародныхъ повинностяхъ были уравниены и одни передъ другими не имѣли въ томъ тягости; а впредь по вся годы или черезъ нѣсколько лѣтъ таковую ревизію чинить.» И еще позднѣе за утайку душъ положено денежное взысканіе (4). Кроме того произведена въ Ингерманландіи перепись дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ и бобылей обою пола, «по име-

(1) Указы 17 августа 1725 и 14 марта 1727. VII. №№ 4763, 5031.

(2) 4 октября 1726. VII. № 4963.

(3) Указъ 20 июня и инструкция 27 июня. VIII, №№ 6099, 6105.

(4) Полн. Собр. Зак. IX. № 6614; № 6891 (11 февраля 1736).

намъ и съ лѣта, не обходя никого», при чемъ велѣно было переписать и всѣхъ «пришлыхъ» людей, не исключая и цыганъ; при повѣркѣ же назначенъ былъ мѣсячный срокъ для объявленія объявленныхъ душахъ; по истеченіи же срока поступать съ виновными по указу 5 ноября 1723 (1). Въ 1732 же году сдѣлана перепись въ Бѣлогородской губерніи (2), а въ 1739 въ Ревельской губерніи и Эзельской провинціи «по тамошнимъ земскимъ правамъ, обыкновеніямъ и привилегіямъ» (3).

Относительно нѣкоторыхъ частныхъ въ переписи разныхъ сословіи замѣчательны въ это царствованіе указы о бѣглыхъ. Въ 1733 году разночинцевъ и бѣглыхъ, показавшихъ о себѣ, что они въ подушный окладъ написаны въ великороссійскихъ губерніяхъ, велѣно писать отдѣльно отъ старожиловъ городовъ украинскихъ. О возвратившихся изъ бѣговъ должно было объявлять немедленно, дабы «неотложно записаны быть могли». Особенно же велѣно было обращать строгое вниманіе на бѣглыхъ, укрывающихся у раскольниковъ (4).

Не менѣе строгое изслѣдованіе производилось о прописныхъ и уклонявшихся отъ внесенія въ подушный окладъ Ихъ велѣно было перечислять особо и годныхъ (отъ 15 до 40-лѣтняго возраста) зачислять въ солдаты; но какъ между этими прописными находилось много такихъ, за которыхъ владѣльцами или обществами платились подати и штрафы, то велѣно: 1) въ службу ихъ не брать, но составивъ имъ списки, публиковать повсемѣстно; 2) подушныя же брать съ нихъ отъ того времени, когда запишутъ въ ревизію; 3) инородцевъ же, принявшихъ крещеніе, не брать въ службу и не облагать податью (5).

Отношеніе къ ревизіи и подушному окладу священно-и церковно-служителей и вообще всѣхъ людей вѣдомства духовнаго, такъ же вызвало нѣсколько узаконеній. Въ Малороссіи дѣти священно-и церковно-служителей и служители архіерейскихъ и монастырскихъ домовъ не включались въ перепись, но въ С.-Петербургѣ,

(1) 13 іюля, 25 сентября, 26 октября, 16 ноября 1732; 7 іюня и 13 сентября 1733. VIII. №№ 6121, 6191, 6243, 6258. IX. №№ 6432, 6481.

(2) 23 декабря. Полн. Собр. Зак. VIII. № 6288.

(3) 12 іюня и 19 іюля. X. №№ 7834 и 7856.

(4) 2 и 21 апрѣля, 9 августа. Полн. Собр. Зак. IX. №№ 6363, 6374, 6464.

(5) 21 сентября 1736, 16 ноября 1737. Полн. Собр. Зак. IX. № 7064, X. № 7438.

Ингерманланди, въ Выборгскомъ и Кексгольмскомъ уѣздахъ, они подлежали переписи. Вообще же вѣдно было произвести особое неречисленіе всѣхъ такъ называвшихся синодальныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и другихъ подобныхъ лицъ (1).

Но всѣ эти частныя ревизіи губерній или сословій, производимыя разновременно, съ великими затрудненіями и неисправностями, побуждали правительство къ изысканію лучшихъ средствъ исполненія самой переписи и уравниенія всѣхъ жителей въ платежѣ подушныхъ податей. Еще въ 1727 году, не задолго до своей кончины, Екатерина I учредила особую комиссію для разсмотрѣнія, какимъ образомъ удобнѣе и сходнѣе съ пользою народною собирать деньги на содержаніе полковъ,—съ дворовъ ли, съ тяговъ или съ земли, или съ душъ, какъ это дѣлается въ другихъ государствахъ? Эта комиссія въ 1736 году представляла, что въ теченіи 17 лѣтъ (съ 1719 по 1735 годъ включительно) изъ числа всѣхъ переписныхъ и обложенныхъ податью умерло, взято въ солдаты и матросы, сослано въ каторгу, бѣжало и выбыло разными другими случаями всего до 2,100,469 душъ муж. пола (въ томъ числѣ однихъ умершихъ считалось 1,557,960 душъ и взятыхъ въ военную службу 201,346 душъ). Подушныя собирались съ наличнаго числа, въ томъ же количествѣ, какъ будто не убыло въ населеніи ни одного человѣка. Кромѣ того, весьма многимъ приходилось еще платить штрафныя деньги за прописныхъ и утаенныхъ. Отъ этого, «а также отъ недорода хлѣбнаго и за другими припадками», вскорѣ стали оказываться значительныя недоимки, и плательщики податей пришли «въ крайнее изнеможеніе». Въ такихъ убѣжденіяхъ испрашивалось разрѣшеніе произвести новую повсемѣстную перепись, при которой можно было бы исключить всѣхъ выбывшихъ и въ замѣнъ того внести всѣхъ новорожденныхъ и явившихся изъ бѣговъ. «Ежели въ положенную на арміи и гарнизоны сумму по новой ревизіи противъ прежняго числа душъ либо-чего доставать не будетъ,—представляла комиссія, — то того подушнаго оклада, дабы та армейская и гарнизонная сумма сполна была, лучше прибавить, нежели спуста платить, и такъ всѣмъ будетъ уравнительно и одинъ передъ другимъ тягости нести не будетъ.» При этомъ комиссія находила необходимымъ 1) обязать всѣхъ подписками, что—

(1) 2 и 21 января и 7 сентября 1737. Полн. Собр. Зак. X. №№ 7144, 7164, 7364.

бы не держали бѣглыхъ; 2) производителей ревизіи предварительно приводить къ присягѣ и заставить «подписаться подъ смертною казнію и подъ взятіемъ всѣхъ имѣній», что переписывать они будутъ правильно; 3) впредь, для уравниенія въ платежѣ подушныхъ денегъ, чтобъ подданнымъ одному передъ другимъ отягощенія не было, во всемъ государствѣ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, по примѣру лифляндскому, чинить вышеписаннымъ порядкомъ ревизіи. Проектъ этотъ не удостоился утвержденія. Но 12 января 1739 года состоялся именной указъ, которымъ повелѣвалось собирать подушныя бездомочно и «ежели кто будетъ показывать пустоту», то дознавать: а) давно ли запустѣвшія деревни достались владѣльцу? б) когда и по какому случаю запустѣли деревни? в) изъ какихъ деревень крестьяне бѣжали, умерли или иначе выбыли? г) не вывели ли ихъ сами владѣльцы, и въ какое мѣсто? д) кто владѣетъ пустошами и какой доходъ получаетъ отъ нихъ? Собравши такія свѣдѣнія, сенатъ долженъ былъ провѣрить ихъ и только тогда слагать недоимки. Мѣра эта не привела къ желаемому результату. Требуемыя свѣдѣнія доставлены были только отъ 111 городовъ, да и то оказались неудовлетворительными.

Все-таки изъ разсмотрѣнія ихъ открылись слѣдующія обстоятельства: 1) что много крестьянъ было приписано къ городскимъ домамъ; владѣльцы же ихъ или умерли или переселились неизвѣстно куда и взяли съ собою людей; 2) что у нѣкоторыхъ помѣщиковъ не было и домовъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ они приписали крестьянъ; 3) точно также иные не имѣли и земли въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ показывали своихъ крестьянъ, а владѣльцы сами померли, крестьяне же всѣ или умерли или взяты въ военную службу, или разбѣжались; 4) оказались и такія деревни, изъ которыхъ всѣ взрослые выбыли различными образами, а остались одни малолѣтныя, рожденные послѣ ревизіи; 5) нѣкоторые крестьяне проданы были на выводъ, а куда — не извѣстно, потому что продавцы ихъ также переселились или умерли; 6) прежде писались въ окладъ стрѣльцы, пушкарки и прочіе прежнихъ службъ разночинцы, жившіе на казенныхъ земляхъ, а послѣ переписи они и дѣти ихъ взяты въ армію, другіе же померли или переселились неизвѣстно куда; 7) при повѣркѣ представленныхъ вѣдомостей съ духовными приходскими росписями, въ названіяхъ деревень, именахъ владѣльцевъ, и проч., оказались такія разнорѣчія, что ихъ и разъяснить было невозможно, тѣмъ болѣе, что

духовныя росписи относились къ 1737 году, а вѣдомости, представленныя въ сенатъ, заключали свѣдѣнія 1740 и 1741 годовъ. Добиться положительной истины чрезъ переписку съ вотчинною коллегіею и камеръ-коллегіею, не имѣлось ли за тѣми владѣльцами крестьянъ въ другихъ губерніяхъ, не представлялось возможнымъ и повлекло бы за собою такіе продолжительные розыски, «чего ни во многіе годы окончить не можно». Подушной недоимки въ 1741 году считалось до 5,000,000 р., а выбывшихъ изъ переписи—до 2,877,765 душъ. Это послѣднее количество комиссія признавала также не точнымъ, потому что: 1) въ Казанской губерніи и смежныхъ съ нею происходили не задолго передъ тѣмъ разоренія отъ Башкирцевъ; 2) во время послѣдней турецкой войны изъ губерній Воронежской, Бѣлгородской, Московской и Смоленской къ Азову и Очакову отправлено было много подводчиковъ и работниковъ, «изъ коихъ развѣ нѣкоторая часть возвратилась» и 3) изъ Смоленской губерніи крестьяне многихъ деревень вышли въ Польшу.

Принимая все это въ соображеніе, комиссія находила нужнымъ произвести новую перепись и положить на будущее время, чтобы она производилась постоянно чрезъ каждыя 15 лѣтъ. «Оная ревизія, объясняла комиссія, такого затрудненія (какъ прежде было при основаніи такого дѣла) имѣть не будетъ, и ежели съ добрымъ порядкомъ производиться будетъ, то и продолжиться не можетъ, и такого великаго числа персонъ, сколько прежде было, для онаго свидѣтельства не надобно, токмо потребно имъ дать довольное наставленіе, чѣмъ всѣ помѣщики будутъ довольнѣе, нежели однимъ свидѣтельствомъ пустоты.» Сверхъ того признавалось за полезное: 1) произвести перепись и въ Ингерманландіи, куда многіе во время первой переписи бѣжали или были переселены, въ избѣжаніе платежа податей, и 2) переписать всѣхъ рабочихъ, находящихся въ Кронштадтѣ, на Ладожскомъ каналѣ и другихъ казенныхъ работахъ, и начальникамъ этихъ работъ запретить принимать людей безпаспортныхъ, а за пріемъ взыскать по 5 р. за cadaго человека, да за каждый мѣсяцъ по 1 рублю, и отдавать тѣ деньги помѣщикамъ; потому что желающіе добывать деньги работами могутъ дѣлать это и безъ побѣговъ, съ паспортами.

На этотъ разъ предположенія комиссіи утверждены были во всей силѣ, и указомъ 17 сентября 1742 года назначено произвести повсемѣстно *вторую народную перепись*; а въ дополненіе

къ тому запрещено принимать на казенныя работы беспаспортныхъ (1).

Война съ Швеціею воспрепятствовала приступить къ немедленному производству переписи, тѣмъ болѣе, что эту операцію принято было поручать военнымъ чиновникамъ. Предполагали уже поручить это отставнымъ военнымъ, какъ прекратившаяся Абоскимъ миромъ война, дала возможность обратиться къ прежнему порядку. Всѣ губерніи распределены были на участки между двѣнадцатью человекъ, которые должны были составить ревизскія сказки, за исключеніемъ астраханскихъ и уфимскихъ Татаръ и Башкировъ, сибирскихъ ясачныхъ инородцевъ и архангельскихъ Лопарей. Подача сказокъ должна продолжаться не болѣе недѣли со времени прѣзда тѣхъ лицъ въ назначенныя имъ мѣста. Всѣ находящіеся въ отлучкахъ по торгамъ и промысламъ обязаны были явиться для подачи сказокъ не позже 1 мая 1744 года; а ослушниковъ велѣно брать въ солдаты или ссылатъ въ Оренбургъ (2). Вообще же за утайку душъ велѣно поступать на основаніи указа 5 ноября 1723 года.

Чиновникамъ-ревизорамъ дана была обширная инструкція (3), важнѣйшія части которой состояли въ слѣдующемъ:

1) Они обязаны были собрать подробныя сказки съ показаніемъ всѣхъ перемѣнъ въ личномъ составѣ населенія отъ убыли и прибыли. 2) Повѣрить сказки на мѣстахъ и прописныхъ внести; затѣмъ опять повѣрить ихъ «съ подлинными генералитетскими книгами о прежней ревизіи, которыя имѣтъ за *фундаментъ*»; въ послѣдствіи еще было дополнено, что, при несходствѣ именъ съ генералитетскими книгами, дознавать вѣрно, «точію накрѣпко смотрѣть, дабы ни одинъ безъ написанія нынѣ не остался» (4). 3) Если окажутся незаписанные и въ 1-ю ревизію, то допрашивать, гдѣ они дотолѣ жили и не скрывали ли ихъ сами помѣщики; подушныя за этихъ утаенныхъ взыскать съ помѣщиковъ и съ тѣхъ, у кого жили прописные. 4) Прописныхъ вольныхъ записывать въ цехи или за помѣщиками, если сами того пожелаютъ; впрочемъ записывать ихъ только за тѣми помѣщиками,

(1) Полн. Собр. Зак. XI. №№ 8619 и 8655.

(2) Указы 5 и 28 октября и 16 декабря 1743. Полн. Собр. Зак. XI. №№ 8797, 8811 и 8835.

(3) Полн. Собр. Зак. XI, № 8,836.

(4) 2 июля 1744. Т. XII, № 8985.

которые владѣютъ деревнями и обяжутся вносить подушныя. 5) Рабочихъ, какъ приписныхъ, такъ и наемныхъ, находящихся на казенныхъ и частныхъ заводахъ, переписать; а заводчиковъ обязать подписками, чтобы не принимали бѣглыхъ. 6) Такъ какъ въ 1724 году въ Петербургѣ переписи не было, и туда переселились многіе, избѣгая подушнаго оклада, то нынѣ особенно тщательно переписать купцовъ и посадскихъ. 7) Если окажутся крестьяне за такими владѣльцами, у которыхъ нѣтъ земли, то обязать владѣльцевъ подписками, что они будутъ вносить подушныя исправно. 8) Въ Ингерманландіи перепись произвести, но окладъ оставить прежній; всѣхъ бѣглыхъ выслать оттуда въ мѣста жительства къ 1 января 1744 года, а за неисполненіе этого взыскивать за каждаго мужчину 10 руб. и за каждую женщину 5 руб.; если же кто запишетъ бѣглыхъ за собою и это дознается, то бѣглыхъ отобрать, а съ приписавшихъ брать за нихъ подать «спуста во всю жизнь». 9) Въ прежнюю ревизію допущено было, что деревни, основанныя бѣглецами, отдавали владѣльцамъ вмѣстѣ съ землею; нынѣ этого не позволять и развозить всѣхъ бѣглецовъ въ свои мѣста. 10) Штатныхъ священно-и церковнослужителей и ихъ дѣтей записать въ ревизію просто, а дѣтей сверхштатныхъ и безмѣстныхъ положить въ окладъ или, если пожелаютъ, брать въ военную службу. 11) Малороссіянъ не записывать въ крѣпостные ни подъ какимъ видомъ, и съ нарушителями этого правила поступать «безъ всякаго милосердія»; наблюдать тоже, чтобы подъ именемъ Малороссіянъ не записывались Русскіе, которые всѣ подлежатъ окладу. 12) Переписать особо всѣхъ Малороссіянъ, поселившихся въ Великороссіи, и крестьянъ помѣщичьихъ, водворенныхъ въ слободскихъ полкахъ. 13) Разночинцевъ, незаконнорожденныхъ и отпущенниковъ, если они нигдѣ не записаны, писать въ цехи и въ посады, или брать въ рекруты, или приписывать къ казеннымъ заводамъ, или къ помѣщикамъ, если сами того пожелаютъ; дряхлыхъ и старыхъ помѣщать въ богадѣлни; но отнюдь не допускать, чтобы въ разрядѣ этихъ людей укрывались бѣгле. 14) Отодворцевъ, рейтаръ, копейщиковъ и подобныхъ имъ людей, которые податю не обложены, переписать особо и отсылать въ слободскіе ланмилицкіе полки, гдѣ въ ту пору числилось до 10,425 человекъ въ бѣгахъ. 15) Крестившихся Кадмыковъ и другихъ иноземцевъ переписать особо, но въ окладъ не вносить; точно также составить особые списки и тѣхъ иноземцевъ, которые состоятъ въ услуженіи. 16) Дѣтей отставныхъ солдатъ — брать въ солдаты и

матросы, если окажутся годными; а въ противномъ случаѣ записывать въ цехи или куда пожелаютъ сами они; но дѣтей отставныхъ дворянъ выслать на смотръ въ Петербургъ—въ сенатъ, или въ Москву—въ сенатскую контору. 17) Составить особые списки дѣтей такъ-называемыхъ синодальныхъ и архіерейскихъ дворянъ, ямщиковъ и разсыльщиковъ при сборѣ подушныхъ. 18) За утайку душъ при ревизіи поступать съ виновными по указу 5 ноября 1723 года.

Таковы были главные основанія, принятые при совершеніи новой переписи. Въ большей или меньшей степени они были повтореніемъ прежнихъ мѣръ, или выводомъ изъ нихъ. Но въ разсматриваемой инструкціи особенно любопытны послѣднія статьи, чрезвычайно характеризующія эпоху, въ которой подъ французскими кафтанамъ и париками и вообще подъ усвоенными манерами Запада, крылись идеи и взгляды временъ до-Петровскихъ. Этими статьями назначалось въпервыхъ особое жалованье канцелярскимъ служителямъ (1) при ревизорахъ, съ тою цѣлю, «дабы оныя служители во время той переписи ко взяткамъ отнюдь не касались, подъ смертною казнію». Далѣе запрещалось «генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ и прочимъ военнымъ и канцелярскимъ служителямъ», брать лошадей безъ платежа прогоновъ, «понеже получаютъ раціонныя деньги»; предписывалось не притѣснять крестьянъ и никакихъ съѣстныхъ и прочихъ припасовъ и «ничего не брать, подъ лишеніемъ чести и живота, а довольствоваться каждому опредѣленнымъ жалованьемъ, и того накрѣпко смотрѣть и наблюдать, чтобы взятковъ никакихъ ни подъ какимъ предлогомъ ни на одну копѣйку брать не дерзали, ибо для того и приказнымъ служителямъ довольно жалованья опредѣлено». Наблюдать также, чтобы солдаты и прочіе низшіе служители при ревизіяхъ не буйствовали въ деревняхъ, особенно инородческихъ..., ибо въ прежнее время отъ подобныхъ поступковъ крестьяне и иновѣрцы «не малый побѣгъ и укрывательство чинили». Къ этимъ подлиннымъ словамъ инструкціи прибавлять нечего: они и безъ того рисуютъ очень живо картину производства переписей... Въ заключеніе всего объяснялось, что «подлежащее тайности отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ ни къ кому не писать, ниже къ тому, отъ кого отправленъ, кромѣ настоящихъ реляцій; а ежели какое препятствіе отъ кого въ томъ или иномъ будетъ его дѣлу, то писать вольно, куда за благо кто раз-

(1) Секретарю 120 р., канцеляристу 60 р., подканцеляристу 30 р.

судить, только упоминая о врученномъ ему дѣлѣ генерально, отчего оному поврежденіе есть; да и въ самыхъ реляціяхъ не писать ничего лишняго, «а о врученномъ своемъ никакъ иначе, только какъ выше писано, подѣ жестокииъ наказаніемъ по винѣ преступленія». Кромѣ того, позднѣе ревизорамъ вѣннено было въ обязанность доносить сенату черезъ каждые три мѣсяца о ходѣ работъ и результатахъ ревизіи (1).

Несмотря на ожиданія, что производство новой ревизіи не представитъ большихъ затрудненій, при столь подробной инструкціи, она продолжалась болѣе трехъ лѣтъ сряду (1744—1747), да и послѣ того не прекращались изслѣдованія о прописныхъ и утаенныхъ, и дополнительныя сказки о нихъ принимались до 13 мая 1755 года (2).

Прослѣдимъ наиболѣе замѣчательные случаи, совершившіеся въ періодъ производства этой ревизіи.

Главнѣйшее вниманіе обращали на себя въ эту пору иноземцы и инородцы, также выходцы изъ-за границы и бѣглецы и бродяги. Прежде всего велѣно было крестившихся иноземцевъ, также заграничныхъ выходцевъ и подобнаго рода людей, поселившихся на помѣщичьихъ земляхъ, писать за тѣми же помѣщиками, за которыми они показаны были въ первую ревизію; но дѣлать это только удостовѣрясь, что тѣ люди дѣйствительно выходцы (3). Но такъ какъ многіе иноземцы, взятые въ плѣнъ или поступившіе въ услуженіе, приняли крещеніе и, женившись на крѣпостныхъ, прижили дѣтей,—подавали просьбы объ освобожденіи отъ помѣщиковъ и перечисленіи въ цехи и т. п., то постановлено было: женатыхъ на крѣпостныхъ записать за помѣщиками, которымъ и дать на нихъ выписки; но холостыхъ и женатыхъ на женщинахъ свободнаго состоянія—писать особо, а не прикрѣплять, хотя бы они и состояли въ услуженіи у помѣщиковъ; по подушному же окладу ихъ сравнивать съ тѣми сословіями, къ какимъ они будутъ причислены (4). Дѣтей, прижитыхъ выходцами изъ-за польской границы и крещенныхъ въ православіе, записывали въ подушный окладъ тамъ, гдѣ они оказывались при ревизіи (5). Иновѣрцевъ, которые не пожелаютъ принять христіанство, велѣно отдавать въ военную службу; а если не годенъ

(1) 21-го января 1745. № 9101.

(2) Полн. Собр. Зак. XIV, № 10234.

(3) 1 мая и 20 июня 1744. П. С. Зак. XII, № № 8928, 8973.

(4) П. С. Зак. XII, № № 8974 9193; 20 июня 1744 и 31 іюля 1745.

(5) 21-го октября 1746. XII, № 9339.

къ тому, то отдавать въ «вѣчное услуженіе» тому, кто обязется платить за него подушныя; принимающихъ же крещеніе—записывать въ цеховыя (1). Прописныхъ инновѣрцевъ Казанской, Нижегородской и Воронежской губерній велѣно было приписывать къ адмиралтейству для заготовленія корабельныхъ лѣсовъ; а принимающихъ крещеніе—освобождать (2). Изъ этихъ постановленийъ видно, что крѣпостное право развивалось на счетъ инородцевъ весьма систематически, и при продажности ревизоровъ и другихъ лицъ, вѣроятно, закрѣпленія дѣлались даже и въ противность законовъ; а теперь статьями 921 и 922, т. IX Свода Законовъ закрыта дорога къ освобожденію потомковъ... Не менѣе любопытно и то, какъ кроткое ученіе «не отъ міра сего» распространялось принужденіями и страхомъ наказанія и соблазномъ льготъ и прощеній...

Съ бѣглыми и бродягами поступали такимъ образомъ: всѣхъ, называвшихъ себя Поляками и не могшихъ доказать своего полонизма, считали непомнящими родства и изъ казачьихъ городовъ высылали на поселеніе въ Петербургъ (3). Показывавшіе себя Малороссіянами и не умѣвшіе доказать того—записывались при тѣхъ помѣщикахъ, у которыхъ заставляла ихъ ревизія; но прочіе освобождались, ибо «Малороссовъ крѣпить никому не дозволялось», а виновные въ закрѣпленіи судились по гражданскимъ и воинскимъ артикуламъ безъ всякаго милосердія (4). О называвшихъ себя отставными—производились дознанія объ ихъ «абшидахъ» (5). Бѣглыхъ солдатъ и матросъ, негодныхъ къ службѣ, писали съ дѣтьми въ тѣхъ деревняхъ, откуда взяты были въ службу (6). Непомнящихъ родства и не знавшихъ своихъ помѣщиковъ «спрашивали съ пристрастіемъ батоги» и затѣмъ или отсылали къ помѣщикамъ, или высылали въ Петербургъ (7). Но какъ «при ревизіи въ Астрахани явились многіе изъ подлыхъ, объявляющіе о себѣ, что не знаютъ своихъ помѣщиковъ, ни того, гдѣ родились... и оныя подлые люди, по привычкѣ жить кругомъ Астрахани, отъ той высылки (въ Петербургъ) бѣгутъ въ Персію

(1) 3 августа 1744. XII, № 9339.

(2) 7 декабря 1748. XII, № 9556.

(3) 24 іюня и 14 ноября 1744. XII, № № 9002 и 9065.

(4) 26 іюня 1744. XII, № 9003.

(5) 7 августа 1744. XII, № 9013.

(6) 26 ноября 1745. XII, № 9231.

(7) 7 августа 1744. XII, № 9015. — Ср. 13 января и 10 апрѣля 1747, № № 9250 и 9392.

и бусурманы, такожъ въ степи на Кубанскую сторону на раку Куму, и на Бухарскую сторону, за Яикъ, и тамъ промысломъ звѣринымъ питаются, звѣрски въ отчаяніи живутъ...», то и разрѣшено было всѣхъ непомнящихъ родства не высылать въ Петербургъ, а писать тамъ, гдѣ находили ихъ ревизоры (1). Въ послѣдствіи же, для прекращенія бродяжества, постановлено: старыхъ и увѣчныхъ писать за ихъ помѣщиками, «дабы, для отбывательства помѣщиковъ отъ написанія таковыхъ престарѣлыхъ за ними, въ нынѣшнюю перепись шатающихся не умножалось и противъ прежняго переписнаго числа душъ убыли быть не могло» (2). Наконецъ 13 мая 1754 года именнымъ указомъ велѣно: «для лучшаго разбирательства о бѣглыхъ и къ прекращенію всѣхъ въ ябедническихъ вымыслахъ подборовъ, впредь при будущей ревизіи, какъ мужескій полъ для платежа государственныхъ поборовъ, такъ и женскій для одного только вѣдома, не обходя ни единой души, всѣхъ переписать» (3).

Относительно переписи лицъ другихъ разрядовъ въ теченіе этого времени издаю было также не мало законовъ новыхъ или поясняющихъ прежніе.

Учениковъ московской грекороссійской академіи и семинарій велѣно переписывать съ показаніемъ изъ какого они званія, но въ подушный окладъ не вносить (4). Поступившіе въ духовенство послѣ первой ревизіи—не вносились въ окладъ; но дѣти, рожденные ими прежде того, оставались въ податномъ состояніи (5). Незаконнорожденныхъ дѣтей солдатокъ записывать съ показаніемъ возраста: малолѣтнихъ отдавать на воспитаніе матерямъ и другимъ лицамъ, по достиженіи же шестилѣтняго возраста зачислять въ гарнизонную школу. Вообще же незаконнорожденныхъ писали при воспитателяхъ, если они были не дворяне; воспитанныхъ же священно- и церковно-служителями, по смерти воспитателей, приписывали за тѣми, кто принималъ на себя уплату подушныхъ (6). Дворянъ, записанныхъ въ первую ревизію однодворцами, если докажутъ свое дворянство, велѣно было пере-

(4) 19 марта и 1 апрѣля 1745. XII, № № 9125 и 9136.

(2) 13 мая 1745. XII, № 9154.

(3) XIV, № 10233.

(4) 16 марта и 9 апрѣля 1744. XII, № № 8904 и 8914.

(5) 2 іюля 1744. XII, № 8981.

(6) 2 и 11 іюля и 3 августа 1744 и 4 ноября 1746. XII, № № 8986, 8989, 9011 и 9343.

писать особо (1). Купцовъ дозволялось перечислять изъ одного посада въ другой только по сношенію съ главнымъ магистратомъ (2). Помѣщичьихъ крестьянъ и другихъ податнаго состоянія людей, вступившихъ въ приказную службу безъ увольнительныхъ видовъ, писали въ прежнихъ мѣстахъ жительства (3). Раскольниковъ какъ мужескаго пола, такъ и женскаго, записывали въ подушный окладъ всѣхъ «до самаго ссущаго младенца», а за утайку «безъ всякія пощады тяжко истязали» (4). Крѣпостныхъ, числившихся за лицами, не имѣющими деревень, переписывали особо, а владѣльцевъ обязывали подписками въ непрѣмѣнномъ платѣжѣ подушныхъ (5). Поселившихся на архіерейскихъ и монастырскихъ земляхъ не высылали въ мѣста прежняго жительства, а зачисляли государственными черносошными крестьянами (6). Священно- и церковно-служителей въ Донской землѣ въ перепись не вносили (7). Разночинцевъ записывали въ городахъ, по ихъ ремесламъ и промысламъ, въ цехи (8).

Постановленія объ утайкѣ душъ преимущественно основывались на указѣ 5 ноября 1723 года; но они подвергались неоднократно измѣненіямъ. Такъ съ начала, по указу 15 іюля 1744 года, положено было освобождать отъ наказанія тѣлеснаго за утайку душъ; но 13 августа того же года пояснено было, что «для страха другимъ, дабы впредь такой утайки чинить не дерзали», въ этихъ случаяхъ поступать такъ: выведши на мѣсто, гдѣ ихъ наказывать за ту утайку надлежало, и приготова палачей, прочесть имъ указъ, ...что по закону 1723 года слѣдуетъ ихъ наказать кнутомъ... и потомъ и обнажить, и по обнаженіи объявить, что по указу 1744 прощаются...» (9) Потомъ опять былъ возстановленъ указъ 1723 года; причемъ, за справедливый доносъ объ утайкѣ, положено было выдавать доносителю 10 рублей награжденія (10). Крестьянамъ же за согласіе въ утайкѣ и про-

(1) 24 іюля 1744. XII, № 9000.

(2) 24 іюля 1744. XII, № 9001.

(3) 30 іюля 1744. XII, № 9008.

(4) 31 августа 1744. XII, № 9021.

(5) 2 апрѣля 1745. XII, № 9139.

(6) 30 сентября 1745. XII, 9212.

(7) 30 іюня и 4 сентября 1746. XII, № № 9299 и 9329.

(8) 16 марта 1747. XII, № 9383.

(9) 3 августа 1744. XII, № 9010. — Ср. 15 февраля 1745, № 9111.

(10) 26 ноября 1745. XII, № 9229. — Ср. 13 мая 1745, № 9156.

писѣ душъ, «въ страхъ другимъ, кромѣ малолѣтнихъ, чинили наказаніе—годнымъ впредь на службу плетями, а негоднымъ—кнутомъ» (1). Указомъ 13 мая 1754 года наконецъ были всемилостивѣйше прощены всѣ виновные по утайкѣ и пропискѣ душъ и дозволено было имъ въ теченіе года подавать дополнительные сказки (2).

Медленность въ производствѣ этой переписи происходила, частью отъ самыхъ ревизоровъ, а наиболѣе отъ сказкоподателей. Ревизоры, напримѣръ, ради переписи, задерживали рабочихъ и другихъ промышленныхъ людей, желавшихъ отлучаться въ другіе города; это возбуждало ропотъ, почему и было объяснено, что промышленныхъ людей подъ такимъ предлогомъ задерживать не должно (3). Въ Петербургѣ, несмотря на разосланные повѣстки, многіе не подавали сказокъ, отъзываясь невѣдѣніемъ о ревизіи и незнаніемъ формъ. То же было и въ Москвѣ. Поэтому были изданы формы (въ видѣ допросныхъ показаній съ оговоркою въ концѣ, что «я написалъ самую истинную сказку, не утая ни единыя мужеска пола души и проч.») и строго подтверждено было, чтобы сказки поданы были къ 1-му сентября 1744 г., подъ опасеніемъ штрафа (4). Хотя особымъ указомъ объявлено было, что о крестьянахъ должны были подавать сказки сами помѣщики, а о посадскихъ — магистраты, и за неисполненіе того подвергали штрафу отъ 5 до 20 руб.; однако многіе помѣщики не только отказывались подавать сказки, но даже «умышленно бранили ревизоровъ всякими непотребными словами и при томъ чинили не малую ссору и драку». Виновныхъ въ этомъ велѣно было судить по военному артикулу (5). Такъ невѣжество противодѣйствовало мѣрамъ правительства!..

Въ началѣ 1746 года ревизорамъ предписано было по каждой обревизованной губерніи составить особыя вѣдомости о числѣ жителей въ каждомъ городѣ и уѣздѣ, съ раздѣленіемъ по званіямъ и съ присоединеніемъ количества населенія, показаннаго въ первую ревизію. Для скорѣйшаго окончанія этихъ сводныхъ

(1) 2 апрѣля 1745. XII, № 9140. — Ср. 9-го апрѣля, № 9144.

(2) XIV, № 10234.

(3) 20-го февраля 1744. XII, № 8873.

(4) 1-го марта и 7-го іюня 1744. XII, № 8884 и 8957.

(5) 5-го ноября и 13-го декабря 1744. XII, № 9059 и 9088.

вѣдомостей прикомандированы были приказнослужители изъ ратушъ и магистратовъ. А по окончаніи ихъ, они переданы были немедленно губернаторамъ для начала сбора подушныхъ (1).

Этимъ окончилась вторая общая перепись, продолжавшаяся непрерывно три года и два мѣсяца, считая со дня утвержденія инструкціи.

Впрочемъ, и послѣ того произведены были еще нѣкоторыя частныя переписи. Такъ, по указу 23-го апрѣля 1750 г., начата была особая ревизія въ Лифляндіи, Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ. Эта перепись производилась весьма неуспѣшно, потому что баронъ Будбергъ, которому поручено было это дѣло, причисляя новорожденныхъ, не хотѣлъ исключать умершихъ. Остзейцы жаловались на такія притѣсненія. Просьба ихъ найдена уважительною, и 24-го декабря 1756 года велѣно было произвести новую ревизію (2). Въ 1761 году предприняты были новыя переписи сибирскихъ ясачныхъ инородцевъ (23-го января), раскольниковъ въ малороссійскихъ слободахъ (15-го февраля) и всѣхъ находящихся въ Петербургѣ мастеровыхъ для образованія изъ нихъ цеховъ (10-го августа) (3).

Но въ томъ же году манифестомъ 28-го ноября объявлена *третья общая перепись* (4).

А. АРТЕМЬЕВЪ.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

(1) 22-го марта, 1-го сентября 1747 и 16-го февраля 1747, XII, № 9273, 9328, 9373.

(2) Полн. Собр. Зак. XIII, № 9739, XIV, № 10677. Ср. 12-го августа 1757, XIV, № 10777.

(3) XV, №№ 11191, 11205 и 11308.

(4) XV, № 11364.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ДѢВЧКЪ-ПОЭТУ.

(Изъ Беранже.)

Бросить куклы для стиховъ
На распцѣтъ!
Другъ мой, музы и любовь —
Тѣ же дѣти...
На тебѣ ихъ нѣжный слѣдъ,
Взглядъ мой зорокъ...
Но тебѣ двѣнадцать лѣтъ —
Мнѣ ужъ сорокъ.

Мы для пѣсень рождены,
Для забавы...
Но слезой орошены
Лавры славы.
Мнѣ любви весенній цвѣтъ
Только дорогъ;
Но тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
Мнѣ ужъ сорокъ.

Вольной птичкою порхай
За мечтою,
Послѣ съ пѣснями прельщай
Красотою.

Какъ тогда мнѣ твой привѣтъ
 Былъ бы дорогъ!
 Но тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
 Мнѣ ужь сорокъ.

Вдохновить тебя другой,
 И моложе,
 И красивѣе — со мной
 Станешь строже.
 Твой двадцатый только годъ
 Буду пѣть я.
 Мнѣ, дитя мое, пробьетъ
 Полсто лѣтъя.

«НѢТЬ, ТЫ НЕ ЛИЗЕТА.»

(Изъ Беранже.)

Какъ, Лизета, ты —
 Въ тканяхъ, шелкомъ шитыхъ?
 Жемчугъ и цвѣты
 Въ локонахъ завитыхъ?
 НѢть, нѢть, нѢть!
 НѢть, ты не Лизета.
 НѢть, нѢть, нѢть!
 Бросимъ имя это.

Кони у крыльца
 Ждутъ Лизету нынѣ,
 Самый цвѣтъ лица
 Купленъ въ магазинѣ.
 НѢть, нѢть, нѢть!
 НѢть, ты не Лизета.
 НѢть, нѢть, нѢть!
 Бросимъ имя это.

Залы въ зеркалахъ,
Въ спальнѣ роскошь тоже,
Въ дорогихъ коврахъ
И на мягкомъ ложѣ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Нѣтъ, ты не Лизета.
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Бросимъ имя это.

Ты блестяшь умомъ,
Потупляешь глазки,
Какъ товаръ лицомъ,
Продавая ласки.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Нѣтъ, ты не Лизета.
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Бросимъ имя это.

Ты цвѣткомъ цвѣла,
Пыла вольной птицей,
Но тогда была
Бѣдой мастерицей.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Нѣтъ, ты не Лизета!
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Бросимъ имя это.

Какъ дитя проста,
Сердца не стѣсняя,
Ты была чиста,
Даже измѣняя...

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Нѣтъ, ты не Лизета.
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Бросимъ имя это.

Но старикъ купилъ
Самъ себѣ презрѣнье,
И позолотилъ
Призракъ наслажденья.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Нѣтъ, ты не Лизета.
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Бросимъ имя это.

Скрылся свѣтлый богъ
Въ невозвратной дали...
Онъ швею берегъ —
Вы графинею стали.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Нѣтъ, ты не Лизета.
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Бросимъ имя это.

ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

(Изъ Боряса.)

Чѣмъ живу я — и самъ не пойму;
Никому не обязанъ за то.
Я помочь не могу никому,
Да и мнѣ не поможетъ никто.

Къ сердцу крѣпко подругу прижму
И она меня любить за то.
Не ревную ее ни къ кому,
И ко мнѣ не ревнуетъ никто.

Шапки я лишній разъ не сниму;
Ну, и мнѣ не снимаютъ за то;
Не подставлю ноги никому —
Ужъ и мнѣ не подставитъ никто!

Дѣла нѣтъ до меня никому, —
До другихъ мнѣ нѣтъ дѣла за то.
Могъ бы плакать, роптать... Да къ чему?
И при мнѣ не ропщи ужъ никто!

В. Курочкинъ.

XXII.

Мондрагоне, 12-го апрѣля.

А пора приняться за работу! неправда ли? Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Италіи, я только-что разминалъ ноги или сидѣлъ, сложа руки. Пора не только знать, буду ли я имѣть талантъ, а позаботиться и о томъ, какъ бы приобрести его. Во всякомъ случаѣ надобно, чтобы я имѣлъ средство вести жизнь безбѣдную, домашнюю, семейную. Пусть это средство будетъ пустое ремесло, безъ художнической почести, лишь бы оно доставляло кусокъ хлѣба. Это крайность моего положенія. Но ремесло можетъ опротивѣть, если не вложить въ него всѣхъ усилій своей нравственной природы, и какъ вопросъ, относительно необходимости приняться за ремесло, уже рѣшенъ, то я хочу внести въ мое ремесло всю идеальность, къ какой только я способенъ, весь огонь, который вдохнетъ въ меня любовь. Да, да! для той женщины, которая открыла мнѣ полноту жизни, я долженъ проявить эту жизнь какимъ-нибудь отличіемъ, придать ей какую-нибудь цѣну. Да, я буду имѣть талантъ, такъ должно быть, и эта задача моей судьбы и моей мысли, которой я такъ боялся касаться, теперь ясна какъ день. *Хотѣть, надѣяться, испытывать!* Нѣтъ! этого мало; нужно болѣе, нужно то, чѣмъ возвышенна и прекрасна моя возлюбленная,—имѣть *вѣру и силу*.

Я началъ разбирать и раскладывать мой рисовальный ящикъ, а потомъ сталъ искать предмета, съ чего бы начать. Прощаясь съ Даніеллою, я поклялся ей быть благоразумнымъ и осторожнымъ, и она позволила мнѣ рассказывать куда угодно въ моихъ обширныхъ владѣніяхъ.

Въ этихъ случайностяхъ распавшагося зданія, въ этой могучей, овладѣвшей всѣмъ, растительности, въ этой противоположности остатковъ великолѣпія съ торжественностію опустѣнія, когда все это обито лучами солнца, найдется мотивовъ на цѣлую жизнь художника. Въ этихъ развалинахъ ничто не напоминаетъ развалины нашихъ феодальныхъ замковъ; здѣсь нечего искать ни строгихъ линій, ни мрачныхъ красокъ, ни грознаго характера; въ самомъ *pianito* нѣтъ ничего ужасающаго. И здѣсь

все та же Италія, смѣющаяся и поющая даже подъ цвѣтами могилы. Но потому самому, что физіономія здѣшнихъ развалинъ еще не измучена литераторами и живописцами, которые или въ нее не всмотрѣлись или ее не поняли, онѣ истинный кладъ для меня. Чтобы перенести эти развалины на полотно, недостаточно изучить самый фактъ, — надобно передать и впечатлѣніе, производимое этимъ фактомъ, выразить совершенно особенное чувство. Надобно, чтобы картина была оригинальнымъ объясненіемъ предметовъ, существующихъ своеобразно.

Я старательно изучалъ перспективу и архитектуру, не желая встрѣчать въ работѣ матеріальныя препятствія, которыя стѣсняютъ даже великихъ мастеровъ. Товарищи смѣялись надо мною, а я упорно держался мнѣнія, что прежде чѣмъ доберусь до внутренней силы искусства, не худо узнать первоначальныя его правила. Вдохновеніе не всегда къ нашимъ услугамъ, а въ картинѣ жизни преобладаютъ холодныя краски. Много тратится времени въ ожиданіи свѣтлыхъ дней вдохновеннаго творчества. Лучъ этого солнца случайно, изрѣдка озаряетъ нашу душу, но зато въ насъ есть всегда, если мы не оставимъ ее въ нерадѣніи, спокойная и трудолюбивая воля, надъ которою во мнѣ вы, добрый другъ, не разъ подшучивали. Дѣло въ томъ, что теперь я плѣнникъ посреди окружающихъ меня стѣнъ, то-есть посреди очертаній, отвѣсныхъ и горизонтальныхъ линий, угловъ и проч. Все это, и въ тѣни, и при освѣщеніи, производитъ магическій эффектъ, и я очень радъ, что покуда, въ ожиданіи лучшаго, знаю по крайней мѣрѣ пріемы и сноровку искусства.

Часа два расхаживалъ я по' всѣмъ угламъ, всматриваясь въ эффекты. Здѣсь было все; стоило только выбрать. Нужно наконецъ начать что-нибудь, и я рѣшился начать завтра же. Но вы знаете, другъ мой, что невозможно всегда писать съ натуры: природа не таровата на сеансы; она такъ рѣдко даетъ ихъ, что часто доводитъ насъ до отчаянія. Эта натурщица каждую минуту является въ иномъ свѣтѣ, такъ что приходится схватить налету одинъ эффектъ, и потомъ уже уяснять представленіе собственнымъ чувствомъ. Мнѣ нужна была комната, гдѣ я могъ бы работать, какъ говорится здѣсь, *da me*; я пошелъ отыскивать ее.

Мѣста, слова нѣтъ, много—и въ этомъ отношеніи затрудненіе состояло только въ выборѣ. Я рѣшился помѣститься въ огромной

залъ, прекрасно расположенной въ бель-этажъ, со стороны полудня; съ фаса зданія, обращеннаго на сѣверъ, это былъ третій этажъ. Кажется, зала эта была нѣкогда папскою капеллой. Въ голыхъ стѣнахъ этой комнаты очень много трещинъ, которыя я заложилъ по возможности досками, оставляя не прикрытыми тѣ отверстія, которыя давали хорошій свѣтъ, находились слишкомъ высоко въ стѣнѣ, и не могли беспокоить Даниеллу насчетъ моей безопасности. Здѣсь очень много дерева, большею частію обдѣланнаго; есть лѣстницы, доски, козлы всѣхъ размѣровъ. Я нашелъ даже нѣкоторые плотничьи инструменты: пилу, молотокъ, клещи и пр., а въ матеріалахъ, подготовленныхъ для столярной работы, нашелъ изъ чего сладить себѣ кой-какой станокъ или мальбретъ. Я выросъ въ деревнѣ, не хуже другаго сумѣю взяться за это, и мнѣ не Богъ знаетъ какъ трудно сдѣлаться Робинсономъ моего безлюднаго жилища.

Я увѣренъ однако, что вы смѣтаете надъ моими хозяйственными заботами и предполагаемыми работами въ этихъ развалинахъ. Я самъ смѣюсь, но это не мѣшаетъ мнѣ заняться серіозно этимъ дѣломъ. Даниелла хлопочетъ же о моемъ кофе! Я очень радъ начать мои занятія, какъ мирный, безвѣстный артистъ, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ для матеріальнаго и умственнаго удобства. Подумавъ немного, вы сами сознаетесь, что это чувство во мнѣ очень естественно, и что мысль объ опредѣленномъ порядкѣ вещей, хотя бы даже въ скалахъ и пещерахъ, вносить въ жизнь радость и пробуждаетъ въ человѣкѣ дѣятельность.

Добывши все, что было пужно, я подумалъ какъ бы пилить и вбивать гвозди безъ стуку. Я попробовалъ обернуть молотокъ лоскуткомъ кожанаго фартука, забытаго здѣсь плотниками. Но моя рабочая господствуетъ надъ всѣми окрестностями, и хотя сады обыкновенно пусты около замка, но въ маленькой фермѣ, что въ концѣ кипарисной аллеи, то-есть съ четверть лье отъ меня, слышенъ, я думаю, скрипъ флюгеровъ на террасѣ. Итакъ я долженъ отказаться отъ употребленія молотка, и попрошу Даниеллу достать мнѣ винтовъ и буравчикъ. А работа пилюю не такъ слышна; къ тому жѣ я отправляюсь пилить въ *piano*, куда, какъ я замѣтилъ, не проникаютъ звуки извнѣ, слѣдовательно и оттуда ничего не будетъ слышно.

Не имѣя возможности начать что-либо сегодня, я опять по-

шелъ бродить по развалинамъ, но уже въ другихъ видахъ. Нужно было знать, можно ли, приставя глазъ къ щелямъ дверей или взобравшись на окружающую ограду, видѣть меня, когда я не бываю въ своемъ казино. Я удостовѣрился, что всѣ двери новыя и плотно сколочены, что стѣны ограды, хотя и не высоки, но стоятъ на самомъ краю почти отвѣсной крутизны, и что моя крѣпость, не очень хвастливая съ виду, представила бы неодолимые затрудненія для приступа.

Однакожъ, я долженъ считать казино моею резервною цитаделью, на случай вторженія любопытныхъ въ другія области моихъ владѣній, и рѣшился задѣлать щели дверей и оконъ, служащихъ сообщеніемъ между моею маленькою террасой и заднею частію портика, который можетъ служить мнѣ мѣстомъ для прогулки въ дождливую погоду и путемъ бѣгства, въ случаѣ внезапной тревоги. Такимъ образомъ я вполне охраненъ и отъ шпионовъ и отъ неожиданнаго нападенія, и опасность угрожаетъ мнѣ только въ томъ случаѣ, еслибы доброй Оливіи представлено было законное требованіе отворить главные покои, отдѣленные отъ казино тонкими, ненадежными дверями; кромѣ того, изъ казино нельзя бѣжать, не рискуя сломить себѣ шею, и эта мысль приводить меня въ трепетъ, когда я подумаю, что у меня могутъ застать Даниеллу, и что она, вѣроятно, захочетъ бѣжать вмѣстѣ со мною.

Впрочемъ, въ этихъ итальянскихъ замкахъ всегда есть скрытыя комнаты или потаенные выходы, и удивительно было бы, еслибы я не отыскалъ и того и другаго въ этомъ замкѣ.

Въ этихъ поискахъ мысль моя невольно стремится къ *rianto*. Оливія и Даниелла, какъ видно, не знаютъ здѣсь никакой скрытой комнаты, но если завалившійся потайной ходъ изгладилъ изъ памяти преданіе, то развѣ невозможно отыскать слѣдовъ его?

Я возвратился въ *rianto*. Напрасно старался я проникнуть въ кухни, расположенныя подъ *terrazzone*. Пройдя нѣсколько незамѣчательныхъ комнатъ, я приходилъ къ стѣнамъ или къ грудамъ песчанаго камня, подставленнымъ недавно, чтобы поддерживать своды, угрожавшіе обрушиться; эта часть зданія совсѣмъ завалена. Возвратясь на верхъ въ мой монастырь, я успѣлъ, съ помощію долота, отворить ставень одного изъ тѣхъ окошечекъ, похожихъ на отдушины несоразмѣрностію длины отвер-

стія съ значительною шириною его, которыя такъ мучили мое любопытство. Сначала я бросилъ во внутренность нѣсколько камней, и слышалъ ихъ паденіе на довольно значительной глубинѣ; потомъ кидалъ туда зажженные бумажки, за паденіемъ которыхъ могъ слѣдить глазомъ.

Я боялся, когда бросалъ первую зажженную бумажку, чтобы она не надѣлала пожара; но видя, какъ она, медленно спускаясь, освѣщала внутренность и потомъ горѣла еще внизу, я убѣдился, что тамъ нѣтъ ни запаса дерева, ни даже обломковъ сгораемаго матеріала; дно этого подвала было устлано одними камнями и кирпичами. Съ помощію другихъ зажженныхъ бумажекъ, я распозналъ внутренность этого помѣщенія. Это былъ обширный, сухой подвалъ со сводами, имѣвшій сообщеніе съ другимъ, смежнымъ подваломъ, посредствомъ арки, загроможденной обломками до самого верха.

Мнѣ легко было бы спуститься въ этотъ подвалъ, при помощи веревки съ узлами, еслибы въ окнѣ не было довольно частой желѣзной рѣшетки, прочно вдѣланной въ стѣнки окна. Рѣшетку можно бы выломать удобными къ тому орудіями; но сколько стуку надѣлала бы эта операція! Нельзя полагать, чтобы такой стукъ не былъ слышенъ снаружи. При первой бурѣ я воспользуюсь общимъ шумомъ и попытаюсь сдѣлать это.

Сегодня я не расположенъ приниматься за эти попытки, и возвратился на мою маленькую террасу, чтобы написать вамъ что вы прочли теперь. Отсюда открывается передо мною тотъ очаровательный видъ, о которомъ я говорилъ вамъ. Здѣсь улаждаю я и свое зрѣніе и слухъ, потому что, за исключеніемъ пастуха, пасущаго свое стадо на вершинѣ Тускулума, я живу выше всѣхъ жителей окрестныхъ горъ, и всѣ звуки холмовъ и долинъ доносятся ко мнѣ. Тѣмъ временемъ, какъ я пишу къ вамъ, я изучаю гармонію, производимую случайнымъ сліяніемъ различныхъ звуковъ, которую въ каждой странѣ можно бы назвать мѣстною естественною музыкой.

Есть мѣстности, въ которыхъ пѣснь эта не умолкаетъ; здѣшняя мелодичнѣе всѣхъ, которыя мнѣ удалось слышать. Первое мѣсто въ этомъ хорѣ звуковъ принадлежитъ по праву кантатѣ флюгеровъ внѣшней террасы. При самомъ началѣ она сложилась изъ такихъ правильныхъ фразъ, что я положилъ на ноты

шесть тактовъ, вполне музыкальныхъ. Эти шесть тактовъ повторяются съ каждымъ порывомъ восточнаго вѣтра, который дуетъ съ сегодняшняго утра. Вѣтеръ вызываетъ у перваго флюгера жалобную пѣснь въ два такта; второй флюгеръ запѣваетъ вслѣдъ за первымъ, и модулируетъ фразу, похожую на первую по формѣ, но болѣе грустную по мелодіи; третій продолжаетъ тотъ же мотивъ, удачно переходя въ другой тонъ.

Четвертый флюгеръ изломанъ, слѣдовательно молчитъ, и молчитъ очень кстати, потому что его молчаніе даетъ время первому снова начать свою тему въ томъ тонѣ, который придаетъ ему усиливающийся вѣтеръ, и тогда, если напряженіе вѣтра продолжится, всѣ три флюгера поютъ нѣчто въ родѣ трехголоснаго канона, очень страннаго и трогательнаго, пока порывъ вѣтра не начнетъ затихать и не доведетъ ихъ интервалами, чуждыми принятому въ музыкѣ раздѣленію тона, то-есть попросту фальшиво, до прежней, вѣрной, нормальной интонаціи ихъ.

Эти плаксивые и пѣвучіе флюгеры, съ ихъ звонкими нотами, рѣзко слышатся въ общемъ хорѣ. Вѣроятно, какой-нибудь сильѣз подстроиваетъ ихъ подъ голоса колоколовъ монастыря камальдуловъ, такъ что они составляютъ правильный аккордъ съ монастырскимъ звономъ. По временамъ долетаютъ до меня отрывочныя фразы монастырскаго органа, или приходской церкви Монте-Порціо, деревни, лежащей вправо за монастыремъ. Изъ которой же церкви принеслись въ эту ночь звуки, принятые мною за игру на фортепіано? Я никакъ не умѣю разгадать это акустическое явленіе.

И другіе звуки сливаются съ пѣніемъ флюгеровъ: пѣсни земледѣльцевъ, разстѣянныхъ по степи. Всѣ они поютъ очень дурно, гнусятъ, и изъ сотни, какъ мнѣ кажется, не выберется и одинъ съ музыкальными способностями. Они поютъ еще съ меньшимъ сознаніемъ, чѣмъ мондрагонскіе флюгера. Однако въ ихъ пѣсняхъ вырываются дикія фразы, созвучныя чувству, разлитому въ общей гармоніи.

Басы этого хора звучатъ въ глухомъ шумѣ колосальныхъ пиній виллы Таверна, которыя широкимъ шатромъ раскинули свои вѣтви надъ крытыми аллеями дубовъ, и въ ревѣ водопада, котораго мнѣ не видно отсюда, но который, я помню, катится внизъ, вдоль каменной стѣны, поддерживающей *terrazzone*. Это тамъ-

ственный поток развалинъ. Фонтаны, изъ которыхъ лилась эта вода, разрушились; теперь освобожденные струи прорыли себѣ новый путь въ основаніяхъ зданія, и бѣгутъ черезъ расщелины, сквозь сѣтку пристѣнныхъ растений, опушившихъ зелеными кудрями и бородою зѣвающихъ хари фонтанныхъ нишей.

Кромѣ того, раздаются крики птицъ, хотя здѣсь птицъ менѣе, чѣмъ въ нашихъ климатахъ. Здѣсь преобладаетъ порода орловъ и ястребовъ; мелкой, пѣвчей птицы очень мало. Итакъ, въ хорѣ рѣдко слышатся сладкіе переливы пѣвицъ рощей и кустарниковъ; раздаются только низкіе тоны рѣзкихъ голосовъ, которые поютъ будто похоронную пѣснь, сами надсмѣхаясь надъ нею.

Когда я слушаю этотъ концертъ, меня преслѣдуетъ мысль, которая часто приходила мнѣ на умъ при такихъ случайныхъ сочетаніяхъ звуковъ природы. Вѣтеръ, бѣгущая струя, скрипъ двери, вой собакъ, крикъ дѣтей, всѣ эти фальшивые звуки производятъ иногда сильный и многозначительный эффектъ, тѣмъ самымъ, что не подчиняются общепринятымъ правиламъ искусства. Можетъ-быть, музыканты не правы, чуждаясь ихъ. Фальшивые, по нашимъ понятіямъ, звуки могли бы составить свою особую послѣдовательную гамму, и еслибы слухъ нашъ не былъ подъ ярмомъ принятыхъ условій, мы, быть-можетъ, нашли бы выраженія истинныя и пригодныя въ диссонансахъ, не допускаемыхъ правилами. Къ этому числу слѣдуетъ причислить воловскую фантазію, напѣваемую мнѣ въ эту минуту заржавленными флюгерами. Они плачутъ, стонутъ съ такою энергіей, что никакое музыкальное опредѣленіе не могло бы выразить раздирающаго впечатлѣнія этой разноголосицы. Когда они отдаляются отъ своей, такъ-сказать, правильной темы, когда мнѣ не достааетъ условныхъ знаковъ, чтобы передать на бумагу ихъ изступленные вопли, тогда-то именно и оглашаютъ они окрестность такими звуками, которые можно почестъ за таинственную рѣчь вѣчности.

Грустно подумать, что мы, во всѣхъ нашихъ искусствахъ, во всѣхъ проявленіяхъ чувства, съ такою ужасающею быстротой доходимъ до предѣловъ возможнаго. Какъ живо я ощущаю это теперь, когда виѣстъ съ чувствомъ любви проникло мнѣ въ душу сознаніе безконечнаго! Какъ ясно я вижу теперь все безсиліе слова, всю ограниченность душевнаго изліянія! Я не смѣю пере-

честь то, что написалъ вамъ часть тому назадъ, изъ опасенія вознегодовать на себя за покушеніе передать вамъ мои ощущенія. А между тѣмъ сердце мое переполнено, и меня томить потребность выкричать всю свою радость ласточкамъ, что вьются надо мною, и вѣтеркамъ, что клонять траву на стѣнахъ развалинъ. Но я молчу, потому что не знаю этой рѣчи безконечнаго, которою могъ бы заговорить со всѣмъ, что живетъ и любить во вселенной. Скуденъ и грубъ языкъ человѣка! Чѣмъ хитрѣе слагаетъ онъ рѣчь, желая высказать любовь свою, тѣмъ неприличнѣе становятся его слова. Любовь! на это есть одно только слово: *люблю*! Когда человѣкъ прибавитъ: я *обожаю*, онъ уже самъ не знаетъ, что говорить. Въ словѣ *люблю* заключается все, а остальное, что есть божественнаго, неисповѣдимаго въ этомъ безплотномъ сліяніи душъ, того высказать невозможно.

При извѣстной степени напряженія душевныхъ ощущеній, умъ нашъ встрѣчаетъ препятствія, какъ бы порогъ при входѣ въ святилище божественной жизни. *Ты не пойдешь далѣе*, сказано волнѣ нашей земной страсти. Послѣ нѣсколькихъ восклицаній, вызванныхъ небеснымъ упоеніемъ, ты уже ничего не въ силахъ сказать; ты былъ бы божествомъ, еслибы умѣлъ выражать шестое, духовное чувство, а ты долженъ остаться собою.

Солнце садится, да и такъ ужъ я не могу писать. Когда настаетъ время нашего свиданія, я пожираемъ невыразимымъ нетерпѣніемъ. Вотъ она; я слышу, какъ она отворяетъ дверь калитки.

Это не она; это былъ одинъ изъ тѣхъ звуковъ, которые я долженъ изслѣдовать поодиначкѣ, чтобы разгадать ихъ причину. Аспидныя плиты поминутно осыпаются съ крыши большихъ казармъ, что посрединѣ двора; эти плиты, сорвавшись, скользятъ по крышѣ прежде чѣмъ упадутъ, и чертятъ по ней своими деревянными гвоздями. Она пришла поздно; я былъ въ большомъ безпокойствѣ. Наконецъ она явилась, и покуда накрывается на столъ, я разкажу вамъ, въ какомъ положеніи мое дѣло.

Оливія и Маріуччіа возвратились изъ Рима; Даніелла замедлила до семи часовъ, дожидаясь ихъ, чтобы принести мнѣ извѣстіе о результатѣ ихъ поѣздки. Лордъ Б... съ своимъ семействомъ во Флоренціи, и возвратится въ Римъ не ближе, какъ на буду-

щей надеждѣ. Книгиня Боргезе также въ отсутствіи, но ея главноуправляющій, увѣренный въ великодушіи своей госпожи, говорилъ обо мнѣ съ одною значительною особою, которая взялась защищать неприкосновенность моего убѣжища, съ тѣмъ чтобы я не покидалъ его безъ ея письменнаго позволенія. Вотъ покровитель, который становится моимъ тюремщикомъ, и, кажется, я скоро буду здѣсь плѣнникомъ на слово. Но это обѣщаніе взяла съ меня только Даниелла; кардиналъ *** ограничился тѣмъ, что велѣлъ сказать мнѣ, что я до тѣхъ поръ въ безопасности, пока укрываюсь въ Мондрагоне, и что ни за что не отвѣчаетъ, если я хотя на минуту оттуда отлучусь.

Это добрыя вѣсти для меня, и я думаю, что въ настоящемъ положеніи вещей нужно бы много сбировъ и жандармовъ, чтобы вытѣснить меня изъ моей тюрьмы.

XXIII.

Мондрагоне, 18 апрѣля.

Я здѣсь счастливѣйшій изъ смертныхъ и чувствую, что это лучшіе дни моей жизни. Съ каждымъ днемъ усиливается страсть моя къ этой несравненной женщинѣ, которая, дѣйствительно, только мною и дышитъ. Неужели это упоеніе любви пройдетъ вмѣстѣ съ медовымъ мѣсяцемъ? Нѣтъ, это невозможно, потому что я не могу понять, какъ могъ бы я жить, еслибъ этотъ жаръ любви остылъ съ обѣихъ сторонъ. Мнѣ кажется, что этотъ пламень неистощимъ. Почему же непременно все великое и прекрасное должно утомлять насъ? Говорятъ однако же, что продолжительная любовь истинное чудо; мнѣ кажется, напротивъ, что любовь наша не можетъ угаснуть безъ особеннаго, страшнаго чуда.

Я веду здѣсь странную, но восхитительную жизнь. Десять часовъ моего уединенія въ сутки пролетаютъ съ быстротою мгновенія, такъ что я перестаю вѣрить народной поговоркѣ, что время идетъ медленно, когда намъ скучно; со мною слу-

чается совершенно противное. Когда мы съ Даниеллой вмѣстѣ, часы длятся для меня, какъ вѣка, потому что они полны волненій и несказанныхъ радостей. Мнѣ чудится, что я прожилъ съ моею подругой цѣлую вѣчность блаженства, и я благодарю Бога за эту обаятельную мечту.

Оставаясь одинъ, я занятъ,—и время проходить такъ скоро, что мнѣ едва стаетъ его на мою работу. Когда она здѣсь, я живу такою жизнью, надъ которою время теряетъ власть свою, потому что съ каждымъ наступающимъ мгновеніемъ во мнѣ усиливается жизненность, и я становлюсь влюбленнѣе, наивнѣе, моложе, чѣмъ въ протекшее мгновеніе. О! мы бессмертны: любовь привела насъ къ этому откровенію!

Я систематически распредѣляю свое время, чтобы употребить его съ возможною пользою. Мы встаемъ въ пять часовъ, завтракаемъ вмѣстѣ, я провожаю ее до калитки цвѣтника и запираюсь; у каждого изъ насъ есть ключъ отъ этой калитки. Я иду въ мою рабочую комнату, накладываю палитру и сажусь за мою картину, эскизъ которой уже сдѣлалъ; теперь я прилежно присѣлъ за нее. Въ первомъ часу я ѣмъ на террасѣ *казино* мой скромный полдникъ. Послѣ этого я курю и читаю классическія книги, которыя Даниелла приносить мнѣ изъ виллы Таверна, гдѣ хранятся на чердакѣ остатки библіотеки. Нѣсколько страницъ этого чтенія достаточны, чтобы поддержать дѣятельность въ томъ уголку мозга, который не слѣдуетъ оставлять въ бездѣйствіи. Все, что написано, хорошо ли, дурно ли, истинно или ложно, во всякомъ случаѣ поддерживаетъ связь мысли между нашимъ я и не-я метафизиковъ, которое, однако, что ни говори они, все то же самое мы. Потомъ я прогуливаюсь, продолжая курить мою сигару и размышляя о прочтенномъ; послѣ прогулки пишу съ натуры до заката солнца; тогда иду старательно прибрать комнату, въ ожиданіи Даниеллы.

Я устроился со всѣми удобствами, къ которымъ привыкъ. Въ какомъ-то углу, подъ стружками, открылъ я два ветхія, позолоченныя кресла, сколотилъ и исправилъ ихъ, убѣдившись, что въ *riante* я могу съ нѣкоторыми предосторожностями пустить въ дѣло молотокъ. Я изладилъ также столъ и натеръ его воскомъ, чтобы придать ему болѣе привлекательную наружность; вы-

теръ чисто стекла оконъ, а чтобы всегда имѣть свѣжіе цвѣты на каминѣ, отыскалъ мѣста, гдѣ растутъ ирисы съ черными бархатными лепестками и желтою чашечкой, и пунцовые левкои. Болѣе пятидесяти лѣтъ никто не заботился объ этихъ растеніяхъ, и они перешли изъ махровыхъ въ простыя, но это не лишило ихъ ни привлекательной наружности, ни аромата. Резеда растетъ здѣсь на старыхъ стѣнахъ, какъ у насъ крапива. Асфодели, бѣлыя сверху и зеленыя снизу, растутъ во множествѣ въ здѣшнемъ цвѣтникѣ, и всѣ превосходнаго сорта, такъ что я нигдѣ не видалъ подобныхъ и полагаю, что это привозныя изъ тропическихъ странъ, остатки прежняго цвѣтника, за которымъ былъ уходъ и который теперь совсѣмъ запущенъ. Цикламенъ, растущій обыкновенно подъ деревьями, рѣже встрѣчается въ этихъ развалинахъ. Однако я отыскалъ *иньздо* этого растенія близъ фонтана, что въ концѣ цвѣтника, и берегу эти цвѣты какъ рѣдкость; знаю даже, сколько ихъ счетомъ.

Этотъ фонтанъ, изъ всѣхъ фонтановъ замка единственный, въ которомъ осталась еще вода, презанимательный предметъ въ моемъ саду. Онъ стоитъ на возвышеніи, будто на сценѣ, на которую ведетъ лѣстница съ мозаичными барельефами, изображающими драконовъ. Надъ этою лѣстницей стоятъ пузатые вазы, въ которыхъ растетъ что-то родъ артишоковъ, вполне соотвѣтствуя своимъ безобразіемъ безобразію вазъ; фонтанъ состоитъ изъ огромной чаши, поставленной на огромномъ пьедесталѣ и окруженной такими же вазами изъ бѣлаго мрамора. Сѣтка водяныхъ растеній съ цвѣтами въ видѣ бѣленькихъ звѣздочекъ, раскинулась на днѣ этой чаши, которая стоитъ по срединѣ чего-то въ родѣ просценіума лже-античнаго вкуса. Вокругъ устроены ниши, изъ которыхъ прежнія мифологическія божества давно исчезли; въ одной изъ этихъ нишъ струится проникнувшая туда извнѣ вода въ довольно большой бассейнъ, врытый въ землю наравнѣ съ мозаичнымъ поломъ. Всѣ эти безполезныя украшенія сдѣланы изъ драгоценныхъ мраморовъ: лапись-лазури, порфиръ, яшма, древній красныи и древній зеленый мраморъ повсюду разсыпаны въ кускахъ подъ ногами. У воротъ свалена цѣлая куча этого драгоценнаго груза, которымъ усыпаютъ *stradone*, какъ простымъ щебнемъ, и въ этомъ мусорѣ, въ углу около стѣны, виднѣется заросшая лапушникомъ и волчцомъ

вакханка, во вкусѣ рококо, увѣнчанная виноградомъ, съ окаменѣлою улыбкой, съ полными, выставленными на солнце, нагими грудями, между тѣмъ какъ отломанныя ея ноги, воткнутыя возлѣ нея въ мусоръ, будто ожидаютъ, чтобы она на нихъ стала.

Въ этомъ заключеніи, въ уединенномъ моемъ убѣжищѣ, я наслаждаюсь удовольствіями, которыхъ не знавалъ прежде. Сегодня утромъ я смотрѣлъ сквозь балюстраду моей террасы, какъ внизу на террасѣ фюгеровъ (*terrazzone*) играли ребятишки съ фермы. Я подслушивалъ ихъ разговоры и любовался, какъ художавый мальчикъ съ обезьянною мордочкой разказывалъ съ истинно-римскою важностію, что онъ однажды у приходскаго священника въ Монте-Порціо ѣлъ *cioccolata*. Исторія этого шоколата была безъ конца, и чтобы возобновить драгоценное о немъ воспоминаніе, мальчикъ подчивалъ будто бы имъ своихъ товарищей, изъ раковинъ, уставленныхъ на большой аспидной доскѣ. Онъ подражалъ ласковымъ и вмѣстѣ важнымъ приѣмамъ священника, и въ продолженіи цѣлаго часа неумолкаемой и непонятной болтовни, слышалось по временамъ слово *cioccolata*, произносимое тономъ невыразимаго наслажденія другими ребятишками, которые вкушали, въ воображеніи, эту амброзію, такъ расхваленную ихъ товарищемъ.

Я вспомнилъ, что Даниѣлла принесла мнѣ нѣсколько плиточекъ шоколата, и мнѣ нужно было большое усиліе благоразумія, чтобы не бросить имъ этого лакомства сквозь балюстраду террасы. Каково было бы удивленіе, какова радость этихъ дѣтей, при видѣ этихъ драгоценныхъ плиточекъ, ниспосланныхъ имъ, конечно не кѣмъ другимъ, какъ феею фюгеровъ! Я уже уступалъ искушенію сдѣлать это безразсудство, какъ пришла на террасу молодая женщина, кажется жена Фелиппоне, и привалась бранить ребятишекъ, что они такъ близко подходятъ къ замку, подвергая себя опасности попасть подъ камень или черепицу, которые безпрестанно валятся съ крыши. Это опасеніе нѣсколько удивило меня, потому что въ тихую погоду, съ этой стороны строеніе никогда не осыпается; замѣчая, какъ эта женщина спѣшитъ увести оттуда дѣтей, я подумалъ что она знаетъ о моемъ здѣсь пребываніи и старается, чтобы тайна эта не была открыта.

Даниѣлла увѣряетъ впрочемъ, будто она не можетъ подозрѣвать, что я здѣсь расположился.

Видя удаляющихся дѣтей, я понялъ грустныя радости узниковъ: потребность ихъ слышать человѣческій голосъ и видѣть забавы свободныхъ людей. Но я понялъ это только умозрительно, потому что я самый непритязательный узникъ, совершенно довольный своимъ положеніемъ. При условіяхъ моей настоящей неволи, я охотно останусь здѣсь на цѣлую жизнь. Мысль, что Даниѣлла придетъ въ условный часъ, наполняетъ неистощимымъ наслажденіемъ мое одиночество. Съ утра до вечера я ожидаю этого свиданія, и наслаждаюсь имъ вмѣстѣ и въ памяти и въ надеждѣ. Страсть моя имѣетъ свои минуты глубокаго созерцанія, какъ религиозная идея въ торжественной жизни анахорета.

Я слушаю также съ наслажденіемъ слова, приносимыя мнѣ издаലെка вѣтромъ, и люблю отгадывать мыслію положенія, къ которымъ эти клочки разговора могутъ относиться. Дорога изъ монастыря камальдуловъ въ Фраскати идетъ очень близко отсюда, и я слышу, какъ гуртовщики кричатъ на своихъ воловъ, или какъ поселяне разговариваютъ между собою, сидя на своихъ телегахъ. Эти случаи составляютъ для меня событіе, потому что по этой дорогѣ ѣзды мало, и этотъ рѣдкій шумъ по крайней мѣрѣ разнообразитъ монотонную пѣснь водопада и флюгеровъ. Но меня болѣе интересуютъ звуки, долетающіе ко мнѣ со стороны виллы Таверна. Съ этой стороны деревья моего сада такъ густы и такъ высоки, что мнѣ видны однѣ крыши виллы. Даниѣлла придумала показываться мнѣ въ окно комнаты на чердакѣ, откуда мнѣ виденъ бѣлый платочекъ на ея головѣ, и куда она ходитъ звонить на полдникъ рабочимъ. Она нарочно оборвала веревку, чтобы имѣть предлогъ ходить на чердакъ; ей пріятно самой предупредить меня, хотя издали, что пора завтракать.

Иногда также, расхаживая посреди своихъ работницъ, она ударить въ свой тамбуръ, будто въ порывѣ веселья. Если вѣтеръ съ запада, онъ приноситъ мнѣ это слово любви, которое бросаетъ меня въ дрожь отъ счастья.

Погода стоитъ прекрасная; здѣшній климатъ точно прекрасенъ въ эту пору года. Нечего, однакоже, слишкомъ имъ восхищаться: въ настоящее время это почти климатъ средней полосы Франціи; фруктовыя деревья цвѣтутъ здѣсь не болѣе какъ одною

недѣлей ранѣ нашихъ, и когда я отъѣзжалъ, Провансъ опередилъ въ этомъ отношеніи Римскую Кампанью. Насъ обманываетъ въ этомъ краю вѣчная зелень безпрестанно смѣняющихся листьевъ. Въ огромномъ паркѣ, который у меня передъ глазами, все зеленѣетъ: дубы, пиніи, оливковыя деревья, самшитъ и мирты. Острый запахъ различныхъ родовъ лавра доносится даже до меня и становится иногда несноснымъ. Запахъ этотъ походитъ на запахъ горькаго миндаля; онъ очень пріятенъ, если не слишкомъ силенъ. Тысяча пчелъ жужжатъ на солнцѣ. Небо блестящаго голубаго цвѣта. Въ полдень можно вообразить себя въ самой срединѣ лѣта. Но море и горы привлекаютъ облака, и воздухъ вдругъ холодѣетъ. Птицы еще не начинали вить гнѣзда. Здѣшнія бабочки появляются не ранѣ нашихъ. На каштанахъ и платанахъ только-что начинаютъ завязываться почки. Дубовыя рощи еще не сбросили сухихъ прошлогоднихъ листьевъ. Дядя говорилъ правду, что и въ Италіи деревья не растутъ корнемъ къ верху, и что нашъ край стѣбитъ всякаго другаго. Но еслибъ дядя и былъ здѣсь, онъ не понялъ бы, чѣмъ именно отличается каждый здѣшний камушекъ отъ нашихъ камней. Здѣсь все имѣетъ свою особую фizioномію, свое выраженіе, свой голосъ, такъ сказать свою гамму; здѣсь я вполнѣ чувствую, что я далеко отъ Франціи, что я чуждъ той среды, которая какъ бы составляла часть меня самого, что я путешествую, всему удивляюсь, на все заглядываюсь и интересуюсь всякою травкой.

Ночи очень холодны. Къ счастью, мы нашли въ нижнихъ залахъ груды угодьевъ, которые остались отъ сожженныхъ деревянныхъ подѣлокъ и мебели въ замкѣ, во время занятія его Австрійцами, и теперь мы можемъ нагрѣвать наше уютное помѣщеніе въ *казино*, не дымя въ трубы. Въ нашемъ помѣщеніи есть и маленькая кухня, гдѣ мы во всякое время можемъ наполнить нашу жаровню горящими угольями, которые хранимъ въ печахъ подъ пепломъ.

Это помѣщеніе, будто волшебствомъ наполнилось мебелью и всѣми предметами, нужными для полнаго хозяйства. Даниѣлла каждый день приноситъ что-нибудь съ собою, а я, роясь въ опустѣлыхъ покояхъ замка, каждый день нахожу разбитыя вазы, изломанную мебель и обломки произведеній искусства, кое-какъ

чиню и исправляю ихъ, и они служатъ или къ удобству, или къ украшенію нашего жилища.

У меня одна забота въ головѣ: я боюсь, чтобы эта сладостная жизнь скоро не кончилась. О моемъ дѣлѣ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій. Капуцинъ, дядя Даніеллы, который каждый день приходитъ въ виллу Таверна, сказывалъ своей племянницѣ, что меня ищутъ, и что *carabinieri* (здѣшніе жандармы) вездѣ разспрашиваютъ обо мнѣ. Начальству извѣстно, что вопреки показанію Маріуччіи, я не появлялся въ Тиволи. Предполагали произвести обыскъ въ виллахъ, но въ послѣдствіи отмѣнили это распоряженіе, что доказываетъ, что мой таинственный покровитель не оставался въ бездѣйствіи. Не знаю, сообщено ли французской миссіи о моемъ дѣлѣ? Если такъ, то меня, быть-можетъ, по распоряженію нашего посланника, ищутъ въ Римѣ, чтобы выдать мнѣ паспортъ и велѣть выѣхать изъ Папской Области. Я полагаю, что наша миссія именно бы такъ распорядилась, а потому и не хочу искать ея покровительства.

Странный случай еще болѣе запутываетъ мое дѣло. Братъ Кипріанъ (капуцинъ) слышалъ, что агенты полиціи при обыскѣ моей квартиры въ Пикколомини, откуда Маріуччія съ такою предусмотрительностію вынесла мои вещи, нашли на полу четырехугольную металлическую пластинку съ каблистическими знаками. Спросили Маріуччію, мнѣ ли принадлежитъ эта вещь. Она и сама этого не знала; но на удачу сказала, что пластинку эту оставилъ тамъ путешественникъ, занимавшій мою комнату за нѣсколько передъ тѣмъ мѣсяцевъ, и котораго имени она не припомнить. Ей не совѣтъ повѣрили и взяли съ собою эту таинственную дощечку, которую признаютъ условнымъ знакомъ революціонеровъ. Если такъ, то человекъ, вручившій мнѣ этотъ знакъ, былъ не кто иной, какъ агентъ полиціи, переодѣтый монахомъ, или настоящій монахъ, и умышленно хотѣлъ вовлечь меня въ отвѣтственность; трудно будетъ мнѣ бороться передъ святымъ судилищемъ съ такимъ обвинителемъ.

Меня еще болѣе утверждаетъ въ этой мысли то, что я, въ продолженіи восьми дней моего здѣсь пребыванія, два раза видѣлъ на *terrazzone* этого монаха въ рясѣ бѣлой съ чернымъ, котораго я встрѣтилъ на развалинахъ Тускулума. Эти люди умѣютъ всюду проникнуть, и мнѣ кажется, что онъ сообщилъ свои подозрѣнія

фермеру Фелипоне, потому что онъ проходитъ иногда внизу подъ казино, съ безпокойствомъ посматривая на балюстраду террасы, откуда я могу наблюдать за всѣми его движеніями. Чтò касается до монаха, который кажется принадлежать къ ордену доминиканцевъ, или по крайней мѣрѣ переодѣлся въ рясу этого ордена, онъ повидимому вовсе не обращаетъ вниманія на замокъ. Чаше всего онъ становится ко мнѣ спиною и внимательно смотритъ на обширный видъ, открывающійся съ террасы. Но можетъ-быть онъ наблюдалъ слухомъ, и я, несмотря на высоту, на которой находился, инстинктивно сдерживалъ свое дыханіе. Я спросилъ Даниеллу, не встрѣчала ли она его въ окрестностяхъ; она увѣряетъ, что ей не случалось встрѣтиться ни съ однимъ доминиканцемъ.

Я окруженъ здѣсь существами менѣе опасными, чѣмъ этотъ монахъ. Это змѣи съ ножками, но съ такими маленькими, что не рѣшаюсь причислить ихъ къ роду ящерицъ. Онѣ бѣгали бы очень плохо съ такими коротенькими ногами, еслибы въ то же время не ползали какъ змѣи, очень скоро и очень граціозно. Эти хорошенькія животныя вовсе не опасны. Я познакомился съ ними въ Тускулумѣ; пастухъ Онофрію показалъ мнѣ, что ихъ можно брать въ руки, не опасаясь. Мнѣ хотѣлось сдѣлать ручною одну изъ этихъ ящерицъ, которая была не такъ труслива, какъ ея подружки; но Даниелла, видя мое пристрастіе къ животнымъ, привела мнѣ прехорошенькую бѣлую козу, которая и миловиднѣе, и полезнѣе ящерицъ. Она даетъ мнѣ молоко и щиплетъ возлѣ меня траву, когда я рисую. Я забочусь о ней какъ о подобномъ себѣ существѣ, а ей кажется привольно здѣсь; она часто залѣзаетъ здѣсь въ траву и цвѣты по самую шею. Кромѣ того у меня въ цвѣтникѣ четыре ручныя кролика, и Даниелла хочетъ принести мнѣ птицъ въ клѣткахъ. О собакахъ и курахъ нечего и думать; первая лаетъ, а послѣднія могли бы привлечь своими пѣснями и кудаханьемъ охотниковъ, которые, пожалуй, полѣзутъ на стѣны, чтобы украсть ихъ.

Скорпіоновъ много. Стоитъ приподнять камень, и подъ нимъ вѣрно одинъ или два лежатъ еще въ омертвѣніи. Въ эту пору года они не опасны, и можно убивать ихъ тысячами; но никто не заботится объ истребленіи ихъ. Они опасны, только когда ихъ раздражить; говорятъ, что они рѣдко кусаются.

Меня удивляетъ, какъ мало насѣкомыхъ въ этой странѣ садовъ. Сегодня я въ первый разъ увидѣлъ бабочку, неизвѣстную въ нашемъ климатѣ. Она очень красива. Кажется, этихъ бабочекъ зовутъ *thais*, чего однакоже я съ достовѣрностію не знаю. Я плохо помню названія; знаю все что цвѣтетъ и летаетъ въ странахъ, гдѣ я жила въ нѣкоторое время, но названій запомнить не умѣю.

Когда я писалъ къ вамъ это, вдругъ... но меня опять прерываютъ; случившееся со мною стоить особаго письма, и я напишу вамъ обо всемъ завтра, если это будетъ возможно.

XXIV.

Мондрагоне, 20-го апрѣля.

Третьяго дня, сидя за моимъ письмомъ къ вамъ, я слѣдилъ за томнымъ и нерѣшительнымъ полетомъ бабочки, передѣтавшей по безуханнымъ цвѣтамъ пристѣнныхъ растеній. Я былъ тогда на террасѣ казино, спиною къ портику, какъ вдругъ легкій шумъ испугалъ меня и заставилъ оглянуться. Тарталья стоялъ за мною.

О Брюмберъ, Брюмберъ, подумалъ я; предсказаніе твое сбылось! Я нигдѣ не скроюсь отъ этого шпіона! Мнѣ пришло въ мысль схватить его поперекъ и сбросить внизъ черезъ балюстраду террасы. Онъ видѣлъ, какъ судорожно дрожали мои губы, такъ что я не могъ произнести ни слова, и поблѣднѣлъ, но вскорѣ оправился и сказалъ мнѣ съ своимъ обычнымъ безстыдствомъ:—Перестаньте беспокоиться, эччелленца; здѣсь нѣтъ измѣны. Я отперъ дверь вотъ этимъ ключомъ и прихожу къ вамъ отъ Даніеллы.

— Боже мой! Что же она не пришла сама? что случилось съ ней? говори!

— Ничего, то-есть почти ничего, эччелленца! Она повихнула себѣ ногу, сбѣгая по лѣстницѣ съ чердака виллы Таверна, куда она лазитъ каждый день звонить къ завтраку тамошнихъ работниковъ—и къ вашему, если не ошибаюсь.

— Я сейчасъ побѣгу къ ней!

— Нѣтъ, нѣтъ! Въ паркѣ есть шпіоны; васъ тотчасъ схва-

тятъ. Мазолино подозрѣваетъ сестру свою; онъ присматриваетъ теперь за нею и съ утра находится въ пиллѣ Таверна. Съ нимъ пришелъ докторъ, который увѣряетъ, что опасности ничего нѣтъ, но что Даниеллѣ необходимо пролежать съ недѣлю въ постели; Оливія ухаживаетъ за нею, какъ за родною дочерью. Будьте спокойны и терпѣливы, иначе вы погубите и Даниеллу и себя. Если васъ задержать, она не улежитъ, она встанетъ, будетъ вездѣ бѣгать, хотя бы ей и умереть пришлось отъ этого. Вы еще не знаете, что это за горячая голова! Слава Богу, что я на тотъ разъ тамъ случился и могъ шепнуть ей на ухо: Я все знаю; я увѣдомлю *нашего* друга и общаю тебѣ, что останусь здѣсь и буду къ его услугамъ все время пока ты будешь хворать.» Я еще болѣе сдѣлаю для васъ, *мосью*. Хотя вы и не имѣете ко мнѣ должнаго довѣрія, но я уберегу васъ лучше, чѣмъ могла это сдѣлать бѣдная дѣвушка; я собою съ толку лазутчиковъ; я отправлю жандармовъ туда, гдѣ васъ нѣтъ. Я такъ все устрою, что вы будете здѣсь такъ же безопасны, какъ бы въ цитадели Св. Ангела.

Я безсознательно слушалъ Тарталью. Я думалъ тогда о страданіяхъ Даниеллы, нравственныхъ и физическихъ. Я боялся грубаго обхожденія съ нею ея брата. Я видѣлъ, что между нами возникаютъ преграды, и что въ нашъ неприступный рай сдѣланъ уже первый проломъ. Съ изумленіемъ и грустію смотрѣлъ я на нестерпимаго цыгана, котораго отнынѣ принужденъ буду ожидать съ нетерпѣніемъ вмѣсто моей Даниеллы. Змѣй проникъ въ эдемъ!

Къ моей печали примѣшивалось тайное раздраженіе. Зачѣмъ, вмѣсто Оливіи, Маріуччіи или брата Кипріяна, тогда какъ всѣ трое пользовались довѣріемъ Даниеллы, прислала она этого мерзавца Тарталью, который всегда казался мнѣ шпиономъ? Я не хотѣлъ его спрашивать, какимъ образомъ, какъ онъ самъ говорилъ это, узналъ онъ нашу тайну, прежде чѣмъ говорилъ о ней съ Даниеллою. Я вспомнилъ первыя признанія Даниеллы, которая съ смиреніемъ говорила мнѣ, что этотъ разбойникъ съ шутовскою рожей первый говорилъ ей о любви и немного вскружилъ ей голову. Она никогда не признавалась ему въ этомъ, и онъ можетъ-быть не догадывался о томъ. Она краснѣла за свое безуміе и смѣялась надъ нимъ. Она и теперь еще смѣется, находитъ этого шута

отвратительнымъ, знаетъ, что онъ распутный негодяй, но она, по словамъ ея, сохранила къ нему дружбу и даже нѣкоторое уваженіе, чего я не могъ понять, и въ чемъ я непременно упрекнулъ бы ее, еслибы со времени нашего упоенія могъ припомнить себѣ о существованіи этого шута. Такъ это удивительное уваженіе было сильнѣе, чѣмъ я полагалъ, потому что оно доходило до безусловнаго довѣрія, до самой задушевной тайны!

И вотъ наше идеальное счастье имѣло уже повѣреннаго, комментатора, какъ бы свидѣтеля! и какого свидѣтеля? самаго грязнаго изъ всѣхъ, кого только можно было выбрать. Мнѣ казалось, что все теперь обнаружено, все профанировано. Горькое чувство противъ моей божественной Даниеллы примѣшивалось къ моей печали о такой внезапной и такой грустной разлукѣ съ нею. Я чувствовалъ, что небо мое меркнетъ, упоеніе мое остываетъ и бессознательныя слезы текутъ по щекамъ моимъ, между тѣмъ какъ Тарталья Бенвенуто объяснялъ мнѣ съ самоувѣренностію и многословіемъ, сколько утѣшенія я могу почерпнуть въ немъ.

— Полноте, сказалъ онъ, хватая и опускаая мою руку, которую я было поднималъ, искушаемый желаніемъ дать ему пощечину: — вотъ вы уже разогорчились и расплакались какъ баба! Будьте мужчиной, *мосю*! все это пустяки; все пройдетъ. Я вижу, что вы нешутя полюбили эту дѣвочку. Дурно дѣлаете; вы могли бы очень выгодно жениться... но не сердитесь; я ничего не говорю. Коли ужъ попался бѣсу въ когти, такъ съ нимъ не совладаешь, и я знаю, что теперь чѣмъ больше съ вами спорить, тѣмъ крѣпче и долѣе вы будете стоять на своемъ. Итакъ не бойтесь, что я буду наговаривать вамъ на маленькую *stiratrice*; во первыхъ о ней нельзя ничего сказать дурнаго; она славная дѣвочка и я самъ чуть не полюбилъ ее...

Тутъ уже я не выдержалъ и, чувствуя, что готовъ надѣлать сгоряча глупостей, убѣжалъ и заперся въ своей комнатѣ и тамъ старался придти въ себя. Мнѣ удалось наконецъ успокоиться и обсудить мое положеніе. Первая моя мысль была, что Тарталья меня обманывалъ, что онъ унесъ ключъ отъ цвѣтника у Даниеллы, когда она была въ безпамятствѣ. Къ несчастію я не могъ сомнѣваться въ томъ, что съ нею что-нибудь случилось, потому что время обѣда уже прошло, а она не являлась. Слѣдовательно Тарталья былъ шпионъ, которому поручено открыть, гдѣ я скрыва-

юсь; случай помогъ ему. Надобно было ожидать, что скоро придутъ арестовать меня; если же покровительство кардинала не сказка, и если онъ довольно сильно въ Мондрагоне *intra muros*, то вѣроятно всѣ пути моего сообщенія съ Даниеллоу пресѣчены и положено голодомъ принудить меня къ сдачѣ.

Этого не нужно будетъ, думалъ я; для меня не возможно не знать, въ какомъ положеніи Даниелла. Во что бы ни стало, я пойду въ виллу Таверна, какъ только стемнѣетъ, я увижусь съ нею, оставлю ей все, что только имѣю, за исключеніемъ самаго необходимого для бѣгства, и убѣгу. За границу Папской Области я дождусь ея, обвиняюсь съ нею и увезу ее во Францію.

Я началъ съ того, что осматрѣлъ, крѣпка ли моя палка съ свинцовымъ набалдашникомъ, потому что я рѣшился защищаться въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Деньги свои я завернулъ въ нарочно сдѣланный для этого поясъ, связалъ въ узелъ самое необходимое бѣлье и вложилъ туда альбомъ, въ которомъ пишу этотъ разказъ. Въмѣсто паспорта взялъ я кое-какія бумаги, которыя могли бы быть документами передъ французскими властями въ тождествѣ моей особы; потомъ, завернувшись въ мой плащъ, котораго, думаю, не пробьетъ и пуля, я отправился къ дверямъ, ведущимъ изъ моего строенія во внутренность замка.

Только что я взялся за ручку двери, въ нее начали стучаться. Я остановился въ нерѣшимости. Если пришли меня арестовать, думалъ я, я знаю, куда мнѣ бѣжать, по крайней мѣрѣ изъ этой комнаты. Я вышелъ поспѣшно въ противоположную дверь и привязалъ къ балюстрадѣ веревку съ узлами, по которой я могъ спуститься на *terrazzone*. Я спѣшилъ, думая, что дверь сейчасъ выломаютъ, но стучали тихо и осторожно. Я слышалъ даже, возвратясь на порогъ моей комнаты, жалостный голосъ Тарталья, который говорилъ:—*Мосью*, вашъ обѣдъ простынетъ; полноте поздѣвать меня!

Это, быть-можетъ, была ловушка съ его стороны, но опасеніе показаться смѣшнымъ трусомъ превозмогло надъ моею мнительностію. Если Тарталья не предавалъ меня, предосторожности мои не имѣли никакого смысла; если же онъ пришелъ съ конвоемъ, то, рѣшившись проложить себѣ дорогу съ палкою въ рукахъ, я рисковалъ не болѣе, какъ спускаясь по веревкѣ, на которой меня

могъ бы подстрѣлить какой-нибудь сбиръ, притаившійся подъ моею террассой.

Съ палкой въ рукѣ я отворилъ дверь и не могъ воздержаться отъ смѣха, увидѣвъ, что Тарталья сидѣлъ передъ нею на полу съ покрытымъ блюдомъ въ рукахъ, терпѣливо ожидая моего появленія.

— Я вижу, въ чемъ дѣло, сказалъ онъ, входя очень учтиво и не забывъ взять подъ мышку свой грязный беретъ. — Вы все еще думаете, что я мошенникъ? Но вы скоро разувѣритесь въ этомъ, *юсподинъ неблагодарный!* Вотъ блюдо макаронъ, я самъ состряпалъ его на вашей кухнѣ; я старый мастеръ въ этомъ дѣлѣ, и пожалуй лучше Даниеллы буду кормить васъ. Бѣдная дѣвочка! Она никогда не имѣла способности къ поварскому искусству, а я, *моєю*, гениальный поваръ: все искусство въ томъ, чтобы изъ ничего состряпать что-нибудь.

Дымящееся блюдо, которое онъ поставилъ на столъ, такъ явно опровергало мои подозрѣнія, что мнѣ сдѣлалось стыдно. Весьма естественно, что, находясь болѣе часу въ срединѣ моей крѣпости, онъ не занялся бы приготовленіемъ блюда макаронъ съ пармезаномъ, еслибъ имѣлъ намѣреніе предать меня врагамъ моимъ.

Я воздерженъ въ пищѣ, какъ бедуинъ; я былъ бы сытъ горстью финиковъ и двумя лотами муки въ сутки, и вотъ уже цѣлую недѣлю я ѣмъ только хлѣбъ, холодное мясо и сухіе плоды, не желая, чтобы Даниелла тратила на стряпню суповъ и соусовъ время, которое можетъ провести возлѣ меня. Но у молодости легко возбуждается аппетитъ. А здѣшній свѣжій воздухъ очень этому способствуетъ, и я не могу утверждать, чтобы при моей печали, волненіи и опасности, въ которой я находился, видъ и запахъ горячихъ макаронъ былъ мнѣ противенъ.

— Кушайте, говорилъ мнѣ Тарталья, — и не бойтесь ничего. Даниелла не умретъ отъ того что вывихнула ногу. Когда я разстался съ нею, она уже не чувствовала боли и печалилась только о томъ, что разлучена съ вами. Сегодня, когда я съ ней увижусь, она прежде всего спроситъ меня, умѣлъ ли я уговорить васъ пообѣдать, не грустить и терпѣливо переносить ея болѣзнь и вашу скуку.

— Что говорить о моей скукѣ! но болѣзнь ея и этотъ братъ, который ей угрожаетъ! правду ли говорилъ ты мнѣ?

— Сущую правду, эччеленца; это такъ вѣрно какъ то, что вотъ это макароны; но Даниѣлла привыкла къ угрозамъ пьянаго брата и смѣется надъ ними. Онъ себя пожалуй подозрѣвай, но узнать ему ничего не удастся. Къ тому же, еслибъ онъ вздумалъ бить бѣдную дѣвочку, жители виллы Таверна не допустятъ до этого. А въ паркѣ пусть шляется сколько душѣ угодно, лишь бы васъ не встрѣтилъ; тогда онъ ничего не докажетъ противъ нея.

— Не докажетъ противъ нея? А развѣ и она будетъ замѣшана въ мое глупое дѣло, если узнаютъ, что мы съ нею въ дружескихъ отношеніяхъ?

— А какъ же бы вы думали, эччеленца? Вѣдь вы членъ тайнаго общества...

— Это ложь!

— Я знаю, но такъ полагаютъ, и еслибъ братъ Даниѣллы донесъ на нее настоятелю доминиканцевъ или хотя бы приходскому священнику, что она дурная христіянка, влюблена въ еретика и въ иконоборца, такъ и ей, бѣдняжкѣ, пришлось бы потерѣться о тюремныя стѣны.

— О, Боже мой! если такъ, послушаюсь тебя. Но не обманываешь ли ты меня?

— А мнѣ зачѣмъ обманывать, и еще васъ! вѣдь я берегу васъ какъ зѣницу ока, для лучшей участи.

Я съѣлъ и принялся за макароны, какъ вдругъ посреди утѣреній Тартальи въ преданности я услышалъ звонъ бубенчика отъ моей козы, который мы съ Даниѣллою привѣсили къ окну и провели отъ него цѣлую систему бичевовъ къ калиткѣ. — Слышишь ли, сказалъ я, вставая; ты самый низкій плутъ! Ты солгалъ мнѣ: вотъ и Даниѣлла.

— Это не она, *мосью!* отвѣчалъ онъ, собираясь идти отворять калитку:—это Оливія или Маріуччія, которая пришла къ вамъ съ извѣстіемъ о здоровьѣ своей племянницы.

Я съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ вѣрныхъ извѣстій о здоровьѣ Даниѣллы, что, не заботясь болѣе о Тартальѣ, вскочилъ, стрѣлою перелетѣлъ цвѣтникъ и отворилъ калитку безо всякихъ предосторожностей. Это была не Маріуччія и не Оливія, а братъ Кипріанъ, который поспѣшно проскользнулъ въ полуотворенную калитку, прежде чѣмъ я успѣлъ отворить ее

вполнѣ, и тотчасъ захлопнулъ ее, подавая мнѣ знакъ, чтобы я засунулъ задвижку.—Тише, сказалъ онъ мнѣ шопотомъ;—можетъ-быть за мною слѣдили, хотя я и принялъ всѣ предосторожности!

Мы вошли въ цѣтникъ; онъ разказывалъ мнѣ что-то, но такъ путался въ словахъ, по своему обычаю, что я только и понималъ, что садъ занятъ полиціею, хотя и тайно, но несомнѣнно, и что монахъ, посѣтивъ меня, подвергалъ себя опасности.—Пойдемте къ вамъ, сказалъ онъ:—тамъ мнѣ свободнѣе будетъ говорить съ вами.

Когда мы остались съ нимъ наединѣ въ казино, онъ подтвердилъ мнѣ слова Тартальи. Вывихъ Даніеллы былъ не опасенъ, но требовалъ совершеннаго спокойствія. Братъ ея, поселившись у фермеровъ виллы Таверна, сторожилъ дѣри и окна ея комнаты. Я долженъ былъ отказаться отъ свиданія съ нею, впредь до ея приказанія. Она снова требовала съ меня честнаго слова спокойно сидѣть взаперти до тѣхъ поръ, пока меня не будутъ открыто преслѣдовать въ самой внутренности замка.—Дайте мнѣ это слово, любезный братъ, сказалъ капуцинъ:—она готова на все рѣшиться и пожалуй на колѣняхъ приползетъ сюда.

— Я даю его, отвѣчалъ я:—но развѣ она не могла написать ко мнѣ?

— Она такъ и хотѣла сдѣлать, но я не бралъ письма; меня могли задержать и обыскать, и тогда мы всѣ пропали бы. Успокойтесь и поговоримъ о дѣлѣ. Но прежде покормите меня; въ это время я обыкновенно ужинаю, а мнѣ еще предстоитъ порядочный конецъ; отсюда до монастыря не рукой подать.

Я поспѣшилъ подать доброму монаху макароны, которыя онъ ѣлъ съ замѣчательнымъ аппетитомъ. Несмотря на безпокойство, въ которомъ онъ находился, онъ съ такимъ усердіемъ занялся этимъ блюдомъ, что едва давалъ одинъ отвѣтъ на тысячу моихъ вопросовъ. Бѣдняга можетъ-быть и не прожорливъ, но голоденъ. Этотъ аппетитъ еще усилился, когда Тарталья принесъ молодого осетра, приготовленнаго на винѣ, и блюдо артишоковъ, поджаренныхъ въ свиномъ салѣ. Тогда невозможно уже было выманить у монаха ни одного путнаго слова, и въ продолженіи цѣлаго часа, я долженъ былъ терпѣливо любоваться, какъ онъ глоталъ кусокъ за кускомъ этого кушанья, и самъ ѣсть, чтобы утѣшить Тарталью, котораго я уже не могъ почитать врагомъ своимъ, и котораго пре-

данность заслуживала съ моей стороны конечно что-нибудь другое, а не подозрѣнія и грубыя выходки.

Положеніе мое становилось очень страннымъ съ этими собесѣдниками. Мое горе и мое безпокойство сталкивались, въ рѣзкомъ контрастѣ, съ аппетитомъ капуцина, который пользовался рѣдкимъ случаемъ насытить его, и съ угодливіостью моего смѣшнаго слуги, который въ настоящемъ случаѣ только о томъ и заботился, чтобы доказать мнѣ свое мастерство въ поваренномъ искусствѣ.—Кушайте, кушайте, эчелленца, говорилъ онъ мнѣ:—я вамъ дамъ отличнаго кофе, для сваренія желудка. Даниѣлла наказывала мнѣ: болѣе всего заботься о кофе; это его единственное лакомство.

Это наставленіе такъ сходилось съ привычками милой баловницы Даниѣллы, что я повѣрилъ искренности Тартальи, за которую, впрочемъ, ручались довѣріе и дружба къ нему капуцина. У меня, сказать правду, не легко было на сердцахъ, при мысли, что и Даниѣлла не шутя дружна съ нимъ, и я оскорблялся внутренно не тѣмъ, что принималъ отъ него услуги, за которыя я могъ вознаградить его современемъ, но что онъ замѣшанъ въ сердечныя дѣла Даниѣллы и какъ бы посвященъ въ таинства моего счастья.

Я не могъ воздержаться, чтобы не сказать слова два объ этомъ брату Кипріану.—Такъ вы не были при томъ, какъ она упала? спросилъ я его, когда Тарталья пошелъ за кофе.—Нѣтъ не былъ, отвѣчалъ онъ:—но еслибъ и былъ, то ни я, ни Оливія, ни Маріуччія, мы не могли бы принять на себя заботы о васъ, и не помѣшали бы вамъ умереть съ голода. За этими женщинами теперь строго присматриваютъ; что касается до меня, то я подчиненъ правиламъ своего ордена. Вѣрьте мнѣ, нельзя было найти друга лучше Тартальи въ этомъ случаѣ; его не арестуютъ на дорогѣ, когда онъ пойдетъ къ вамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А почему бы это?

— Этого я не знаю, но это такъ. Его всѣ знаютъ, и онъ со всѣми въ ладахъ.

— Даже и съ полиціею?

— *Chi lo sa?* отвѣчалъ монахъ, тѣмъ же тономъ, какимъ говоритъ сестра его, когда хочетъ сказать: «Полно вамъ разспрашивать меня; я и знать этого не хочу.»

Я думалъ разсѣять себя отъ своихъ заботъ, разговоромъ съ монахомъ за чашкой кофе; но очень былъ удивленъ, найдя въ немъ чловѣка совершенно ничтожнаго и совершенно глупаго. Судя по свѣдѣніямъ, доставленнымъ имъ своему семейству о моемъ дѣлѣ и по теперешнему великодушному его посѣщенію, должно бы полагать, что онъ прозорливъ, отваженъ и дѣятеленъ. Ничего не бывало! Онъ цѣлѣнъ, робокъ и лѣнивъ. Впрочемъ, онъ существо кроткое и доброе, сохранившее всѣ свои любящія способности только для сестры и племянницы, и которое, несмотря на искренность своей набожности, всегда готово преступить правила монастырской жизни, чтобъ оказать имъ услугу или одолженіе. Но онъ дотога ни къ чему не способенъ, что его содѣйствіе совершенно бесполезно. Голова его похожа на растрескавшуюся маковую головку, изъ которой вѣтеръ давно вынесъ всѣ сѣмена. У него нѣтъ ни послѣдовательности въ мысляхъ, ни памяти, ни яснаго взгляда на вещи. Онъ едва знаетъ имя, лѣта и состояніе людей, съ которыми находится въ частыхъ сношеніяхъ, а когда, случайно, вспомнить это, то повторяетъ свое слово нѣсколько разъ съ тупымъ самодовольствіемъ. Чтѣ касается до природы, которой красоту и плодородіе онъ превозноситъ при всякомъ случаѣ пошлою и всегда одною и тою же фразой, то онъ глядитъ на нее сквозь крепъ, и, я увѣренъ, не сумѣетъ отличить розы отъ репейника. Ничто не производитъ особеннаго впечатлѣнія на эту отупѣвшую организацію, которая несравненно ниже, чѣмъ организація самаго изнуреннаго лихорадкой и самаго безпечнаго селянина Римской Кампаньи. Въ религіозномъ отношеніи трудно рѣшить, какое именно составилъ онъ себѣ понятіе о Высочайшемъ Существѣ. Онъ толкуетъ о церкви, о церковной службѣ, о церковныхъ свѣчахъ, о четкахъ; но я не думаю, чтобы, за исключеніемъ осязаемыхъ символовъ вѣры, онъ имѣлъ какую-нибудь религіозную идею, чувство, или какое-нибудь вѣрованіе.

Чтѣ касается до религіознаго и политическаго положенія его страны, этѣ для него запечатанная грамота. Онъ смѣшиваетъ самыя противоположныя явленія въ одномъ чувствѣ глупо улыбающейся покорности. Все, чтѣ носить санъ кардинала, или даже аббата, окружено въ его глазахъ сіяніемъ, ослѣпляетъ и поработцаетъ его. Словомъ, отъ него ничего не добьешься, а Богъ ви-

дѣлѣ, что я желалъ добиться отъ него только свѣдѣній о моемъ дѣлѣ; но и это оказалось невозможнымъ: все кончалось вѣчнымъ *chi lo sa*, которое начинаетъ раздражать мнѣ нервы. Онъ пу-гался моихъ вопросовъ и не понималъ ихъ. Онъ не зналъ, дѣй-ствительно ли кардиналъ, мой покровитель, принялъ какія-нибудь мѣры; онъ не зналъ, въ гражданскомъ или въ духовномъ судѣ производится мое дѣло, и кто будетъ судить меня: *giudice pro-cessante*, мѣстный слѣдственный судья, или *судебный инквизи-торъ*, предсѣдатель духовнаго судища, или наконецъ собственно инквизиція; эти три судебныя власти распоряжаются поочередно, а можетъ-быть и всѣ вмѣстѣ, въ политическихъ, гражданскихъ и религіозныхъ слѣдствіяхъ, а возведенное на меня обвиненіе, по здѣшнему порядку, относится ко всѣмъ тремъ отраслямъ судопроизводства.

Увидѣвъ, что всѣ мои разспросы бесполезны, я поручилъ Тар-талѣ проводить брата капуцина въ его монастырь; но онъ такъ напуганъ, что не хотѣлъ выйти изъ замка ранѣе двухъ часовъ пополуночи. — Въ такую позднюю пору, сказалъ онъ (тогда было десять часовъ), — монастырь нашъ запертъ; его отопруть, когда заблаговѣстятъ къ заутрени. Не безпокойтесь обо мнѣ; я самъ во-время проснусь, а покуда прилягу на вашу постель да усну немного.

Это предложеніе возмутило меня, потому что этотъ монахъ классически нечистоплотенъ. Тарталѣ удержалъ меня отъ вспыш-ки, увѣривъ его, что онъ много рискуетъ, если его застанутъ въ моей комнатѣ, и увелъ его спать въ кладовую, на солому, гдѣ, въ случаѣ тревоги, онъ можетъ просидѣть, не будучи замѣченъ.

XXV.

Мондрагоне, тогоже числа.

Я не могъ спать, и собравъ со стола остатки ужина, отворилъ окно, потомъ заперся и зажегъ свѣчу, чтобы приняться за этотъ дневникъ и разогнать тѣмъ скуку и безпокойство. Но не успѣлъ я написать и одной строчки, какъ снова постучались въ дверь. Подобный случай встревожилъ бы меня вчера, когда для меня,

кромѣ насъ съ Даниэлою, никого не было на бѣломъ свѣтѣ; но теперь, когда ужъ я не жду ея, и когда всѣ мои старанія смягчить судьбу были бы почти бесполезны, я готовъ на все, и даже привыкъ къ этой жизни, исполненной случайностей болѣе или менѣе важныхъ. Не трогаясь съ мѣста, я отвѣчалъ: войдите!

Это былъ опять Тарталья.—Все въ порядкѣ, *мосью*, сказалъ онъ мнѣ.—Капуцинъ храпѣтъ въ соломѣ; на дворѣ все тихо. Я пришелъ пожелать вамъ *una felicissima notte*, и самъ сейчасъ лягу спать. Отсюда я отправлюсь вмѣстѣ съ *fra Ciriaco* въ заутреню и ворочусь еще до свѣта съ припасами на цѣлый день. Въ эту пору даже самый чуткій народъ отдыхаетъ, и наблюдателей провести не трудно.

— Такъ ты тоже думаешь, что сады заняты полиціей? стало-быть это не пригрезилось капуцину?

— Ни ему, ни мнѣ, эччелленца; это точная правда.

— Признайся, ты и самъ принадлежишь къ полиціи?

— Не могу признаться въ этомъ, это неправда; но еслибы такъ было, вы должны бы Бога за это благодарить.

— А развѣ бы ты тогда не предалъ меня?

— Все дѣло возможное, была бы только воля, *amico mio*. Когда приходится служить многимъ господамъ, тогда сердце и совѣсть рѣшаютъ за кого изъ нихъ стоять. Эхъ, *мосью*, вамъ кажется это нечестнымъ, и вы надо всѣмъ смѣтаетесь. Но вы не Итальянецъ, и не знаете, что такое Итальянецъ. Вы родились въ странѣ, гдѣ всѣ дѣла устроены по какому-то мнимому праву, которое стѣсняетъ свободу сердца и ума. У васъ каждый думаетъ о себѣ, и каждый чувствуетъ или почитаетъ себя въ безопасности, когда сидитъ дома. Оттого вы и себялюбивы и холодны. Здѣсь мы кажемся рабами, но мы дѣйствуемъ, обходя законы стороной, и можемъ сдѣлать, что только захотимъ, и для себя и для друзей своихъ. Когда бываетъ нужно скрывать и хорошее и дурное, такъ тутъ-то и приходятъ добродѣтели, которыя вы послѣ оцѣните: преданность и скромность. Вамъ слѣдуетъ вѣрить мнѣ, когда я уже оказалъ вамъ большія услуги, да и еще окажу.

— Правда, ты помогъ мнѣ проѣхать верхомъ Кампанью.

— Въ первый день Пасхи? Тутъ-то я промахнулся. Мнѣ бы надобно было всячески помѣшать вамъ выѣхать тогда изъ Рима!

Но я чувствую къ вамъ какую-то слабость и балую васъ, какъ отецъ свое дитя!

— Въ такомъ случаѣ, добрый мой напенька, кромѣ твоего присутствія здѣсь и вкуснаго обѣда, которымъ ты накормилъ меня, за какія еще благодѣянія придется мнѣ вознаградить тебя?

— О вознагражденіи мы поговоримъ послѣ. А теперь знайте, что всѣ полученныя Даниеллой и Маріуччіей свѣдѣнія о вашемъ дѣлѣ, такъ вовремя, что вы успѣли и сами скрыться и скрыть свои вещи, доставилъ я, а не капуцинъ, потому что я человекъ съ головой, а онъ то же, что устрица на солнцѣ.

— Ты? Я долженъ былъ прежде догадаться объ этомъ. Но зачѣмъ же мнѣ сказали, что всѣ эти вѣсти принесъ монахъ?

— Это вамъ Даниелла такъ сказала? я понимаю почему! Она знаетъ, что вы не довѣряете мнѣ. По счастью, она не того же мнѣнія, какъ вы; она уважаетъ меня и знаетъ, что я... во всѣхъ отношеніяхъ! потому что, еслибъ я хотѣлъ, когда-то воспользоваться ея невинностію... но я не хотѣлъ этого, *мосью!*

Онъ остановился, видя, что раскрываетъ мою рану, и что связанный признательностію, которую обязанъ былъ имѣть къ нему, я съ трудомъ воздерживался отъ желанія вытолкать его вонъ. Кажется, что этотъ шутъ знаетъ мою слабую струну и по временамъ мститъ мнѣ урывками за мое къ нему пренебреженіе. Но онъ боится меня, и мнѣ стоить нахмурить брови, какъ онъ тотчасъ же прекращаетъ подобныя выходки.

Онъ переѣхнулъ разговоръ и сталъ заговаривать о Медорѣ.

— Въ Римѣ говорятъ, что она повѣхала во Флоренцію, гдѣ выйдетъ замужъ за своего родственника; но я знаю, что это неправда. Она не любитъ его.

— Какъ тебѣ знать это? Даниелла теперь не при ней, и тебѣ некому рассказывать, что она думаетъ.

— Я знаю это отъ лорда Б... Онъ думаетъ о себѣ, что онъ очень скромнень, но я, что хотите, отъ него вывѣдаю,—разумѣется, послѣ обѣда.

— А какъ повѣдалъ ты все, что относится до моего дѣла?

— Вы опять скажете мнѣ, что я служу въ полиціи? Право нѣтъ. Но у меня вездѣ есть друзья, и я знаю о вашихъ дѣлахъ гораздо болѣе, чѣмъ говорю.

— Однакоже, если ты такъ приверженъ ко мнѣ, не мѣшало бы

и мнѣ разказать это, чтобъ я зналъ какъ бороться съ моими врагами.

— Современемъ и это будетъ; спѣшить не къ чему. Но вы устали, *мосью!* Нельзя знать, что впередъ будетъ, такъ ложитесь-ка, отдохните, да соберитесь съ силами на всякій случай.

Я въ самомъ дѣлѣ былъ утомленъ. Внезапный переходъ изъ моего прекраснаго романа къ такимъ непріятнымъ обстоятельствамъ такъ истощилъ мои силы, какъ будто я упалъ на дно пропасти.

— Прикажете мнѣ взять съ собою ключъ отъ вашей комнаты? сказалъ мнѣ Тарталья небрежнымъ тономъ, пожелавъ мнѣ спокойной ночи.

Вопросъ былъ важный. Можетъ-быть, онъ взялся доставить случай схватить меня безъ шума и такъ, чтобы мой покровитель подумалъ, что я сдался добровольно, избѣгая скуки одиночества. До сихъ поръ Тарталья видѣлъ, что я рѣшился дорого продать свою свободу, и потому, измѣняя мнѣ, онъ долженъ былъ желать, чтобы меня задержали соннаго.

Но, какъ я уже говорилъ вамъ, мнѣ надоѣли мои подозрѣнія и безпрестанная забота ограждать себя отъ непредвидимыхъ случаевъ; я не могъ обѣщать Даниелѣ избѣгать ихъ. Кромѣ того, я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ думалъ, что если Тарталья предастъ меня, я буду имѣть право сказать когда-нибудь моей неосторожной любовницѣ: вотъ послѣдствія вашей дружбы къ этому мерзавцу! Если же этотъ мерзавецъ былъ честенъ въ отношеніи ко мнѣ, я обязанъ былъ дать ему формальное удовлетвореніе за мою несправедливость.

— Возьми ключъ, сказалъ я, — и прощай.

Онъ, казалось, былъ восхищенъ этимъ отвѣтомъ. Глаза его блистали, или какъ у кошки, поймавшей свою добычу, или отъ признательности за мою довѣрчивость.

— Спите спокойно, эччелленца, сказалъ онъ: — и знайте, что никто въ свѣтѣ не обезпокоитъ васъ! Сюда строго запрещено входить; хотя и знаютъ, что вы здѣсь, но здѣсь васъ оставляютъ въ покоѣ, какъ вы сами видите.

— Такъ имъ положительно извѣстно о моемъ здѣсь пребываніи? Ты не говорилъ мнѣ этого!

— Имъ это положительно извѣстно, эччелленца! Они полага-

ютъ, что вы попытаетесь уйти отсюда, что было бы величайшимъ безразсудствомъ. Имъ думается, что васъ выживетъ отсюда голъ; но они забыли обо мнѣ, эти любезные господа.

Онъ взялъ мое платье и принялся чистить его въ передней. Я былъ такъ утомленъ, что задремалъ подъ шелестъ его вѣтника.

Черезъ часъ я проснулся и увидѣлъ, что мой чудакъ сидитъ передъ каминомъ и, грѣя ноги, внимательно читаетъ альбомъ, въ которомъ я писалъ этотъ разказъ съ свѣтлаго праздника. Что было писано прежде, вы вѣроятно уже получили; я отправилъ это къ вамъ изъ Рима съ Брюмъеромъ, у котораго есть пріятель при французской миссіи.

Видя, какъ этотъ мошенникъ перелистываетъ мой дневникъ и останавливается на страницахъ, которыя его интересуютъ, я готовъ былъ вскочить и осыпать его оплеухами; но меня остановила слѣдующая мысль: если онъ, въ чемъ нельзя и сомнѣваться, принадлежитъ къ полиціи, такъ онъ убѣдится, что я не участвую ни въ какомъ политическомъ заговорѣ, и главное средство для моего спасенія въ его рукахъ. Оставимъ его увѣриться въ моей невинности.

Кромѣ того, въ спокойствіи, съ какимъ онъ читалъ, было что-то убѣждавшее, что онъ не имѣлъ злыхъ намѣреній, по крайней мѣрѣ не имѣлъ ихъ въ то время: смотря на него, нельзя было полагать, чтобы онъ предпринималъ какое-нибудь покушеніе. Вдругъ онъ началъ смѣяться, сначала сдерживаясь, но напоследокъ расхохотался какъ сумашедшій.

Причина была достаточная, чтобы проснуться. Я приподнялся на постели и поглядѣлъ ему въ глаза. Смѣхъ исчезъ на его шутовской физиономіи. Между нами произошла нѣмая сцена, какъ италіанскія пантомимы.

Сначала онъ хотѣлъ спрятать альбомъ, но видя, что уже поздно, онъ, не робѣя, воскликнулъ: — Боже мой, Боже! какъ и смѣшно и пріятно видѣть себя въ разказѣ, день въ день и слово въ слово. Простите мою нескромность, *моєю*; я такъ люблю искусства, что, увидя вашъ альбомъ, не могъ удержаться, чтобы не раскрыть его. Я думалъ, что найду въ немъ рисунки, здѣшніе виды, но вмѣсто ихъ бросилось мнѣ въ глаза имя Тарталя. Мнѣ это ничего, что я списанъ здѣсь какъ живой; мое имя не Тарталя и не Беввенуто, и это меня не компрометируетъ. А

притомъ вы такъ умны и такъ хорошо обо всемъ этомъ пишете, что я очень радъ припомнить себѣ въ подробности все, какъ что происходило. Вотъ наша ночная поѣздка на лошадахъ Медоры и всѣ мои слова, точь-въ-точь, какъ я говорилъ вамъ ихъ, о разбойникахъ, объ иллюминаціи Св. Петра, о томъ, какъ я искусно принудилъ васъ воспользоваться этими лошадами, которыхъ я на этотъ случай свелъ тихонько съ конюшни. Признайтесь, *мосью*, что хоть вы и подозреваете меня, а рады видѣть, что я не болванъ и не дуракъ.

— Если ты доволенъ моимъ мнѣніемъ о тебѣ, такъ чего же лучше? Значить, мы оба довольны другъ другомъ, не правда ли?

— Эччелленца, я говорилъ вамъ, вскричалъ онъ съ убѣжденіемъ, вставая съ кресла: — и теперь не отпираюсь отъ словъ своихъ: я васъ люблю! Вы почитаете меня канальей и мерзавцемъ и на словахъ и письменно; но убѣжденный, что со временемъ приобрѣту вашу дружбу, какъ вы приобрѣли мою, я принимаю слова эти въ шутку, какъ это дѣлается между друзьями.

— И хорошо дѣлаешь, сердечный другъ мой. Теперь, когда ты уже увѣрился, что я ничего не замышляю противъ папы, ты пожалуста уже не трогай моего писанья, если не хочешь поучить...

— Гм! вы всегда только стращаете, а никогда не ударите. Вы добры, эччелленца, и никогда не обидите бѣдняка, который терпѣть не можетъ ссоръ и душой къ вамъ привязанъ. Я же никакъ не раскаиваюсь въ томъ, что прочелъ ваши приключенія, а въ особенности объ этой проклятой жестяной дощечкѣ, которую нашли въ вашей комнатѣ въ Пикколомини. Это обстоятельство меня ужасно мучило. Какимъ образомъ, думалъ я, попала ему въ руки эта вещь? И если онъ уже получилъ ее, какъ могъ онъ допустить, чтобы она валялась у него на виду?

— Такъ это вещь драгоцѣнная?

— Не драгоцѣнная, а опасная.

— Чтò же это такое?

— Условный знакъ тайнаго общества. Вы отгадали это, потому что сами объ этомъ написали.

— Какого общества, политическаго?

— Гм! *Chi lo sa?*

— Кто знаетъ? разумѣется ты!

— Но уже никакъ не вы; это я вижу! Вы думаете, что эту дощечку подсунулъ вамъ агентъ этого общества: нѣтъ, это личный врагъ.

— Кто жь бы это? Мазолино?

— Нѣтъ; онъ такъ хитро не придумаетъ; притомъ же, чтобы осмѣлиться надѣть на себя доминиканскую рясу, надобно сильнѣе протекцію чѣмъ у него; этотъ пьяница никогда не будетъ человѣкомъ. Видѣли вы въ лицо мнимаго монаха?

— Да, если это тотъ самый, котораго я встрѣтилъ въ Тускулумъ; но въ этомъ я не увѣренъ.

— Ну, а тотъ, что шлялся здѣсь на этихъ дняхъ?

— Это тотъ самый, что я видѣлъ въ Тускулумъ; я почти убѣжденъ въ этомъ.

— Узнаете ли вы его въ лицо?

— Кажется, что узнаю.

— Обратите на это вниманіе, если вы его еще гдѣ встрѣтите, и будьте осторожны. Что онъ высокъ ростомъ?

— Довольно.

— Толстъ?

— Да, онъ довольно полонъ.

— Если толстъ, такъ это не онъ.

— Кто же этотъ онъ?

— Тотъ, о которомъ я думалъ; но мы посмотримъ; я ужь доберусь до правды. Спите спокойно, эччелленца; Тарталья не спитъ за васъ.

Онъ вышелъ, взявъ ключъ съ собою, а я снова заснулъ.

Въ пять часовъ, по обыкновенію, я проснулся. Возлѣ меня никого не было; я былъ одинъ; при этой мысли я невольно вздохнулъ.

Одѣвшись, я вышелъ на террасу и взглянулъ на окрестность. На цѣломъ видимомъ мною пространствѣ не было ни души. Издали только слышалось движеніе людей, отправлявшихся на полевые работы. Въ шесть часовъ Тарталья принесъ мнѣ котлетъ и свѣжихъ яицъ. Я испугался, замѣтивъ какое-то безпокойство въ выраженіи его лица.

— Даніеллъ хуже? вскричалъ я.

— Нѣтъ, напротивъ ей легче. Вотъ письмо отъ нея.

Я вырвалъ у него письмо. «Надѣйся и будь терпѣливъ, писа-

ла она ко мнѣ. Я скоро съ тобою увижусь, несмотря на препятствія. Не выходи изъ Мондрагоне и не показывайся. Надѣйся и жди любящую тебя.»

— Она пишетъ ко мнѣ, чтобы я не показывался, сказалъ я Тартавъ,—а ты увѣрялъ, что пребываніе мое здѣсь извѣстно?

— Э! *мосью*, отвѣчалъ онъ съ нетерпѣніемъ, — ничего я не знаю. Не показывайтесь, это не помѣшаетъ. Но здѣсь такіа дѣла дѣлаются, что я и понять не умѣю... Я не даромъ думалъ, на кой чортъ имъ этотъ бѣдный художникъ; не можетъ быть, чтобы они почитали его опаснымъ? Онъ вѣрно только предлогъ, а рѣчь не о немъ. И точно, тутъ есть другое дѣло, или они только воображаютъ себѣ это.

— Объяснись, я не понимаю.

— Нѣтъ, вы не имѣете ко мнѣ довѣрія.

— Напротивъ того, сегодня я вполне довѣряю тебѣ; я цѣлую ночь былъ въ твоихъ рукахъ, и спалъ спокойно. Я увѣренъ, что ты не желаешь, чтобы меня задержали, ни здѣсь, ни за стѣнами замка. Говори!

— Ну такъ слушайте. Чтò вы одни здѣсь?

— Чтò? одинъ ли я въ Мондрагоне? ты еще сомнѣваешься въ этомъ?

— Да, я сомнѣваюсь, *мосью*...

— Знаешь ли! отвѣчалъ я ему, пораженный тою же самою мыслию: — еслибы ты спросилъ меня о томъ въ первый день моего переселенія сюда, я былъ бы твоего мнѣнія. Въ этотъ день и въ наступившую ночь, я самъ думалъ, что насъ двое или нѣсколько человѣкъ укрывается въ этихъ развалинахъ. Но я живу здѣсь уже цѣлую недѣлю, и увѣренъ, что живу одинъ-одинехонекъ.

— Э! вотъ уже кое-что и знаемъ. Кто-нибудь поважнѣе и поопаснѣе васъ былъ здѣсь. Это знаютъ, и полагаютъ, что онъ еще здѣсь, и если за вами присматриваютъ, такъ это такъ, въ придачу, или потому, что васъ почитаютъ въ сношеніяхъ съ этою особой или съ этими особами... Вѣдь вы говорите, что васъ, можетъ-быть, здѣсь нѣсколько человѣкъ было?

— Это я говорю наудачу; но я могу разказать тебѣ, что со мною случилось. Мнѣ показалось, что я слышалъ шаги въ *pianto*.

— Что это такое *pianto*, *мосью*?

— Маленькій монастырь.

— Знаю, знаю. Такъ вы слышали?..

— Можетъ-быть мнѣ и слышались шаги человѣка.

— Одного?

— Одного.

— Чтò же еще?

— А еще—что я ночью слышалъ, и слышалъ очень хорошо, какъ играли на фортепیانно.

— На фортепیانно? въ этихъ развалинахъ? не приснилось ли вамъ это, *мосью*?

— Я не спалъ и былъ на ногахъ.

— А Даниелла тоже слышала?

— Точно такъ какъ и я. Она полагаетъ, что это былъ органъ монастыря камальдуловъ, и что звуки его измѣнялись отдаленіемъ.

— Это вѣрно такъ и было. А больше вы ничего не знаете?

— Ничего. А ты?

— Я-то ужъ узнаю. Скажите мнѣ еще, *мосью*, вы вездѣ были въ этихъ развалинахъ?

— Вездѣ, гдѣ только можно пройти.

— И въ подвалахъ подъ *terrazzone*?

— Въ той части этихъ подваловъ, которая не закладена.

— Говорятъ, что туда опасно ходить.

— Да, безъ свѣчи и безъ предосторожностей.

— Но свѣча и предосторожности не помѣшаютъ обрушиться этой огромной террассѣ, которая Богъ знаетъ на чемъ держится.

— Кто сказалъ тебѣ это?

— Фермеръ Фелипоне.

— Это правда, что жена его не пускаетъ играть на *terrazzone*, но это опасеніе, кажется мнѣ, не основательно. Такая громада, опирающаяся на такую скалу, не боится времени.

— Но боится землетрясеній, а они здѣсь не рѣдки. Говорятъ, что многіе огромные своды уже обрушились и что когда-нибудь *terrazzone* разсядется, если не совсѣмъ развалится. На этой террассѣ есть мѣста, гдѣ стоитъ вода, растутъ камышъ и гдѣ нога проваливается какъ въ болото. Вотъ почему заклали входъ

въ *cucina* (большая кухня); колонны съ флюгерами были трубами этой кухни, которая до сихъ поръ славится въ околѣхъ. Когда я держалъ наемныхъ ословъ въ Фраскати, я раза два пытался пробраться туда. Хорошо, еслибы можно отыскать удобный входъ! Тогда я выхлопоталъ бы себѣ у управляющаго княгини исключительное право водить туда путешественниковъ и зашибъ бы копѣйку. Но это дѣло невозможное, *мосью!* стоить толкнуть заступомъ въ эти старыя стѣны, внутри зашумить, загремѣть, посыплется, такъ что волосъ дыбомъ станетъ. Здѣшніе жители думаютъ, что это бѣсовщина проказить, а дѣти увѣряютъ, что тамъ живетъ *befana*.

— Что это такое *befana*?

— Это такое, чего всѣ боятся, а никто не видалъ. Это духъ-звѣрь, который дѣлаетъ и добро и зло.

— Это названіе мнѣ нравится; назовемъ *befana* ~~мѣсто~~, о которомъ ты говоришь.

— Если вамъ это угодно, *мосью*; но вѣдь я не вѣрю этимъ сказкамъ.

— И не вѣришь, чтобы кто-нибудь могъ скрываться въ квартирѣ этой *бефаны*?

— Не вѣрю, *мосью!* но въ подвалѣ, что подъ маленькимъ монастыремъ, который вы называете *pianto*...

— Я и тамъ производилъ поиски, потому что мнѣ хотѣлось открыть подземный ходъ, на случай занятія замка. Но кажется, что и тамъ всѣ входы завалены, а у оконъ претолстыя рѣшетки.

— Знаю! я когда-то хотѣлъ перепилить одну изъ этихъ рѣшетокъ, въ надеждѣ отыскать входъ въ кухни. Но я побоялся, потому что полоса, которую я пилилъ, поддерживала часть стѣны, которая уже растрескалась, и трещина видимо увеличивалась по мѣрѣ моей работы. Еслибъ вы посмотрѣли повнимательнѣе, вы увидѣли бы, что одна изъ полосъ рѣшетки порядкомъ надпиlena. Вотъ съ этимъ инструментомъ, продолжалъ онъ, показывая английскую тонкую пилу, — съ этимъ инструментомъ, который долженъ имѣться у всякаго благоразумнаго человѣка, можно бы продолжать, еслибы знать, что галлерей монастыря на тебя не рухнетъ.

— Но къ чему же это? развѣ ты надѣешься найти выходъ?

— *Chi lo sa?*

— Но вѣдь меня не могутъ задержать здѣсь; вѣдь я обѣщалъ Даніеллѣ не выходить.

— Вы совершенно правы, *мосью*, говоря только о себѣ; но что до меня касается, еслибъ я зналъ тайны этого замка, я заработалъ бы деньгу при случаѣ. Когда у меня будетъ время... и отвага, я еще разъ попытаюсь!

Я кончилъ свой завтракъ и предоставилъ Тартальѣ позавтракать въ свою очередь, а самъ пошелъ въ свою рабочую комнату, написалъ вамъ это посланіе, и попробую поработать, чтобы разогнать тоску.

5 часовъ. — Я опять сажусь писать, чтобы разказать вамъ что случилось. Я работалъ надъ моею картиной, какъ вдругъ рзздались тяжелые удары въ ворота большого двора. Тартальѣ прибѣжалъ ко мнѣ въ тревогѣ. — Спрячьтесь куда-нибудь, говорилъ онъ: — ломаютъ ворота!

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, — это Оливія, вынужденная ввести сюда какого-нибудь путешественника, чтобы отказомъ не возбудить подозрѣнія; она предупреждаетъ меня объ этомъ условнымъ знакомъ.

Я не ошибся. Только-что я убрался въ казино, какъ увидѣлъ въ щель двери моей террасы, что Оливія проходила подъ портикомъ и тревожно смотрѣла въ мою сторону. Когда она увѣрилась, что мое святилище какъ слѣдуетъ заперто, она пошла назадъ къ своимъ посѣтителямъ, которыхъ умѣла держать отъ меня поодаль. Это были марсельскіе обыватели, которые во всеуслышаніе толковали, что эти развалины ужасны и *отвертительны*, и испугавшись бѣгавшихъ около нихъ маленькихъ змѣй, о которыхъ я говорилъ вамъ, казалось, не имѣли большого желанія осматривать внутренность замка. Но съ ними былъ высокій, сухощавый мущина, одѣтый въ черный засаленный фракъ; онъ возбудилъ вниманіе Тартальи.

— Видите вотъ этого молодца? сказалъ онъ мнѣ на ухо: — онъ не принадлежитъ къ обществу этихъ путешественниковъ. Теперь онъ исполняетъ при нихъ должность чичероне, но это не его ремесло; онъ обманываетъ Оливію, которая его не знаетъ. Я знаю этого дружка; поглядите на него хорошенько; выдали вы его когда-нибудь?

— Да, я видалъ его, но гдѣ? никакъ не могу вспомнить.

— Не онъ ли далъ вамъ амулетъ?

— Быть-можетъ. Онъ одного роста съ монахомъ, котораго я тогда встрѣтилъ; но тогда было темно.

— Не похожъ ли онъ на монаха, что вы видѣли въ Тускулумѣ?

— Нѣтъ, это не онъ; я совершенно увѣренъ. Тотъ былъ полонъ и красивъ собою, а этотъ худощавъ и безобразенъ.

— А монахъ, что расхаживалъ по террасѣ флюгеровъ?

— То былъ тотъ же, что въ Тускулумѣ, а не этотъ.

— Но гдѣ же вы видѣли этого, что теперь у васъ передъ глазами? Припомните себѣ хорошенько.

— Постой! точно такъ; это точно онъ.

Я дѣйствительно узналъ его. Это былъ бандитъ, котораго я ошеломилъ на *Via Aurelia*.

— Погляди, сказалъ я Тартальѣ, — нѣтъ ли у него на лбу шрама?

— И еще какой! отвѣчалъ мой догадливый товарищъ, понявъ меня безъ дальнѣйшихъ объясненій. — Это точно долженъ быть онъ! Дѣло не ладно, *мосью!* Это *vendetta*, а римская вендетта еще хуже корсиканской.

XXVI.

Мондрагоне...

Я все еще въ Мондрагоне! Но я не ставлю числа на этомъ письмѣ, не зная, одну ли строчку или цѣлый томъ напишу я къ вамъ. Я продолжаю мой разказъ съ того мѣста, на которомъ его оставилъ.

Бандитъ нѣсколько разъ покушался покинуть общество, которое онъ сопровождалъ, и ускользнуть во внутренность замка; но Оливія, съ которою былъ ея старшій сынъ, и которая, вѣроятно, начала подозрѣвать этого господина, не пускала его съ глазъ и принудила его, черезъ нѣсколько времени, выйти вмѣстѣ съ путешественниками, съ которыми онъ пришелъ въ видѣ провожа-таго. Она со стукомъ затворила и заперла ворота, чтобы дать

мнѣ знать, что опасность миновалась. Тарталья подалъ мнѣ обѣдъ, какъ будто у насъ ничего не случилось.

— Ты думаешь, спросилъ я его, — что этотъ честный господинъ — агентъ полиціи?

— Я въ этомъ увѣренъ, *мосью*. Вы опять скажете, что и я тоже, но это неправда. Я знаю, что онъ принадлежитъ къ полиціи, потому что онъ тотъ самый свидѣтель, который показалъ въ пользу Мазолино, будто видѣлъ, какъ вы замарали фреску, и что показаніе его сейчасъ было принято, какъ только онъ перемолвилъ нѣсколько словъ съ комиссаромъ.

— Такъ и ты былъ тамъ, если знаешь, какъ все это происходило?

Тарталья закусилъ губы и возразилъ:

— Ну чтò жь, если я и былъ тамъ! Почему вы знаете, что я не былъ призванъ, какъ довѣренный гражданинъ, чтобы представить свѣдѣнія о васъ?

— Чтò же ты сказалъ обо мнѣ?

— Что вы молодой человѣкъ, неспособный вмѣшиваться въ заговоры; что вы художникъ, немножко глуповатый, немножко сумашедшій.

— Благодарю покорно!

— Этимъ только я и могъ отвести подозрѣнія, и вы видите, что я велъ себя въ этомъ не какъ шпионъ, потому что прямо отъ допроса побѣждалъ предупредить Мариуччію, чтобы она васъ спрятала. Вы не можете понять, почему я зналъ, что вы здѣсь; я долженъ былъ знать это, потому что самъ подалъ мысль перевести васъ сюда.

Это объясненіе порадовало меня. Оно оправдывало Даниеллу насчетъ ея лишняго довѣрія къ Тартальѣ, въ чемъ я въ душѣ упрекалъ ее. Тарталья вызвалъ это довѣріе своимъ усердіемъ, и исполнѣ его оправдывалъ въ глазахъ моихъ.

— Послушай однако, сказалъ я ему, тронутый его участіемъ въ моемъ дѣлѣ: — не подвергаешь ли ты себя опасности твоею преданностію ко мнѣ?

— Чтò тутъ говорить, *мосью*, отвѣчалъ онъ. — Отъ опасности не убѣжишь. Опасно дѣлать добро, опасно дѣлать зло, опасно также ни добра, ни зла не дѣлать. Кто думаетъ объ опасности, тотъ только понапрасну время тратить. На этомъ свѣтѣ надобно дѣ-

латъ то, что хочется дѣлать. Я не выдаю себя за храбреца передъ ружейнымъ дуломъ, но я ни за что не отступаю въ интригѣ, какъ бы она ни была опасна. Тамъ, гдѣ умъ къ чему-нибудь можетъ пригодиться, я ничего не боюсь. Я боюсь только грубой, бессмысленной силы, какъ вотъ море или пушка, какъ пуля и громъ, словомъ, всего, что не разсуждаетъ, и что не слушаетъ.

Въ это время зазвенѣлъ колокольчикъ. Я сбѣжалъ къ калиткѣ цѣвника. Это былъ капуцинъ съ вѣстами о своей племянницѣ. Она все совѣтуетъ мнѣ быть терпѣливымъ. Оливія велѣла сказать мнѣ, что главная опасность миновала. Но въ чемъ же заключалась эта опасность? Этого не могъ мнѣ пересказать добрый монахъ: но Тарталья думалъ, какъ и я, что рѣчь идетъ о посѣщеніи *Кампани*: такъ называетъ онъ бандита съ *Via Aurelia*.

Капуцинъ пошелъ за нами въ казино, и я съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что онъ намѣренъ расположиться тамъ какъ наканунѣ. Ужинъ нашъ ему понравился, и онъ пришелъ ужинать, — не то, чтобы онъ сознательно разсчитывалъ поѣсть получше, а такъ, послушный одному инстинкту, какъ собака, которая чутьемъ слышитъ кухню. Я не знаю ничего скучнѣе этого добряка, съ его тремя или четырьмя пошлыми фразами, съ его глупыми повтореніями и бессмысленною улыbkой. — Набей ему брюхо, сказалъ я Тартальѣ пофранцузски, — и постарайся скорѣе его выпроводить.

— Это не трудно, отвѣчалъ мнѣ Фронтенъ виллы Мондрагоне; — я это сдѣлаю, не тратя даже нашихъ запасовъ, которые намъ понадобятся чѣмъ ему. Любезный братъ, сказалъ онъ монаху; — нечего мѣшкать; я узналъ, что въ семь часовъ, то-есть черезъ десять минутъ, къ намъ приставятъ часовыхъ.

— Часовыхъ? воскликнулъ капуцинъ въ ужасѣ.

— Да, чтобы голодомъ принудить насъ къ сдачѣ; и если вы не хотите раздѣлить нашу участь...

— Молчи, шепнулъ я на ухо Тартальѣ; — онъ перепугаетъ Даниеллу этою вымышленною новостью. Но капуцинъ уже наводрилъ лыжи, и мы должны были бѣжать за нимъ, чтобы отворить ему калитку. Тогда только Тарталья рѣшился успокоить его, но уже опоздалъ. При свѣтѣ луны, серебрившей своими лучами стѣны замка, передъ нами блеснули два штыка, скрестившіеся

подъ самымъ носомъ капуцина, и громкій голосъ произнесъ по-италіянски: Не велѣно пускать.

Шутка Тарталья стала правдой; вилла Мондрагоне была въ блокадѣ.

Фра-Кипріамъ въ ужасѣ такъ прыгнулъ назадъ, что чуть не упалъ въ объятія мраморной вакханки, лежащей въ крапивѣ.

— Чортъ возьми! сказалъ мнѣ Тарталья, хлопнувъ калитку съ большимъ присутствіемъ духа, но и съ немалымъ страхомъ. — Жандармы! это новость! Но это, примолвилъ онъ, подумавъ, — до меня не касается. Это невозможно! или, можетъ-быть это только временная мѣра. Подождемъ, что завтра будетъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, — намъ надобно сей же часъ узнать, что объ этомъ думать. Отвори калитку и потребуй, чтобы пропустили капуцина. Я прислонюсь къ стѣнѣ, чтобы меня не видали.

— Почему и не попробовать? отвѣчалъ Тарталья. — Полицейскіе видѣли, какъ я вошелъ сюда сегодня утромъ; они знаютъ меня и ничего мнѣ не сказали. Посмотримъ!

Онъ отворилъ калитку и предъявилъ свое требованіе.

Унтеръ-офицеръ подошелъ къ калиткѣ и между ними завязался слѣдующій разговоръ.

— А! это вы, сказалъ голосъ за калиткою.

— Это я, пріятель, сказалъ Тарталья привѣтливо; — здравствуйте.

— Вы требуете позволенія выйти?

— Для бѣднаго монастырскаго сборщика; увидя меня, онъ попросилъ у меня подаванія, и я отворилъ ему, потому что...

— Избавьте насъ отъ выдумокъ. Братъ квесторъ тамъ, пусть тамъ и остается.

— Это невозможно.

— Такъ приказано.

— Надѣюсь, что это приказаніе не относится ко мнѣ; я пришелъ сюда ставить силки на кроликовъ... вы знаете, что ихъ очень много въ развалинахъ...

— Сами вы кроликъ; довольно; прошу замолчать.

— Но... любезный другъ... подумайте, кому вы это говорите; это я... я, который...

— Который измѣняетъ. Ребята, *слушай!*

— Что это вы? Неужели вы думаете?.. Дайте мнѣ сказать вамъ два слова потихоньку. Подойдите ко мнѣ!..

— Я не подойду. Если угодно, я повторю вамъ отданное намъ приказаніе: никто не можетъ ни входить въ замокъ, ни выходить оттуда, въ теченіи пятнадцати дней... *и больше!*..

— Понимаю, сказалъ испуганный Тарталья:—*Cristo!* вы право не христіане! вы хотите уморить насъ голодною смертію?

— Вы принесли сюда припасы сегодня утромъ; что бы вамъ захватить побольше? Тѣмъ хуже для васъ!

— Но...

— Но полно балагурить. Запирайте вашу калитку, или я командую *пли!* въ эту дверь. Ребята! *кладьсь!*

Тарталья не ожидалъ команды *пали* и поспѣшно заперъ калитку.

— Плохо, очень плохо, *мосью*, сказалъ онъ мнѣ, когда мы привели въ казино встревоженного капуцина.—Я не думалъ, чтобы дошло до этого. Съ полицейскими... (между ними есть ужасные оригиналы) мы бы следили; но эти черти жандармы и слушать не хотятъ; знай твердятъ свое проклятое приказаніе. *Santo Dio!* какъ бы убѣдить ихъ пропустить этого монаха и позволить мнѣ сходить завтра поутру за припасами?

— Много ли ихъ тамъ?

— Съ дюжину будетъ; они расположились въ главной части древняго укрѣпленія, что за стѣною, прямо противъ большихъ воротъ двора. Тамъ крѣпкіе своды, которые они заняли; я видѣлъ ихъ лошадей. Оттуда они стерегутъ обое воротъ, почти можно сказать въ упоръ.

— Пстой, сказалъ я,—покажѣсть капуцинъ отдыхаетъ, пойдемъ—ка въ обходъ.

— Къ чему это, *мосью?* Мы оба все видѣли и все знаемъ. Вы сами знаете, что съ сѣверной стороны все закладено. Къ тому же, поглядите, сказалъ онъ, осторожно выходя на маленькую террасу казино,—вотъ они и здѣсь; они даже разводять огонь, чтобы почевать здѣсь!

Въ самомъ дѣлѣ, другіе двѣнадцать жандармовъ занимали большую террасу, что внизу подъ нашею. Мы осмотрѣли всѣ стороны замка, откуда только намъ можно было бы спуститься по веревкѣ съ узлами: вездѣ стояла стража. Мы насчитали до пяти-

десяти человѣкъ около нашей цитадели. Этого было слишкомъ довольно, чтобы держать насъ въ блокадѣ. Рѣшетка эспланады (*terrazone*), отъ которой у насъ, впрочемъ, и ключа не было (она находится во владѣніи Фелипоне), и которая очень близко отъ входа въ цвѣтникъ, была также подъ стражей. Эта предосторожность была излишняя, потому что мы не можемъ выходить на эспланату.

— Ну теперь, *мосью*, вскричалъ Тарталья, возвратясь со мною въ казино, — мы совсѣмъ попались. Я увѣренъ, что сюда-то они не пожалуютъ, буквально соблюдая запрещеніе кардинала входить въ замокъ; на то чтобы выломать петли дверей или сжечь эти двери, пятидесяти человѣкъ не нужно. Но насъ истомить здѣсь не спѣша или будутъ стрѣлять по насъ, если мы вздумаемъ выйти. Не высовывайте такъ головы за балюстраду, *мосью*! Они готовы пустить въ васъ пулю, подъ предлогомъ, что у васъ голова *extra muros* (за стѣною).

Тарталья совершенно упалъ духомъ; тѣмъ болѣе, что капуцинъ, чтобы образумиться отъ испуга, съѣлъ обильные остатки моего ужина. — *Ogni Santi!* вскричалъ Тарталья, вырывая изъ рукъ его блюдо; — славнымъ товарищемъ надѣлилъ насъ Господь! Тутъ не поможетъ ни мой поварской талантъ, ни моя находчивость: что намъ дѣлать, *мосью*, съ этимъ капуциномъ, который жретъ за шестерыхъ, съ этимъ страусовымъ желудкомъ, съ этою пѣвкою, которая готова сосать нашу кровь, когда мы будемъ спать? убирайся къ чорту, любезный *saracino!* прибавилъ онъ поитальянски. Я не берусь для тебя стряпать; ты можешь самъ парить для себя траву, что растетъ на дворѣ; это не дурно для человѣка, котораго званіе требуетъ умерщвленія плоти. Но только дотронуся до нашихъ припасовъ, я тебя, любезный, самого вздѣну на вертелъ, несмотря, что ты такой сухопарый и вовсе не аппетитный.

Бѣдный капуцинъ упалъ на колѣни, прося пощады; онъ плакалъ какъ ребенокъ.

— Успокойтесь, братъ Кипріянь, сказалъ я ему, — и ты не слишкомъ отчаявайся, любезный Тарталья. Положеніе наше совсѣмъ не такъ плохо, какъ ты думаешь. Впервыхъ, да будетъ вамъ извѣстно, что какъ только у насъ окажется недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и всякое покушеніе къ бѣгству будетъ

признано невозможнымъ, я не заставляю васъ страдать бесполезно ни одной минуты. Я выйду съдаться имъ за стѣною замка, и васъ тотчасъ освободятъ.

— Я на это никогда не соглашусь, *мосью*! вскричалъ Тарталья съ геройскимъ изступленіемъ. — Мы будемъ держаться здѣсь, хотя бы намъ пришлось ѣсть сырые корни, пока у насъ достанетъ силы разжевать ихъ.

— Благодарствуй, мой добрый Тарталья, но это мое дѣло. Какъ только жизнь ваша будетъ въ опасности, я уже не буду связанъ клятвой, данною Даніеллѣ.

— Я разрѣшаю васъ отъ этой клятвы, пробормоталъ капуцинъ въ умиленіи. — Разрѣшаю вамъ всякое клятвопреступленіе и всѣ грѣхи ваши.

— Каковъ этотъ трусишка, этотъ эгоистъ? возразилъ Тарталья съ презрѣніемъ. — Я вовсе не забочусь о его шкурѣ! но знайте, *мосью*, что, жертвуя собою, вы меня никакъ не спасете. Вы сами слышали, что меня обвиняютъ въ измѣнѣ... тѣ, которые считаютъ меня своимъ сообщникомъ, чтобы преслѣдовать и угрожать вамъ выйти отсюда! теперь мои дѣла не краше вашихъ, и я лучше хочу высохнуть какъ камень зѣвшихъ развалинъ, чѣмъ имѣть дѣло съ святымъ судилищемъ. Мнѣ тюрьма не первинка; я знаю, каково въ ней! Выбросьте себѣ изъ головы это бесполезное великодушіе. Что касается до этого монаха, то я надѣюсь, что вы не вздумаете подвергать себя и меня опасности изъ того, чтобы онъ не проголодался и не истощалъ.

— Славаясь, я не подвергаю тебя никакой опасности; ты можешь остаться; но я не допущу страдать бѣднаго человѣка, который пришелъ сюда...

— Чтобы съѣсть нашъ ужинъ! Онъ только о томъ и заботился!

— Нужды нѣтъ; онъ дядя моей милой Даніеллы, братъ доброй Маріуччіи, и кромѣ того онъ человѣкъ!

— Вотъ ужъ вовсе нѣтъ! вскричалъ Тарталья, забывая свое мнимое уваженіе къ духовнымъ особамъ. — Развѣ капуцинъ человѣкъ? Нѣтъ! ужъ я не допущу, чтобы вы сдались для спасенія этого тунеядца, я лучше избавлю васъ отъ него, спровадивъ его отоюда, какимъ путемъ придется!

Эти угрозы до того напугали капуцина, что онъ сидѣлъ на

ступѣ какъ окаменѣлый. Я заставилъ Тарталью молчать, просилъ монаха успокоиться и положиться на меня. Онъ слушалъ меня, какъ казалось, не понимая. Въ немъ уже истощились способности волноваться и разсуждать. Къ тому же онъ такъ накушался макаронъ, въ счетъ будущаго голода, что чувствовалъ одну тяжесть пищеваженія, засыпая за столомъ. Я отвелъ его на солому, уступивъ ему мое шерстяное одѣяло, но онъ и не поблагодарилъ меня за эту жертву.

Когда я возвратился, Тарталья былъ уже спокойнѣе. — Ну, *мосью*, сказалъ онъ мнѣ, давайте-ка пообдумаемъ наше положеніе. Когда человѣкъ въ бѣдѣ думаетъ, онъ всегда хоть немного утѣшится. Невозможно, чтобы Даниелла, зная какъ стерегутъ...

— Меня болѣе всего тревожитъ ея безпокойство! Она готова встать, поѣхать въ Римъ...

— Нѣтъ, ей нельзя этого сдѣлать! брать тамъ, и не допустить ее до этого. Къ тому же, если Оливія увидитъ, что ей опасно сказать, въ какомъ мы положеніи, она скроетъ это отъ нея; зато и Оливія и Маріуччія не будутъ сидѣть, сложа руки. И та, и другая могутъ съѣздить въ Римъ. Можетъ-быть, что и лордъ Б... возвратился изъ Флоренціи. Кардиналъ, узнавши, какъ перетолковали его запрещеніе, велитъ солдатамъ очистить паркъ и сады. Это продлится не болѣе, какъ нѣсколько дней, и все дѣло въ томъ, чтобы потерпѣть это время на скудной пищѣ.

— А развѣ у насъ есть припасы на нѣсколько дней?

— Разумѣется. У насъ есть ручные кролики, ихъ четверо, а вдвоемъ можно прожить день однимъ кроликомъ.

— Но насъ трое!

— Капуцинъ будетъ глотать кости; у него славные зубы, какъ у акулы! Кромѣ того у насъ есть коза!

— Бѣдная коза! Не лучше ли ее оставить; она даетъ молоко, а молокомъ можно жить.

— Правда; козу оставимъ. Корму для нея есть вдоволь. Въ эту пору года, то, что она выцпиляетъ съ одной стороны, подрастетъ съ другой. Только не надобно пускать ее въ цвѣтникъ, гдѣ она истребляетъ корни, которыми, кажется, можно бы питаться, въ случаѣ нужды.

— Точно, я видѣлъ тамъ дикую спаржу. Мы запретимъ ей входить въ цвѣтникъ.

— А что вы скажете, *мосью*, еслибы вамъ подали иногда вертѣль, унизанный жареными воробьями?

— Да, это иногда дѣло не худое.

— Этакъ, знаете, съ ломтикомъ свиного сала на обертку. Я догадался принести порядочный кусокъ сала, который намъ на долго станетъ. Притомъ мы можемъ ловить и дикихъ кроликовъ силками, какъ я говорилъ жандарму, а здѣсь ихъ всѣхъ и не переловишь.

— Я не видалъ ни одного, но за то здѣсь водятся славныя крысы.

— Нѣтъ, *мосью*! прежде чѣмъ дойдемъ до этого, мы переведемъ всѣхъ птицъ небесныхъ.

— Но какъ же мы добудемъ ихъ? у насъ нѣтъ ни ружья, ни пороху.

— Мы подѣлаемъ себѣ луки да стрѣлы, *мосью*! я мастеръ стрѣлять изъ лука; да и изъ пращи не положу на руку охулки.

— Я думаю кое о чемъ повѣрите, сказалъ я ему:—мы будемъ дѣлать шпинать изъ крапивы; я гдѣ-то читалъ, что это совершенно одно и то же.

Тарталья наморщился. — Быть-можетъ, сказалъ онъ, — но кажется, что я уступаю мою часть этого блюда капуцину.

Вы видите, что мы не скучали. Я помогалъ моему товарищу придумывать вкусныя блюда, видя, что это его главная забота. Самъ я заботился о томъ, чтобы какъ-нибудь выпустить изъ замка монаха, и черезъ него дать знать Даниелѣ, что я съ терпѣніемъ переносу свою участь, и что припасовъ нашихъ станетъ на долго.

— Послушай, сказалъ я Тартальѣ, — это дѣло покончено; мы съ недѣлю можемъ жить не голодая. Но зачѣмъ намъ сидѣть сложа руки? не поищемъ ли мы подземнаго выхода, который, безъ сомнѣнія нѣкогда существовалъ и вѣроятно до сихъ поръ существуетъ?

— Но дѣло въ томъ, отвѣчалъ онъ вздыхая, — существовалъ ли онъ когда-нибудь?

— Вѣдь былъ же изъ этихъ кухонъ, куда ты пытался про-

браться? Въ нихъ входили изъ замка, а выходили садомъ, внизу *terrazzone*.

— Я понимаю васъ, сказалъ Тарталя, дѣятельный умъ котораго сейчасъ пробуждается, какъ только затронешь его смѣтливость.—Если бы намъ удалось найти выходъ изъ кухни, которую мы называли *befana*, мы пришли бы къ самому основанію *terrazzone*, между тѣмъ какъ жандармы стерегутъ насъ наверху, и мы тотчасъ бы вошли въ чащу олеандровой рощи, а изъ нея въ кипарисовую аллею, а тамъ на дворъ фелипоновской мызы, и Фелипоне, безъ сомнѣнія, пропустилъ бы насъ. Онъ славный человѣкъ; я его знаю.

— Ну?

— Ну, мы прошли бы черезъ кухню, еслибы тамъ былъ выходъ. Но этотъ выходъ покуда неизвѣстенъ, *мосью*. Этотъ выходъ долженъ-быть подземный, потому что я не слышу окликовъ часовыхъ внизу у большаго глухаго контръ-эскарпа *terrazzone*; это доказываетъ, что побѣгъ съ этой стороны почитаютъ невозможнымъ, и потому часовыхъ тамъ не поставили.

— Тѣмъ болѣе должны мы направить наши усилія на эту сторону. Стѣну пробить всегда можно, будь она въ десять футовъ толщиною. А можетъ-быть и выходъ отыщемъ; я также какъ ты надѣюсь на это.

— Также какъ я? Я не слишкомъ на это надѣюсь, хотя и слыхалъ, что выходъ былъ. Но вы забыли, *мосью*, что мудрость не столько въ томъ, чтобы выйти изъ этой знаменитой *befana*, сколько въ томъ, чтобы войти въ нее!

— Что жъ, а подвалъ въ *pianto*? а твоя початая полоса рѣшетки? а твоя англійская пила, которая всегда при тебѣ? а наши руки, готовая работать?

— А камни, что разсѣдаются, *мосью*? А трещины, что увеличиваются, какъ только пошатнуть рѣшетку?

— Велика важность! мы подопремъ чѣмъ-нибудь.

— Мы подопремъ зданіе въ сто футовъ вышиною? мы, вдвоемъ съ вами?

— Да, нѣсколькихъ кирпичей, смышлено подставленныхъ, достаточно, чтобы не дать обрушиться куполу Св. Петра. Теперь только девять часовъ; вотъ поднялся вѣтеръ; онъ заглушитъ шумъ нашей работы. Это рѣдко случается, съ нѣкотораго вре-

мени, и этимъ обстоятельствомъ, надобно воспользоваться. Мы сегодня не ужинали, слѣдовательно расположены къ работѣ; мы въ прекрасномъ настроеніи духа. Неужели намъ ждать, пока не станетъ голодъ, тоска, уныніе?..

— Пойдемъ, пойдемъ, *мосью*, вскричалъ Тарталья вставая, — и пойдемъ, съ охотой, весело, по-французски!

Но взявшись за свѣчу, онъ остановился.

— Не лучше ли пораньше лечь и сберечь свѣчу? Свѣчь намъ надолго не станетъ, а здѣсь безъ свѣчь и непріятно, и неудобно, и опасно.

— Свѣчь у насъ также на недѣлю станетъ; теперь дѣло въ томъ, какъ бы отсюда выбраться.

Когда Тарталья показалъ мнѣ подпиленную рѣшетку, я съ горестью увидѣлъ, что вынувъ эту рѣшетку, мы непременно обрушили бы перемычку окна; а какъ знать, гдѣ остановилось бы это разрушеніе, въ зданіи, болѣе пятидесяти лѣтъ оставленномъ въ запустѣніи?

Однако, разсмотрѣвъ внимательнѣе, я убѣдился, что, поставивъ груды кирпичей подъ средину перемычки и подперевъ нижнія ея части двумя каменными шарами, которые когда-то служили украшеніемъ, а теперь валялись въ терновникѣ, можно было вынуть рѣшетку безъ опасности и пролѣзть въ оставшееся отверстіе слуховаго окна.

Принявъ всѣ мѣры предосторожности и собравъ нужные матеріалы, мы приступили къ работѣ. Плеяды были у насъ надъ самою головой, то-есть было около полуночи, когда мы вынули безъ несчастнаго случая обѣ перекладыны рѣшетки, и предъ нами открылось отверстіе, въ которое мы могли пролѣзть. Но мы устали, намъ было жарко, и Тарталья не рѣшался пуститься на приключеніе. Онъ чувствовалъ головокруженіе; ему казалось, что земля колебалась у него подъ ногами, и онъ упросилъ меня подождать до завтра. — Если до завтрашняго утра ничего не обрушится, я клянусь вамъ, сказалъ онъ, — что буду веселъ какъ дроздъ и спущусь туда, насвистывая качучу.

Я уступилъ его просьбѣ, и черезъ часъ мы уже спали, несмотря на переключку часовыхъ вокругъ нашихъ стѣнъ и на бивачные огни, которые бросали красный отблескъ на камни террасы казино.

XXVII.

22 апрѣля. Мондрагоне.

Вчера утромъ, мы вилотную позавтракали; несмотря на мои совѣты быть умѣреннымъ и благоразумнымъ, Тарталья страстно любить кухню. Приготовить хорошее блюдо и сѣсть свою долю, для него первостепенное наслажденіе, умственное и физическое. Онъ очень расположенъ къ хозяйственнымъ занятіямъ, и его любимая мечта быть дворецкимъ въ богатомъ домѣ. Въ ожиданіи этого благополучія, онъ очень радъ распорядиться въ развалинахъ Мондрагоне мнимой прислугой и отдавать приказанія въ видахъ пользы и удовольствія своихъ господъ. Мнѣ кажется, что у него бываютъ минуты, когда онъ почитаетъ меня за тѣнь стариннаго папы, потому что жаждетъ моего одобренія съ наивнымъ усердіемъ, и я вынужденъ осыпать его похвалами, казаться тронутымъ его стараніями; иначе онъ печалится и приходитъ въ уныніе.

Кажется также, что, съ своей стороны, онъ играетъ свою комическую роль въ намѣреніи развеселить меня. Впрочемъ, это, можетъ-быть, укоренившаяся привычка выставять себя на видъ паясничаньемъ. Сегодня утромъ я засталъ его въ цвѣтникъ съ капуциномъ, которому онъ подвязалъ грязную тряпку, въ видъ кухоннаго фартука, и заставилъ его копать полевою спаржу. Онъ далъ ему прозвище, называя его уже не братомъ Кипріаномъ, а *carcioffo* (артишокъ). Здѣсь нѣтъ монаха, говорилъ онъ, здѣсь чумичка; чтобы чистить зелень, щипать птицу, подъ распоряженіемъ кухмистра Тартальи; а если *carcioffo* не будетъ работать, *карчоффи* не дадутъ ѣсть.

— Ты забылъ объ одномъ, сказалъ я ему;—у насъ нѣтъ ни зелени, ни птицы.

— Вы ошибаетесь, эччелленца. Вотъ спаржа—не велика, но зато какая сочная. Чтѣ же касается до птицы... посмотрите! Онъ указалъ мнѣ на убитую курицу въ его корзинѣ.

— Такъ ты выходилъ?

— Увы! ни шагу! я пытался, но только-что я ихъ позвалъ

черезъ калитку, какъ вчера они отвѣчали грубымъ, безсмысленнымъ словомъ: «*младсь*»; я отвѣтилъ: *или* и захопнулъ калитку, а они расхохотались.

— Они смѣялись? это добрый знакъ для тебя; можетъ-быть, они и умиловятся надъ тобою?

— Нѣтъ, *мосью!* итальянецъ всегда смѣется, но это не смягчаетъ его.

— Но откуда ты взялъ курицу?

— Мнѣ дали ее они; жандармы дали мнѣ ее, *мосью*.

— Вотъ еще! такъ они согласны доставлять намъ припасы? а въ такомъ случаѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ; они ничего намъ доставлять не будутъ; но такъ они глупы; но они все-таки, на повѣру, и не очень умны. Эта бѣдная курица подошла, Богъ знаетъ откуда, къ ихъ овсу, а они хотѣли поймать, но только что напугали ее; а какъ у ней есть крылья, и она хотъ кое-какъ летаетъ, то вотъ она и прилетѣла на нашу стѣну, да и усѣлась тамъ; а я ее камнемъ, она и упала къ моимъ ногамъ. А вѣдь ловко потрафилъ, *мосью!*

— Да, нечего сказать.

— Но она упала не отъ удара камнемъ, замѣтилъ капуцинъ, —она летѣла возлѣ меня, и я помогъ вамъ поймать ее и свернуть ей шею.

— Молчите, *carcioffo*, прервалъ его Тарталья, —вы никогда не должны перечить своему начальнику!

Видя, что капуцинъ смѣется и позволяетъ Тартальѣ подшучивать надъ нимъ, лишь бы тотъ кормилъ его, я счелъ долгомъ не вмѣшиваться въ ихъ отношенія. Я однако же, не подавая вида, наблюдалъ за ними, съ тѣмъ чтобы заступиться за бѣднаго монаха, если нашъ хитрецъ слишкомъ будетъ нападать на него. Но я скоро убѣдился, что Тарталья, при всѣхъ недостаткахъ и порокахъ цыгана, добръ по природѣ и даже великодушенъ. Осыпая монаха угрозами и насмѣшками, онъ заботился о немъ. Капуцину было это на руку; еслибъ онъ былъ оставленъ собственному произволу, онъ совершенно оглупѣлъ бы отъ страха и своего печальнаго положенія.

Послѣ завтрака я замѣтилъ, что Тарталья, старательно убиравалъ какіе-то свертки. Это былъ запасъ вермишели и *capellini*, другого тѣста того же рода; все это онъ принесъ третьяго дня утромъ и не хотѣлъ мнѣ показать, сколько у насъ было этого припаса. — Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ, прикрывая мѣшечки своимъ фартукомъ; —вы готовы давать этого капуцину сколько онъ поже-

дасть, а его не накормили. Онъ будетъ есть съ нами, да если
его не обидимъ, такъ и нечего в немъ искать. —

— Пусть такъ будетъ. Но пора бы на работу въ ринго; что же,
идешь ты? —

— Пойдемъ! но прежде уберемъ все изъ запретъ казино. —

Мы оставили капуцина на молитвѣ и возвратились къ нашему
слуховому окну, захвативъ съ собою веревку и двѣ свѣчи.

Все обстояло благополучно. Маленькій сводъ не осыпался: ни
одна изъ частей здания не осыпалась. Мы безъ труда спустились въ под-
валъ, взобрались на груду обломковъ, которыми завалена арка, и
въ часъ времени прочистили въ нихъ для себя проходъ. Тарталья
болѣе говорить, чѣмъ работаетъ. Работа пионера не по швамъ; но
онъ поощряетъ меня своею бодростью, которая начинается очень
забавлять меня.

Аркада кажется мнѣ весьма важнымъ открытіемъ. Она выхо-
дитъ на галерею, которая идетъ полукругомъ, и въ которой, по
видимому, былъ устроенъ водопроводъ для кухни — цѣли нашихъ
поисковъ.

Галерея эта имѣетъ футовъ пять въ ширину, и отъ пятнад-
цати до двадцати въ вышину. Это — прекрасное сооруженіе;
сводъ до сихъ поръ хорошо сохранился. Слѣды отстоя, по бокамъ,
доказываютъ, что здѣсь была нѣкогда вода. Судя однакоже по
высотѣ свода, можно подумать, что галерея эта построена для
проѣзда конныхъ ланцекнехтовъ.

Мы шли, со свѣчами въ рукахъ, минутъ пять, и если я не
ошибаюсь, были уже подъ *terrazzone*, слѣдуя полукруглому
направленію этой террасы. Никакой звукъ не достигалъ до насъ.

Мы уже торжествовали, какъ вдругъ путь намъ былъ пре-
сѣченъ обваломъ, который, по видимому, случился за много лѣтъ
передъ тѣмъ. Сводъ провалился. Вода, просачиваясь съ *terraz-
zone*, была, вѣроятно, тому причиной. На землѣ была лужа,
куда вода падала капля за каплей.

— А можетъ-быть это отъ землетрясенія? сказалъ Тарталья.

— Что намъ доискиваться причины! отвѣчалъ я: — посмот-
римъ, удастся ли намъ преодолѣть это препятствіе.

Я возвратился, считая шаги свои; соображался съ напра-
вленіемъ галереи; выслушивалъ воспоминанія и замѣчанія
моего товарища о формѣ и протяженіи *terrazzone*. Не было
сомнѣнія, что мы находимся тогда у центрального наружнаго
фасада. Сводъ надъ головами нашими поддерживалъ громадную и
великолѣпную балюстраду, окружающую всѣмъ террасу.

Двери, выходы, какое-нибудь отверстие непременно было здесь, под этими горами. Надо было пробраться сквозь них.

— Мы пройдемъ здѣсь, сказалъ я Тарталь, — мы должны непременно пройти здѣсь. Мы старательно осмотримъ положеніе обломковъ, не тронемъ тѣхъ, которые охраняютъ васъ отъ дальнѣйшаго разрушенія свода; скопаемъ камни по камню и пророемъ въ мусорѣ корридоръ, удобный для прохода.

— Это во-первыхъ опасно, замѣтилъ онъ, качая головою, — вторыхъ можетъ продлиться болѣе мѣсяца.

— Но быть-можетъ эта работа не будетъ ни продолжительна, ни опасна, какъ знать это?

— Точно такъ же, какъ то, что и наша блокада можетъ не продлиться и не подвергнуть насъ опасности, если мы подождемъ конца, не тратя силъ и не рискуя собою.

— Но блокада можетъ также быть и продолжительна и опасна, если мы будемъ ждать конца, какъ у моря погоды.

— Вы правы, лосью. О! я люблю людей, которые здраво судятъ. Кромѣ того въ васъ есть и довѣріе къ усилку и отвага, которыя мнѣ нравятся... Чувствую, что съ вами я могъ бы сдѣлать многое, на что никогда не отважусь одинъ. Съ вами я готовъ сойти въ кратеръ волкана, даже въ преисподнюю.

Мы возвратились за орудіями, то-есть за тѣми, которыя мы надѣялись сдѣлать съ помощію инструментовъ, оставленныхъ въ замкѣ плотниками. Какъ эти инструменты были брошены за негодностію, то сначала они были не очень намъ полезны; но мы нашли огромный ломъ и еще довольно цѣлый заступъ и съ сегодняшняго утра работа наша идетъ лучше. Въ продолженіе дня мы прокопали траншею въ три фута.

Въ часы отдыха мы наблюдаемъ за часовыми; они, кажется, порядкомъ скучаютъ стережъ эти развалины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ угрожающія паденіемъ. Тарталь придумалъ спихивать внизъ, время отъ времени, камни, чтобъ ихъ тревожить. Но это опасная игра; они стали подозрѣвать, и офицеръ приказалъ стрѣлять въ первую брешь, которая въ стѣнахъ откроется.

Наблюдая за этими жандармами, я вижу, что они гораздо хитрее нашихъ. Они не даромъ Итальянцы! Я думаю, что они не неподкупны, но со мною нѣтъ столько денегъ, чтобы подкупить ихъ, еслибъ я и могъ завязать съ ними сношенія; до сихъ поръ это невозможно, по причинѣ строгаго надзора ихъ командировъ.

Я не скучаю и не унываю. Еслибы не печаль, которую я

чувствую, при мысли, какъ должна тосковать Даниѣла, и по грусть, овладѣвающая мною, когда подумаю, какъ мало длилось мое счастье, я не сѣтовалъ бы на теперешнюю странную жизнь мою. Тарталья смѣшилъ меня, противъ моей воли, а капюцинъ, кажется, безъ усилія привыкаетъ къ роли *carcioffo*. Съ четками на рукѣ, на колѣняхъ предъ мадонною, что на портикѣ, онъ спитъ все время, пока мы работаемъ. Предусмотрительность не бичуетъ его воображенія, и покада ему будетъ что положить на зубы, онъ сохранить улыбку блаженного кретинизма. . .

Я писалъ къ вамъ эти строки, между тѣмъ какъ Тарталья накрывалъ на столъ. Вдругъ Тарталья крикнулъ мнѣ сдержаннымъ голосомъ:—*Мосью, мосью!* поглядите, поглядите. Какъ объяснить это? не во свѣ ли я вижу это? посмотрите туда, на верхи этихъ большихъ кларнетовъ на *terrazzone!*

Я поднялъ голову и увидѣлъ, что уродливыя рожи на верхушкахъ огромныхъ трубъ отдѣлялись черными пятнами на красноватомъ фонѣ, между тѣмъ какъ изъ ихъ открытыхъ пастей вырывались клубы дыма.

— Все пропало, бѣдный Тарталья! вскричалъ я—Жандармы нашли входъ въ знаменитую кухню, расположились, и устроили тамъ свою страпню.

— Нѣтъ, нѣтъ *мосью!* посмотрите, они такъ же удивляются, какъ и мы! они такъ же смотрятъ и переговариваются между собою, думая, вѣрно, что мы подожгли замокъ. Да какъ же зажечь эти подвалы, спрашиваю я васъ? Экіе дураки! Но вотъ они въ тревогѣ, пуще насъ, потому что не смѣютъ оставаться на террасѣ.

Въ самомъ дѣлѣ ужасъ овладѣлъ нашими сторожами, такъ что офицеры едва могли успокоить ихъ.—Обстоятельство это стоить вниманія, сказалъ я Тартальѣ:—какъ объясняешь ты себѣ это?

— Никакъ не объясняю, сказалъ онъ крестясь. —Мнѣ давно говорили, что бѣсъ возвращается сюда и что тогда на кухнѣ горитъ огонь, какъ во времена лукулловскихъ пировъ, что давали здѣсь папы! Но я не вѣрилъ и никогда не повѣрилъ бы этому. Я теперь, признаюсь вамъ, каюсь въ своихъ прегрѣшеніяхъ и поручаю душу свою Господу.

ДАНИЕЛА

РОМАНЪ ЖОРЖЪ-САНДА

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

XXVIII.

Мондрагоне...

Все еще не выставляю чиселъ на моихъ запискахъ, прежде чѣмъ не опишу цѣлаго ряда приключеній, которыя предстоитъ мнѣ разказать вамъ: пишу, когда и какъ случится. Но я все-таки продолжаю дѣлать мои записки на главы; это служить мнѣ къ точнѣйшему опредѣленію тѣхъ минутъ, которыя я посвящаю вамъ. Вамъ извѣстно, что я человѣкъ аккуратный; качества этого я не теряю и теперь посреди моей тревожной жизни.

Я оставилъ васъ можетъ-быть погруженными въ догадки объ этомъ фантастическомъ дымѣ, который вылеталъ изъ длинныхъ трубъ большой террасы. Я не зналъ, какъ объяснить это явленіе, но нисколько не раздѣлялъ ужаса Тартальи. Напротивъ, это необъяснимое обстоятельство внушало мнѣ какую-то смутную надежду. Я даже расхохотался, услышавъ, какъ мой Скапентъ, посреди своихъ молитвъ, въ которыхъ поручалъ Богу свою бедную грѣшную душу, вдругъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Ахъ,

Боже мой, какъ запахло жаркимъ!» Потомъ принялся учитьвать прежнимъ жалкимъ тономъ: «Помилуй меня, Господи! Поставлю двѣнадцать свѣчъ моему святому патрону, если Ты спасешь меня отъ этого дьявольскаго навожденія... А вѣдь очень хорошо пахнетъ, пахнетъ кухнею... Я цѣлые двое сутокъ ничего не ѣлъ, и теперь готовъ проглотить самое черное!»

— Да! ты правду говоришь! вскричалъ, пораженный вѣрностью его замѣчанія: — точно кухнею пахнетъ.

— Да еще какою кухнею-то, *мосью*! Здѣсь намъ такъ и бьетъ въ носъ, въ упоръ, а карабинеры эти тамъ внизу ничего не чувствуютъ! Объ закладъ побьюсь, что имъ кажется, будто порохо́мъ пахнетъ! Они думаютъ, что мы подложили подъ террасу поро́ху, и сейчасъ взорвемъ ее!

— Право? Если такъ, то нельзя ли какъ-нибудь воспользо-ваться смущеніемъ солдатъ, чтобы улизнуть отсюда? Ну-ка, посмотри хорошенько, у тебя вѣдь рысьи глаза, такъ ли они отсюда далеко, чтобы намъ можно было спуститься по веревкѣ?

— Нѣтъ, нельзя, *мосью*; они и направо и налево, въ самыхъ аллеяхъ, которыя подходятъ къ *terrazzone*; они увидятъ насъ, какъ вотъ я теперь васъ вижу; мѣсяцъ отлично свѣтитъ!

— Ну что жъ, пусть себѣ стрѣляютъ въ насъ: не попадутъ! Терраса велика.

— Да ужъ такъ-то велика, что я никакъ не вздумаю переходить ее ни вдоль, ни поперекъ подъ ихъ выстрѣлами! Да что жъ и дѣлать-то мы будемъ, когда достигнемъ балюстрады? Опять спускаться по веревкѣ? Да когда тутъ привязывать ее? Да и къ чему привязывать? Пери́лы-то совсѣмъ не держатся! А развѣ вы думаете, что въ кипарисовой аллеѣ нѣтъ солдатъ?

— Какая аллея! Стои́тъ только спуститься съ эспланады, а тамъ ужъ будетъ куда бѣжать и гдѣ скрыться: передъ нами цѣлая ми́ля садовъ и парковъ, пропасть деревьевъ, развалины и всякихъ трущобъ,

— Ай, ай, ай, *мосью*, какъ запахло рыбой!

— Да. Но что намъ за дѣло до этой дьявольской кухни? Бѣжать надо.

— Нѣтъ, ужъ поздно, *мосью*! Вонъ ужъ карабинеры опять на тѣхъ же мѣстахъ, и дымъ ужъ сталъ меньше. Монсиньйоръ Люциферъ сѣлъ теперь кушать, а мы сиди-посиди здѣсь, въ тюрьмѣ.

Мы приглядывались несколько минут къ нашимъ сторожамъ, и видѣли, какъ офицеры крѣпо шагали по большой террасѣ; стараясь снова завлечь ее солдатами; потому видно было, что они мирно съ мыслию, не достаточно ли поставить часовыхъ только на концахъ террасы, чтобы стеречь это пустое пространство.

Они боятся, оказалъ Тарталя: — стоять только намъ про-
извести внизу какой-нибудь шумъ, похожій на подземный взрывъ,
какъ они всѣ разбѣгутся; я увѣренъ, у нихъ теперь только и
на умѣ, что подкопы да взрывы.

А у меня такъ другое на умѣ, поумиѣ, *мосью*, возразилъ
Тарталя, выходя изъ своего размырденія. — Послушайте-ка...

— Ну-ка, что?

— Вѣдь мы здѣсь не одни спрятались... Или вы еще не увѣ-
рены въ этомъ?

— Не менѣе твоего; но въ чемъ же дѣло?

А вотъ въ чемъ, *мосью*: люди, которые такъ славно тамъ
страпаютъ подъ *terrazzone*, не боятся замѣнить себя дымомъ, и
безъ всякой жалости возбуждаютъ нашъ аппетитъ...

— Постой! прервалъ я его: — слышишь? Или скажешь, что
мнѣ и теперь почудились звуки фортепіано?

— Слышу, *мосью*, очень слышу; я не глухъ. Славное форте-
піано! отличная музыка!.. Э! да это изъ «Нормы»! Ахъ, еслибъ
была теперь моя арфа, вы бы услышали премиленькій дуэтъ;
мосью!

Мы нѣсколько минутъ прислушивались къ этой фантастиче-
ской музыкѣ, хотъ и не такой отличной, какъ отозвался о ней
Тарталя, но которая, при всѣхъ нашихъ тревогахъ, возбудила
въ насъ чувство безумной веселости, какъ это часто бываетъ во
снѣ, при самыхъ непріятныхъ грезахъ. Мы удивлялись также
тому, что солдаты оставались совершенно равнодушны при этой
новой странности. Очевидно было, что они не слыхали музыки;
и что полныя колонны *terrazzone*, будто акустическія трубы, до-
носили къ намъ эти таинственные звуки, которые тотчасъ же
тарались въ верхнихъ слояхъ воздуха и были неслышны для на-
шихъ сторожей, находившихся сотнею футовъ ниже насъ.

— Такъ вотъ какъ! замѣтилъ Тарталя: — они живутъ тамъ,
внизу, *другіе-то*! У нихъ тамъ прекрасные покои, кушаютъ они

славно, да еще отличная музыка за десертомъ! И они не воображаютъ, что надъ головами у нихъ стоятъ карабинеры!

— Что они воображаютъ; мы не знаемъ, а знаемъ, что сію минуту карабинеры не воображали, что подъ ними живутъ люди.

— Это точно! То-то они такъ и испугались этого дыма. Стало-быть точно, какъ я догадывалъ, *мосью*, у насъ есть тамъ товарищи по заключенію; только какъ они вошли сюда?

— Видно, есть какой-нибудь выходъ, неизвѣстный карабинерамъ.

— Отвѣчаю вамъ, что и полиціи этотъ выходъ не извѣстенъ.

— А также и Даниѣлъ и Оливіи: онѣ бы мнѣ сказали, еслибъ знали.

— Онѣ стало-быть не знаютъ, что здѣсь есть еще другіе заключенники, а то бы и объ этомъ намъ сказали.

— Ну, такъ что же?

— А то же!.. Да еслибъ былъ выходъ изъ этого чертовскаго замка подъ большою террасой, то эти господа постарались бы убраться отсюда поскорѣе, а не сидѣли бы тамъ, да не купали бы, да не разучивали бы «Норму» Белини.

— Я то же думаю; имъ должно быть еще хуже, чѣмъ намъ.

— Это очень занимаетъ меня, продолжалъ Тарталья, покачивая головою: — вы слышали, какъ отворяли и затворяли двери. Между нами и этими господами есть какое-нибудь сообщеніе, получше этой проклятой галлерей, которая насъ завалитъ, если мы все еще будемъ копать въ ней. Мы не тамъ искали, *мосью*!

— Поищемъ еще.

— Я то же хотѣлъ сказать.

— Возьмемъ-ка наши инструменты, и зажги фонарь.

— Да, что за чортъ! покушайте прежде, *мосью*.

— Нѣтъ, мы пообѣдаемъ послѣ, надобно дѣйствовать по вдохновенію, пока оно еще не прошло. Почему-то я увѣренъ, что мы будемъ имѣть успѣхъ, убѣдившись теперь, что въ замкѣ есть еще *другіе*.

— Дайте мнѣ взять побольше зажигательныхъ спичекъ, *мосью*; я храбръ, когда свѣтло.

— Пойдемъ черезъ мою мастерскую; тамъ найдемъ все, что нужно.

Мы вошли въ старую танскую капеллу, — которую я позволяю себѣ называть безъ церемоніи своею мастерскою, — чтобы тамъ записать всѣмъ нужнымъ. На глаза мнѣ бросилась начатая мною картина, которою, замѣчу въ скобкахъ, я не совсѣмъ не доволенъ, и мнѣ пришла въ голову мысль, что какой-нибудь новый случай помѣшаетъ мнѣ докончить ее, также какъ и альбомъ, въ которомъ я записываю для васъ мои приключенія. Какое-то дѣтское чувство привязанности къ этимъ двумъ вещамъ, которыя служили приправою моимъ радостямъ и развлеченіямъ въ минуты горя, овладѣло мною, и я вскарабкался по лѣстницѣ до одного углубленія въ стѣнѣ, которое было случайно открыто мною на этихъ дняхъ. Туда я спряталъ мою картинку и рукопись. Въ случаѣ если мнѣ придется вѣрнуть оставитъ замокъ, думаю я, можетъ-быть я найду ихъ здѣсь когда-нибудь.

— Что вы тутъ дѣлаете, мосью? сказалъ Тарталья съ безпокойствомъ: — нѣтъ ли ужъ у васъ какого предчувствія? вы меня совсѣмъ обезкуражили, а я было надѣялся на успѣхъ нашей экспедиціи.

Я еще былъ на лѣстницѣ, но не могъ ни спуститься съ нея, ни отвѣчать ему. Мы переглянулись оба съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ сомнѣнія и удивленія; намъ показалось, что кто-то слегка постучалъ въ дверь, находившуюся во глубинѣ капеллы.

Тарталья, не говоря ни слова, снялъ съ себя башмаки, подошелъ къ двери и приложилъ къ ней ухо. Въ нее тихо стукнули еще разъ.

Я далъ ему знакъ отворить дверь. Любопытство превозмогло во мнѣ надъ опасеніемъ. Тарталья испытывалъ противоположное побужденіе: онъ весьма энергически далъ мнѣ знакъ хранить молчаніе и наклонился поднять письмо, которое кто-то просунулъ подъ дверь.

Я схватилъ это посланіе и поспѣшно распечаталъ его. Въ немъ содержалось слѣдующее, на французскомъ языкѣ: «Князь Мондрагоне проситъ васъ сдѣлать ему честь отобѣдать и провести вечеръ у него. *Будетъ музыка.*» Письмо было адресовано такимъ образомъ: «Милостивому государю Жану Вальрегу, живописцу, въ его мастерской въ Мондрагоне.» Розовая атласная раздушенная бумажка была съ вырѣзными краями, съ краси-

нѣтъ барьеромъ, и украшена на углахъ раззолоченными и раскрашенными гербомъ.

Въ совершенномъ остолебеніи разсматривая я эту странный записку, между тѣмъ какъ Тарталя держалъ себя за бока, какъ бы не расхохотаться: пакъ это казалося ему забавно, и пакъ пріятна была мысль объ обѣдѣ! Но когда я хотѣлъ открыть двери подателю этого вѣжливаго приглашенія, Тарталя, возвратившись къ своему страху, сталъ мнѣ поперекъ дороги. — Нѣтъ! нѣтъ! оказалъ онъ тихонько: — это, можетъ-быть, ловушка; не лезайте въ нее, маось. Это что-то походить на ужинъ камача дара въ Донъ-Джованни!

— Стукнули въ третій разъ, значило, просить отъѣзда. Я оттолкнулъ Тарталя, громко упрекнувъ его за излишнюю подовирительность, и впустилъ грома, очень хорошо одѣтаго и съ смущающею наружностію.

— Кто это князь Мондрагоне? спросилъ я, заглядывая, вѣтъ ли, еще кого-нибудь за нимъ.

— Это мой господинъ, отвѣчалъ мальчикъ безъ запинки, удерживая, веселое, а, быть-можетъ, насмѣшливое, настроеніе подъ почтительнымъ видомъ хорошо дрессированнаго лака.

— Славный отвѣтъ, вскричалъ Тарталя: — много мы изъ него узнаемъ! Мнѣ извѣстно все итадіанское дворянство, и клянусь вамъ, маось, никогда не слыхалъ я о князь Мондрагоне!

— Чтѣ же прикажете отвѣчать князю? оказалъ грумъ, ни мало не смутившись.

Я счелъ должнымъ показать такое же хладнокровіе и принять эту фантазмагорію за самое обыкновенное дѣло. — Скажите вашему господину, что я очень охотно воспользовался бы его приглашеніемъ, еслибъ у меня былъ фракъ; но...

— О, это ничего сударь! дамъ не будетъ. Къ тому же извѣстно что вы путешествуете.

— Онъ думаетъ, что мы путешествуемъ, сказалъ Тарталя жалобнымъ голосомъ: — а меня-то приглашаютъ? Я не останусь одинъ.

— Я съ своей стороны приглашаю васъ, отвѣчалъ грумъ: — въ офиціантской также будетъ обѣдъ и вечеръ.

— Но... возразилъ Тарталя, передразнивая мой отвѣтъ, — у меня нѣтъ ливрея.

— Ничего! вы тоже путешествуете.

— Да бишь, путешествую! я и забылъ.

— А въ какомъ часу обѣда? спросилъ я.

— Сейчасъ, сударь; только васъ и ожидаютъ.

— А! такъ за мною стало дѣло? очень хорошо. А гдѣ живетъ князь?

— Подъ большою террасою, сударь.

— Знаю; но какъ дойти туда?

— Если вамъ будетъ угодно слѣдовать за мною, я сказалъ мальчикъ, поднимая маленькій глухой фонарь, который былъ поставленъ имъ у порога капеллы.

— А, моось! вскричалъ Тарталья, къ которому возвратилась его обычная веселость:— слѣдовало бы немножко почистить ваши пальто, да немножко завить вамъ волосы!.. Да вѣдь ктожи могъ ожидать этого?

Мы пошли за грумомъ, который повелъ насъ прямо въ *palais*; сошелъ съ лѣстницы, проникъ въ одинъ изъ погребовъ, которые я прежде осматривалъ, пробрался черезъ кучу обломковъ, вѣжливо свѣтя намъ фонаремъ, и предупреждая насъ о каждомъ препятствіи на пути, который повидимому былъ въ точности ему извѣстенъ. Наконецъ онъ скользнулъ въ узенькій проходъ и остановился передъ маленькою нишею, гдѣ и я прежде останавливался въ моихъ поискахъ. Тутъ онъ подавилъ пальцемъ какой-то гвоздикъ, и тѣмъ привелъ въ движеніе колокольчикъ, а самъ сталъ въ нишѣ и, снявъ учтиво шляпу, оказалъ намъ:—Извините, что я войду впередъ; я долженъ доложить объ васъ. Затѣмъ онъ медленно повернулся и исчезъ.

Это было нѣчто въ родѣ тѣхъ поворотныхъ поставцовъ, которые въ строгихъ монастыряхъ служатъ средствомъ для передачи приношеній снаружи. Этотъ поставецъ изъ цѣльнаго дерева, и покрытъ остаткомъ живописи, такъ что я не могъ отличить его отъ старой фрески, служащей ему рамою. Повертываясь на своемъ желѣзномъ стержнѣ, онъ издалъ тотъ самый глухой шумъ, который такъ встревожилъ меня прежде. Эта машина повинуется толчку, который сообщается ей сзади, гдѣ массивныя задвижки запираютъ ее, какъ бы настоящую дверь. Унесши изъ нашихъ глазъ грума и представивъ намъ свою выпуклую сторону, она потомъ повернулась опять своею вогнутою стороною: я помѣ-

отился туда и вдругъ очутился передъ человѣкомъ въ бѣлой курткѣ и фартукѣ; человѣкъ этотъ поцѣловалъ у меня руку и поспѣвши повернуть полуцилиндръ, въ которомъ появился въ свою очередь Тарталья, хлопая въ ладони и вскрикивая отъ удивленія. Онъ находился въ знаменитой громадной мондрагонской кухнѣ, въ этой кухнѣ его мечтаній, въ *бефань*! Опишу вамъ эту мѣстность, можетъ-быть, единственную въ мірѣ, особенно въ тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ она открылась моимъ взорамъ, и опишу такъ, какъ будто съ перваго же раза я отдалъ себѣ отчетъ во всѣхъ подробностяхъ, которыя лишь мало-помалу были мною осмотрѣны.

Это была зала со сводомъ, которая раздѣлялась на три части двумя рядами толстыхъ пиластровъ. Она походитъ на какую-нибудь подземную церковь, съ тремя нефами, и очень велика. Одна сторона немного какъ бы пошатнулась, но кажется подперта хорошо: это та самая сторона, которая примыкаетъ къ *пьянто*, и вѣроятно къ обвалившейся части галлерей, которую открыли мы съ Тартальей; потому что вода, которую мы тамъ видѣли, проникаетъ сюда и образуетъ въ этой части кухни прекрасный резервуаръ въ уровень съ помостомъ. Вода бѣжитъ по помосту, крутится между обломками развалинъ, и исчезаетъ въ темной расщелинѣ съ таинственнымъ шумомъ. Въ другомъ боковомъ нефѣ топились въ эту минуту двѣ изъ четырехъ громадныхъ печи, дымъ которыхъ проникалъ на терраску *казино*. Пріятный запахъ, которымъ наслаждался Тарталья, объяснялся здѣсь достаточными причинами. Кромѣ поваренка, принявшаго меня при входѣ, большой поваръ съ черною бородой, величавый будто самъ владыка преисподней, двигался медленно вокругъ печей, и надзиралъ за дюжиной кострюль, смотрѣвшихъ очень пріятно.

Не было ни двери, ни окна, ничего, что могло бы изобразить существованіе этой огромной кухни, которая достаточно нагрѣвалась и снабжалась воздухомъ посредствомъ своихъ большихъ нечей. Всѣ прежніе выходы были заложены деревянными брусками, которыхъ толщина равнялась глубинѣ амбразуръ; только въ центрѣ большой, средней части залы находилась широкая лѣстница, которая вела внизъ въ перистиль, замыкавшійся аркадою съ низкимъ сводомъ. Этотъ перистиль устланъ соломой, и четыре добрыя лошади были привязаны тамъ, точно въ ко-

изинтъ; но всего любопытнѣе въ этой резиденціи былъ конецъ центральной части, служившій помѣщеніемъ самому господину и устроенный слѣдующимъ образомъ:

Въ полуротондѣ, нѣсколько болѣе возвышенной надъ почвою чѣмъ остальная часть зданія, стояла большая, мраморная чаша, вѣроятно соответствующая наружному фонтану, находящемуся у подножія контрафорсовъ террасы. Изъ этой чаши съ перерывами била въ тростниковую трубочку струйка воды. Горшковъ двадцать съ цвѣтами окружали этотъ фонтанъ. То были довольно обыкновенные парниковые цвѣты и нѣсколько маленькихъ апельсиновыхъ деревьевъ; но слабый запахъ этихъ растений подавлялся испареніями растопленного жира и рыбы, варившейся на винѣ, — испареніями, такъ пріятно щекотавшими обоняніе Тартальи, и энергически наполнявшими атмосферу, въ которую мы были введены.

Впрочемъ, полуротонда, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, представляла видъ нѣкотораго комфорта, хитро завоеваннаго у печальнаго запустѣнія зданія. Холодные стѣны были обтянуты старыми коврами, футовъ на десять въ вышину. Полъ былъ устланъ рогожами, а подъ столомъ длинношерстными козьими шкурами. Большая софа, ветхость которой была прикрыта растянутыми по-сверхъ плащами, и четыре кресла, на которыхъ вмѣсто чахловъ набросаны были бѣлыя десертныя салфетки; довольно безобразное піанино, поставленное для предохраненія отъ сырости, на эстрадѣ, устроенной изъ некрашенныхъ досокъ; большая жаровня съ горящими угольями, которая прилекала бѣдный инструментъ съ одной стороны, между тѣмъ какъ съ другой онъ злѣлъ отъ сосѣдства фонтана, — обстоятельства, достаточно объяснявшія мнѣ, почему онъ казался мнѣ такъ фальшивъ; великолѣпный письменный столъ à la Pompadour съ наборомъ изъ розоваго дерева, до половины уже выпавшимъ, и съ позелѣвшіею мѣдною оправой; очень изящный туалетъ изъ дорожнаго несессера, разложенный на деревянномъ бѣломъ столѣ, который былъ покрытъ, вмѣсто салфетки, большимъ кашемировымъ *каш-не*; желѣзная кровать, покрытая стеганымъ одеяломъ изъ индѣйскаго ситца съ цвѣтами и огороженная старыми ширмами; гитара съ тремя только уцѣлѣвшими струнами; столъ, накрытый посерединѣ и установленный стариннымъ фаянсомъ, разрозненнымъ и выщербленнымъ,

но и въ этомъ видѣ еще очень дорогимъ; наконецъ, какъ предметъ роскоши и вкуса; маленькая миртовая бесѣдка, въ которой поставленъ *аморфо* изъ бѣлаго мрамора: таковы были обстановка и украшенія этой импровизированной комнаты. Все остальное служило вмѣстѣ кухней, прачешною, конюшней и помещеніемъ для слугъ, которыхъ постели, состоявшія изъ доски, связки соломѣ и плаща, были очень опротно расположены на колоссальныхъ базахъ пиластровъ.

Повторяю, вся эта опись составлена мною не вдругъ; потому что въ первую минуту, при переходѣ изъ темноты къ яркому свѣту факеловъ, освѣщавшихъ всю эту залу, и свѣтъ, блиставшихъ въ той части, гдѣ былъ накрытъ столъ, если я и видѣлъ что-нибудь, то рѣшительно ничего не могъ понять и сообразать, кромѣ равнѣ того, что слѣдовало отвѣчать на вѣжливыя привѣтствія какого-то господина, который подбѣжалъ встрѣтить меня и предупредилъ меня, что онъ не самъ хозяинъ, а другъ князя, и приглашалъ меня съ собою въ *салонъ*.

Этотъ салонъ—вы уже знаете его—было пространство, загромождавшееся между софою, креслами, пианино, фонтаномъ и жаровнею.

Этотъ господинъ, лицо котораго сильно шевелило во мнѣ какое-то живое воспоминаніе, и передъ которымъ слуги сторонились, называя его *signor dottore*, шутливо просилъ у меня извиненій въ томъ, что велъ меня черезъ кухню, конюшню и людскую.

— Домъ князя такъ дурно расположенъ, сказалъ онъ смѣясь, — что другаго входа нѣтъ; но неудобство это вознаграждается, прибавилъ онъ съ выразительнымъ видомъ, останавливаясь въ центрѣ залы, и показывая мнѣ лѣстницу, которая спускалась къ аркадѣ, заложеной лишь кучею соломѣ, — вознаграждается тѣмъ, что отсюда есть выходъ!

XXIX.

Въ ту же минуту, какъ будто въ подтвержденіе этихъ словъ, вышелъ конюхъ и принесъ овса лошадямъ, которые были поставлены въ перистилѣ у подножія лѣстницы. Я уже хотѣлъ выразить

приятное удивленіе при таковомъ открытіи, какъ князь опустился по двумъ ступенямъ изъ своего святилища, и подошелъ ко мнѣ. — Вы видите, сказалъ онъ, что вы свободны, и если нетерпѣливо хотите удалиться, я васъ не удерживаю здѣсь насильно; но такъ какъ я самъ располагаю отправиться (вотъ и мои лошади), то, думаю, намъ было бы пріятнѣе сначала пообщаться, и въ порядочной компаніи подождать полнѣчи, — самого удобнаго времени для людей, которые, подобно намъ, имѣютъ дѣло съ мѣстной полиціей. Другъ мой, прибавилъ онъ, обращаясь къ Тартальѣ, который слѣдовалъ за мною какъ собака, — отупайте къ моимъ людямъ, я уже приказалъ имъ позаботиться объ васъ.

— *Мосью, мосью!* сказалъ мнѣ Тарталья, удерживая меня за платье: — не соглашайтесь на этотъ обѣдъ, не говорите съ этимъ человѣкомъ. Я знаю его! это князь...

Тотъ, кого называли докторомъ, взялъ меня подъ руку, стараясь увлечь вслѣдъ за княземъ. Тарталья, зайдя съ другой стороны, шепнулъ мнѣ на ухо: — Это портитъ наше дѣло и можетъ повредить намъ. Мы теперь попали въ общество...

— Что же вы нейдете? сказалъ докторъ, который думалъ, что я робѣю. — Пожалуйста, не пугайтесь князя: это самый любезный человѣкъ на свѣтѣ.

— Вѣрю, отвѣчалъ я, — но позвольте мнѣ перемолвиться съ товарищемъ моихъ приключеній.

— Ахъ! извините! я не буду вамъ мѣшать!

Я отступилъ съ Тартальей на нѣсколько шаговъ назадъ. Онъ хотѣлъ говорить, но я перебилъ его.

— Нечего тебѣ объяснять мнѣ, у кого мы теперь находимся; объ этомъ мнѣ конечно скажутъ. Впрочемъ эта таинственность меня забавляетъ. Но ты свободенъ, тебѣ сказано это. Если хочешь бѣжать...

— Одинъ и натошакъ, *мосью?* Нѣтъ, ужъ извините! Мы въ гостяхъ у чорта, и я хочу познакомиться съ его кухней.

— Но если ты мнѣ точно другъ, какъ увѣряешь, то твое бы дѣло разузнать теперь этотъ подземный ходъ, и дать знать въ виллу Таверна, что...

— Я вамъ другъ, отвѣчалъ онъ, — и постараюсь увѣдомить Даниеллу, что мы бѣжимъ нынѣшнюю ночь.

— Нѣтъ, нѣтъ! Скажи ей, что я могу бѣжать; но что я не отправлюсь безъ нея, и буду ждать ея выздоровленія.

— *Cristo!* Вы не хотите воспользоваться...

— Ахъ, сдѣлай милость, оставь свои разсужденія! Видь ты теперь совершенно свободенъ. Ступай, если ты меня любишь!

Теперь я знаю, что этимъ словомъ можно все сдѣлать изъ Тартали. Онъ бросился къ лѣстницѣ; но докторъ, который не терялъ насъ изъ виду, подошелъ къ намъ и сказалъ вѣжливый, но вмѣстѣ и серьезный тономъ:— Не посылайте его теперь никуда; съ вашей и нашей стороны это было бы большое неблаго-разуміе. Подождите полночи...

Надобно было покориться и позвать назадъ Тарталю, который отправился было хлопотать окохо кастрюль, и свести знакомство съ поварами. Я послѣдовалъ за докторомъ и княземъ въ салонъ, гдѣ мнѣ предложили кресло. Князь, разлегшись беззаботно на софѣ, очень свободно завязалъ со мною разговоръ о живописи и предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о томъ, каково мое мнѣніе о вліяніи Италіи на иноземныхъ артистовъ, о современныхъ французскихъ мастерахъ; нисколько не касаясь нашего настоящаго положенія, онъ остроумно и легко разсуждалъ обо всѣхъ предметахъ, за исключеніемъ того, который долженъ былъ особенно интересоваться меня.

Во время этого разговора, такъ странно спокойнаго и гораздо болѣе умѣстнаго въ какомъ-нибудь парижскомъ салонѣ, нежели тамъ, гдѣ мы находились, докторъ *ex-professo* занимался приготовленіями къ столу, и вмѣстѣ съ камердинеромъ старался всячески пособить недостатку изящества или комфорта. Грумъ заботился только о томъ, чтобы пускать вверхъ струю воды, и, перемѣняя тростниковыя трубочки, онъ безпрестанно брызгалъ на насъ; князь съ большимъ терпѣніемъ переносилъ его шалости, и только время отъ времени замѣчалъ ему: — Карлино, будь же осторожнѣе! Здѣсь и такъ довольно сыро.

Князь заговорилъ о своемъ помѣщеніи, безпристрастно разбирая его выгоды и невыгоды.

— Оно очень дурно, сказалъ онъ;—но расположено на хорошемъ мѣстѣ! Съ террасы казино видъ великолѣпный.

Я не могъ удержаться отъ замѣчанія, что мое помѣщеніе гораздо лучше, и что онъ долженъ терпѣть большія неудобства въ этомъ огромномъ погребѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ЕЩЕ О ВЗЯТКАХЪ.

Недаромъ въ современной литературѣ вопросъ о взяткахъ поднятъ такъ же горячо какъ и другіе важные вопросы, напримѣръ: о гласности общественнаго мнѣнія, о воспитаніи, судопроизводствѣ, свободѣ торговли, о желѣзныхъ дорогахъ и т. п. Взаимная связь всѣхъ этихъ вопросовъ между собою очевидна для всякаго, кто внимательно остановится хоть на одномъ изъ нихъ, напримѣръ на гласности. Недаромъ литературные споры представляютъ такой интересъ для публики, что она не можетъ уже оставаться равнодушною, какъ прежде, зрительницею журнальной борьбы, но живо сочувствуетъ той или другой сторонѣ и, даже высылаетъ на арену, изъ среды своей, такихъ бойцовъ, которые, въ другое время, не рѣшились бы взяться неопытною рукою за оружіе обоюдо-острое. Сознаніе собственныхъ недостатковъ сильно созрѣваетъ въ нашемъ обществѣ; вездѣ известная потребность свѣта, воздуха, правды. Видно, душно становится намъ въ средѣ прежнихъ предразсудковъ, самоувѣренности и тьмы. Будемте откровенны: зачѣмъ церемониться и смягчать выраженія, когда дѣло идетъ о такихъ вещахъ какъ пища, свѣтъ и воздухъ? Зачѣмъ намъ увѣрять себя и другихъ, что мы никогда не теряли изъ виду любви и истины, что общество наше *возрасло* даже на этой прекрасной пищѣ? Вѣдь еслибъ это была правда, то къ чему споры, зачѣмъ желаніе быть лучшими? Чувство правды не пораждаетъ же взятокъ и казнокрадства; любовь къ ближнему не совместна съ пренебреженіемъ къ его личности. Оставимъ же споры и всмотримся ближе въ вопросы, волнующіе наше сердце въ эту минуту.

Взятки и казнокрадство—исчадіе сребролюбія и роскоши—исчезнутъ съ лица земли тогда только, когда исчезнетъ всякое мошенничество, ложь, насиліе, обманъ, когда въ сердцѣ человѣческомъ изсякнетъ источникъ зла, и воцарится правда. Долго ждать свѣту этой благодатной минуты; но это не значитъ, чтобы въ ожиданіи ея свѣтъ сидѣлъ, сложа руки, и съ добродушною улыбкой снисхожденія смотрѣлъ на *развитіе* этихъ черезчуръ патріархальныхъ слабостей. Свѣтъ хочетъ побольше свѣта, онъ силится озарить самые темные углы на землѣ и въ сердцѣ человѣка, самыя глубокія язвы души и тѣла, и его освѣщающіе лучи бываютъ часто жгучи, но всегда благотворны.

Будемъ же помогать сабѣ. Сдержимъ невольное отвращеніе и рассмотримъ внимательно эти язвы, какъ подобаетъ врачамъ; изслѣдуемъ причины худосочія въ больномъ организмѣ, такъ упорно помогавшія доселѣ неудержимому распространенію въ немъ болѣзни.

Не будемъ говорить о старинныхъ временахъ, о томъ, какъ родилось и воспитывалось у насъ понятіе о кормленіи, чтобы не повторять истинъ, которыя сдѣлались уже достояніемъ науки. Напомнимъ только, что рядомъ съ этимъ понятіемъ шло и развивалось мѣстничество. Вѣковыя понятія не излѣчиваются въ одну минуту, не убиваются однимъ указомъ: это старая истина. Табель о рангахъ Петра Великаго подрывала окончательно самый корень мѣстничества, но не могла убить чувства, его питавшаго — чувства спѣси, гордости и неуваженія къ лицу, *ниже* стоящему. Чувство это, подобно празднымъ сокамъ, не находящимъ себѣ прежняго предмета для питанія, обратилось всею массою къ новому, хотя и чуждому растенію, и, нужно отдать справедливость, упитало его съ материнскою заботою и вѣжностію. Чуждое растеніе стало кровною собственностью, народнымъ достояніемъ. Такъ *чинъ* поборолъ *родъ* и занялъ его *мѣсто*. Но требованія отпрысковъ прежняго корня—требованія рода—опирались на давность, на блескъ и силу и обаяніе его было неотрззимо: *чинъ* мирился съ *родомъ*, и тамъ, гдѣ обѣ эти силы соединялись, не было борьбы, не было порожняго *мѣста* для личности. Родовое чувство снисходительности къ *своимъ* перешло къ *чину*. То, что казнилось въ низшемъ, прощалось своему; какъ прежде «свой своему были поневолѣ брать», такъ послѣ *чинъ* сталъ снисходителенъ только къ *чину*. Но этимъ еще не оканчиваются заимствованія *чина* у своего предшественника. Облеченный властью, — большею или меньшею, — онъ счелъ ее своею собственностью, и сталъ распоряжаться ею, какъ распоряжался *пѣкогда* *родъ*: дарилъ, уничтожалъ, награждалъ, кого хотѣлъ, смотря потому, какая находила минута; протягивалъ руку только равному *чину*, а младшему простиралъ палецъ или два, и то только — въ добрую минуту. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Такимъ образомъ, мѣстничество, въ какой *формѣ* оно ни являлось, всегда шло рука объ руку съ кормленіемъ—если подъ этимъ словомъ разумѣть не одно пропитаніе, но и питаніе всякихъ служебныхъ *цѣлей*. Человѣку бѣдному, но умѣвшему угодить и служить намъ, мы давали *хорошее* мѣсто, то-есть посылали на кормъ; богатому или родовитому, пріятелю или родственнику — давали *ходъ*, выдвигали впередъ, ставили на *видное* мѣсто. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ мы даже не подозрѣвали, что распоряжались чужою собственностью, вѣренной намъ государствомъ, хотя въ то же время горячо преслѣдовали казнокрадство и взятки. Смѣшно показалось бы намъ, еслибъ встарину кто-нибудь вздумалъ оспаривать у насъ на службѣ право покровительства для людей близкихъ намъ и пріятныхъ, такъ

точно какъ показала бы деревенною мысль, что мы не въ правѣ прогнать отъ себя человѣка, лично намъ не угодившаго.

Тамъ, гдѣ общее смѣшано съ частнымъ, гдѣ человѣкъ не видитъ и не сознаетъ, что служить *идеѣ, обществу*,—тамъ онъ непременно служить личнымъ цѣлямъ своихъ начальниковъ или своимъ. Это мы видимъ у народовъ азіатскихъ, это мы видѣли въ первоначальной исторіи всѣхъ народовъ, и въ нашей собственной. Каждый разъ, когда отечеству угрожала *видимая* опасность, у всѣхъ насъ пробуждалось чувство доблести, мы забывали все, и гордо шли умирать за общее дѣло. Но съ возвращеніемъ домой, въ ту минуту, когда вѣгали мечъ въ ножны,—общее, *идеѣ* тотчасъ исчезали передъ нами, и мы терялись попрежнему въ родовыхъ, семейныхъ, чиновныхъ отношеніяхъ. Попрежнему лицо скромнаго и честнаго труженика дѣлалось случайнымъ, ибо передъ каждымъ новымъ *мысломъ*, передъ каждою новою властью, прежній трудъ его имѣлъ условную лишь цѣну и, при переизмѣнѣ отношеній, не только терялъ всякое значеніе, но нерѣдко навлекалъ на труженика бѣду, если только онъ не прибѣгалъ къ помощи изворотовъ, ловкости и смѣлости. Такой порядокъ не только не способствовалъ къ преслѣдованію закоренѣлыхъ взяточниковъ, занимающихся своимъ дѣломъ изъ любви къ искусству, сопъ атоге, но не въ состояніи былъ предупредить заразу и въ тѣхъ, поистинѣ несчастныхъ жертвахъ, которыя, сознавая всю мерзость этого искусства, не въ силахъ были противостать ему, не имѣя для того достаточной ошоры ни внутри, ни внѣ себя. Общество, не видя *въ* лицо ни тѣхъ, ни другихъ, должно было кого-нибудь осудить — это его потребность,—и осужденіе пало на цѣлыя сословія, на вѣдомства, на мундиры. Для него всякій приказный былъ взяточникъ; всякій купецъ—мошенникъ, всякій *художникъ*—пьяница; всякій, знающій французскій языкъ — умница, дипломатъ; всякій военный — молодецъ. Военному, потому досталась лучшая доля, что служеніе его *обществу* было очевидно, безспорно. Печать, положенная такимъ образомъ, на цѣлыя сословія, лежала на нихъ долго безмолвною тяжестію и трудно изглаживалась. Сколько бы, наприимѣръ, ни увѣрялъ встарину купецъ, что объявленная имъ цѣна товару настоящая, что товаръ *самому дороже стоитъ*,—ему не вѣрили и продолжали съ нимъ торговаться. Сколько бы ни старался приказный быть честнымъ, ему тоже никто не вѣрилъ, и также всякій съ нимъ торговался. Осужденіе было такъ сильно и законно, что общество долго не хотѣло обращать никакого вниманія на положеніе и средства того и другаго. «Вору дай хоть миллионъ, онъ воровать не перестанетъ»; на этомъ основаніи ему ничего почти не давали. Смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, давать грошъ тому, кто наворовалъ тысячи и миллионы; бесполезно давать и тому, кто поступалъ въ сословіе воровъ: у него были впереди тѣ же миллионы. Говорятъ, что ребенокъ, привыкшій

слышать отъ всѣхъ, что онъ герой, въ самомъ дѣлѣ можетъ сдѣлаться героемъ, такъ точно какъ тотъ, кого постоянно бранятъ воромъ, дѣйствительно, дѣлается наконецъ воромъ. Человѣку, котораго никто не слушаетъ и не хочетъ видѣть, съ которымъ обходятся презрительно за его немощь и некрасивую одежду, трудно удержаться на пути добродѣтели. Для осужденнаго навѣки—нѣтъ впереди пути, для него возможно только бѣгство назадъ, на прежнюю дорогу...

Каждый, русскій дворянинъ, встарину, долженъ былъ служить; потому онъ не могъ не служить, чтобъ не остаться недорослемъ. Число дворянъ возрастало. Мысль о томъ, что въ мирное время можно служить отечеству, не состоя на службѣ, долго не давалась ему. Къ тому же служба давала чинъ, положеніе, власть, защиту, а при случаѣ и деньги,—и вотъ все, что именовалось дворяниномъ, все, что хотѣло быть дворяниномъ, наводнило службу. Много званныхъ, но мало избранныхъ!

Итакъ, повторяемъ, трудно было лицу, никѣмъ не признанному, удержаться на добромъ пути. Гражданская добродѣтель, какъ и всякая сила, требуетъ устоя, увѣренности въ самой себѣ и въ твердости почвы, на которую опирается. Но, если почва колеблется, если нога ваша скользитъ, если вы имѣете дѣло съ невидимою силою, ежеминутно готовою нанести вамъ ударъ, и вы даже не знаете съ которой стороны, и когда именно онъ послѣдуетъ,—увѣренность ваша слабѣетъ: вы озираетесь кругомъ и,—съ ужасомъ видя, что некому поддержать васъ, некому даже разказать о вашей борьбѣ людямъ,—падаете духомъ и постыдно бѣжите изъ этого хаоса безобразныхъ и безличныхъ силъ... И чѣмъ сильнѣе ужасъ, преслѣдующій васъ по пятамъ, тѣмъ заманчивѣе рисуется передъ глазами теплый каминъ шей комнаты, ваша семья,—и вы запираетесь въ ней, отказавшись разъ навсегда отъ бесполезной и неравной борьбы. Но еслибъ вы боролись въ виду общества, еслибъ вамъ даже пришлось страдать и умереть въ его торжественномъ присутствіи—о! тогда безъ сомнѣнія у васъ бы достало духу сохранить достоинство и, если нужно, умереть спокойно и гордо.

Тамъ, гдѣ на человѣка смотритъ общество, онъ старается быть лучшимъ. Это до такой степени справедливо, что каждый изъ насъ можетъ повѣрить на самомъ себѣ. Въ обществѣ мы не смѣемъ показаться неглиже, держимъ себя строго, изъ всѣхъ силъ хлопочемъ о сохраненіи приличій и всегда бываемъ насторожѣ. Мы знаемъ, что въ порядочномъ обществѣ, пока не оскорбили его неприличною выходкою, мы пользуемся уваженіемъ, вниманіемъ и вѣжливостью наравнѣ съ каждымъ изъ лицъ, его составляющихъ. Мы знаемъ также, что общество вступится за малѣйшее оскорбленіе, нанесенное намъ въ его присутствіи. Оттого намъ легко и пріятно въ порядочномъ обществѣ. Въ немъ мы приобретаемъ уваженіе къ самимъ себѣ и

научаемся уважать другихъ. Человѣкъ, находясь въ виду общества, прежде чѣмъ сдѣлаетъ шагъ, обдумаетъ его послѣдствія; онъ знаетъ, что за нимъ слѣдятъ миллионы глазъ, что малѣйшая невѣрность его поступки сейчасъ возбудитъ шумные крики негодованія и смѣхъ миллионныхъ голосовъ. Но онъ знаетъ также, что каждый твердый и вѣрный шагъ, каждый справедливый и честный поступокъ его, будетъ замѣченъ тѣмъ же обществомъ, и это сознаніе возбуждаетъ его силы, поселяетъ въ душѣ его спокойствіе и увѣренность, что если съ одной стороны и виситъ надъ нимъ Дамокловъ мечъ, грозящій неизбежною карой каждому нечистому попятному шагу его, то съ другой — за каждое чистое дѣло, за каждый подвигъ, за каждый скромный трудъ, ему готовятся рукоплесканія, участіе, слезы благодарности и доброй, продолжительной памяти въ сердцахъ людей. Съ одной стороны—ничѣмъ неотвратимая кара, съ другой — ничѣмъ незамѣнимая награда: это такой двигатель, что только мертвого не въ состояніи подвинуть. Глазъ народа есть глазъ Божій — и тотъ, кто постоянно слышитъ его, не можетъ оставаться глухимъ и безотвѣтнымъ.

Не таково положеніе человѣка, не знающаго общества, и котораго общество не знаетъ и не видитъ. Домашнія привычки и слабости овладѣваютъ имъ совершенно, и не для кого ему стараться исправлять ихъ. Для случайнаго гостя у него готовъ праздничный нарядъ, готово изысканное слово и заимствованныя манеры. Но гость уѣзжаетъ—и доспѣхи складываются въ сундукъ до новаго посѣщенія. Будничный бытъ заглушаетъ въ его душѣ потребность постоянного праздника; для него непонятны и ненавистны это вѣчное, докучное торжество, эти шумные клики, въ которыхъ перемѣшаны и негодованіе и радости, и смѣхъ и слезы. Ему спокойнѣе и удобнѣе имѣть дѣло съ своимъ начальникомъ, котораго привычки и слабости, понятія и цѣли, ему извѣстны до тонкости, изучены имъ какъ слѣдуетъ. И тому это также нравится. Наединѣ какъ-то удобнѣе дать волю своимъ мнѣніямъ и вкусамъ: никто не смотритъ на него, никто не смѣетъ разсуждать о немъ; предметъ его сужденія безмолвствуетъ или восхваляется, трепещетъ или угождаетъ, и оба довольны другъ другомъ—до новаго свиданія. Судъ оконченъ, красиво и четко записанъ въ скрижали,—и дѣлу конецъ. Чтò написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Разбирай потомъ, какъ знаешь!

Въ началѣ статьи мы рѣшились безъ отвращенія рассмотреть недугъ, обратившій на себя наше вниманіе. Для этого мы должны были вкратцѣ разказать исторію болѣзни и указать на причины ея распространенія въ прошедшемъ. Благодаря Бога это прошедшее для насъ миновало и въ настоящее время все измѣняется, азвы заживаютъ и

оглаживаются. Но по совѣсти, мы не смѣемъ сказать, что онѣ уже изгладились, о, далеко не смѣемъ! До тѣхъ поръ, пока въ служебно-домашнемъ лексиконѣ нашемъ останутся такія слова, какъ: *хорошее мѣсто, свой человекъ, попалъ въ милость*, или хоть наприимѣръ такія: *сотру съ лица земли, соизну въ бараній роги* и т. п., пока мы будемъ добродушно извращать святыя слова и добродушно вѣрить, что блаженъ тотъ начальникъ *иже и скоты милуетъ*,—до тѣхъ поръ мы не въ правѣ хвалиться успѣхами на поприщѣ гражданской доблести. А чтобы приблизить эту минуту, намъ нужно желать, нужно просить общественности и свѣта (недаромъ *свѣтъ и общество* тождественны въ языкѣ нашего народа): общественности для того, чтобы служить обществу; свѣта—для того, чтобы все видѣть и слышать, и чтобы насъ все видѣло и слышало. Но для этого нѣтъ другого средства кромѣ того, какое представляетъ намъ самый свѣтъ. Пусть же сила свѣта сблизитъ насъ съ обществомъ, пусть обозначитъ все лицо его, пусть познакомитъ насъ съ его красотою и недугами, пусть отпечатываетъ всѣ его поступки и помыслы, всѣ его раны и ушибы, его радости и горе,—и тогда, только тогда, мы будемъ въ правѣ сказать, что мы на дорогѣ къ свѣту и истинѣ. До тѣхъ же поръ пока одинокій голосъ нашъ не сольется съ голосомъ *всего* общества, онъ будетъ не болѣе какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

С. ГРОМБКА.

ПУТЕШЕСТВІЕ ОМСТЕДА ПО ПРИМОРСКИМЪ ЮЖНЫМЪ ШТАТАМЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

A journey in the seaboard Slave-States, with remarks on their economy. By Frederic Law Olmsted. Newyork and London, 1856 1 vol.

Г. Омстедъ—сотрудникъ нью-йоркской газеты «Times»; книга, изданная имъ, составляетъ капитальное приобрѣтеніе американской литературы. Авторъ предпринималъ, въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ, два раза путешествіе по приморскимъ южнымъ штатамъ, съ цѣлію изучить ихъ экономическій бытъ подъ вліяніемъ такъ-называемаго «домашняго учрежденія», и помѣстилъ въ упомянутой газетѣ нѣсколько писемъ, въ высшей степени интересныхъ. Теперь они изданы вполне, отдѣльною книгой, и такимъ образомъ стали доступны для европейскихъ читателей. Наблюденія г. Омстеда, какъ сель-

скаго хозяина и безпристрастнаго чловѣка, бросаютъ новый свѣтъ на невольничество; онъ изслѣдовалъ свой предметъ глубоко, съ практической стороны, безъ увлеченія, и сообщилъ много богатыхъ результатовъ относительно земледѣлія и промышленности. Причины медленности успѣховъ юга сравнительно съ сѣверомъ объяснены у него превосходно.

Омстедъ справедливо замѣчаетъ, что истинная природа невольничества до сихъ поръ мало понята въ свободныхъ штатахъ. «Всѣ свѣдѣнія объ немъ, говоритъ онъ, доходятъ на сѣверъ въ самой подозрительной формѣ, на примѣръ въ романахъ, или въ разказахъ бѣглыхъ негровъ. Путешествуютъ по югу обыкновенно или купцы, занятые своими личными интересами, или больные, желающіе отогрѣться зимою въ теплыхъ странахъ, или наконецъ богатые люди, ищущіе удовольствій среди гостепріимныхъ плантаторовъ. Южная литература бѣдна и состоитъ только изъ вымышленныхъ и полемическихъ сочиненій: Вообще знаніе этого края достается труднѣе, нежели какого-нибудь другаго.»

Омстедъ объѣхалъ Виргинію, объ Каролины, Георгію, Алабаму и Луизиану. Намъ показались особенно поучительными его наблюденія надъ Виргиніею, которая, какъ извѣстно, считается самымъ древнимъ изъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Еще въ 1620 году въ первый разъ привезены были сюда негры. Слѣдовательно, здѣсь «домашнее учрежденіе» существуетъ болѣе двухъ столѣтій. Любопытно знать, въ какой степени подверглось оно вліянію времени. По словамъ Омстеда, прикосновеніе цивилизаціи не осталось безъ слѣда даже на неграхъ; положеніе ихъ замѣтно улучшилось и улучшается. Жестокое обращеніе конечно не искоренилось совершенно, но сдѣлалось рѣдкимъ и затруднительнымъ; противъ него вооружены сами господа. Вообще говоря, негры имѣютъ менѣе повода жаловаться на невольничество, нежели плантаторы: ихъ порядочно кормятъ «можетъ-быть лучше, чѣмъ пролетаріевъ въ другихъ государствахъ», одѣваютъ сносно, смотря по климату и по работѣ; имъ даютъ довольно удобное помѣщеніе. «Вы найдете еще, говорилъ путешественнику одинъ владѣлецъ, въ какой-нибудь отдаленной плантаціи негровъ въ состояніи совершеннаго отупѣнія и скотства; но здѣсь, въ мѣстахъ населенныхъ и воздѣланныхъ, съ ними обходятся лучше; имъ даютъ воспитаніе.» Последнее обстоятельство удивило Омстеда, но ему скоро дали понять что это значить. Плантаторы и надзиратели безъ сомнѣнія не занимаются обученіемъ своихъ невольниковъ, но по крайней мѣрѣ дозволяютъ имъ религіозные митинги. Слѣдовательно, негры имѣютъ возможность сами себя воспитывать. Впрочемъ путешественникъ остался не совсѣмъ доволенъ ихъ нравственнымъ и религіознымъ состояніемъ; да и могло ли оно улучшиться? Невольничество всегда и вездѣ разрушало чув-

ство, великодушіе, честность и вѣрность подчиненныхъ ему людей. Негры, правда, питаютъ чрезвычайную наклонность къ обрядамъ и формальностямъ церковной службы, но религія рѣдко доходитъ у нихъ до убѣжденія, которое бы могло имѣть вліяніе на ихъ поступки и вообще на практическую жизнь. Порокъ лжи и воровства глубоко вкоренился между ними. «Они обманываютъ, говорили Омстеду, даже Бога въ своихъ молитвахъ и не пропустятъ случая украсть.» — Кажется, пишетъ путешественникъ, въ ихъ нравственности утвердились аграрныя понятія о плантаціяхъ: они смѣкаютъ хорошо, что результатъ труда принадлежитъ работнику, и на этомъ основаніи признаютъ справедливымъ употреблять, когда только можно, собственность «массы» (господина) въ свою пользу.» Это называется у нихъ «взять», для отличія отъ слова: украсть, при которомъ подразумевается—у третьяго посторонняго лица. Такъ одна старая негритянка, когда ее обвинили въ покражѣ вещей у госпожи, отвѣчала: «Я не виновата, матушка! тетка Анна говорить, что намъ, цвѣтнымъ людямъ, можно брать у бѣлаго человѣка что Богъ посылаетъ!»

Замѣчательно также, что негры имѣютъ большую страсть къ игрѣ; самые благочестивые изъ нихъ не свободны отъ этого увлеченія. «Прежде, говоритъ Омстедъ, невольники обыкновенно предавались по вечерамъ и по праздникамъ пляскѣ; но потомъ проповѣдники возстали противъ этого обычая и уничтожили его.» Отсюда произошли дурныя послѣдствія: танцы были замѣнены игрою и другими худшими развлеченіями.

Лѣнь, непредусмотрительность и безпечность негровъ вошли въ пословицу; по мнѣнію бѣлыхъ, эти недостатки неизлѣчимы. Вообще негръ плохой работникъ; его почти нельзя употреблять при машинахъ. Онъ воображаетъ, что машина будетъ дѣйствовать сама, и потому не заботится о ней нисколько. Человѣкъ по природѣ лѣнивъ; но негры отличаются этимъ свойствомъ передъ всѣми поколѣніями земнаго шара. По словамъ одного опытнаго рабовладѣльца и капиталиста, «можно навѣрное разсчитывать, что невольникъ будетъ трудиться не по мѣрѣ своихъ силъ, но лишь, сколько нужно, чтобы избавиться отъ наказанія, и притомъ всегда небрежно и равнодушно. На плантаціяхъ негры стараются только о томъ, чтобы разбить орудія и заморить скотъ, хотя знаютъ, что за это ихъ накажутъ.» Отсюда происходитъ, что имъ даютъ въ руки лишь самыя крѣпкія и массивныя орудія, никогда не употребляемыя свободнымъ человѣкомъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется непроизводительность невольническаго труда.

Негръ владѣетъ еще однимъ искусствомъ — притворяться больнымъ. Въ этомъ онъ неподражаемъ. Преувеличить свое страданіе и помѣстить его въ самыхъ жизненныхъ частяхъ организма—его дѣло.

Даже на жестокою болѣзни невольники смотрятъ, какъ на милость Божию. Одинъ негръ повредилъ себѣ руку полѣномъ и, едва только первая боль прошла, воскликнулъ: «Слава Богу! рука принадлежитъ господину; — я не буду больше жать хлѣба». Это напоминаетъ намъ старый анекдотъ о другомъ негрѣ, который во время дождя ходилъ безъ шляпы на томъ основаніи, что она принадлежитъ ему, а голова господину. Обыкновенно невольники, и преимущественно женщины изобрѣтаютъ всѣ возможные предлоги отказаться отъ работы. Такъ какъ онѣ подвержены многимъ болѣзнямъ, которыя не имѣютъ наружныхъ признаковъ, то имъ легко сдѣлать это. Женщины на плантаціяхъ, говорилъ путешественнику одинъ рабовладѣлецъ, послѣ первой беременности не могутъ даже добывать себѣ пропитаніе полевой работой, и не имѣютъ никакой цѣны въ массѣ труда. Медики часто затрудняются въ опредѣленіи болѣзней, свойственныхъ черному поколѣнію. Одинъ изъ нихъ, Картрайтъ, придумалъ даже особыя названія для нѣкоторыхъ припадковъ, неизлѣчимыхъ медицинскимъ искусствомъ. Сюда относитъ онъ драпетоманію или умственное расстройство, вслѣдствіе котораго у негровъ является непреодолимое желаніе бѣжать. Признакомъ этого состоянія бываетъ мрачное и недовольное расположеніе духа; оно устраняется обыкновенными средствами, то—есть плетью. Мы не будемъ останавливаться на другихъ болѣзняхъ, тѣмъ болѣе, что почтенный докторъ совѣтуетъ употреблять противъ нихъ одно лѣкарство...

Всѣ упомянутыя обстоятельства должны быть приняты во вниманіе при оцѣнкѣ работы негра сравнительно съ трудомъ свободнаго челоѣка. Омстедъ доказываетъ фактами, что она стоить дороже, именно задѣльная плата въ Виргиніи обходится 25-ю процентами болѣе, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ чистыми деньгами. Если же прибавить къ этому издержки на одежду и потери господина отъ лѣности, небрежности, упущеній и болѣзней невольника, то перевѣсъ въ пользу наемнаго работника будетъ весьма значительнымъ.

Поэтому не удивительно, что Виргинія находится въ застоѣ относительно промышленности, и что другіе штаты ее обогнали. Прїѣзжая сюда съ сѣвера, путешественникъ видитъ, что «по дорогѣ не болѣе одной трети окрестной земли расчищено; на остальномъ пространствѣ—кругомъ сосновый лѣсъ; даже изъ полей далеко не всѣ засяяны, большая часть ихъ заросла кустарникомъ, шиповникомъ и разными негодными травами». Подобныя замѣчанія Омстедъ дѣлаетъ на каждомъ шагѣ, и въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается на мѣстные документы и газеты. Изъ этихъ документовъ можно вывести слѣдующіе главные результаты. Виргинія до революціи содержала въ себѣ больше богатства и жителей, нежели какой-либо другой штатъ Союза. Ея народонаселеніе въ это время было вдвое многочисленнѣе, чѣмъ въ Пенсильваніи, располагало огромными капиталами,

вело вѣтшнюю торговлю, — словомъ, первенствовало между сосѣдями. Напротивъ, теперь этотъ штатъ занимаетъ пятое мѣсто по богатству и четвертое по числу жителей, и стоитъ ниже Нью-Йорка, Пенсильваніи, Огайо и отчасти Массачузетса. Три упомянутые штата буквально испещрены желѣзными дорогами и каналами; четвертый (Массачузетсъ) желѣзными дорогами. Въ Пенсильваніи воздѣланной земли гораздо больше, чѣмъ неводѣланной; въ Виргиніи наоборотъ. Въ Пенсильваніи фермы отдаются по 25 долларовъ за акръ; въ Виргиніи только по 8. Правда, въ Пенсильваніи почва плодороднѣе; но если сравнить цѣнность одинаково-производительныхъ земель въ Нью-Джерси и въ Виргиніи, во всякомъ случаѣ на сторонѣ перваго изъ упомянутыхъ штатовъ будетъ значительный перевѣсъ. Наемная плата за акръ здѣсь еще больше, чѣмъ въ Пенсильваніи, именно 44 доллара.

Всѣ соглашаются, что естественное богатство Виргиніи огромно, но сами жители жалуются, что оно не разработано. Въ этомъ можно убѣдиться изъ рѣчи одного кандидата въ члены законодательнаго собранія, приведенной въ книгѣ Омстеда. Вотъ что говоритъ ораторъ своимъ избирателямъ:

«Торговля давно оставила васъ. Вы до сихъ поръ не разработали каменнаго угля въ такомъ количествѣ, чтобы порядочно согрѣться у очага, и не имѣете хлопчато-бумажныхъ издѣлій, чтобы одѣть рабовъ вашихъ. У васъ нѣтъ ни судоходства, ни горныхъ промысловъ, ни мануфактуръ. Вы полагались только на земледѣліе, и на какое земледѣліе! Ваше невниманіе къ единственному источнику богатства изсушило почву. Вмѣсто того, чтобы кормить скотъ на безчисленныхъ пастбищахъ, вы охотитесь за быками, чтобы достать себѣ жесткій биѣстекъ (*смыхъ и одобреніе*). Настоящій порядокъ вещей давно утвердился въ Виргиніи. Землевладѣльцы обдирали фермеровъ, а фермеры землю, до тѣхъ поръ, пока можно было обдирать. Я слышалъ оригинальный анекдотъ о нашемъ земледѣліи. Одинъ джентльменъ встрѣтилъ неподалеку отсюда какого-то оборваннаго бѣдняка на лошади, безъ стремянъ, безъ сѣдла, съ веревкою вмѣсто узды, и спросилъ у него: «Странникъ; чей это домъ?» — Мой, отвѣчалъ бѣднякъ. «А это?» — Также мой! Потомъ они подъѣхали къ третьему дому, и когда оказалось, что онъ также принадлежитъ оборванцу, джентльменъ удивился. «Не смущайтесь, замѣтилъ ему спутникъ, я не до такой степени бѣденъ, чтобы владѣть всею этою пустопорожною землею!» (*Смыхъ и рукоплесканія*.) У насъ есть земля, рабы, рудники, естественные пути сообщенія, словомъ, всѣ источники богатства; но если мы не приложимъ къ нимъ ума, если между нами не распространится образованіе, то намъ нельзя думать о матеріальномъ прогрессѣ.» (*Рукоплесканія и продолжительная веселость*.)

Изъ приведенной рѣчи видно, что Виргинцы не хотятъ понять, гдѣ настоящая причина ихъ застоя. Невольничество стало для нихъ такъ

драгоценно, что они не признають въ немъ сильнѣйшаго препятствія къ своему благосостоянію. Оно поддерживаетъ между ними выгодную торговлю невольниками, и кажется неистощимымъ источникомъ легко приобретаемаго богатства. Въмѣстѣ съ ораторомъ всѣ жители кричатъ и требуютъ просвѣщенія, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, мануфактуръ, торговли съ Европой, обходя вопросъ о невольничествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, отчего не достаетъ имъ упомянутыхъ благъ? Гдѣ искать объясненія общей неподвижности? Неужели въ самомъ характерѣ жителей или въ климатѣ? По словамъ Омстеда, нѣтъ нужды ходить такъ далеко: если присмотрѣться, одно рабство задерживаетъ успѣхи Виргиніи, сравнительно съ другими штатами, и производитъ тѣ печальныя явленія въ земледѣліи и промышленности, о которыхъ сказано выше.

При этомъ естественно рождается вопросъ: отчего свободный трудъ, болѣе дѣйствительный въ предпріятіяхъ и благотѣльный для общества, не можетъ силою собственного превосходства вытѣснить работу невольника? Еслибы можно было дать на этотъ вопросъ вполне удовлетворительный отвѣтъ, мы бы яснѣ поняли настоящую борьбу въ Канзасѣ и разрѣшили бы ея темный, трудный исходъ. Но есть много таинственныхъ причинъ, почему работа невольника одерживаетъ верхъ надъ вольнонаемною, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ привыкли къ рабству. Въ Виргиніи эта привычка такъ сильна, что отвращеніе отъ эманципации съ каждымъ годомъ возрастаетъ не отъ вражды къ аболіціонистамъ, но оттого, что цѣна на негровъ увеличилась вслѣдствіе вывоза. «Еслибы можно было имѣть точный ежегодный прейсъ-курантъ на невольниковъ, говорить Омстедъ, то можно бы опредѣлить вѣроятность отпущенія ихъ съ такою же точностью, какъ посредствомъ англійскаго отверженнаго долга (consolidated debt) вѣроятность войны и мира.» Во всякомъ случаѣ, если невольничество удерживается въ странѣ по какой бы то ни было причинѣ, трудъ свободного человѣка теряетъ настоящую свою цѣнность. Это объясняется, по словамъ Омстеда, тѣмъ (по крайней мѣрѣ относительно Виргиніи), что бѣлые не хотятъ работать вмѣстѣ или наравнѣ съ неграми, и кромѣ того другими, чисто-мѣстными обстоятельствами. Мы не будемъ останавливаться на нихъ, тѣмъ болѣе, что выводы путешественника здѣсь, какъ намъ кажется, не вполне удовлетворительны. По крайней мѣрѣ вопросъ остается послѣ нихъ не менѣе таинственнымъ и загадочнымъ. Но показаніе Омстеда о благопріятныхъ результатахъ замѣны свободнымъ трудомъ труда невольничьяго въ Ферфаксѣ, достойно вниманія. Цѣнность земли здѣсь удвоилась въ теченіе двадцати лѣтъ; число церквей и школъ также. Эти факты замѣчательны, потому что очевидны. Вообще, книга Омстеда поучительна: она объясняетъ экономическія послѣдствія рабства для блага человѣка. Потеря энергіи, застой, упадокъ матеріальнаго благосостоянія—вотъ возмездія плантатору.

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Болезни века. Патологическій опытъ О. I. Крашевскаго. (Choroby Wieku. Studium Patologiczne przez I. I. Kraszewskiego). 2 части. Вильно. 1857.

Еслибы эта книга не была написана однимъ изъ популярнѣйшихъ польскихъ писателей, то мы и не обратили бы на нее никакого вниманія: такъ она слаба въ отношеніи къ художественному созданію и, можно сказать, такъ несвоевременна, по тому образу мыслей, который авторъ высказалъ въ своемъ новомъ сочиненіи. «Болезни Вѣка» можно назвать повѣстію, въ которой нѣтъ ни одного истиннаго характера, а всѣ лица выводятся на сцену на ходуляхъ, какъ бы для того только, чтобы высказать любимыя и, скажемъ откровенно, странныя идеи автора. Онѣ показываютъ, что и въ польской литературѣ есть своего рода славянофильство, которое не уступитъ нашему. Сколько могу припомнить, въ первый разъ еще случилось мнѣ встрѣтиться съ нимъ въ произведеніяхъ Крашевскаго (1). Я не стану подробно разказывать натянутое содержаніе этой повѣсти и приведу изъ нея только нѣкоторыя мысли.

Одно изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, панъ Дембаръ, человекъ практическій и разсудительный, между прочимъ, весьма справедливо замѣчаетъ (ч. I, стр. 25), что главными народными пороками Поляковъ всегда были праздность, недостатокъ постоянства, расточительность и нерадѣніе, «и потому, прибавляетъ онъ, необходимо, чтобы мы выучились трудиться, быть заботливыми и разсчетливыми. Когда нашъ край обогатится, когда въ немъ мало-по-малу распространится промышленность, просвѣщеніе, благосостояніе — мы усилимся, возродимся и будемъ счастливы.» Г. Крашевскій выражаетъ при этомъ свои мечтанія о какой-то народной идилліи, и утверждаетъ, что прежде всего необходимо смиреніе... (стр. 26). «Онъ (то-есть панъ Дембаръ) забылъ, прибавляетъ г. Крашевскій, что, слѣдуя этому направленію, повидимому самому благоразумному, но унижающему человека, мы чрезмѣрно охолодѣемъ, ужасно остынемъ, и когда настанетъ такой день, какой теперь уже насталъ для *Швабовъ* (!), которые не могутъ помыслиться въ отнятыхъ у Славянъ земляхъ и переселяются въ американскія степи, тогда мы безъ сожалѣнія можемъ промѣнять наши лиственничныя церкви и древнія святыни на мормонскія божницы, на протестантскія церкви, прославлять Бога въ лѣсу, вмѣстѣ съ жаворономъ—

(1) Это направленіе проглядывало и въ прежнихъ произведеніяхъ г. Крашевскаго, особенно въ романѣ, помѣщавшемся въ «Газетѣ Варшавской» подъ заглавіемъ «Dwa Swiaty».

ками, или вовсе не прославлять его, считая молитву потерей времени, а вместе съ нимъ и процентныхъ денегъ».

Другое дѣйствующее лицо въ этой повѣсти, г-жа Сольская, вдохновляясь какою-то старославянскою добродѣтелью, восклицаетъ (стр. 97): «Пусть другіе народы будутъ богаты и промышленны, мы попрежнему останемся честными, преимущественно будемъ стараться сдѣлаться сынами Божиими, а не дѣтьми вѣка!»

Авторъ, какъ видно, чрезвычайно опасается чужеземнаго вліянія на свой народъ. Во 2-й части, на стр. 5, онъ говоритъ: «Улучшенія могутъ придти мало-по-малу, постепенно, и возникнуть изъ самой потребности, безъ подражанія чужеземцамъ, которое насъ онѣмечитъ, лишитъ народности, обангличанитъ, изгладитъ славянскія и родовыя свойства!»

Въ особенности достается отъ автора старой Европѣ и западной цивилизаціи. «Старая Европа, говоритъ онъ (часть II, стр. 21), выработала для себя совершенно-ложную теорію, которой слѣдуетъ именно потому, что она выгодна и ложна, что льстить всему, ведущему ее къ пагубѣ, гнуснѣйшимъ желаніямъ, подлѣйшему любостыжанію. Нынѣшняя цивилизація совершенно и исключительно матеріальная; достоинство человека она измѣряетъ его практичностью, достоинство изобрѣтенія—его примѣняемостью, и потому-то въ ея лонѣ нѣтъ ни героевъ и истинно великихъ людей, ни великихъ, основныхъ истинъ!»

Зато, посмотрите, какія преимущества видитъ авторъ въ своемъ народѣ! «Есть предѣлъ, говоритъ г. Крашевскій (ч. II, стр. 24), на которомъ нужно остановиться, чтобы человѣчество безсмысленно не обратилось въ стадо работниковъ! До сихъ поръ еще народъ нашъ не испорченъ, потому что не погрязъ въ матеріализмѣ, *поетъ свою стародавнюю пѣсню, радостно смотритъ на солнышко; онъ немного льститъ, но умѣетъ любить и плакать*; онъ лучше того же самаго класса народа въ странахъ, которыя опередили насъ въ цивилизаціи.»—Далѣе, на стр. 26, авторъ прибавляетъ: «Можетъ-быть, въ преднамѣреніяхъ Провидѣнія, Западъ съ своею матеріальною цивилизаціей есть необходимый примѣръ и играетъ роль пьянаго илота... Зачѣмъ же мы должны вместе съ нимъ безумствовать? Зачѣмъ слѣдовать ему?»

Продолжая въ такомъ тонѣ нападки на воображаемый, современный матеріализмъ, авторъ, наконецъ, приходитъ къ тому заключенію, что «западные народы—народы *гниющие* (см. ч. II, стр. 28), и что неблагоразумно прививать себѣ отъ нихъ заразу!»

Несвѣжская галлерей Радзивилловскихъ портретовъ (Galerja Nieświeżska portretów Radziwiłłowskich.). Историческое описаніе Эдуарда Котлубая. Вильно. 1857. Въ 8, 72 стр.

Несвѣжская галлерей, говоритъ авторъ въ предисловіи, находится

въ самомъ жалкомъ положеніи. Сверхъ портретовъ радзивиловскихъ, въ ней помѣщаются также другіе знаменитыхъ мужей, находящихся въ родствѣ съ домомъ Радзивиловъ. Эти картины собраны въ одной большой залѣ, никогда не отапливаемой, большею частію безъ рамъ; онѣ гниютъ, брошенныя на полу, или висящія на сырыхъ стѣнахъ, предоставленныя въ жертву крысамъ и всеистребляющему времени. Большая часть картинъ очень повреждена; вскорѣ и эти памятные остатки столькихъ вѣковъ совершенно будутъ истреблены. Г. Котлубай, живя съ 1844 г. близъ Несвѣжа, часто имѣлъ случай разсматривать эти почтенные остатки польской древности и въ свободное время скопировалъ, въ очеркахъ, всѣ портреты Радзивиловъ. Онъ присоединилъ къ нимъ историческій текстъ, объясняющій эти лица, которыя, отчасти, были представителями исторической и домашней жизни старинной Польши. Обильными матеріалами служили ему рукописи Несвѣжскаго архива. Хотя авторъ не могъ совершенно исчерпать ихъ, однакожъ изслѣдователь исторіи найдетъ въ нихъ многія подробности, совершенно новыя, или служащія для объясненія и исправленія фактовъ уже извѣстныхъ, но не точно описанныхъ.

Фамилія Радзивиловъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи Польши; она одна изъ первѣйшихъ въ Литвѣ по своему богатству, семейнымъ связямъ и значенію; однакожъ не можетъ равняться съ другими литовскими фамиліями, происходящими отъ царствовавшихъ нѣкогда въ Литвѣ князей. Начало ея исчезаетъ во мракѣ прошедшаго, хотя польскіе генеалоги старались доказать, что она происходитъ отъ великаго князя литовскаго Наримунда, изъ династіи Довспрунга.

Прогулки по Вильнѣ и ея окрестностямъ (Przechadzki po Wilnie i jego okolicach). Соч. Ивана изъ Сливина (псевдонимъ). Вильно. 1856. Въ 8-ку. Выпускъ I, 101 стр. Выпускъ II, 166 стр. Выпускъ III, 225 стр.

Вильно, по выраженію автора, живая лѣтопись древней Литвы, свидѣтель ея прошедшей славы и паденія. Настоящая книга составляетъ прекрасный путеводитель по этому городу и знакомитъ съ его замѣчательными древностями. Ученый авторъ основывался на многихъ источникахъ. Сверхъ уже извѣстныхъ и уважаемыхъ сочиненій о Литвѣ Крашевскаго и Балинскаго, ученыхъ статей бывшаго профессора Виленскаго университета, Гомолицкаго, всеобщей исторіи Литвы Нарбутта, Крашевскаго и Ярошевича, также многихъ другихъ печатныхъ сочиненій, авторъ пользовался актами Виленскаго капитула, актами войтовскими, церковными объѣздами (Wizyty Kościołów), сообщенными ему отцомъ прелатомъ Мамертомъ Гербуртомъ, также нѣсколькими важными документами, касающимися исторіи Вильна, присланными ему Крашевскимъ, и другими важными источниками.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ четырехъ выпусковъ. Къ пер-

всему выпуску приложенъ видъ Вильна, для послѣдняго приготовляется планъ Вильна и алфавитный указатель предметовъ.

Словарь польскихъ живописцевъ (Słownik malarzów polskich), также чужестранныхъ, поселившихся въ Польшу или временно въ ней проживавшихъ. Издаѣтъ Эдуардъ Раставецкій. Съ 16-ю портретами лучшихъ художниковъ. Варшава. Томъ I. 1850, 334 стр. Томъ II. 1851, 326 стр. Томъ III. 1857, 536 стр.; въ 8-ку.

Этотъ превосходный трудъ г. Раставецкаго, уже извѣстнаго своими учеными изслѣдованіями польской старины, свидѣлствуютъ о неутомимой и полезной дѣятельности почтеннаго автора. Онъ принесъ бы честь каждой литературѣ. «Словарь польскихъ живописцевъ» не компиляція, но многостороннее, ученое сочиненіе, въ которомъ со всею тщательностію собраны богатые матеріалы для исторіи живописи въ Польшу. Въ немъ заключаются подробныя свѣдѣнія о живописцахъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. Въ составъ его вошло 900 именъ художниковъ, изъ которыхъ большая половина (593) принадлежитъ Полякамъ. Этотъ «Словарь» чрезвычайно важенъ не только относительно живописи въ Польшу, но также исторіи, біографіи и археологіи. Въ немъ заключается множество до сихъ поръ неизвѣстныхъ подробностей о жизни лицъ, знаменитыхъ въ польской исторіи, которыя свободное время отъ трудовъ своихъ посвящали живописи, чувствуя къ ней призваніе. Читатель найдетъ въ этомъ «Словарѣ» свѣдѣнія, необходимыя для историка, для описанія польскаго края и знакомства съ нимъ, сверхъ того указанія на драгоцѣнные во многихъ отношеніяхъ памятники искусства. Есть множество любопытныхъ подробностей, объясняющихъ не одно историческое событіе, имѣющее связь съ искусствомъ или съ самимъ художникомъ. Сюда относятся біографіи: Альтамонте, Баччіарелли, Беллото, Чеховича, Долабелли, Гловацкаго, Лампи, Леское, А. Орловскаго, Питшмана, Плерша, Рустема, Смуглевича, Стаховича, Фогля, Ствоша. Помѣщены также любопытныя біографіи художниковъ-любителей изъ знаменитыхъ фамилій, а именно: Чацкихъ и Чапскихъ, Павла Гродзицкаго (генерала въ царствованіе Владислава IV), генераловъ Князѣвича и Костюшки, короля Станислава Лещинскаго и его дочери Маріи, королевы французской, Массальскаго, Петра Михаловскаго, графини Мнишекъ, графа Сераковскаго, Юліи Стецкой, лѣтописца Стрыйковскаго, графини Валеріи Тарновской, графа Забѣлы, короля Сигизмунда III и др.

Изданіе этого Словаря украшено портретами художниковъ, превосходно сдѣланными г. Пиварскимъ.

Обозрѣніе отечественныхъ древностей (Przegląd starożytności krajowych), соч. Подчашинскаго. Варшава, 1857. Въ 12 д. л. 155 стр. Выпускъ I.

Это «Обозрѣніе» написано по случаю выставки древностей и предметовъ искусства, устроенной въ 1856 г. въ домѣ графа Потоцкаго,

въ Варшавѣ. Я уже упоминалъ объ ней въ № 11 «Русскаго Вѣстника» за нынѣшній годъ. Г. Подчапинскій, съ глубокимъ знаніемъ предмета, приступилъ теперь къ археологическому и ученому описанію этой выставки. Издавая первый выпускъ своего «Обозрѣнія», онъ извѣщаетъ, что выставка, можетъ-быть, вскорѣ возобновится, и потому изданіе слѣдующихъ выпусковъ будетъ продолжаться въ свое время; между тѣмъ въ настоящемъ выпускѣ заключаются слѣдующія статьи: «О древностяхъ до-христіанскихъ» и «Объ оружіи и вооруженіи».

Пѣсни польскаго народа (Pieśni Ludu Polskiego), собранныя и изданныя Оскаромъ Кольбергомъ. Варшава, 1857. Выпускъ VI.

Этимъ выпускомъ оканчивается первый томъ превосходнаго сборника польскихъ пѣсенъ, состоящій изъ 448 стр., въ 8-ку, изъ 466 пѣсенъ, съ нотами при каждой, и съ десятию изящно отдѣльными и раскрашенными картинками, изображающими польскихъ крестьянъ въ народныхъ костюмахъ. Г. Кольбергъ, какъ мнѣ извѣстно, съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ, не щадилъ ни труда, ни издержекъ для своего прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ изданія (1).

Къ I тому приложена таблица городовъ и селеній, о которыхъ упоминается въ сборникѣ г. Кольберга, съ указаніемъ ихъ географическаго положенія; сверхъ того подробное объясненіе картинокъ и нѣкоторыхъ народныхъ словъ.

Записки Ивана Дуклана Охоцкаго (Pamiętniki Jana Dukłana Ochockiego), переписанныя съ рукописей, послѣ него оставшихся, и изданныя О. И. Крашевскимъ. Вильно, 1857. Томъ I, 438 стр. Томъ II, 450 стр. Томъ III, 350 стр. Томъ IV, 343 стр.

Записки Охоцкаго относятся къ XVIII столѣтію, и въ продолженіе многихъ лѣтъ оставались въ рукописи. «Они издавна читались на Волыни, говоритъ издатель въ предисловіи, — переходя изъ рукъ въ руки, отъ семейства къ семейству, возбуждая любопытство и живой интересъ, наконецъ, частію, послужили матеріаломъ автору *Волынскаго Стольниковича* и можетъ-быть другимъ, которые не захотятъ въ этомъ сознаться. Несмотря на это, не вся еще рукопись исчерпана; ибо, сверхъ мелкихъ подробностей и отдѣльныхъ очерковъ, самый любопытный и важнѣйшій предметъ ея составляетъ полный, чрезвычайно характеристическій типъ челоѣка, картина эпохи, начертанная рукою современника, слишкомъ уже правдоподобная и наивная, но зато исполненная жизни.»

«Не разъ придется здѣсь улыбнуться, далѣе замѣчаетъ издатель. — иногда придти въ гнѣвъ и пожать плечами; но, я увѣренъ, что каж-

(1) Въ особенности рекомендую это изданіе знатокамъ и любителямъ народной поэзіи и музыки. Оно продается въ С.-Петербургѣ, у книгопродавца Вольфа, по цѣнѣ чрезвычайно доступной, 2 р. 50 к. с.

дый изъ читателей лучше и яснѣе будетъ знать жизнь прошедшей, близкой намъ эпохи, не такъ, какъ онъ до того воображалъ ее и отгадывалъ, или воссоздавалъ ее по разгаданнымъ чертамъ. Это преимущественно составляетъ главное достоинство «Записокъ» Охотцаго; въ нихъ съ необыкновеннымъ искусствомъ изображается эпоха.»

Къ этому выпуску присоединенъ также уставъ общества любителей изящныхъ искусствъ, недавно основаннаго въ Краковѣ. Цѣль его возбуждать любовь къ истинному и основательному искусству, въ особенности же давать художникамъ средства выставять и сбывать свои произведенія ; также поддерживать и поощрять отечественныхъ художниковъ, чтобы они болѣе и болѣе совершенствовались въ своемъ искусствѣ.

— *Варшавская Библиотека* (Biblioteka Warszawska). 1857. Кн. IV.

Въ этой книжкѣ особенное вниманіе обращаетъ на себя драма, въ пяти актахъ, въ бѣлыхъ стихахъ, извѣстнаго даровитаго польскаго писателя г. Корженѣвскаго, подъ заглавіемъ: *Цыганы*. Въ этой драмѣ есть одна пѣсня, посвященная воспоминанію цыганскаго короля *Марцинкевича*, который окружалъ себя великолѣпьемъ и блистательно поддерживалъ свое достоинство. Онъ умеръ около 1790 г. Князья Радзивиллы брали Мирскихъ цыганъ подъ свою протекцію и выдавали имъ для этого грамоты. Послѣдній, историческій памятникъ въ этомъ родѣ, выданъ былъ Марцинкевичу, старшему цыгану, мѣщанину и обывателю города Мира, Карломъ Станиславомъ Радзивиломъ, княземъ Олыцкимъ, Несвижскимъ, и т. д. отъ 22 іюля, 1788 года. Г. Корженѣвскій представляетъ въ своей драмѣ литовскихъ цыганъ, въ ту пору, когда ихъ уже не защищало покровительство литовскихъ магнатовъ. Въ царствованіе Станислава-Августа, въ первый разъ польскихъ цыганъ вывелъ на сцену Ф. Д. Князьнинъ, въ своей прекрасной оперѣ, подъ заглавіемъ *Цыганы*. Съ тѣхъ поръ объ нихъ позабыли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Крашевскій изобразилъ ихъ въ поэтическомъ очеркѣ, въ своей повѣсти: *Chata za cosią* (Изба за деревнею).

Въ литературной хроникѣ этой книжки «Варшавской Библиотеки» помѣщено письмо изъ Москвы, г. Л. Д. Авторъ его съ большими похвалами отзывается объ изданіи «Русскаго Вѣстника» и, между прочимъ, упоминаетъ о моихъ статьяхъ, касающихся польской литературы. Любопытно въ этомъ письмѣ слѣдующее мѣсто: «На театрѣ играли драму Корженѣвскаго: *Старая аристократка* (*Pani Kasztelanowa*), въ переводѣ Соловьева. Я былъ на второмъ представленіи; но, увы! несмотря на то, что играли самые лучшіе артисты, эта пьеса не была сыграна, какъ слѣдуетъ, и потому публика приняла ее холодно, безъ рукоплесканій. Не удивительно; они не знаютъ сближенія слуги съ господиномъ, и что эти слуги—шляхта. Когда я, въ продолженіе игры, безпрестанно слышалъ: *ваше сіятельство*, то

пропадалъ весь эффектъ одного изъ лучшихъ произведеній Корженёвскаго. Здѣсь даютъ балетъ: *Крестьянская свадьба*. Если бы не прибывшій сюда *Gielert* и нѣкоторые наши танцовщики, то не было бы на что и смотрѣть, хотя безпрестанно раздавалось *браво* и *bis*. Только наши были въ краковскихъ костюмахъ, а прочіе въ казаки-нахъ, въ шапкахъ, безъ перьевъ и въ поясахъ безъ колечекъ!»

— Съ 1-го апрѣля нынѣшняго года, въ Царствѣ, началъ выходить, еженедѣльными выпусками, новый журналъ, исключительно посвященный музыкѣ, подъ редакцію извѣстнаго знатока и критика музыки г. Сикорскаго, подъ заглавіемъ: *Ruch Muzyczny* (музыкальное движеніе). Въ немъ помѣщаются отчеты о музыкальной дѣятельности въ Польшѣ и за границею, подробные разборы замѣчательныхъ музыкальных произведеній, историческія статьи о древней и новѣйшей музыкѣ, біографіи знаменитыхъ музыкантовъ, статьи чисто научнаго содержанія, касающіяся методы и преподаванія музыки, смѣсь и разныя объявленія.

П. ДУБРОВСКІЙ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Вопросъ о будущемъ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ и положеніи ихъ относительно Турціи продолжаетъ занимать первое мѣсто въ ряду современныхъ международныхъ вопросовъ. Правда, онъ имѣетъ второстепенную важность; но послѣ большой войны первостепенные вопросы нараждаются не скоро и, народившись, медленно подвигаются впередъ. Къ числу послѣднихъ мы относимъ вопросъ итальянскій. Много было и много будетъ говорено объ этомъ вопросѣ первой важности; всѣ согласны въ томъ, что обойти его нельзя, и что необходимо только предоставить времени указаніе лучшаго средства для достиженія цѣли. Одни предлагаютъ насильственные, революціонныя мѣры: это крайняя партія недовольныхъ, недавно отжившаяся на открытое движеніе противъ существующаго въ Италіи порядка; но такими средствами трудно достигнуть прочной цѣли. Другіе, во главѣ которыхъ стоятъ талантливые государственные люди Піемонта, указываютъ на законныя, но либеральныя мѣры, какъ на

единственное средство вызвать Италию къ самостоятельной политической жизни. Еще не дальше какъ въ послѣднее время вопросъ снова былъ поставленъ между этими двумя направленіями, и при этомъ очевидно не въ пользу перваго. Недавнія попытки произвести возстаніе на Апеннинскомъ полуостровѣ не имѣли успѣха и подали поводъ піемонтскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Кавуру, обратиться къ европейскимъ кабинетамъ съ циркулярною депешей, въ которой изложено мнѣніе Піемонта объ означенныхъ попыткахъ. Графъ Кавуръ повторилъ въ ней свое мнѣніе, высказанное имъ и прежде, что положеніе Италии тогда только можетъ улучшиться, когда итальянскія правительства обратятся къ либеральной политикѣ и конституціонной системѣ. Эта новая депеша графа Кавура еще не обнародована; но журналы, сообщаящіе ея содержаніе, присоединяютъ, что графъ Кавуръ воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы упомянуть о благотѣльномъ вліяніи на Ломбардію тѣхъ уступокъ ея общественному мнѣнію, которыя были сдѣланы австрійскимъ правительствомъ послѣ парижскаго мира.

Менѣе важень, сказали мы, вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ; но это конечно еще не значить, чтобы онъ не имѣлъ своего относительнаго значенія. А значеніе его двоякое: вопервыхъ, онъ важень по отношенію къ самимъ Дунайскимъ княжествамъ, которыя естественно желали бы устроиться такъ, а не иначе; вовторыхъ, съ этимъ вопросомъ соединяется борьба между политикой Франціи и эгоистическою политикой Австріи. Поднявъ вопросъ объ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ, парижскій конгрессъ имѣлъ въ виду упрочить независимость Турціи отъ сильныхъ сосѣдей ея—Россіи и Австріи; Россія, согласившись съ его заключеніями, неуклоняется отъ международныхъ, общечеловѣческихъ цѣлей относительно Дунайскихъ княжествъ; Сардинія и Пруссія придерживаются той же политики, противниками которой являются Австрія, Турція и Англія. Между великимъ визиремъ Решидъ-пашею и представителями европейскихъ державъ въ Константинополѣ уже давно происходили переговоры по этому дѣлу. Коммиссары и посланники Франціи, Россіи, Пруссіи и Сардиніи протестовали противъ избирательныхъ списковъ, составленныхъ въ Молдавіи въ духѣ открыто-враждебномъ соединенію Княжествъ. Несмотря на этотъ протестъ, выборы были произведены въ Молдавіи 19-го іюля. Это возбудило новые переговоры между державами, благопріятствующими соединенію Княжествъ. Онѣ рѣшились требовать, чтобы выборы объявлены были недействительными. Мы еще не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о ходѣ переговоровъ въ Константинополѣ; но протестъ четырехъ названныхъ выше державъ не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ болѣе что есть телеграфическое извѣстіе изъ Константинополя отъ 31-го іюля о выходѣ министерства въ отставку, и о назначеніи новаго министерства,

во главѣ котораго стоитъ уже не Решидъ-паша, а Мустафа-паша, бывший губернаторомъ на островѣ Критѣ. Мы возвратимся къ этому предмету въ слѣдующемъ обзорѣ.

Французскій комиссаръ въ Дунайскихъ княжествахъ бдительно слѣдилъ за ходомъ тамошнихъ дѣлъ, и въ офиціальномъ органѣ французскаго правительства, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, отъ времени до времени появлялись полу-офиціальныя письма изъ Букареста и Яссы, письма, въ которыхъ указывались злоупотребленія начальствъ по поводу выборовъ. Недавно во французскомъ «Монитерѣ» появилось новое письмо изъ Яссы въ томъ же родѣ. Изъ него видно, что агенты молдавскаго каймакана считаютъ даже побои позволительнымъ средствомъ противодействія приверженцамъ соединенія. Передъ выборами каймаканъ продолжалъ произвольно смѣнять чиновниковъ; другіе чиновники сами выходили въ отставку, не имѣя возможности добросовѣстно исполнять свою обязанность. Такъ поступилъ начальникъ города Галаца, г. Куца, считавшійся однимъ изъ способнѣйшихъ людей въ администраціи. Просьба его объ увольненіи, какъ офиціальная бумага, должна быть передана европейской международной комиссіи и будетъ присоединена къ числу документовъ, которые поступятъ на разсмотрѣніе парижской конференціи. Просьба г. Куцы показываетъ какъ важны были злоупотребленія, побудившія его удалиться. Такъ какъ этими злоупотребленіями объясняется политика державъ, благопріятствующихъ соединенію Княжествъ, то мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь просьбу г. Куцы въ русскомъ переводѣ:

«Просьбы и жалобы гражданъ всѣхъ сословій въ Галацѣ и Галацкомъ округѣ, по поводу угрозъ сборщика податей и избирательнаго комитета, желающихъ стѣснить или вовсе уничтожить свободу выборовъ, утвержденную фирманомъ, справедливы и законны; напротивъ, образъ дѣйствій чиновниковъ, обязанныхъ содѣйствовать выборамъ, совершенно противенъ законамъ и фирману. Во первыхъ, чиновники позволяютъ себѣ публиковать фальшивые списки, внося въ нихъ нѣкоторыя имена и исключая другія, которыя стояли въ первоначальныхъ спискахъ, составленныхъ городскими совѣтами. Во вторыхъ, многіе чиновники, пользовавшіеся уваженіемъ, смѣнены, и на мѣсто ихъ, въ такое критическое время, назначены люди неспособные и вредные. Третьихъ, въ Галацкомъ округѣ господствуетъ система устрашенія съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ города; а именно: главный сборщикъ майоръ Кристе и полицейскій комиссаръ ночью вломились въ домъ стольника Алевра. Это исполнено было по приказанію вашего превосходительства (1), на которое

(1) Просьба объ отставкѣ писана на имя каймакана.

ссылается майоръ, и въ то время, когда меня не было въ Яссахъ. Отъ меня скрывались, потому что я не допустилъ бы такихъ беззаконныхъ дѣлъ, и никогда бы не согласился быть постыднымъ орудіемъ правительства. Вчетвертыхъ, избирательный комитетъ поступаетъ незаконно, отвергая просьбы тѣхъ, которые имѣютъ право просить и жаловаться, и не давая имъ никакихъ объясненій. Такъ было поступлено со всѣми небогатыми землевладѣльцами и со многими боярами. Впятыхъ, комитетъ засѣдаетъ только для вида, а въ дѣйствительности ограничивается исполненіемъ распоряженій, несколько не согласныхъ съ фирманомъ. Вшестыхъ, меня удалили изъ комитета и послали въ молдавскую часть Бессарабіи, тогда какъ по смыслу фирмана я былъ обязанъ предсѣдательствовать въ комитетѣ. Вседьмыхъ, восемь предмѣстievъ лишены политическихъ правъ, хотя жители ихъ и внесены въ избирательные списки; исключенъ также цехъ странствующихъ торговцевъ и пр. Всѣ эти поступки съ одной стороны нарушаютъ права гражданъ, съ другой — текстъ фирмана, основанный на парижскомъ трактатѣ. Несмотря на изустныя представленія, сдѣланныя мною вашему превосходительству и министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости прекратить подобныя злоупотребленія (ибо я былъ увѣренъ, что они происходятъ отъ низшихъ чиновниковъ), вами не было сдѣлано никакихъ распоряженій; напротивъ, насильственные мѣры стали чаще, и потому я вынужденъ, при всемъ моемъ желаніи служить отечеству въ такое критическое время, просить объ увольненіи моемъ отъ должности паркалаба, слишкомъ тяжелой при такой системѣ.»

Трудно повѣрить, чтобы въ XIX вѣкѣ, въ странѣ, на которую обращено усиленное вниманіе всей Европы, возможны были подобныя злоупотребленія; еще менѣе вѣроятно, чтобы люди, стоящіе во главѣ управленія, могли въ наше время и при такихъ обстоятельствахъ надѣяться на безнаказанность подобнаго образа дѣйствій. А между тѣмъ это такъ. Понятно, что Франція, Россія, Пруссія и Сардинія рѣшились громко протестовать противъ выборовъ, произведенныхъ на такомъ основаніи, и что Порта должна принять какія-нибудь мѣры для удовлетворенія какъ правительства и общественнаго мнѣнія Европы, такъ и тѣхъ несчастныхъ провинцій, участь которыхъ зависитъ отъ исполненія парижскаго трактата. Мы упомянули выше о телеграфическомъ извѣстіи изъ Константинополя относительно перемѣны оттоманскаго министерства. Есть другое, позднѣйшее извѣстіе (отъ 5-го августа) изъ Константинополя о томъ, что французскій посланникъ формально требовалъ отозванія молдавскаго каймакана, и, не получивъ удовлетворенія, намѣренъ былъ выѣхать изъ столицы. Султанъ принужденъ былъ употребить послѣднее средство соглашенія, именно объявить, что обратится съ письмомъ къ императору Французовъ. Новое министерство, очевидно, отказалось отъ слишкомъ важныхъ уступокъ.

Дѣла Англіи на отдаленномъ Востокѣ сильно запутываются. О возстаніи остъ-индскихъ войскъ было и будетъ сообщено во второй части нашего обозрѣнія; здѣсь мы замѣтимъ только, что это возстаніе не останется безъ вліянія на ходъ англо-китайской войны. Значительная часть военныхъ силъ, первоначально отправленныхъ изъ Англіи въ Китай, отвлечена отъ этого назначенія остъ-индскими событіями. Французская помощь, о которой недавно сообщали всѣ журналы, не обѣщана Англіи: «Мониторъ» офиціально объявилъ, что французское правительство не имѣетъ въ виду отправить войско въ Китай для совмѣстныхъ дѣйствій съ Англичанами. Впрочемъ, Англія едва ли желала этой помощи, по крайней мѣрѣ до остъ-индскаго возстанія. По всему видно, что она желаетъ играть исключительную роль въ Китаѣ, и что ей хотѣлось бы одной наказать Китайцевъ. Въ настоящее время сухопутныя силы ея направлены въ Остъ-Индію, и слѣдовательно пока не могутъ дѣйствовать въ Китаѣ; но флотъ уже приступилъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ: въ концѣ мая и 1-го юня онъ захватилъ 167 китайскихъ джонокъ, на которыхъ было болѣе 900 пушекъ.

Неучастіе Франціи въ англо-китайской войнѣ не означаетъ однако, чтобы между правительствами французскимъ и англійскимъ произошло охлажденіе. 6-го августа императоръ Французовъ вторично посѣтилъ королевѣ англійскую, въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ, графа Валуевскаго. Это посѣщеніе уже подаетъ поводъ къ разнымъ толкамъ; полагаютъ, что результатомъ этого посѣщенія будетъ удаленіе изъ Англіи Ледрю-Роллена и другихъ политическихъ изгнанниковъ, отъ которыхъ такъ сильно желаетъ избавиться нынѣшнее французское правительство. Какъ бы то ни было, посѣщеніе это чрезвычайно важно въ настоящее время. Замѣчательно также, что на другой день по прибытіи императора Французовъ на островъ Вайтъ, въ англійской министерской газетѣ (Morning-Post) помѣщена сильная статья противъ французскаго посланника въ Константинополь, г. Ту-венеля.

Важнѣйшее постановленіе послѣднихъ двухъ недѣль, въ нашемъ отечествѣ, есть недавно обнародованный уставъ десятой народной переписи. Передаемъ главные ея основанія. Переписи подлежатъ всѣ подданные Россіи, всякаго возраста, пола, поколѣнія или племени и исповѣданія, съ тѣми только изъятіями, о которыхъ упомянется ниже. Подлежащіе переписи вносятся въ нее или для платежа податей и отправленія другихъ государственныхъ повинностей или только для одного счета народонаселенія. Съ первою цѣлю въ перепись вносятся: 1) купцы всѣхъ гильдій (на случай перехода ихъ въ мѣщане), мѣщане, цѣховые, рабочіе и т. п. 2) поселяне всѣхъ наименованій,

3) ямщики, 4) однодворцы, 5) государственные крестьяне, водворенные на собственных землях и крестьяне остзейских губерний; 6) вольные люди, въ городахъ и селеніяхъ живущіе, по ихъ сословіямъ, половники, Евреи земледѣльцы и обязанные крестьяне; 7) пахотные солдаты, 8) малороссійскіе казаки и войсковые обыватели; 9) крестьяне, приписанные къ заводамъ и фабрикамъ; 10) крестьяне приписанные къ городамъ и разнымъ учрежденіямъ; 11) поселенные питомцы воспитательныхъ домовъ; 12) колонисты, 13) крѣпостные дворовые люди, 14) служители при разныхъ казенныхъ мѣстахъ и ихъ семейства; 15) лица, принадлежащія къ магометанскому духовенству во всѣхъ губерніяхъ, кромѣ Таврической, гдѣ въ перепись вносятся только ихъ семейства. Дѣти же высшихъ духовныхъ лицъ освобождаются отъ внесенія въ перепись. 16) Воспитанники изъ податнаго состоянія коммерческихъ училищъ и разныхъ технологическихъ заведеній; 17) дѣти и потомство солдатъ и матросовъ; 18) дѣти мужескаго пола, прижитыя временно пребывающими въ Россіи азіатцами отъ брака съ дочерьми русскихъ подданныхъ; 19) лица податнаго состоянія, поселившіяся въ руссійско-американскихъ колоніяхъ; 20) поселенцы въ Сибири и дѣти ихъ; 21) ссыльно-каторжные, освобожденные отъ работъ, и дѣти ихъ; 22) государственные преступники и дѣти ихъ, находящіеся на поселеніи; 23) всѣ инородцы; 24) всѣ лица, которыя по изданіи указа о десятой переписи обязаны, при избраніи рода жизни, приписаться къ податному состоянію.

Для одного счета народонаселенія въ перепись вносятся: 1) воспитанники разныхъ технологическихъ заведеній, приобрѣтшіе особыя права по окончаніи курса; 2) ученики сиротскихъ домовъ до выпуска; 3) уволенные изъ адмиралтейскихъ рабочихъ экипажей питомцы воспитательнаго дома; 4) получившіе званіе ученыхъ мастеровыхъ изъ воспитанниковъ московскаго ремесленнаго учебнаго заведенія; 5) отставные придворные служители и дѣти ихъ; 6) лица, лишенныя духовнаго сана за пороки, и, по престарѣлымъ лѣтамъ и совершенной неспособности къ работамъ, отданные родственникамъ или въ приказы общественнаго призрѣнія; 7) воспитанники приказовъ общественнаго призрѣнія до достиженія ими совершеннолѣтія, а также отпущенныя на волю безъ отцовъ и матерей или другихъ родственниковъ малолѣтныя дѣти или круглыя сироты изъ крѣпостныхъ крестьянъ или дворовыхъ людей, которыхъ отпускныя хранятся въ приказахъ общественнаго призрѣнія; 8) штатные служители при церквахъ, монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ и дѣти ихъ, не достигшія двадцатилѣтняго возраста; 9) штатные служители при католическихъ монастыряхъ, имѣнія которыхъ взяты въ казну; 10) вольные матросы, записанные въ цехи; 11) нѣжинскіе Греки; 12) овцеводы изъ иностранцевъ и дѣти ихъ; 13) обывлые вотчинники и крестьяне, проживающіе Олонецкой губерніи въ Петро-

заводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ; 14) бѣлопашцы въ Костромской губерніи; 15) крестьяне, вошедшіе въ округи военныхъ поселеній, но окончательно въ оныя не поступившіе; 16) адмиралтейскіе поселенцы охтенскіе и черноморскіе; 17) крестьяне, приписанные къ дворцамъ С.-Петербургской губерніи; 18) крестьяне при Киевской Межигорской фабрикѣ; 19) приписанные къ Павловской суконной фабрикѣ крестьяне и мастеровые; 20) приписанные къ Елтонскому соляному озеру крестьяне; 21) крестьяне городскихъ госпитальныхъ мызъ въ Эстляндской губерніи; 22) всѣ лица податнаго состоянія, призрѣваемые въ богоугодныхъ заведеніяхъ; 23) крещенные инородцы, которые до принятія православія были изъятые отъ платежа податей; 24) государственные преступники, состоящіе подъ полицейскимъ надзоромъ. Сверхъ того, также для одного только счета, вносятся въ перепись священно-и-церковно-служители православнаго и другихъ христіанскихъ исповѣданій.

Вовсе изъемяются отъ внесенія въ перепись: 1) дворяне, потомственные и личные; 2) лица, состоящіе въ государственной службѣ; 3) домашніе учителя, 4) всѣ нижніе военные чины, состоящіе на службѣ, какъ регулярнаго, такъ и иррегулярнаго войска; 5) почетные граждане, потомственные и личные; 6) дѣти евангелическо-лютеранскихъ пасторовъ, рожденные въ бытность отцовъ ихъ проповѣдниками, и причисленные къ почетному гражданству; 7) отставные канцелярскіе служители, вышедшіе въ отставку до изданія указа 22-го ноября 1828 года; 8) люди, принадлежащіе къ вѣдомствамъ почтовому и театральному; 9) отставные придворные служители и дѣти ихъ, не принятые въ придворное вѣдомство и не записанные въ податное состояніе; 10) лица, пріобрѣтшія ученые степени, кромѣ аптекарскихъ учениковъ; 11) приходскіе учителя, комнатные надзиратели, помощники инспекторовъ университетскихъ студентовъ, смотрители за воспитанниками министерства народнаго просвѣщенія и проч.; 12) лица, которыя, будучи обязаны избрать родъ жизни, поступили въ служительскія должности при казенныхъ мѣстахъ и присутствіяхъ, а также служители казенныхъ типографій и проч.; 13) изъ магометанскаго духовенства Таврической и западныхъ губерній: высшія духовныя лица, уволенные за старостью и увѣчьемъ, перечисленные въ духовенство до изданія мѣстнаго Государственнаго Совѣта 24-го мая 1848 года, и дѣти ихъ; 14) каранмы, занимающіе духовныя должности; 15) штатные ламы въ Сибири; 16) осыдлые инородцы въ колоніяхъ Россійско-Американской Компаніи, также племена, живущія по берегамъ Америки, и креолы, 17) Киргизы Внутренней орды; 18) мастеровые и рабочіе при монетныхъ дворахъ и казенныхъ заводахъ и мануфактурахъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ кабинета Его Императорскаго Величества.

Касательно способа производства ревизіи постановлены слѣдующія

правила. Всѣ прописные въ послѣднюю, девятую ревизію вносятся въ новую безъ всякаго взысканія за прежнюю утайку или пропускъ. Дѣйствіе переписи открывается со дня полученія на мѣстахъ указа. Внесеніе вновь родившихся и исключеніе умершихъ людей ограничивается днемъ подписанія ревизскихъ сказокъ. Для подачи ревизскихъ сказокъ назначаются два срока: первоначальный и дополнительный, послѣдній со внесеніемъ пени. Первоначальный продолжается годъ, а въ губерніяхъ Ставропольской и сибирскихъ четырнадцать мѣсяцевъ, со дня полученія указа. Дополнительный срокъ продолжается три мѣсяца, а въ губерніяхъ Ставропольской и сибирскихъ — четыре мѣсяца.

Относительно торговли и кредитныхъ учрежденій вышли слѣдующія постановленія. Высочайше-утвержденнымъ 10-го іюня мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, предписано допустить пріемъ акцій Камско-Волжскаго Пароходнаго Общества въ залоги по казеннымъ порядкамъ, поставкамъ и откупамъ, въ 150 руб. сер. каждую. — Высочайше-утвержденнымъ 10-го іюля мнѣніемъ Государственнаго Совѣта разрѣшено: 1) Коммерческому Банку производить, между прочимъ, ссуды: а) подъ учетъ билетовъ сохранныхъ казенъ и шестипроцентныхъ билетовъ комиссіи погашенія долговъ по 95 коп.; б) подъ пятипроцентные билеты той же комиссіи и пятипроцентныя облигаціи Царства Польскаго, по 90 коп.; с) подъ $4\frac{1}{2}\%$ билеты той же комиссіи по 80 коп., и d) подъ польскія облигаціи въ 500 злотыхъ — по 70 коп. за рубль. 2) Рижской конторѣ, независимо отъ выдачъ подъ учетъ векселей и подъ залогъ товаровъ, производить ссуды подъ залогъ билетовъ сохранныхъ казенъ, Коммерческаго и Заемнаго банковъ по 6%; подъ залогъ билетовъ комиссіи погашенія долговъ по 95 коп. за рубль; подъ учетъ облигацій займовъ Царства Польскаго и облигацій казначейства Царства; подъ залогъ билетовъ дворянскихъ кредитныхъ обществъ лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго; подъ учетъ непрерывно-доходныхъ билетовъ лифляндскаго крестьянскаго банка и облигацій, выданныхъ рижскимъ биржевымъ комитетомъ по разрѣшенному ему пятипроцентному займу, по 80 коп. за рубль. — Высочайшимъ повелѣніемъ 4-го іюня предписано, по окончаніи правъ одесскаго порто-франко, то-есть съ 15-го августа текущаго 1857 года, распространить на Одессу общій таможенный тарифъ.

Въ Англіи извѣстія изъ Индіи продолжаютъ тревожить правительство и общественное мнѣніе. По всѣмъ признакамъ, возстаніе сипаевъ есть явленіе гораздо болѣе важное, чѣмъ простой военный бунтъ. Нѣкоторые журналы дотога доходятъ въ своихъ опасеніяхъ, что совѣтъ правительству принять для усмиренія Индіи столь же рѣшительныя мѣры, какъ еслибы дѣло шло о европейской войнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, религіозный характеръ возстанія не подлежитъ

теперь никакому сомнѣнію, и едва ли британскому правительству не предстоитъ снова совершить покореніе Индіи. Безпокойство увеличивается еще рѣдкостію официальныхъ донесеній. До сихъ поръ правительство могло только одинъ разъ удовлетворить требованію парламента, представивъ ему полученныя изъ Индіи донесенія. Но въ этихъ донесеніяхъ не содержалось ничего новаго. Они только подтверждали то, что уже было извѣстно изъ корреспонденцій журналовъ и депешъ, полученныхъ торговыми домами. Къ довершенію затруднительнаго положенія, въ которомъ находится англійская армія въ Индіи, она потеряла еще своего главнокомандующаго. Генералъ Ансонъ, который долженъ былъ командовать войскомъ, осаждающимъ Дельги, умеръ отъ холеры 27 мая. Мѣсто его занялъ пока генералъ сэръ-Патрикъ Грантъ. Правительство назначило главнокомандующимъ сэръ-Коллинъ Кемпбелля. Этотъ выборъ былъ встрѣченъ благопріятно общественнымъ мнѣніемъ. Новый начальникъ принялъ затруднительный постъ съ большою готовностію и спѣшилъ отправиться въ Индію. Какъ видно, въ Англій намерены не щадить средствъ для прекращенія бунта. Въ парламентѣ былъ предложенъ вопросъ, нѣтъ ли необходимости сдѣлать заемъ для предстоящей экспедиціи; но министерство отвѣчало, что средства компаніи таковы, что вовсе не требуютъ вмѣшательства правительства.

Между тѣмъ въ Индіи до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано для усмиренія мятежа, который съ каждымъ днемъ распространяется далѣе, сопровождаясь ужасными происшествіями. Когда сипаи овладѣли городомъ Дельги, они поступали съ своими европейскими офицерами съ крайнею жестокостію. Офицеры, попавшіеся въ руки мятежниковъ, были умерщвляемы самымъ возмутительнымъ образомъ. Въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сначала были изрублены ихъ жены и дѣти, а потомъ они сами. Спасшіеся должны были преодолѣть страшныя препятствія. Въ городѣ всѣ бродяги присоединились къ мятежникамъ. Новый король былъ провозглашенъ на другой день послѣ истребленія Европейцевъ. Королевское знамя было выставлено на главной полицейской канцеляріи, потомъ стрѣляли изъ пушекъ въ честь восшествія на престолъ, затѣмъ возобновились прежнія сцены. Мѣстный банкъ былъ совершенно разграбленъ. Въ два дня исчезло до 200,000 рупій. Почта остановлена, телеграфическія нити перерѣзаны. Европейцы не смѣютъ показаться на улицахъ. Въ городѣ нѣтъ никакого порядка, и каждый долженъ самъ защищаться. Мятежники напали было на домъ одного изъ важнѣйшихъ банкировъ, Мунгси Рама; но тотъ, съ помощью своихъ людей, далъ имъ такой отпоръ, что они не осмѣлились повторить нападенія. Король безсиленъ остановить своевольство сипаевъ. Многіе думаютъ, что онъ даже принялъ это званіе противъ воли и только для спасенія собственной жизни. По окончаніи кровопролитія онъ разѣзжалъ по

улицамъ, упрашивая купцовъ открывать лавки. Затѣмъ онъ послалъ за важнѣйшими лицами города и окрестностей и просилъ ихъ помочь ему основать правительство. Разумѣется, всѣ эти мѣры не привели ни къ какому результату. Купцы не хотѣли открывать лавокъ, а лица, къ которымъ обратился король, отказались помогать ему подъ предлогомъ болѣзни или неопытности въ дѣлахъ. Король произвелъ нѣкоторыхъ изъ туземныхъ офицеровъ въ генералы и маршалы, а солдатамъ велѣлъ раздать по 14 рупій въ мѣсяцъ. Беспорядокъ, господствующій въ городѣ, не могъ, разумѣется, остаться безъ послѣдствій. Многіе увѣряютъ, что вслѣдствіе множества не погребенныхъ труповъ въ Дельги должна открыться большая смертность. Можетъ-быть, въ такомъ случаѣ Англичанамъ и удастся овладѣть имъ; но военными средствами, которыми они теперь располагаютъ, едва ли имъ удастся это сдѣлать. Число возставшихъ сипаевъ значительно превышаетъ англійскую армію. При одной вылазкѣ изъ города сипаи потерпѣли пораженіе и потеряли нѣсколько пушекъ; но потомъ Англичане не имѣли никакого успѣха.

Любопытны нѣкоторыя подробности возстанія, которыя доказываютъ, какой фанатизмъ овладѣлъ индійскими племенами. Вотъ исторія возмущенія 9-го полка. Эмиссаръ мятежныхъ сипаевъ пробрался въ Ферозеноръ и старался уговорить солдатъ присоединиться къ дельгійскимъ бунтовщикамъ. Онъ тотчасъ былъ схваченъ и разстрѣлянъ. Но прежде, чѣмъ успѣли убрать тѣло, изъ рядовъ 9-го полка вышелъ фанатикъ и сказалъ, что убить мученика религіи, и что правительство намѣрено истребить всѣ касты въ Индіи. Послѣ нѣкотораго колебанія почти весь полкъ поднялъ крикъ и объявилъ, что пойдетъ въ Дельги. Нѣкоторые изъ солдатъ подходили къ своимъ офицерамъ и говорили имъ, что они не могутъ противиться желанію своихъ товарищей, но будутъ стараться спасти офицеровъ: эти солдаты сдержали свое слово. Возстаніе въ недавно-присоединенномъ Аудскомъ королевствѣ произошло еще болѣе замѣчательнымъ образомъ. 14-й полкъ, который тамъ находится, уговоренный офицерами, къ которымъ солдаты были привязаны, рѣшился не присоединяться къ бунтовщикамъ, а просто разойтись, если ему будутъ розданы подозрительные патроны. Для того, чтобъ совершенно успокоить этотъ полкъ, начальство вздумало сжечь всѣ патроны. Эта мѣра произвела впечатлѣніе, совершенно противоположное тому, котораго ожидали. Солдаты вообразили, что въ патронахъ непременно должно заключаться что-нибудь нечистое, потому что иначе начальство не стало бы жечь ихъ. Этого было достаточно для возмущенія цѣлаго полка, который тотчасъ же присоединился къ мятежникамъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, возстаніе приняло самыя широкіе размѣры.

Волненія въ Индіи не мѣшаютъ парламенту обращать самое серьезное вниманіе на внутреннія реформы. Вопросъ о допущеніи Евреевъ въ нижнюю палату не считается окончательно рѣшеннымъ, несмотря на утвержденіе билля о присягѣ палатою лордовъ. Уже теперь приверженцы этого билля изыскиваютъ всѣ средства для введенія Евреевъ въ парламентъ. Съ этою цѣлію парламенту сдѣлано два предложенія. Одно изъ нихъ принадлежитъ г. Дильвейну, другое—Джону Росселю. Г. Дильвейнъ предлагаетъ объявить вопросъ о присягѣ такимъ вопросомъ, который касается внутренняго устройства нижней палаты, и потому не требуетъ для рѣшенія участія палаты лордовъ. Если предложеніе г. Дильвейна будетъ принято, то, при чтеніи присяги для г. Ротшильда, клеркъ палаты опуститъ слова: «по истинной христіанской вѣрѣ». Впрочемъ, это средство далеко не такъ можетъ быть успѣшно, какъ кажется съ перваго взгляда. По англійскимъ законамъ, всякій имѣетъ право протестовать противъ незаконнаго присутствія въ палатѣ и требовать, чтобы депутатъ, незаконно поступившій въ палату, былъ приговоренъ къ уплатѣ значительной пени. Подобный примѣръ уже былъ въ исторіи парламента. Въ юль 1851 альдерманъ Саломонсъ далъ такую не полную присягу, съ опущеніемъ послѣднихъ словъ формы. Противъ г. Саломонса былъ въ слѣдствіе этого предъявленъ искъ, и палата казначейства обвинила его, приговоривъ къ штрафу въ 500 ф. стерл. (3,925 р. сер.). Правда, на это рѣшеніе была подана аппелляція въ палату лордовъ, но дѣло до сихъ поръ еще не рѣшено, и г. Ротшильдъ рискуетъ подвергнуться той же участи. Кромѣ этого препятствія, предложеніе г. Дильвейна встрѣтило еще сильное сопротивленіе со стороны лорда вице-канцлера. Лордъ Кампбелль не принадлежитъ къ числу противниковъ билля о присягѣ, но руководимый чувствомъ законности, не желаетъ, чтобы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ внѣ обыкновенныхъ парламентскихъ способовъ. Говоря о предложеніи г. Дильвейна, лордъ Кампбелль называлъ его нарушеніемъ конституціи и объявилъ, что будетъ самъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ барона Ротшильда. Увлеченный собственнымъ краснорѣчіемъ, лордъ Кампбелль воскликнулъ даже, что если нижняя палата пошлетъ его въ тюрьму за исполненіе закона, то онъ надѣется, что народъ возстанетъ на его защиту. Нѣтъ сомнѣнія, что эти слова останутся риторическою фигурой, и что дѣло никакъ не дойдетъ до подобныхъ крайностей.—Другое предложеніе, сдѣланное лордомъ Джономъ Росселемъ, имѣетъ, кажется, за себя болѣе вѣротности успѣха. Оно состоитъ въ томъ, чтобы нижняя палата объявила принадлежащими себѣ тѣ права, которыя имѣетъ всякое судебное мѣсто относительно присяги, то-есть, право требовать отъ своихъ членовъ только той присяги, которая обязываетъ ихъ совѣсть. Такимъ образомъ, принимая депутата нехристіан-

скаго исповѣданія, палата имѣла бы право освободить его отъ произнесенія словъ: «по истинной христіанской вѣрѣ». Притязанія нижней палаты рѣшить вопросъ о присягѣ, независимо отъ верхней, не заключаютъ въ себѣ ничего необыкновеннаго. Подобный же способъ рѣшенія былъ допущенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ палатою лордовъ, по дѣлу лорда Венслидела. Тогда надобно было рѣшить, можно ли допустить пожизненныхъ перовъ, и верхняя палата сдѣлала объ этомъ постановленіе безъ всякаго участія нижней палаты. Предложеніе лорда Джона Росселя тѣмъ скорѣе можетъ имѣть благопріятный успѣхъ, что его обѣщаль поддерживать лордъ Пальмерстонъ, объявивъ однако, что не желаетъ дать этому предложенію первенства передъ реформами, которыя намѣрено предложить правительство. Предложеніе лорда Джона Росселя было принято, при первомъ чтеніи, большинствомъ 246 голосовъ противъ 154. Между тѣмъ, какъ въ парламентъ происходили эти пренія, избиратели города Лондона собрались на митингъ, подѣ председательствомъ г. Прескотта. На этомъ митингѣ баронъ Ротшильдъ, котораго избраніе было, по обыкновенію, поводомъ къ парламентарской борьбѣ, отказался отъ званія депутата, удерживая однако свою кандидатуру на случай, если била о присягѣ будетъ наконецъ утвержденъ. Для того, чтобъ объяснить себѣ значеніе отказа барона Ротшильда, надобно вспомнить, что въ Англіи, гдѣ права лицъ пользуются такимъ широкимъ обезпеченіемъ со стороны закона, никто въ сущности не можетъ лишить избраннаго депутата званія члена палаты. Хотя, не давъ присяги, баронъ Ротшильдъ лишень права принимать участіе въ засѣданіяхъ, но до его отказа нельзя выбрать на его мѣсто другаго. Г. Ротшильдъ не хотѣлъ лишать своихъ избирателей представителя въ нижней палатѣ. Избиратели подтвердили ему, что онъ во всякомъ случаѣ можетъ располагать ихъ голосами, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, повторили свой выборъ.

Нижняя палата, или вѣрнѣе, назначенный ею комитетъ продолжаетъ заниматься разсмотрѣніемъ неправильныхъ избраній на послѣднихъ выборахъ. Нѣкоторые изъ нихъ сопровождались довольно любопытными обстоятельствами. Особенно въ Ирландіи католическое духовенство, въ ревностной защитѣ своихъ кандидатовъ, доходило до самыхъ неумѣренныхъ поступковъ. Комитетъ открылъ напримѣръ, что ирландскій священникъ, отецъ Конвей (Conway), поддерживая католическаго кандидата г. Мура, ходилъ съ толпою людей, вооруженныхъ камнями и дубинами, по окрестностямъ Дублина, не допуская въ городъ тѣхъ избирателей, которые намѣрены были подать голосъ за кандидата противной партіи. Ультрамонтанскіе журналы во Франціи находятъ средство защищать подобный образъ дѣйствія.

Мы говорили въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣй о новомъ

законъ, предложенномъ нижней палатѣ лордомъ Кампбеллемъ, о признаніи за журналами права передавать публичныя рѣчи, произнесенныя въ парламентѣ или на митингахъ. Тогда палата назначила особый комитетъ для разсмотрѣнія этого вопроса. Теперь комитетъ окончилъ свою работу и представилъ донесеніе палаты. Считаеиъ нелишнимъ напомнить нашимъ читателямъ, въ чемъ именно заключаются затрудненія при рѣшеніи этого вопроса. Извѣстно, что, по закону, журналамъ не только не позволено, но положительно запрещено печатать подобныя рѣчи. Но дѣло не въ этомъ. Еслибъ надобно было только уничтожить обветшалый законъ, лишенный смысла въ настоящее время, то вопросъ могъ бы быть рѣшенъ удовлетворительно безъ всякихъ затрудненій. Но съ нимъ тѣсно связанъ вопросъ объ искахъ о безчестьѣ, которые, при сильно развитой гласности, служатъ въ Англіи единственнымъ обезпеченіемъ для частныхъ лицъ противъ злоупотребленій журналистики. Въ Англіи иски о безчестьѣ замѣняютъ исправительные штрафы, принятые во Франціи, и надобно сказать, лучше достигаютъ цѣли. Огромность суммы, къ уплатѣ которой судъ можетъ приговорить виновнаго въ качествѣ вознагражденія за убытки, можетъ остановить самаго смѣлаго чело-вѣка. Случалось, что убытки опредѣлялись въ сумму 6000 ф. стерл. До сихъ поръ журналы подвергались одинаковой отвѣтственности съ авторами рѣчи и слѣдовательно могли быть приговорены къ участию въ уплатѣ. Казалось бы, что всего справедливѣе освободить совершенно журналы отъ судебного преслѣдованія: въ намѣреніяхъ оратора всегда заключается дать своей рѣчи наибольшую гласность, поэтому и естественно возложить на него всю тяжесть отвѣтственности. Но лордъ Кампбелль не рѣшился однако дать такой простой смыслъ новому закону. Съ обычнымъ въ Англіи почтеніемъ къ прошедшему, онъ предпочелъ избрать среднюю дорогу. Не ставя журналовъ внѣ всякой отвѣтственности, онъ предпочелъ опредѣлить тѣ случаи, въ которыхъ напечатаніе рѣчей будетъ считаться, употребляя англійское выраженіе, *привилегированнымъ*, то-есть когда журналы не отвѣчаютъ за то. Сюда входятъ рѣчи на засѣданіяхъ парламента и митингахъ, но не всѣхъ, а только тѣхъ, которые исчислены въ законѣ. Къ числу такихъ митинговъ отнесены—собранныя шерифомъ или меромъ для принесенія просьбы королевѣ или парламенту, собранія муниципальных совѣтовъ и совѣтовъ народнаго здравія, собранія всякой корпорации, утвержденной парламентомъ, для раскладки податей и совѣщаній о мѣстныхъ дѣлахъ; однимъ словомъ, всѣ митинги съ политическимъ или общественнымъ характеромъ. Въ настоящее время этотъ билль поступилъ на разсмотрѣніе нижней палаты.

Билль о разводѣ, поступившій въ нижнюю палату изъ верхней, былъ уже прочтенъ одинъ разъ и получилъ большинство. Второе

чтеніе назначено черезъ нѣсколько дней. Предложеніе одного изъ членовъ отложить чтеніе билля на мѣсяць было отвергнуто большинствомъ 217 голосовъ, противъ 130.

Волненіе, возбужденное въ обществѣ слухами о желаніи индійскихъ плантаторовъ получить согласіе правительства на ввозъ свободныхъ негровъ въ Индію, нашло отголосокъ въ парламентѣ. Въ засѣданіи верхней палаты 17-го іюля лордъ Брумъ сдѣлалъ предложеніе о поднесеніи королевѣ адреса, съ просьбою не давать соизволенія на такую мѣру, которая можетъ имѣть послѣдствіемъ возобновленіе торговаго неграми. Изъ преній по этому поводу открылось, что императоръ Французовъ далъ разрѣшеніе на ввозъ свободныхъ негровъ изъ Африки во французскія колоніи, гдѣ недостатокъ рукъ становится очень чувствителенъ. Адресъ былъ представленъ въ концѣ мѣсяца, и королева отвѣчала, что ея правительство никогда не согласится на такую предосудительную мѣру. Хотя, при этомъ, рѣчь идетъ о ввозѣ свободныхъ негровъ, но опасаются, что это возобновитъ кровопролитія между африканскими племенами, и поведетъ къ усиленію той ловли живыхъ людей, которою занимались негретянскіе царьки; что хотя негры коснувшись почвы колоній, и будутъ свободными, но приобрѣтеніе ихъ будетъ слѣдствіемъ неизчислимыхъ золъ! Не рѣшаемъ въ какой мѣрѣ вѣрны эти опасенія общественнаго мнѣнія въ Англіи.

Для полноты сообщаемыхъ извѣстій скажемъ однихъ *рѣчахъ* гг. Робокъ и Дизраэли, изъ которыхъ ни одна не имѣла послѣдствій. Первый изъ этихъ депутатовъ предлагалъ довольно поздно выразить неодобреніе палаты относительно дѣйствій правительства въ недавно кончившуюся персидскую войну. Предложеніе, запоздавшее и опиравшееся почти исключительно на финансовыя издержки, было отвергнуто нѣкою палатой. Оно не имѣло бы никакого интереса, еслибы въ теченіи преній не возникъ вопросъ, относящійся къ англійской конституціи и превосходно свидѣтельствующій о ея медленномъ, историческомъ образованіи, а главное о томъ, что въ Англіи сила заключается не въ буквѣ хартій, а въ общественномъ обычаѣ. Г. Робокъ опровергалъ право правительства объявлять войну, не предупредивъ о томъ заранее парламента. Ему было однако доказано, что это право существуетъ. Г. Дизраэли осуждалъ управленіе Остъ-Индіей и доказывалъ, что возстаніе носитъ религіозный и національный характеръ. Его поддерживала вся торійская партія. Въ этихъ обвиненіяхъ, конечно, много справедливаго, но въ такое трудное время парламентъ не можетъ отказать правительству въ своемъ нравственномъ содѣйствіи. Рѣчь г. Дизраэли встрѣтила сильное сопротивленіе и вызвала совершенно противоположное дѣйствіе. Палата рѣшила поднести адресъ королевѣ съ изъявленіемъ своей готовности содѣйствовать правительству въ дѣлѣ усмиренія мятежа въ Индіи.

Англіи какъ будто суждено заразъ перенести нѣсколько испытаній. Въ то самое время, когда всѣ были заняты индійскими дѣлами, въ Дублинѣ произошли безпокойства, которые, впрочемъ, были почти немедленно прекращены и не привлекли большаго вниманія ни со стороны общества, ни со стороны парламента. Болѣе отголоска нашло другое происшествіе, неудача англійской партіи на Іоническихъ островахъ. 2-го іюля, въ засѣданіи законодательнаго собранія, однимъ изъ членовъ его было объявлено, что между жителями Корфу ходитъ по рукамъ кѣмъ-то составленная просьба о томъ, чтобы островъ былъ объявленъ англійскою колоніей. Это извѣстіе было встрѣчено общимъ негодованіемъ. Всѣ члены собранія, и президентъ въ главѣ ихъ, объявили съ энтузіазмомъ, что ихъ единственное желаніе есть соединеніе съ Греціей. Немедленно былъ назначенъ комитетъ для изслѣдованія, кто могъ составить подобную просьбу. Надобно замѣтить, что всѣ передовыя партіи на Іоническихъ островахъ имѣютъ сильное сочувствіе къ Греціи, съ тѣмъ различіемъ, что умѣренные выжидаютъ благоприятныхъ обстоятельствъ, а крайніе требуютъ немедленнаго присоединенія. Когда въ Англіи узнали объ этомъ происшествіи, то журналы, особенно министерскіе, разразились негодованіемъ. *Times* горько жалуется на политику Англіи, вездѣ предоставляющую подвластнымъ племенамъ родъ полусвободы. Какъ на гибельное послѣдствіе полумѣртъ правительства, этотъ журналъ указываетъ на примѣръ Индіи. Можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ, относительно Индіи есть въ этихъ словахъ доля справедливости. Заботиться о большемъ вліяніи англійскаго элемента между варварскими племенами совершенно законно и необходимо. Но объ Іоническихъ островахъ нельзя сказать этого. Здѣсь нерасположеніе къ Англіи вызвано ея насильственнымъ образомъ дѣйствій. Уже давно, почти съ каждымъ годомъ англійское правительство все болѣе и болѣе препятствуетъ проявленію національнаго духа. Жалобы на это повторяются безпрестанно. Въ послѣднее время въ бюджетъ острововъ были внесены 10,000 ф. стерл., на укрѣпленіе Корфу. Эта статья бюджета, доказывающая намѣреніе правительства усилить свои военныя средства, окончательно взволновала Іонійцевъ и раздражила ихъ противъ Англичанъ.

Во Франціи важнѣйшимъ происшествіемъ послѣдняго времени было открытіе заговора противъ императора. Этотъ заговоръ находится въ связи съ тѣми попытками возстаній, которыя недавно произошли въ разныхъ мѣстахъ Италіи. Правительство давно знало о заговорѣ; еще въ продолженіи выборовъ оно получило о немъ извѣстіе, но не хотѣло объявить объ этомъ, не желая встревожить общественное мнѣніе и помѣшать его свободному выраженію. Первое офиціальное извѣстіе о заговорѣ было напечатано подъ конецъ мѣсяца въ «Мониторѣ». Здѣсь было сказано, что заговоръ противъ

жизни императора составленъ въ Лондонѣ. Исполненіе его было поручено тремъ итальянцамъ, которые схвачены съ разнымъ оружіемъ, кинжалами, револьверами и проч. Преданные суду, эти итальянцы назвали своихъ сообщниковъ. Заговоръ составили слѣдующія лица: Тибальди, Бартолотти, Грилли, прозванный Саро, Мадзини, Ледрю-Ролленъ, Массаренти и Кампанелла. Въ чемъ состояло покушеніе, и было ли оно, а также о планѣ заговора ничего не сказано. Двое изъ упомянутыхъ лицъ, Ледрю-Ролленъ и Кампанелла, протестовали въ англійскихъ журналахъ противъ приписываемаго имъ участія. Первый, въ случаѣ обнародованія противъ него какихъ-нибудь доказательствъ, намѣренъ напечатать свое оправданіе.

Бдительное правительство приняло всѣ мѣры для своей безопасности. Носятся слухи, что, обязанный спасеніемъ распорядительности своего префекта полиціи, г-на Піетри, императоръ намѣренъ расширить кругъ его дѣятельности и усилить, подъ его надзоромъ, свою заграничную полицію. Внутри Парижа цѣлый мѣсяцъ принимались мѣры предосторожности противъ всякаго волненія. Къ сожалѣнію, эти мѣры начались съ печальнаго для Франціи событія, съ похоронъ Беранже, и помѣшали искреннему, несдержанному выраженію народнаго чувства. Знаменитый поэтъ скончался 16-го іюля, въ шесть часовъ вечера, переживъ только двумя днями годовщину воспѣтаго имъ взятія Бастиліи. Въ 10 часовъ утра народъ толпился около дома, въ которомъ жилъ Беранже, нетерпѣливо и съ грустію ожидая извѣстій. Смерть человѣка, съ именемъ котораго связаны всѣ самыя лучшія, самыя народныя воспоминанія Франціи, была предметомъ постоянныхъ разговоровъ всего рабочаго населенія. Правительство знало это и приняло всѣ мѣры для предупрежденія какой-бы то ни было манифестаціи. Еще за нѣсколько дней до его смерти, съ тѣхъ поръ, какъ медики объявили положеніе поэта безнадежнымъ, полиція помѣстила въ домъ Беранже своего чиновника. Ему поручено было заботиться, чтобы никто ранѣе правительства не узналъ о кончинѣ. Такъ и случилось. Въ шесть часовъ вечера поэтъ уже не существовалъ, а въ его домѣ еще отвѣчали: «г. Беранже очень плохъ, но еще живъ.» Парижъ узналъ о его кончинѣ черезъ объявленія полиціи. Утромъ 17-го числа изъ префектуры сообщено всѣмъ журналамъ, а на улицахъ выставлено объявленіе префекта. Въ объявленіи было сказано, что императоръ намѣренъ почтить память поэта, прославившаго себя патріотическою дѣятельностію и увѣковѣчившаго въ сердцѣ народа славныя времена имперіи. Вслѣдствіе этого правительство устроить похороны Беранже на свой счетъ. Ему извѣстно, что люди партій видятъ въ этомъ событіи удобный случай для враждебной манифестаціи, а потому префектъ объявляетъ заранее, что приметъ противъ этого всевозможныя мѣры. Объявленіе заключается ссылкой на слова самого Беранже, который, обра-

щаясь въ завѣщаніи къ своему другу, говоритъ, что во всю жизнь избѣгалъ толпы и шума, и желалъ бы, чтобы на его погребеніи не было большого стеченія народа. — Опираясь съ полицейской точки зрѣнія на скромное и поэтическое желаніе Беранже, г. Піетри дѣлательно распорядился похоронами. Запрещено было указывать на домъ, въ которомъ жилъ покойный; а журналамъ не велѣно было печатать его адреса. Доступъ на погребеніе былъ дозволенъ только тѣмъ, которые получили офиціальное приглашеніе отъ префекта полиціи. Похороннымъ поѣздомъ распорядился чиновникъ правительства. Императоръ не присутствовалъ лично, но послалъ за себя своего генералъ-адъютанта де-Котта въ придворной каретѣ. Приглашенія были разосланы по нѣкоторымъ изъ наиболѣе извѣстныхъ литераторовъ, но многіе были забыты. Зато администрація имѣла много представителей. Народъ не допущенъ на тѣ улицы, по которымъ проходило погребальное шествіе. Онъ толпился съ ранняго утра въ близлежащихъ улицахъ, привѣтствуя гробъ криками въ честь своего пѣвца. Правительство строго смотрѣло за порядкомъ. Весь штатъ полиціи былъ на ногахъ, часть войска была разставлена на улицахъ или замыкала шествіе, остальное было наготовѣ. Утверждаютъ, что послѣ одинъ изъ министровъ говорилъ, что, при малѣйшихъ смутахъ, онъ могъ бы черезъ два часа окружить Парижъ двухсоттысячною арміею. Беранже погребенъ на кладбищѣ Отца Лашеза. Правительство намѣрено изъ собственныхъ суммъ воздвигнуть поэту національный памятникъ.

Затрудненія, созданныя послѣдними выборами для либеральной партіи, еще не прекратились. До сихъ поръ неизвѣстно, согласятся ли дать присягу избранные депутаты оппозиціи. Честный и правдивый характеръ генерала Каваньяка до сихъ поръ заставляетъ его колебаться. Въ либеральной партіи ходитъ по рукамъ письмо къ генералу: его упрощаютъ не уклоняться отъ званія представителя. Его молчаніе въ законодательномъ собраніи, сказано въ этомъ письмѣ, будетъ столь же значительно, какъ и его слова. Неизвѣстно еще на что рѣшится генералъ Каваньякъ. Слухи о его намѣреніяхъ ходятъ самые противоположные.

Вѣроятно подъ влияніемъ распространившихся слуховъ о заговорѣ, курсъ на биржѣ подверженъ безпрестаннымъ колебаніямъ.

Экспедиція въ Кабилию окончилась полнымъ торжествомъ Французовъ. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ успѣховъ и закладки форта Наполеонъ, маршалъ графъ Рандонъ возвратился въ Алжиръ.

Мы говорили о предпріятіи французскаго правительства принять на себя застрахованіе земледѣлія. Журналы по большей части смотрѣли неблагопріятно на эту мѣру. Недавно напечатанномъ въ «Монитерѣ» нотою полемики объ этомъ вопросѣ прекращена. Правительство высказываетъ твердое намѣреніе привести въ исполненіе свою

мысль. Въ статьѣ «Монитера» выставляются выгоды застрахованія со стороны правительства. Эти выгоды состоятъ въ большихъ средствахъ, которыми оно располагаетъ, въ надзорѣ со стороны обыкновенныхъ чиновниковъ, и потому въ отсутствіи необходимости заводить для этой цѣли особое управленіе. Статья «Монитера» прибавляетъ, что частная дѣятельность нисколько не стѣснена этимъ проектомъ. Нельзя однако не замѣтить, что при соперничествѣ правительства частныя предпріятія едва ли уже возможны.

Въ Испаніи возстаніе, повидимому, прекращено. Предводители мятежниковъ схвачены и разстрѣляны. Отрядъ бунтовщиковъ, разбитый близъ Севильи, тщетно старался достигнуть Гибралтара. Говорятъ, что бумаги, захваченныя у Мануэля Каро, открыли много важнаго о заговорѣ.

Въ Италіи также все уже спокойно. Возстаніе, не встрѣтивши никакого сочувствія въ народѣ, имѣло, къ несчастію, въ Неаполѣ самыя неблагопріятныя послѣдствія. Оно повело только къ новымъ мѣрамъ строгости. Король принялъ самъ участіе въ ходѣ слѣдствія. Бумаги нѣкоторыхъ изъ заговорщиковъ были вскрыты имъ самимъ, въ томъ числѣ бумаги, принадлежавшія главному предводителю, полковнику Пизакани. Пизакани былъ храбрымъ и даровитымъ офицеромъ. Онъ принадлежалъ къ знатной неаполитанской фамиліи. Его отецъ — герцогъ Санъ-Джованни. Пизакани родился въ 1818 году. По окончаніи воспитанія, онъ поступилъ въ корпусъ королевскихъ неаполитанскихъ офицеровъ и получилъ чинъ поручика. Въ февралѣ 1847 года онъ оставилъ неаполитанскую службу и, по ходатайству герцога Монтебелло, бывшаго тогда военнымъ министромъ во Франціи, былъ принятъ въ чинъ подпоручика, въ 1-й полкъ иностраннаго легіона. 24 мая 1848 Пизакани вышелъ въ отставку, объявивъ, что событія, совершающіяся въ Италіи, призываютъ его на родину, и уѣхалъ въ Геную, а оттуда въ Неаполь. Въ Неаполѣ онъ принималъ участіе въ возстаніи, и оставилъ городъ только тогда, когда возстаніе было подавлено. Въ послѣдствіи, во время осады Рима Французами, онъ былъ въ числѣ его защитниковъ. Когда итальянская революція кончилась, Пизакани уѣхалъ въ Лондонъ вмѣстѣ съ Мадзини, который, во время своего кратковременнаго владычества, далъ ему чинъ полковника. Последнее возстаніе было предпринято противъ мѣнія Пизакани. Опытный офицеръ доказывалъ Мадзини невозможность успѣха въ Калабріи. Нознаменитый заговорщикъ настоялъ на своемъ, и несчастный Пизакани поплатился за это жизнью. Раненый при Сапри, онъ не хотѣлъ отдаться въ плѣнъ и спасся самоубійствомъ. Въ бумагахъ Пизакани найдена рукопись подъ заглавіемъ: «Это мое политическое завѣщаніе». Journal des Débats получилъ копію съ нея отъ одного изъ своихъ лондонскихъ корреспондентовъ. Обнародованіе этой рукописи произвело сильное впечатлѣніе.

Путешествіе папы продолжается. По примѣру Болоньи, многіе второстепенные города подали ему просьбы о преобразованіяхъ въ мѣстномъ управленіи. Рѣшеніе, которое папа приметъ по поводу этихъ просьбъ, еще неизвѣстно. Между тѣмъ слухи о свиданіи съ австрійскимъ императоромъ подтверждаются. Время возвращенія въ Римъ еще не назначено. Въ Римѣ потребность улучшеній въ администраціи также безпрестанно высказывается. Мѣстный журналъ «Civiltà Catolica», въ одномъ изъ недавнихъ нумеровъ, говоритъ, что редакція получила много анонимныхъ писемъ въ этомъ смыслѣ. Эти письма требуютъ отъ офиціальной газеты указаній изъ нѣкоторыхъ вопіющихъ злоупотребленій въ итальянскихъ государствахъ и нерѣдко наполнены угрозами, но часто подають благоразумный совѣтъ. Газета посвятила этимъ письмамъ особую статью, но въ то же время торжественно объявила, что ея дѣло состоитъ не въ защитѣ толпы передъ тронами, а въ распространеніи и защитѣ Евангелія. Большая часть писемъ такого рода приходятъ изъ Ломбардіи. Само собою разумѣется, что папскаго правительства они не касаются. Во время пребыванія своего въ городѣ Синигальѣ (Sinigaglia) папа отправилъ въ Римъ апостолическое письмо, которымъ основывается благотворительное заведеніе въ столицѣ въ пользу неизлѣчимо больныхъ, сиротъ, дѣтей, оставленныхъ родителями, и бѣдныхъ женщинъ, у которыхъ нѣтъ работы.

Въ Австріи стремленія католическаго духовенства къ преобладанію высказываются съ новою, еще съ большею, чѣмъ прежде, силой, благодаря недавно заключенному конкордату. Съ мѣсяцъ тому назадъ ольмюцскій архіепископъ отлучилъ отъ церкви девять чловѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ, за обращеніе въ протестантизмъ. Подобныя распоряженія хотя и напоминаютъ средніе вѣка, но не имѣютъ по крайней мѣрѣ вредныхъ послѣдствій. Къ сожалѣнію, дѣйствія католическаго духовенства не всегда бывають такъ безвредны. Его ревность не по разуму нерѣдко имѣетъ неблагопріятное вліяніе на семейный бытъ. Таково было происшествіе, случившееся въ послѣднемъ мѣсяцѣ въ городѣ Вельсѣ. Здѣсь одинъ протестантъ, послѣ многихъ и продолжительныхъ препятствій, вступилъ въ законный бракъ съ католичкой. Мужъ и жена, оба принадлежатъ къ зажиточному и образованному классу. По совершеніи брака католическій священникъ потребовалъ отъ жены, угрожая ей церковнымъ наказаніемъ, чтобъ она представила реверсъ отъ своего мужа, съ обязательствомъ воспитывать дѣтей въ католическомъ законѣ. Жена объявила, что не можетъ вытребовать отъ мужа подобнаго обязательства. Тогда священникъ донесъ своему начальству. Вскорѣ послѣ того жена получила приказаніе явиться въ главную мѣстную церковь, для отлученія отъ церкви. При этомъ случаѣ духовенство постаралось сообщить наказанію всевозможную торжественность.

Отлученіе, говорятъ, сопровождалось цѣлымъ рядомъ унижительныхъ церемоній.

Но если въ Австріи происходятъ иногда событія, напоминающія давно минувшую эпоху, то справедливость заставляетъ сознаться, что съ нѣкоторыхъ поръ правительство замѣтно начало дѣлать уступки духу времени. Къ числу подобныхъ мѣръ принадлежатъ недавно оконченныя работы комиссіи для освобожденія поземельной собственности отъ владѣльческихъ повинностей. Австрія счастливо разрѣшила одну изъ самыхъ важныхъ задачъ новаго времени. Извѣстно, что въ ея владѣніяхъ крестьяне еще недавно находились въ крѣпостной зависимости и, по освобожденіи, еще оставались обязанными къ нѣкоторымъ повинностямъ въ пользу землевладѣльцевъ. Въ 1848 г., когда въ Германіи произошло столько полезныхъ преобразованій, Австрія, наравнѣ съ другими государствами Союза, должна была покориться рѣшенію Франкфуртскаго сейма, въ за сѣданіи 7-го сентября. Этимъ рѣшеніемъ была провозглашена полная свобода собственности отъ всякаго рода повинностей. До 1850 года оно не было приведено въ исполненіе и оставалось въ одной теоріи. Въ этомъ году, 25-го сентября, былъ изданъ императорскій патентъ объ освобожденіи собственности. Патентъ имѣлъ важное практическое значеніе въ разрѣшеніи вопроса. Особенною его заслугою было то, что въ немъ съ одной стороны была опредѣлена цифра денежнаго вознагражденія, падающаго на прежнихъ крѣпостныхъ, съ другой—установлены точнымъ образомъ права бывшихъ господъ на это вознагражденіе. Опредѣленіе того и другаго было поручено особой комиссіи, которая теперь окончила свою работу. Надобно замѣтить, что ей предстояло много затрудненій, особенно въ такъ-называемыхъ коронныхъ земляхъ. Съ цѣлю облегчить и ускорить освобожденіе, комиссія выдавала особенныя облигаціи, обеспеченныя съ одной стороны податью, которую крестьяне платили за освобожденіе, съ другой, ежегоднымъ взносомъ отъ государства, въ замѣнъ того избытка податей, которыя оно получило при новомъ порядкѣ вещей. На долю правительства падала шестая часть всей суммы вознагражденія. Облигаціи постепенно выкупались, и потому каждый ихъ владѣлецъ могъ надѣяться, что рано или поздно онѣ будутъ ходить *at par*. Всего, говорятъ, было выдано, 560 милліоновъ облигацій. Такъ какъ обезпеченіемъ имъ служитъ земля, капиталъ, мало подверженный колебаніямъ, то облигаціи пользовались большимъ кредитомъ и мало-помалу получили предпочтеніе передъ всѣми другими государственными бумагами. Облигаціи состоятъ изъ нѣсколькихъ разрядовъ, а именно существуютъ облигаціи: 1) нижеавстрійскія, которыхъ теперь на рынкѣ уже немного; они ходятъ по 89 за 100, слѣдовательно выше облигацій національнаго займа цѣлыми 4%; 2) облигаціи коронныхъ земель, ходятъ по 87; 3) венгерскія облигаціи. Срокъ ихъ выкупа еще не наступилъ; онѣ особенно цѣнятся, потому что доставляютъ

выгодные проценты, и будутъ доставлять ихъ въ теченіи еще двухъ лѣтъ; наконецъ 4) галицкія, которыя доставляютъ $6\frac{1}{4}$ процентовъ. Облигаціи ходятъ также и за границу, и на главнѣйшихъ биржахъ принимаются очень охотно.

Другое важное происшествіе въ Австріи составляютъ приготовленія къ международному статистическому конгрессу. Извѣстно, что въ сентябрѣ въ Вѣнѣ будутъ происходить засѣданія третьяго международного конгресса. Для приготовленій къ этому конгрессу правительство назначило особую комиссію, изъ нѣсколькихъ чиновниковъ и ученыхъ, подъ предѣлательствомъ министра торговли. Засѣданія комиссіи уже начались, и недавно изданъ отчетъ о первомъ засѣданіи, въ которомъ изложена исторія статистическихъ работъ въ Австріи. Онѣ начались при Маріи Терезіи, когда, вслѣдствіе общихъ преобразованій въ управленіи, администрація получила болѣе единства. Послѣ этого много было сдѣлано для статистики при Иосифѣ II. Въ царствованіе Леопольда II почти ничего не было сдѣлано, но зато при Францѣ I, вслѣдствіе открытія статистическихъ кафедръ въ университетахъ и статистическихъ канцелярій, наука сдѣлала важные успѣхи. При Фердинандѣ I дѣйствіе центральной статистической канцеляріи было усилено, съ цѣлю собрать болѣе точныя свѣдѣнія для административной статистики, а при Францѣ Іосифѣ ея работы получили еще болѣе широты и теперь обнимаютъ всѣ современные задачи науки. Въ настоящее время эта канцелярія составляетъ одно изъ отдѣленій министерства торговли.—Программа, составленная для третьяго конгресса, состоитъ изъ многихъ отдѣлений. Сюда входятъ: 1) предметы, которые были указаны вторымъ конгрессомъ: а) сообщеніе представителямъ разныхъ правительствъ новыхъ выводовъ, собранныхъ статистическими конторами; б) статистика смертности съ раздѣленіемъ болѣзней, какъ причинъ смертности, на главные классы; в) списокъ всѣхъ, по законамъ каждой страны, подвергаемыхъ наказанію дѣйствій; устройство и права каждаго уголовного суда; г) подробный планъ статистики гражданскихъ правъ; е) подробный планъ финансовой статистики. 2) Предметы, которые были обсуждаемы въ прежнихъ конгрессахъ, но требуютъ пополненія: ф) полная статистика промышленности и г) обученія; h) пользованіе картографіей для статистическихъ цѣлей; i) статистика движенія австрійскихъ и нѣмецкихъ судовъ вообще между гаванями иностранныхъ державъ. 3) Предметы, о которыхъ упоминали прежде, не подвергая ихъ обсужденію: к) отношеніе статистики ко вспомогательнымъ для нея наукамъ изъ области естествознанія. 4) Предметы, подвергаемые вторичному обсужденію: l) статистика этнографическихъ отличій человѣчества; m) статистика больничныхъ заведеній вообще и всего гигиеническаго состоянія; n) статистика раздѣленія поземельной собственности и податей, лежащихъ на этой собственности; o) статистика денежныхъ и кредитныхъ отношеній и ихъ вліяній на народное хозяйство.

Императоръ намѣренъ возобновить свое путешествіе въ Венгрію, прерванное въ прошедшемъ мѣсяцѣ смертью его дочери.

Въ Пруссіи, общество для доставленія дешевыхъ жизненныхъ припасовъ, существующее въ Эрфуртѣ съ прошлаго года, недавно напечатало отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Изъ этого отчета видно, что, кромѣ достиженія своей главной цѣли, оно получило значительныя выгоды. Каждый изъ членовъ получилъ до 19% дивиденда.

Въ Швеціи, палаты, по предложенію одного изъ депутатовъ, назначили особый комитетъ для разсмотрѣнія дѣйствій правительства въ теченіе послѣдней войны. Докладъ комитета былъ благопріятенъ правительству. Король предложилъ палатамъ новый законъ о регентствѣ. вмѣсто совѣта регентства, какъ было до сихъ поръ, по новому закону управленіе ввѣряется одному изъ принцевъ королевскаго дома. Конституціонный комитетъ съ своей стороны составилъ проектъ закона о томъ же. Разсмотрѣніе обоихъ проектовъ отложено до слѣдующаго срока засѣданій. Сеймъ отложилъ также разсмотрѣніе проекта закона о томъ, чтобъ въ палату крестьянъ, кромѣ лицъ этого сословія, допускались также всѣ владѣльцы недворянскихъ недвижимыхъ имѣній. Еслибы этотъ законъ былъ принятъ, то существенно измѣнилъ бы характеръ шведской конституціи.

Въ Турціи проектъ національнаго банка остановился, по обыкновенію, наканунѣ исполненія. На этотъ разъ остановка произошла отъ неожиданнаго обстоятельства. Одно изъ главныхъ постановленій устава состоитъ въ томъ, что банкъ обязанъ ссудить правительству извѣстную сумму денегъ, по 95 на 100. Но между тѣмъ какъ банкъ производилъ подписку, для составленія капитала, правительство совершило новый заемъ у австрійскаго банкира г. Вальмачини. Заемъ будетъ состоять изъ 80 милліоновъ флориновъ (около 48 милл. руб. сер.), по 85 за 100 и по 6 процентовъ. Въ обезпеченіе предоставлены всѣ рудники имперіи, какъ открытые уже, такъ и вновь открываемые. Погашеніе будетъ происходить въ теченіи 50 лѣтъ. Извѣстіе о займѣ произвело неблагопріятное впечатлѣніе на биржу. Европейскіе фонды поднялись, а правительственные упали. Думаютъ, что вслѣдствіе этого подписка для составленія банка пойдетъ плохо.

Въ Нью-Йоркѣ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, продолжаютъ тѣ безпокойства, о которыхъ мы говорили въ предыдущемъ обзорѣ. Несогласія между меромъ и губернаторомъ, подавшія первый поводъ къ волненіямъ, прекратились вслѣдствіе рѣшенія союзнаго суда, который призналъ центральную полицію; но въ народонаселеніи города осталось сильное раздраженіе, которое грозитъ перейти въ настоящую междоусобную войну. Почти каждый день на улицахъ Нью-Йорка происходятъ драки и убійства. Поводомъ къ нимъ было незначительное обстоятельство.

Изъ толпы, безпрестанно наполнявшей улицы въ послѣднемъ мѣсяцѣ, бросили камнемъ въ проходившаго старика, который все не принадлежалъ ни къ какой партіи. Полиція за него заступилась и началась драка. Въ первый день толпа была разсыяна, но на другой день смуты возобновились. Въ дракахъ принимали участіе не одни мужчины, но также женщины и дѣти. Главными зачинщиками беспорядковъ были Ирландцы и Нѣмцы. Разумѣется, политическій вопросъ служилъ имъ однимъ предлогомъ, и цѣли у нихъ были совершенно личныя. Нѣмцы, между прочимъ, напали на одинъ кабакъ и принудили отворить его, несмотря на законъ, который запрещаетъ открывать кабаки по воскресеньямъ. Надобно вспомнить, къ какому разряду людей принадлежатъ иногда переселенцы въ Америку, чтобы понять, какъ увеличились беспорядки отъ ихъ вѣшательства. Замѣчательно, что полиція заранѣе знала о волненіяхъ въ шестомъ округѣ, но, по своей недавней и недостаточной организаціи, не могла предупредить ихъ. Меръ Вудъ, котораго неблагоразумное сопротивление новому закону было источникомъ этихъ несчастій, почувствовалъ наконецъ свою ошибку. Онъ былъ дѣлательнымъ помощникомъ начальства въ усмиреніи непокойствъ. Самымъ счастливымъ распоряженіемъ съ его стороны была передача въ вѣдѣніе центральной полиціи всѣхъ канцелярій и мѣстъ, которыя находились въ вѣдомствѣ муниципальной полиціи. Такимъ образомъ теперь въ Нью-Йоркѣ по крайней мѣрѣ одно полицейское управленіе, которое поэтому можетъ дѣйствовать съ болѣе широкимъ успѣхомъ. 14 іюля смуты внутри города и въ его окрестностяхъ еще не прекращались.

Любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя послѣднимъ отчетомъ комиссаровъ эмиграціи въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ нынѣшнемъ году число переселенцевъ изъ Европы увеличилось, сравнительно съ соответственнымъ временемъ въ прошломъ году, — на 25,000 человекъ. Въ послѣднее время переселеніе въ Америку нѣсколько уменьшилось. Причина заключается прежде всего въ восточной войнѣ, которая возвысила требованіе на работу и подняла заработную плату. Съ другой стороны, мѣры англійскаго парламента относительно поземельной собственности въ Ирландіи облегчили положеніе тамошняго бѣднаго класса, который обыкновенно всего болѣе доставляетъ переселенцевъ Америкѣ. Наконецъ многочисленныя эмиграціи прежнихъ годовъ сами по себѣ должны были замедлить дальнѣйшее переселеніе. Ко всѣмъ этимъ причинамъ присоединились угрозы но-нотинговъ (knownothings), которыя запугали переселенцевъ. Въ нынѣшнемъ году переселеніе возобновилось съ большою силою. Американцы оцѣниваютъ среднимъ числомъ стоимость каждаго переселенца въ 1,500 долларовъ, и по этой цифрѣ дѣлаютъ расчетъ тому богатству, которое эмиграція доставляетъ Америкѣ. Въ нынѣшнемъ году надѣются на переселеніе еще 150,000 человекъ, а капиталъ,

который они доставят государству своимъ пребываніемъ въ Штатахъ, цѣнятъ въ 205 миллионѣвъ долларовъ (около 256 мил. р. сер.).

Въ Бразиліи, новое министерство, во главѣ котораго стоитъ маркизъ Олинда, находится въ очень благопріятныхъ условіяхъ. Его внутренняя политика заслуживаетъ полнаго одобренія. Борьба партій долгое время не отличалась умѣренностію. Та изъ нихъ, которая одерживала верхъ, старалась исключить изъ палатъ другую. Поэтому палаты получали то монархическій, то демократическій характеръ. Но съ теченіемъ времени Бразилія сдѣлала большіе успѣхи въ конституціонныхъ правахъ, и теперь парламентское правленіе можетъ тамъ дѣйствовать безпрепятственно. Положеніе партій превосходно очерчено главою кабинета въ рѣчи, недавно произнесенной имъ въ нижней палатѣ. «Задача правительства, сказалъ маркизъ Олинда, состоитъ не въ исключеніи того или другаго начала, но въ соглашеніи ихъ. Конституція освящаетъ два начала: монархическое и демократическое. Примиренію и упроченію этихъ двухъ началъ намѣрено посвятить себя министерство.»

Въ годовомъ отчетѣ министра иностранныхъ дѣлъ сказано, что теперь Бразилія рѣшительно стала въ ряды противниковъ торгоу неграми и дѣятельно преслѣдуетъ его. Это должно бы побудить Англію перемѣнить свою политику относительно ея.

Заключаемъ наше обозрѣніе любопытнымъ извѣстіемъ съ Сандвичевыхъ острововъ. Нѣмецкіе журналы говорятъ, что, по письмамъ изъ Гонолулу, король Камегамега IV приступилъ, по примѣру европейскихъ монарховъ (1), къ обществу «ран-масоновъ». Ложа, въ которую онъ вступилъ въ качествѣ мастера, есть «Progrès de l'Océanie», основанная въ Гонолулу въ 1842 г. по старой шотландской системѣ и подчиненная французскому обществу,

С М Ъ С Ь

ОТЪ МОСКВЫ ДО БАДЕНА.

Нынѣшнюю весну, какъ извѣстно всѣмъ читающимъ и не читающимъ газеты, русскихъ, отправившихся за границу, была порядочная цифра. Самое трудное для Москвича добраться до границы. Меня судьба бросила на варшавское шоссе,—и я вѣкъ не забуду этого переѣзда. Шоссе гладко какъ полотно, а ѣхать по немъ куда-куда какъ не удобно! Отъ Москвы до Варшавы 1188 $\frac{1}{2}$ верстъ: чтобъ переѣхать это скучное и не живописное пространство, надо было восемь дней и восемь ночей почти не выходить изъ коляски; останавливаться тамъ, гдѣ не хотѣлъ, питаться Богъ знаетъ чѣмъ и сидѣть по пяти и шести часовъ на станціяхъ, окруженныхъ болотами и мелколѣсьемъ. Лошадей нѣтъ, лошадей нѣтъ, — вотъ одна пѣсня и одинъ отвѣтъ. На двухъ станціяхъ мнѣ запрягали лошадей, которыя стали на восьмой верстѣ, и не проѣзжай жидовская бричка, я простоялъ бы цѣлые часы. Грустный путь!.. Отъ самой Москвы до Варшавы нѣтъ ни одного губернскаго города, и ни одного, хоть сколько нибудь живописнаго вида, все скудно, плоско, однообразно. Къ Москвѣ еще лучше, а середина пути—тоска страшная.—Могу я здѣсь поужинать? спросилъ я разъ у станціоннаго смотрителя. Вѣсто отвѣта, онъ на меня посмотрѣлъ съ удивленіемъ. «Да вы вѣрно въ первый разъ здѣсь ѣдите?» Я сознался и далъ ему тотчасъ же честное слово, что и въ послѣдній. «Да помилуйте, какой у меня ужинъ? Я и самъ-то едва достаю провизіи, дорога-то проведена по болоту, здѣсь и нога человѣческая не была, отъ станціи и деревень—то близко нѣтъ. Развѣ вы не видите какая здѣсь глушь?» А я въ простотѣ душевной хотѣлъ нанять вольныхъ. На станціи Кричевъ Могилевской губерніи путешественникъ прощается съ среднею полоскою Россіи. Другой характеръ, другая архитектура, другія лица. Кричевъ — жидовское мѣстечко, выгорѣвшее прошлаго года; оно теперь вновь отстраивается. Лошадей, разумѣется, не было, я остался пить чай... чрезъ нѣсколько минутъ комната наполнилась жидами, продававшими сигары, мыло, водку и прочій хламъ; все самаго низшаго сорта и плохаго достоинства. Въ первыя минуты,

когда видишь жидовскую деревню, невольно поражаешься типичности лицъ, приемовъ и движеній этого древнѣйшаго племени, разсѣяннаго по всему земному шару. Одинъ старикъ поразилъ меня... совершенно Тициановская картина, выступившая изъ рамы; тѣ же зоркіе глаза, свѣтящіеся изъ-подъ очковъ, та же сѣдая длинная борода.

Съ Брестъ-Литовска поѣздка дѣлается и удобною, и пріятною. Везде сады, пирамидальные тополи, черепичныя крыши, старые замки, вѣковыя колокольни и башни. На всемъ слѣдъ старой цивилизаціи. Быстро несется экипажъ по прекрасному шоссе, почтальонъ трубить, бодрые кони мчатся стрѣлой, на душѣ становится легче и веселѣе. Въ маленькомъ городкѣ Сѣдльце я нашелъ цукерню и порядочный ужинъ—все очень дешево, прислуга разторопна, цукерня наполнена оживленною толпою; говорятъ, спорятъ, читаютъ газеты... чувствуете общественную жизнь! Я пріѣхалъ въ Варшаву раннимъ утромъ и до полудня проискалъ себѣ квартиры. Въ Варшавѣ была ярмарка и выставка; всѣ гостиницы были набиты биткомъ; дороговизна была страшная... Варшава была такъ оживлена, какъ самые оживленные города въ Европѣ. Съ ранняго утра улицы покрыты народомъ, экипажи катились по всѣмъ направленіямъ; за общимъ столомъ всегда большое общество, театръ всегда полонъ, о загородныхъ прогулкахъ и говорить нечего—тѣмъ вѣчная давка. Варшава показала мнѣ уголокъ Парижа: та же уличная жизнь, та же тревожная потребность движенія.

Мануфактурная выставка была не очень богата и посѣщалась очень небольшимъ числомъ пріѣзжихъ и иностранцевъ. При мнѣ бывало по 200, по 300 человекъ въ утро. Правда, что это были только первые дни выставки, и ни газеты, ни журналы не имѣли еще времени разшевелить вниманіе публики. На варшавской выставкѣ встрѣчались очень часто имена и московскихъ фабрикантовъ. Изъ произведеній края особенно замѣчательны: сукна фабрики Фидлера, фланелевыя и шерстяныя покрывала фабрики Сангушко и каретное мастерство, особенно экипажи Рентеля. Варшавскіе экипажи съ давнихъ поръ пользуются заслуженною извѣстностію; они легки, прочны, но не всѣ хорошаго вкуса; многіе изъ выставленныхъ въ нижней залѣ бросались въ глаза пестротой отдѣлки. Чего тутъ нѣтъ? и палисандровое дерево, и красный трипъ и бронза всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Кожевенное производство лучшей отдѣлки выставки; эти образцы могли бы занять первое мѣсто на любой европейской выставкѣ. Польскіе шляпные фабриканты далеко отстали отъ московскихъ и петербургскихъ. Впрочемъ надо отдать справедливость и польскимъ фабрикантамъ: работъ ихъ очень удовлетворительна, конкуренція же съ московскими и петербургскими шляпными фабрикантами невозможна, потому что это едва ли не лучшіе фабриканты въ цѣлой

Европѣ. Выставка была убрана и расположена со вкусомъ. Въ главномъ залѣ красовался портретъ Государя Императора, пожертвованный для выставки живописцемъ Коноваловымъ; лестница была убрана цвѣтами и зеленью... Жаль, что распорядители не позаботились составить каталога; безъ указателя трудно было осматривать разнообразныя произведенія, разбросанныя по семи заламъ.

Балетъ варшавскій знаменитъ по праву. Трудно представить себѣ болѣе граціозныя группы, болѣе оживленные танцы. Примадонна Штраусъ танцуетъ очень легко и мило. Ей можно сдѣлать только одно замѣчаніе: она слишкомъ злоупотребляетъ мимикой и жесты. По моему, движенія танцовщицы должны быть воздержны. Притѣмъ можетъ служить Богданова, у которой все разочтено и разиѣрено; вотъ почему я смотрю на танцы г-жи Богдановой, какъ на образецъ хорошей методы.

Переездъ отъ Варшавы до Бреслава самый непріятный. Дорога тряска, вагоны неудобны и, къ довершенію маленькихъ бѣдствій, путешественникъ подвергается осмотру двухъ таможенъ, изъ которыхъ одна австрійская стоитъ десяти. Ночью вы должны перебираться изъ вагона въ вагонъ, мѣнять деньги, брать билеты, смотрѣть за вещами и толпиться у маленькаго окошечка, осаждаемаго сотнею лицъ. Здѣсь все какъ нарочно придумано, чтобы изтерзать и измучить бѣднаго путешественника. А австрійскіе чиновники?.. Наконецъ вы въ Пруссію, въ государство der Intelligenz, въ страну, гдѣ на все такса и во всемъ завидный порядокъ...

Бреславль — городъ, раздѣленный на двѣ части, на старый и новый. Постройки послѣднихъ лѣтъ придали городу другую физіономію. Широкія улицы, изящные скверы, чугунные рѣшетки, газовые фонари; но я чаще заглядывалъ въ старый городъ, засматривался на эти почернѣвшія зданія, гдѣ каждый домъ сохранилъ свое лицо и свою исторію. Мнѣ все кажется, что въ этихъ закопѣлыхъ домахъ, подъ этими черепичными крышами, жилось легче; тамъ любили, вѣрили, мечтали. Была поэзія въ той жизни. А теперь?— вездѣ гладкая проза; ни сучка, ни задоринки.

Жизнь въ Бреславлѣ очень дешева, торговля отличается честностію, чего теперь нельзя сказать о многихъ городахъ Германіи. Вечеръ я провелъ въ загородномъ саду. Слушалъ музыку, пилъ пиво и любовался хорошенькими головками, съ свѣжими румянцемъ, голубыми глазами и каштановыми волосами. Удовольствіе стоило 3 гроша (9 коп. серебромъ). Дешевизна баснословная!

Благодаря пару, отъ котораго неразъ у меня болѣла голова, я уже на дрезденской террасѣ пью кофе и люблюсь на горы и на обмѣшную Эльбу. Кругомъ толпы иностранцевъ, больше всего Русскихъ. Прежде русскіе путешественники раздѣлялись на двѣ категоріи: это были князья, графы и бароны, или ученые и артисты; теперь путе-

шествуютъ купцы, чиновники, артисты и вообще разные праздношатающіеся, для которыхъ не существуютъ ни исторія, ни географія. Во время переезда изъ Бреславля въ Дрезденъ, при мнѣ случилось презабавное приключеніе. Въ вагонѣ было трое Русскихъ и два Поляка. На одной изъ станцій шестое мѣсто занялъ господинъ пренеприличной физіономіи; его перчатки обратили на себя вниманіе одного изъ молодыхъ Поляковъ. «Каковы перчатки, взгляните,» сказалъ онъ порусски, обращаясь къ Н. — Нѣмецкія, домашней работы изъ воловьей шкуры, отвѣчалъ Н. «Господа, прошу быть осторожнѣе, васъ понимаютъ,» откликнулась неприличная фигура. — Тѣмъ лучше, стало-быть покупать новыя перчатки, отвѣчалъ Н. «Прошу не путить со мною, господа; я коллежскій совѣтникъ.» Коллежскій совѣтникъ разстегнулъ сюртукъ, и показалъ орденъ и пряжку за XXV лѣтъ безпорочной службы. Хохотъ сдѣлался всеобщимъ. Но мы вскорѣ потеряли г. коллежскаго совѣтника: онъ вышелъ, чтобы прохладиться кюмелемъ,—очищенной здѣсь не продаютъ,—и запоздалъ къ отъѣзду. Поездъ двинулся, а онъ едва выходилъ изъ рестораціи. Крикнуть онъ не могъ, потому что не зналъ языка, или потому, что ротъ его былъ набитъ буттербродами. Счастливаго пути и хорошаго аппетита, г. коллежскій совѣтникъ!

Какъ измѣнился Дрезденъ! Я говорю здѣсь о нравственной перемѣнѣ. Масса путешественниковъ такъ испортила этотъ миленькій городокъ, что вы, гуляя по Дрездену, должны охранять свои карманы; въ какомъ-нибудь Hôtel de Rome безъ стыда пишутъ вамъ въ счетъ: чай—1 талеръ. Невѣроятно, но я заплатилъ. Еще невѣроятнѣе слѣдующія приключенія: я купилъ сигары за четыре талера, расплатился и отдалъ мою карточку, чтобы по ней доставили сигары въ гостиницу. Но лишь Нѣмецъ прочелъ мою фамилію, какъ сталъ увѣрять меня, что онъ ошибся, что сигары стоѣтъ шесть талеровъ. Купилъ сигары въ другомъ магазинѣ, просилъ прислать въ гостиницу—и никогда ихъ не получалъ. Купецъ записался и утверждалъ, что я взялъ ихъ съ собою. И все это въ Дрезденѣ,—не сонъ ли это? У одного изъ Русскихъ украли часы, у другаго чемоданъ, Да это Ливорно, а не Дрезденъ!

Германія въ послѣднія десять лѣтъ сдѣлала страшные матеріальныя успѣхи; города выросли, украсились, торговля расширилась, но духъ германскій мельчаетъ, честность гибнетъ, университеты опустѣли, о политикѣ нѣтъ и слуха. Все направлено на одну матеріальную сторону жизни. Все спекуляціи, да спекуляціи. Чувство глубочайшаго омерзѣнія обхватываетъ душу при видѣ этихъ рулетокъ, лоттерей, при видѣ этого публичнаго поклоненія золотому тельцу, не прикрытаго ни стыдомъ, ни сознаніемъ человѣческаго достоинства.

М. К — 1а.

Іюль 1857.

Памятникъ Гуттенбергу, Фаусту и Шейферу. — Нынѣшнимъ лѣтомъ ожидаютъ во Франкфуртѣ на Майнѣ открытія памятника въ честь изобрѣтателей книгопечатанія, который будетъ служить украшеніемъ не только этому замѣчательному по своей старинной и оригинальной физіономіи городу, но и будетъ принадлежать къ лучшимъ монументамъ, воздвигнутымъ въ Германіи. Когда, въ 1840 году, во Франкфуртѣ на Майнѣ праздновали четырехсотлѣтіе изобрѣтенія книгопечатанія, то торжественная зала украшена была небольшою гипсовою моделью этого памятника, возбудившею такой всеобщій восторгъ, что нѣсколько любителей искусствъ на мѣстѣ рѣшились собрать средства, чтобы вылить его изъ бронзы. Эти средства не трудно было найти въ такомъ богатомъ торговомъ городѣ, какъ Франкфуртъ, и самъ художникъ принесъ много жертвъ, чтобы видѣть свое созданіе исполненнымъ въ металлѣ, въ большихъ размѣрахъ и на одной изъ красивѣйшихъ площадей города. На высокомъ, богатомъ постаментѣ стоятъ колоссальныя фигуры трехъ изобрѣтателей книгопечатанія: Гуттенберга, Фауста и Шейфера; онѣ исполнены величавой простоты и благородства. Подъ этими главными фигурами находится фризъ, состоящій изъ четырнадцати портретовъ, въ натуральную величину, первыхъ типографовъ всѣхъ народовъ, начиная съ Голландца Кѣстера до изобрѣтателей скоропечатанія, Кёнига и Бауера. Четыре стороны пьедестала украшены статуями: Майнца, какъ родины Гуттенберга, Страсбурга, какъ мѣста его первой типографіи и родины многихъ великихъ типографовъ, Венеціи, какъ мѣста дѣятельности обоихъ Мануччи, и Франкфурта, прославившагося своими типографскими предпріятіями и столь достойно торжествовавшего рожденіе величайшаго по своимъ послѣдствіямъ въ свѣтѣ искусства. Четыре угла базы заняты четырьмя колоссальными сидящими фигурами, олицетворяющими вліяніе изобрѣтенія книгопечатанія на духовную дѣятельность человѣчества. Эти фигуры суть: богословіе, поэзія, естественныя науки и промышленность. Наконецъ мѣстное распространеніе этого великаго изобрѣтенія символизировано четырьмя фигурами животныхъ, знаменующихъ четыре части свѣта. Эти фигуры будутъ служить въ то же время изящнымъ и предназначеннымъ для общаго употребленія фонтаномъ. Намъ пріятно уведомить нашихъ читателей, что творецъ этого памятника, столь богатого по изобрѣтенію, надъ которымъ онъ трудится уже болѣе шестнадцати лѣтъ, нашъ соотечественникъ: его имя фонъ-деръ-Лауницъ. Онъ уроженецъ Лифляндіи, ученикъ знаменитаго датскаго скульптора Торвальдсена, и весьма уважается во Франкфуртѣ за талантъ и высокое образованіе.

Дикие Индейцы въ Чако.—Буэнос-Айресское правительство нарядило особенную комиссію, для собранія и представленія ему свѣдѣній о положеніи дикихъ племенъ на Красной Рѣкѣ (Rio Bermejo). Комиссія эта обнародовала свой отчетъ; представляемъ здѣсь существенное содержаніе этого отчета.—Довольно значительное число Индейцевъ поселилось въ Чако рядомъ съ Испанцами, но, несмотря на то, удержало свои древніе обычаи. Рѣдко попадется между ними крещенный. Индейцы никакъ не могутъ привыкнуть къ правильной работѣ, и какъ скоро употребляли для этого принудительныя мѣры, они зажигали свои хижины и переселялись въ другія мѣста. Независимость такая же потребность для нихъ, какъ воздухъ. Всякая прочная осѣдность удалила бы ихъ отъ любимыхъ занятій—охоты и рыбной ловли, и отняла бы у нихъ удовольствіе бродить по лѣсамъ за медомъ и дикими плодами. Рѣдко живутъ они болѣе восьми или десяти семействъ вмѣстѣ, и притомъ на такомъ разстояніи, что между отдѣльными поселеніями не существуетъ никакихъ сношеній. Менѣе всего сходятся они съ поселенцами при Красной Рѣкѣ, и постоянно враждуютъ съ ними. Ни одинъ начальникъ не имѣетъ общей власти надъ разсѣянными деревушками, но каждая повинуетъ особенному старшинѣ, именно старшему изъ семьяначальниковъ, котораго власть основывается на одномъ личномъ къ нему уваженіи. Рѣдко случается, чтобы мирный Индѣецъ перебѣжалъ къ своимъ дикимъ братьямъ, развѣ только принудить его къ этому страхъ наказанія за какую-нибудь тяжкую вину. Степные Индейцы, которые находятся въ полной независимости отъ Испанцевъ, живутъ большими деревнями и состоятъ подъ начальствомъ кадика, котораго власть, конечно, весьма ограничена. Впрочемъ, можно положительно сказать, что чѣмъ дальше эти поселенія отъ христіанскихъ колоній, какъ напримѣръ, между Красною Рѣкой и Рио-Никольмайо, тѣмъ больше въ нихъ жителей и тѣмъ сильнѣе вліяніе кадиговъ. Приграничныя индѣйскія племена живутъ съ христіанами весьма дружно. Такъ какъ сахарныя плантаціи и сахарныя заводы колонистовъ требуютъ иногда гораздо больше рабочихъ нежели имѣется ихъ подъ рукою, то прибѣгаютъ въ такомъ случаѣ и къ помощи степныхъ Индейцевъ. Тогда обыкновенно является цѣлое племя, въ сопровожденіи женщинъ и дѣтей, исполняетъ условленную работу на хуторѣ колониста и съ полученною за то платой отправляется домой. На возвратномъ пути Индейцы постоянно промѣниваютъ свою выручку и почти всегда въ большой себѣ убытокъ. Артель возвращающихся Индейцевъ—сухая армарка для мелкаго поселанина. Надо замѣтить, что за работу Индейцамъ платятъ не деньгами, а чужимъ или туземнымъ товаромъ, который посредствомъ такого рода мѣны достается жителямъ несравненно дешевле. Индѣецъ работаетъ хуже бѣлаго; несмотря на то, плантаторы платятъ ему очень хорошо и остерегаются чѣмъ-нибудь обидѣть

его. Индѣецъ никогда не думаетъ о завтрашнемъ днѣ: есть у него порядочный запасъ съѣстнаго, онъ уничтожитъ въ одинъ день то, чего стало бы на цѣлую недѣлю. Кромѣ того онъ склоненъ къ воровству и обманамъ; оказанныя ему благодаренія ставить онъ ни во что, а никогда не забудетъ ни малѣйшей обиды, и долгъ мести переходитъ у нихъ какъ наслѣдство отъ отца къ сыну. Впрочемъ, и независимыя племена уже много утратили изъ своей дикости: они уже начинаютъ привыкать къ тѣмъ потребностямъ, которыя можетъ удовлетворить только цивилизація. Такимъ образомъ европейскія работы привлекаютъ ихъ съ каждымъ годомъ все изъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей, и благодаря этому, хотя и медленному, но вѣрному процессу, можно надѣяться на совершенное прирученіе дикихъ племенъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Еще о взяткахъ. С. С. ГРОМЕКИ.

Путешествіе Омстеда по приморскимъ южнымъ штатамъ Сѣверной Америки.

Новости польской литературы. П. П. ДУБРОВСКАГО.

Политическое Обзорѣніе.

Смѣсь: Отъ Москвы до Бадена. М. К—АГО.—Памятникъ Гуттенбергу, Фаусту и Шеферу.—Дикіе Индѣйцы въ Чако.

КОДИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ТОЛЬКО НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

ВЪ КОНТОРАХЪ РУССКАГО ВѢСТНИКА:

ВЪ МОСКВѢ

Въ книжной лавкѣ И. В. Базунова,
на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ
Загражскаго, и въ Конторѣ Типо-
графіи Каткова и К^о, въ Армянскомъ
переулкѣ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ С. А. Базунова,
на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ
Энгельгардтъ.

Иногородные адресуются: въ Редакцію Русскаго Вѣстника,
въ Москвѣ.

Цѣна за ПОЛУГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ВО-
СЕМЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ДЕВЯТЬ
РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Печатать позволяется. Іюля 31-го, 1857 года.

Цензоръ *Н. Фенс-Крузе*.

